

ВОЙНА МЕЧА
И СЪОВОРОДКИ

Год 1123 от сошествия яркого пламени

— Как там перепёлки, милочка? Королева голодна и желает поскорее пообедать, — сказала старшая придворная дама, неодобрительно разглядывая рыжую взлохмаченную шевелюру девицы, суетившейся возле жаровни.

— Скоро будут готовы, миледи Бертрис! — бодро отозвалась Эмер, делая вид, что не заметила высокомерного тона.

— Поторопитесь, мы уже преломили хлеб и ждем мясо, — велела леди Бертрис, удаляясь подальше от пышущей жаром походной кухни.

Подбросив на угли несколько веточек розмарина, Эмер прикрыла макушку ладонью, пытаясь хоть так защититься от палящего полуденного солнца, и с завистью посмотрела в сторону большого дерева, в чьей тени расположилась Её Величество королева Элеонора с ближними. Королева восседала на резном креслице, а придворные девицы и дамы расположились вокруг на шелковых подушках, брошенных прямо на траву.

Её Величество желала видеть вокруг только смазливые мордашки, а мордашка Эмер на смазливую в королевских глазах не потянула. И рот широк, и глаза недостаточно большие, и нос вздёрнут совершенно неприлично. Сама Эмер была убеждена, что дело тут не в глазах и не в носе. Просто она оказалась слишком высокой, чтобы гармонично влиться в королевскую свиту. Все придворные дамы были на полголовы ниже королевы — словно гвоздики, аккуратно пристукнутые молотком, а Эмер возвышалась над этими гвоздиками, да и над самой королевой в придачу.

Скорее всего, Её Величество вообще отправило бы долговязую девицу куда подальше, но королева приняла обязательство устроить брак Эмер из Роренброка, поскольку была её приемницей от купели. А слово королева не нарушала ни разу, это все знали. Хотя лучше бы и нарушила.

Эмер подбросила ещё несколько веточек на угли и передвинула сковородку к краю жаровни. Перепёлки уже приготовились, сейчас надо было довести их до ума и не пересушить.

Конечно, с этой работой лучше бы справился бы повар или последний из поварят, но королева вполне определенно сказала, что желает перепёлок, приготовленных руками девицы Роренброк. Совершенно непрозрачный повод удалить прочь и не обидеть. Но Эмер всё равно обиделась. Её пребывание в столице оказалось совсем не таким, как она рисовала в мечтах, отправляясь из родового замка в Тансталлу. Во-первых, жить пришлось в комнате, где кроме неё обитали шесть дев разного возраста, начиная от четырнадцати лет, заканчивая тридцатью (причем, возраст весьма неумело скрывался). Во-вторых, помыться было решительно негде. Баня полагалась раз в неделю, а набегавшись за день по поручениям королевы и старших придворных, Эмер только и мечтала, что о горячей ванне (с тем же самым розмарином). Увы, ванны девицам на побегушках не полагалось. В-третьих, её соседкой по постели (да-да, и постель здесь полагалась одна на двоих) оказалась препротивнейшая девица Остриуд, заносчивая донельзя. Эмер готова была поклясться, что ночью Остриуд из подлости стягивала одеяло на себя и больно толкалась острыми

локотками. Она вся была какая-то острая — начиная от имени, заканчивая носом — тонким и длинным, как у породистой собаки. Эмер невзлюбила её с первого взгляда, но при дворе выказывать неприязнь считалось признаком дурного воспитания. А хорошим тоном считалось сюсюкать и называть друг друга уменьшительными именами. Эмерочка — это впервые сказала именно Острюд, и Эмер убить её была готова. Острюд — ох уж эта остроносая мерзавочка! — сразу угадала недовольство и теперь только так её и называла, заставляя Эмер кипеть от бессильной злобы.

— Перепёлки! — опять позвала леди Бертрис, и Эмер половчее перехватила сковородку через толстую тряпку. За последние дни они с этой неуклюжей посудиною сроднились. Про себя Эмер называла её «двуручной сковородкой», за длинную рукоять — почти в два локтя. При желании можно вообразить, что это самонастоящий меч. Ах, меч...

— Осторожнее! Горячо! Осторожнее! — предупреждала Эмер, спеша к королевскому столу со сковородкой наперевес. Перепёлки жарко скворчали в растопленном сале и благоухали розмарином. Достанется ли ей хоть кусочек этого лакомого мяса?

— Не обожгите никого, девица Роренброк, — леди Бертрис указала на трёхногую подставку, куда полагалось поставить сковородку, и, вооружившись ножом и ложкой, принялась переключивать птичьих тушки на серебряное блюдо.

— Вы прекрасно справились, — милостиво кивнула королева Эмер. — Я чувствую, что еда пахнет великолепно. И вы так быстро всё приготовили, это очень кстати. Мы проголодались.

— К вашим услугам, Ваше Величество, — Эмер, как могла, изобразила поклон, не выпуская рукоять сковородки.

— Я знаю, что на западных островах прекрасно готовят пищу на открытом огне, — прозвенел над поляной голосок Острюд. Говорила она тонко-тонко, сладко-сладко, сопровождая речь изящными жестами. Картинка, а не девица. — И неудивительно, — продолжала картинка, — ведь у них там очаги не складывают, просто разводят костер посреди зала — и готовят. Правда, Эмерочка?

Эмер испытала жгучее желание придушить это воздушное создание, но королева смотрела удивленно, да и остальные придворные заинтересованно уставились на рыжую дикарку с запада, которая даже не знает, что такое очаг.

— Не совсем верно, — ответила она, стараясь говорить дружелюбно. — И про очаг мы знаем, и про камин, и даже про вежливость слышали. И ещё отличаемся умом и не болтаем ерунду всякую перед королевой.

На поляне стало тихо, и только ложка и нож леди Бертрис — клак-клак! — постукивали, переключивая на блюдо перепелок.

— Неужели я обидела тебя?! — воскликнула Острюд и тут же захлопала ресницами, и приготовилась заплакать. — Я ведь сказала, что слышала от милорда Куно, а он прожил на островах три года. Ах, зачем нужно было отвечать мне так грубо? Разве я нарушила правила учтивости?

И конечно же, все принялись её утешать, а Эмер оставалось только стиснуть зубы. Поистине, она теперь скучала по дому точно так же, как всего месяц назад мечтала о столичной жизни.

— Девица Роренброк, подойдите ко мне, — велела Её Величество.

Пришлось подчиниться. Эмер приблизилась к королеве, все еще держа на весу сковородку и с чрезмерным вниманием разглядывая кусочки сала и обжаренного лука на

закопчённой чаше.

Королева запрокинула голову, чтобы посмотреть девице в лицо. Золотая корона опасно наклонилась, и Её Величеству пришлось придержать рукой знак верховной власти.

— Встаньте на одно колено, — велела она.

Эмер покорно опустилась на траву. Теперь королева могла смотреть сверху вниз, не боясь уронить венценосное достоинство.

— Милая моя, — сказала она страдальчески, — я приняла вас от купели, и проявляю к вам снисходительность. Но благородные девицы не должны говорить так грубо, как вы только что ответили. Учитесь утонченности, иначе жених и его семья не будут вами довольны. А это не нужно ни вам, ни нам. Посмотрите на Остриуд. Она как серебряный колокольчик — и слушать приятно, и выглядит красиво. Вы меня поняли?

— Да, Ваше Величество, — угрюмо отозвалась Эмер, пообещав себе, что никогда не станет похожей на эту манерную острячку.

Остриуд тем временем только что не умирала. Придворные дамы окружили её, наперебой утешая.

Один из гвардейцев приблизился к королеве и поднял с травы платочек, отороченный кружевом:

— Вы обронили, Ваше Величество.

Позже, вспоминая эти события, Эмер так и не смогла понять, что заставило её посмотреть в сторону терновых зарослей. Возможно, то была воля небес, а возможно, ухо уловило шорох, которого она сама не осознала. В любом случае именно она первой заметила лучника, целившегося в королеву. Даже не лучника — его-то как раз невозможно было разглядеть среди белых цветов, а наконечник стрелы.

Тело оказалось быстрее мысли само привычно взметнулось, загородив Её Величество. Выкрашенная в черный цвет стрела звонко клюнула в чашу сковородки. Отбить стрелу сковородкой оказалось сложнее, чем мечом, но похвалить себя за расторопность Эмер не успела, как не успела и королева принять почтительно поданный платок. Из рукава гвардейской котты выметнулся тонкий кинжал. Клинок блеснул на солнце и устремился вперед, суля немедленную гибель.

Эмер ударила по клинку сверху вниз, воспользовавшись уже привычной руке сковородкой. Испорченный бросок не остановил гвардейца, и не вовремя вмешавшаяся девица получила кулаком в лицо. Любую другую это отправило бы прямым на небеса, но — благодарение яркому пламени! — кости у Эмер были крепкие, да и кулак пришёлся вскользь, она успела отшатнуться в последний момент. В глазах всё равно потемнело, но Эмер наугад махнула сковородкой — и попала! От удара по шлему гвардеец рухнул, как подкошенный, уткнувшись лицом в ноги королеве.

Дамы так и не поняли, что произошло, но на всякий случай оглушительно завизжали, а охрана, почтительно державшаяся на расстоянии десяти шагов от кресла королевы, схватила несостоявшегося убийцу и прикрыла Её Величество щитами. Часть гвардейцев окружили терновые кусты, чтобы поймать стрелка.

Эмер оттолкнули в сторону, и она тяжело села на траву. Ноги дрожали, как всегда было после напряжённых тренировок, но сердце дрожало ещё сильнее. От терновника раздались крики: гвардейцы окружили стрелка, но тот не дался им в руки.

— Воткнул себе в шею нож, сэръ Винсент, — отчитался один из солдат, подбежав к капитану, который с мечом наголо охранял королеву.

На лужайку за ноги выволокли труп, бросили рядом лук и три стрелы.

— Вы опоздали со своей защитой, капитан, — холодно произнесла королева, бледная, как льняная простыня. — Что толку теперь меня прятать, если враг повержен?

— Убийца может быть больше, Ваше Величество! — не согласился сэръ Винсент. — Вам лучше немедленно вернуться в замок.

— Прежде всего, позаботьтесь о моих дамах, — королева посмотрела на Эмер. Та по-прежнему сидела на земле, осторожно трогая щёку, которая распухла со страшной скоростью.

К поверженному противнику скользнула фигура в коричневой рясе. Королева была набожна и всегда таскала с собой кучу священников. Один из них и подошёл к убийце в гвардейской котте, и смело перевернул его вверх лицом. Худощавая рука с желтоватой кожей надавила на шею, прощупывая пульсацию крови, потом нажала большим пальцем на верхнюю губу, а потом оттянула нижнее веко.

— Он мёртв, — сказал священник, поднимая голову. — Мастерский удар. Будь у неё в руках меч, снесла бы половину черепа. Жаль.

Кроме Эмер, священника вряд ли кто-то услышал. Гвардейцы готовились сопроводить королеву в замок, придворные дамы бестолково суетились, слуги поспешно собирали одеяла, подушки и запихивали провиант в корзины.

Зато Эмер слышала. И вздрогнула от ужаса, глядя на служителя яркого огня застывшим взглядом. Ей никогда ещё не приходилось убивать человека, и теперь она лихорадочно соображала, героиней она оказалась или грешницей. И если заставят каяться, то не слишком ли суровым будет покаяние? Капюшон коричневой рясы соскользнул назад на два пальца, и девушка увидела лицо священника. На вид ему было лет сорок, и он был некрасив, как только может быть некрасив человек. Крючковатый нос, маленькие глаза с набрякшими нижними веками. Неправильный прикус, выдвинувший нижнюю челюсть вперед, придавал ему свирепое выражение, а нездоровая желтоватая кожа в красных прожилках делала мужчину похожим на оборотня из детских побасенок. Таким жить на краю болота и заманивать редких путников, чтобы съесть их с потрохами.

Как ни странно, священник смотрел не на королеву, а на Эмер, и та почувствовала себя ягнёнком перед волком. Оценивающий взгляд мазнул по ней, как лёгкая шёлковая ткань, и Эмер даже ощутила холодное прикосновение. В следующее мгновение, священник опустил капюшон и удалился с поклоном.

Королеву умчали в замок в сопровождении почти всех гвардейцев, и придворным дамам пришлось добираться самим. В распоряжении было три повозки, их загрузили до краев. Несколько особо нежных дам пожелали упасть в обморок, но когда их схватили за руки и за ноги, чтобы перенести в повозки, обморочные тут же пришли в себя и пожелали передвигаться без чужой помощи.

Эмер отказалась ехать, хотя и звали, и предпочла идти следом за караваном. Ничто так не помогает придти в себя, как долгая прогулка. Теперь, когда волнение по поводу покушения на королеву немного поутихло, девушка всё сильнее ощущала боль и то и дело касалась щеки. Просто чудо, что не попало по челюсти. Хороша бы она была ещё и без зубов, в довершение к рыжим кудрям, великанскому росту и отсутствию изящества.

К ней незаметно подошла одна из придворных девиц. Эмер даже вспомнила её имя — Аудовера, приехала в столицу откуда-то с севера. Белобрысая и бледнокожая, с глазами светло-серого цвета. Северяне славились высоким ростом и могучим телосложением, но

Аудовера была сущей гномицей — маленькая, тощая, с постоянным выражением унылости на крохотном личике. Но сейчас щёки гномицы разрумьянились, и глаза блестели.

— Ты такая сильная! И ловкая! — осмелилась сказать она, задирая нос-камешек. — Где ты научилась так владеть мечом?

— Мечом? — Эмер невольно оглянулась, не услышал ли кто. — Да ты с ума сошла, малютка.

Аудовера захихикала и взяла Эмер за руку. Девицы любили прогуливаться, держась за руки или обнимая друг друга за талии. Эмер подобной чести ещё не удостоивалась. И хотя ей было смешно и противно идти держась за ручки, как девочки-малолеточки, она не отстранилась. Всё-таки в первые девица из свиты королевы проявила к ней внимание.

— У меня пять старших братьев, — продолжала между тем белобрысая коротышка, — и я прекрасно вижу, что ты дралась, как они. И мозоли у тебя на ладони такие же...

Эмер запоздало отдернула руку, про себя изругав Аудоверу за проницательность, но девица схватила её под локоток, твёрдо намереваясь идти рядом.

— На твоей родине все женщины могут сражаться? — спросила она.

— По-правде сказать... не все... — промямлила Эмер, не зная, что ответить. Не бухнешь же вот так прямо: мол, магушка грозилась меня выпороть, чтобы кожа на заднице слезла, если ещё раз подойду к рыцарским казармам, но я всё равно ходила, да ещё и уговорила старого Мэта, чтобы научил обращаться с мечомикинжалом, и в седле ездить по-мужски.

Но Аудовера поняла её по-своему:

— Как я тебе завидую! — воскликнула она. — Раньше у нас тоже женщины умели обращаться с оружием, но потом это стало неприличным, — она повторила слово, явно передразнивая кого-то. — Неприлично — это любимое изречение моей тёти, она у нас в семье старшая. А я бы так хотела научиться драться на мечах!..

Эмер посмотрела на коротышку с весёлым недоумением, представляя, как бы она смогла управиться с мечом, который был чуть ли не больше её самой.

— А ты такая же сильная, как и мужчины. Конечно, послабее моих братьев, — Аудовера окинула Эмер оценивающим взглядом, — но всё равно, не то, что я... — она печально вздохнула.

— Хочешь стать сильнее? — спросила Эмер, которую охватило озорство. — Есть средство.

Аудовера уставилась на неё, как будто увидела второе пришествие яркого пламени. Она даже остановилась, покраснев, как рак, и тихо спросила:

— Есть? Ты меня не обманываешь?

— Зачем мне? Знаешь лестницу у водопада, в королевском саду?

— Ту, в которой сотня ступеней?

— Да. Если ты на заре, каждый день, и в дождь, и в снег, и в мороз, и в жару, будешь трижды подниматься на неё, то небеса даруют тебе силу.

Девица мучительно размышляла над рецептом. Ей и хотелось верить, и она боялась подвоха. Машинально она обхватила Эмер за талию, для этого ей понадобилось поднять руку на уровень своей груди. Это не укрылась от взгляда Острюд, которая давно уже поглядывала в сторону странной парочки.

— Посмотрите! — тут же возопила она. — Когда ещё увидишь такое? Маяк и спичка идут рядом!

Маяк — такое прозвище она дала Эмер за рыжие волосы и высокий рост. Дразниться перед королевой и старшими придворными насмешница опасалась, зато когда поблизости не было никого, кто мог бы сделать замечание, давала острому языку волю.

В этот раз её постигла неудача — перепуганные девицы шутки не оценили, Аудовера не обратила на Остриуд внимания, обдумывая средство обретения силы, а Эмер только мазнула по шутнице взглядом, словно не услышав обидных слов. Остриуд надула губы и уселась спиной к бортику повозки, чтобы не видеть рыжую башку и не портить кровь понапрасну.

— Так просто? — спрашивала тем временем Аудовера. — И это подействует?

— Просто?! — Эмер усмехнулась правым углом рта, левую сторону лица она берегла от любого движения. — Ты сначала попробуй. У тебя кости затрещат в первый же день. Многие не выдерживают... — заметила она как бы между прочим, и не прогадала — белёсые глазёнки Аудоверы загорелись.

— Я точно выдержу! — с жаром сказала она. — Мои предки были мореходами. Я такая же по духу и выдержу всё!

— В добрый путь, — подбодрила её Эмер.

До замка они болтали, как старые друзья, а когда оказались под сводами Драконьего Крыла, два гвардейца подошли к Эмер и приказали следовать за ними, согласно приказу Её Величества.

— Поспеши! — шепнула Аудовера и ткнула Эмер в бок сухоньким кулачком. — Наверняка, она наградит тебя!

Остриуд тоже не смогла остаться в стороне и съязвила:

— Сейчас Маяк засияет с Драконовой Шеи!

Но ей опять не повезло — дамы обсуждали покушение на королеву и мало кого слушали кроме самих себя, гвардейцы попросту не обратили внимания на болтовню одной из девиц, а Эмер даже ухом не повела и пошла за солдатами так гордо, словно родилась принцессой крови. Осанка у неё была величественная, и поступь упругая, и нос она задирала прямо к солнцу.

— Ей только и стоять на берегу, и даже огонь на макушке разжигать не надо, — прошипела Остриуд, давась злобой и завистью.

Пройдя за гвардейцами вдоль восточного крыла и поднявшись по винтовой лестнице, Эмер очутилась перед Драконовой Шеей — крытой галереей от одной башни до другой. Сюда дозволялось заходить только избранным, по личному разрешению королевы. Гвардейцы остались возле лестницы, и дальше девушка отправилась одна.

Она медленно шла по мозаичному полу, на котором из черных и белых камешков были выложены изображения цветов всех видов, форм и размеров. Мозаика была чёрно-белой, но разноцветные витражные стёкла окрасили каменные растения в цвета радуги, как в священных книгах, описывавших небесный луг скопищем прекраснейших цветов, объятых разноцветным огнём.

В конце галереи находилась простая дубовая дверь, не резная, без украшательств металлическими пластинами, без позолоты. И даже шляпки гвоздей, торчавшие из досок, были обыкновенными, железными. Эмер толкнула её и оказалась лицом к лицу с королевой. Её Величество сидела у распахнутого окна, всё ещё бледная, но с твёрдостью во взоре. В комнате не было ни охраны, ни слуг, и Эмер поняла, что разговор предстоит серьёзный.

— Подойди, — велела королева, — и сядь вот здесь, у моих ног.

Устроившись на скамеечке, Эмер изучала королевские туфли, видневшиеся из-под подола платья. Сейчас королева заговорит о покушении, станет благодарить...

Но Её Величество сказала нечто иное:

— Скоро приедет твой жених, и тебе надо будет понравиться ему. И его родственникам тоже.

Эмер невольно облизнула пересохшие губы. Она убеждала себя относиться к свадьбе, как к чему-то стихийному — граду там, или буре. Всё равно случится, и когда случится — ничего не поделаешь. В конце концов, все девицы выходят замуж. И не всем достаются красивые и обходительные мужья. Кому-то везёт меньше. Но это лучше, чем прозябание старой девой, когда нос не смеешь высунуть из родительского дома, опасаясь насмешек. Или смертельно скучная жизнь в монастыре, куда могут отправить с глаз долой заботливые родственники.

И всё же, думая о женихе, она испытывала, примерно, такое же чувство, как если бы села на муравейник. Оставалось только молиться, чтобы будущий муж оказался не слишком старым и не слишком ворчливым. А если уж совсем мечтать, пусть бы любил охоту, скачки, лошадей и собак, и ей не запрещал бы это любить.

— Ваш жених — очень достойный молодой человек, — говорила королева нараспев.

«Молодой! И на том спасибо», — подумала Эмер, а вслух сказала:

— Благодарю, вы так добры.

— ...он обучался в Клайфорде. Очень умён, образован и воспитан. Теперь, узнав вас получше, я понимаю, что не ошиблась с выбором. Вы будете прекрасной парой. Ведь супруги должны дополнять друг друга. Сегодня ты продемонстрировала не совсем те качества, которые мужчины хотят видеть в будущих жёнах. Поэтому хочу попросить тебя не совершать ничего подобного, когда твой жених приедет.

Эмер затосковала, слушая такие речи, но осмелилась спросить:

— А имя моего жениха вы намерены хранить в тайне до самого его прибытия, Ваше

Высочество?

Королева тихо засмеялась, понимая её нетерпение.

— Нет, не намерена. Его зовут Ранульф Ишем.

Имя Эмер понравилось — сильное, яркое. Хорошобы и жених оказался под стать имени. А вот род Ишемов был ей незнаком. Спросить напрямик она побоялась, чтобы не быть уличённой в окончательной необразованности. Но королева тут же просветила её, умышленно или нет.

— Ишемы — довольно молодое семейство, — сказала она. — Их дед вышел из простых торговцев — торговал солью на побережье. Но за заслуги перед страной и помощь королю Сэдрику им был пожалован баронский титул. Сейчас они ведут торговые дела со всеми нашими соседями. Их семья очень богата. Конечно, ваш род и древнее, и покрыт славой, и даже короли у вас имелись в предках, но будем говорить откровенно, моя девочка. Роренброки всегда думали только о себе и занимались только войной. За столько веков они не прирастили земель, не разбогатели, да и налоги от вас поступают с перебоями. А Ишемы — на них можно положиться. Их слово, как золотой слиток. Твёрдо и надёжно.

«Золото — слишком мягкий металл, — подумала Эмер. — И его можно погнуть пальцами, если пластина слишком тонка, или пальцы слишком сильны».

Вслух она ничего подобного сказать не осмелилась, но и не особенно расстроилась. Родовой спеси у неё не было, а жизнь в Роренброке в окружении простолюдинов не раз доказывала, что и среди конюхов, крестьян и рыбаков есть достойные люди. Возможно, даже более достойные, чем некоторые аристократы. Правда, она никогда не встречала достойного торговца... Но вдруг этот окажется первым?

Далее последовали долгие нравоучения, как следует себя вести благородной девице, дабы произвести приятное впечатление. Подробными советами Эмер была сыта по горло, откровенно скучала и не запомнила ни единого слова. Когда Её Величество соизволила закончить разговор, Эмер постаралась не радоваться слишком явно. Но на пороге королева её окликнула.

— Ты пострадала за меня, — сказала она напоследок. — Поэтому заслуживаешь отдыха. За дверью тебя ждёт дама, которой я поручила заботиться о тебе следующие два дня. Потом вернёшься и будешь представлена жениху, он как раз прибудет. Иди.

Сказав слова благодарности и прощания, Эмер попятилась к двери, кланяясь через каждые три шага. Она заранее была недовольна дамой-нянькой. Сейчас появится очередная леди Бертрис, и два дня отдыха превратятся в два дня мучений.

Но на Драконовой Шее её ждала не чопорная леди средних лет, а Айфа. Прекрасная великолепная Айфа, старшая сестра, которая в прошлом году вышла замуж за лорда Демелза.

Радужные пятна витражей окружали леди Демелза колдовским сиянием, да и сама она — стройная, прямая, как спица, в простом чёрном платье, с поясом из золотых пластин, выглядела, как самонастоящая колдунья.

Эмер давно не видела её, и теперь ни восхищение перед талантом сестры, ни страх перед магическим даром не помешали ей броситься Айфе на шею.

— Айфа! Как же я рада тебя видеть! — завопила она, обнимая сестру

Та сдавленно всхлипнула и поспешила освободиться от слишком крепких сестриных объятий.

— Чуть кости не переломала, медведица, — пожурила она Эмер, потирая ключицы, но длинные глаза лучились радостью.

Эмер разглядывала её с удовольствием. Пожалуй, Айфа стала ещё красивее, но так и осталась ни на кого не похожей. Наряд её вовсе не соответствовал великолепию королевского двора, и причёска была строгой и скромной — тёмные волосы заплетены в две толстые косы, уложены кольцами вокруг ушей, переброшены на спину и там перевиты золотой тесьмой. Но вместе с тем Айфа не потерялась среди разнаряженных придворных, когда сёстры спустились в общий зал. Она плыла через пёструю толпу со спокойным достоинством, как чёрный лебедь сквозь стаю диких уток и селезней. Перед ней почтительно расступались и боязливо приветствовали, а она отвечала рассеянным кивком, занятая беседой с сестрой.

Эмер чувствовала себя рядом с Айфой даже не уткой, а серой цаплей. Она всегда благоговела перед старшей сестрой, а теперь её благоговение возросло втрое. Вот ведь счастливица! Красота Айфы покоряла людей вернее, чем полк со знамёнами, и колдовской дар был тут ни при чём. Хотя и он, конечно, играл свою роль. Но такой надо родиться по благословлению небес.

— ...поживёшь у нас, как раз успеем сшить венчальное платье, — говорила Айфа глубоким медовым голосом, низким и тягучим, как патока. Этот голос обволакивал и лишал воли, оставляя лишь слепое восхищение перед великолепием говорившей персоны. — Матушка приедет перед свадьбой. Написала, что не хочет оставлять Роренброк надолго, но обязана приготовить тебя к таинству венчания.

— Как же... не хочет... — пробормотала Эмер. При упоминании о леди Дерборгиль колдовской плен тут же ослабил хватку. Наверное, мать обладала каким-то особым, куда более мощным колдовством, хотя в роду с её стороны волшебников не было и в помине. — Уверена, что матушка приедет за неделю до торжества и сведёт меня с ума стенаниями и упрёками.

Айфа скупно улыбнулась:

— Никуда от этого не денешься, дорогая сестра. Но у меня кое-что для тебя есть. Может, хоть это примирит тебя с приездом матушки? — она повела точёной рукой, показывая на фигурку в синем, притулившуюся возле колонны.

— Сесилия! — Эмер тут же узнала девушку, стоящую во дворе замка и испуганно посматривавшую на придворных, деловито сновавших туда-сюда.

Ей тоже досталась порция медвежьих объятий, потому что видеть девушку Эмер была рада ничуть не меньше, чем Айфу. Сесилия была одной из немногих, кто любил и терпел вторую девицу Роренброк. Она воспитывалась под опекой леди Дерборгиль, была дочерью безземельного рыцаря и прислуживала сначала дочерям графини, а потом и самой графине. Но Эмер никогда не относилась к Сесилии, как к прислуге.

— Ты приехала на мою свадьбу, домоседка? — спросила Эмер, выпуская Сесилию из объятий.

— Ничуть не изменилась! — сказала Сесилия. — У меня в глазах потемнело, как ты меня сдавила, — и вскрикнула, указывая пальцем. — Что за ужасный синяк?!

— Нас ждёт карета, — сказала Айфа. — Поговорим о синяке там.

— Сначала мне надо забрать кое-что из вещей, разреши, я быстренько сбегаю? — Эмер просительно склонила голову к плечу и тут же умчалась. Вернулась она и правда быстро, неся под мышкой сундучок.

— Тебя не будет в замке два дня. Я дала бы тебе всё необходимое, — Айфа взглянула на сундучок, недоумевая, что важного может там находиться.

Пока ехали до дома сестры, Эмер в красках расписала подробности битвы у терновых кустов. Сесилия испуганно ахала, Айфа слушала, полуприкрыв глаза.

— Королева наградила тебя? — Сесилия даже подпрыгивала от нетерпенья.

— Ага, вот и орден! — пошутила Эмер, касаясь пальцем щеки.

— А как получилось, что убийца засел в терновых кустах? — спросила вдруг Айфа. — Разве гвардейцы не разведали местность, прежде чем разбить лагерь?

— В том-то и дело, что разведали, — сказала Эмер и замолчала.

— Но если на королеву покушался кто-то из личной охраны, то в этом нет ничего удивительного, — сказала Айфа и открыла окошечко кареты, чтобы полюбоваться на Тансталлу. — Давно здесь не была. Посмотрите, сколько купцов с востока. Все дамы сошли с ума из-за парчовых вышитых тканей. Я привезла несколько локтей жёлтой парчи специально для тебя, Эмер. А то с тебя хватит — пойдешь под венец в моём перешитом платье.

Слова Айфы, брошенные, вроде бы, мимоходом, посеяли в душе Эмер тревогу. Остаток пути она была молчалива и задумчива.

Небольшой, но уютный дом на окраине столицы, в благопристойном квартале, но вдалеке от суеты, был увит плющом и хмелем. Лорд Демелза ещё находился в королевском замке, и никто не помешал хозяйке показать гостям комнаты, библиотеку и небольшой зал для приёмов.

— Я поселю вас в одной комнате, — сказала Айфа девушкам, — чтобы вы вдосталь наболтались. Сесилия, проследи, чтобы собрали к столу и не беспокоили нас. Я давно не видела сестру, хочу поговорить с ней.

Сесилия поняла намёк и удалилась с поклоном. Но Эмер осталась недовольна.

— Зря так обращаешься с ней, — упрекнула она Айфу. — Для меня Сесилия — как родная сестра.

— Но она — не родная сестра. И не должна забывать своего места. А теперь идём, не хочу слышать про Сесилию, хочу слышать только о тебе и о Роренброке.

Она проводила Эмер в небольшую, но богато обставленную комнату. Судя по наличию старинных книг, комната принадлежала самой хозяйке дома, но теперь она любезно уступила её сестре.

— Очень мило со стороны Её Величества отпустить тебя к нам.

— Старуха просто избавилась от меня, — фыркнула Эмер, с размаху усаживаясь на кровать, застеленную шкурой снежного барса. — Мой синяк вводил бы её в ступор всякий раз, когда бы я попадалась ей на глаза.

Служанки принесли чашку с колотым льдом и несколько полотняных салфеток. Айфа отослала служанок, помощницы ей были не нужны, и сама завернула в салфетку пригоршню льда.

— Думаешь, дело только в этом? — спросила Айфа.

— А в чём же ещё? Она бы удалила меня и на неделю, но через два дня приезжает сэр Ранульф Ишем, — Эмер повторила имя с удовольствием, пробуя его на язык, как диковинное лакомство. — К его приезду я должна быть в королевском замке, в лентах и цветах, как новогодний жареный поросёнок.

— Два дня отдыха — это мало, синяк не пройдёт, — сказала Айфа, протягивая сестре мешочек с колотым льдом. — Приложи к щеке, чтобы не слишком сильно отекла. Хотя, уже ничего не поможет. На тебя, действительно, страшно смотреть. Я понимаю Её Величество.

— Маяк с подбитым глазом... — пробормотала Эмер, прикладывая лёд к лицу и морщась от боли.

— Не волнуйся, синяк на время встречи с женихом я спрячу, — пообещала Айфа, прищуривая длинные глаза и пронзая младшую сестру одним из тех взглядов, что проникают до сердца и печени. — Главное, не делай резких движений, чтобы не разрушить иллюзию.

— Хорошо, если так, — меланхолично заметила Эмер. — Может, он хотя бы не испугается, увидев меня.

— Заплачь ещё, — посоветовала Айфа. — Ты очень миленькая. Твой жених будет доволен.

Эмер только вздохнула.

— Ну что за хандра? — Айфе надоело играть роль доброй няньки, но и сестру было жалко. — Почему ты такая грустная? Хочешь, погадаю тебе?

Сестра встрепенулась, и глаза её наконец-то заблестели. В их семье лишь Айфа обладала колдовскими силами, но никогда до сих пор она не предлагала показать свои способности.

— Страшно! — Эмер облизнула губы.

— Не хочешь — уговаривать не буду, — Айфа наполнила колотым льдом вторую салфетку и поменяла Эмер холодильник на щеке.

— Хочу, но... страшно.

— Да, колдовство — оно не для робких, — усмехнулась Айфа.

Усмешка получилась мрачной, и Эмер затрепетала. С тех пор, как старшая сестра вышла замуж, она переменилась. Не было уже той своенравной девицы, которую она помнила по играм в Роренброке. Всё в ней — и жесты, и взгляды, и улыбки неслоотпечаток тайных знаний. И сама Айфа была, как затаённая угроза. По крайней мере, Эмер так чувствовала. Она-то за всю жизнь не прочитала и пяти книги поэтому благоговела перед Айфой, которая знала столько, сколько ей и во сне не могло присниться.

— Хорошо, давай погадаем, — сказала она хрипло.

— Садись, — Айфа кивнула на стул у зеркала. На стуле лежала подушечка из тех новомодных восточных вещиц, что начали проникать в жизнь эстландской аристократии. По парчовой ткани летели удивительные огненные птицы, вышитые золотом и алым шёлком. Айфа взяла подушечку и не глядя швырнула на пол.

Эмер почти с отчаянием проследила взглядом за дорогой вещицей, брошенной так небрежно, и на тряпичных ногах подошла к туалетному столику, где в раме из морёного дуба красовалось большое овальное зеркало. Такое зеркало стоило не одну сотню золотых, но муж у Айфы был богатый и не скупился на подарки. Отражённая в хрустальной поверхности комната немного искажалась, придавая таинственности. Где-то там, по ту сторону рамы, существовал особый мир, в который Айфа могла заглядывать без труда, а она, Эмер, могла только прилепиться к её умению.

— Смотри в зеркало, молчи и запоминай, — голос Айфы стал вкрадчивым. — Пока молчишь, тебе будет открываться будущее. Но едва скажешь хоть слово, колдовство рассеется.

Она зажгла две маленькие курильницы и поставила их справа и слева от Эмер. Синий дым, ароматный и густой, окутал её, словно покрывалом. Голова закружилась, но сознание оставалось ясным. Налив родниковой питьевой воды в чашу, Айфа достала из сундука флакончик из алебаstra, вынула пробку и капнула несколько капель тёмной жидкости в чашу. Вода помутнела, погелубела, а потом заиграла масляной радугой.

Обойдя Эмер трижды посолонь, Айфа вполголоса напевала непонятные заклинания, склонившись над чашей. Потом протянула руки над головой сестры и выплеснула радужную воду на поверхность зеркала. Брызги попали на лицо Эмер, и она на секунду зажмурилась, а когда открыла глаза, в зеркале появились неясные образы. Они перемещались тёмными пятнами постепенно обретали ясность.

Одно дело — слышать о колдовстве, и совсем другое — увидеть его воочию. Язык Эмер прилип к нёбу, а в горле пересохло. Боясь пошевелиться, она смотрела в зеркало, но не видела ни своего отражения, ни отражения Айфы. Радужная плёнка затянула всю поверхность стекла, а потом появилась движущаяся картина. Это был рыцарский турнир, тут Эмер не могла ошибиться, хотя и видела турнир лишь однажды. То есть, наяву — однажды, но во сне — почти каждую ночь.

Это был большой и пышный турнир. И даже королева сидела в ложе, украшенной лентами и цветами. Королева выглядела совсем, как сейчас, и Эмер решила, что предсказание относится к недалёкому будущему. По ристалищу гарцевала кавалькада рыцарей. Маленькие фигурки в плащах и разноцветных коттах чинно следовали парами. У замыкающего колонну волосы так и горели на солнце начищенной медью, и в этом рыцаре, восседавшем на гнедом жеребце, Эмер с удивлением и восторгом узнала саму себя. Это была она! В кольчуге, с мечом у пояса, держащая шлем на сгибе локтя. Эмер из будущего широко улыбалась зрителям, и те радостно махали руками в ответ.

Внезапно по поверхности зеркала пробежала дрожь, как бывает, когда бросаешь камень в озеро. Изображение турнира померкло, и его сменила другая картина. Эмер снова увидела себя — с распущенными встрёпанными волосами, в одной ночной рубашке, склонившуюся над спящим мужчиной. Видение продолжалось несколько мгновений, и разглядеть спящего Эмер не успела. Заметила только обнажённую мускулистую грудь — широкую, как доска.

Наверное, будущий муж. По телу прокатилась горячая волна. Красивый муж — это подарок судьбы! Какое замечательное предсказание! А она-то, дурочка, боялась!

Но зеркало показало ей следующую картину. Близко-близко Эмер увидела собственное лицо. Но оно не было её отражением, а было повёрнуто поперек рамы. Глаза той Эмер были закрыты. Спала она, что ли? Изображение почему-то сотрясалось, и сначала Эмер не могла понять, в чём дело. Но вот лицо медленно поплыло назад, и стало ясно, что она лежит на полу, головою на коленях какого-то мужчины, который встряхивает её, будто заставляя пробудиться. Проклятое зеркало показало мужчину со спины, вот незадача! Зато хорошо был виден мозаичный пол — скопление рыб и морских гадов на чёрном фоне. Конечно же, это тронный зал! Эмер ни разу не была там, но столько рассказов ходило о прекрасном убранстве, чудесной мозаике и колоннах высоких, как самые высокие сосны! В это время голова зеркальной Эмер как-то странно свесилась.

— Небесное пламя! — воскликнула настоящая Эмер, торопливо осеняя себя знаком огня.

Зеркало полыхнуло радужным сполохом, померкло и приняло обычный вид. По его поверхности медленно стекали жирные масляные капли. Айфа затушила кадилаицы и зажгла ещё пару свеч.

— Что же ты закричала? — спросила она, вытирая зеркало чистой ветошью.

— Ты видела то, что видела я? — спросила в ответ Эмер.

— Нет, это могла видеть только ты. Но я надеюсь, ты мне расскажешь? Было что-то плохое? — она встревожено посмотрела на младшую сестру.

— Н-нет, — принудила сказать себя Эмер. Несмотря на всё своё безрассудство, она понимала, что нельзя брякнуть: видела, мол, как умру молодой в тронном зале. — Только хорошее. Я видела свадьбу.

— Свою?

— Да, но жениха не разглядела. Вернее, не всего разглядела. Но судя по телу, он красив.

— Судя по телу? Сестрёнка, ты разглядела его тело на свадьбе?

— О! — Эмер попыталась собраться с мыслями.

Айфа проницательна, если она что-то заподозрит, придётся выкладывать начистоту. — На самом деле, это была не совсем свадьба. Что-то после свадьбы, — она притворилась смущенной, чем страшно развеселила сестру.

— Так ты видела первую брачную ночь, крошка Эмер?

— Вообще-то я выше тебя на голову и три пальца. Да, это была ночь. Он лежал в постели, а я рядом. Скажи-ка, а твои пророчества — они всегда сбываются или как? Можно ли что-то изменить в будущем? Или вот увидел, и теперь хоть тресни, но случится?

Айфа устремила на неё тёмный загадочный взгляд и некоторое время молчала.

— Я не знаю, — сказала она. — Наверное, можно, потому что для небесного пламени нет ничего невозможного, и если сильно чего-то хочешь, то это случится. Но будет ли это полезным для тебя?

«Несомненно, будет», — подумала Эмер. Но страх уже цеплялся за сердце холодными каменными пальцами, и сжимал, сжимал до боли. Эмер встряхнула рыжей гривой. Пока она жива — не надо раскисать. «Верность и надежда!» — именно так написано на гербе Роренброков. И Эмер собиралась следовать девизу, как и подобает благородному рыцарю. То есть, рыцарем она не была. Вернее, была — но по духу. А это гораздо важнее, чем формальное посвящение. Ей припомнилось видение рыцарского турнира, и душа затрепетала, словно услышав звук трубы.

— Ты задумалась, — Айфа тронула её за плечо, и Эмер подскочила, как ужаленная. — Что тебя так поразило? Красивый мужчина или нечто иное?

— Айфа, а это твоё зеркало... Оно показывает только то, что будет? Или может показывать, к примеру, мечты?..

Она ждала ответа всем существом.

— Бывает, что показывает и мечты, — разочаровала её сестра. — Если желание слишком сильное, то оно может показаться реальностью.

Эмер вздохнула. Конечно, это мечты. Женщина — рыцарь! Обхохотаться можно. Даже мечтать об этом смешно. Она заставила себя отбросить грустные мысли и начала длинный рассказ о матушке, сёстрах, брате и Роренброке. Они с Айфой проговорили не меньше двух часов, пока Сесилия не постучалась в двери, объявляя, что милорд прибыл, и ужин ждёт.

Лорд Демелза пожелал трапезничать в своей комнате, и ужин в дамской компании прошёл весело. Сесилия вспоминала детские проказы, и Эмер с удовольствием хохотала во весь рот. Как приятно позабыть о придворных условностях и отдохнуть в кругу близких. После ванны с розмарином — о, розмарин! — Эмер и Сесилия отправились в отведённую им комнату, где уже были постланы постели.

Сесилия тут же юркнула под одеяло, блаженно вытягиваясь — она устала и от долгой дороги, и от волнений в королевском замке. После вкусного и обильного ужина клонило в сон, но спокойному сну не суждено было сбыться.

— Что это ты делаешь, позволь спросить? — поинтересовалась она, когда Эмер

вытащила из сундучка мужские штаны и полинялую котту, которые, бывало, носила в Роренброке. — Зачем ты притащила в столицу это тряпье?

Не отвечая, Эмер сбросила платье и принялась натягивать штаны. Потом наступила очередь котты, и Сесилия встревожилась окончательно.

— Куда ты собралась?! Ведь уже ночь!

— В Нижний город, — ответила Эмер, перетягивая котту широким кожаным ремнём.

— Зачем? — Сесилия с удивлением наблюдала за превращениями благородной девицы в уличного бродягу.

Эмер повязала волосы платком, чтобы скрыть пышную шевелюру, и нахлобучила сверху войлочную шапку с потрепанными и обвисшими полями, а потом вытащила из сундука деревянную коробочку с прорезанными в крышке крохотными отдушинами.

— Нет! — взвизгнула Сесилия. — Леди Эмер, ты не посмеешь!

— О чём это ты? Вот он, Красавчик Женераль! — гордо объявила Эмер и приоткрыла крышку, хвастаясь своим сокровищем. Внутри коробки сидел большой жирный таракан. — Что значит — не посмею? Разве для того Красавчик Женераль проделал такой долгий путь? Нет, он просто обязан поучаствовать в тараканьих бегах.

— Никуда ты не пойдешь! Я всё расскажу леди Демелза!

— Тише! — Эмер захлопнула крышку и зажала подруге рот, одновременно прислушиваясь, не идет ли кто по коридору. Но в доме было тихо, и на визг Сесилии не сбежались перепуганные слуги или сама Айфа вкупе с мужем. — Что ты раскричалась, дурочка? — попеняла она, отпуская Сесилию. — Красавчик Женераль должен прославиться и принести мне кучу денег. А для чего я столько кормила и тренировала этого глупыша?

Но Сесилия не разделяла её планов.

— Небеса святые! Я думала, ты оставила эти ужасные привычки дома!

— Нет, как видишь, они приехали со мной, — Эмер любовно погладила деревянную крышку. — От тебя требуется лишь открыть окно. Иначе мне придётся просить, чтобы выпустили.

Сесилия пришла в ужас от одной мысли о том, что Эмер заявится под утро, в образе нищего с большой дороги, и начнёт стучаться с парадного входа.

— Но что мне делать, если леди Демелза спросит о тебе?

— Скажешь, что меня скрутило в страшном приступе после жирной подливки, — Эмер похлопала её по плечу. — Или хочешь со мной?

— Что ты! — Сесилия готова была упасть в обморок. — Да я не осмелюсь выйти за ворота! Ведь там столько опасностей...

— На самом деле, там только одна опасность — попасться на глаза кому-нибудь из старших придворных. Но я надеюсь, они не бегают в Нижний город по ночам, и вряд ли госпожа королева захочет посетить тамошние притоны, чтобы поглазеть на тараканов. А они разные, Сесилия. Есть чёрные, и коричневые, и рыжие, и у них такие красивые жирные спинки, а на задках сальце...

— Замолчи сейчас же! — бедная Сесилия позеленела, а Эмер расхохоталась и перебросила ногу через подоконник.

Вскоре, держа под мышкой Красавчика Женераля, Эмер шагала по мостовой, держа путь к церковному шпилю. Ещё будучи в королевском замке, она узнала дорогу в Нижний город и ждала только подходящего случая посетить его прекрасные заведения. И вот, случай предоставлен судьбой, и им грех не воспользоваться.

Едва ли кто-то признал бы в ней девицу, даже если бы каким-то чудом навстречу попала королева. Редкие прохожие и фонарщики видели лишь долговязого парня в поношенной одежде и нелепой шапке, который, насвистывая, шёл в кабак или к какой-нибудь прачке, согласившейся одарить его благосклонностью.

Дом, проводивший тараканьи бега, нашёлся без труда. На одном из двухэтажных строений, на грязной стене был грубо намалёван таракан. Эмер поглубже натянула шапку и толкнула щелястые двери. В тараканьем зале было шумно илюдно. Несколько столов, на которых происходили гонки, окружали игроки и зеваки. Они напирали друг на друга, а порой начинали драку.

Проклятья и вопли радости сливались в чудовищный гул. Запах жареных свиных колбасок смешивался с запахом пота и немытого тела. Здесь, наверное, собрался весь сброд Тансталлы. Впрочем, были тут и знатные господа, их легко узнавали по надменным выбритым лицам и черным плащам.

В углу, на возвышении из перевернутых ящичков, сидел толстяк в жёлто-зеленой одежде. Лицо у него было плоское, угрюмое, но глаза смотрели пронизательно. К нему-то и направилась Эмер.

Выстояв очередь из пятнадцати человек, желающих сделать ставки, Эмер поставила на стол перед толстяком коробку с тараканом и сказала:

— Красавчик Женераль от Жоса Долговязого.

Толстяк окинул её внимательным взглядом и велел:

— Открой.

Эмер приоткрыла крышку коробки, чтобы толстяк мог оценить тараканьего скакуна.

— Ставить будешь? — спросил толстяк, записывая имя таракана и его владельца на папирусе.

— Две серебряные монеты, — Эмер протянула деньги.

— Надеешься выиграть? — толстяк отметил ставку.

Эмер пожала плечами. Не хватало сглазить удачу.

Как она и ожидала, ставить на новичка мало кто решился, и первые два забега принесли ей по пять серебряных монет каждый. Последующие три были не так денежны, потому что Красавчик Женераль обрёл поклонников, желавших поддержать его серебром, но к двум часам по полуночи в кошелёк Эмер переключало двадцать монет. Очень неплохо. Теперь главное — уйти быстро и незаметно. Объявив, что желает промочить горло, Эмер села в уголочке с кружкой пива, а когда тараканий забег перерос в бурное выяснение отношений между хозяевами шестиногих скакунов, выскользнула вон и сразу припустила по переулку к людным улицам Среднего города. Погони не было, и девушка немного успокоилась. Монеты славно позванивали, и Красавчик Женераль был спрятан у сердца. Время от времени Эмер ласково похлопывала по коробке.

Шаги, раздавшиеся позади, заставили её идти быстрее, но вдруг дорогу ей преградили трое мужчин весьма неблагородного вида — все в обносках, широкоплечие и явно не дураки подрасться. У одного даже синяк красовался под глазом, совсем, как у неё. Ещё, поди, и ножи припрятаны за голенищами сапогов.

— Подожди, парень, — сказал тот, что с синяком, — потолковать надо.

Толковать с ними стал бы только слепой, а Эмер слепой не была. И слишком самонадеянной тоже. Внутренний голос подсказывал, что сзади её настигали дружки любителей потолковать, и надеяться отбиться от них даже при всей её неженской силе, было

бы отъявленной глупостью.

Она не стала дожидаться появления дружков и нырнула в боковой переулок. Сзади послышался топот сапог и тихая ругань. Эмер бежала, стараясь беречь дыхание — одним небесам известно, сколько придётся удирать. Она петляла, как заяц, ныряя во все подворотни, и вскоре совсем заплутала. Преследователи знали эти улицы гораздо лучше её, и в какой-то момент она услышала голоса впереди. Эмер заметалась возле каменной стены, и вдруг решила — перебросила на ту сторону коробку с Красавчиком Женералем и полезла следом сама. Она ободрала пальцы и ладони, но благополучно перевалилась через стену и рухнула в чей-то двор. Отыскав коробку, она шёпотом попросила у таракана прощения, пообещав, что такого больше не повторится. Конечно, врала бессовестно — ведь предстояло ещё лезть обратно, но Красавчику Женералу знать об этом не полагалось.

За стеной промчались преследователи, а потом стало тихо. Эмер решила выждать. Пусть охотники до лёгкой наживы уйдут подальше. Или совсем бросят искать, если повезёт.

Только сейчас она огляделась, чтобы понять, куда её занесло. Странно, что в Нижнем городе были такие ухоженные и чистые дворы. Наверное, в столице и бедняки жили лучше некоторых лордов. Розовые кусты росли вдоль дорожек, выложенных плоскими камнями, и фонтан в виде раковины серебрился струйкой.

Что-то мокрое и холодное ткнулось в щёку, и Эмер чуть не вскрикнула, увидев перед собой огромного черного волкодава. Он рассматривал её по-человечески умными глазами и грозно скалил зубы, похожие на маленькие кинжалы.

— Собачка, миленькая... — залепетала Эмер, понимая, что попала из болота, да в трясику, — не трогай меня, пожалуйста... Я хорошая...

Волкодав обнюхал её, и девушка боялась даже дышать, не то, что шевелиться. Потом, хвала яркому пламени, псина сочла её неопасной или не заслуживающей внимания, и убралась восвояси. Но не успела Эмер испустить вздох облегчения, как возле фонтана раздались лёгкие шаги и женский голос произнёс:

— Чего я только не делаю ради вас, милорд...

— Ты говоришь, как будто звенит хрустальный колокольчик, милая Кютерейя... — ответил приглушённый мужской голос.

— Почему же я не могу вам отказать...

Эмер закрыла лицо ладонями. Эти колокольчики — и хрустальные, и серебряные, просто преследовали её. Она терпеть не могла любовных слюней и соплей, и теперь жалела, что промедлила убраться из дворика.

— Меня интересует всё, что связано вот с этим... — продолжал мужчина.

Лёгкая возня в темноте, и женщина-колокольчик зазвенела:

— Тисовая ветвь? О, это так опасно, милорд...

— Не поверю, что ты чего-то боишься, милая Кютерейя...

Эмер отняла руки от лица, чтобы посмотреть на небо и подгадать время. Неизвестно, сколько эти голубки проворкуют здесь, а вернуться домой надо до света. Айфа — любящая сестра, но и она не потерпит прогулок по ночам.

Из темноты бесшумно выскочил ещё один волкодав, на сей раз серый. Эта псина повела себя дружелюбнее, чем чёрная, даже не стала скалить зубы и, приласкавшись, потрусилась дальше. Вслед за ней убралась и влюблённая парочка, и Эмер тут же воспользовалась этим, чтобы сбежать. Перебросив Красавчика Женерала, она переметнулась через стену с такой скоростью, будто демоны из преисподней гнались за ней, и попала прямо в лапы старых

знакомых.

— А вот и ты, — объявил тот, который был с синяком, и пнул Эмер в живот.

Она отлетела к стене и свалилась в пыль, пытаясь вдохнуть, но это никак не удавалось. У неё отобрали кошелек и тут же поделили монеты, ругаясь между собой, а Эмер только оставалось надеяться, что грабители забудут про неё.

Надеждам не суждено было сбыться, и она получила ещё один пинок — прямо в рёбра.

— Где таракан, крысёныш? — спросил кто-то.

Эмер ответила бы, но вместо слов из горла вырвался хрип.

— Я его сейчас прирежу. Заставил нас бегать по городу, — сказал громила со шрамом через щёку.

— Успеешь, — равнодушно бросил тип с синяком. — Посмотри, может таракан у него за пазухой.

Чернобородый хотел схватить Эмер за грудки, но она проворно лягнула его и откатилась в сторону — откуда только силы взялись.

— Нет, я его прирежу, — рыкнул он, выхватывая нож из-за голенища.

Нож отразил свет месяца, и Эмер заскребла ногами, пытаясь отползти, и клянясь яркому пламени никогда больше не совершать подобных вылазок, буде приведётся остаться в живых.

— Эй, убери зубочистку, поранишься, — раздался вдруг насмешливый, с ленцой, голос. — И дайте дорогу, сброд!

Из темноты вышли рыцарь и оруженосец. То, что это были именно рыцарь и оруженосец, Эмер поняла сразу. Слишком много она видела и тех, и других за минувшую неделю.

— Не пошёл бы ты... стороной, милорд, — посоветовал разбойник с синяком.

— Мне эта улица нравится больше, — последовал ответ.

— А мне вот рожа твоя совсем не нравится, — объявил чернобородый и бросился на рыцаря с ножом.

Тот легко увернулся от удара и без особых затей приласкал противника кулаком в живот.

Эмер смотрела, как замороженная, забыв даже о боли в рёбрах.

Незнакомый рыцарь был высок — даже выше её, очень стройный, с тонким и породистым лицом. Пожалуй, постарше года на два или на три, но уже отпустил бородку. Наверное, чтобы казаться зрелым. Двигался он легко и гибко, как лесной кот, и в его движениях в помине не было той неловкости, какая обычно бывает у высоких людей. Длинные волосы перетянуты шнурком пониже затылка — с нарочитой небрежностью, но шнурок был из витой серебряной тесьмы. И котта пошита щеголевато, точно по фигуре, с парчовой вставкой на груди.

«Вот такого бы мне мужа», — неожиданно для себя подумала Эмер, с восхищением наблюдая, как рыцарь раскидал грабителей, даже не доставая меч. Его оруженосец, вооружившись палкой, прикрывал господина со спины.

Вдвоем они действовали так слаженно, что смотреть было одно удовольствие. Эмер отползла в сторону, чтобы не попасть под ноги, и не получить ножом в кишки, и любовалась представлением.

Не прошло и четверти часа, как посрамлённые грабители улепётывали, нарвавшиеся не на робкого горожанина, а на крепкого воина, да не одного, а с помощником.

Только тогда Эмер опомнилась и схватилась за саднящий бок.

— Ты цел, человек? — спросил рыцарь без особого интереса. — Проверь, Сибба.

— Какой-то бродяга, — ответил оруженосец, названный Сиббой, толкая Эмер в бок носком сапога и попадая, естественно, по больному месту. — Только не знаю, живой или уже подох. Нет, живой — стонет и шевелится.

— Посмотри, как он, — велел рыцарь, и оруженосец со вздохом присел возле жертвы грабителей.

Эмер оттолкнула его и поднялась, стискивая зубы.

— Все хорошо, благородные господа, — буркнула она. — Спаси вас яркое пламя за помощь.

— Нашел, где шляться ночью, — фыркнул Сибба. — Не ранили они тебя?

— Нет, — сказала Эмер с отвращением, поднимаясь на ноги и оглядывая землю вокруг.

— Деньги потерял?

— Нет.

Она нашарила у стены коробку и первым делом проверила, как себя чувствует Красавчик Женераль.

— А ну, дай сюда! — рыцарь неожиданно выхватил у неё коробку. — Что там?

— Верните, милорд! — взмолилась Эмер, но он уже открыл крышку.

Перепуганный Красавчик Женераль воспользовался этим и рванул на волю так быстро, что в забеге обогнал бы настоящего скакуна.

Рыцарь издал вопль, совершенно не подобающий его строгой красоте, махнул рукой, топнул... и Красавчику Женералю пришел конец.

— Что это?! — спросил рыцарь, заикаясь.

— Это таракан, господин, — ответил оруженосец, ухмыляясь. — Парнишка, видно, участвовал в тараканьих бегах, и ему повезло. А его собутыльникам это не понравилось.

— Тараканьи бега? Какая мерзость! — рыцарь сердито отряхивал котту в том месте, где ещё мгновение назад семенило ножками несчастное насекомое.

Эмер тем временем упала на колени перед дорогими останками, мечтая о чуде. Чуда не свершилось, Красавчик Женераль был мёртв. Она горестно застонала.

— Чего это он? — спросил рыцарь.

— Вы убили его таракана, милорд, — философски ответил оруженосец. — Хороший таракан — ценное животное.

Рыцарь фыркнул.

— Ты играл, мальчишка? — спросил он.

— Да, — буркнула Эмер, пытаясь прикрыться шляпой.

— Ого! Какой у него фингал под глазом! — продолжал потешаться слуга. — Много ли выиграл со своим скакуном?

— Двадцать серебряных монет, — ответила Эмер и добавила угрюмо: — Я могу идти, господин?

Рыцарь некоторое время рассматривал её с презрительным состраданием.

— Иди, — сказал он, наконец. — Нет, постой.

Эмер замерла, боясь оглянуться. Но рыцарь достал из поясного кошелья монету и перебросил оруженосцу:

— Отдай ему деньги. А ты, тараканий погонщик, задумайся о душе. Завязывай с азартными играми, если не хочешь оказаться одной прекрасной ночью в канаве. С

перерезанным горлом.

— Послушай его, — посоветовал Сибба, сунув в руку Эмер монету. — Мой господин плохого не посоветует!

Рыцарь со слугой отправились дальше и вскоре скрылись за поворотом. Эмер смотрела им вслед, хотя делать этого не следовало, но уйти она не могла, как ни старалась. Только когда случайные спасители исчезли из виду, девушка побрела отыскивать дом Айфы. Помятые ребра болели, а в ладони они крепко сжимала подаренную монетку.

Добраться до дома сестры удалось без приключений. Сесилия, как и обещала, оставила окно открытым. Эмер забралась в комнату, умылась, стараясь не шуметь, и скользнула в постель. Умница Сесилия взбила перины и подушки, и даже откинула уголок одеяла, словно желая спокойной ночи. Сама она уже сладко спала, и до Эмер доносилось её ровное дыхание.

Укрывшись одеялом, девушка повернулась на бок, сложив ладони под щеку. Монету она побоялась оставлять на столике и спрятала под перину. Надо было спросить имя того рыцаря. Хотя... к чему имя, если свадьба с лордом Ишемом — дело решённое.

Эмер зарылась лицом в подушку, испытывая жгучее желание поплакать невесть отчего.

Два дня Эмер только и делала, что отдыхала. То есть, вставала с постели только в случае крайней необходимости, отговариваясь тем, что надо набраться сил перед встречей с женихом.

На самом деле, виной всему были помятые бока. Обошлось без переломов, но ходить Эмер могла только кряхтя и семенящей походкой. Узнай об этом Айфа, устроила бы допрос, а дознавшись до истины, наказала немилосердно. Поэтому лучшим выходом было молчать. Сесилия если о чём и догадывалась, то вопросов не задавала, и помогала подруге, чем могла — носила подносы с едой в комнату, развлекала разговором и чтением.

Устроившись так, чтобы виден был город в окне, Эмер вполуха слушала Сесилию, читавшую ей очередную рыцарскую балладу, и крутила в пальцах монету, пожертвованную неизвестным рыцарем.

Монета была золотая и иноземная — с квадратным отверстием посередине. Эмер вертела её в пальцах, любуясь красноватым отливом золота и непонятной вязью по краю. Надпись змеилась только с одной стороны, а с другой был изображён странный зверь — в чешуе, но с мохнатыми лапами и пышной гривой, с рогами, но без крыльев. Зверь изящно изгибал длинное тело и раскрывал клыкастую пасть.

Когда Сесилия не видела, Эмер прижимала монету к щеке и блаженно закрывала глаза. Она не считала себя слишком нежной сердцем, но сейчас ничего не могла с собой поделать. Неизвестный рыцарь держал эту монету в руках. И так получилось, что одним своим появлением, одним взглядом он покорила её вернее, чем вестфальды покорили Эстландию. И дело тут вовсе не в красоте, убеждала себя Эмер. Хотя, красивое лицо — уже половина дела. Красота — божественное проявление, особая милость небес. И Айфа отмечена этой милостью, и незнакомый рыцарь оказался под стать ей. Наверное, он умён, благороден и чист душой. Достанется же кому-то такое сокровище. И она вздыхала снова и снова, а Сесилия в тревоге прерывала чтение, спрашивая, что случилось.

Иногда Эмер испытывала лютые угрызения совести, потому как встреча с женихом и свадьба были неизбежностью, и страдания по другому мужчине яркое пламя расценивало, как грех. Но девушка утешала себя, что это не так уж и грешно — помечтать два дня, когда она ещё никому не принадлежит, и не давала никаких обязательств.

Два дня пролетели быстрее, чем ожидалось, и на день третий в доме, увитом плющом и хмелем, с утра всё стояло вверх дном. Эмер чувствовала это и до последнего тянула с пробуждением, туалетом и завтраком. Сесилия охрипла, понукая её умываться быстрее и быстрее доедать ветчину и варёные яйца, политые горчичным соусом.

Наконец, с трапезой было покончено, и Сесилия понесла поднос с пустыми чашками в кухню. Воспользовавшись одиночеством, Эмер достала заветный золотой и пылко его поцеловала. В первый и последний раз. И загадала, чтобы будущий муж был хотя бы немного похож на рыцаря, спасшего её.

Мечты прервала Сесилия. Она вернулась, держа на ладонях шкатулку драгоценности, присланные леди Демелза невесте.

— Что ты делаешь? — спросила она Эмер. — Почему не одеваешься? Мы не должны опоздать в замок, королева будет сердиться.

— Да, уже собираюсь, — с покорностью вздохнула Эмер, что было так на неё не похоже. — Найдешь мне тонкий кожаный шнурок?

— Шнурок? Зачем?

Эмер промолчала, и Сесилия не стала задавать других вопросов. Она знала подругу лучше, чем ту знали родственники. Если Эмер молчит — из неё и клещами ничего не вытащить, а значит и спрашивать бесполезно. Легче пойти потолковать со статуей.

Шнурок отыскался среди вещей Сесилии, и Эмер в который раз удивилась её запасливости и хозяйственности. Шнурок был тонкий, но прочный, скрученный из вытянутой воловьей кожи — то, что надо. Эмер примерила его на шею, продела в отверстие на монете и завязала крепким узелком, чтобы носить монету вместо кулона. Сесилия смотрела, широко распахнув глаза.

— Будет мне талисманом, — пояснила Эмер и спрятала монету под нижнюю рубашку.

Платьем для невесты и нарядом для венчания озаботилась Айфа, и Эмер была очень благодарна ей за это. Сама бы она надела свой лучший наряд — зелёное блио, о котором Остриуд сказала, что в такой хламиде у неё дома ходят коровницы. Венчальное платье было пошито из голубой ткани, как и полагается по обычаю, но для встречи жениха Айфа велела сшить жёлтое. Жёлтый был не в чести при дворе, королева любила более спокойные и глубокие цвета, но Айфа знала, что делала — платье шло Эмер бесподобно, сгладив и слишком тёмную от загара кожу, и придав волосам удивительный оттенок тёмной меди. Длинные рукава спускались до самого пола — узкие до локтя, расширявшиеся к запястью. Не слишком удобно, зато придаёт фигуре воздушность. Хотя сравнив в зеркале себя и Сесилию, Эмер всё равно осталась недовольна. Рядом с миниатюрной подругой она смотрелась, как оруженосец, обрядившийся в дамское платье.

— Ты прекрасно выглядишь, — искренне сказала Сесилия, но Эмер ей не поверила.

В первый раз, она пожалела, что не похожа на подругу. Вот у той и мордашка маленькая, сердечком, и носик ровненький, как отмеренный по лучинке, и ротик, как горчичное зёрнышко, зато глаза — большие, тёмные. Такой и должна быть женщина.

Она ещё раз хмуро оглядела свою физиономию, на которой фиолетовым цветом красовался синяк, и опять вздохнула. Тем хуже.

Пришла Айфа, осмотрела сестру и кивнула, хотя без особого восхищения.

— Садись на стул, — велела она, — и закрой глаза. И помни: никаких резких движений. Не смейся, не трясись головой. Если не хочешь, конечно же, чтобы жених увидел тебя во всей красе.

Эмер вздохнула в третий раз. Горячая ладонь Айфы легла на лицо, и стало почти непереносимо жарко. Всё продолжалось несколько секунд, после чего Айфа отняла руку и сказала:

— Готово. Можешь полюбоваться.

Эмер взглянула в зеркало и ахнула, поражённая. От синяка не осталось и следа. Уродливая опухоль пропала, и даже лицо посвежело.

— Вы настоящая волшебница, миледи, — прошептала Сесилия, которая наблюдала за превращениями со священным ужасом.

— Пустяки, — заверила их Айфа. — Идемте же, Вольверт ждёт.

Они спустились по лестнице, прошли зал для гостей и вышли во двор. Их уже ждал муж Айфы — лорд Вольверт. В который раз Эмер поразились, насколько неподходящей парой он был для их красавицы Айфы — тощий, бледный, с выцветшими светлыми волосами,

светлыми, почти невидимыми, бровями и воспалёнными глазами без ресниц. Но Айфа смотрела на мужа с почтением и почти с восторгом. И говорила с ним уважительно, даже немного заискивающе. Зато он обращался к ней, как к неразумному, но горячо любимому ребёнку.

Леди расположились в карете, лорду подвели коня. Лорд Вольверт легко взлетел в седло и ласково кивнул жене, когда она помахала ему рукой через каретное окошечко.

— Мне что-то сказать тебе надо, — сказала Айфа, когда карета тронулась, — вроде того, как вести себя с женихом.

Эмер смотрела на нее без выражение с таким несчастным лицом, что Сесилия не выдержала и прыснула.

— Но я ничего говорить не буду, — Айфа старалась говорить серьезно, но это удавалось ей с трудом. — Главное, не смотри на сэра рыцаря таким вот взглядом, как у дохлой рыбы.

Благодаря ее стараниям, Эмер прибыла в замок в приподнятом настроении, а узнав, что жених опоздал и на сегодня встреча откладывается, совсем приободрилась. Впрочем, это не помешало ей поворчать насчет опоздания:

— Не слишком-то он торопится выполнить приказ королевы, — сказала она. — Какое неуважение!

— Может, он боится, что вместо трепетной лани ему подсунут бешеную лисицу, — пошутила Айфа.

— Самое главное, чтобы он не оказался облезлым волком, — парировала Эмер.

— Я разузнала о нем немного, он вовсе не старый и не облезлый. Ему двадцать пять, хорош собой, умен и образован. Леди Гита его видела и осталась довольна.

— Леди Гита подслеповата на оба глаза, — вздохнула Эмер. — И меня всегда пугает, когда говорят — хорош собой. Если ты помнишь, и обо мне говорят, что я хороша. Собой.

— Не мучайся понапрасну. Красота — не самое главное для мужчины. Посмотри на моего мужа. Он почти что уродлив, но я этого не замечаю.

Эмер промолчала, но по выражению ее лица можно было без труда догадаться, что у нее на этот счет другое мнение.

— Ладно, — переменяла Айфа тему. — Ты лучше сейчас же переоденься, иначе это чудесное платье не увидит твоего жениха.

— Совет мудр, — сказала Эмер, оглядывая наряд. — Переоденусь сейчас же.

Но планам её не суждено было сбыться, потому что подошёл королевский мажордом и чопорно, в витиеватых выражениях, пригласил сестёр пройти в тронный зал, где их ожидает Её Величество. Сесилию никто не приглашал, и она робко остановилась возле уже знакомой колонны, но Эмер схватила подругу за руку и несмотря на протесты потащила за собой.

Тронный зал вначале напугал её — не в нем ли она видела себя мёртвой? Но потом успокоила сердце тем, что свадьбы ещё не было, а судя по всему, сначала она должна была увидеть своего мужа, а уже потом умирать. Да и платье на той, зеркальной Эмер, было совсем другое — не желтое. А какое же?.. Девушка напрягла память, вышагивая по полутемным коридорам замка. Пурпурное! На ней было пурпурное платье. Что за безумие — носить пурпур при рыжих волосах? Она дала себе слово, никогда не надевать платьев подобного цвета и после замужества никогда не приезжать в столицу — и всё, предсказание не сбудется, что бы там ни говорило волшебное зеркало.

В тронном зале было полно придворных. Они стояли в строго определённом порядке — женщины слева, мужчины справа. При появлении Эмер, Айфы, и Сесилии, все взгляды

обратились к ним. Эмер почувствовала себя неудобно, сразу позабыв, куда девать руки. Сесилии было легче — она попросту спряталась за неё, как мышонок за сундук. Одна только Айфа вышагивала между шеренгами придворных с величием истиной королевы, не выказывая ни смущения, ни волнения.

Чёрный мозаичный пол отражал свет, как зеркало. Солнечные пятна плясали на стенах, на лицах придворных, на драгоценных камнях в прическах. Мажордом жестом предложил Айфе и Сесилии встать к дамам, а Эмер вывел вперед, к подножью лестницы, ведущей к двум тронам..

— Преклоните колени, когда королева подзовет вас к себе, — шепнул он, и Эмер облизнула губы.

Королева! Значит, Её Величество оказалась достаточно памятной, чтобы вознаградить за спасение жизни. Но Эмер предпочла бы слова благодарности наедине, а не помпезное чествование, которое считала насквозь фальшивым.

Королева появилась сразу же. Скорее всего, она ждала только появления Эмер. На Её Величестве было фиолетовое блио с золотой нитью и мантия из хвостов горносталя.

Мажордом незаметно подтолкнул Эмер локтем и отступил.

Придворные склонились в поклоне, пока королева заняла место на троне. Трон справа, на котором полагалось сидеть королю, уже привычно пустовал.

— Ни для кого не секрет, зачем мы собрали вас сегодня, — начала королева. — Мы обязаны девице Эмер из Роренброка, и своих обязательств не забываем. Подойдите ко мне, девица Роренброк.

Эмер поднялась по ступеням к королевскому трону и на предпоследней остановилась — дальше, согласно этикету, следовать было нельзя,

— Ты смелая девушка, — сказала королева. — Ты спасала нашу жизнь, и не останешься без награды. Твой поступок доказывает, что не сила и не рыцарское мастерство совершают чудеса, а одна лишь смелость.

— Мне помогли небеса, — сказала Эмер с отвращением, чувствуя себя куклой, выставленной на торговой площади. Подумалось: а что бы ответила Её Величество, реши она рассказать правду? Правду о том, как баловалась с деревянным мечом тайком от матери, и как рыцари в Роренброке умоляли её бросить неженское занятие, опасаясь гнева вдовствующей графини. И что получилось? Права оказалась она, а не мать, и якобы ненужные навыки сослужили хорошую службу. И не только ей, но и Её Величеству.

— Преклони колени и приготовься выслушать наше повеление, — объявила королева.

Эмер опустилась коленями на бархатную подушечку, которую ей услужливо подложили слуги. Несмотря на торжественность момента, девушка не чувствовала ни гордости, ни благоговения. Дурацкий жених мог бы не опаздывать и посмотреть на чествования своей наречённой.

Но лорда Ранульфа не было среди придворных.

Королева достала из шкатулки золотую подвеску на толстой цепочке и надела её на шею Эмер, после чего объявила:

— Вот знак твоего мужества. Пусть все знают, что мы признаём твою смелость и заслуги перед короной.

Эмер опустила глаза, чтобы посмотреть на знак отличия, и её немедленно бросило сначала в жар, а потом в холод. Подвеска была выполнена в виде миниатюрной сковороды, украшенной чеканкой и осыпанной мелкими драгоценными камнями красного и зелёного

цвета.

— Отныне тебе даруется собственный титул, — продолжала королева, — ты будешь зваться графиней Поэль, и этот титул унаследуют твои потомки по женской линии.

— Ваше Величество так добры, что у меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность, — ответила Эмер давно заученной фразой, мысленно застонав от нового титула. Добрая королева нарекла её певучим именем Поэль, которое в переводе с южного наречия означало... сковорода.

Королева была милосердна и не разразилась речью на час. Зато когда она ушла, придворные бросились к Эмер, чтобы засвидетельствовать своё расположение, поздравить и намекнуть о желанной дружбе. Эмер совсем закружилась в их разноцветном хороводе, но внезапно все расступились, и Айфа — такая строгая в чёрном платье, взяла сестру за руку.

— Графине Поэль надо отдохнуть, — сказала Айфа с холодной улыбкой. — Графиня Поэль взволнована оказанной ей честью. Пока ей нечего вам сказать.

Эмер чуть ли не вприпрыжку последовала за сестрой, а следом за ней засемила Сесилия.

Они скрылись в саду, расположившись у фонтана, чтобы поговорить без чужих ушей. Струи воды журчали достаточно громко, чтобы заглушить разговор. Сесилия примостилась на садовой скамеечке, Айфа и Эмер сели на камни, окружавшие чашу водоёма.

— Как жаль, что я не могу отправиться к тебе, — сказала Эмер, задумчиво рассматривая орден и пуская им солнечных зайчиков. — Сегодня девицы меня с ума сведут трескотнёй.

— Зато сколько друзей и подруг у тебя появится, графиня... Поэль, — улыбнулась Айфа.

— Не напоминай мне о почётном титуле. Назвать меня Сковородой! Могло же такое придти королеве в голову.

Они поболтали, пока иллюзия, которую Айфа наколдовала на лицо Эмер, не начала рассеиваться. Снова проступил синяк и стал виден заплывший глаз.

— Завтра я постараюсь приехать пораньше, чтобы опять превратить тебя в благовоспитанную девицу, — утешила сестру Айфа. — главное, чтобы милорд жених не появился неожиданно.

— Хоть б он вообще не появился, — коротко сказала Эмер, прижимая к груди золотую сковороду, но чувствуя под одеждами золотую монету.

— Всё, прекрати, — оборвала её Айфа. — Твоё уныние начинает раздражать. Все выходят замуж. И там не так плохо, как тебе представляется.

Они с Сесилией уехали перед вечерней королевской трапезой, и Эмер осталась совсем одна. Вернее, осталась одна со своими невесёлыми мыслями, а не одна в мире. Вокруг неё сразу зароились девицы, мечтавшие теперь подружиться, и ни одна не хихикала, глядя на её рыжие волосы, и не называла Маяком. Остриуд и две или три её подруги поздравили Эмер с натянутыми улыбками, их так и распирала зависть. Эмер видела это и с удовольствием готовилась к боевой стычке, которая предполагалась в девичьей спальне перед сном.

Так и вышло. Выполнив обязанности перед королевой, поужинав и прочитав молитву, девицы переоделись в ночные рубашки, заплели друг другу косы и надели чепцы. Все наперебой желали Эмер доброй ночи, а Остриуд, стоя перед зеркалом и с преувеличенным тщанием завязывая ленты чепца, вдруг вздохнула:

— Что же это за судьба мне выпала? Сначала я спала с Маяком, теперь со Сковородкой... Буду молить небеса, чтобы не пришлось делить постель с Пугалом.

Эмер повернулась к ней обманчиво мягко:

— Уж не меня ли вы обзываете Сквородкой, леди Фламбар?

Остриуд отвернулась от зеркала и вскинула тонкие брови, изобразив невинно-удивлённый взгляд:

— Разве я сказала что-то не то, Эмерочка? — огорчённо спросила она. — Но ведь имя, которое дала тебе королева... Оно значит — Сквородка. Графиня Сквородка.

Кто-то из девиц захихикал, и Остриуд улыбнулась безмятежно и с пониманием.

— Конечно, Её Величество не случайно назвала тебя Сквородкой, Эмерочка. И лицо у тебя плоское, и сама ты худа, как ручка сквородки. Но тут королева проявила недалёковидность. Тебя надо было назвать графиней Фара — графиня Маяк, — и она засмеялась над шуткой, засмеялась чистым, хрустальным смехом.

Только этого Эмер и ждала.

— Ты осмелилась смеяться над королевской наградой?! Да это то же самое, что смеяться над Её Величеством! — и она с размаху отвесила Остриуд плюху.

Девушка такого не ожидала и замолчала, схватившись за щеку и изумлённо уставившись на Эмер. По-правде сказать, ударила Эмер несильно. Рука у неё была слишком тяжёлая, а Остриуд — слишком хлипкая. Не хватало ещё шею свернуть этой острячке.

Остальные барышни ахнули, как одна, а Эмер сделала шаг вперёд и схватила Остриуд за шею сзади, больно сжимая большим и средним пальцами. Девушка завизжала, как поросёнок, а Эмер несколько раз с силой пригнула её головой к коленям.

— Кланяйся мне, кланяйся, выдра ехидная, — приговаривала она с удовольствием. — Я тебя научу уважать королеву.

Вокруг них бегали испуганные благородные барышни и орали, как будто на их глазах варвары с юга насиловали девственниц. Драки в девичьих спальнях время от времени происходили, но драчуньи ограничивались тем, что таскали друг друга за косы и царапали противницам щеки. Физическая сила Эмер внушала девушкам такой ужас, что они даже не осмелились помочь леди Фламбар.

Когда Эмер выпустила обидчицу, та отскочила в сторону — растрёпанная и красная.

— Ты! Долговязая деревенщина! — закричала она, разражаясь слезами. — Ты знаешь, что с тобой за это будет?

— Что? — спросила Эмер. — Королеве пожалуешься?

— Приедет мой брат и отомстит за меня! — завопила Остриуд, понимая, что проиграла. Пожаловаться королеве на трёпку, которую учинили из-за насмешек над королевской наградой — такое могла позволить себе только последняя дурочка.

— Если твой брат дохляк, как и ты, я с ним справлюсь одной левой, — спокойно сказала Эмер. — А если нет... то приедет мой брат, — она многозначительно посмотрела на остальных девиц, и те шарахнулись от неё, как от вспышки молнии.

Мало кто знал, что брату грозной графини Поэль всего лишь девять лет.

— Почему шум?! — дверь распахнулась, и в спальню запоздало влетела леди Бертрис в сопровождении служанок. Старшая придворная дама уже облачилась в ночную одежду, и широкая рубашка в оборках делала пышную фигуру леди ещё более пышной. Чепец на голове топорщился, будто был надет на рога. Несомненно, что леди уложила на ночь волосы на деревянные колбашки, чтобы кудри завтра вились круче. И судя по всему, она не пребывала в благодущии оттого, что несносные девицы подняли её в поздний час из постели и заставили промчаться по коридору в неподобающем виде.

— Случилось нечто недозволенное, леди Бертрис! — возопила Эмер, предупреждая остальных девиц. — Вот эта глупая особа, — она указала на плачущую Острюд, — осмелилась неуважительно отозваться о королеве! Ну я и поставила её на место, чтобы попридержала слишком длинный язык!

— Так ли это, девица Фламбар? — ледяным тоном осведомилась леди Бертрис, повернувшись к Острюд.

— Она осмелилась смеяться над наградой, которой наградила меня Её Величество! — сказала Эмер со священным ужасом. — Правда ведь, благородные барышни?

Девичам ничего не оставалось, как подтвердить. Их тихие и неуверенные голоса ещё больше рассердили леди Бертрис.

— Безмозглые девчонки! — она даже топнула, показывая, в какой находится ярости. — Сколько надо вдалбливать в ваши пустые головы, что вы — никто, и смеяться над тем, что делает или говорит королева недопустимо! У вилланок больше почтения и здравого смысла, чем у вас, благородные лягушки!

Эмер стояла рядом и умиротворенно кивала в такт словам старшей придворной. Когда леди Бертрис посмотрела на неё, Эмер мгновенно приняла возмущенный вид:

— Вы совершенно правы, леди Бертрис! После того, что вы сказали, ни одна из них не посмеет говорить о королеве плохо! А если посмеет, я вам тут же доложу.

— Полагаюсь на вас, графиня Поэль, — старшая придворная еще раз обвела девиц тяжёлым взглядом и удалилась. Оборки ночной рубашки колыхались при каждом шаге, подобно флагам.

Эмер оглядела девиц, недвусмысленно постукивая кулаком о ладонь.

— Ну, — спросила она, — кто ещё хочет высказаться по поводу королевской награды?

Желающих не нашлось, и Эмер широко улыбнулась.

— Тогда быстро по постелям, благородные девицы. Если не хотите, чтобы я взяла вас за ноги и вывесила из окна, чтобы снились сны о птичьих полётах.

Угроза возымела действие, и барышни разбежались по кроватям. Никогда ещё девичья спальня не засыпала так быстро и тихо. Острюд нехотя подошла к кровати. Злоба и ярость душили её, но открыто протестовать она боялась.

— И ты ложись, — велела Эмер. — Но если ткнешь меня своим острым локоточком или стащишь одеяло — будешь спать на полу.

Девичьи забрались под одеяло и повернулись друг к другу спинами.

— Приедет мой брат, и ты обо всём пожалеешь, деревенщина! — прошипела Острюд.

Эмер не ответила и зевнула, а потом поудобнее устроила подушку под головой и закрыла глаза.

Чуда не случилось, и жених приехал. Об этом Эмер сообщили с самого утра, едва она успела глаза разлепить. Айфа появилась запыхавшаяся, на миг утратившая королевское величие. Она шлёпнула на лицо сестре горячие ладони и зашептала заклинание, не особенно заботясь, что на них тарасились придворные девицы.

Жёлтое платье было надето, волосы причёсаны и приглажены, чтобы не слишком буйно вились. Эмер ждала, что вот прямо сейчас её представят лорду Ишему, но сделать это никто не торопился. Пришлось прислуживать королеве, как обычно, гулять по саду и кормить маленьких противных собачек — любимчиков Её Величества. Потом был холодный обед, где она узнала, что вечером готовится праздник по случаю помолвки, и только там она увидит

жениха.

«Он и здесь умудрился оттянуть встречу», — подумала Эмер, заранее испытывая к лорду Ишему неприязнь.

День тянулся долго, как зимняя ночь, и Айфе пришлось снова и снова подправлять сестре лицо.

— Не смотри так кисло, — сказала она Эмер. — Наверняка, это не его вина, а выдумка королевы. Я слышала, она любит южные романы о любви, а там всегда пишут, что ожидание распаляет влюблённых.

— Ты их читала, что ли? Южные романы? — спросила Эмер.

— В детстве, — ответила Айфа, улыбнувшись одними глазами.

На праздник, устроенный в честь наречённых, жених тоже умудрился опоздать. Эмер уже давно сидела в высоком кресле, за королевским столом, а он всё не появлялся. Барды играли на лютнях, дамы и господа ели и пили, королева взирала на своих подданных благосклонным материнским взором, а Эмер кусок в горло не лез. Как она мечтала, чтоб лорд Ишем ехал долго-долго, а теперь умирала от нетерпения поскорее увидеть его. Увидеть — и покончить со страхами. Обрадоваться или разочароваться — но уже не умирать от долгого ожидания.

«Только бы он оказался высоким!» — пожалуй, никогда ещё Эмер не молилась так пламенно.

— Лорд Ранулф Ишем! — провозгласил распорядитель пира, и Эмер, призвав себя к спокойствию, обернулась к входу в зал.

Он оказался высоким. На голову выше её. А ещё нескладным, рыхловатым и сутулым. Вдобавок, он близоруко шурился и улыбался, как ребёнок — беззащитно и чуть виновато.

Распорядитель указал гостю на королеву, восседавшую во главе стола, лорд Ранулф благодарно ему кивнул и подошёл приветствовать Её Величество.

— Рада видеть вас, милорд, — любезно приветствовала его королева. — Сядьте по левую руку от меня, рядом со своей невестой. Вот она, прекрасная, как осенняя рябина.

Жених взглянул на невесту и застенчиво улыбнулся, а Эмер едва не испустила печальный вздох. Ранулф ничуть не походил на любителя конных прогулок, охоты и рыцарских забав.

— Я немного заблудился, — счёл он нужным объясниться перед невестой. — Такой большой замок, столько коридоров и лестниц...

Он замолчал, и Эмер поняла, что надо ответить.

— Да, — сказала она, с трудом подбирая слова. — Замок и вправду большой.

— И смею заметить — не слишком удобен, — торопливо поддержал разговор лорд Ранулф. — Когда вы увидите наш замок, то убедитесь, что он не такой большой, но построен архитектором с юга, по южному образцу, там вам будет очень удобно...

Он посмотрел на неё, ожидая ответа, и Эмер выдавила:

— Благодарю за заботу, милорд.

Они помолчали, и Ранулф снова начал беседу:

— Вам нравится музыка?

Эмер поборолась желание ответить честно, и сказала:

— Да.

— Я умею играть на лютне, и на арфе, и на вьели, и на флейте, — обрадовано доложил Ранулф. — А вы?

«А я умею играть только на тараканьих бегах», — подумала Эмер и заставила себя улыбнуться жениху:

— У вас столько талантов, милорд. Как я могу с вами сравниться?

Ответ его озадачил, и несколько секунд он морщил лоб, размышляя, как ещё поддержать беседу. Эмер опередила его:

— Её Величество говорили, что вы обучались в Клайфорде.

— Совершенно верно, — подтвердил он с гордостью, — я провёл там пять лет и преуспел во всех семи искусствах — грамматике и риторике, диалектике, арифметике, геометрии, астрономии и музыке.

Эмер посмотрела на него с ужасом. Про грамматику и музыку она ещё слышала, но остальные науки были для неё чем-то вроде магических способностей Айфы.

— А-а... Э-э... Я поражена вашим умом и образованностью, милорд, — сказала она и уставилась в столешницу.

— Свой ум я перед вами ещё никак не проявил, — признался он добродушно. — Но когда мы познакомимся поближе, я прочитаю вам свои любимые книги, и вы сможете лучше меня понять. А какие книги нравятся вам?

Пытаясь вспомнить название хоть одной книги из библиотеки Роренброка, Эмер почувствовала головную боль.

— Э-э... мне нравится «О бракосочетании Филологии и Яркого Пламени», — нашлась она. Эта книга запомнилась ей по названию только потому, что там говорилось о бракосочетании.

— Чудесная книга! — лорд Ранулф просиял. — Такая глубина, такой изысканный стиль изложения! Я выучил её почти наизусть. Особенно мне нравится то место, где Бессмертие даёт Филологии съесть яйцо и ту рвёт фонтаном из книг! Удивительная метафора, правда?

Эмер почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Она и не подозревала, что в книгах о бракосочетаниях могут излагать подобную ерунду.

— А какой момент из этой книги вам нравится больше всего? — задал невинный вопрос Ранулф и сам того не зная поверг невесту в состояние, близкое животному страху оленихи, когда её преследуют охотничьи псы.

«Сейчас я скажу ему, что мне надо отлучиться... и сбегу!» — подумала Эмер и уже открыла рот, чтобы говорить, но тут встретила пристальный и тяжёлый взгляд Её Величества. Казалось, королева угадала её намерения и просто-напросто пригвоздила взглядом к креслу. В отчаянье Эмер посмотрела на придворных, которые уже затеяли танцы, и увидела маленькую фигурку в синем платье.

— Это моя подруга Сесилия! — воскликнула она с неподдельной радостью. — Простите, милорд! Я должна её поприветствовать!

И стараясь не замечать гневных взоров королевы, она выскочила из-за стола и пошла через толпу танцоров, усердно работая локтями.

Сесилия не танцевала, она стояла у стены и внимательно слушала какого-то незнакомого рыцаря средних лет. У него было красное лицо, всё ямках от оспы, и чёрные усы, топорщившиеся щеткой.

Эмер коротко поклонилась рыцарю, даже не озаботившись приветствием.

— Простите, сэр, мне надо похитить у вас леди Сесилию всего на одну минутку, — соврала она, стараясь не улыбаться слишком широко, чтобы не разрушить иллюзию целого личика.

Не дав рыцарю ни возразить, ни согласиться, она схватила Сесилию за руку и потащила подружку сквозь толпу танцующих.

Миновав круг, Эмер остановилась и круто развернула Сесилию к себе, так что юбки бедной девушки поднялись колоколом.

— Ты должна мне помочь! — заявила Эмер. — Отвлеки моего жениха разговором. Я хочу сбежать отсюда, мне просто необходим поток свежего воздуха, чтобы не сойти с ума. А вокруг милорда Ранулфа воздух так загустел от учёности, что его можно резать на куски, как пирог.

Она опять потащила малютку Сесилию за собой к столу, за которым маячила долговязая сутулая фигура жениха.

— Остановись... пожалуйста... Остановись!!! — крикнула вдруг Сесилия, и Эмер остановилась, удивлённая.

— Послушай, — после неожиданной вспышки Сесилия смешалась и снова стала привычной — чуть смущенной и чуть испуганной. — Я не могу развлекать твоего жениха...

Она увлекла Эмер в тень стенной ниши и заговорила, заламывая пальцы:

— На самом деле, я приехала не на твою свадьбу. Леди Фредегонда отправила меня сюда, чтобы я нашла мужа. Она сказала, если я вернусь в Вудшир не будучи помолвленной, то отправит меня в монастырь. Пойми, Эмер, я не хочу в монастырь. Поэтому за эти дни должна понравиться хоть какому-то рыцарю.

Леди Фредегонда была мачехой Сесилии. Эмер прекрасно её знала и считала одной из самых ядовитых змеиц рода человеческого.

— А что твой отец? — только и могла спросить она.

Брови Сесилии страдальчески изломились.

— Отец? Отец... Ты же знаешь, он сделает всё, что она скажет. Поэтому прошу, Эмер, не мешай мне. Позволь, я вернусь к сэру Альву, а со своим женихом разберись сама.

Эмер понадобилось две секунды, чтоб обдумать непростую ситуацию, в которой оказалась её подруга. Потом она снова схватила Сесилию за руку и потащила к Ранулфу.

— Можешь не беспокоиться, — заверила она. — В Вудшир ты не вернёшься. Ты поедешь со мной, как моя гостя. Я сосватаю тебя с каким-нибудь приличным господином, предоставь всё мне.

Возразить Сесилия не успела, потому что они уже стояли перед лордом Ранулфом.

— Позволь представить тебе лорда Ранулфа Ишема, — сказала Эмер. — Милорд, а это — моя лучшая подруга, Сесилия Леоффа. Не ожидала увидеть её и теперь так счастлива встрече! Мы очень, очень давно не виделись.

— Понимаю, как вы скучали, — сказал Ранулф, близоруко щурясь, чтобы разглядеть и запомнить облик подруги невесты. — Присядьте за наш стол, леди Леоффа. Так вы сможете поговорить, а я налью вам вина.

— Благодарю, — смиренно ответила Сесилия, садясь в кресло возле Эмер. — Разбавьте вино водой, пожалуйста...

Ранулф так и сделал. Вино было разбавлено наполовину и сдобрено щепоткой ароматной сухой травы.

— Это мята, — пояснил он. — Она смягчает кислотатый привкус и освежает. Кроме того, она приятно пахнет. Попробуйте.

Краем глаза Эмер заметила, что королева удалилась. Тем лучше. Не будет тяготить присутствием, как воплотившаяся совесть.

Сесилия приняла бокал, опустив ресницы и склонив голову, и пригубила напиток:

— Ваша правда, милорд, — сказала она. — Свежесть — как у морского бриза, и запах приятен. А в наших краях в вино добавляют розмарин. Он тоже освежает, но с мятой не сравнится.

— Вино с розмарином, чтоб кровь разогреть... — прочитал нараспев Ранулф.

— Чтоб сердце взбодрить, чтоб смеяться и петь! — закончила Сесилия и улыбнулась почти счастливой улыбкой.

— Вы знаете балладу о печальном рыцаре?

— Наизусть. Выучила в десять лет.

— И я — в десять.

Эмер кашлянула, привлекая к себе внимание:

— Я вижу в зале леди Бертрис, — сказала она, — отлучусь ненадолго, вдруг что-то понадобилось Её Величеству?

Она попятилась от стола, но в зал не пошла, а скользнула за дверь, через которую слуги приносили кушанья. Ранулф и умница Сесилия о чём-то увлечённо беседовали. Можно было не сомневаться, эти двое заговорят друг друга до умопомрачения.

Миновав коридор для слуг, винтовую лестницу, ведущую на первый этаж, и кухню, Эмер прошла галерею и поднялась на третий этаж по лестнице для благородных. Она собиралась выйти на балкон, откуда открывался вид на город. Там редко кто появлялся — слишком высоко нужно было подниматься. Но сейчас это было к лучшему, ей никого не хотелось видеть.

Позади послышались шаги, и Эмер испугано оглянулась. Неужели это Сесилия отправилась разыскивать её? Или лорд Ранулф решил вернуть пропавшую невесту?

Она притаилась между двух каменных горгулий, распластавшись по стене и стараясь быть как можно незаметнее. Шаги приближались, и девушка вжалась в камень. Но стена вдруг подалась за её спиной, как живая. Эмер не удержалась на ногах и рухнула в темноту. Она упала, ударившись локтями, и увидела, как стена бесшумно закрылась, спрятав её от чьих-либо глаз, и вокруг стало темно, как в каменном мешке.

Оказавшись в плену потаённых коридоров королевского замка, Эмер первым делом обшарила стену в поисках рычага, открывающего дверь. Девушка нажимала на каждый выступ, и каждую щербинку, но стена оставалась неподвижной.

— Только будь спокойна, — сказала Эмер вслух, чтобы подбодрить саму себя.

Голос её прозвучал глухо, как через подушку, даже эхо не откликнулось от сводов. Было ли это магией, или мастерством древних зодчих — неизвестно, но спокойствия точно не прибавило. Эмер почти испугалась. Услышат ли её снаружи, если приведётся позвать на помощь?

«Что делать? — размышляя, она кусала губы. — Сидеть здесь? Бессмысленно. Идти вперёд? Опасно, но так можно найти хоть какой-то выход».

Она двинулась наугад, в темноте, держась рукой за стену и нашаривая ногой перед каждым шагом. О потайных ходах Драконьего замка ей было хорошо известно. Кто же не слышал о них? В байки о запрятанных королевских сокровищах Эмер не верила, но вот ловушки, устроенные для любопытных, могли оказаться реальностью. Проваливающиеся полы, кинжалы, летящие из скрытых бойниц — не слишком-то обнадёживает, когда идешь в темноте, один-одинёшенек.

Потайной ход вёл её вокруг замка, постепенно забирая вправо. Несколько раз она спускалась по лестницам, но в них было не больше пяти ступеней, а значит, ход шёл на уровне второго этажа.

Мужские голоса заставили девушку замереть и затаиться. Но шагов не было слышно, и она, осмелев, двинулась вперёд. Вскоре она увидела полоску света на стене, а разговор стал отчётливей. Подойдя ближе, Эмер обнаружила, что свет проникал через неплотно прикрытую дверь, оттуда же слышались и голоса. Беседовали два человека, и один рассказывал второму о каких-то деревьях, а второй задавал короткие вопросы.

Эмер заглянула через щёлку.

Это была комната замка — на окнах цветные витражные стёкла, стены облицованы дубовыми плашками. Но грубо сработанные стол и стулья больше походили на мебель в доме какого-нибудь виллана, чем правителя государства. За столом сидел человек в балахоне священника, с изображением яркого пламени на капюшоне. Капюшон закрывал его лицо, зато хорошо были видны руки — с желтоватой нездоровой кожей, державшие тонкий трёхгранный кинжал старинной работы.

Перед священником стоял монах — его балахон был не коричневым, а чёрным, что означало низшую ступень посвящения. Монах стоял к Эмер спиной, и девушка могла видеть только капюшон, на котором горела алой нитью вышивка, изображавшая знак яркого пламени.

— Он уже приехал? — спросил священник, поигрывая кинжалом.

— Приехал, — с отвращением ответил монах, — и сразу отправился к этой шлюхе, Кютерейе.

Голос у него был молодой, полнозвучный, но подобно священнику монах говорил вполголоса, иногда переходя на шёпот.

Священник, поигрывая кинжалом, несколько раз кивнул:

— Очень хорошо.

Эмер вдруг вспомнила, что ей знакомо это имя. Кютерейя... женщина во дворе с волкодавами. Она слышала её голос, когда пряталась от грабителей после тараканьих гонок. Можно догадаться, что порядочная женщина не станет встречаться ночью с мужчиной, да ещё в Нижнем Городе. И слово «шлюха» Эмер знала. Не понятно только, зачем священнослужителям, не терпящим сквернословия, говорить о такой женщине?

— Следи за ним, — сказал священник. — Где он сейчас?

— Здесь, в замке, — ответил монах. — Мне надо что-то предпринять в отношении Кютерейи?

Священник задумался и несколько раз прочертил острием кинжала по столу.

— Не надо, не делай ничего, — произнёс он, наконец. — Пусть всё идёт своим чередом.

— Слушаюсь, господин.

— Чем больше козней они строят, тем больше запутаются в них, как мухи в паутине. Пусть запутываются.

— Да, господин.

Эмер подумала, что обычно служители яркого пламени не называют друг друга господами. Какие-то странные служители.

Она готова была поклясться, что не шелохнулась и не вздрхнула слишком громко, но священник вдруг поднял голову и посмотрел в ту сторону, где Эмер пряталась, словно услышал её мысли. Капюшон упал на плечи, и открылось ужасное и уродливое лицо — крючковатый нос, набрякшие нижние веки. Лысый череп неправильной формы и короткая седая борода придавали ему еще более зловещий вид. У Эмер захватило дух. Она уже видела этого человека. Там, под боярышником, на королевском пикнике, где она убила гвардейца, покусившегося на жизнь Её Величества.

Замерев, как мышка, Эмер смотрела на священника. На несколько секунд их взгляды встретились, но потом служитель яркого пламени снова обратился к своему молодому брату по вере.

«Он не мог меня видеть, — сказала себе Эмер. — У них там горят свечи, а я стою в темноте. Когда-нибудь они закончат разговор и уберутся. Тогда я смогу выйти. А если они пойдут потайным ходом, спрячусь в темноте, а потом попробую выйти».

— Я доволен твоей службой, — продолжал уродливый священник. — Преданных людей сейчас трудно найти.

— Вы же знаете, я верен вам, — отозвался монах и почтительно поклонился. — Моя верность — она как скала Дувра. Никто её не замечает, но она переживёт вечность.

— Хорошо сказано. Но твоя верность не останется незамеченной...

Священник замолчал и перевёл взгляд в сторону двери, за которой стояла Эмер. Глаза его засветились приглушённым красным светом, как уголья в камине. Девушке опять показалось, что он видит её, и она в ужасе отпрянула от потаённого отверстия. Пятясь, отступила на несколько шагов, а потом развернулась и бросилась бежать по коридору, насколько это возможно было в полной темноте. Этот крючконосый священник внушил ей страх ещё с первой их встречи, а причастность к тайнам королевского замка могла обойтись слишком дорого для некой глупой девицы, которая сунула нос, куда не следовало. И никто не станет слушать её оправданий и стенаний о плохой памяти.

Но её не преследовали, и голоса затихли где-то позади. Эмер прислонилась спиной к

стене, чтобы отдышаться, и упёрлась ладонью в металлическую петлю, вкрученную в камень. Эмер попыталась её повернуть, потом поднять, а потом повисла на ней всем телом. Петля скрипнула и подалась, а вместе с ней подалась и стена.

Свет от свечей показался настолько ярким, что девушка зажмурилась. Стена за её спиной бесшумно затворилась, отрезав путь к отступлению. Проморгавшись, Эмер огляделась, чтобы понять, куда её занесло. Уютная комната была обставлена роскошно и красиво, в камине горели яблоневые поленья, и дым был ароматным, как из курильницы. На столе, покрытом тяжёлой вышитой птицами скатертью, стояло блюдо с прошлогодними яблоками. Кровать под балдахин, изображение яркого пламени в маленькой молельнице, а перед изображением на коленях стояли женщина в домашнем платье и чепце и мужчина в черной котте. До появления Эмер, они молилась, и теперь с изумлением смотрели на неожиданную посетительницу, соединив ладони в молитвенном жесте и забыв опустить руки.

— Простите, леди, милорд... — сказала Эмер покаянно, оглядываясь на дверь. — Я не хотела беспокоить вас и сейчас же удалюсь...

— Как мило, — сказала женщина, и Эмер немедленно узнала этот голос.

Простое платье необыкновенно изменило облик Её Величества королевы Элеоноры, но никакой чепец не мог заставить её голос звучать иначе.

— Ваше Величество! — ахнула Эмер, бросаясь на колени. Она готова была умереть от стыда прямо здесь, но яркое пламя не послало ей немедленной смерти.

— С вами не соскучишься, девица Роренброк, — сказала королева. — А теперь помолчите несколько минут, нам надо закончить молитву.

Она повернулась к алтарю и склонила голову.

Зато мужчина в чёрной котте не сразу обратился к молитве. Он тайком подмигнул Эмер и улыбнулся ей ободряюще.

Глядя на его набожно согбенную спину, Эмер пыталась припомнить, кто он такой, и почему оказался в спальне королевы в такой час. Она тоже стояла на коленях, и даже осенила себя знаком яркого пламени, хотя думала не о молитве, а решала: не лучше ли сбежать прямо сейчас? Но от побега, по здравому размышлению, пришлось отказаться. Дальше Эстландии не убежишь, поэтому лучше принять наказание сейчас и надеяться на королевское милосердие, чем попытаться спастись бесполезным бегством.

Её Величество закончила молитву и со стуком захлопнула молитвослов. Эмер, услышав этот хлопок, подскочила, как ужаленная. Мужчина в чёрной котте поднялся, чтобы подать королеве руку, и Эмер с присвистом втянула воздух, осознав, наконец, с кем ей привелось встретиться.

Мужчина был коротконогий, как карлик, и при хорошо развитом торсе и руках был ростом с двенадцатилетнего. К тому же, у него был горб. И то, что Эмер приняла за молитвенную почтительность, на самом деле оказалось природным увечьем. Горбун! Карлик! Младший брат короля!

— Милорд Бритмар! — она покаянно склонила голову, всё ещё стоя на коленях.

— Графиня Поэль, — отозвался брат короля красивым, хорошо поставленным голосом, — мы не были представлены друг другу, но я о вас наслышан.

Королева тем временем прошла к креслу возле камина и устроилась в нём поудобнее, подложив под локоть подушечку и поставив ноги на скамейку из слоновой кости.

— А теперь потрудитесь объяснить, что вы делали там, — королева указала на стену,

из-за которой появилась Эмер. — Почему вы не со своим женихом, которого так жаждали лицезреть? И во что превратилось ваше платье? Да вставайте же, вставайте с колен. Хватит ползать.

Эмер поднялась и оглядела наряд, который с таким старанием подбирала и шила Айфа. Ужасный вид. Жёлтая ткань стала серой от паутины и пыли, правый рукав разорван, подол грязный, как у вилланки.

— Я нечаянно попала в потайной ход, Ваше Величество, — сказала она, не поднимая головы. — Почему-то мне везет на подобные приключения. Небеса очень щедры на них, когда вспоминают об Эмер из Роренброка.

— Не стоит винить небеса во всём. Может, тут есть и ваша заслуга?

— Вашему Величеству виднее, — пробормотала Эмер. — Ваше Величество славится своей мудростью.

Брат короля отвернулся, пряча усмешку, и сказал королеве:

— Здесь я буду лишним, венценосная госпожа. Благодарю за молитву по соглашению и прошу разрешения уйти.

Королева кивнула, продолжая смотреть на Эмер пристально и с недовольством, а когда дверь за лордом Бритмаром затворилась, Её Величество заговорила:

— Мы не сражены лестью, графиня Поэль, так что не стоит тратить время на песни о нашей мудрости. Тем более, что сейчас мы впервые сомневаемся в правильности нашего решения. Мы полагали, что проявили дальновидность, подобрав вам жениха богатого, из хорошей семьи, воспитанного и настоящего рыцаря. Но вы недовольны. Мы наблюдали за вами во время пира. Вы смотрели на него, как на лягушку. И сбежали именно поэтому, не так ли? Возможно, вы слишком поторопились, и не разглядели под шкуркой лягушки принца? Как в старой детской сказке?

Королева взяла корзиночку с рукоделием и достала из нее нитки, игольницу и пальцы. Эмер осмелилась поднять глаза и теперь во всю таращилась на владычицу Эстландии, казавшуюся сейчас простой женщиной.

— Так что же? — вернула её королева в земной мир.

— Ваше Величество, если лорд Ранулф и заколдованный принц, то не я — та самая принцесса, которой под силу снять с него чары, — заявила Эмер без обиняков и снова бросилась на колени. — Прошу вас, умоляю во имя милосердия! Отмените свадьбу!

— Вы, должно быть, помешались, бедное дитя, — сказала королева ледяным тоном, а иголка ни на мгновение не остановилась в ее пальцах. — Говоря о том, что мы ошиблись, мы имели в виду не то, что ошиблись в выборе жениха для вас, а в том, что ошибочно посчитали вас достойной королевских милостей. Но ваши поступки доказывают обратное. Вы осмеливаетесь отказываться от тех милостей, что мы даровали вам?

— Я не отказываюсь, — быстро сказала Эмер, — я просто говорю, что сии милости будут непосильными для меня.

— Нахалка! — королева на миг утратила царственную невозмутимость, но тут же взяла себя в руки, и иголка снова плавно и неспешно потянула шёлковую нить.

— Милорд Ранулф достойный молодой человек, — осмелилась продолжить Эмер, — но я не сделаю его счастливым, и сама буду несчастна подле него. Разве угодно будет небесам, если жена возненавидит мужа?

— Вы готовы пойти так далеко? А ведь он не сделал и никогда не сделает вам ничего плохого.

— Пусть бы лучше сделал, — опрометчиво заявила девушка, — но показал, что он живой человек, а не книжный монах!

— Начнём с того, что вы ничуть не разбираетесь в мужчинах, графиня Поэль. А закончим тем, что наше слово твёрдо. Вы выйдете замуж за Ранулфа Ишема.

— Ваше Величество!.. — сделала Эмер ещё одну попытку воззвать к королевской жалости.

— Не желаем ничего слушать и ожидаем, что вы примете наше решение со смирением. Потом вы будете нам благодарны за прекрасное устройство жизни.

Спокойный тон королевы Элеоноры взбесил Эмер, и она не смогла удержаться от колкости:

— Вашему Величеству легко рассуждать о смирении, играя подданными, как шашками в шатрандже!

— О чем вы?!

Впервые Эмер увидела правительницу, охваченную столь сильным чувством. Обычно спокойное лицо расцвело пятнами румянца на щеках, а иглу королева сдавила так сильно, что она сломалась. Отбросив обломки, Её Величество уставилась на капельку крови, выступившую на подушечке пальца.

— Вы поранились, возьмите платок, — Эмер принялась шарить в поясной сумочке и вдруг вспомнила, что платок пал жертвой её неряшества. За столом она облилась жирной подливкой, и вытерев подол и руки выбросила платок под стол, чтобы скрыть следы преступления.

— Не трудите себя поисками, графиня Поэль, — королева взяла кусок кружев из корзинки для рукоделий и перетянула палец, но добрее не стала. — Вы рассуждаете, как избалованная, глупая девчонка. Да вы и есть глупая девчонка.

— Глупая, потому что не хочу портить свою жизнь в угоду Вашему Величеству? — от собственной дерзости у Эмер захватила дух, но она решила идти до конца.

— При чём тут я?! В угоду будущему Эстландии! — крикнула королева и опомнилась.

Лицо её вновь приняло непроницаемое выражение, а лихорадочный блеск глаз скрыли опустившиеся ресницы.

— Принесите мне вина, графиня, и присядьте рядом.

Только сейчас Эмер поняла, что королева говорит о себе, как о простом человеке, позабыв вечное «мы», и перепугалась.

— Ваше Величество, — забормотала она, — я позволила себе лишнее...

— Позволили. Но теперь что уж говорить об этом. Несите вино.

Эмер поднялась с колен и подошла к столику, на котором стояли кувшин с вином и чаша с яблоками. Она налила кубок до половины, подумала, и налила почти до краев.

— И себя не забудьте, — напомнила королева. — И принесите яблоки. После вина во рту противный привкус.

Выполнив все указания, девушка примостилась у ног правительницы и пригубила вино. Оно было сладким, почти приторным. И никакого противного послевкусия. Не удержавшись, Эмер сделала глоток, и ещё глоток.

— Вы умеете довести до белого каления, — сказала королева, отпивая из своего кубка и с хрустом откусывая яблоко. — У вас много талантов, графиня, и выводить людей из себя — один из них.

— На самом...

— Только не делайте вид, что вам жаль. Вы поступили так намеренно. Вы упрямы, но я еще упрямее. Вы выйдите за Ишема. Потому что так нужно. Мне нужны Ишемы, мне нужны Роренброки. Мне нужны ваши дети, чтобы я была спокойна за будущее Эстландии и своего сына.

— Я готова жизнь положить за Эстландию и будущего короля, — сказала Эмер, — но ложиться в постель с мужчиной, который мне противен, не готова.

Она тут же осеклась и прикрыла рот ладонью. Проклятое сладкое вино заставило её выболтать сокровенные мысли! Но королеву это ничуть не оскорбило. Возможно, виной этому тоже было сладкое вино.

— Наивное, милое дитя, — сказала она горько. — Как мало вы знаете о жизни. Женщины в этом мире только и делают, что скрепляют сердце, ложась в постель с мужчинами, которые им противны, а то и ненавистны. Моя бабка, оставшись вдовой, вынуждена была выйти замуж за убийцу своего горячо любимого мужа. И жила с ним двадцать лет, и родила ему пятерых детей. Я читала её письма, в них столько тоски, что впору заплакать, обрить голову и уйти в монастырь. Но кто видел её слезы? Только эти самые письма, да её бедная мать, которая тоже была несчастна в браке. Такова наша участь — мы подчиняемся и выживаем. Или не выживаем. А у вас все сложилось иначе. Вы молоды, вы красивы, вам даруется молодой и учтивый муж. Вы просто не знаете, какое это счастье, когда муж учтив. Милорд король... — она замолчала и задумалась, кривя губы и глядя в пламя камина, словно видела там что-то печальное и забавное одновременно.

Эмер заёрзала на подушке, которую сунула под седалище, чтобы не сидеть на холодном полу. Неужели королева только что намекнула ей, простой придворной, о своей несчастливой женской судьбе? При дворе ходили слухи, что король и королева не испытывают друг к другу нежных чувств, но маленький принц был доказательством, что супружеское соглашение между монархами было выполнено, а значит...

— Учтивый муж — подарок небес, — сказала королева. — Примите этот подарок и цените его. Кто знает, а вдруг, если я дам вам другого жениха вместо милорда Ишема, он покажется вам ещё противнее?

— Такого точно не случится, — заверила королеву Эмер, вино развязало ей язык и пустило мысли вскачь по миру. — Если муж окажется старый — он скоро умрет, и я стану счастливой вдовой, если уродливый — я закрою глаза и как-нибудь потерплю, но как я могу постоянно затыкать уши, чтобы не слышать учёной болтовни? Да он наводит на меня тоску, едва открывает рот!

— Вы ещё глупее, чем я о вас думала, — сказала королева, выбирая следующее яблоко. — Только Ишем. И через десять лет вы будете меня благодарить.

Эмер не ответила, и королеве это не понравилось.

— Вы смеете мне снова перечить?!

— Я ведь молчу, — буркнула Эмер.

— Ваше молчание — хуже дерзких речей. Допивайте вино, отправляйтесь к себе, и извольте готовиться к свадьбе, и быть милой с наречённым.

Эмер поднялась, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах. Кто знает, было ли это следствием выпитого вина, или приказ королевы сковал её, словно тяжёлой цепью.

— Я скрою события сегодняшнего вечера от посторонних, — сказала напоследок королева, но передам леди Бертрис, что вы заслуживаете покаяния.

— Благодарю за доброту, Ваше Величество, — чинно ответила Эмер.

«Заслуживаю покаяния! — кипела она от ярости, пробегая Драконью Шею и пролетая, как вихрь, мимо удивлённых гвардейцев, охранявших покой королевы. — Как вам это нравится? Заслуживаю покаяния! Может, и книжного червя в мужья я тоже заслуживаю? Лучше бы он был толстым, старым и лысым, но мужчиной, а не книгочеем, переодетым мужчиной».

— Эй, рыжая графиня! — окликнули её из темноты.

Эмер остановилась, готовясь осыпать насмешника отборной бранью из арсенала рыцарей Вудшира, но промолчала, увидев того, кто позвал. Это был брат короля собственной персоной. Прихрамывая, он вышел из полутёмной ниши, в которой прятался до этого.

— Королева отчитала вас, как строгая матушка провинившуюся дочь? — спросил лорд Бритмар, и Эмер вдруг по-другому взглянула на его кривобокую фигуру.

Несмотря на нелепость тела, лицо было умным и красивым, а в глазах загорались и вспыхивали насмешливые искорки, что свойственно лишь людям, умеющим смеяться не только над другими, но и над собой.

— Вы тоже решили наградить меня порцией нравоучений, Ваше Высочество? — спросила она. — Я уже объяснила госпоже королеве, что попала в потайной ход случайно, тут не было моей вины.

— Но она вам не поверила?

— Думаю, что поверила, — ответила Эмер, поколебавшись. — Мне хотелось бы, чтобы поверила. На самом деле, я очень далека от шпионских историй, страшно боюсь быть замешанной в какую-нибудь придворную интригу и совершенно не умею притворяться.

— Качества, достойные благородного рыцаря, — пошутил лорд Бритмар, — но не благородной девицы.

— О чем вы?

— Каждая женщина должна уметь притворяться, должна обожать интриги и упиваться ими.

Эмер взглянула на него подозрительно, но тут же поняла, что он просто подшучивает над ней, и рассмеялась с облегчением. Брат короля тоже засмеялся, и протянул ей цветок амаранта, который сорвал, проходя по Драконьей Шее.

— Благодарю, Ваше Высочество, — Эмер присела в поклоне и воткнула цветок в кудри над ухом. — Я засушу его и буду показывать внукам, когда состарюсь. И хвастаться, что первый жених королевства одарил меня им в темноте королевского замка.

— Первый жених... — он усмехнулся немного грустно. — Так получилось, что я услышал, о чем вы разговаривали с королевой. Речь шла о вашем женихе.

— Нехорошо подслушивать, — не сдержалась Эмер.

— Нехорошо врываться в покои королевы ночью, через потайной ход, — тут же ответил он.

Они посмотрели друг на друга и прыснули.

— Вы мне понравились, рыжая графиня, — сказал лорд Бритмар. — Позвольте, я провожу вас до девичьей.

Эмер позволила, и они направились в ту часть замка, где располагались покои придворных девиц. Эмер заметила, что калеке трудно поспеть за ней, и пошла медленнее, принаравливаясь под его шаг.

— Вы мне тоже понравились, Ваше Высочество, — сказала она честно. — И вовсе не потому, что вы — брат короля.

— Приятно, что наши симпатии совпали, — ответил он. — И раз так получилось, что я сегодня — ваш кавалер и провожатый, хочу рассказать кое о чём, но это должно остаться между нами...

— Можете не сомневаться, — горячо сказала Эмер.

— Я и не сомневаюсь. Предупреждаю, чтобы не было недопониманий.

— Конечно, Ваше Высочество.

— У Их Величеств не всё ладно между собой. С некоторых пор они даже перестали разговаривать. Мой брат болен, лекари не могут помочь, и он, как любой подозрительный король, считает, что его исподволь травят.

— О! — только и сказала Эмер, не зная, как отнестись к такой новости.

— И как любой неумный король мой брат пришел к выводу, что травит его именно королева, — лорд Бритмар понизил голос до шёпота и приложил палец к губам, давая знак девушке, чтобы молчала. — Порой он ведёт себя, как безумный, обвиняет невестку Элеонору... то есть, Её Величество во всех грехах и терпеть не может юного принца.

— Это печально, — выдавила Эмер, когда калека замолчал, ожидая, что она ответит.

— Печально, — кивнул он. — Сегодня мы молились, чтобы небеса прояснили разум Его Величества. Говорят, молитва по соглашению и невозможное делает возможным, но мне кажется, королева уже утратила надежду. И теперь вы должны понять, что Её Величество оказала вам огромную услугу, выбрав в мужа Ишема. Он достойный молодой человек, не просто образованный, умный и учтивый, он — я бы сказал — человек, опережающий своё время. Пока благородные рыцари заняты пирами и охотой, Ишем путешествует, набирается знаний, с успехом ведёт торговые дела. Будущее именно за ними, за неблагородными, которые хотят и умеют трудиться. А что взять с рыцаря-бездельника? Рыцаря-охотника? Рыцаря, любителя турниров? Ничего. Даже слава его сомнительна. Не говоря о том, что выпив кружку-другую медового напитка, он будет ломиться к вам в спальню, требуя выполнения супружеского долга, а по средам — бить прутом не толще вашего пальца, как записано в книге по ведению хозяйственных дел в замке. Надо ли вам это? Едва ли. Поэтому посмотрите на Ишема другими глазами. Смотрите в будущее. Будьте благоразумны и смиритесь, потому что вам никогда не переупрямить невестку Элеонору. То есть Её Величество.

И хотя разумом Эмер понимала, что он во всём прав, сердце её вздрогнуло, заплакало и наполнилось горечью.

— Я не хочу смотреть в будущее! — сказала она страстно, останавливаясь посреди коридора, освещенного лишь лунными лучами и отблесками факелов за поворотом. — Хочу смотреть на закаты и рассветы, мчаться на коне и вскидывать лук, целясь в оленя. Я хочу смотреть, как собаки устраивают облаву на медведя, и как мой муж бросается на него с рогатиной. А потом я хочу ехать с мужем рука об руку, обсуждая охоту, а потом до утра праздновать и хвастаться добычей. И ещё хочу, чтобы он участвовал в турнирах, и на копье у него был платок с моими цветами, и чтобы он выигрывал, а меня объявляли прекраснейшей, хотя я вовсе не прекраснейшая. Я хочу, чтобы мой муж был мужчиной — настоящим, а не только по названию. Книжечей никогда не сможет ощутить вкуса быстрой скачки или порадовать свою даму победами на ристалище!

Брат короля, казалось, был огорошен её пламенной речью.

— Сколько же в вас страсти, рыжая графиня! — сказал он, когда Эмер замолчала, тяжело дыша. — И сколько глупости, простите уж мою прямолинейность. Вы хотите в

мужья силача-здоровяка, но для мужчины сила не главное, главное — ум.

— Ничего подобного! — опрометчиво заявила Эмер. — Настоящая женщина ищет в мужчине только то, чего нет у неё — силу. Умом и она сама может обогатиться, а вот силу не получит никогда. Бессильный мужчина, это то же самое, что некрасивая женщина — насмешка небес! — тут она сообразила, перед кем поет славу мужской силе, и осеклась. — Простите, Ваше Высочество, я не хотела вас оскорбить. Всему виной мой дурной нрав и королевское вино... От него язык мелет сам собой... Простите великодушно!

— Я не сержусь на вас, графиня, — сказал калека, стоя против окна. Он находился в тени, и Эмер не могла разглядеть выражения его лица. — Вы сказали то, что думали. Я ценю вашу искренность. В конце концов, вы молоды и прекрасны, разве вы можете думать по-другому? Идёмте, скоро запоют вторые петухи, а вы ещё не ложились.

У Большой лестницы они расстались, но Эмер не побежала в девичью. Затаившись за колонной, она смотрела вслед королевскому брату, который, прихрамывая и заваливаясь направо при каждом шаге, брел по пустому коридору.

«Но он — брат короля, — утишила совесть девушка, — он совсем не несчастлив. Богат, влиятелен, живет в роскоши. Вот родись он кривобоким горбуном в семье какого-нибудь бедняка... А так...», — и всё же, в душе ощущался противный холодок, словно она пнула котёнка, который потёрся о её ногу. И хотя вторые петухи уже запели, объявляя два часа по полуночи, Эмер, пошла прочь от девичьей спальни. Она шла по коридорам замка, заложив руки за спину и раздумывая над словами младшего брата короля и над своими собственными.

Мимоходом выглянув в арочное окно, она вдруг увидела Сесилию. Та стояла возле цветущей жимолости, которая росла здесь повсюду — королева любила её запах. Но на сей раз подруга как-то странно себя вела — глядела неподвижно перед собой, на цветущий куст, и заламывала руки. Одна, в королевском саду, ночью... Эмер была поражена до глубины души и тут же высунулась в окно.

— Сесилия! — завопила она, ничуть не заботясь нарушить покой замка в столь поздний час. — Что случилось, Сесилия?!

Но подруга и дальше повела себя странно — вздрогнула, затравленно оглянулась, увидела Эмер и с возгласом отчаяния бросилась прочь, продираясь сквозь кустарник. Она скрылась быстрее, чем Эмер успела крикнуть ей вслед.

Посомневавшись, надо ли бежать следом, Эмер рассудила, что глупо надоедать сейчас подруге, искать её, допытываться, что произошло, и почему она сбежала, словно увидев призрака. Выглядела Сесилия хорошо, вряд ли кто-то из придворных её обидел, и если ей захотелось в одиночестве побродить по саду — она имеет на это полное право.

Усталость навалилась мешком с камнями, и Эмер, отчаянно зевая, вернулась в девичью. Придворные барышни уже спали, сладко посапывая, и даже Остриуд спала, вольготно расположившись на кровати в отсутствие соседки.

Эмер расшнуровала платье, стянула его через ноги и бросила комком в кресло, отложив до завтра неприятные думы насчет того, как оправдаться перед Айфой за испорченный наряд. Потом она пихнула в бок Остриуд, ничуть не заботясь, что разбудит её, и легла в постель, натянув одеяло до ушей.

Как всегда перед сном она мысленно припомнила все события дня. Сколько встреч подарили ей сегодня небеса. И сколько придворных тайн узнала она сегодня. Уже засыпая, Эмер ощутила неясную тревогу. Что-то произошло сегодня, что смутило её душу, но

причины этого смущения она припомнить не могла. Ничего, со всеми тревогами она разберется завтра. Завтра. Потеснив Остриуд еще немного, Эмер погладила заветную золотую монету и уснула.

Глава 5 (начало)

Беседа с женихом Эмер так увлекла Сесилию, что она опомнилась только услышав колокол, возвещающий о начале вечерней молитвы. Барды затянули прощальную песню, намекая, что праздник в честь графини Поэль подошел к концу. Королевские пиршества могли длиться и до утра, но сегодня был не праздничный день, а всего-навсего встреча жениха и невесты.

Лорд Ранулф нехотя поднялся из-за стола.

— Как быстро пролетело время, — сказал он и оглядел зал, оттянув пальцем угол глаза. — У меня плохое зрение, — объяснил он, заметив удивленный взгляд Сесилии, — а так лучше видно... мне следует попрощаться с леди Эмер, но что-то я её не нахожу.

«Мое зрение в порядке, — подумала Сесилия, — но и я её что-то не нахожу, а это означает одно — она нашла занятие поинтереснее. И хорошо, если не тараканьи бега»».

— У леди Эмер много обязанностей при дворе, — сказала она. — Может быть, королева её призвала.

— Да, наверное, вы правы, — согласился лорд Ранулф. — Но мы не договорили о книге Жозефа Ренье... Хотите, прогуляемся по саду, а я расскажу вам, чем вестфальдский вариант отличается от сарумского перевода?

Он смотрел с такой надеждой, и взгляд его был таким по-детски доверчивым, что Сесилия не смогла ответить «нет».

«Хватило бедняге и того, что невеста сбежала с первой встречи самым позорным образом, — размышляла она. — Так что небеса видят, я совершаю благой поступок. И как только Эмер могла поступить столь жестоко с таким милым молодым человеком? Да она должна неустанно молиться яркому пламени, если оно послало ей достойного и умного человека! Хотя от Эмер молитв не дождешься. Скорее, она расскажет какую-нибудь непристойную историю, услышанную в подворотне. А я... я слушала бы его до самой смерти».

Обида на подобную несправедливость впервые захватила её сердце. Обида, зависть и... злость на Эмер. Которой всё достаётся даром, и которая этого не ценит.

Ранулф тем временем благодарил за оказанную честь и клялся, что прогулка с ним не покажется девушке скучной.

— Только недолго, милорд, — попросила она. — Я прибыла сюда с леди Демелза, и если задержусь, то она уедет, а своей кареты у меня нет.

— Не волнуйтесь, — с готовностью ответил лорд Ранулф. — Даже если подобная неприятность случится, в вашем распоряжении будет моя карета, а я буду лично сопровождать вас, и мы сможем ещё побеседовать, пока доедем до вашего дома.

— Не думаю, что это будет прилично — ехать нам вдвоем в одной карете, — засмеялась Сесилия.

— Вы правы, — смутился любитель книг. — Тогда я буду сопровождать карету верхом, чтобы никто вас не обидел.

— Благодарю за доброту, лорд Ранулф, но вряд ли это придется по душе вашей невесте.

— Ах да, невесте...

— Вам понравилась леди Эмер? — спросила Сесилия, и замерла в ожидании ответа.

Они уже спустились в королевский сад, и стояли возле статуй горгулий, державших в когтистых лапах зажжённые факелы. Отблески пламени метались по лицу лорда Ишема, и Сесилия подумала, что он очень красив, но Эмер никогда не поймет его красоты, потому что красота его не снаружи — не в очертаниях губ, не в разрезе глаз и не в линии носа, а гораздо глубже. Но от этого гораздо ярче. Глаза его светились божественным разумением, и голос был приятным, глубоким и проникновенным, хотя говорил он негромко и неспешно, словно обдумывая каждую фразу перед тем, как её произнести.

Вспомнилось, как он вел себя за столом — ухаживал за ней, замечая, когда нужно было подлить вина в опустевший кубок или пододвинуть блюдо, с которого она хотела взять кусочек. И ел опрятно, не рыгая, не облизывая пальцы, чем — уж что скрывать! — грешили многие рыцари даже при дворе.

И чем больше она об этом вспоминала и думала, тем больше хотела услышать ответ на вопрос, и страшилась его услышать.

— Леди Эмер очень привлекательна, — сказал лорд Ранулф тихо. — Когда она шла по залу, то так гордо держала голову, что ей не хватало только короны.

— Да, про Эмер всегда говорили, что у нее королевская стать, — сказала Сесилия. Ей стало неловко за прежние нехорошие мысли в отношении подруги, и теперь она хотела загладить вину, хотя свидетелем её зависти была только лишь совесть. — Она прямая, как копье, и всегда держится так... так, словно...

— Словно рвется в бой, — закончил Ранулф. — В ней много огня. Я заметил. Наверное, именно поэтому королева и выбрала её мне в жены. Во мне-то огня совсем нет.

— У вас есть нечто иное! — воскликнула Сесилия. — Для Эмер будет огромным счастьем получить такого мужа, как вы, милорд.

— Едва ли она посчитает это счастьем. Я понимаю, миледи, что вы хотите меня утешить, но я же не дурачок, — он улыбнулся Сесилии, и та всхлипнула от переполнивших её чувств. — Леди Эмер сбежала, оставив вас прикрывать тылы. Но я ничуть не обижен за это. Наоборот, благодарен, потому что провел чудесный вечер подле вас.

Глаза Сесилии наполнились слезами, и она протянула руки, словно хотела поддержать неудачливого жениха, но опомнилась и отошла на два шага, прислонившись к боку каменной горгульи.

— Эмер не со зла, — сказала она скрепя сердце и защищая подругу, которая по её разумению защиты не заслуживала. — Она тоже волнуется.

— Давайте не будем говорить сейчас о леди Эмер, — сказал Ранулф. — Позвольте мне ещё немного насладиться этим прекрасным вечером. Ведь завтра... завтра всё закончится.

— Всё закончится, — эхом отозвалась Сесилия.

Они немного помолчали, а потом Ранулф смущенно взъерошил волосы.

— Как странно, — сказал он, запинаясь. — Весь вечер подле вас я заливался соловьем, а ведь вокруг было столько людей... Теперь же, когда мы одни, я стал косноязычен и робок, как ребенок. Мечтал поговорить с вами о книге, а теперь не хочу о ней даже вспоминать.

— Тогда и не будем, — сказала Сесилия. — Знаете, в глубине сада есть старый дуб. Под ним всегда растут фиалки. Они особенно сильно пахнут ночью. Я бы сорвала несколько, чтобы поставить на столик возле постели...

— Возле постели, — повторил Ранулф, как зачарованный, наклоняясь к Сесилии совсем близко. Не столько для того, чтобы расслышать, что она говорит, сколько для того, чтобы хорошо видеть её лицо.

— Но уже темно, я побоюсь идти туда одна. Может, вы возьмете факел и проводите меня? К фиалкам...

— Я выполню вашу просьбу с готовностью и удовольствием, — заверил он, забрал у левой горгульи факел и поднял его повыше, чтобы осветить путь.

Сесилия чинно сложила руки и пошла по песчаной дорожке, обложенной с двух сторон плоскими камнями. Следом за ней шел Ранулф. Чтобы освещать дорогу и не обжечь девушку, ему пришлось сойти с дорожки, и он запинался в высокой траве.

Они миновали озеро и подошли к дубу. Сесилия была здесь несколько раз в прошлом году. Тогда ей не надо было искать себе мужа, и она убегала от мачехи сюда, в сад, чтобы провести несколько спокойных часов вдали от шумного и суетливого королевского двора.

Теперь она тоже наслаждалась покоем. И ещё присутствием приятного человека. Ей нравилась услужливость и мягкость манер Ранулфа, но она понимала, что то, что привлекало её, едва ли понравится её своенравной подруге. Эмер ценила в мужчинах силу, доблесть, храбрость и красоту, и мало задумывалась о таких качествах, как доброта и терпение. А ей, Сесилии, пришлось видеть, как отец поколачивал покойную мать, и как быстро утешился от вдовства, женившись на молодой. Но Эмер не задумывается об этом. В мире, в котором она жила, не было ни неудач, ни разочарований, ни мучительного выбора. Счастливица, и сама не понимает своего счастья.

Остановившись под дубом, Сесилия опустила на колени и раздвинула траву. Фиалки все так же росли здесь — простые пятилепестковые цветы, незаметные в чужой тени, как и она сама.

— Много чудесного на земле, — сказала она, срывая хрупкие цветы, на которые уже выпала роса. — Взять хотя бы фиалки. Они такие маленькие и невзрачные, но какой упоительный у них аромат!.. Правда, его нелегко почувствовать. Только если поднести к лицу. Вот так...

Она уткнулась лицом в букетик и закрыла глаза, наслаждаясь запахом цветов, и на мгновение улета в далекий Вудшир, где ей было не очень сладко, но зато спокойно. Когда Сесилия открыла глаза, Ранулф стоял в трех шагах от нее, затаив дыхание и боясь пошевелиться, чтобы не нарушить ее спокойствия.

— Вы сейчас похожи на небожительницу, леди Леоффа, — сказал он. — Я смотрел бы на вас вечно, и молился.

«А я — на вас», — подумала Сесилия, но ничего не сказала, а поднялась, отряхивая платье.

— Можно мне... один цветок? — спросил Ранулф.

— Конечно, милорд, — Сесилия протянула ему фиалку, и на мгновение пальцы молодых людей соприкоснулись.

Ранулф понюхал цветок и воткнул его за брош-фибулу.

— Этот цветок похож на вас, — сказал он. — Не слишком яркий, но его аромат не спутаешь ни с чем.

Летучая мышь, вылетевшая из чащи, напугала их. Сесилия вскрикнула, а Ранулф неловко дернул рукой и уронил факел. Смоляная пакля упала в лужу, огонь зашипел и погас.

— Всего лишь нетопырь, — сказал Ранулф с неуверенным смешком.

«Это знак для меня, чтобы не завидовала и не желала чужого», — подумала Сесилия и тут же взяла Ранулфа за руку.

— Я ужасно испугалась, — сказала она, пряча глаза. — Колени дрожат, я боюсь, что

упаду.

— Вы можете опереться на меня, а если хотите — понесу вас?

От этого предложения девушка горячо отказалась, а вот опереться на руку лорда Ранулфа себе позволила. Пальцы его были горячие, и он тут же ободряюще пожал ей ладошку. Сесилия привстала на цыпочки, обхватила лорда Ранулфа за шею и притянув к себе, поцеловала в губы. Поцелуй длился всего несколько мгновений, но обжёг её до самого сердца. Что касается лорда Ранулфа, он едва устоял на ногах.

— Зачем вы это сделали? — спросил он, прерывисто дыша, когда она отпустила его.

— Вы заслуживаете награды, хотя бы такой. Хотя бы и от меня, — сказала Сесилия.

— Я самый счастливый и самый несчастный одновременно, — пробормотал он, взъерошив волосы.

— Не говорите больше ничего, милорд. Проводите меня к каретному двору. Уже поздно, леди Демелза должна вот-вот уехать. Я не хотела бы злоупотреблять вашей добротой.

— О, вы просто неспособны совершить ничего злого! — воскликнул лорд Ранулф, не спеша выполнять просьбу дамы и провожать ее.

«Уже совершила, — мысленно возразила Сесилия, тоже не делая ни шага. Она словно выросла в землю, пустив тут корни, и на это были свои причины. — Милосердные небеса! Я соблазняю чужого жениха? Но всего лишь поцелуй... Всего лишь поцелуй! Сесилия, ты бесстыдна, как падшая женщина из трущоб!»

Ранулф почувствовал её смятение и принял всё на свой счет.

— Я вел себя, как мужлан, — сказал он, волнуясь. — И оскорбил вас.

«Скорее, это я тебя оскорбила», — продолжила Сесилия мысленный диалог с чужим женихом.

— Я прекрасно понимаю, что вы поцеловали меня из жалости, и я должен был преисполниться благоговейного трепета видя ваше милосердия... И я преисполнился, леди Леоффа! Правда, преисполнился! Но ещё мне это... страшно понравилось.

— Тогда повторите, если говорите правду, — сказала Сесилия медленно, поднимая лицо и не закрывая глаз.

А вот лорд Ранулф глаза закрыл. И поцеловал её так старательно и нежно, как ребенок целует на ночь любимую игрушку.

«Он и сам, как ребенок, — подумала Сесилия, пряча улыбку. — При всем его уме и начитанности, он всего лишь несмышленное дитя. В некоторых вопросах».

Эта целомудренная неосведомленность обрадовала её. Уж она-то на собственном опыте знала, как умеют целоваться и щипать за мягкие места благородные рыцари, буде придется встретиться с ними в полутемном коридоре и рядом не окажется строгой надзирательницы за нравственностью дев. Лорд Ранулф не такой. Он вообще ни на кого не похож. Он особенный.

И после такого целомудренного поцелуя в Сесилию словно демон вселился. Она снова схватила молодого человека за шею, притянула к себе и поцеловала, уже не скромничая. Когда она оторвалась от него, чувствуя себя упырихой, напившейся невинной крови, лорд Ранулф уже держал ее в объятиях, поглаживая по затылку и спине, и вовсе не хотел отпускать.

— А теперь отпустите меня и уходите, — сказала Сесилия низким голосом.

Лорд Ранулф, ошалевший от неожиданных страстных поцелуев не понял её с первого раза, и ей пришлось повторить.

— Уходите, милорд. И не оглядывайтесь.

Он наклонился, пытаясь разглядеть выражение лица девушки, и выглядел озадаченным:

— Правильно ли я вас понял? Вы просите меня удалиться?..

— Не прошу, а приказываю, — сказала Сесилия так твёрдо, как только смогла.

— Вы и правда хотите, чтобы я ушёл?..

— Сколько нужно повторять, чтобы вы поняли? Вот дорога, вон двери.

— Но довести вас до каретного...

— Я доберусь сама. Благодарю. Ну же? — она выразительно кивнула в сторону

каменных горгулий, насмешливо щеривших клыки.

Лорд Ранулф сделал два шага и остановился.

«Если сейчас он оглянется, и я брошусь ему на шею...» — решила про себя Сесилия, так крепко сжимая кулаки, что ногти впились в ладони.

Но он не оглянулся, а побрел дальше, ступая медленно и тяжело, как столетний старик. И с каждым шагом, с которым он послушно уходил от неё всё дальше и дальше, Сесилия ощущала всё большее жжение в сердце. Каким хорошим мужем он мог бы быть! А она была бы такой хорошей женой! Но всё это достанется Эмер. Долговязой, легкомысленной Эмер, у которой вечно обломаны ногти, а кудри не укладываются ни в одну причёску.

Сесилия смотрела вслед Ранулфу, пока он не поднялся по ступеням и не исчез в темноте портика. Только тогда она так же медленно побрела в другую сторону — к каретному двору, где её ждала леди Демелза. Если ещё ждала.

«Что я делаю, яркое пламя? — вопрошала Сесилия мысленно, но с таким ужасом, что вопросы её, наверняка, пронзили ночное небо и достигли блаженного края, согретого праведным огнём. — Что я делаю? Помоги мне небо».

Она оказалась в зарослях козьей жимолости, которая как раз цвела, буйно осыпанная ароматными цветами.

Уставившись в заросли, Сесилия смотрела на жёлтые цветы, но их не видела, поражённая тем черным предательством, что созрело в её душе, где сейчас шел нешуточный диалог совести со злостью.

«Она ведь подруга», — пискнула совесть.

«Какая подруга?! — возмутилась злость. — Видали мы таких подруг! Делай все, что нужно Эмер. Подчиняйся всему, что вздумается Эмер. Тараканьи бега? Прикрой, пожалуйста. Отвлечь жениха? Сесилия, будь любезна. Ах, тебе нужно найти мужа? Ничего, потом как-нибудь найдешь. Разве так ведут себя подруги? Совсем не так».

«Она ведь неплохая», — продолжала совесть, но голос ее хирел, становился все слабее под натиском злости.

«Она неплохая, но вместе с тем — легкомысленная, бессердечная, гордая, и думает только о себе!»

Тут в дело вмешался здравый смысл: «Но их брак благословила сама королева. И лорд Ранулф — преданный слуга короны — никогда не пойдет против воли Её Величества. А ты, Сесилия, вместо того, чтобы искать себе мужа, рубишь дерево не по своему топору. Ты останешься ни с чем, и тебя отправят в монастырь».

— Это правда, — забормотала Сесилия, — я замахнулась на то, что небесами суждено другой. Я обезумела! Прости меня, яркое пламя! — она заломила руки в жесте отчаяния, пытаясь вспомнить слова молитвы, но на ум упорно шли поцелуи лорда Ранулфа и его растерянное лицо, когда она велела уходить и не оглядываться.

— Сесилия!

Этот вопль невозможно было спутать ни с каким другим. Раздавшийся в темноте и тишине, он прозвучал для Сесилии, как гром с ясного неба, как знак, что её тайные делишки видны свыше, замечены и не одобрены.

Кричала Эмер. Вся дрожа, Сесилия посмотрела в ту сторону. Эмер махала ей рукой со второго этажа, высунувшись в арочное окно по пояс. Но даже в призрачном свете луны было видно, как сияет улыбкой её физиономия. Что она делает здесь так поздно? А вдруг... она видела?..

Сесилия вскрикнула от ужаса и стыда, и бросилась бежать, не разбирая дороги. Ветки жимолости хлестали её, но ей и в голову не приходило прикрыться. Она мчалась сквозь кусты, как оленица, преследуемая гончими. Хотя — и она это прекрасно знала — Эмер не побежит следом, выспрашивая, что случилось. Было ли ей, вообще, до кого-нибудь дело, этой Эмер?

В тот вечер мягкая постель в доме лорда и леди Демелза казалась Сесилии жесткой, как соломенная подстилка в доме бедняка. Она бесконечно ворочалась, то укрываясь до ушей, до сбрасывая одеяло.

«Я всё скажу ей, — повторяла она про себя на разные лады. — Я всё ей скажу».

Засыпая, Сесилия представляла себе, как завтра обрушит на голову Эмер потоки негодования и упрёков, и не будет оправдываться, а будет только обвинять.

Наутро решимости у Сесилии поубавилась. Леди Демелза вместе с мужем отправились ко двору, и она поехала с ними, но не встретила ни Эмер, ни лорда Ранулфа, ни хотя бы одного знакомого лица.

Увидеть подругу ей удалось лишь к вечеру. Маленький слуга в поварском берете сообщил, что графиня Поэль готовит для королевы ужин, и Сесилия пошла во внутренний двор, где ставили жаровни для жаркого. Каждый последующий шаг давался ей со всё большим трудом, а перед дверью она остановилась и дважды досчитала до двухсот, прежде, чем взяться за ручку.

Эмер поручили поджарить для королевы вальдшнепов. Начались весенние высыпки, и охотники каждый день приносили горы рыжепёрых тушек с длинными носами, а королева была большая охотница до маленькой, нежной дичи. И непременно желала, чтобы готовила для неё графиня Поэль.

Вот и теперь новоиспечённая графиня стояла возле каменной жаровни во внутреннем дворе, красная от жара и лохматая, как простолюдинка. Ощипанные, но не потрошенные тушки, наштигованные под кожу тончайшими ломтиками сала, лежали в тазу, а Эмер орудовала двуручной сковородкой.

— Сесилия! Хорошо, что ты меня нашла! Садись здесь, на камень, сюда не достаёт жар от углей. Что до меня, я уже ненавижу сковордки! Клянусь, когда выйду замуж, прикажу, чтобы их все повыкидывали. Пусть жарят на вертелах, — лицо Эмер было сосредоточенным, как у рыцаря на ристалище, но разговаривая с Сесилией, она дважды улыбнулась, потому что рада была её видеть

Сесилия присела на камень и приготовилась говорить, но тут её желудок издал громкое урчание, и Эмер мгновенно сообразила, что к чему.

— Бедняжка! Ты, наверное, целый день не ела? Я уже сто раз об этом думала — что за

королевский замок, если не могут накормить всех посетителей? Подожди, сейчас я угощу тебя наивкуснейшим блюдом. Знаешь, матушка будет довольна, когда узнает, что я научилась жарить вальдшнепов, бекасов и перепёлок с закрытыми глазами!

Она сорвала большой лист лопуха и, обжигая пальцы, положила на него две румяные, уже готовые птичьи тушки. От одного аромата Сесилия готова была упасть в обморок, но всё же запротестовала:

— Что ты, Эмер! Как можно?! Это ведь пища для королевы!

— Ты считаешь Её Величество великаном с бездонным пузом, что ли? — легкомысленно ответила Эмер, кладя угощение на лопухе, как на зеленом подносе, на камень рядом с Сесилией. — За ужином она съест двух птичек, не больше, у неё ведь одних перемен блюд восемь, и в каждой перемене — два на выбор. Остальное всё равно отдадут придворным. Так что ешь и ни о чём не волнуйся. А я скажу леди Бертрис, что задремала и сожгла пару вальдшипов, — она рассмеялась, довольная собственной хитростью.

— Но это нехорошо, — слабо возразила Сесилия, уже хватая кусочек жаркого.

— Накормить голодного — одна из заповедей, данных нам ярким пламенем, — сказала Эмер нравоучительно, — а королева так набожна... И она будет довольна, и небеса. Так что кушай и ни о чём не думай.

И Сесилия отдала должное вкусно зажаренному мясу.

Пока Эмер рассказывала ей последние новости двора, преподнося любую ерунду в таком комичном свете, что сама же и покатывалась со смеху, Сесилия расправилась с вальдшнепами и с благодарностью взглянула на подругу:

— Спасибо, ты очень добра, а я и вправду была очень голодна.

— Я знаю, — отозвалась Эмер, сбрызгивая очередную порцию птиц вином. — Но это я только с тобой такая. Будь на твоём месте Остриюдка или мой жених, — она скривилась и даже сплюнула в траву, как конюх, — они не получили бы ни кусочка, даже если встали бы на колени. Даже если бы целовали землю, — она в подтверждение своих слов пристукнула сковородкой, перевернув вальдшнепов. — Я сказала.

— Лорд Ранулф совсем не плохой...

— А я и не сказала, что плохой, — Эмер вытерла рукавом пот со лба. — Но когда я его вижу, то всегда вспоминаю, какие кислые яблоки росли в саду аббатисы Катарины.

«Сейчас я ей скажу...» — Сесилия глубоко вздохнула, расправила плечи и... сказала нечто иное, нежели собиралась:

— Я уважаю твое мнение, Эмер, но если королева благословила ваш брак, ты не имеешь права отказать лорду Ранулфу. Подумай, какой позор ждет его в случае твоего отказа. Ты ведь не сделаешь подобной глупости?!

Эмер посмотрела на угли жаровни, щурясь, словно пыталась прочитать там что-то важное, потом перевернула тушки и уселась, по-мужски широко расставив ноги и оперевшись о колени ладонями.

— Не волнуйся, — сказала она медленно. — Вчера небеса были щедры ко мне, послав несколько интересных встреч... Я поразмыслила... прикинула вот здесь... — она постукала указательным пальцем себя по виску. — Конечно, мне нельзя идти против воли королевы. Никак нельзя. Так что я подчинюсь судьбе и выйду замуж за Ранулфа, показывая, как этим довольна. Вот так показывая, — она изобразила идиотскую улыбку, растянув рот до ушей и захлопала ресницами, посматривая то вправо, то влево.

И хотя её слова вошли в сердце Сесилии, как раскаленный нож в кусок топленого масла,

она не смогла удержаться от смеха.

— Что за странное веселье, когда вы готовите королевскую еду, графиня Поэль? — раздался недовольный голос.

Эмер повернулась, подбоченившись, а Сесилия виновато притихла, пряча за камень обглоданные птичьи косточки.

Перед ними стояла Остриуд Фламбар — воздушная, как фея, в новом платье лазурного цвета, с двумя золотыми брошами на груди.

— Вы пришли напомнить нам, как надлежит вести себя благовоспитанными девицам? — вежливо спросила Эмер, прикидывая, как бы ненароком обрызгать маслом платье феи, но слова Остриуд мигом прекратили её весёлость.

— Леди Бертрис сказала, чтобы графиня Поэль немедленно пришла к западной арке, — произнесла Остриуд с непередаваемой гримасой презрения. — Я провожу.

Было видно, что новый титул Эмер так и жжёт ей язык.

«Вот оно! Нажаловалась-таки, Твоё Величество», — подумала Эмер.

Западная арка располагалась в удалённой части замка. Там не было комнат придворных, потому что западное крыло королева оборудовала под церковь. Слуги и гости старались туда не заходить, чтобы не беспокоить Её Величество, если той вздумается помолиться не в комнатной молельне, а в церкви. Эмер приуныла, гадая, какое покаяние наложит на неё старшая придворная. Может, заставит тысячу раз переписать молитву яркому пламени. Может, заставит сделать тысячу поклонов перед алтарём. Лучше поклоны. Но отправляться сразу на расправу она не собиралась.

— Королева желает вкусно покушать, — сказала она невинно. — Леди Бертрис придётся подождать. Когда я отнесу Её Величеству...

— Отнести может и она, — Остриуд указала остреньким подбородком на Сесилию, и та испуганно подпрыгнула. — Леди Бертрис велела придти немедленно. Извольте подчиняться.

— Но блюдо слишком тяжёлое! — возмутилась Эмер.

— Вы смеете перечить леди Бертрис? — холодно осведомилась Остриуд. — Хорошо, я ей передам...

Тон её так напугал Сесилию, что она тут же вскочила с камня и умоляюще сложила руки, взывая к благоразумию подруги:

— Эмер, дорогая, не сердит никого. Я отнесу, мне будет совсем не тяжело, — и она в подтверждение слов подняла серебряное блюдо, на которое только что были выложены последние тушки.

Блюдо оказалось тяжелее, чем она рассчитывала, но Сесилия не показал виду, улыбнулась хмурой Эмер, поклонилась сердитой девице в лазурном платье и пошла по направлению к королевским покоям, стараясь ступать ровнее, чтобы ароматная горка жареных вальдшнепов не разлетелась с блюда.

— Передай мой привет Айфе! — крикнула Эмер ей вслед.

— Идите за мной, — сказала Остриуд и повернулась на каблуках.

Эмер тяжело вздохнула, отправляясь на расправу.

По пути она поправила кулон-сковородку, чтобы леди Бертрис заметила и вспомнила, кому королева обязана спасением жизни, и привычным уже жестом нащупала через одежду золотую монету. Мысли о неизвестном рыцаре печалили, и Эмер заказала себе вспоминать о нём. Лорд Ранулф... теперь даже его имя ей не нравилось. Такое же неуклюжее и рыхлое, как он сам.

Возле западной арки леди Бертрис не оказалось, и Эмер тут же вспомнила о сотне важных дел.

— Ей, наверное, некогда, — сказала она Острюд. — Скажешь, я покаюсь потом. А теперь мне надо поговорить с женихом.

Как кстати пришёлся жених. Хоть какая-то от него польза.

— Леди Бертрис ждёт вон в том коридоре, — Острюд указала тонким пальцем с подпиленным ноготочком. Поистине, на этой девице всё было подпилено, напомажено и начищено до серебряного блеска.

— Чего вдруг она вздумала прятаться? — проворчала Эмер, но пошла, куда указали. Здесь не было ни светильников, ни факелов. В полутьме смутно виднелись ступени деревянной лестницы без перил, а старшей придворной не было в помине. — Ну и где леди Бертрис, маленькая зазнайка?

Достало бы расквасить Острюдке носик, и у Эмер руки чесались сделать это, но тут её подхватили под локти и уволокли в нишу под лестницей. Здесь было полно пыли, Эмер чихнула несколько раз и только теперь разглядела схвативших её парней. Один был совсем юный, со щеками, по-детски пухлыми и румяными, и с маленьким, как у девицы, ротиком, а второй — рябой после оспы.

— Что это вы в меня вцепились?! — возмутилась Эмер, пытаясь вырваться, но они держали крепко. — Это леди Бертрис вам приказала?

Острюд фыркнула, и Эмер всё поняла:

— Ах ты, мерзавка... Леди Бертрис ничего тебе не приказывала.

— Я же говорила, ты глупа. Обыкновенная провинциалка, — с торжеством объявила Острюд. — Стоило поманить пальцем, и ты послушно за мной побежала. Выходи, братик!

— Братик?.. — Эмер открыла рот, когда из темноты шагнул плечистый высокий мужчина. Он был ещё выше лорда Ранулфа, и она едва доставала макушкой ему до уха.

— Это ты осмелилась ударить мою сестру? — спросил рыцарь, и Эмер немедленно узнала его голос, а потом и его самого.

Золотая монета прижгла между ключиц, словно раскалённая головня. Это был тот самый рыцарь, прогнавший грабителей из Нижнего города. Эмер готова была застонать от насмешки небес и снова дёрнулась в руках рябого и пухлощеккого. Они удержали её со смехом, хотя и не без труда. Больше всего она жалела, что предстала перед своим героем с синяком на лице.

Он не преминул его заметить:

— Синяк у королевской придворной, — и хмыкнул, рассматривая девушку, как нечто такое, что невозможно взять в руки, не запачкавшись.

— Ты обманом заманил меня, чтобы получше рассмотреть мой синяк? — осведомилась Эмер, глядя на рыцаря так высокомерно, словно была принцессой крови, а он — нищим вилланом, просящим милостыню. — Я с удовольствием поставлю тебе такой же, будешь любоваться перед сном, глядя на себя в зеркало. Ведь красавчик вроде тебя, наверняка, смотрится в зеркало? Еще и сетку, поди, надеваешь, чтобы прическу не помять.

На самом же деле, сердце её подпрыгнуло, потом оборвалось с высоты её неженского роста, а потом понеслось вскачь такими неровными прыжками, как будто пьяный козленок резвился на лужайке.

Вот, значит, какой он — племянник Её Величества, братец противной Острюд... Наконец-то она разглядела его, хорошо разглядела, и нашла ещё более красивым, чем в своих

воспоминаниях. Всё в нём говорило об аристократичности, породе и благородстве — и тонкий, немного длинноватый нос, и резкие черты бледного лица в обрамлении чёрных волос — как камья, высеченная на светлом агате с темным основанием. И он ничуть не походил на Острюд, ни единой чёрточкой. Всё это она поняла и почувствовала за считанные секунды, прежде, чем рыцарь ей ответил.

— Нет, не твой синяк заставил искать встречи, — сказал он. — Ты одолжила кое-что моей сестре, а Фламбары долгов не забывают, — и кивнул Острюд: — Твоя очередь.

Она выступила вперед, и на её миловидном личике отразилось злое удовольствие.

— Это тебе за наглость! — веско сказала Острюд и отвесила Эмер пощечину с правой руки. — А это — за довесок к наглости! — она ударила её по другой щеке.

Удары были так себе, но Эмер на несколько секунд оглохла и ослепла от подобного унижения. Будь это в честной драке, она бы и бровью не повела, но получать унижительные плюхи вот так, будучи пойманной в силоч...

Она смерила Острюд взглядом и сказала сквозь зубы:

— Я прощаю тебе первую пощечину, но не вторую. Видят небеса, отделаю тебя так, что братец не узнает и испугается.

— Ещё и твякает, — сэр Годрик перехватил руку Острюд, которая замахнулась для третьего удара. — Довольно. Твоя обида отмщена, теперь успокойся.

— Ничего подобного, Годрик! — Острюд злобно посмотрела на него. — Она избивала меня при придворных девицах, а я могу расквитаться с ней лишь наедине!

— Здесь Бон и Ульфар. И я, если ты обратила внимание. Трёх мужчин в свидетели тебе недостаточно?

Он произнес эти слова спокойно, но было что-то в его голосе, что немедленно охладило воинственный пыл Острюд. Да что Острюд, Эмер сама так и затрепетала, чувствуя его силу. Манерами и речами он напомнил ей лорда Ранулфа. Но то, что в Ранулфе раздражало, здесь было подкреплено уверенностью и физической силой, а посему казалось прекрасным. Мысленно она снова и снова вопрошала небеса, за что ей была ниспослана подобная несправедливость? Понравившийся рыцарь оказался родственником мерзкой Острюд, и отнёсся к ней, словно к врагу.

В глубине души Эмер с отчаянием и безнадежностью понимала, что никакая ему не пара. Годрик! Благородное имя, означающее «небесный воин». И ему идёт это имя. Бесспорно, идёт.

Одет он с иголочки. Ткань, покрой и вышивка — всё безупречно, богато, но не вычурно, а она — в платье фасона позапрошлого года. У него густые волнистые волосы лежат ровно — волосок к волоску — достигая плеч, как шлем, а она — встрёпанная, и рыжая, к тому же. Каждый его жест, каждое слово говорили об образованности и воспитанности, а она от смущенья начала говорить, как простолюдинка. Даже хуже — как девка из Нижнего города!

Но ещё она понимала, что ни в коем случае нельзя показать этому красавчику собственную слабость. Потому что такие, обладая силой, и в других уважают только силу. Это она усвоила ещё в Роренброке, когда наблюдала за сражениями рыцарей.

— Свидетелей более чем достаточно, — сказала она с издевкой, опередив Острюд. — Свидетелей вашей трусости, господин рыцарь!

Годрик немедленно повернулся к ней.

— Моей трусости? — спросил он, высокомерно поднимая брови, а Эмер вдруг подумала, что он младше, чем ей показалось сначала. Гораздо младше. Должно быть, старше

её на год или два. А уж спеси-то, спеси! Хватило бы на двадцать таких сопляков.

— Что же это, как не трусость? Трое рыцарей на одну прекрасную даму, — сказала Эмер сладким голосом. — В бою действуете так же? Если противник один — наваливаетесь скопом, а если противников двое — смело бросаетесь в бегство?

— Пошла отсюда, — приказал Годрик сестре, и та не посмела послушаться.

Семеня по коридору, она оглядывалась на Эмер через каждые два шага, и глядела со злорадством и ненавистью

Глава 5 (окончание)

Эмер заволновалась и облизнула губы. Что ещё задумал этот рыцарь, показавшийся ей при первой встрече таким прекрасным, а при второй — вовсе не прекрасным? Надругаться над королевской придворной он не осмелится. Или осмелится? Её бросило и в жар, и в холод, но глаз она не опустила и о пощаде молить не собиралась.

— У тебя гадючьи речи, — сказал Годрик. — Хорошо хоть, зубы не гадючьи. А то прикусила бы как-нибудь язык и умерла от собственного яда. Но можешь говорить, что хочешь, всё равно не будешь услышана. Всем известно, что Фламбары никогда ещё не показывали врагам спину. А я — Фламбар до мозга костей, и воин от небес. Это тебе любой подтвердит.

— Да ты не только трус, но ещё и хвостун, — сказала Эмер, презрительно выпятив губу. — Кажется, так и переводится твоя фамилия?[1]

Друзья Фламбара присвистнули.

— Годрик, — сказал рябой, — сдаётся мне, она хочет тебя оскорбить.

Сэр Годрик посмотрел на Эмер холодно, как на жабу.

— Если ты знаешь южное наречие, дорогая девушка, — сказал он, — то должна знать, что Фламбар переводится, как «огненный язык». Это потому что мои предки занимались кузнечным делом. Но есть ещё кое-что...

Он неожиданно схватил девушку за голову, сжав ей виски ладонями, как тисками, и крепко поцеловал в губы.

Никто и никогда не целовал её так. Поцелуи матери, сестёр и подруг не в счёт, а мужские поцелуи она видела только на картинках в книгах о рыцарях прежних времён. Но там всё выглядело по-другому. Дама скромно смотрела в сторону, а рыцарь с благоговейным трепетом касался губами её щеки. В поцелуе же Фламбара не было ни благоговейности, ни трепета, да и сама она не смогла выказать скромности, пусть даже и ложной. Больше всего этот поцелуй походил на удар раскалённым молотом в мозг и сердце. Дыхание Эмер пресеклось, а глаза сами закрылись. Наверное, Фламбар жевал какую-то душистую смолку, потому что вкус его поцелуя был и сладкий, и горький, как шиповник, вываренный в меду.

И снова мелькнула мысль, опечалившая до глубины души: «Вот бы мне такого мужа!» — пусть бы целовал жарко, до потемнения в глазах, и держал крепко, как медведь добычу. Не то что лорд Ранулф.

Колени девушки подогнулись, и она упала бы, не поддержи её друзья сэра рыцаря.

— Годрик, эй! — воскликнул рябой. — Ей, кажется, понравилось!

— Разве могло быть иначе? — спросил Фламбар, отрываясь от беззащитной жертвы и еле переводя дыханье. — Да она уже готова выпрыгнуть из платья, чтобы мне отдаться. Поняла теперь, почему мой язык называют огненным? — и он поскреб указательным пальцем девушку под подбородком, как бродячую собачонку, подошедшую кланчить косточку.

Сладкий морок немедленно отпустил, и Эмер угрюмо уставилась на оскорбителя, досадуя, что не может демонстративно утереть губы ладонью.

— Как она тебе? — спросил рябой с жадным любопытством.

— Сойдёт для разового использования, — снисходительно ответил ему друг. — Но пылкая девчонка! Пожалуй, стоит того, чтобы поцеловать её ещё раз. К тому же, вы меня знаете — не люблю отказывать женщине в её желаниях, — и он наклонился для нового поцелуя.

Эмер не стала медлить и ударила его лбом в нос.

Кровь с благородного рыцаря хлынула, как с поросёнка, и высокомерная маска сразу же слетела.

— Ты мне нос разбила, дикая деревенщина, — сказал он, изумлённо глядя, как красные капли пятнают на пол. Он утёрся тыльной стороной ладони и обратился к друзьям, не веря, что подобное могла сотворить девица из свиты королевы. — Вы это видели?!

Рябой, и пухлощёкий не ответили, только таращили глаза. Рябой прыснул, но тут же осёкся.

— Ещё ко мне прикоснёшься, я тебе горло перегрызу, — пообещала Эмер. — Ты, видно, из тех, кто смел только с женщинами, да и то не со всякими.

— На себя намекаешь?

— Лучше отпусти по-хорошему, или будешь оправдываться перед женой за расцарапанную вывеску, — сказала она на жаргоне вилланов, чем потрясла рыцаря ещё больше.

— И где только рождаются такие буйные и невоспитанные бабы? — Годрик зажал нос, чтобы остановить кровотечение, и теперь голос его звучал гнусаво, не имея уже той силы, что вначале пленила Эмер.

Она же втайне огорчилась, что он не опроверг слов о жене. Вопрос был задан с тайным намерением узнать, свободен ли ещё этот рыцарь, или уже навсегда потерян, связанный узами брака. Эмер ещё раз дёрнулась в руках дружков Годрика, и те выпустили её — или решили не связываться, или такова была договорённость.

Эмер демонстративно отряхнула рукава, не спеша убежать. Не хватало ещё изображать трусливого кролика им на потеху.

— Я из Вудшира, — объявила она угрожающим тоном. — И тамошние женщины себя в обиду не дают. Ваши физиономии я запомню, доблестные сэры. А твою, — она ткнула пальцем во Фламбара, — не забуду до самой смерти.

— Я настолько пришёлся тебе по душе? — пусть и с разбитым носом, он не собирался спускать ей ни одного дерзкого слова.

— Точно! Будешь мне сниться со своим южным говором, — она зажала нос двумя пальцами и сказала, пародируя напыщенную манеру Годрика и немилосердно гундося: — Я - Фламбар, не люблю отказывать женщинам в их желаниях!

— Ах ты! — он прыгнул вперед, хватая ее за плечо. — А розгой по мягкому месту не пожелаешь? Я бы не отказал!

— Отстань! Покалечу! — предупредила Эмер, но не успела применить ни одного приёма из тех, каким обучал её старый Мэт.

Сэр рыцарь немилосердно завернул ей руку за спину, притискивая к себе.

— Я ведь слов на ветер не бросаю, — сказал он. Кровь снова потекла по его лицу, но он забыл утереться.

Эмер оказалась так близко от него, что его дыхание коснулось её щеки. От мужской котты пахло совсем особым, странным, но приятным запахом. Янтарём и промёрзлой землей — такое сравнение пришло на ум, и Эмер подумала, что вдыхать этот запах — почти тоже

самое, что наслаждаться ароматами небесных садов. Блаженно, и не может надоесть.

Но небесные сады — они были где-то там, на недлюсагаемой высоте, а здесь происходили другие, совсем не небесные дела.

— Советую отпустить меня, сэр рыцарь Годрик Фламбар, — сказала Эмер так, что имя Остриюдкиного брата прозвучало, как оскорбление. — Иначе тебе даже венценосная тетушка не поможет.

— Зато тебе поможет розга, — обрадовал её Годрик, держа крепко, и не собираясь ослаблять хватку.

— Розга? — коварно переспросила Эмер.

— Совершенно верно.

— По мягкому месту?

— По нему.

— А свинью в зад поцеловать не хочешь? — и свободной рукой она вцепилась ему в волосы, заставив вскрикнуть от боли.

Некоторое время они топтались на месте, пытаясь освободить — одну руку, другой пряди волос. Но в какой-то момент сопротивление Эмер ослабло, а нападение Годрика приняло иной характер. Уста их слились, и на глазах у изумлённых друзей сэр Фламбар принялся страстно целоваться с рыжей девицей, которая вовсе не спешила претворить в дело свои угрозы: покалечить, расцарапать или перегрызть. Похоже, оба забыли о свидетелях, потому что Годрик схватил лицо девушки в ладони и знай целовал её особыми поцелуями, которыми так мастерски владеют южане, принуждая приоткрыть губы.

«Яркое пламя! — ужаснулась Эмер, обнаружив, что держит рыцаря за волосы больше для вида, то ли пытаясь оттащить его от себя, то ли притянуть поближе. — Лишь коснулся, а я уже таю, как воск!»

Случись подобное где-нибудь в алькове и наедине, она, вероятно, забыла бы о девичьей чести, но мысль о том, что рядом стоят два желторотых сэра, а они с Годриком им на потеху исполняют брачные танцы журавлей, привела её в чувство. Уперевшись локтем в грудь рыцарю, она отстранилась на две ладони и опять боднула его в лицо. Он успел отвернуться, и удар пришелся в скулу. В голове у Эмер зазвенело, но и противнику пришлось не слаще. Он зашипел сквозь зубы и вывернул Эмер руку уже по-другому — заставив согнуться в три погибели. Она лягнула его в колено и почти попала, потому что Годрик выругался, помянув бобра и жену подземного пса Шака.

Эмер тоже собиралась кое-кого помянуть, но яркое пламя решило по своему.

— Какая замечательная картина! — знакомый певучий голос прозвучал, подобно грому с ясного неба.

Эмер и Годрик прекратили возню и застыли, как статуи, а друзья-рыцари поспешили укрыться в темноте, юркнув под лестницу. Впрочем Годрик тут же выпустил руку девушки и даже отступил на шаг, показывая, что здесь он — стороннее лицо.

Посреди коридора стояла сама королева Элеонора, в окружении придворных дам и в сопровождении гвардейцев. Шут нёс фонарь, освещая путь госпоже. Сейчас он всю потешался — корчил уморительные рожи и брыкался, словно норовистый конь, показывая, как Эмер отбивалась от Годрика. Бубенчики на шутовском колпаке звенели весело и звонко, совсем неподходяще для такого случая. Не повышая голоса, королева приказал шуту уgomониться.

— И что же тут происходит? — спросила она обманчиво-спокойным голосом. — Мы

идём в часовню, на вечернюю молитву, и вдруг слышим вопли и ругань. А затем видим такое...

Эмер перевела взгляд на Годрика. Тот расцвёл, как майская роза, но держался надменно. Эмер подумала, что они составляют неплохую парочку — он с расквашенным носом, она с синяком.

— Я слушаю, — голос королевы утратил напевность, теперь в нём звенели металлические нотки.

— Всё не так, как ты думаешь, тётя, — сказал Годрик.

— Неужели? Мы видим, как ты тащишь упирающуюся девицу, невесту, и думем об этом как-то не так? Ты нахал. Ещё и осмеливаешься называть нас тётей. Кстати, сэр Шаттле и сэр Ламорак, можете не прятаться. Мы вас прекрасно разглядели.

Рябой и пухлощекий вышли из укрытия и предстали перед королевой, покаянно склонив головы. Вид у всей троицы был жалкий, хотя Годрик и пытался храбриться.

— Неужели вы тоже участвовали этой мерзости? — обратилась королева к сэру Шаттле и сэру Ламораку. — Вы, доблестные рыцари короны?

— Тётя, я всё объясню, — заявил Годрик.

— Не трудись, — остановила она его повелительным жестом. — Леди Мирабель, идите вперёд и скажите отцу Плегге, что необходимо срочно провести обряд венчания.

— Венчания?! — воскликнули одновременно Эмер и Годрик.

— А что вы так взволновались? — спросила королева, кивком отправляя леди Мирабель. — То, что мы наблюдали, может иметь только один конец. Сейчас мы вас поженим, чтобы укрыть грех.

— Тётя! — крикнул Годрик, теряя спесивую невозмутимость. — Какой грех? Я её и пальцем не тронул!

— Это говорит мужчина с разбитым носом? — поинтересовалась Элеонора. — Вперёд, дети мои. У нас четверть часа, чтобы приготовить вас к главному таинству жизни.

Сердце Эмер сладостно застучало. Неужели небеса решили услышать её молитвы и исполнить их? Вот так, сразу и безоговорочно?

— Но как же помолвка с леди Дезире? — не сдавался Годрик, и Эмер с сожалением поняла, что он хочет этой странной свадьбы гораздо меньше, чем хочет её она.

— Так и девица Роренброк помолвлена. Тебе остаётся винить лишь себя. Два дома будут оскорблены из-за нарушения брачных соглашений. Но не тяни время. Или хочешь идти под венец в сопровождении гвардейцев? Так мы это устроим.

Годрик проявил благоразумие и решил обойтись без гвардейцев. Бросив на Эмер мрачный взгляд, он направился в сторону часовни, а за ним потянулась королевская свита. Сама Её Величество взяла Эмер под руку и улыбнулась так ласково, что напугала Эмер больше, чем когда сломала иголку в спальне.

— В-ваше королевское Величество, — забормотала девушка. — В том, что случилось, нет моей вины и злого умысла... Я была обманута...

— Ничуть не виним вас, дорогое дитя, — ответила королева необычайно благостно. — Всё, что происходит, происходит по воле небес. Не будем же ей противиться.

Всё происходило, словно во сне. Эмер в свите королевы прошествовала в замковую часовню, где их встретил священник, облачённый уже в праздничную алую мантию. Он не выказал ни удивления, ни изумления при виде молодой пары, которую ему предстояло обвенчать. Жених и невеста разошлись по исповедальням, и вскоре Эмер услышала глухое

бормотание — это Годрика исповедовали перед свадьбой.

Она вытерла ладони, повлажневшие от волнения. И так, неужели свершится, и она получит в мужа сэра Годрика, а не книжного червяка лорда Ранулфа? Конечно, Годрик не в восторге, но зато ей гораздо приятнее видеть его своим мужем. Мимоходом она вспомнила про Остриуд. Яркое пламя! Придётся называть её сестрой, и она даже заколебалась, стоит ли Годрик таких жертв. Но тут окошечко исповедальни открылось, через решётку Эмер увидела священника, и отбросила все сомнения в отношении противной золовки. Девушка с готовностью открыла рот, чтобы начать рассказ о своих страшных грехах — гнев, недовольстве, драке с девицей Фламбар, но разглядела лицо исповедника и замолчала на полуслове.

Сквозь деревянную решётку на неё смотрели маленькие пронзительные глаза с набрякшими нижними веками. Крючковатый нос, освещенный тонкой свечой, казался орлиным клювом, но никак не человеческим носом.

— Вы меня узнаёте, девица Роренброк? — спросил священник.

Эмер смогла только кивнуть.

— И я вас узнаю, — сказал он. — Впрочем, я запомнил вас с первого раза, когда вы весьма ловко обезвредили убийцу сковородой.

Такое деликатное напоминание о том, что Эмер была там, где ей не следовало, и слышала то, что её не касалось, заставило девушку ещё выше вскинуть подбородок. Что бы ни случилось, виновной она себя не считала.

Занавес исповедальни поднялся, и вошла королева. Она кивнула священнику и села рядом с Эмер.

— Девочка моя, — сказала Её Величество доверительно. — Знаете, кто это? — она указала на крючконосого священника. — Это лорд Ларе Саби, начальник тайного отряда. Вы ведь слышала о нём?

Эмер почувствовала, как язык приморозило к нёбу. Она только и смогла, что кивнуть, не понимая, как осталась живой. Лорд Саби, человек, который страшнее демона. Который убивает любого, кто покажется ему опасным. Человек с умом острым, как тонкая игла, правая рука короля, начальник шпионов и тайных убийц — и это только та малость, которую Эмер слышала в Роренброке. В королевском замке о страшном лорде Саби предпочитали молчать. Как говорится, не зови зло, иначе оно придёт на зов.

— Не бойтесь, — успокоила её королева, разгадав тайные страхи девушки. — Сейчас он будет говорить, а вы внимательно послушайте. Послушайте и прислушайтесь.

Она по-матерински поцеловала Эмер в лоб и вышла, опустив за собой занавеску.

Теперь Эмер осталась один на один с самым страшным и влиятельным человеком в Эстландии.

— Вы боитесь? — спросил лорд Саби.

— Бойтся тот, кто совершил преступление, — немедленно ответила Эмер, незаметно вытирая ладони о платье.

— Достойный ответ, — похвалил тайный лорд. — И смелость, достойная похвалы.

— Вы пришли расхваливать меня? — спросила Эмер, стараясь не подать виду, как пугает её подобное соседство.

— Нет, вовсе не для этого, — мягко заверило её лорд Саби. — Я хочу поговорить о покушении на королеву. Вы оказались свидетелем этого преступления. И вас, скорее всего, занимает вопрос, кто мог осмелиться посягнуть на жизнь Её Величества?

Эмер немедленно кивнула, хотя к огромному стыду, последние несколько дней её больше занимала собственная судьба, а не королевская.

— Я расскажу вам то, что девице вашего возраста и положения знать не следовало бы, — продолжал тайный лорд. — Расскажу, потому что вы не просто девица из провинции. Кое-что я успел о вас разузнать. И то, что стало известно, потрясает всякое воображение.

Он смерил Эмер взглядом, словно пытаясь определить: точно ли о ней донесли ему шпионы, и верны ли доносы.

— Оказывается, вы неплохо владеете мечом и умеете ездить в мужском седле...

— Только ради шутки, — возразила Эмер.

— ...посещали тараканьи бега...

— Всего три раза.

— ...побили леди Остриуд и запугали придворных девиц...

— Это была самозащита.

— Ну конечно, — поддакнул тайный советник. — И разбитый нос милорда Годрика — всего лишь досадная неосторожность.

Казалось, лорда Саби посмешили её оправдания. Некрасивое лицо изобразило улыбку и сделалось совсем зловещим.

— Но в моих глазах эти подвиги сыграли в вашу пользу. Поэтому слушайте. Так получилось, что несколько лет мы ведём тайную войну с убийцами Тисовой ветви...

Эмер встрепенулась. Название было ей знакомо. Не его ли она слышала в том дворике Нижнего города?.. От взгляда лорда Саби не укрылось её волнение, и он немедленно спросил:

— Вам что-то известно о них?

— Нет, — немедленно ответила Эмер, и подумала, что находится в исповедальне и лжёт при этом. «Но ведь он не священник, — успокоила она взроптавшую совесть, — и это не настоящая исповедь». — Но почему убийцы угрожают королеве? Наша королева — сама доброта, и мятежей в стране давно не было. Кому может понадобиться смерть Её Величества?

— Причина проста. Они хотят посеять в Эстландии хаос. Вы, милая девица, смышлѐны, но понятия не имеете о внешней политике. За Тисовой ветвью может стоять любое из восточных государств, а может, это происки Норсдейла, нашего доброго соседа. Несомненно одно — им нужны жизни членов королевской семьи. Мы предотвратили несколько покушений, в том числе и на принца...

— На принца?! — воскликнула Эмер, и лорд Саби предупреждающе прижал указательный палец к губам, призывая её говорить тише. — Но ведь Его Высочество ещё младенец! — зашептала девушка. — У какого чудовища может подняться рука на ребёнка?

— Для них нет разницы, кто перед ними — ребёнок, женщина или старик, — сказал лорд Саби и морщины на его лице обозначились резче. — Нам надо раскрыть их и схватить предводителей, только так можно покончить с этим разбойничьим кланом. И вы можете помочь. Помочь не только нам, но и королевской семье, и всей Эстландии в придачу.

— Но каким образом?

— Само провидение помогло Её Величеству. Если вы готовы послужить королеве и своей стране, то должны выйти замуж за Годрика Фламбара.

— А это при чём? Неужели вы... — Эмер смотрела на лорда с ужасом. — Вы подозреваете сэра Годрика? Но ведь он племянник Её Величества!

— Мир видел и не такие предательства, — спокойно ответил лорд Саби. — Но, возможно, я ошибаюсь. Удостовериться в этом проще простого. Вы должны убедиться, что на теле Фламбара нет метки клана. Вам, став его супругой, будет легко в этом убедиться.

Эмер возблагодарила темноту исповедальни, которая скрыла её жаркий румянец.

— Я наблюдал за вами, девица Роренброк. Вы просили королеву разорвать вашу помолвку с сэром Ишемом. И вы хотите свадьбы с сэром Годриком. Так разве это не воля небес? Вместо книжного червя получите в мужа рыцаря смелого, сильного, красивого. Вы же этого желаете... — странный голос искушал, нашептывал, парализовывал волю.

— А что за метка? — торопливо спросила она, пытаясь избавиться от оцепенения, в которое поверг её лорд Саби. Причём оцепенение охватило не только тело, но и мысли.

— Тисовая ветка, вот такая, — он прочертил пальцем, и в воздухе повис огненный рисунок — вертикальная полоса, от которой в обе стороны, под небольшим углом, отходили короткие полоски. Рисунок горел пару мгновений, а потом исчез.

Эмер встряхнула головой, изумлённая демонстрацией колдовства, а потом спросила:

— Если на сэре Годрике есть метка, что произойдёт?

— Он будет схвачен, допрошен и казнён, — сказал лорд Саби будничным тоном. — Его семья тоже будет схвачена и допрошена. Возможно, не казнена, а сослана. Смотря, какие преступления они совершили. Вас это не коснётся. Вы получите награду. Скажем, родовой замок Фламбаров — Дарем. Подойдёт? Титул у вас уже есть, и если в браке родится ребёнок, ему будет присвоена фамилия Поэль, независимо от пола.

Повисла тягостная тишина, только слышно было потрескивание свечи.

— Если же метки на Фламбаре не будет обнаружено, — продолжал Саби, предупреждая следующий вопрос, — то вы будете счастливо жить со своим молодым, красивым и отважным мужем, который очень любит охоту... итак, что вы ответите?

— Я согласна, — глухо ответила Эмер.

— Вы — разумная девушка. Я был уверен, что вы примете правильное решение. Дайте руку.

Эмер просунула руку сквозь прутья решетки, и лорд Сабе пожал крепкую девичью ладонь. Немыслимая боль, пронзившая тело, едва не отправила девушку в обморок, но через мгновение всё прошло, и она ошарашено уставилась на тайного лорда.

— Договор, — сказал он с улыбкой. — Это наш договор. Теперь у вас на ладони моя метка.

— Но я ничего не вижу, — прошептала Эмер, разглядывая руку.

— Метка будет видна, если полить ладонь маслом. У всех королевских шпионов такие метки.

— Шпионов?..

— Шпионов. И вы отныне — одна из них. Это огромная честь, графиня Поэль.

— Я понимаю...

— Итак, дело сделано, — сказал он. — Идите к своему красавцу-жениху.

— Но исповедь? — Эмер встрепенулась, видя, что лорд Саби поднялся, собираясь уходить.

— Дитя моё, — он посмотрел на неё глубоким и усталым взглядом, который ей привелось запомнить на всю жизнь. — Ваши грехи ещё так незначительны. Просто забудьте о них.

Он осенил её знаком яркого пламени и задул свечу.

Эмер сидела в темноте, не веря, что оказалась втянутой в королевские интриги. Что бы сказала на это мать, узнай она о встрече с тайным лордом Саби? Верно, она пришла бы в ужас, заплакала, устроила сцену с обмороками. Но это гораздо интереснее, чем стать женой лорда Ишема. При одном воспоминании о нём Эмер почувствовала тошноту. К тому же, она уже согласилась, не так ли?

Решительно отдёрнув занавес, Эмер вышла из исповедальни.

Ждали только её. У алтаря стоял жених. Выглядел он весьма уныло, и возрился на невесту с надеждой — не передумала ли?

Эмер встала по левую руку от него и лучезарно улыбнулась священнику:

— Я готова, святой отец.

— Начнём! — велела королева.

Обряд завершили быстро. Священник прочитал молитву, дал жениху и невесте распить на двоих чашу со сладким вином, трижды обвёл вокруг алтаря, на котором был зажжён священный огонь.

— Годрик Фламбар, берешь ли ты Эмер Роренброк в законные жёны? — спросил священник.

— Да, — буркнул жених.

— Эмер Роренброк, берёшь ли ты Годрика Фламбара в законные мужья?

— Да, — ответила Эмер чётко и ясно.

Фламбар посмотрел на неё и покривился. Она ответила наивным взглядом, похлопав ресницами. Он отвернулся.

— Теперь вы — муж и жена, — закончил обряд священник, — да разлучит вас лишь смерть, но и то ненадолго, чтобы вы встретились на небесах и начали жизнь вечную.

— Как славно! — королева подошла поздравить новобрачных и расцеловала их в щёки с такой сердечностью, словно ждала их брака с младенчества. — А теперь помолимся и отметим событие. Сэр Шаттле и сэр Ламорак присутствовали как свидетели, пусть они присутствуют и на ужине. Устроим небольшой пир, а завтра объявим о радостном событии.

— О радостном... — проворчал Годрик так тихо, что услышала только Эмер.

— Вы очень добры, Ваше Величество, — сказала она с поклоном. — Осмелюсь спросить: где мне с мужем провести эту ночь? Будет ли нам позволено отправиться к нему или ко мне?

Годрик уставился на неё, поражённый таким откровенным бесстыдством, а королева погрозила Эмер пальцем, лукаво улыбувшись.

— Ах, как нетерпеливы молодые, — сказала она ласково. — Эту ночь вы проведёте в королевской спальне. Пусть это будет нашим подарком вам на свадьбу.

Эмер бросила на мужа быстрый взгляд, и голова закружилась. Такой красивый мужчина, королевская спальня — о чём ещё может мечтать молодая жена? Но Годрик развеял её радужные надежды.

— Ваше Величество, — сказал он церемонно, — брак уже заключён, мы — муж и жена вашим повелением, но осмелюсь напомнить, что перед совершением таинства брака надо поститься неделю. Не соблаговолите ли вы почтить древние традиции и отложить брачную ночь на неделю? Чтобы соблюсти пост.

Прежде, чем королева ответила, вмешался священник:

— Ваше Величество, — сказал он мягко и с поклоном, — слова молодого мужа говорят о его благочестии. Этот брак мы заключили впопыхах, без оповещения и помолвки, давайте

хотя бы дадим юным супругам очистить тела и души перед их первой ночью.

«Недельный пост?! — возопила про себя Эмер. — Да кто будет способен выполнить супружески долг после недели голодовки?!»

Королева заколебалась, но сдалась:

— Хорошо. Пусть постятся. Мы повелеваем перенести первую ночь на неделю.

— И ещё, Ваше Величество, — Годрик был так любезен, что Эмер почувствовала огромное желание пнуть его, чтобы не говорил глупостей. — В Дареме всё готово к свадьбе. Если вы помните, я должен был жениться на леди Дезире. Приглашены гости, моя мать закупила продовольствия, пригласила музыкантов и жонглёров. Будет несправедливым, если вы устроите торжество в столице — кто-то из гостей не сможет приехать, столько денег будет выброшено на ветер...

— И что ты предлагаешь?

— Устроим свадьбу в Дареме, — с готовностью предложил Годрик. — Это будет необременительно для Вашего Величества, и осчастливит ваших подданных. И моя жена не будет возражать. Правда, дорогая? — он схватил Эмер за руку, подтянув к себе и заглядывая новобрачной в глаза.

«Нет!» — хотела ответить Эмер, но в этот момент он пребольно ущипнул её за бедро, а пальцы у него были железными.

— А! — воскликнула Эмер и прикусила язык, но было поздно.

— Видите, она говорит «да», — засуетился Годрик. — Вы же не будете жестоки, Ваше Величество?..

— Не будем, — с сомнением произнесла королева. — Что ж, если у вас всё так быстро наладилось, справляйте свадьбу, где хотите. Завтра мы объявим о вашем браке и пришлём подарки. А сегодня отправляйтесь к себе, молитесь и готовьтесь.

— Я начну прямо сейчас! — с готовностью подхватил Фламбар, и в сопровождении друзей стремительно покинул церковь, оставив новобрачную одну, и даже не попрощавшись.

Эмер не успела возразить, но когда новоявленный супруг исчез за дверью церкви, ощутила обиду и разочарование. Где-то под рёбрами катался ледяной шарик, и хотелось что-то разбить или на кого-нибудь накричать. Но рядом стояла королева, и Эмер только вздохнула тайком.

— Он учтив и набожен, — сказала Её Величество, — и то, что произошло сегодня, тем более удивительно для нас.

— Не поверите, но и для меня всё это удивительно, — брякнула Эмер.

Королева совсем не по-королевски хмыкнула, и вышло это у неё один в один, как у племянника.

[1] Фламбар — буквально «огненный язык» со старофранцузского, в переносном смысле «хвастун»

Глава 6 (начало)

Блюдо с жареными вальдшнепами было слишком тяжелым. И пока Сесилия добралась до кухни, то запыхалась и покраснелась, и пряди волос, выбившиеся из причёски, так и лезли в глаза.

— А сюда-то зачем принесли, миледи? — встретили её в кухне с негодованием. — Несите в спальню Её Величества, королева ужинает у себя.

Сесилия не осмелилась предложить, чтобы это важное дело поручили кому-нибудь из поваров или других служителей сковородок и вертелов, и понесла блюдо сама. Когда она предстала перед королевскими гвардейцами, то едва могла дышать.

— Мне нужно передать этих птиц Её Величеству, — сказала Сесилия, ограничиваясь кивком, так как побоялась сделать хотя бы полупоклон, чтобы не уронить свою почетную, но тяжёлую ношу.

— Её Величество принимает только главного повара, — сказал, как отрезал, один из гвардейцев. — Отдайте кушанье на кухню, миледи.

Сесилия чуть не заплакала от обиды, но послушно повернулась и начала долгий путь по лестнице вниз. Когда дорогу ей преградил мужчина, она не сразу узнала его, а узнав, задрожала так, что две тушки соскользнули с блюда и шлепнулись на ступени.

— Милорд Ранулф, — прошептала она, пряча глаза.

— Позвольте, помогу вам, миледи, — он забрал блюдо и пошел вперед, оглядываясь через каждые два шага, чтобы подать Сесилии руку. — Далеко направляетесь?

— Мне велели отнести это на кухню, — сказала девушка несчастным голосом.

— Значит, отнесём.

— Вы очень добры, милорд...

Сесилия следовала за лордом Ранулфом, незаметно зацепив пальцем его пояс. Это прикосновение дарило спокойствие и уверенность.

С лордом никто в кухне спорить не решился, и блюдо с остывшими вальдшнепами было принято. Сесилия и Ранулф не сговариваясь пошли к каменным горгульям, шагая медленно и беседуя. Оба избегали вспоминать вчерашнюю встречу, и разговор, ничего не значащий, вертелся вокруг книг.

У знакомых статуй они сели на скамейку, не обращая внимания на прогуливающих по саду придворных.

— А что вы делали у покоев королевы? — спросила вдруг Сесилия.

Лорд Ранулф замолчал, раздумывая над ответом, а потом посмотрел на неё честным и бесхитростным взглядом:

— Скажу вам прямо. Хочу попросить Её Величество отменить мою свадьбу с леди Роренброк.

Сесилия ахнула:

— Нет! Вы не можете сделать этого! Эмер будет опозорена!

— Нет, если Её Величество скажет, что это леди Роренброк захотела расторгнуть помолвку.

— Но тогда вы будете опозорены!

— Тогда я буду свободен, — сказал он тихо.

— Вы не должны! — Сесилия вскочила со скамейки и забегала из стороны в сторону, заламывая руки. — Яркое пламя! Святые небеса! Вы не можете, не можете так поступить с ней! И с собой тоже!

Она остановилась, глядя на Ранулфа с таким ужасом, что тот поспешил утешить её:

— Вам не стоит волноваться, леди Леоффа...

— Как я могу не волноваться?! — слёзы брызнули из глаз, и она закусила костяшки пальцев, чтобы не расплакаться.

Ранулф кинулся утешать, но она оттолкнула его.

— Вы поступите дурно, милорд! Очень дурно! Не делайте ничего подобного, если чтите законы небес.

Он посмотрел с недоверием и заговорил, запинаясь:

— Но я считал, что вы... что после того...

— Молчите! Небеса знают не только речи, но и мысли.

— Очень на это надеюсь, — сказал Ранулф почти шепотом.

— Я все слышу, — сказала Сесилия горько.

— Надеюсь и на это, — сказал он, делая шаг к ней.

Пальцы их сплелись, и уста потянулись к устам, но в последнее мгновение Сесилия остановилась.

— Мне надо идти, милорд. Леди Демелза, вероятно, ищет меня.

— Я буду ждать вас здесь, у каменных горгулий. Здесь, где вы...

— Ни слова больше, — предостерегла Сесилия. — Ни слова. Я не приду.

— Не придёте?

Он покачала головой.

— А я всё равно буду ждать. И сегодня, и завтра.

Сесилия пошла прочь на деревянных ногах, сплетая и расплетая пальцы. Опасное, опасное и страшное дело она сотворила! Хотя... ничего ещё не сотворила, только собиралась, но небеса наказывают и за намерения.

— Пока вы не уедете, я буду ждать! — крикнул ей в спину Ранулф.

Прежде, чем войти под своды замка, она оглянулась.

Ранулф стоял возле горгулий, запрокинув голову и смотрел в небо, где уже зажигались первые звёзды.

«Я преодолела искушение, я поступила правильно, и должна быть горда собой и счастлива», — на разные лады повторяла Сесилия, блуждая по замку, якобы, в поисках Айфы Демелза, хотя наталкивалась на нее в коридорах с завидным постоянством и не замечала этого.

Разумом она понимала, что поступила правильно и угодно яркому пламени, но глупое сердце отказывалось становиться счастливым. Оно плакало, болезненно сжимаясь, и ныло. Мучительно, как больной зуб.

Остаток дня Сесилия провела, как в дурном сне, желая и страшась встречи с лордом Ранулфом. Но тот не появлялся при дворе, и девушка почувствовала разочарование. Почувствовала — и тут же упрекнула себя. Не о том надо думать юной девице, у которой нет приданого и в помине, и которой посчастливилось оказаться при королевском дворе.

К ней подошел статный милорд средних лет. Трижды вдовец, как она поняла из болтовни сплетниц, обсуждавших ее беззастенчиво, словно лошадь, выставленную на продажу. Сесилия попыталась быть милой и приветливой, и улыбалась так, что мышцы лица

светло. Милорд-вдовец остался доволен, но когда изволил удалиться, Сесилия не смогла припомнить ни одной фразы из их разговора.

Перед отъездом она на несколько минут скрылась от леди Демелза, проскользнула темными коридорами к саду и осторожно выглянула из темного портика, стараясь остаться незамеченной. Ей показалось, что каменные горгульи щерились особенно мерзко. А возле горгулий прохаживался лорд Ранулф, задумчиво опустив голову.

Сесилия умчалась с колотящимся сердцем. «Прочь от греха», — как сама себе сказала.

Эту ночь она спала особенно дурно, и за утренней трапезой еле поднимала ложку, пытаясь подавить зевоту. Леди Демелза обеспокоилась, решив, что она заболела, и даже хотела лечить ее магией, но Сесилия заверила, что все дело в волнении и снова отправилась в королевский замок.

Первым делом она посетила горгулий. В утреннем свете грозные чудища утратили мистическое уродство и выглядели почти безобидно. И возле них снова стоял лорд Ранулф. Переборов желание подойти к нему, Сесилия вернулась к леди Демелза, которая беседовала с королевским мажордомом. Разговор, по-видимому, был не для посторонних ушей, потому что оба тут же замолчали, стоило Сесилии появиться рядом с видом рассеянного привидения.

Раскланявшись, мажордом ушел, а леди Демелза вдруг сказала:

— Всего я ожидала от Эмер, но только не этого. Поверить не могу...

— Что-то случилось с Эмер? — мигом наострила ушки Сесилия.

— Нет, ничего такого, из-за чего стоило бы переживать, — ответила леди Демелза загадочно.

Умная Сесилия не стала расспрашивать, но очнулась от зачарованного сна, где главным героем был лорд Ранулф, и начала высматривать Эмер среди придворных девиц, но нигде не сияла рыжая голова подруги.

— Вечером будет праздничная трапеза, — сказала Айфа Демелза, и Сесилия с удивлением поняла, что леди взволнована, хотя и пытается это скрыть. — Нам надо присутствовать. И надо переодеться.

— Переодеться? Будет объявление свадьбы? — спросила Сесилия умирающим голосом.

— Похоже на то, — усмехнулась Айфа углом рта. — Пойдем в наши покои, там сможем спокойно переодеться, а Вольверт нас покараулит. Чтобы никто не побеспокоил.

Они переоделись, и поели ветчины с хлебом, которые Айфа предусмотрительно прихватила с собой, и даже поболтали, хотя обычно леди Демелза разговорчивостью не отличалась.

— Время еще есть, — любезно предложила Айфа. — Прогуляемся по саду?

— Нет! — вскричала Сесилия так пылко, что Айфа удивленно приподняла брови. — Роса скоро выпадет, можно простудиться, — добавила она тише, опуская глаза и комкая в руках пояс.

— Хорошо, тогда подождем здесь, — согласилась леди Демелза. — Хочешь, я тебе погадаю? Предскажу будущее?

Она произнесла это небрежно, но взгляд стал цепким, только Сесилия не заметила его, перепугавшись до смерти от подобного предложения.

— Будущее?! — переспросила она. — Будет ли это уместным, леди Демелза...

— Будет, — заверила её Айфа. — Сядь прямо и смотри вот сюда, — она извлекла из рукава кулон из белого полупрозрачного камня, на цепочке.

Сесилия послушно перевела взгляд на камень, хотя было ей не по себе. Ей показалось, что в глубине украшения вспыхнула искра. И хотя она сразу же погасла, глаза на мгновение перестали видеть.

— Смотри на камень, думай о том, чего тебе хотелось бы больше всего на свете, — раздался над самым ухом голос леди Демелза. Голос нежный и вкрадчивый, журчащий, как весенний ручеек.

Веки Сесилии отяжелели, и тело словно опутали тысячи шелковых веревок — таких приятных на ощупь, но держащих крепко. Девушка закрыла глаза, и Айфа еле успел подхватить ее под спину, чтобы не дать свалиться с кресла. Устроив Сесилию поудобнее и подсунув ей под голову подушку, Айфа взяла девушку за запястье и прослушала биение крови в жилке. Кровь пульсировала слабо, как у крепко спящего человека.

Неслышно открылась дверь, и вошел лорд Вольверт.

Айфа посмотрела на него, так и светясь от гордости:

— У меня получилось. Она уснула почти сразу же.

Лорд Вольверт внимательно осмотрел умиротворенное лицо Сесилии, и погладил жену по голове:

— Твое мастерство растет. Ты прекрасно справилась. Сделаешь остальное?

Айфа заметно заколебалась.

— Боишься? — мягко спросил ее муж.

— Не повредит ли это ей?

— Ничуть. Просто будет испытывать некоторую слабость. Но сон поможет восстановить силы.

— Хорошо, — решила Айфа. — Я попробую.

Она убрала в поясную сумочку белый камень, сцепила руки и несколько раз глубоко вздохнула, после чего снова взяла Сесилию за запястье.

— Сосредоточься, — заговорил лорд Вольверт приглушенно. — Почувствуй ее дыхание и представь, что оно перетекает в тебя.

Несколько долгих минут Айфа сидела, сосредоточенно уставившись на спящую, а потом сказала, будто извиняясь:

— Я не чувствую ее дыхания...

— Закрой глаза, — велел лорд Вольверт. — Это поможет.

Айфа подчинилась, и вдруг лицо ее порозовело:

— Я не чувствую ее дыхания, но чувствую... кровь! Она струится по жилам — горячая, юная. Ее что-то будоражит. Кровь прямо бурлит! И такая сладкая...

Внезапный удар в плечо отбросил ее от девушки. Айфа зашипела от боли, схватившись за ушибленное место, а лорд Вольверт тем временем схватил первую попавшуюся тряпку и прижал ее к лицу Сесилии, потому что у той хлынула кровь носом.

— Скорее дай холодной воды, — коротко приказал он, и Айфа метнулась к рукомойнику за кувшином.

— Что произошло? — спросила она, вся дрожа, пока муж останавливал бесчувственной девушке кровь.

— Пока не знаю. Возможно, ты немного перестаралась, моя леди.

— С ней ничего не случится?

— Ничего, — успокоил ее Вольверт, и ласковая улыбка странно смотрелась на его бледном и плоском лице. — Я всегда говорил, что ты гораздо сильнее, чем сама о себе

думаешь. Нужны только тренировки, и все получится.

— Сегодня я не осмелюсь повторить подобное! — Айфа отступила на шаг и выставила руки ладонями вперед, словно защищаясь.

— Конечно, нет. Тебе надо отдохнуть. И этой девочке — тоже, — лорд Вольверт заботливо стер с лица Сесилии последние следы крови.

Только к вечеру Сесилия проснулась. Протирая глаза, она выпрямилась и охнула — как же затекло тело! И почему ее угораздило уснуть в кресле?

Леди Демелза сидела рядом, за столом, вышивая золотого льва на бархатной подушке. Когда Сесилия зашевелилась, Айфа тепло приветствовала ее:

— Вставай, засоня. Мы не должны опаздывать на королевский праздник, а из-за тебя были близки к этому.

— Как же я так?.. — пробормотала Сесилия, разминая затекшую шею. — Простите, леди Демелза!

— Мы не опоздаем, если отправимся, как только ты умоешься.

Айфа помогла Сесилии подняться, полила ей из кувшина и подала полотенце.

— Право, мне неловко, что вы за мной ухаживаете...

— Все хорошо, крошка, — Айфа потрепала Сесилию по бархатистой щечке. — Идем. Нас ожидает удивительная новость.

Сесилия гадала, какая-то новость ожидает их, когда шла за леди Демелзой туда, откуда все громче и громче раздавались звуки вьели. Еще она пыталась вспомнить, почему так внезапно уснула посреди белого дня, но память впервые подвела ее. Вот был лорд Ранулф, вот они с леди Демелза переодевались, а потом... просто чернота.

Но все оказалось забытым, стоило Сесилии переступить порог королевской залы.

Во главе праздничного стола сидела Эмер.

Сидела в голубом платье невесты, надменная, как сотня королевских постельничих. Это голубое платье подкосило Сесилию, как полк восточных врагов. Она пошатнулась, но леди Демелза услужливо подставила ей локоть, чтобы оперлась. С чего вдруг такая забота?

Эмер заметила их, и лениво подняла руку, подзывая. На губах ее играла легкая полуулыбка, но Сесилия сразу определила, что подруга недовольна. Эмер метала такие злобные взгляды на жующих придворных, что обладай она огненной магией, испепелила бы взором половину королевских челядинцев.

— Подойди к ней, крошка, — сказала Айфа. — А я засвидетельствую восторги Её Величеству...

Сесилия протиснулась сквозь толпу, извиняясь перед каждым, кто наступал ей на ноги или толкал, не заметив в суете, и наконец добралась до подруги.

— Уйди! — бросила Эмер какой-то девице, что сидела рядом с ней, и девица беспрекословно уступила место Сесилии.

— Ты умеешь убеждать, — сказала Сесилия, с удовольствием усаживаясь в кресло, на мягкую подушку. — Это королевские милости снискали тебе такую любовь среди придворных?

— Ага, они, — буркнула Эмер и отпила из бокала.

В бокале была вода, а на столе перед графиней Поэль стояла оловянная тарелочка с десятком лесных орешков и кусочком черного хлеба.

— Что это ты ешь?! — изумилась Сесилия, зная, как любит вкусную и обильную еду подруга. — Ты заболела?

— Это не болезнь. Это пост, — ответила Эмер, с отвращением бросая в рот пару орешков.

— Ах, предсвадебный пост, я понимаю, — сказала Сесилия, и сразу вся вселенская грусть обрушилась в её душу.

— Это не предсвадебный пост, а послесвадебный.

— Послесвадебный? Ты... уже вышла замуж за Ран... лорда Ишема? — голос Сесилии больше походил на мышинный писк.

— Я вышла за лорда Фламбара.

Сесилия молчала сколько-то, потом осторожно спросила:

— Прости, я верно ослышалась?..

— Ты не ослышалась. Вон мой муж, — Эмер указала взглядом в сторону, и Сесилия, ещё не оправившись от изумления, проследила её взгляд.

За столом ниже сидел рослый рыцарь. Он выделялся среди остальных мужчин не только высоким ростом и могучим телосложением, но и королевской осанкой — такой же гордой и надменной, как у Эмер. Всё в нем было красиво, ухожено, но не вычурно: богатая одежда темных тонов, украшенная изящной золотой вышивкой, маленькая бородка на южный манер, и волосы, забранные в хвост пониже затылка. Только на лице лежала печать недовольства. Такая же, как и на лице Эмер.

Словно услышав разговор, рыцарь посмотрел в сторону девушек. Выражение его лица не изменилось, но в глазах промелькнуло что-то... отчего Сесилия поёжилась. А Эмер, напротив, улыбнулась нарочито сладко, отчего рыцаря передёрнуло.

— Он красавчик, не находишь? — спросил она. — Мечта сбылась. Я получила отменного мужа. Этого медведя зовут Годрик. А та дохлятина, что заставила тебя нести вальдшнепов — его сестра. Она даже не пришла меня поздравить — сказала больно. Вот ведь врунья.

— Прости, я не совсем тебя поняла... Ты не вышла замуж за лорда Ишема? Но как же королева...

— Так она нас и приказала вчера повенчать.

— Вчера?

— Яркое пламя! — не выдержала Эмер. — Ты поглупела, что ли, Сесилия? Или я говорю невнятно? — и она преломила хлеб, оказавшийся сухариком.

— Но ты его совсем не знаешь...

— Велика беда. Позже узнаю. Не находишь, что в этом будут и приятные моменты?

— Приятные?

— Мы уже целовались с ним, — призналась Эмер, и Сесилия издала возглас ужаса и удивления.

— Ц-целовались?

— И мне ужасно понравилось.

— П-понравилось?

Эмер посмотрела на подругу с беспокойством:

— Мы играем в эхо? Чего это ты взялась повторять каждое мое слово?

— Прости, — Сесилия приложила руку к пылающему лбу. — Я никак не могу придти в себя от такой новости. Ты меня не разыгрываешь? Может, это одна из твоих шуток?

— Какие там шутки! — Эмер почти обиделась. — Говорю же, вчера королева осознала, насколько нелепым будет мой брак с книжным червяком, призвала своего племянника —

сэра Годрика Фламбара...

— Племянника?!

— Его самого. А чего ты так вытаращила глаза? Он пришел, и Её Величество сразу же нас обвенчала. И мне не оставалось ничего другого, как уступить. Я ведь очень предана королеве, ты знаешь. И очень послушна.

— Да уж! — не удержалась Сесилия. — Но зачем ты согласилась? Ведь лорд Ишем...

— Лорд Ишем может отправляться в Клайфффорд, на край света или в преисподнюю, чтобы разглагольствовать там о музыке, риторике и арифметике. Он не понравился мне с первого взгляда. А Годрик... — она задумалась.

— ...понравился сразу? — подхватила Сесилия. — Ты хоть хорошо его разглядела? Вдруг окажется, что он хромой?

— Пусть так, — Эмер встряхнула рыжими кудрями и украдкой погляделась в зеркало, проверяя, насколько яркок ещё синяк. — Дело сделано, и я очень этому рада. Такой муж мне больше по сердцу. Брачный пир устроят у него в замке, в Дареме.

— В Дареме?!

— Ты была там?

— Небеса святые! Кто же может похвастаться, что был в Дареме? Только самые богатые и знатные могут попасть туда! Там хранятся мощи святой Меданы! Это самый большой замок в Эстландии, после королевского!..

— Всё-то ты знаешь, — сказала Эмер. — Почему я этого не знаю?

— Потому что ты пропускала уроки своей благородной матушки, — жёстко ответила Сесилия, — когда околачивалась возле казарм.

— Что за тон, леди Леоффа? — Эмер воззрилась на неё с изумлением. — Смотрю придворная жизнь пошла тебе на пользу — ты уже заговорила, как простая смертная. Если так пойдёт дальше, ещё и ругаться научишься.

— Ах, не изображай шута! — воскликнула Сесилия в сердцах.

— Ну, не злись, не злись, — примирительно похлопав её по руке, Эмер сгрызла ещё пару орешков.

— А что лорд Ишем?.. — Сесилия ощутила, как сердце сжалось в ледяной комочек. — Он... уже знает?

— Знает, — беззаботно ответила Эмер. — Её Величество сообщила ему этим утром. Ты же видишь — его нет на пиру. Наверное, поспешил утешиться, читая любимые книжки и оплакивать горькую судьбу монаха.

— Он не монах!

— Не монах, — тут же согласилась Эмер. — Но похож... О, Сесилия! Матушка идёт сюда! Не уходи, пожалуйста, иначе я сойду с ума через четверть часа — она меня заговорит.

К девушкам и в самом деле приблизилась леди Дерборгиль, вдовствующая графиня Роренброк, приехавшая, чтобы присутствовать на свадьбе дочери. Лицо её, всё ещё яркое и красивое, сейчас выражало некоторое замешательство. Сесилия проворно вскочила, кланяясь патронессе, которая была ответственна за её воспитание и даже в порыве благородной доброты пообещала небольшое приданое, если воспитаннице приведётся найти жениха.

— Сесилия, ты тоже здесь, — мимолётно заметила леди Дерборгиль и уселась на освободившееся кресло. Сесилии пришлось встать рядом, потому что она ещё не считала разговор оконченным, да и Эмер цепко ухватила её за руку, изображая доверительную

дружбу.

— Эмер, верно ли я поняла, что венчание уже состоялось? — спросила графиня, чуть хмурясь. — Я только что услышала от леди Сюсты...

— Да, матушка, вчера королева нас обвенчала, — ответила Эмер. — Разве это не чудесно?

— Но... не с Ишемом?

— Нет.

— Нет?! — взвизгнула леди Дерборгиль и тут же оглянулась — не услышал ли кто-нибудь. — Как — не с Ишемом?!

— Её Величество посчитали, что мне больше подойдёт её племянник... — невинно заметила Эмер.

— Племянник! Фламбар?! — леди Дерборгиль схватилась за сердце, и Сесилия бросилась поддержать её, но графиня только досадливо отмахнулась. — Не могу поверить! Он же наследник всех оружейных мастерских!

— Возможно, — кивнула дочь равнодушно. — Но разве это главное? Браки должны заключаться не по расчёту.

— Да, конечно, — машинально отозвалась леди Дерборгиль, — но это приятное маленькое дополнение... И он женился на тебе?

— Что за сомнения, матушка! — возмутилась Эмер. — Да он был счастлив получить такую супругу, как я!

— Но он был сговорен с леди... как её там... Яркое пламя! Это имя всё время выпадает из памяти.

— Дезире, — подсказала Эмер.

— Да! — мать уставилась на неё. — Она внучатая племянница лорда Сабе, — тут она понизила голос.

— Вот как... — на секунду Эмер утратила невозмутимое спокойствие и облизнула губы, но тут же приняла скучающий вид. — Что ж, Её Величество решила по-своему, и никто, даже милорд Сабе не вправе протестовать.

— Если бы он протестовал, тебя бы уже в живых не было, — леди Дерборгиль теребила платочек, но потом утешила саму себя: — Он — доверенное лицо королевы, если бы захотел, этой свадьбы не было бы. Значит, его племяннице не так уж и нужен этот Фламбар. О, Эмер! Он всего лишь сэр, и даже не лорд. Оружейными мастерскими заправляет его мать...

— И что с того?

— А Ишем — уже лорд...

— Матушка, Ишем свободен — можете выйти за него, — пошутила Эмер, чем привела леди Дерборгиль в ужас.

Сесилия слушала их разговор, бледная, как снег. Эмер держала её крепко, но она и так не ушла бы, не дослушав до конца.

Однако разговор перешел в иное русло. Избавившись от волнений по поводу того, что дочь обошла саму племянницу тайного лорда, леди Дерборгиль предалась другим, не менее волнительным размышлениям.

— Сейчас произошло нечто удивительное, — сказала она, так и стреляя глазами по залу. — Видишь вон того лорда со светлыми волосами? Он южанин, из Аллемады, кузен самого короля!..

— Да что вы! — пропела Эмер ей в тон, и Сесилия уцепилась за запястье, чтобы не

переигрывала. Эмер только подмигнула ей. — И что этот благородный господин?..

— Он сейчас разговаривал со мной... Хочет прибыть с визитом в Роренброк...

— Ах, решил жениться на вас? — воскликнула Эмер. — Значит, и вы откажетесь от бедного Ишема?!

Сесилия ущипнула её два раза.

— Небеса святые, что ты говоришь, бестолковая? — удивилась леди Дерборгиль. — Милорд заинтересовался нашей Бранвен.

Эмер и Сесилия переглянулись.

В это время барды грянули новую песню. Вернее, не грянули, а проникновенно заиграли, но петь старались изо всех сил. Зазвучала песня про белую голубку из Вудшира. Эмер громко фыркнула, за что получила от матери хороший тычок в бок, а от Сесилии — новые щипки. Эту песню сложили про Бранвен — третью дочь из семейства Роренброков. Она была младше Эмер на несколько лет, и была настолько же нежна и послушна, насколько Эмер — буйна и язвительна. Надо ли говорить, что леди Дерборгиль постоянно повторяла, что Бранвен — ее любимая доченька, и сетовала, что для такой умницы и красавицы будет очень непросто найти достойного жениха. Эмер считала, что не ум и не красота являлись причиной материнской любви, а раболепие, с которым младшая сестра взирала на матушку, не смея ни в чем ей перечить. Но так или иначе, а сейчас, слушая песню, вдовствующая графиня даже прослезилась.

— Почему вы не взяли Бранвен ко двору? — спросила Эмер, наблюдая за гостями на пиру — они слушали песню, затаив дыхание, как куры в курятнике, когда горланит петух.

— Разве здесь место для юной девушки?! — шёпотом возмутилась мать.

— Меня-то вы быстро сюда спровадили, дорогая матушка.

— Тише! Из-за тебя я не могу расслышать припев.

— Было бы что слушать, — буркнула Эмер, но замолчала.

Певцы старались всюду, расписывая прелести Голубки из Вудшира — и нежность, и белоснежность, и кротость, которая может усмирить самого лютого зверя.

Королевский кузен стоял рядом с бардами и слушал их пение очень внимательно. У него был тонкий благородный профиль и задумчивый взгляд. «Как раз то, что нужно для Бранвен, — подумала Эмер. — Будут бродить рука об руку по фамильному замку, словно два привидения, млеть, слушая лады-баллады, и обмениваться влюблёнными взглядами». А в том, что кузен короля влюбится в Бранвен с первого взгляда, она не сомневалась. Бранвен обладала удивительной способностью внушать любовь и симпатию сразу же и любому, с кем ей приходилось встречаться — будь то женщина, мужчина, ребёнок или зверь. Счастливым дар, которым сестричка никогда не пользовалась и вряд ли его в себе замечала. Эмер пожалела втайне. Будь она вполнину так нежна и мила, как Бранвен, Годрик не упирался бы и охотнее пошёл под венец. И не выпрашивал бы недельный пост перед первой брачной ночью! Она наградила жениха тяжёлым взглядом, которого он, по счастью, не заметил.

— Вовсе не нежными взглядами вы обмениваетесь с молодым мужем, — раздалось вдруг над самым её ухом.

За креслом стоял брат короля, герцог-калека. Эмер вскочила, торопливо кланяясь, Сесилия последовала ее примеру, а леди Дерборгиль ничего не заметила, наслаждаясь балладой в честь любимой дочери.

— Не надо такого подобострастия, — шутливо сказал герцог. — Присядьте, рыжая графиня, и вы, леди, — он милостиво кивнул Сесилии, у которой дух захватило от столь

близкого и великолепного соседства. Присеть ей было некуда, поэтому она только отступила на шаг, чтобы не толкать локтем королевского брата.

— Ваша почтенная матушка увлечена песней? — спросил герцог, облакачиваясь о кресло.

— Поют про мою младшую сестру, — пояснила Эмер, снова усаживаясь и не испытывая ни капли смущения. Почему-то в обществе этого человека она чувствовала себя очень свободно.

— Белая голубка из Вудшира — ваша сестра?

— Скажете, мы не похожи?

— Как же могут быть похожи голубка и горихвостка? — тихо рассмеялся брат короля.

— Вы правы, — Эмер скорчила скорбную гримасу. — Будь я вполтину так красива, как она...

— ...получили бы жениха лучше Фламбара? Куда уж лучше, леди Эмер?

— Не называйте меня так, — попросила Эмер. — Так ко мне обращаются, когда ходят за что-нибудь отругать или сделать внушение.

— Тогда как мне к вам обращаться? Графиня Поэль?

— О! Ещё хуже!

— Госпожа Фламбар?

— Называйте просто по имени, — предложила Эмер, глядя открыто и прямо. — Именно это хотелось бы слышать из уст людей, которые приятны.

— Я приятен? — спросил он, бросив на Эмер быстрый взгляд.

— Было бы иначе, вы бы сразу почувствовали, — она широко улыбнулась. — Ведь мне кажется, вы очень хорошо разбираетесь в людях.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что я и сама неплохо в них разбираюсь.

— Вот так-так! — ответ посмешил королевского брата, и он нарочито недоверчиво потер подбородок. — Вы в этом уверены?

— Как в том, что яркое пламя обжигает.

Эмер нравился их веселый и легкий разговор. Если бы Фламбар поговорил с ней так, чтобы она могла показать, что владеет светской болтовней столь же умело, как сковородкой... Но их препирательства с Годриком носили вовсе не изысканный характер. Что сказал бы он, узнай в жене того самого оборванца, таракана которого он раздавил возле сточных канав Нижнего города? Пришел бы в ужас.

Глава 6 (окончание)

Новобрачная посмотрела на точеный профиль мужа и замечталась. Ей следует приложить все усилия, чтобы поскорее выполнить поручение королевы и убедиться, что племянник не устраивает мятеж против тёти. Едва закончится предсвадебный пост, она получит его. От подобных мыслей Эмер задрожала и спрятала руки под столешницу, чтобы никто не заметил волнения. Она совсем позабыла о брате короля, стоявшем рядом, и почти испуганно повернулась к нему, когда он заговорил.

— Если вы так хорошо разбираетесь в людях, — сказал герцог, — то посмотрите на нашего кузена и скажите, каков он?

— Аллемада?

— Да, его зовут Освальд. Мне хотелось бы узнать ваше мнение.

— Что ж, извольте, — такая игра пришлась Эмер по душе, и она несколько минут пристально разглядывала кузена короля. — Он не особенно горяч, ведь у него светлые волосы, а это говорит о примеси северной крови, которая всегда более холодна, чем южная. Он мечтателен и любит все изящное и прекрасное. Он настоящий рыцарь — верный, благовоспитанный, набожный. Любит изящные искусства. Возможно, играет сам. Скорее всего, на арфе, потому что у него слишком нежные и изящные пальцы для лютни. Готова поклясться, даже мозолей нет. Пожалуй, всё.

— Так, а что вы скажете о своей младшей сестре — Бранвен?

Эмер резко обернулась:

— Значит, это правда?

— Вы ловите на лету, — ответил с полупоклоном герцог. — Кузену понравилась ваша сестра.

— Он же ее еще ни разу не видел.

— Зато много слышал.

— Может, ещё и умышленно расспрашивал?

— Не без этого. Так что скажете о леди Бранвен? Подойдет ли кузен для нее?

— Несомненно, — ответила Эмер, помедлив. — Не подумайте только, что я набиваюсь вам в родственники...

— Ни в коем случае, — заверил ее лорд Бритмар, — обстоятельства вашего замужества с племянником королевы мне отлично известны.

Эмер не сдержалась и фыркнула.

— Так вот, — она воскресила в памяти образ Бранвен — девицы нежной и милой, похожей больше на мать, чем на отца, светловолосой и сероглазой, и с нравом спокойным, как лесное озеро. — Они подойдут друг другу, словно две руки. Бранвен тоже спокойная и мечтательная. Играет на арфе, благовоспитанная и нежная — идеальная жена для идеального рыцаря. Если Их Величества разрешат брак, то они будут самой счастливой и подходящей парой. Ну как вам мое умение читать чужие души?

— Умение ваше — сродни умению ребенка пяти лет в верховой езде, — сказал лорд Бритмар.

— Я не угадала?

— Не угадали.

— Про милорда Освальда?

— И про леди Бранвен.

— Ну, тут вы преувеличиваете! Я знаю Бранвен, как яйцо, очищенное от скорлупы!

— Но облупив яйцо, вы не заметили в нем цыпленка.

— Вы хотите сказать...

— Одно время я был увлечен чтением трудов философа Хорсофота. Он написал много интересных трудов, в том числе и по медицине. Одной из его работ было учение о четырех стихиях и четырех человеческих сущностях.

— Четырех стихиях? Никогда не слышала ни о чём подобном, — Эмер сделала знак Сесилии, чтобы поскорее вступила в разговор и избавила её от бесед в стиле лорда Ранулфа, но подруга стояла отрешенно, вроде бы и слушая песню, а вроде бы и думая о своём. Пришлось разбираться с братом короля самой.

— Речь о том, что каждый человек натурой соответствует одной из стихий, которая определяет его нрав, мысли и поведение. Например, вы описали моего кузена и свою сестру, как людей воздуха — нежных, милых и томных.

— И разве не угадала?

— Нисколько. Освальд — он земля. Тверд, упрям, привязан к родным местам и ничуть не мечтателен. Он крепко стоит на ногах, чтит традиции, но разрази меня небесный огонь, если ходит в церковь чаще, чем раз в год. Он настойчив и упорен, как бык. И если чего-то захочет, то непременно получит. Если он захотел вашу сестру, будьте уверены — и года не пройдет, как он женится. А намерения его, насколько я могу судить, весьма серьезные. В своем доме он станет верховодить, и жена обязана будет во всем подчиняться. Но насчет арфы вы поняли правильно.

— О! Хоть что-то мне удалось. Вы как будто говорили совсем о другом человеке, — изумилась Эмер, которую, неожиданно, заинтересовал философ, которых делил людей по стихиям. — Но дело в том, что вы знаете своего кузена больше, чем я. А я знаю Бранвен больше, чем вы. Сомневаюсь, что преуспеете в отношении моей сестры. Да видели ли вы её когда-нибудь?

— Видел. На последнем турнире.

— Один раз?

— Этого более чем достаточно.

— Что ж, послушаем, — рассмеялась Эмер, подпирая подбородок ладонью.

Но обсуждение натуры Бранвен пришлось отложить, потому что песня закончилась, и леди Дерборгиль, заметив, кто стоит подле ее дочери, пошла от волнения красными пятнами. Волнение, впрочем, ничуть не умалило её страсти к светской беседе, и четверть часа брат короля вынужден был отвечать на вопросы о здоровье Их Величеств, торжествах, ожидающихся в честь малолетнего принца и прочая, и прочая. Когда вдовствующая графиня Роренброк соизволила отбыть к королеве, которая призвала её, Эмер еле сдерживала смех.

— Моя матушка заболтает кого угодно, — доверительно сообщила она лорду Бритмару. — Сесилия тоже, но сегодня у нее день молчания.

Сесилия насупилась и села в кресло, уставившись на блюдо с жареными во фритюре пирожками, стоявшее напротив, и показывая, что ей нет никакого дела до беседы герцога и графини Поэль.

— Итак, Бранвен — не воздух, — направила разговор в прежнее русло Эмер. — Она?..

— Вода. Ваша сестра — вода. На первый взгляд мягкая, не способная идти своим путем

и льющаяся по склону. Но на самом деле, в ней скрыта тайная сила, которая может сокрушить всё на своем пути...

— Бранвен совсем не такая!

— ...и самое страшное, когда вода встречается с землей. Земля не желает уступать, вода не желает подчиняться. Вечное противостояние, вот что ждет их в семейной жизни. И вы неправы в отношении своей сестры. Я увидел в её глазах свет. Фанатичный свет праведности. Праведники — они самые опасные люди на земле. Потому что убеждены в своей правоте. А когда человек убежден и верит, что поступает правильно, то и горы подвинутся, давая ему путь. Вы еще увидите, как ваша сестра подвинет горы. Только будет ли это хорошо для неё самой?..

— Наш разговор начался, как шутка, а теперь вы посеяли в моей душе тревогу и сомнения, — сказала Эмер. — Какая же я, по-вашему, если в моей нежной сестре вы разглядели силу, готовую подвинуть горы?

— О! Вы — это особый случай.

— Я — земля или вода?

— Вы огонь.

— Огонь? Мне нравится. Это потому что я рыжая?

— Внешность всегда отражение души. И ваши волосы — знак, указывающий на ваш характер. Видите, они выются буйно, и завитки крутые, непослушные. Такова и ваша натура — непокорная, дикая. Огонь, спрятанный под чашу. Но однажды он найдет в себе силы вырваться наружу, восстать против условностей и потрясти мир.

— Или подвинуть горы! — засмеялась Эмер. — Мы займемся этим на пару с Бранвен. А что мой муж? Что Годрик? Мне кажется, он тоже огонь. Как уживаются два огня?

Но герцог покачал головой, посмотрев на сэра Фламбара.

— Он не огонь. Он, как и мой кузен — земля. Твердолобый, упрямый, самонадеянный. Медведь-человек. Тот, о котором вы мечтали, но с которым вряд ли будете счастливы.

— Прекрасное напутствие перед началом семейной жизни!

— Вы же не ждете от меня красивой лжи? — спросил лорд Бритмар. — Мне кажется, ложь только унизила бы вас. — Между нами говоря, вы слишком хороши для Фламбара. Ваши рыжие кудри вполне могла бы украсить корона. А он не подарит вам короны, потому что думает о земном, а не о небесном.

— И пусть, — заупрямилась Эмер. — Будем ездить на охоту...

Их разговор не остался незамеченным. За столом новобрачного сэр Ламорак заёрзал на скамейке, и двинул сэра Годрика локтем под ребро:

— Смотри, Годрик! Колченогий герцог беседует с твоей женой. С чего это он ей так заинтересовался?

Но Годрик только мельком бросил взгляд в сторону молодой жены.

— Пусть беседует, с кем хочет, — сказал он с непередаваемой гримасой на красивом лице. — Это последнее, что занимает меня в жизни.

— Но днем раньше девица занимала тебя несколько больше, — хихикнул сэр Шаттле. — Там, под лестницей...

— Просто заткнись, — посоветовал Годрик, и сэр Шаттле благоразумно заткнулся.

Оруженосец, прислуживавший за столом, налил рыцарям вина, и Годрик одним махом опорожнил бокал. Только небеса знают, что случилось с ним вчера, и каким колдовством эта рыжая бешеная девка смогла его увлечь. Он вёл себя, как простофиля, за что и поплатился.

Но тётя! Где был её разум, когда она устраивала эту свадьбу? Годрик прикидывал и так, и эдак, и не мог понять поступка Её Величества. Не сказать, чтобы он слишком жаждал жениться на леди Дезире, племяннице тайного советника королевской четы, но такому браку отказать невозможно. Королева завела речь о леди Дезире, и он немедленно понял, кто стоит за подобным сватовством — лорд Саби. Оружейные лавки — слишком большое искушение для их владельца. У кого оружие — у того и сила. И Годрик сильно подозревал, что в лице леди Дезире получал не верную жену, а глазастого шпиона. И вдруг... Почему тайный лорд не вмешался, когда королева самовольно решила устроить свадьбу наследника оружейных мастерских и графини Поэль? Годрик усмехнулся, сравнив себя с благородным мечом, а юную жену — с закопченной сковородкой. Вот так вторая половина. Да от этой «сковородки» за милую веяло деревней, дурными манерами и вульгарностью.

Он не удержался и посмотрел на новобрачную. Она увлеченно разговаривала с братом короля, и он выглядел необычайно заинтересованным. Годрик остался этим недоволен. Что интересного она могла найти в благородном уроде? Скорее всего — просто дань вежливости. Ведь вчера она так страстно ответила на поцелуй... Воспоминания о вчерашних поцелуях растревожили его тело мгновенно и однозначно. Такая горячая девка. При дворе грешили, конечно же, но дамы даже грешили с кокетством, изображая скромниц. А эта не изображала. Она и вправду его хотела. И готова была утащить его в спальню сразу после венчания. Вот ведь бесстыдная! Заявила об этом прямо при Её Величестве.

Думая так, Годрик не отрывал взгляда от жены. В свете факелов ее шевелюра пылала, как яркое пламя на алтаре, а длинная шея и гордая посадка головы придавала по-королевски надменный вид. Рядом с ней сидела невзрачная пигалица, ковырявшая ложкой в тарелке, и от этого жена казалась ещё более великолепной. И о чем только брат короля так долго болтает с ней?

— А теперь, приятная новость, которую мы намерены сообщить вам! — объявила Её Величество, делая знак музыкантам прекратить игру. В зале немедленно воцарилась тишина, и Годрик подавил тяжёлый вздох, прекрасно понимая, что за «приятная новость» сейчас будет объявлена. — Хотим объявить, что вчера наш племянник сэра Фламбар и наша спасительница графиня Поэль обвенчались. Пусть молодожёны подойдут, я хочу осыпать их зерном на счастье. Свадьбу решили сыграть в Дареме, через неделю, дабы соблюсти пост, но подарки я подарю сейчас. Подойдите, юная чета.

Годрику пришлось вылезать из-за стола и идти к жене, которая ждала его с милой улыбкой, словно не было зрелища приятнее для её глаз, чем муж, идущий навстречу с кислым выражением лица. А это выражение Годрик даже не потрудился стереть. Он с поклоном подал руку, и Эмер приняла её, держась так прямо, словно вместо позвоночника была вставлена стальная спица.

Раздались приветные крики, не очень уверенные, но дружные. Молодые прошли к королеве, вовсе не похожие на счастливых новобрачных. Но королева с удовольствием осыпала их зерном и мелкими монетами, а потом пришла очередь обещанного подарка.

— Мы недолго раздумывали, что вам подарить, — объявила королева. — Не золото, и не земли. Этого у вас предостаточно. Нет, есть нечто иное...

«Сейчас она подарит нам люльку для будущих наследников», — подумала Эмер.

— ...оружейные мастерские — вот мой подарок!

Годрик встrepенулcя, и Эмер посмотрела на него с удивлением. Разве матушка не говорила, что он — наследник? Какой смысл дарить наследнику — его наследство?

— Леди Фледа слишком долго несла на своих плечах этот груз, — говорила меж тем Её Величество. — Пора бы мечу оказаться в крепкой мужской руке. Годрик Фламбар! Мы назначаем тебя хозяином оружейных мастерских и даруем тебе главную печать. Теперь ты не просто рыцарь, а землевладелец. Итак, сэръ Годрик исчез, и появился милорд Годрик!

Эмер мало что поняла, и подарок показался ей каким-то совсем не свадебным, но молодой муж преклонил колени с таким пылом, словно получил волшебного крылатого скакуна. Королева надела племяннику на шею цепочку с печатью, подняла и расцеловала в обе щеки.

— Мы надеемся, что теперь ты станешь не только главой семьи, но и главой всего оружейного дела Эстландии. Это большая честь и огромная ответственность. Будь достоин и стоек.

— Я не подведу, Ваше Величество, — Годрик припал к руке королевы, а потом сделал шаг назад, становясь рядом с Эмер.

— Теперь объявим первый танец, — королева любила танцевать и хлопнула в ладоши, приказывая музыкантам играть. — Пусть молодожены танцуют вместе, а нас пригласит милорд Гескелл.

Танцы никогда не были сильной стороной Эмер. Двигалась она изящно, но разве возможно запомнить все танцевальные фигуры? Она нервничала, когда муж вывел её на середину зала, и немедленно повернулась не в ту сторону. Годрик успел схватить её за локоть, чтобы не помешала остальным танцорам, а Эмер покраснела от неловкости и негодования. Даже здесь он умудрился показать свое превосходство.

Несколько позорных минут она покорно следовала за ним в танце и даже начала испытывать благодарность за то, что он незаметно для других подсказывал ей куда идти и где становиться. Когда ритуал учтивости был исполнен, новобрачный проводил новобрачную к креслу. Там всё ещё стоял лорд Бритмар, королевский брат.

— Вам досталось настоящее сокровище, милорд Годрик, — сказал он приветливо.

Эмер изобразила подходящую случаю благодарную улыбку, в предвкушении, как ответит на любезность её муж. Ожидался первый супружеский комплимент, и ей заранее было приятно его услышать, как бы неискренне он ни прозвучал.

— Вы правы, Ваше Высочество, — сказал Годрик, — оружейные мастерские — самое великое сокровище для меня. Я оправдаю доверие Её Величества и буду трудиться на благо страны и короны.

Лорд Бритмар кашлянул в кулак, скрывая усмешку, а Эмер мигом вскипела:

— Он говорил обо мне, болван!

Она тут же пожалела об опрометчивых словах. Тем более, что Годрик ничуть не смутился, а вежливо спросил:

— Неужели? А я и не догадался, что милорд герцог так высоко оценил мою жену.

— Вижу, вам не терпится насладиться обществом друг друга, — заметил лорд Бритмар, подмигивая Эмер, — оставляю вас, счастливые молодожены, желаю любви и всех благ.

Счастливые молодожены проводили его мрачным молчанием. Только сейчас Эмер заметила, что Сесилии не было поблизости. Оглядев танцующих, она увидела подругу в паре с усатым и бородатым милордом средних лет. Рядом с ним девушка казалась особенно маленькой и хрупкой. Эмер покривилась: не такого мужа заслуживает Сесилия.

— Изволь не кривляться, пока находишься на пиру, — вполголоса заметил Годрик, тоже глядя на танцующих. — Когда морщишь нос, ты похожа на кролика.

— А ты похож на хвастливого петуха, только перьев не хватает, — не осталась в долгу Эмер.

— Тебе, деревенщине, виднее, — промолвил Годрик с полупоклоном, — я не разбираюсь ни в петухах, ни в курицах.

Эмер почувствовала необходимость сказать какую-нибудь особенно гадкую гадость, но на ум решительно ничего не шло.

— В кроликах же разбираешься, — прошипела она.

— Я на них охочусь. А потом жарю.

Невинная на первый слух фраза мгновенно вывела Эмер из себя. Она уставилась на мужа, но лицо того было невозмутимым. Руки сделали всё быстрее, чем осмыслил разум. Схватив со стола двузубую вилку, Эмер ткнула Годрика в ляжку. Удар был прицельный, движение — неуловимым, и никто из гостей не понял, почему благородный рыцарь шарахнулся от молодой жены, как демон от яркого пламени. Надо отдать должное — Годрик даже не пикнул, приняв удар, но зато налетел на Сесилию, которая как раз возвращалась в сопровождении бородатого кавалера. Годрик не позволил девушке упасть, обхватив за талию, а Сесилия схватила его котту на груди. Несколько мгновений они пытались сохранить равновесие, находясь в близости, которую легко можно было посчитать чрезмерной. И это очень не понравилось бородатому кавалеру.

— Как вы неуклюжи, Фламбар! — почти прорычал он, спеша подать Сесилии руку, чтобы избавить от такого искустельного соседства. — У вас молодая жена — с ней и обнимайтесь!

— Приношу извинения, — сказал Годрик, — милорд, миледи...

Больше всего ему хотелось почесать ляжку, но это невозможно сделать, когда все взгляды устремлены в твою сторону.

Свою лепту внесла и новобрачная, наблюдавшая за разыгравшейся сценой с откровенным удовольствием:

— И я прошу прощения за своего мужа. Что поделать? Когда он выпьет лишнего — становится сущим медведем. Сядь, Годрик. Не позорь меня перед Её Величеством.

Взгляд, которым муж наградил её, не сулил ничего хорошего, но Эмер только просияла улыбкой.

— Садись рядом, я же не кусаюсь, — сказала она, поигрывая вилкой.

— Вспомнил об одном важном деле, — ответил Годрик и ретировался.

Эмер бросила на стол вилку и откинулась на спинку кресла.

— Что между вами произошло? — спросила Сесилия, ещё не отдышавшись. Ее кавалер тоже ушел, получив разрешение на следующий танец. — Почему он сбежал?

— Ничего я не сделала, — Эмер подобрала с оловянной мисочки крошки хлеба, оставшиеся от постного сухаря, и отправила в рот. — Пырнула его вилкой, только и всего.

— Вилкой?! — Сесилия в ужасе прижала ладонь к сердцу. — Ты шутишь, надеюсь?

— Ничуть. Он предложил тихонько сбежать, чтобы исполнить супружеский долг, я напомнила про пост. Он проявил настойчивость, я проявила твердость. Не то чтобы он мне не нравился, но королева ведь сказал — пост. Слово королевы — закон, — и Эмер даже печально вздохнула, показывая, насколько тяжело ей быть верноподданной.

— Не верю ушам своим, — промолвила Сесилия. — Ты оказалась способной на это?

— Проявить стойкость? — немедленно подхватила Эмер. — И это стоило мне огромных душевных сил. Годрик ведь такой привлекательный мужчина. Ты сама покраснела,

как петушинный гребень, когда он обнял тебя. Признайся, когда он обнимает, в теле образовывается такая приятная слабость, и хочется сказать: «Забори меня!»

— Ты ужасна! — Сесилия покраснела до ушей. — Я вовсе не об этом, — она даже оглянулась — не слышит ли кто крамольных речей подруги.

— Можешь не скрывать от меня правду, — отмахнулась Эмер. — Объятия Годрика — не то, что объявления Ишема. Ты же тоже предпочла строить глазки тому бородачу, а не утирать слезы моему отвергнутому жениху.

— Ты уверена, что он плачет? — спросила Сесилия со злостью, которой Эмер не заметила.

— Конечно. А что ему еще остается делать? Даже моя матушка не сочла его достойным её престарелой персоны.

— Ты жестока...

Вот-вот музыканты готовились заиграть новый танец, и бородатый рыцарь, которому Сесилия обещалась, начал прохаживаться перед столом, поглядывая в её сторону с молодцеватой бравадой. Эмер не преминула отметить и это:

— Слушай, зачем тебе старик? Он такой же противный, как Ранулф. С него скоро труха будет сыпаться. Теперь я стану хозяйкой в собственном замке, в моем подчинении будут благородные рыцари, ты поедешь со мной, в Дарем, и там найдём тебе подходящего мужа. К горгульям всех Ранулфов и стариков... Сесилия? Что случилось?

Сесилия вдруг закрыла лицо руками, и из-под пальцев потекли слезы, скатываясь по подбородку, и пятная светло-серое шёлковое платье

— Ты плачешь? Это из-за меня? Из-за того, что я вышла замуж за первого встречного? Но я же говорю, что лорд Ранулф мне вовсе не нравится, не надо переживать.

— Я не за тебя переживаю! — Сесилия вскочила. — Ненавижу тебя! Никогда не прощу! — и бросилась вон, расталкивая придворных очень неделикатным образом.

Ее крика никто не услышал — музыканты заиграли бравурный танец, и пары спешили занять свои места. Только двое или трое недоумённо оглянулись вслед пигалице, умчавшейся с королевского пиршества раньше срока.

Эмер тоже озадаченно проводила Сесилию взглядом, но догонять не стала. Иногда надо остаться одному, это она точно знала. Хотя, с чего это подруга так разволновалась?

Сесилия тем временем бежала по коридорам замка, ничего не видя от слёз, застывших глаза. Дорогу до каменных горгулий она помнила, как дорогу от спальни до каминного зала в родном доме.

Лорд Ранулф был здесь. Стоял, прислонившись к статуе, и вертел в пальцах цветков фиалки. В саду гуляли придворные, но Сесилии не было до них никакого дела, и она бросилась к Ранулфу, разражаясь рыданиями:

— Это так жестоко! Так жестоко! Никогда не прощу Её Величество!.. И Эмер не прощу!..

Ноги её подкосились, и Ранулф подхватил девушку, чтобы не дать упасть. Ничуть не стесняясь сторонних взглядов, Сесилия спрятала лицо на его груди, а он гладил девушку по голове.

— Что же вы так плачете, леди Леоффа? — спросил он. — Разве случилось что-то страшное?

— Такое оскорбление... — его котта промокла от слёз, но Сесилия всё никак не могла успокоиться. — Никогда, никогда не прощу...

— Не говорите ничего подобного, — Ранульф заставил девушку оторваться от него и ладонью вытер её мокрые щеки. — Я должен на коленях благодарить Её Величество за доброту.

— Б-благодарить?..

— Вы окажете мне честь, леди Леоффа?

— Не понимаю... — Сесилия смотрела на него, смаргивая слезы с ресниц.

— Вы станете моей женой?

Наблюдавшая эту сцену леди Ренна изо всех сил прислушивалась, но не смогла расслышать ни слова. Зато прекрасно разглядела, как леди Леоффа (эта пигалица, у которой ни гроша за душой) повисла на шее у бывшего жениха леди Роренброк (той долговязой, которая стала графиней) и принялась целовать так бесстыдно, что даже леди Ренна возмущенно отвернулась.

— Этот замок становится рассадником разврата, — пробормотала она, удаляясь. — Куда только смотрит Его Преосвященство?

Молодым предстояло провести в пути целый день.

Их проводили к карете, под брэнчание лютни спели старинную свадебную песню, выпустили двух белоснежных голубей и преподнесли новобрачной ещё один королевский подарок — сетку для волос, сплетенную из золотых нитей, украшенных жемчугом. Эмер догадалась, кого нужно было благодарить за подобный подарок — брат короля подмигнул ей, когда она подняла голову он шкатулки, выложенной внутри чёрным бархатом. Леди Дерборгиль утирала невидимые слёзы, Сесилия не появилась, чему Эмер была неприятно удивлена. Айфа пришла последней и умудрилась незаметно сунуть под сиденье новобрачной корзину с провизией.

— А то отощась, постница, — шепнула она сестре на ухо, когда обнимала на прощанье. — Мы приедем с матушкой к свадьбе. Хочу видеть тебя такой же крепкой и краснощёкой.

Годрик учтиво подал руку молодой жене, помогая подняться по лесенке, но на этом вежливость и кончилась.

Едва лошади тронулись, он отбросил притворную любезность и отодвинулся от жены к окну. Эмер поступила так же. Но смотреть в окно было скучно, а вот бросать косые взгляды в сторону мужа — гораздо интереснее. Она украдкой рассматривала его гордый профиль и говорила себе, что всенепременно заставит Годрика сбрить бородку, которая добавляет ему пять лет свыше истинного возраста. Придаваться размышлениям было не её любимым занятием, поэтому она не выдержала и первая начала разговор.

— Как нога? — она постаралась говорить душевно. Было бы хорошо, помирись они до Дарема.

— Удивлён, что тебя это беспокоит, — тут же отозвался Годрик, но в его голосе душевности не было ни на каплю.

— Я всего лишь спросила...

— А я ответил.

Эмер отвернулась, припоминая все ругательства, которые когда-либо слышала. Было бы хорошо помириться до Дарема. И было бы хорошо, не будь Годрик таким упрямым болваном.

Карету мерно потряхивало на дорожных ухабах. Дорога была старинная, вымощенная плоскими камнями величиной с мужскую ладонь, поставленными на ребро. Эмер вытащила из-под сидения корзину, переданную Айфой, и извлекла из тряпицы половину свадебного пирога, который не удалось ещё попробовать. Она тут же отломилась порадочный кусок. Пирог был с тонкой хрустящей корочкой, остывший, но не утративший вкуса и запаха. Начинен он был рубленой спаржей и яйцом, и щедро приправлен душистыми травами. Эмер надкусила и блаженно зажмурилась.

— Вообще-то, у тебя пост, — заметил Годрик.

— Вообще-то, пирог не с мясом, а со спаржей.

Годрик фыркнул, но молчание было нарушено, и он продолжил:

— Мы неправильно повели себя вчера. Нам не надо было ссориться, потому что мы не виноваты в том, что произошло, во всём виновата тётя...

«Да неужели? — подумала Эмер, приподняв занавеску и разглядывая окрестности. — Наверное, именно тётя заставила тебя лапать меня под лестницей».

— Нам надо стать союзниками. Я отказываюсь участвовать в этом фарсе, — сказал Годрик. — Брак должен заключаться по обоюдному согласию. Я против браков по принуждению. А ты?

Эмер, только что откусившая от пирога, вопросительно приподняла брови.

— Ты — тоже против? — призвал её к ответу Годрик.

Прожевав кусок, Эмер аккуратно вытерла губы платочком и с готовностью поддакнула:

— Конечно, муж мой.

Годрик так и подпрыгнул:

— Что ты сказала?!

— Плохо слышишь? — вежливо спросила Эмер.

Несколько секунд молодой супруг размышлял, поджав губы и поглядывая на молодую супругу с подозрением, не зная, как расценивать её слова — как издевку или как глупость.

— У меня есть невеста, — сказал он. — И она не чета тебе, деревенщине-переростку.

— Была невеста, — спокойно поправила его Эмер. — И у меня был жених. А если продолжишь и дальше меня оскорблять, расквашу тебе нос, — она подумала и добавила: — Возможно, что и сломаю. Смотри, какое будет оскорбление. Либо расквашу, либо сломаю, — и довольная собой, она откусила ещё кусок.

Годрик потерял дар речи, уставившись на благородную девицу, из уст которой вылетели такие слова.

— Яркое пламя! — изумился он. — Мне в жёны досталась кровожадная тролльчиха!

Кулак Эмер выстрелил ему в лицо быстрее, чем он успел увернуться, и супруг повалился на подушки, не успев даже вскрикнуть. Впрочем, он тут же поднялся и дал волю гневу:

— Выпороть бы тебя! — возмущался он. — Твоё счастье, что я не бью женщин!

— Да, от этого только ты в проигрыше, — согласилась Эмер. — Ведь если хоть пальцем меня коснёшься, я пожалуюсь Её Величеству. Что же королева тогда сделает? — она картинно возвела глаза. — Ах, наверное, решит, что ты слишком молод, чтобы стать мастером оружейного дела. И придётся твоей уважаемой матушке снова взвалить на свои хрупкие плечи заботу о кузницах... — и она даже покачала головой и поцокала языком с притворным сожалением.

Угроза возымела результат. Годрик вытер ладонью кровь, сочащуюся из разбитого носа, и выразил возмущение тем, что тихо выругался сквозь зубы.

— Давай помогу, муженёк, — предложила Эмер, доставая платочек.

Взгляд Годрика не предвещал прощения или добрых чувств, но помочь он позволил. Эмер с удовольствием вытерла его красивое лицо, и делала это гораздо дольше, чем требовалось. В конце концов Годрик оттолкнул её руку, но оскорбления на этом закончились.

Некоторое время они ехали в молчании, только Эмер жевала пирог со спаржей и мурлыкала под нос песенку.

— Я против, чтобы ты вела себя подобным образом, — сказал вдруг Годрик.

— Сама не хочу, — вздохнула Эмер, — но что поделать, если только так ты становишься кротким, словно недельный ягнёнок, — и она принялась жевать с особенным старанием.

Годрик выхватил у нее кусок пирога и в мгновение ока вышвырнул его в окно кареты.

— Пост — это пост, — заявил он безоговорочно. — Или желаешь пожаловаться королеве?

Эмер попыталась взглядом выразить, что она о нём думает, но он только хмыкнул и устался в окно.

Доставать еду при нём она больше не решилась, опасаясь, что и остальные припасы постигнет участь быть выброшенными за окно.

В Дарем они приехали мрачном молчании, к вечеру, когда солнце наполовину скрылось за горизонт.

Карета подпрыгнула, въезжая с дороги на мостки, а копыта лошадей гулко застучали по дереву, а не по камням, Эмер позабыла обиды и высунулась в окно, чтобы посмотреть на Дарем — второй по величине замок Эстландии.

Увиденное повергло её в восторг и благоговейный ужас, и она завопила, за что была немедленно обругана мужем.

— Но как можно молчать?! — крикнула она, ничуть не смущаясь. — Ведь он... он — великолепен!

Годрик не ответил, но по лицу было видно, что он доволен похвалой родовому гнезду.

Замок стоял на берегу реки, неприступный, как крепость. Зубчатые стены с бойницами охраняли две башни собора, о котором упоминала Сесилия. Даже королевский замок Дракона не выглядел столь внушительно и гармонично. Бурые стены цветом напоминали отроги, ведущие к реке, а зеленые крыши были одного оттенка с зеленью ив, растущих у самой воды.

Ворота замка были гостеприимно распахнуты, и жёлто-красные штандарты реяли над входом, ожидая прибытия молодой пары.

Встречать их вышла целая толпа — ничуть не меньше, чем провожали из Тансталлы. Только сейчас лица были незнакомые. Эмер опустила вуаль и теперь могла беззастенчиво рассматривать встречавших, не боясь быть уличенной в невежливом поведении.

Статная дама в синем блио стояла впереди. Генин её был высотой в локоть, и с него спускалась тончайшая восточная ткань длиной три локтя — девушка-прислужница держала покрывало, чтобы не волочилось по земле.

«Леди Фламбар», — подумала Эмер и склонилась перед свекровью в почтительном поклоне.

— Добро пожаловать, графиня Поэль, — приветствовала её матушка Годрика. — Да будет милость яркого пламени на вас.

— Благодарю за добрые слова, — ответила Эмер, ещё раз кланяясь. Стоило ей выпрямиться, как свекровь откинула её вуаль.

В ней не было ничего от красивого сына. Вернее, в сыне — от неё. Тяжёлый подбородок, маленькие глаза, мясистый нос. Эмер запоздало помолилась, чтобы их с Годриком дети были похожи на покойного графа Дарем, а не на графиню.

Свекровь между тем закончила рассматривать невестку и обернулась поцеловать сына. Большой сердечности Эмер между ними не заметила, и это её несказанно обрадовало. Нет ничего хуже, чем сыночек, безмерно обожающий мамочку.

— Это моя жена, матушка, — церемонно представил Годрик, хотя нужды в представлении не было. — Эмер из Роренброка, королевской милостью — графиня Поэль. Жена, а это — моя матушка. Леди Фледа. Люби и почитай её, как меня.

— Я передаю невестке ключи от кладовых и признаю её хозяйкой, — в тон ему

произнесла леди Фледа и протянула Эмер связку ключей, та приняла её, подумав, что они все тут, в Дареме — глупые приверженцы правил.

— Надо показать леди её комнату, — встряла в разговор пожилая дама в ярком платье, которое делало её желтоватую кожу жёлтой, как корка лимона. — Я провожу её милость.

— Буду благодарна, — ответила Эмер, пытаясь одной рукой прицепить связку ключей к поясу, а другой выудить корзину с едой из кареты.

Кошачьим движением леди Фледа выхватила у неё ключи и водрузила на прежнее место — на свой пояс из тонко выделанной кожи.

— Пусть пока побудут у меня, — спокойно объявила она. — Это проще, чем объяснять вам в первый же день, что и где находится.

— Не возражаю, — пробормотала Эмер, вытаскивая корзину.

— А это что? — спросила тут же леди Фледа, поведя носом.

Она рывком сдёрнула платок с корзины, и взору её представились копченые цыплячьи тушки, хлеб с орехами, вареные яйца и сушёная рыба.

— Что это?! — маленькие глаза свекрови так и впились в Эмер. — У вас ещё четыре дня поста. Изъять немедленно.

И корзина была изъята. Эмер проводила её тоскливым взглядом.

— Трагедия, должно быть? — шепнул ей на ухо Годрик. — Для такой обжоры.

— Забыл про вилку? — ответила Эмер так же, шёпотом.

— Вилка тебе не видать до самого свадебного пира.

— Зато потом припомню.

— Вот-вот, продумай месть... во время поста и молитвы.

У большой лестницы пути их разошлись — Эмер повели направо, где были комнаты женщин, Годрик свернул налево. И даже не посмотрел на жену на прощанье. Эмер почувствовала, что последнее слово осталось не за ней.

После этого она не видела мужа. Ей страшно хотелось расспросить о нём девиц, призванных прислуживать, но гордость не позволяла. Лишь дважды она услышала, что милорд Годрик строго постится и не выходит из церкви, готовясь к свадьбе.

«Лучше бы он готовился по-иному», — думала Эмер тоскливо.

Сама она не могла похвастаться таким прилежанием в подготовке.

Пост — не самая весёлая штука. К вечеру первого дня Эмер ненавидела сухари, а стоило ей хоть на секунду закрыть глаза, её мысленному взору представляли куски дичи, жаренные — о, яркое пламя! — на ненавистных сковородах, которые теперь казались почти родными. Также её воображение терзало вкуснейшее рагу из говяжьих почек, бычьих хвостов, петушиных гребешков и бараньих ножек, а чёрная кровяная колбаса преследовала даже в тонком сне. К вечеру второго дня, выгнав у служанок, расположение кладовых, Эмер совершила рискованную вылазку. Отослав всех под предлогом необходимости уединённой молитвы, она выждала, пока шаги дочерей джентри затихли в конце коридора, и выскользнула из своей комнаты-тюрьмы, гонимая голодом и злостью.

Комнаты с провиантом она нашла быстро и не попала никому на глаза. Закрывались кладовые всего лишь деревянным засовом — в Дареме не опасались воров, и это тоже была удача. Эмер юркнула внутрь, прикрыла двери, огляделась — и не смогла сдержать вздоха восхищения. Наверное, Большой зал в Роренброке был меньше обжорной комнаты в Дареме. Но вскоре восхищение уступило свои позиции голоду, и Эмер приступила к воровству.

Вдоль стен стояли лари с хлебами, с потолочных балок свешивались связки колбасы —

белой и красной, копченые гуси и окорока. Здесь же были корзины с лесными орехами, лущёным горохом и крупами, чаны с солониной и связки сушеной рыбы, и рыба соленая, и копченая, и огромные головки сыра под желтой твердой корочкой, и крынки с молоком и мёдом, и целые горы яиц в низких корзинах.

Постыющаяся невеста с воодушевлением набивала живот вкуснейшими припасами Фламбаров, и жизнь казалась ей всё лучше и лучше. Из маленькой корзины до ноздрей Эмер донесся сладкий медовый аромат. Приоткрыв крышку, девушка обнаружила там сладкое чудо — вываренные в меду орехи. На всю кладовую пахнуло поздним летом и солнцем.

Эмер тут же засунула в рот кусок сладких, слипшихся орехов, и с наслаждением захрустела вкусными ядрышками. Она пожадничала — набрала орехов в поясную сумочку, да еще и прихватила по полной горсти в обе руки.

Дверь бесшумно распахнулась, и на пороге возник высокий силуэт. Эмер не могла рассмотреть лица, и ей показалось, что появился её муж — он был высокого роста и широк в плечах. Проворно юркнув за корзины, Эмер затаила дыхание, боясь даже двинуть челюстями.

— Кто здесь? — спросил мужчина негромко.

Голос был незнакомый, но не успела Эмер вздохнуть с облегчением, что это не Годрик рыскает по замку, как мужчина вошёл в кладовую и направился прямо к корзинам, где она пряталась.

— Выходи, — приказал голос, и Эмер покорно поднялась из укрытия, потому что раздался знакомый свистящий звук — так говорит меч, когда его вынимают из ножен.

Вид у неё был самый дурацкий — щеки набитые, как у хомяка. Она мрачно посмотрела на обнаружившего её. Он был постарше Годрика, но без бороды. Лицо у него было не такое красивое, как у Фламбара, но приятное и мужественное. Русые волосы подстрижены коротко, не как у благородного, но по виду он был истинный рыцарь, к тому же, у него был меч. Он обнажил его наполовину. Только ножны изрядно потертые, со следами умелой починки.

Некоторое время рыцарь изумленно взирал на Эмер, представшую перед ним. Он был настолько удивлен, что не сразу разглядел её голубое венчальное платье.

— Кто вы, миледи? — спросил рыцарь, отправляя меч в ножны. — И что вы здесь делаете?

Эмер сгорала от стыда: говорить с набитым ртом она не могла, а потому просто начала жевать, чтобы избавиться от проклятых орехов.

— Почему молчите, миледи? И что у вас в руках.

Прожевав сладости, Эмер, страдальчески протянула руки, показывая добычу.

— Орешки... — пробормотала она.

Только тут он соизволил заметить голубое платье.

— Невеста!

Эмер опустила голову, чувствуя, что опозорена на всю Эстландию. Сейчас он упрекнет её в том, что она нарушила пост.

Но вдруг он рассмеялся. Было очень странно слышать его тихий смех, Эмер осмелилась поднять глаза.

— Вы — графиня Поэль, — сказал рыцарь. — И вы тайком залезли в кладовую. Я поражен в самое сердце, миледи. Забирайте-ка с собой ещё что-нибудь, раз голодны, и пойдите, пока вас не застали за преступлением. Скоро сюда придут слуги за продуктами.

Эмер не осмелилась ничего взять, но он сам прихватил из ларя белую плетеную булочку

и отломил от связки кусок кровяной колбасы.

— Поспешите, я провожу вас.

Они вышли в коридор и пошли по направлению к женской части замка.

— Не беспокойтесь, всё останется в тайне, — сказал рыцарь, с улыбкой поглядывая на невесту. Улыбка необыкновенно ему шла. — Мое имя — Тилвин Тюдда, я начальник стражи в Дареме и троюродный брат вашего жениха. Не бойтесь меня.

И даже имя ему шло Тилвин — верный друг, а Тюдда — так назывались щиты у вестфальдов. Эмер сразу прониклась к нему приязнью.

— Простите, сэр Тилвин, я ужасно виновата, — начала она покаянно, но он не дал ей договорить.

— Полноте, невестка. Я не такой приверженец обрядов, как Годрик и леди Фледа. Неделя поста — это не шутки. А вы — девушка. Небеса всегда прощают слабость красивым девушкам. Пусть это останется нашим общим секретом.

Он улыбнулся ей, перед тем, как она скрылась за дверью своей комнаты. Улыбка шла ему необыкновенно.

Эмер спрятала драгоценные продукты в корзину для рукоделий, села на кровать и вдруг тоже улыбнулась.

С этого дня её предсвадебное заточение стало не таким мучительным. Начальник стражи зачастил проверять женскую часть замка и неизменно являлся, чтобы выказать почтение молодой госпоже Дарема. А после его посещений Эмер прятала в корзинку за кроватью свежий хлеб, вяленое мясо, или горшочек с тушеными овощами и курицей, или сладости.

— Вы не боитесь, что леди Фледа узнает и разгневется? — спросила как-то Эмер, когда Тилвин принес ей миндальный пирог, завернутый в чистую тряпицу.

Пирог он достал из-за пазухи, и когда Эмер развернула лакомство, пирог был теплый — то ли сохранил до сих пор жар печи, то ли был согрет мужским телом.

— Мне она показалась строгой хозяйкой, не терпящей, когда ей прекословят или поступают не так, как она велела, — девушка отломил от пирога порядочный кусок и сразу же зажевала, прикрывая от наслаждения глаза и жестахми рассказывая, насколько всё вкусно.

— И будете правы, невестка, — весело отозвался Тилвин, необычайно довольный, что угодил ей. — Леди Фледа крута нравом, и лучше её не злить. Но вы же меня не выдадите?

— Да я скорее отрежу себе язык! — возмутилась Эмер, едва прожевав.

— Нет, такие жертвы не нужны, — засмеялся рыцарь. — Но если я могу просить за то, что помогаю вам...

— Просите, что угодно, — заявила девушка, не подумав, что поступает опрометчиво.

— Называйте меня по имени и обращайтесь ко мне на «ты». Это будет лучшей наградой.

— Разве это награда? Это моя обязанность. Ведь вы — брат моего мужа, и старше его, если не ошибаюсь.

— На два года, — подтвердил Тилвин, — что же касается остального, то Годрик не считает меня братом. Да и леди Фледа очень редко вспоминает о нашем родстве. Здесь я всего лишь безземельный рыцарь на службе.

— О! — только и могла вымолвить Эмер, чувствуя, что терпеть не может заносчивую леди Фледу. К Годрику таких чувств она испытать не смогла, но ещё раз от души обозвала его напыщенным петухом.

— Я говорю это не для того, чтобы вызвать жалость, — сказал Тилвин, — а чтобы вы не относились ко мне слишком уж уважительно. Леди Фледа будет недовольна, да и Годрик не придёт в восторг.

Эмер отложила недоеденный пирог и очень серьезно, и даже торжественно взяла рыцаря за руки.

— Мне нет дела до того, что думают и как поступают остальные, — сказала она. — Я вижу, что ты добрый человек, Тилвин Тюдда. И пока ты добр, ты заслуживаешь моего уважения. Но и ты должен обращаться ко мне, как к родственнице. Ведь я твоя невестка. И говорить «ты». В моих краях это знак доверия.

Она поколебалась и добавила совсем другим тоном:

— И мне плевать, будут леди Фледа и Годрик довольны или нет.

— Миледи! — воскликнул Тилвин.

— Чего ты испугался? — Эмер покраснела, но только выше вскинула нос. — Ты же знаешь, что я из Вудшира. Там все поступают, как велит сердце, и не скрывают истинные чувства за словесными вензелями.

— Тогда мне очень нравится Вудшир, — сказал Тилвин.

— Поверишь ли, мне тоже, — ответила Эмер.

Они посмеялись и расстались весьма довольные друг другом.

Это был третий пир, посвящённый её свадьбе.

Эмер была разрешена от поста, исповедовалась и очистилась от грехов. Сейчас перед ней стояли изысканные кушанья, но она едва пробовала от каждого, что не могло не вызвать подозрений Годрика.

— Наверняка, пронесла что-нибудь под юбкой, — проворчал он, когда Эмер равнодушно посмотрела на крохотные пончики, пропитанные вишневым сиропом. — Судя по твоему обжорству, после поста ты сжевала бы барашка вместе со скатертью.

Вилки он предусмотрительно убрал.

— Надо было проверить, а не быть скромником, — ответила Эмер.

— Ты и вправду такая бесстыдная?! — изумился Годрик.

— Разумеется, — вскипела новобрачная, — ведь именно я затащила тебя под лестницу и целовала насильно, а не наоборот!

— Мне надо выйти, — ответил Годрик, вскакивая.

— Главное, не сбеги с собственной свадьбы, — напутствовала его Эмер на прощание. — Помни, что я тоже умею быстро бегать.

— Не сомневаюсь, — бросил он через плечо.

Оставшись в одиночестве, новобрачная не успела совсем пасть духом, потому что на стол вдруг положили букет первых весенних примул. Нежные бело-голубые цветы с жёлтыми сердцевинками распространяли запах весны и свежести. Эмер тут же схватила букетик и поднесла к лицу, вдыхая горьковатый аромат. И только потом подняла глаза на дарителя. Это был Тилвин. Даже ради свадебного пира он не сменил квестот с гербом Фламбаров, и меч тоже находился при нём.

— Подарок невестке, — сказал рыцарь. — Не роскошный, но от чистого сердца.

— Подарок прекрасен, — сказала Эмер, любуясь цветами. — Я приколю их к платью. Помоги расстегнуть брошь?

Тилвин заколебался, и Эмер вскинула брови:

— Что такое?

— Будет ли это уместным, госпожа?

— Можно подумать, я прошу тебя совершить кражу. Что предосудительного в том, что ты расстегнешь брошь? Или в Дареме это расценивают, как покушение на честь девицы?

— Нет, не расценивают, — ответ его посмешил, и он послушно склонился к украшению, запиравшемуся хитрым замочком.

С помощью Тилвина Эмер прикрепил букетик к платью и горделиво повела плечом:

— Вот, теперь я — настоящая невеста. Даже с цветами. Ведь болван Годрик не додумался подарить мне свадебный букет.

— Он обязательно исправится, — сказал Тилвин. — А мне пора идти.

— Ну уж нет, — Эмер схватила его за руку и насильно усадила подле себя. — Ты тоже гость на пиру. И можешь забыть об обязанностях на четверть часа. Давай я налью тебе воды? Вино, наверное, ты не будешь? А вода подслащена и в неё добавлен анис. Это очень вкусно и бодрит.

— Воду с анисом пьют молодожёны, — осторожно заметил Тилвин, — чтобы... чтобы... — он замялся. — Чтобы кровь быстрее бежала по жилам в первую брачную ночь.

— Ах, рогатая звезда, — бросила досадливо Эмер, — я и забыла.

И тут же прикрыла рот рукой.

Тилвин закусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Нет, я никогда не ругаюсь, — попыталась оправдаться Эмер, — это сейчас нечаянно вылетело.

— Конечно, я понимаю. И уже обо всём забыл.

— Вот бы и у Годрика была такая короткая память, — опрометчиво пожелала девушка.

На этот раз Тилвин не смог сдержаться и засмеялся, и Эмер рассмеялась вместе с ним. Спустя несколько минут, они увлечённо болтали. Эмер попросила рыцаря рассказать о гостях. Тот охотно назвал ей самых важных и знатных, с которыми ей предстояло встречаться на протяжении недели празднеств. Эмер слушала с любопытством, потому что говорил Тилвин хорошо и складно, вспоминая по ходу разговора забавные происшествия с тем или иным лордом.

— У лорда Бернара хорошенькая и юная жена, — рассказывал он. — Вон она, в красном платье. Лорд Бернар безумно её ревнует, и бедняжка даже на общественных праздниках появляется редко.

— То-то она сейчас веселится, как будто увидела королевских шутов, — протянула Эмер, разглядывая миловидную леди с волосами золотистыми, как солнце.

Её внимание привлек мужчина в черном, сидевший за столом для почетных гостей, но не принимавший участия в общем веселье. Странно, но время от времени он испытующе смотрел на Эмер, и взгляд его пронзал ледяными иглами. Мужчина был худощав, и лицо его — суровое, с резкими чертами, казалось осунувшимся. Щеки немного запали, и длинный острый нос становился от этого ещё длиннее. Небрежно причесанные волосы, спадавшие ниже плеч, придавали ему вид диковатый и пугающий. Одежда была грубой, но на груди блестела золотая цепь с медальоном. С ним разговаривали редко, но уважительно, а слуги, наливая вино и подавая кушанья, старались держаться как можно дальше.

— Кто это? — спросила Эмер у Тилвина. — Выглядит, как голодный волк.

— Не следует смотреть на него, невестка, — тихо ответил Тилвин. — Это Ларгель Азо, епископ Дарема. Правая рука тайного лорда.

— Лорда Саби? — переспросила Эмер, уставившись на епископа с удвоенным интересом.

— Не смотри на него слишком пристально, он заметит, и ему это не понравится, — торопливо сказал Тилвин, переставляя тарелки на столе.

— Даже если ему что-то не понравится, мне это совершенно ничем не грозит, — легкомысленно ответила девушка.

Чем больше она рассматривала «правую руку тайного лорда», тем больше она — рука — ей не нравилась. Нет, во внешности епископа не было ничего отталкивающего. Наоборот, он выглядел впечатляюще, несмотря на полное пренебрежение своим внешним видом.

— Он видный мужчина, — сказала Эмер Тилвину, позабыв, что благородной девице не пристало выражаться, как простолюдинке, — но один вид его вызывает страх и омерзение, как чумная жаба.

— Ты очень точно передали его сущность, невестка, — сказал Тилвин сквозь зубы. — Мир не видел такого сумасшедшего фанатика и такого кровожадного палача, как епископ Ларгель. Одни небеса знают, скольких он замучил, сжег и утопил.

— Может, сплетни? — спросила Эмер, хотя тут же поверила каждому слову.

— Нет, не сплетни, — горько усмехнулся Тилвин. — Это Его Преосвященство изобрел безотказный метод определить, является ли человек упырём — надо связать подозреваемого и бросить в воду. Если человек безгрешен, вода примет его, и он утонет. А если упырь — то вода его отторгнет, тогда упырь подлежит сожжению.

— Немыслимо, — ахнула Эмер, не в силах оторвать взгляда от епископа. — У нас в Вудшире нет таких жестокостей...

— Благодарите за это яркое пламя, — коротко ответил Тилвин. — А оно решило наказать Дарем, если сюда был назначен епископ, который сначала пытается, а потом спрашивает имя.

— И давно он сюда назначен?

— Его имя было названо в тот день, когда вы выехали из Тансталлы.

Некие подозрения закрались в душу, но Эмер не успела их осмыслить, потому что вернулся Годрик, и вид его не предвещал ничего хорошего.

— Разве слугам здесь место? — спросил он.

Тилвин вскочил и поклонился, хотя желваки на его скулах заходили от подобного оскорбления.

— Зачем ты так? — вступилась Эмер. — Он ведь тебе брат.

— Он мне не брат, — ответил Годрик, беря её за руку повыше локтя. — Он всего лишь слуга, его дело не молот языком за столом своего господина, а беспокоиться о безопасности замка. Идём, нам надо засвидетельствовать почтение моей двоюродной тётушке, она настоятельница монастыря и специально приехала на свадьбу, — не дожидаясь ответа, он потащил Эмер за собой.

— Ты слишком груб, — сказала она, пытаясь вырваться, но пальцы у него были, как стальные гвозди — легче отгрызть руку, чем разжать.

— Придётся потерпеть, — последовал ответ.

— Если ты сейчас ведешь себя так, то что же будет ночью, в брачных покоях? — спросила Эмер.

— Ты ждёшь неба в звёздах и неземную сладость? Ведь об этом врут молоденькие дурочки, которых никто никогда не целовал?

— Но я-то к ним не отношусь, — невинно заметила Эмер.

Годрик остановился, как вкопанный.

— Что это значит? — спросил он грозно, и глаза потемнели, как грозное небо.

— Меня — целовали, — ответила Эмер раздельно. — А что ты так разволновался?

— Кто? — спросил он без обиняков.

— Ты хочешь узнать имя? — Эмер решила подразнить его и тут же пожалела, потому что пальцы Годрика так сжали её плечо, что она подпрыгнула на одной ноге. — Мне больно!

— Кто? — повторил он, сжимая сильнее.

— Да ты! Ты, дуралей!

Он тут же отпустил, и Эмер потёрла занемевшую руку.

— Потом поговорим, — сказал он многообещающе, подводя жену к монахине в белом клобуке, взирающей на мир такими же маленькими и пронзительными глазками, как леди Фледа.

Разговоры, танцы и бесконечные обмены любезностями утомили сильнее, чем двухчасовые упражнения с деревянной палкой вместо меча.

К полуночи Эмер не чувствовала ног, а Годрик подводил её всё к новым и новым гостям, кланялся, представлял жену, приглашал остаться в замке на неделю.

— Как они все поместятся в Дареме? — зашептала Эмер после пятидесятого приглашения. — У тебя большой замок, но его не получится растянуть, как колдовскую перчатку!

— Они и не останутся, — ответил Годрик, — они поедут домой.

— Зачем же тогда приглашаешь?

— Потому что я воспитан при королевском дворе, а не в свинарнике, в отличие от тебя.

Эмер прикусила язык, вспоминая о вилке. Но расправу с мужем нужно было отложить. Ведь пока они находятся в центре всеобщего внимания, и прилюдная потасовка ни к чему хорошему не приведёт.

Когда Годрик вернулся с молодой женой к креслу, Эмер почти рухнула на подушки, вытягивая под столом ноющие ноги.

— Это утомительно, — пожаловалась она.

— Такая верзила — и слабачка, — сказал Годрик презрительно. — Сиди, я поздороваюсь с Беррийскими монахами.

— Ещё и монахи, — застонала Эмер. — Разве им не полагается сидеть в монастыре и избегать светских развлечений?

Годрик не удостоил её ответом и отбыл, а Эмер занялась тем, что пыталась незаметно снять туфли, чтобы дать ступням отдых.

Шарф, покрывавший ее голову, соскользнул, словно его сдернули невидимой рукой, и опустился на каменные плиты.

Маленький паж в красном берете тут же метнулся вперёд и услужливо наклонился.

— Один человек просит вас придти, — сказал он, подавая шарф.

— Какой человек?

— Один человек там, в темноте, — мальчик указал в сторону портика с фонтаном.

— Но кто... — Эмер не успела расспросить дальше, потому что паж убежал, спеша на грозный окрик мажордома.

«Наверное, Тилвин хочет поговорить, — решила Эмер, стараясь незаметно для гостей подняться из-за стола. — Дурак Годрик вёл себя, как мужлан. И ещё мнит себя

прекрасновоспитанным! Это он деревенщина, а не я».

Она вышла из зала, с наслаждением вдохнув полной грудью прохладный ночной воздух. В портике факелы были потушены, и только луна, заглядывая между колонн, отражаясь в фонтане, превращала струи из водяных в серебряные.

Эмер оглянулась, но никого не увидела. Тилвин опять осторожничает. А ведь она прямо сказала, что презирает высокородную спесь и не считает хорошим тоном воротить нос от бедного родственника. Она опустила палец в чашу фонтана. Вода была холодная, как лёд, даже кости заломило.

— Вы пришли быстро, это разумно, — раздался сзади голос, который никак не мог принадлежать начальнику стражи из Дарема.

Голос звучал приглушенно, но не вяло, и в нём слышались знакомые нотки, так говорил... так говорили... лорд Саби и его прислужник!

Стремительно развернувшись на каблуках, Эмер чуть не столкнулась с человеком в черном. Ларгель Азо. Первым её желанием было отступить, но она вспомнила, что Роренброки не боятся и самого короля, а значит, бегство ей не пристало. Она расправила плечи и вскинула подбородок так горделиво, словно принимала гостей на пару с королевой.

Ларгель Азо был одного роста с Эмер, и глаза их оказались на одном уровне.

— Я не засвидетельствовал почтение, леди Фламбар, — сказал епископ, буравя Эмер взглядом. — Весьма рад, что в Дареме появилась хозяйка.

Его сухой тон никак не вязался с учтивыми словами. Эмер, неосторожно заглянувшая в глаза епископу, ощутила, как её словно затягивает в омут, и выбраться оттуда нет никакой возможности. Светло-карие глаза загорелись, будто разглядели что-то в глубине сознания девушки, зрачки вдруг вспыхнули приглушенным красным светом, и Эмер слабо вскрикнула, пытаясь закрыться рукой. Точно так же, как лорду Саби, она не могла противиться его помощнику. Только лорд Саби использовал свою силу мягко, исподволь, а тут магическая атака разума была жестокой и разрушительной.

Епископ Ларгель перехватил её запястье и заставил развернуть руку ладонью вверх.

— Я знаю о метке, — сказал он. — Она здесь.

— И чего же хотите теперь? — спросила Эмер, отчаянно храбрясь.

Епископ резко отпустил её, и Эмер поспешила вытереть руку. Ей показалось омерзительным прикосновение чёрного человека. Но на милорда Ларгеля этот жест не произвел впечатления.

— Так чего вы хотите? — опять спросила девушка.

— Хочу понять, в каких сношениях вы состоите с упырями, — сказал епископ приглушенно и со значением.

Эмер уже была знакома подобная манера разговора. Лорд Саби и его люди говорили так же — негромко, но повергая собеседника в панический ужас.

— Если вы знаете про метку, — сказала она, машинально пряча ладонь, — то должно быть, знаете и о том, что я служу вашему господину. Спросите его об упырях, ибо мне о них ничего не известно.

Красный свет в глазах епископа погас.

— Возможно, вы и правы, — сказал он. — А возможно — лжёте. Как бы там ни было, помните, что я слежу за каждым вашим шагом.

Он приблизил лицо так близко к лицу Эмер, что она смогла разглядеть красные прожилки на глазных яблоках. В глубине зрачков плясали красноватые сполохи — словно

огненные змеи вертелись в бешеном танце.

— Я был против, когда милорд Саби выбрал вас в жёны Фламбару, — сказал он приглушенно. — Вы мне не нравитесь. И я вам не нравлюсь. Вас коробит, когда вы смотрите на меня.

— Вы удивительно проникательны, — ответила Эмер с вызовом, хотя голос её дрогнул.

— Тем лучше, — прошипел Ларгэль по-змеиному. — Употребите вашу ненависть в дело. Докажите, что я ошибся на ваш счет, и узнайте как можно скорее то, что вам следует узнать. Разденьте поскорее вашего дорогого мужа. Вы и так промешкали неделю. И помните. Я здесь — чтобы следить за вами. Одна попытка обмануть милорда, и случится вот что...

Глаза его снова разгорелись, как уголья, и Эмер вскрикнула от острой боли пронзившей руку от самого невидимого клейма до плеча.

— Это только бледное подобие того, что вас ждёт, если провалите миссию, — пообещал напоследок епископ. — Ведь ваш дружок там, за свадебным столом, рассказал много чего об ужасном Ларгеле Азо? Так вот, он вам безбожно соврал.

— Какова же правда? — спросила Эмер, губы её дрожали.

Епископ улыбнулся, и улыбка у него оказалась не самой приятной — больше похожая на гримасу, обнажившую мелкие острые зубы.

— Правда в том, миледи Фламбар, что на самом деле, Ларгель Азо в двадцать раз ужаснее.

— Значит, это правда, что страшный Ларгель Азо сначала пытается, а потом допрашивает. Я убедилась в этом только что.

— Нет, не убедилась, — сказал он зловеще. — Ларгель Азо сначала убивает, а потом допрашивает. Считайте, что сегодня вам повезло. Приятной брачной ночи, леди Фламбар.

Когда он прошел мимо, Эмер вытерла пот со лба. Тилвин был прав — страшный человек этот епископ, подручный лорда Саби. Впрочем, у тайного лорда не могло быть иных подручных. Каков хозяин, таковы и слуги.

Но пережитый ужас мгновенно забылся, и Эмер вновь упрекнула себя, что размышляет, как деревенщина. Надо избавляться от дурной привычки, и не мыслить, как коровница, если она хочет стать достойной женой Годрика Фламбара. И ею остаться. И остаться в живых.

— Почему Айфа не приехала? — спросила Эмер у матери, когда та давала ей последнее напутствие перед брачной ночью. Само напутствие её интересовало мало, потому что она побольше леди Дерборгиль знала, чем мужчина отличается от женщины, и что происходит, когда муж и жена оказываются в постели. Знала, разумеется, только понаслышке, зато в таких подробностях, что услышь мать хотя бы сотую часть — упала бы в обморок. Но вдовствующая графиня не знала, о чём разговаривают рыцари Вудшира, когда думают, что рядом нет женских ушей, а просвещать её графиня Поэль не собиралась. Куда больше её взволновало, что старшая сестра не приехала на свадьбу. Но переслала с матерью маленький алебастровый сосуд со странным посланием.

— У милорда Демелза какие-то дела, — отмахнулась леди Дерборгиль. Выданная замуж старшая дочь мало её интересовала. — Зато Айфа прислала тебе приворотное зелье, — она сделала таинственные глаза, отчего Эмер чуть не расхохоталась. — Добавь в вино, и выпейте пополам с мужем.

— Айфа верна себе, — пробормотала Эмер, забирая подарок. — Мне это пригодится, нет сомнений.

— Что ты сказала? — переспросила мать.

— Я сказала, — раздельно произнесла Эмер, — что страшно волнуюсь и молюсь яркому пламени, чтобы угодить мужу.

— Да уж, постарайся, — леди Дерборгиль пригладила непокорные кудри дочери, благо — та сидела на табуретке, и не пришлось вставать на цыпочки — расправила складки ночной рубашки, пощипала щёки, чтобы румянец был ярче. — Всё, ты готова...

Тут она расплакалась, и Эмер пришлось утешать её.

— Это так волнительно и грустно, когда дети вырастают, — призналась вдовствующая графиня. — И так страшно для их матерей. Постарайся сделать вид, что тебе приятно. Я знаю, какая ты грубиянка, не показывай мужу нрав хотя бы в первые две недели. Будь нежной.

«Твои советы запоздали, матушка», — подумала Эмер, но вслух пообещала вести себя кротко, как лесная лань.

Невесту, распевая грустные песни, провели в спальню. Огромную кровать покрывало бархатное одеяло, а столбики, на которых держался балдахин, украшали гирлянды из мелких роз и душистых трав. Горели пять белых свечей, а в жаровне лежали кусочки сандалового дерева. Эмер встала посреди комнаты, зажав в кулаке заветный сосуд. Нет, она поступит не так, как сказала Айфа. Она сама не выпьет ни капли, ведь её жара хватит на двоих. А вот Годрику не помешает хлебнуть колдовского зелья. Для сговорчивости.

Дверь отворилась, и в спальню завели Годрика. Он на голову возвышался над мужчинами, державшими его за локти — молодому мужу полагалось сопротивляться, но сейчас держали больше для вида, чтобы соблюсти старинный обычай.

Праздничный квест и штаны с Годрика уже сняли, и он был в простой рубашке, скрепленной пятью мягкими складками у горла, и нижних штанах — брэйлах, длиной до колен. Обсуждая прелести новобрачной, друзья новобрачного стащили с него сапоги и порвали рубашку, чтобы унести в доказательство свершившегося брака гостям, не

допущенным до спальни.

Эмер невольно отёрла пот со лба, когда в полумраке комнаты Годрика оголили до пояса. Сложен он был, как древний бог. Из тех, что некогда бродили по Эстландии, соблазняя смертных дев.

— Подвязку! Сними с неё подвязку, Годрик! — завопил сэр Ламорак, хохоча, как полоумный. Впрочем, почти все гости были чрезмерно веселы от выпитого вина, и дружно затребовали исполнения ещё одного древнего обряда.

Мужчины орали громко и возбужденно, но Годрик не изменился в лице, даже глаза не загорелись. Подошёл, встал на колени, засунул руки под рубашку жены и стянул белоснежную подвязку, на которой голубым шелком было вышито: «Если достиг этой высоты, то будь ещё смелее». Подвязка перекочевала в руки друзей новобрачного, и они шумной толпой отправились в зал, размахивая подвязкой и рубашкой, как флагами. Матери пожелали детям всех благ, любви и потомства, слуги пригасили свечи, кроме одной, и новобрачных оставили одних, прикрыв двери и заперев снаружи на засов.

Спрятав заветный флакон в складках рубашки, Эмер следила за мужем с замиранием сердца. Он не был похож на трепетного возлюбленного, про которых пели в балладах, но ей таким нравился даже больше. Пусть не говорит нежных слов, пусть сжимает её в объятиях, как медведь — это слаще, чем учтивые слова Ишема. Всех Ишемов в мире, вместе взятых. Сила, напор, уверенность, граничащая с самодовольством — это всё он, её муж. А как он целует, она уже знала. Его поцелуи — самое волшебное волшебство. Скорей бы вкусить их снова и оказаться...

Волшебство разрушилось одной фразой.

— Сядь рядом, и давай поговорим, — сказал Годрик.

Эмер насупилась и не сдвинулась с места.

— Ну, что стоишь? Иди сюда, — он похлопал по кровати рядом с собой.

Она подошла и села, сложив руки на коленях, как ребенок на первой церковной службе.

— Может, сначала всё сделаем, а потом поговорим? — спросила она с тайной надеждой.

— Нет, — отрезал он. — Об этом и пойдёт речь. Королева принудила нас к браку, но мы не нравимся друг другу.

«Говори за себя», — подумала Эмер, испытывая самое жестокое разочарование, какое только привелось пережить в жизни. Она угрюмо молчала, а Годрик заливался соловьем:

— Если мы не станем настоящими мужем и женой, то по закону потом сможем потребовать развод. Разве не этого мы с тобой хотим? — он произнёс «мы» с нажимом. — Через месяц или два, возможно, через полгода, королева смягчится, мы сообщим, что из её затей со счастливым браком ничего не получилось, и потребуем развод.

— Надо подумать... — пробормотала Эмер.

— Думай, — щедро разрешил Годрик. — А пока хочешь вина? Я налью, — он сделал движение, чтобы подняться с кровати, но девушка опередила его.

— Я сама налью, — сказала она и покраснела.

Годрик не стал ей мешать, позволив поухаживать за ним.

— Мне хочется, чтобы мы поняли друг друга, — сказал он.

Она стояла к нему спиной, разливая вино. Было слышно, как стукнул край кувшина о бокал. Рыжие пряди водопадом сбегали с макушки до самых бёдер. Годрик нехотя оторвался от созерцания водопада, решив, что слишком устал, раз заглядывается на подобную девичью

приманку.

Наливая вино, Эмер выплеснула в один из бокалов снадобье Айфы, а склянку закатила между подсвечником и чашей со сладостями. Взяв бокалы, она смело повернулась к мужу и подошла, протягивая зачарованное вино:

— Давай выпьем, а потом решим, как быть дальше.

Он осушил бокал до дна, а она свой лишь пригубила, потому что её так трясло от волнения, что зуб на зуб не попадал.

— Значит, ты не хочешь исполнения брачных обязательств? — спросила она, когда он допил последний глоток.

— А ты разве хочешь?

— Но ты меня об этом не спрашивал.

Годрик погрузился в молчание. Эмер нетерпеливо притопнула и вернула бокал на стол. Свой бокал Годрик поставил на пол, возле кровати, и теперь сидел, задумчиво подперев кулаком подбородок. Тесьма на его волосах распустилась, и черные пряди свободно упали на плечи. Эмер ещё раз топнула. Вот он — такой красивый, почти голый и оскорбительно спокойный!

— А если я не хочу с тобой разводиться? — требовательно спросила она.

Годрик поднял удивлённый взгляд, и некоторое время осмысливал услышанное.

— Не хочешь? — переспросил он.

— Не хочу. Я — верноподданная Её Величества, и не осмелюсь нанести ей оскорбление, нарушив её волю. Она благословила наш брак, мы не имеем права идти против слова королевы.

Слышала бы Её Величество эти речи! Эмер припомнила, как всего седмицу назад дерзила, протестуя против брака с Ишемом. Хорошо, что муж не был свидетелем подобной двуличности.

— Подожди, — Годрик выставил руку ладонью вперёд. — Что значит — не хочешь? Ты хочешь брака со мной? После того, как ткнула меня при королеве вилкой? А ещё ты разбила мне нос, девица Роренброк.

— И разобью ещё, если будешь вести себя, как тупоголовый мул, — огрызнулась Эмер. Когда уже подействует это снадобье?

Годрик молчал некоторое время, обдумывая, видимо, тупоголового мула и угрозу, а потом спросил:

— Значит, ты настаиваешь на исполнении брачных обязательств?

— Настаиваю! — заявила Эмер.

— Хорошо, — он сдался так неожиданно и кротко, что Эмер растерялась.

— Ты согласен? Сейчас мы ляжем спать? — спросила она неуверенно.

— Конечно.

— Не просто спать, а... — она покраснела, пытаясь подобрать нужные слова.

— ...а как муж и жена, — подхватил Годрик.

— О! Я... — Эмер прижала руку к груди, чувствуя холодок заветной монеты. Голова закружилась от предвкушения, и коленки трусливо задрожали. — Тогда я погашу свечу...

Она метнулась к столу, но голос Годрика остановил её:

— Подожди, успеется. Сначала нам надо выполнить ритуал Фламбаров, по завещанию Армель, моей прабабки в седьмом поколении.

— Какой еще прабабки? — насторожилась девушка, чувствуя подвох.

Но лицо Годрика было невозмутимым и даже скучающим.

— Матушка должна была рассказать тебе. Наверно, забегалась и забыла. Армель из Лилля установила ритуал омовения ног ещё при короле Абельгарде, и с тех пор все женщины, вступающие в нашу семью, свято его выполняют.

— Что еще за ритуал?

— Молодая жена должна вымыть молодому супругу ноги. Вот и таз для этого, — Годрик указал на серебряный таз, стоящий на табуретке возле стола с кувшинами, наполненными водой.

— Странные обычаи в вашей семье, — проворчала Эмер, втайне довольная, что всё оказалось не таким уж сложным. Неплохое начало брачной ночи — омовение супруга. Айфа что-то там рассказывала, что мужчины любят, когда их моют. Пора проверить правдивость её слов на деле.

Она решительно подошла к умывальнику, перенесла таз к кровати и с грохотом поставила его на пол.

— Согрей воды, — подсказал Годрик. — Плескаться в холодной не очень-то приятно.

Эмер сунула кочергу в жаровню, подождала, пока железо раскалилось, и опустила кочергу в один из кувшинов, а когда вода согрелась, вылила её в таз.

— Добавь еще розового масла, — Годрик указал на туалетный столик, на котором красовались стеклянные флаконы различных форм и цветов.

— Экий неженка! — фыркнула Эмер. — Зачем тебе розовое масло? Ты девица, что ли?

— Масло смягчает воду, — ответил он, — хотя откуда тебе это знать? Вы же моетесь только в реках и только летом.

Но когда Эмер грозно повела глазами в его сторону, засмеялся:

— Я пошутил. Продолжай.

Девушка перебрала все флаконы, открывая пробки. Ей очень хотелось отыскать тот запах, который исходил от мужа в вечер их первого поцелуя — янтарь и мерзлая земля, но не было ничего похожего. В конце концов, она налила в воду какую-то терпкую и коричневую жидкость, жирную, как брюхо лосося. Запахло хвоей, смолой и жгучими восточными пряностями.

Эмер бросила на пол подушку и опустилась на колени перед мужем, сидевшим на кровати.

— Давай ногу, — велела она нарочито грубо.

Годрик без слов поставил босую ногу в таз с водой. Запах масла и полутьма алькова действовали лучше всякого зелья, вызывающего страсть. Эмер чувствовала, что сгорает вернее, чем восковая свеча в серебряном подсвечнике. В легкой рубашке было жарко, как в меховой накидке у горящего камина. Девушка с раздражением сдула со лба надоедливую прядку, которая так и лезла в глаза, и подлила еще тёплой воды из кувшина.

«Будь нежнее», — припомнились слова матери, и Эмер провела по мужниной ноге ладонью, от лодыжки почти до подколенной впадины, словно невзначай ощупывая железные мускулы на крепкой икре.

Было страшно поднять голову и посмотреть ему в глаза, и страшно хотелось это сделать. Эмер ждала язвительных слов, но были слышны лишь шипение углей и взволнованное дыхание — её и Годрика. «Действует! Снадобье Айфы действует!» — возликовала Эмер. Сейчас он положит руки ей на плечи, поднимет с колен и притянет к себе, а потом...

Она разостлала чистую ткань и вытерла ноги мужа, когда тяжелая рука коснулась её

плеча, лаская и одновременно требовательно сжимая.

— Жена, — позвал Годрик, и Эмер подняла голову, вся дрожа от предвкушения.

Он выпил вино залпом, поморщившись от кислого вкуса. Что за дрянь достала матушка? К свадьбе можно было прикупить и хорошего вина.

Когда жена, ставя кубок на стол, прошла мимо свечи, рубашка на мгновение стала прозрачной, как туман, открыв взору стройный силуэт с маленькой высокой грудью, тонкой талией и длинными ногами. Маяк! Воистину, маяк! Годрик поймал себя на том, что ему хочется улыбнуться. Как она расквасила ему нос в карете! Вот это был удар. Такому удару мог позавидовать легендарный Лунный Рыцарь, на чьем счету не было ни одного проигранного боя. Он ощутил лёгкое головокружение и удивился сам себе. Бокал вина — это не то, что может свалить. Неужели, сказался недельный пост и он опьянел от пяти глотков?

Но следующие слова Маяка отрезвили лучше пригоршни ледяной воды в лицо.

Эта демоница не желала развода. Что ж, стоило догадаться раньше. Догадаться, что она поступит именно так, маленькая развратница, готовая отдаться ему уже тогда, под лестницей, невзирая на присутствие сторонних мужчин. Годрик почти поверил, что именно жена была виновата во всех злоключениях с поспешной свадьбой. Знала себе цену и сыграла на его желании, коварная.

Сразу было понятно, что она хочет его. Но он-то её не хочет. А значит, надо ответить коварством на коварство.

Она поверила ему с такой лёгкостью, что оставалось только посмеяться. Прабабка Армель... старинный обычай... Поверила, как девчонка-гусятница.

Глядя на склонённую перед ним рыжую голову, Годрик закусывал губу, сдерживая улыбку. Но по мере того, как нежные женские руки касались его тела, упрямство и презрение уступали место совсем иным чувствам.

Когда жена принялась оглаживать его с таким старанием, словно он был стеклянным, и она наводила полер, он почувствовал её волнение, как своё, и проникся им. В самом деле, чего он так напустился на эту деревенскую глупышку? Из-за того, что она повздорила с Отсрюд? Яркое пламя, какие пустяки! Она отлупила Отсрюд, он позволил сестре расквитаться с обидчицей — всё должно быть давно забыто. Да, она невоспитанная, эта рыжая девка с запада, но по-своему мила. И у неё удивительно стройные ноги. Крепкие, ровные, и гладкие, как шёлк.

Он вспомнил, как пальцы его коснулись нежной кожи на внутренней стороне бедра, когда развязывал подвязку, и тело ответило вполне определённо. И быстро, как никогда раньше. Годрик машинально прижал ладонью вздыбившиеся брэйлы.

Нет, такие мысли непотребны, и их надо гнать, как бешеных собак.

Но бешеные собаки возвращались с завидным упорством, ластясь, как дворняжки. Годрик смотрел на девушку не отрываясь. Эмер — даже имя было непривычно, для языка. Что оно означает, интересно? Имя яркое, как и она сама. Вот она сдула со лба непослушную прядку. Так делают уличные мальчишки, а не благородные девицы. Невоспитанная, хитрая деревенщина... Таких только и валять на сеновале.

И воображение тут же услужливо нарисовало ему картину — его жена, с распущенными рыжими кудрями, в которых застряли соломинки, лежит, вольготно закинув руки за голову, а рубашка задралась, открывая умопомрачительно красивые ноги с маленькими ступнями. Колени чуть подаются в стороны, словно приглашая расположиться между ними.

Годрик взмок, как после часа тренировки на ристалище. Эта демоница действовала на него сильнее любого вина. Руки её оглаживали его так ласково и настойчиво, что хотелось приказать, чтобы немедленно прекратила эту сладкую пытку и либо отошла от него подальше, либо начала гладить совсем в другом месте.

Эмер уже вытирала ему ноги, и Годрик призвал на помощь всю силу воли, чтобы не поддаться чарам колдуньи. Но рука сама потянулась погладить её плечо, и желание пронзило с такой силой, словно у него не было женщины несколько лет, и вдруг перед ним предстала языческая богиня, соблазнительница из края Вечного Лета.

— Жена, — позвал он, постаравшись говорить так нежно и проникновенно, как только возможно. И это удалось безо всякого труда. Даже голос прозвучал хрипло, выдавая страсть, которую он безуспешно пытался скрыть.

Она подняла к нему лицо — удивительное, красивой в своей необычности, с резкими чертами, но необыкновенно притягательное. И как получилось, что он раньше не заметил, насколько она хороша собой? И прямая длинная шея, и королевская осанка — да она даст фору любой императрице прошлого! Как только язык повернулся назвать её деревенщиной?..

— Осталось совсем немного, чтобы завершить ритуал, — промолвил он, принуждая себя к каждому слову и понемногу приходя в себя. Ведь быть не может, чтобы ему так понравилась девица, посмевавшая поднять руку на его сестру.

Годрик мотнул головой, прогоняя странный морок. Яркое пламя, что же творится? Он намерен поставить деревенщину на место, и сделает это, во что бы ни стало. Беспородной кобыле место на пахотном поле, а не в королевской конюшне.

— Что-то ещё? — спросила жена, приоткрывая алые губы. — Скажи, я сделаю.

Сердце совершило безумный пируэт, и Годрик с шумом втянул воздух, словно его прижгли раскалённым железом. Умышленно, она соблазняла его умышленно. И бесстыдными словами, и губами, которые так и просили поцелуя. Он потёр член, засомневавшись, хватит ли сил выстоять против развратницы. Королева велела жениться, так может просто выполнить королевскую волю? Завалить в подушки эту рыжую демоницу, задрать к хвостам собачьим рубашку и утишить, наконец-то, боль пониже живота. И пусть визжит и брыкается — всё равно никто не придёт. Потому что с этого дня она принадлежит ему, и никому другому. Только ему.

— Раздевайся немедленно, — сказал он, но голос ему изменил, и Эмер не расслышала.

— Годрик? — она нетерпеливо передёрнула плечами. — Что ещё сделать-то? Я замёрзла сидеть на полу.

— А, сделать... — он судорожно сглотнул, на секунду закрывая глаза, чтобы придти в себя.

Свеча в подсвечнике казалась почему-то расплывчатым желтым пятном, и лицо жены странно смазывалось, теряя четкость очертаний.

— Как велела леди Армель, тебе осталось только выпить бокал воды из таза. В знак покорности мужу, — он поднял бокал и протянул Эмер. — Зачерпни и пей.

Резкость зрения вернулась, и Годрик с удовольствием увидел, как румянец негодования разливается по лицу жены. Он всё-таки победил плотское желание, победил демонов плоти и эту рыжую демоницу.

— Ах, не хочешь? — протянул он. — Тогда придется отложить наш супружеский... э-э... сон. Гаси свечку, я устал, спать хочу.

Она вскочила с места одним гибким слитным движением, которого он даже не успел

проследить. Маленький кулак мелькнул перед глазами, а потом резкая боль в переносице разом отшибла все мысли и желания. Годрик повалился на спину, а его юная жена запрыгнула на него верхом и вцепившись в волосы, как базарная торговка, принялась отвешивать ему оплеухи.

— Дикая кошка! — он попытался скинуть её, но не преуспел, потому что она вцепилась, как клещ, прижав ему руки коленями.

Кое-как перевернувшись на живот, чтобы уберечься от сыпавшихся на него ударов, Годрик утер сочащуюся из носа кровь простыней и попытался спастись бегством, но силы его покинули, свет померк, и он рухнул ничком, проваливаясь в сон, как в бездну.

Эмер не сразу сообразила, что муж лежит без движения, а обнаружив, испугалась не на шутку. Зачем-то бросилась к двери, но у самого порога остановилась. Потом отдышалась, потом задвинула засов изнутри. Потом досчитала до десяти и обернулась к кровати.

— Только не убила, только не убила... — залепетала Эмер, молитвенно сложив руки.

Подойдя к телу мужа мелкими шажками, она присела перед кроватью на корточки, заглядывая Годрику в лицо.

— Эй, — позвала она несмело и подёргала мужа за мочку уха. Ухо было тёплое, и это немного успокоило девушку.

Она сунула палец мужу под нос, пытаясь определить — дышит ли, и в это время Годрик всхрапнул и засопел так сладко, словно малыш на матушкиных коленях.

Спит! Эмер вскочила, горя праведным гневом. Спит! Как вам это нравится?! Она схватила кувшин с водой, чтобы плеснуть ему в лицо, но в последний момент передумала.

Зелье. Проклятое зелье Айфы. Не надо было давать ему так много. Эмер ощутила угрызения совести, но тут же попыталась их заглушить. С этим болваном всё не слава яркому пламени! То он оказался сущим слабаком против колдовского зелья, то устроил какое-то глупое испытание. Леди Армель! А она попала на приманку, как лосось на прикорм! Надо было сообразить, что он выдумал этот дурацкий обычай на ходу, чтобы не исполнять королевского приказа и развестись при первой возможности.

Эмер не сдержалась и пнула Годрика в бедро. Он причмокнул во сне и опять засопел.

— В тебе ума не больше, чем в креветке! — в сердцах сказала она мужу, который не мог ни слышать, ни ответить. — И что прикажешь с тобой делать?

Тут ей вспомнился епископ Ларгель, и она схватилась за руку, будто шпионская метка дала о себе знать. Что ж, если она лишилась первой брачной ночи, то вполне может выполнить приказ лорда Саби. И пусть премерзкий епископ заткнётся.

Но решить выполнить приказ оказалось легче, чем выполнить его. На спине, руках, в подмышках и прочих местах, куда Эмер смогла заглянуть, воспользовавшись безответностью мужа, метки Тисовой Ветви не оказалось. Она попыталась перевернуть его, чтобы обследовать и спереди, а заодно стянуть брэйлы, которые так же могли скрывать отметину мятежников, но Годрик был тяжёлый, как бычья туша, и как Эмер ни старалась, она не смогла перевернуть его.

Намучившись, красная и встрёпанная, девушка уселась на краешек кровати. Годрик развалился из угла в угол, заняв почти всё пространство, и Эмер негде было даже прилечь.

— Ты самый тупоголовый и упрямый мужлан, которого мне только пришлось видеть в жизни, — сказала она в сердцах. — Рогатая звезда, Годрик! Чем я тебя не устраиваю? Все так женятся. Сказали — и женятся. Королева велела, это ты понимаешь своей пустой

головой? Только не подумай, что ты мне слишком уж нравишься, — тут она погрешила против истины, но признаться в этом, даже спящему мужу, ей не позволила гордость. — Ты мне вообще не нравишься. В том смысле, что не нравишься по характеру. А внешне ты очень ничего. Я бы даже сказала: справный. Ой, что я говорю! — она удручённо покачала головой, постукав себя указательным пальцем по губам. — Конечно, не справный, а красивый и статный. Только ты слишком спесивый. Ну какая тебе разница, как говорит человек? Вот я, к примеру? Да, я не такая утончённая, как ты, но умею себя вести. Кто же виноват, что ты всё время меня смущаешь? Я волнуюсь и говорю неопишемую ерунду, — она прижала ладони к пылающим щекам и посмотрела на спящего мужа.

Лицо его было перемазано кровью, и Эмер со вздохом намочила платочек и вытерла кровь.

— Разве утончённость — это главное? — снова спросила она. — Я буду самой верной, и многого от тебя не потребую. Мы будем ездить с тобой на охоту, поедем на королевский турнир, я повяжу на твоё копьё шарф, чтобы ты отстаивал моё право называться самой красивой женщиной в королевстве... Мы будем хорошо жить, Годрик, если ты перестанешь быть такой занозой в... — она хотела помянуть заднюю мягкую часть человеческого тела, но передумала и сказала: — в пятке. Да, занозой в пятке. Как только ты станешь относиться ко мне добрее, так и я подобрею, можешь не сомневаться. И ещё если... — она замялась, но потом гордо вскинула голову. — Всё это сказки хромой собаки. Никакой ты не мятежник, я в этом уверена. Так что готовься, — она хлопнула мужа по плечу. — Жить мы будем долго и счастливо. И никуда ты от меня не денешься.

Она притулилась в изголовье, прикрывшись простынёй для купанья, потому что вытащить одеяло из-под спящего мужчины оказалось столь же непосильным, как поднять мирового Змея в образе кошки.[1]

Жаровня прогорела, стало холодно и ужасно неуютно. Поколебавшись, Эмер притиснулась к Годрику спиной. Стало теплее, и вскоре девушка уснула. Во сне ей виделся Вудшир, и рыцари, тренировавшиеся во внутреннем дворе замка, у конюшен. Шёл снег, и почему-то везде были чёрные вороны с красными глазами.

[1] Имеется в виду скандинавский миф о мировом змее, который охватывает всю землю (аналог меридианов), и которого хитрый колдун обратил в кошку.

Утро не задалось с самого начала. Годрик проснулся, потому что продрог до костей. В комнате было темно, но через шёлку между занавесами на окне струился серый утренний свет. Потерев лоб, Годрик попытался вспомнить, что он вчера пил, если голова сегодня раскалывалась на части. Попытался, но не смог. События вчерашнего вечера вспоминались урывками, как смутный сон.

Почему-то он лежал поперек кровати, и на одеяле, а не под ним. Почему-то на животе и почти голый, оттого и замёрз, как собака в канун перелома зимы, а рядом лежал кто-то тёплый и мягкий, и прижимался к нему совершенно недвусмысленно.

Со стоном приподнявшись, Годрик обнаружил рядом спящую рыжую девицу, и не сразу вспомнил, что это его законная жена. Голову разломило, словно после недельной попойки, а всё тело болело, будто он неделю провёл в седле, преодолев одним махом путь от восточных провинций до столицы. Во рту чувствовался противный привкус, и Годрик первым делом пошёл к умывальнику, подтягивая сваливавшиеся брэйлы, завязки которых были почему-то порваны. Достав из ларчика ивовую палочку, расщепленную на конце, и окунув ее в соль, Годрик взглянул в зеркало и замер. Ну и физиономия! Из зеркала на него смотрело бледное до зелени лицо, а под глазами красовались синяки — следствие бессонной ночи.

Но разве он не спал?

Годрик нахмурился, с новыми силами пытаясь припомнить события минувшего вечера. Девчонка не хотела разводиться, они разговаривали, а потом он велел вымыть ему ноги и... и страшно её захотел. А что было потом?..

Лоб мгновенно покрылся испариной, и Годрик утерся ладонью. Сердце сжалось от страха и чудовищного предчувствия. Он был пьян, кажется... Да, пьян. И рыжая дылда показалась ему необыкновенно привлекательной. Но что произошло дальше? В памяти обнаружилось лишь чёрное пятно. Совсем чёрное, без единого проблеска.

Посмотрев на спящую жену, Годрик с проклятиями отшвырнул ивовую палочку. Жена лежала, свернувшись клубочком, зажав ладони между коленями, ночная рубашка задрана до самой шеи, а простынь заляпана бурыми пятнами. За свою жизнь Годрик не раз видел кровь, поэтому немедленно понял, что это кровь и есть. Кровь! Он оказался слабаком и рохлей, а девчонка не сплеховала. И как прикажете заявить о недействительности брака, если он сам её обесчестил?

Годрик снова подтянул брэйлы и снова выругался. Как так? Почему он уступил в первую же ночь? Схватив сапоги, а другой рукой придерживая сваливавшиеся подштанники, он бросился к двери. Как же сейчас он ненавидел эту женщину, которую все считали его женой. Да она и стала его женой, настоящей леди Дарем. И теперь нет пути назад.

Дверь была заперта изнутри на засов, Годрик отодвинул его, действуя локтем, и бешено застучал, требуя открыть засов внешний. Грохот поднялся на весь замок, но рыжая демоница даже ухом не повела. Слишком утомилась за ночь.

Снаружи загрохотало, дверь распахнулась, и перед Годриком предстали сэр Ламорак и сэр Шаттле. По их покрасневшим глазам и довольным ухмылкам было видно, что они-то спать ещё не ложились.

Оттолкнув их, Годрик вышел из спальни и тут же захлопнул за собой двери, потому что

оба верных друга беззастенчиво пилились на спящую новобрачную.

— Ещё раз так посмотрите на мою жену, я вас зарежу, — пообещал Годрик, и добрые сэры немедленно присмирели, правда, ненадолго.

— Ты выглядишь, как призрак, — заметил сэр Ламорак, толкая сэра Шаттле локтем в рёбра. — Ночь была бурной?

— Тебе что до этого? — отрезал Годрик. — Мне надо одеться.

— А она горячая, — заметил сэр Ламорак, красноречиво поглядывая на разорванные вязки брэйлов. — Прямо раскалённая сковородка.

Молодой муж без слов ударил его сапогами по голове.

Спустя полчаса Годрик сидел за столом, умытый, чисто выбритый и причёсанный, и уплетал за обе щеки суп из свиных ножек с пряностями. Такой суп всегда подают наутро после весёлого пира, когда от чрезмерного питья болит голова.

— Мы охраняли вашу спальню всю ночь, — похвастался сэр Шаттле. — Под утро леди Фламбар пыталась зайти, но мы встали твёрдо и не пустили!

— Вы верные друзья, — кисло сказал Годрик.

Его товарищи переглянулись.

— Ты вроде как недоволен, — сказал сэр Шаттле. — Что случилось? Она оказалась... не девой?

— Девой.

— Так что же ты...

— Просто замолчите, хорошо? — попросил Годрик, и голос его прозвучал так тоскливо, что друзья снова переглянулись и послушно замолчали.

В трапезную, где они сидели одни, заглянула леди Фледа. Из-за её плеча выгсунулась Остриуд, тоже прибывшая на свадьбу, но не появившаяся на пиру. Годрик предпочёл не заметить их, но женщины, не дождавшись приглашения, подошли сами.

— Доброе утро, леди Фледа, — приветствовал Годрик, тяжело вставая из-за стола. — Почему ты не пришла на вчерашнее торжество, Остриуд?

— Я чувствовала себя совсем разбитой после такой долгой дороги, — Остриуд поджала губы. — Я же не такая двузильная ослица, как графиня Сковородка.

Леди Фледа посмотрела на дочь выразительно, но замечания не сделала.

Сэр Ламорак и сэр Шаттле тоже поднялись, чтобы приветствовать дам, но на них обратили столь же мало внимания, как на хлебные крошки, рассыпанные по полу.

— Твоя жена ещё спит? — спросила леди Фледа.

— Да.

— Почему это она спит?! — возмутилась Остриуд. — Теперь она хозяйка и должна заниматься замком, а не спать, как медведь зимой!

— Помолчи, — на сей раз одёрнула её мать, а потом вперила в Годрика пристальный взгляд. — Всё прошло хорошо?

— Ты во мне сомневалась? — ответил он вопросом на вопрос.

— Тогда мне надо пойти и помочь ей одеться, — сказала леди Фледа.

— Почему ты должна ей помогать? — возмутилась Остриуд. — Это она должна встать пораньше, проследить, чтобы затопили печи, согрели воды и приготовили завтрак, и придти к тебе с пожеланиями доброго утра.

Мать посмотрела на рассерженную дочь, и холодный взгляд потеплел:

— Когда выйдешь замуж, то поймёшь, что женщине после первой ночи нужны

послабления. Позови леди Кюнетрюд и леди Вербург.

Острюд ушла с видом оскорблённой добродетели, а леди Фледа позволила себе проявить нежность, на секунду прикоснувшись к щеке Годрика кончиками пальцев.

— Отнесу ей медового напитка, чтобы подкрепила силы. Тебе тоже лучше отдохнуть, ты выглядишь уставшим. Не волнуйся, Тилвин присмотрит за замком и за гостями.

— Я знаю о своих обязанностях, — сказал Годрик. — Помощники мне не нужны.

— И всё же, лучше отдохни, — леди Фледа кивнула сэру Ламораку и сэру Шаттле и покинула трапезный зал.

Невестка не нравилась ей. Но лучше долговязая рыжая девица, на которую жаловалась дочь, чем родственница тайного лорда — шпионка, возможно, отравительница или колдунья. И приезд епископа Ларгеля — он неспроста. Леди Фледа сердцем чувствовала, что вокруг Годрика завихрились тёмные силы, и приходила в отчаяние, потому что не знала, с какой стороны ожидать нападения, кто нападёт и как уберечься. Оставалось уповать на собственную разумность и милосердие яркого пламени.

Она нацедила медового напитка в глиняную кружку, покрыла её чистой тканью и пошла будить невестку.

Возле спального покоя ждали благородные дамы, чтобы помочь новобрачной впервые примерить наряд замужней женщины, надеть генин и заплести волосы в две косы.

Женщины открыли двери и бесшумно проскользнули в комнату.

Словно три тени они встали над кроватью, рассматривая скомканные простыни и одеяло, и молодую леди Дарем, спавшую так крепко, как может только спать женщина, утомлённая тяжёлой ночью.

— Брак свершился, — сказала леди Вербург, указывая на засохшую кровь, пятнавшую простынь.

— Слава яркому пламени, — подхватила леди Кюнетрюд, молитвенно складывая руки.

— Тогда приступим к утреннему туалету, — строго провозгласила леди Фледа и подняла занавеси на окнах.

Свет солнца, наполовину поднявшегося над горизонтом, заставил Эмер поморщиться. Она попыталась натянуть на голову подол рубашки, приняв её за одеяло, но потом услышала голоса и села, протирая глаза кулаком.

— Кто здесь? — пробормотала она. — Годрик?

— Ваш муж уже давно встал, как и полагается хозяину замка, — сказала леди Фледа учтиво.

— А! — вскрикнула Эмер, обнаружив в спальне трёх важных дам, и сон мигом сбежал от неё. — А вы здесь зачем, уважаемая свекровь? Хотя хорошо, что вы пришли. Хочу вам сказать, что ваш сын прошлой ночью повёл себя, как животное!..

Она бы выложила с ходу свои обиды и разочарования, но свекровь прекратила её излияния, возвысив голос:

— Понимаю ваши чувства, невестка. Но такова участь женщины. Терпение и молитва — вот что даёт нам сил. Мужчины в алькове похожи на животных, но не надо говорить об этом, ибо законы установлены небесами, а мы обязаны подчиняться.

— Но ваш сын... — сделала вторую попытку Эмер.

— Довольно, — свекровь сказала это тихо, но твёрдо, и протянула ей кружку с напитком. — Выпейте. И запомните, что благородная леди не жалуется никогда и принимает мужа таким, каким он был создан ярким пламенем. Потрудитесь встать. Надо

привести вас в порядок и познакомить с замком. Ведь теперь вы наша хозяйка.

— И что это меняет? — спросила Эмер, одёргивая подол рубашки и краснея от стыда, что благородные дамы застали её с голым задом, и что приходится выслушивать нравоучения, и что благородная свекровь не пожелала узнать, в чём же был виноват её дражайший сынок.

— Хозяйка Дарема встаёт с первым лучом солнца, так что вы уже проспали, — сказала леди Вербург, наливая воду в таз для умывания.

— Она умывается, заплетает косы и прячет их под генин, как и положено благовоспитанной и набожной леди, — продолжила леди Кюнетруд, стаскивая Эмер с кровати и окуная лицом в воду.

Вода была холодная, но Эмер достойно выдержала это испытание. Хуже пришлось, когда дамы принялись расчесывать её непослушные кудри частыми гребешками. Постанывая и хватаясь за виски, Эмер позволила заплести себе волосы в две косы и уложить их кольцами вокруг ушей. Концы кос закололи на затылке и водрузили остроконечный генин, обтянутый бархатом и расшитый мелким жемчугом. Распашное, наподобие халата, платье из красного шелка заложили широкими складками и скрепили поясом с наборными серебряными бляшками. Сквозь прорези на рукавах виднелась нижняя рубашка золотистого цвета, а туфельки были из золотистой парчи.

— Теперь вы готовы, — объявила свекровь.

— К чему? — тут же перепугалась Эмер.

— Сначала посетим портомойню и пивоварню, — сказала леди Фледа. — В Дареме каждый день стирают и варят пиво. Мыло варят два раза в неделю, свечи делают три раза в неделю. Каждый день вы будете проверять швейные мастерские и, конечно же, кухню.

— Я должна это делать?

— Разумеется, — свекровь уставилась на невестку холодным, как у василиска, взглядом. — А кто должен следить за всем хозяйством в замке, если не хозяйка?

Эмер открыла рот и закрыла. Ее матушка в Роренброке не слишком утруждала себя делами. Для этого были слуги, управляющие, дамы-экономессы...

— В Дареме не хватает слуг? — спросила Эмер, с трудом поспевая за леди Фледой по коридору.

— С чего вы взяли?

— Какая же нужда работать вам... и мне?..

Леди Фледа остановилась так резко, что Эмер чуть не сшибла свекровь с ног. К слову сказать, сегодня свекровь сменила генин на домашний — квадратный и не особенно высокий, и сразу стало видно, что макушкой она едва достанет Эмер до плеча.

— Что значит — какая нужда?! — она смерила Эмер взглядом с головы до ног. — А кто же будет следить за хозяйством, по-вашему?

И две благородные дамы тут же запели, встав по обе стороны от Эмер:

— Леди замка должна во всём задавать тон, чтобы глядя, как она трудится, слугам становилось стыдно за собственную нерадивость...

— Леди замка встаёт раньше всех и ложится позже всех...

— Локти утверждает на веретено, когда хочет отдохнуть...

— А вы рассчитывали жить праздно, став госпожой такого огромного замка? — строго осведомилась леди Фледа, чем повергла Эмер в панический ужас. — Как же вы рассчитывали помогать мужу в оружейных королевских мастерских?

— В мастерских? Но разве женщине дозволено... — начала Эмер.

Свекровь перебила её:

— Когда умер отец Годрика, я уговорила Её Величество не отбирать у Фламбаров деревни оружейников, и до недавнего времени вела все дела, следила за работами в кузнях, отправляла караваны с мечами, копьями и латами в Тансталлу. Теперь дело перешло к Годрику. А вы намереваетесь остаться в стороне?

— Нет, дорогая свекровь, — быстренько переменялась Эмер. — Расскажите мне поподробнее об оружейных мастерских? Признаться, я очень мало знаю о вашем семейном деле.

Она подхватила леди Фледу под руку и повела, почтительно заглядывая в лицо.

— Сначала прачечная и кухня, — огорчила её свекровь. — Запомните: хозяйка Дарема должна знать всё и обо всём.

В Роренброке Эмер никогда не посещала ни прачечную, ни мыловарню, ни пивоварню, а в кухне бывала, только чтобы стащить что-нибудь из еды, не дожидаясь ужина. Сначала она честно пыталась слушать указания свекрови, что надо проверять, кого спрашивать о проделанной работе, а кого — о том, что надо сделать, кого ругать, а к кому относиться с милостивым снисхождением, но уже в пивоварне ей стало казаться, что голова пуста, как прошлогодний орех, и слова леди Фледы влетают туда, и также свободно вылетают, не задерживаясь.

А кухня в Дареме оказалась ещё больше, чем кладовая. Эмер шагнула вслед за свекровью и остановилась, поражённая. Десятки поваров и кухарок, поварят и слуг на разносе сновали в клубах пара и дыма между жаровнями и печами. Огромные котлы и сковородки, в которых всё скворчало и кипело, вертела, на которые были насажены истекающие соком куски мяса — всё это было отдельное королевство, и распоряжалась в этом королевстве... Остриуд. Противная острячка, в белоснежном фартуке поверх платья.

Эмер оставалось лишь позавидовать, глядя, как Остриуд умело и споро раздаёт указания, пробует серебряной ложкой на длинной ручке блюда, которые ей приносят для проверки, с ходу определяет, где не хватает соли, где пряностей, а что получилось слишком жирным или невкусным, и не годится для подачи на стол. Она тут же распекала неумелых поваров и скупно хвалила удачные блюда.

— Эту неделю мы побережем вас, невестка, дадим присмотреться и отдохнуть, — заявила леди Фледа, — моя дочь присмотрит за кухней эту неделю, а потом уступит место вам.

— Я должна буду делать то же самое?! — ужаснулась Эмер.

— Разве в этом есть что-то сложное? — высокомерно спросила свекровь, и Эмер подавленно замолчала.

Когда они вышли из кухни, ей казалось, что из подземного пекла она попала в небесный сад.

Был май месяц, и воздух вокруг Дарема благоухал цветущим боярышником. Эмер жадно вдыхала свежий воздух, приятно охладивший разгорячённое от жара печей лицо. Тут она заметила на крепостной стене медные чаши, расставленные через каждые десять шагов, а рядом с каждой чашей — до блеска начищенные медные щиты.

— А это что, дорогая свекровь? — спросила она, донельзя заинтересованная.

— Сигнальные щиты, — ответила равнодушно леди Фледа. — Пойдем, я покажу тебе огород и сад.

— Подождите! — взмолилась Эмер. — Позвольте посмотреть поближе на это чудо. Для чего они, и как действуют?

— Этим занимается начальник стражи...

— Тилвин?

— Сэр Тюдда, — поправила свекровь. — А вы с ним знакомы, невестка?

— Хозяйка Дарема должна знать всё и обо всех, — переиначила её слова Эмер. — Давайте подойдем? Вон там я вижу стражника, хочу расспросить его...

Добрых четверть часа благородным дамам пришлось ждать, пока молодая леди Дарем разговаривала с седоусым рыцарем, который обстоятельно объяснил ей хитрое устройство щитов, поворачивавшихся вокруг своей оси вправо и влево.

— Каждый полдень и каждую полночь, миледи, мы подаём сигнал на сторожевые башни, которые стоят на границе. Спрашиваем, всё ли хорошо и получаем ответ. Шифром владеют только начальники гарнизонов, и если нападёт враг, мы здесь узнаем об этом сразу же и успеем подготовиться к встрече.

— Кто придумал такое чудо? — спросила она.

— Сэр Тилвин, — охотно объяснил рыцарь. — Он следит за охраной замка и гарнизонов.

Эмер пришла в восторг, узнав, что сигналы подаются при помощи солнечного света и огня, который разводится в медных чашах, и долго не желала уходить, потому что оборона замка занимала её больше, нежели огороды.

Но свекровь настояла, и в трапезный зал, к завтраку, Эмер пришла с опозданием. Она была голодна, как волк, и набросилась на холодное мясо и хлеб с завидным аппетитом. Леди Фледа посматривала на неё неодобрительно, а Остриуд откровенно задирала нос. Они-то ели, как мышки — чуть пригубили напитки, откусили от половинок хлебных ломтей. Эмер решила не обращать на это внимания. Пусть едят меньше трехлетних детишек, она не намерена голодать. Ей хватило и десятидневного поста.

Когда с едой было покончено, свекровь разрешила провести свободное полуденное время на своё усмотрение. Больше всего Эмер хотелось узнать, где Годрик, но она постеснялась спросить об этом у леди Фледы, которая отправилась к себе в сопровождении Остриуд.

Поразмыслив, чем бы заняться, Эмер вышла на крепостную стену, чтобы посмотреть, как будут отправлять сигналы пограничным гарнизонам. Эмер поставила ногу на выступ перед бойницей, совсем не страшась высоты. Ветер развеивал вуаль на генине, и сердце девушки горело в ожидании встречи с оружейными мастерскими, где она никогда не была, и попасть куда было заветной мечтой.

Такой и увидел её Тилвин — раздумывающую от свежего воздуха, с горящими глазами, яркую и порывистую, и в уборе замужней дамы.

Начальник стражи хотел пройти мимо, но Эмер заметила его и с радостным криком подбежала, приветствуя без стеснения, хотя на них глазела вся дневная стража.

— Как хорошо, что я встретила тебя! — она схватила Тилвина за руки и встряхнула. — Мне сказали, что эти медные щиты — твоеизобретение! Великолепно! Тыгениальный мастер!

— Это не моё изобретение, миледи, — разуверил рыцарь. Он заметно смутился и пытался освободиться от Эмер, но она в порыве восторга держала его крепко. — Так поступали ещё в древнейшие времена. Я прочитал об этом в старинной книге и претворил

прочитанное в жизнь.

— О! — Эмер изумленно открыла рот, но сразу нашла: — Всё равно, это замечательное устройство. Я никогда о таком не слышала, и счастлива, что привелось увидеть подобное в Дареме. А ещё что-нибудь есть? Какие-нибудь древние оборонительные штуки? Или оружие? Леди Фледа сказала, что Годрик покажет мне оружейные мастерские. Ты не знаешь, где Годрик?

— Он здесь, — раздалось за её спиной.

А потом Эмер просто-напросто оторвали от Тилвина, и Годрик даже не постарался сделать это помягче. Девушка вскрикнула, когда он вывернул ей запястье, заставляя разжать руку

— Что ты делаешь, Годрик! Ей больно! — Тилвин шагнул вперёд, но Годрик остановил его одним взглядом.

— Тебе лучше держаться подальше от моей жены. Как с ней поступить, я разберусь без помощи слуг. А тебя ждут стражники на южной стене.

— Эй! Ведёшь себя, словно медведь! — Эмер была возмущена всей душой, потому что лицо Тилвина окаменело, и пальцы, словно невзначай, легли на рукоять меча. — Кто дал тебе право оскорблять людей?

— А вы с ним болтаете, будто старые друзья, — теперь Годрик взглянул на неё, и Эмер сразу присмирела, увидев синяки у него под глазами.

Наверное, не следовало быть его так сильно. Она почти пожалела об опрометчивом гневе вчера вечером и позволила себя увести, больше не вырываясь и не прекослова.

Они поднялись по витой лестнице и оказались в небольшой светлой комнате, окна которой выходили на реку Уир, открывая во всем великолепии равнину перед замком.

Здесь Годрик выпустил Эмер, и она потёрла запястье, смятое его пальцами, поджимая губы и всем видом показывая, как недовольна мужем.

— Может, объяснишься? — спросил Годрик, становясь против окна и складывая руки на груди, подобно статуе короля Кнута, прославившегося жестокими походами на южан.

— Мне? Объясняться? — фыркнула Эмер. — С чего бы? Может, это тебе надо объясниться? По какому праву ты таскаешь меня за собой, как нашкодившего щенка, почему ты разговариваешь с братом, как будто он — последний нищий в этом королевстве, почему...

— Я про прошедшую ночь, — сказал Годрик.

Эмер тут же уставилась в пол, чувствуя, как румянец заливал щеки.

— Слушаю, — повторил Годрик, и в голосе его появилась опасная мягкость.

— Ты сам во всём виноват! — сказала Эмер, сжимая кулаки. — Хочешь переложить вину на меня? Не выйдет!

— Обвиняешь меня?

— И только тебя! — она выкрикнула ему это в лицо со всей страстью и обидой, на которые была способна. — Ты вёл себя, как отвратительное, грубое животное! И я не понимаю, что сделала, чтобы заслужить это!

Он вдруг побледнел, но Эмер, охваченная праведным гневом, не заметила этого.

— Тебе было очень больно? — спросил Годрик, пряча глаза.

— О да! Это было так больно, так унижительно, что я до сих пор не могу прийти в себя!

На карниз окна села большая чёрная птица. Ворон. Эмер уставилась на него, вспоминая, хорошим или плохим знаком был его прилёт. Ворон разевал клюв и вертел головой,

разглядывая людей в комнате. Порыв ветра сбросил птицу с карниза, и она полетела к реке, распластав крылья. Когда Эмер опомнилась, Годрик был уже у порога и застыл, как застигнутый при бегстве.

— Эта комната теперь твоя, — сказал он. — Устраивай всё по своему вкусу. Если захочешь поселиться здесь и не заходить больше в спальню, я не стану возражать.

Он бочком протиснулся в двери, и Эмер осталась одна в пустой комнате.

— Я подумаю об этом, Годрик Фламбар! — крикнула она запоздало, но гнев уже улетучился.

Личные покои! Не так уж и плохо. Она обнаружила маленькую кладовую и потаённые двери, выходившие в соседний коридор. И вид из окна был чудесный. Эмер распахнула решётчатые рамы, наслаждаясь высотой и простором. А ведь здесь можно устроить... комнату для тренировок! Места много, потолок высокий, и никто не услышит топота и грохота в этой части замка.

Эмер забегала от стены к стене, мысленно уже видя свои покои. Вот здесь будет стоять сундук с одеждой. Причем не с шелковыми платьями, а с простыми мужскими штанами и туниками, в которых легче всего орудовать деревянным мечом и перекатываться через голову, чтобы добавить гибкости костям. Пол нужно посыпать соломой, а посередине поставить чучело — мешок, набитый сеном, чтобы отрабатывать удары.

Скрип дверных петель и движение воздуха за спиной подсказали Эмер, что муж вернулся. Неужели решил извиниться за вчерашнее?

— И не жди, что я легко переменюсь, — сказала она. — Ты нанёс мне страшное оскорбление, и я ещё подумаю, прощать тебя или нет.

— Какие громкие слова, — раздался приглушённый голос у самого её уха. — А вы мастерица притворяться, леди Фламбар.

Эмер отпрянула, как будто рядом с ней заговорил сам хозяин преисподней. В комнату вошёл не Годрик, а епископ Ларгель. Сегодня на нём был не мирской чёрный костюм, а чёрная сутана, с красной вставкой-колораткой у горла. Выглядел он ещё более пугающе, чем в день свадебного пира.

— Если сейчас я услышу, что вы узнали то, что вам велено было узнать, — сказал Ларгель, проходя к окну и наглухо закрывая рамы, — я признаю, что милорд Саби разглядел в вас самую искусную шпионку Эстландии. Даже я поверил, что этой ночью ваш муж не храпел, как дровосек, а сделал нечто большее.

— Вам и это известно? — спросила Эмер, гордо вскидывая голову, но сгорая от стыда, что епископ слышал её излияния спящему Годрику. — Где же вы прятались? Под кроватью? Это методы нашей милосердной церкви — шпионить за мужем и женой?

— Имеете что-то против шпионов?

— Ненавижу их! — пылко произнесла Эмер.

— Но вы — одна из них, — Ларгель обошёл вокруг девушки, словно изучая её с разных сторон. — Одна из нас.

Эмер молчала. Ответить на это ей и вправду было нечего.

— Так вы узнали? — снова пошёл он на приступ.

— Н-нет, — вынуждена была признаться Эмер.

Лицо епископа стало холодным и высокомерным, но губы насмешливо покривились.

— Поторопитесь, — сказал он перед тем, как уйти. — Или мне придётся вас поторопить.

Легко сказать: поторопитесь!

Эмер кусала губы, глядя в двери, за которыми скрылся епископ Ларгель. Убрался он или подслушивает, притаившись в каком-нибудь закоулке? Или превратился в ворона и вынюхивает — кто с кем спал этой ночью. Или не спал.

Проклятье! Эмер ударила кулаком о ладонь, снова переживая позор прошлой ночи. Жених уснул, не покусившись на её девство. Да тут впору не только воронам смеяться, но и петухам.

Выждав, сколько хватило терпения, Эмер выглянула из комнаты, но епископа не увидела. Лестница, ведущая вниз, была пуста. Годрика, между прочим, тоже не было. Обозвав мужа трусом, Эмер спустилась на второй этаж, откуда утащил её Годрик. Она почти не удивилась, встретив Тилвина, и подошла, поправляя сползший генин. Вуаль она отцепила ещё на лестнице, чтобы не наступить ненароком, и теперь несла на плече, как полотенце, когда собиралась в мыльню.

— Мой муж — сумасброд, — сказала она Тилвину, который прятал глаза, будто это он, а не Годрик вел себя неучтиво. — Чувствую, его матушка много потакала ему в юности и мало уделяла времени воспитанию.

— Его матушка умерла, когда Годрику не было и года, — сказал Тилвин. — Леди Фледа — вторая супруга лорда Фламбара.

Эмер застыла, услышав эту новость.

— Теперь я понимаю, почему между ними мало сердечности, — сказала она. — И понимаю, почему леди Фледа и Остриуд так мало на него походят. Я бы сказала — совсем не походят. Бедняга Годрик! Сирота с таких ранних лет. Одно хорошо, — тут же утешилась она, — теперь я могу любить Остриуд в два раза меньше. Ведь она сестра Годрику всего лишь наполовину.

— Я слышал, вы повздорили при королевском дворе? — осторожно спросил Тилвин.

Не подумав, что родственнику семейства Фламбаров может быть неприятна правда, Эмер тут же призналась:

— Если это так у вас называется, то повздорили. Я дала ей пару затрещин, когда она оскорбила королеву. Остриудочка плакала.

Тилвин только покачал головой:

— Ты ничего не боишься, невестка?

— Ну что ты, — утешила его Эмер. — Конечно, боюсь. Королевской немилости, маменькиного гнева и мышей.

Тилвин засмеялся. Эмер с улыбкой смотрела на него и думала, что именно так смеются воспитанные люди — негромко, не разевая рот от уха до уха, и смех больше виден в глазах. Еще она подумала, что пусть кузен Годрика не так красив — и нос у него толстоват, и рот широковат, и глаза не очень большие — но в обхождении он приятен, и учтив нравом, и это, подчас, милее красивого лица.

— Вы такие разные, — сказала она. — И ты, и Годрик, и Остриуд. Ни за что не подумала бы, что родственники.

— А ведь мы выросли вместе, — сказал Тилвин.

Незаметно для самих себя молодые люди пошли по замковой стене, наслаждаясь майским солнцем и обществом друг друга.

— Родители умерли, когда мне было восемь, и леди Фледа забрала меня сюда, — Тилвин смотрел больше под ноги, но иногда Эмер ловила его быстрый взгляд. Сама она не спускала с него глаз и слушала жадно, потому что детство Годрика занимало её больше, чем самый захватывающий рыцарский роман. — Годрику было шесть, Острюд — всего четыре. Мы играли вместе, правда, недолго. Через год я стал личным слугой, а потом и оруженосцем милорда Фламбара, потом меня посвятили в рыцари и я служил стражником в Дареме. Служил и в приграничных крепостях, и вот теперь я — начальник стражи

— А что Годрик? — спросила Эмер.

— У него иная судьба. Он наследник, ему незачем служить.

— Но он ловок с мечом!

— Ловок, — признал Тилвин. — Но не так, как я.

Молниеносным движением он выхватил из потертых ножен меч, и яркий клинок со свистом рассек воздух. Эмер ахнула, когда Тилвин отступил от нее на несколько шагов, чтобы не поранить, и сделал великолепный финт, раскрутив меч перед собой, над головой, а потом перебросив из правой руки в левую. Девушка не заметила, как её вуаль соскользнула с плеча, подхваченная острием клинка, и оказалась у Тилвина. Он перехватил тонкую ткань и поднял высоко над головой.

— Заслуженный трофей! Вы лишились своего покрывала, прекрасная дама!

— Забирай себе! — Эмер захлопала в ладоши, восхищённая его мастерством. — Эта бесполезная штука только и нужна, чтобы полировать щиты!

— Если позволишь, я повяжу её на руку, когда будет очередной турнир, — сказал Тилвин. — Буду отстаивать первенство леди Дарема среди красавиц.

— О-о! — закатила глаза Эмер. — Всегда об этом мечтала. Годрик узнает — и умрёт от разлива жолчи!

— Разве ты не подарила ему рукав или платок? — спросил Тилвин, бережно пряча вуаль за пазуху и убирая меч в ножны.

— Он их не просил, — сказала Эмер со смешком, но в голосе ясно прозвучала досада.

Отбросив с лица выбившиеся из-под генина непослушные пряди, девушка посмотрела на даремскую равнину, словно там ей виделось что-то интересное. Она ни за что не хотела жаловаться, хотя так и тянуло открыть душу. Но Тилвин понял без слов и встал рядом, к плечу плечом.

— Мне жаль, невестка, — сказал он просто.

— Я ему не нравлюсь, — ответила Эмер, стараясь казаться веселой. — Что ж, всегда знала, что легких путей не бывает. Вот и придется случай показать стойкость и выдержку. Можно я буду звать тебя — Тиль? Так нежнее и короче.

— Зачем спрашиваешь? Зови, как тебе удобно.

— Но будет ли это приятным для тебя?

— Приятным? — Тилвин неожиданно растерялся и теперь тоже уставился на равнину, хотя до этого смотрел на Эмер.

— Эй, я сказала что-то обидное? — встревожилась она.

— Нет, — он покачал головой. — Тиль. Мне нравится. Зови меня так, невестка.

— Скрепим соглашение рукопожатием, — сказала Эмер, чем снова рассмешила Тилвина.

Они всё ещё держались за руки, когда на стену взобралась Остриуд, оскальзывая на узких каменных ступенях.

— Что ты тут делаешь? — начала она тоном наставницы, отыскавшей нерадивое дитя. — Матушка ждет, а ты словно глухая! Я зову, зову...

— Вторая часть баллады «как надо управлять Даремом», — проворчала Эмер, обращаясь к Тилвину. — Мне пора. Надеюсь, ещё не раз увижу тебя, и нам удастся поговорить, чтобы никто не мешал, — она выразительно посмотрела на Остриуд.

Та вспыхнула и сказала желчно:

— Замужней женщине неприлично уединяться с чужим мужчиной. Ты какое-то чудовище — всю ночь мучила моего брата, так что он похож на приведение, а днём уже бегаешь за другим.

Теперь вспыхнула Эмер, и не миновать бы Остриуд пары плюх, но Тилвин встал между разгневанными девушками.

— Замолчи и не смей оскорблять госпожу Дарема, — сказал он Остриуд. — Ведешь себя, словно вилланка, если ищешь ссоры.

— Почему ты защищаешь её, а не меня? — взвизгнула Остриуд, и лицо её плаксиво сморщилось.

— Не надо устраивать представление, — Тилвин развернул Остриуд лицом к замковым башням и легонько подтолкнул. — Ты не жонглер на базарной площади. Миледи сейчас придёт, а ты — остынь и придержи злость.

Как ни странно, Остриуд подчинилась, только фыркнув в сторону золовки, будто рассерженная кошка.

— Умеешь разговаривать с женщинами, — пошутила Эмер, с удовольствием глядя в спину удаляющейся Остриуд. — И она тебя слушается, как и Годрика.

— Мы выросли вместе, — напомнил Тилвин. — Прости её. Она молодая и глупая, не понимает, где надо остановиться.

— От всего сердца прощаю, — заверила его Эмер. — Особенно, когда за неё просишь ты, — она дружески пожала ему руку, — мне пора, а то она нажалуется леди Фледе, а мне не хочется драться вдобавок и со свекровью.

Тилвин кивнул, показывая, что оценил шутку, и Эмер побежала вслед за Остриуд, оборачиваясь и махая начальнику стражи на прощание. Он поднял руку несмело, словно чего-то опасался, и тоже помахал в ответ.

Под вечер опять пришли гости, и празднование грозило затянуться далеко за полночь. Близилась ночь — время спокойствия, но в душе Эмер спокойствия не было и в помине. Она сидела за общим столом и нетерпеливо пристукивала каблуками, дожидаясь, пока молодожёнам дозволено будет уйти.

Перед полуночью их проводили до спальни, не так, правда, торжественно, как накануне, и удалось Эмер ускользнуть в кухню. Она вернулась, когда муж уже снял квестот и собирался умываться.

— Я принесла тебе свежего пива, — сказала она примирительно, — и восковую мазь на переносицу.

— К чему это? — отрывисто спросил Годрик, скидывая сапоги и подходя к тазу с водой, над которой завивался пар.

— Пиво придаст сил после потери крови, а мазь смягчит боль, — простодушно призналась Эмер. — Наверное, я ударила тебя слишком сильно. У тебя такие синяки под

глазами... Я волновалась, ты ведь был без сознания всю ночь.

Годрик замер, зачерпнув воду в обе горсти.

— Что ты сказала? — спросил он медленно.

— Выпей пива, я полечу тебя и ляжем спать, — сказала Эмер добрым голосом.

— Потеря крови? — переспросил Годрик, бросая умывание и подходя к жене вплотную. — О чем ты?

— Я же опять тебе нос разбила, и сейчас очень сожалею...

— Нос?

Эмер не поняла, почему он вскинулся и принялся ходить по спальне, потирая ладони.

— Ты разбила мне нос? — повторил он, резко останавливаясь.

— В чём очень раскаиваюсь, — сказала она покаянно. — Пива?

— Давай пиво, — разрешил он и поднёс кружку к губам, но вдруг передумал, поставил её на стол и спросил подозрительно: — А что за мазь?

— Восковая, она снимает отёчность...

— Сама сделала?

— Взяла у лекаря, — Эмер недоумённо сморгнула, не понимая причин допроса.

— Значит, кровь шла из носа. Значит, мы не... — Годрик посмотрел на постель, и Эмер удивлённо проследила его взгляд.

— Что — не?..

— Не спали вместе?

Повисла тягостная тишина, потом Эмер с треском бросила коробку с мазью на стол. Если этот болван не желает лечиться — ей точно не стоит переживать.

— Ты считаешь, я могла спать с тобой после того, что ты учудил? — спросила она, начиная злиться. — Обеты прабабушки Армель! Годрик, что за детские выходки? Клянусь ярким пламенем, ничего подобного я больше не потерплю. Сейчас же снимай рубашку и штаны, и ложись в постель.

Годрик смотрел на неё, как будто видел впервые, но постепенно взгляд прояснился.

— В постель? — уточнил он.

— Мужу и жене прилично спать там, — подтвердила Эмер.

— Но мы ещё не спали?

— Нет! — возопила Эмер. — Но сегодня я получу то, что мне причитается! Даже если придется сломать тебе нос, а не просто расквасить!

— Может, оставишь свои деревенские замашки? — холодно спросил Годрик. — Женщине не пристало так откровенно предлагаться мужчине.

— Ты мой муж!

— Не буду им через полгода.

Слова ударили Эмер сильнее палки. Сжимая кулаки, она смотрела на Годрика, а он взирал на жену обычным высокомерным взглядом. Так король смотрит на свинарку, нечаянно перебежавшую дорогу кортежу.

— Здесь епископ Ларгель, — начала Эмер, мысленно призывая себя к спокойствию. — Я пожалуюсь ему, что ты не исполняешь супружеских обязанностей, он вмешается и...

— Вперёд, — Годрик подчеркнуто услужливо указал на дверь. — Выметайся из моей спальни, деревенщина. Я чуть не умер, размышляя, каким колдовством ты заставила меня спать с тобой, но оказывается, я и не спал. Какое счастье.

— Ты мерзавец, — процедила сквозь зубы Эмер.

— Хочешь подраться? На кулаках или принести сковородку? В твоих краях ведь принято охаживать мужей сковородками? А в наших краях непокорных жен угощают плетью. Хочешь попробовать?

— Грозился уже.

— Пока только грозился, но ты же не понимаешь слов. Совсем дикая.

Эмер на мгновение закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Хорошо, — пошла она на попятную, — давай пока не будем спать, как муж и жена. Нам надо привыкнуть друг к другу. Просто ляжем в постель и поговорим. Ты расскажешь мне о себе, а я — если захочешь послушать — о себе. Позволь, я раздену тебя, помогу умыться... — она протянулась, чтобы распуścić вязки на его рубашке, но Годрик больно ударил её по пальцам.

— Ты руки-то хоть мыла, деревенщина? — спросил он.

— Мои руки чисты! — огрызнулась Эмер, трясая кистью, чтобы утишить боль. — А вот тебе не мешало бы вымыть язык. Чтобы не болтал грязных слов.

— Следи за собой, — Годрик забирал плащ и сапоги. — Сегодня я не приду — будет ночная охота на птиц, я лягу с ловчими, чтобы не проспать

— Яркое пламя, Годрик! — Эмер встала крестом перед дверью. — Что тебе стоит снять рубашку? А потом иди, куда вздумается! Ты же не желаешь, чтобы он... — тут она прикусила губу, едва не проговорившись.

— Ты о чём это?

— Просто позволь мне тебя раздеть... — начала Эмер.

— Вот заладила! — Годрик легко отодвинул её в сторону, а точнее — отпихнул, отчего она налетела на кресло. — Спокойной ночи! Надеюсь мне присниться наш развод.

Оставшись одна, Эмер сорвала злость на подушке, измолотив её, пока пух и перья не полетели в разные стороны.

Ночью ей было слишком просторно и одиноко в широкой постели. И сны снились тревожные, но вовсе не о разводе. Епископ, Ларгель и почему-то Тилвин и брат короля летали вокруг нее, превратившись в воронов, и пытались выклевать глаза, а Годрик сидел с равнодушным лицом поодаль, наблюдая, как она отмахивается от страшных птиц, и не делал ничего, чтобы помочь.

Последующие дней десять Ларгель Азо не досаждал Эмер, хотя она шарахалась от каждого священнослужителя, которого встречала в коридорах замка. В собор, о котором ей с благоговением рассказывала Сесилия, она так и не сходила, отговариваясь усталостью и нездоровьем, а потом — нехваткой времени. А службу на седмицу пережила довольно легко, потому что епископ Ларгель к жителям Дарема не вышел, вместо него напутствие произносил другой священник.

Как и обещалось, первую неделю новобрачной позволили полениться. Хотя ленью в полном смысле слова назвать это было трудно. Каждый вечер сотни гостей стекались в Дарем — приглашенные и пришедшие просто так, поесть и попить за счет щедрых хозяев. Со всеми Эмер надо было проявлять сердечность, развлекать особо важных лордов-милордов беседой, а их женам показывать замок и выслушивать разглагольствования, как они ведут хозяйство у себя, во сколько обходятся подобные пиры, и терпеть, когда какая-нибудь дама бесцеремонно клала руку ей на живот, проверяя, подходит ли новобрачная для зачатия наследника. Эмер была уверена, что больше всего этих дам интересовало не на сносях ли

невеста, иначе невозможно было объяснить столь скоропалительный и неожиданный брак.

Годрик тоже был занят, сопровождая гостей на охоту или до дома, когда пьяных господ сваливали в кареты и развозили, как молочники развозят кувшины с молоком. После памятной ночи Эмер видела мужа всего три раза, и ей не всегда удавалось перекинуться с ним взглядом, не то что словом.

Епископ Ларгель не досаждал ей, но она кожей ощущала его взгляд — тяжелый, мрачный, обещающий все кары небесные и земные, буде приказание лорда Саби не окажется выполненным.

Вороны, которых много вилось вокруг замка, вызывали у Эмер такие же ужас и отвращение. При первой возможности, когда никто не мог видеть, она швырялась в противных птиц камнями, надеясь, что если епископ умеет оборачиваться птицей, то однажды ему придется несладко.

По ночам ей снились лорд Саби и епископ Ларгель, и она просыпалась в холодном поту. Но это были всего лишь сны, а наяву добавились новые трудности.

Наступил день, когда Эмер вынуждена была повязать фартук, вооружиться длинной серебряной ложкой, и отправиться на ненавистную кухню. Оказалось, что не сковородки были её главными врагами. Повара отказывались подчиняться приказам новой хозяйки, вели себя заносчиво и даже дерзко, но так умело маскируя своё отношение под соусом вежливости, что Эмер не находила, к чему придраться. Поварята открыто смеялись над этим, и новая хозяйка Дарема сильно подозревала, что дело тут не обошлось без вмешательства Остриуд. Она иногда появлялась — с необычайно довольным лицом заглядывала в кухню, и тут же уходила, сопровождаемая горячими и искренними пожеланиями доброго здоровья от поваров и подмастерьев.

Если с этим Эмер могла смириться, скрепя сердце, то невозможно было стерпеть, когда первый же обед, приготовленный под её присмотром, оказался пересоленным.

Тут Эмер узнала ещё об одной неприятной обязанности хозяйки Дарема — ей пришлось извиняться перед голодными и раздосадованными гостями. В дело пошли галеты, колбасы и сыры, но гости всё равно выражали недовольство. Вторая трапеза оказалась немногим лучше — жирное мясо недоперчили, и Эмер снова оправдывалась. После этого свекровь посчитала нужным сделать невестке внушение, а Остриуд выразила недовольство, звеня серебряным голосочком и хлопая ресницами, как дитя невинное.

А когда к ужину была подана подгоревшая утка, Годрик тоже не остался в долгу и не пожалев самолюбия Эмер открыто насмешничал над неумением жены управлять кухней.

— Даже не ждал, что моя супруга окажется хорошей хозяйкой, — громко сказал он соседу за столом, чтобы услышала Эмер, — но чтобы настолько... У них там в Вудшире едят сырое мясо, так мне рассказывали.

Когда выпало два часа отдыха, Эмер убежала на замковую стену, чтобы вдосталь отругать Годрика, его требовательное семейство и гостей, которые столь переборчивы в еде. Здесь и нашел её Тилвин, который проверял посты.

— Все гости в зале, а ты почему одна, невестка? — спросил он, поздоровавшись.

Эмер вымучено улыбнулась. Больше всего ей хотелось зареветь, уткнувшись Тилвину в плечо, но гордость удержала от этого поступка.

— Просто устала, — сказала девушка, теребя концы вязаного пояска.

К пояску крепились сумочка из бархата, а к ней — бубенчик, по последней моде. Весёлый перезвон показался Эмер насмешкой, и она досадливо засунула руки под мышки.

Тилвин сразу же понял её настроение, словно прочитал мысли.

— Годрик? — спросил он.

— Высокомерный болтун, — выплюнула Эмер с раздражением. — Ведёт себя, будто брат короля, а не племянник королевы! А мои предки были настоящими королями! Спесивый, высокомерный пустозвон — вот кто твой кузен.

— Годрик — он хороший, — сказал Тилвин раздумчиво. — Да, порой ведёт себя спесиво, но он — единственный наследник всего оружейного дела Эстландии, тут любой задрал бы нос.

— Пусть бы задира нос, но язык держал за зубами, — ответила Эмер резко.

— Когда надо, он умеет молчать, — Тилвин вдруг прыснул в кулак.

— Чего это ты? — спросила Эмер подозрительно. Сейчас в этом замке ей от любого слышалась насмешка.

Тилвин догадался и поспешил утешить:

— Не принимай на свой счёт. Просто вспомнил кое-что про Годрика...

— Что же? Расскажи! — Эмер против воли подалась вперёд, и глаза её загорелись от любопытства.

— Мне исполнилось шестнадцать, а Годрику — четырнадцать, — начал Тилвин, — это было до рыцарского посвящения. Наступил праздник зимнего солнцеворота, и в Дареме все гуляли. А нам, юнцам, не полагалось сидеть в общем зале после полуночи. Нас — меня, Годрика и ещё нескольких сыновей джентри — прогнали в гостевые комнаты. Представляешь? Праздник, пиры и развлечения, а мы сидим, как пленники. Мы связали простыни и решили отправить кого-нибудь за медовухой в деревню. Бросили жребий, выпало идти Годрику. Мы спустили его из окна... Вон из того, — Тилвин указал на окно третьего этажа, под которым росли пушистые ели. — Он сбегал к вилланам, купил медовухи и вернулся. Мы подняли его в комнату, выпили, решили прикупить ещё. Годрик был уже хорошо навеселе, да и мы не лучше. Опять спустили его на простынях, он сходил в деревню, вернулся, начали поднимать, и когда он висел на уровне второго этажа, в комнату вдруг вошел наш наставник — сэр Моран. У него был голос, как труба. Когда он заорал: «Что это вы делаете, сопляки?!», — мы с перепугу... отпустили простыни.

Эмер ахнула, прижав ладони к щекам, но Тилвин продолжал:

— Сэр Моран осмотрел комнату, ничего подозрительного не нашел, окно закрыл и оставил нас. До сих пор думаю: как он не заметил, что Годрика нет? Не иначе, сам был пьян. Как только он ушел, мы бросились к окну. Смотрим вниз, а там, в ёлочках, лежит наш Годрик — руки ноги в разные стороны — и не шевельнется. Мы орал ему, орал — молчит. Перепугались страшно. Думали, разбился насмерть. Как сейчас помню, сэра Ламорак (тогда просто Бон) отвлек наставника — наплёл ему какую-то ерунду, а мы проскочили незаметно, соврали стражникам, что их зовет леди Фледа, и помчались во двор. Прибегаем к ёлкам — а там никого нет. Обежали замок — Годрика и след простыл. Делать нечего — возвращаемся, гадаем, куда он делся, а в комнате сидит Годрик, пьет медовуху и ругает нас, на чем свет стоит. Оказывается, когда он упал, у него помутилось сознание. Не от удара — от выпитого сверх меры. Пришел в себя — лежит в ёлочках, в снегу, замерз, как собака. Звал нас, мы не откликнулись, пошел стучаться с главного входа — не замерзать же. Пришёл, а у ворот нет стражи. Он спокойненько прошёл через главный вход, поднялся в комнату и продолжил пить в гордом одиночестве. Мы разминулись с ним, когда его искали. Но самое главное, невестка, он, когда летел со второго этажа — даже не вскрикнул. Вот ведь выдержка? — в голосе его

чувствовались гордость и зависть.

Эмер хохотала, прислонившись к стене. Тилвин смотрел на её веселье с улыбкой.

— И ни одной бутылки не разбил, — добавил он и вернул ей её прежние слова: — Ты смеешься. Я рад, что развеселил тебя.

— А уж как я рада, — призналась Эмер, смахивая слёзы, выступившие на глазах. — У вас с Годриком была весёлая жизнь. Мне хотелось бы узнать о ней больше. Расскажешь ещё что-нибудь?

— Всенепременно расскажу, — пообещал Тилвин. — Но не сейчас. Меня ждут возле рыцарских казарм, так что прости — надо идти.

— О! Это ты прости! Столько времени потратил на меня. А можно пойти с тобой?

— К казармам?!

— Обожаю казармы, — призналась Эмер, делая вид, что не замечает удивления Тилвина. — К тому же, я — хозяйка. Мне надо знать своих рыцарей.

Насчет этого Тилвин сомневался, но желанию Эмер препятствовать не стал. Они спустились во внутренний двор, обогнули сад и вышли к одноэтажным длинным домам, где жили безземельные сыновья джентри, мечтавшие стать рыцарями, оруженосцы и сами рыцари. Перед казармами простиралось ровное поле шагов на сто в длину и ширину. Земля здесь была так утоптана, что даже трава не росла. На этом поле проходили тренировки, и у Эмер сразу воинственно затрепетали ноздри, едва она увидела, как лениво разминались голые до пояса мужчины в шрамах и прыгали с деревянными мечами подростки.

— Не слишком приятное зрелище для глаз дамы, — сказал Тилвин смущённо.

— Ты удивишься! — засмеялась Эмер. — Но не волнуйся, я не буду подходить близко, сделаю вид, что рву здесь примулы, — она пнула носком башмака цветочные головки. — И полюбуюсь на ваши тренировки, и леди Фледе не в чем будет меня упрекнуть.

— Как пожелаете, миледи.

— Как пожелаешь, невестка, — поправила его Эмер.

И он послушно повторил:

— Как пожелаешь, Эмер.

Вечерние празднества в Дареме не имели никакого отношения к воинам замка-крепости. Пока гости ели и пили, пока слушали бардов, старавшихся перепеть один другого, здесь думали не о песнях и не о еде до отрыжки.

Эмер издали смотрела на игры рыцарей и завидовала до стона в сердце. Руки чесались тоже схватить деревянный меч и размять мышцы и кости, которым не давалось тренировок с самого выезда из Вудшира.

А рыцари в Дареме вели себя так же, как и у нее дома — разбивались попарно, потом учились отражать атаку двоих, потом троих, потом становились спина к спине, чтобы держать круговую оборону. Тон во всем задавал Тилвин. Он и вправду был хорошим воином, как и говорил. Эмер любовалась его легкими движениями, такими же гибкими, как кошачьи, но сильными. Припоминая бой Годрика и его оруженосца с уличным отребьем, Эмер скрепя сердце признала, что Годрик далеко не так хорош, как начальник стражи. А она-то думала, что к этому совершенству не найдешь, к чему придраться.

Рыцари посматривали в ее сторону, но стоило Тилвину поднять голову, делали вид, что не замечают хозяйку, бродящую неподалеку от казарм. Эмер и вправду сорвала несколько цветов, чтобы не быть голословной, и теперь уселась на взгорочке.

Как славно было бы дать волю телу, чтобы мышцы заиграли, и кровь быстрее побежала

по жилам. И чтобы ни о чём не думать.

На третий день кухонных мытарств, когда помощник главного повара принялся снисходительно объяснять молодой хозяйке разницу между южным вином из виноградников лорда Пьеро и вином из провинции Ла-Жерналь, сетуя о том, что оленина к обеду не может быть приготовлена вовремя, потому что искомого вина не оказалось в кладовых, Эмер не сдержалась.

— Сколько он будет ходить за бутылкой вина, этот ваш посыльный? — спросила она, с неприязнью глядя в гладкое, лоснящееся лицо мастера Брюна.

— Жоржик — расторопный малый, — сказал мастер ласково, словно говорил с неразумным ребёнком. — К вечеру обязательно вернётся.

— К вечеру? Оленина должна быть готова в час после полудня!

— Сожалею, миледи, но гостям придётся обойтись в обед без оленины.

— Что же вы подадите вместо основного блюда?

— Закуски, — с готовностью ответил мастер Брюн, глядя честнейшими голубыми глазами. — Каплуны, перепёлки, куропатки, утки — вот что будет поставлено на стол.

— Этого мало, — отрезала Эмер. — Почтенных милордов птицей не уговоришь. Они захотят красного мяса.

— Вы объясните почтенным милордам, что мяса к обеду не будет, потому что вино из виноградников лорда...

— Слышала уже! — оборвала его изливания Эмер.

Поварята закашлялись, скрывая смешки, и девушка вскинула голову. Помощники сохраняли невозмутимость, но младшие подмастерья были лишены подобной выдержки — хихикали в кулак.

Эмер постаралась проявить выдержку:

— Приготовьте оленину по-другому. С можжевельными ягодами.

— Вы должны знать, что ягоды можжевельника используют только для жирного мяса. А мясо оленя — оно почти постное, его нужно напитать жидкостью, чтобы не получилось сухим. Поэтому — только вино. При всём моём искреннем уважении, миледи.

— Используйте другое вино, — Эмер пришла в отчаянье, представив, как будет язвить Острюд, если к обеду не подадут основное блюдо. А свекровь ничего не скажет сразу, зато будет бросать грозные взгляды, а вечером отчитает, как девочку, за нерадивость и неумение вести хозяйство. А Годрик... Эмер готова была завывать. — Возьмите другое вино. То, про которое говорили... Из южных провинций...

— Но я же объясняю, миледи, — продолжил ту же песню мастер Брюн. — Южное вино не подойдет, у него слишком яркий букет, оно чрезвычайно ароматное и убьёт естественный вкус оленины, — он всплеснул руками, досадуя, что его не понимают. — Меня удручает, что приходится объяснять вам это несколько раз. Леди Острюд всё знала с детства. Разве вас не обучали кухонным премудростям? Говорят, вы отлично жарите дичь, за это Её Величество и даровала вам титул графини...

Звонкий детский смех за спиной оказался последней каплей.

Эмер затравленно оглянулась. То, что над ней издеваются, она догадывалась и раньше, но никогда ещё под угрозу не ставилось главное блюдо обеда. Кухонные слуги побросали

работу и следили за леди-неумехой с нескрываемым злорадством. Из-за косяка выглянула Остриуд, пряча усмешку в шелковый платочек. Выглянула — и сразу скрылась, показывая, что её беспорядок в кухне ничуть не касается. Толстяк Брюн услужливо склонил голову, но Эмер подумала, что услужливости в нём — как в свинье золота.

Она переплела пальцы, прикусив костяшки.

Враги. Настоящие враги — вот они кто, эти обитатели Дарема. Решили довести её, вместе с заносчивым Годриком. Вместе с насмешницей Остриуд, бьющей исподтишка. Вместе со свекровью, с её бредовыми представлениями, какой должна быть хозяйка.

Приложив ладони к пылающим щекам, Эмер лихорадочно размышляла: что можно предпринять в этой ситуации?

— Мне кажется, вам надо сложить полномочия хозяйки и вернуть кухню в ведение леди Остриуд, — опять принялся напевать мастер Брюн. — Леди Остриуд прекрасно знает все особенности приготовления блюд, разбирается в сервировке...

Как поступил бы истинный рыцарь, встретив врагов? Уж точно не бросился бы в бегство.

— ...это будет правильным решением, и я готов донести его до леди Фледы...

Взяв со стола скалку для теста, оставленную кем-то из поварят, Эмер не спеша стряхнула с неё муку и бережно отёрла фартуком.

— Вам не надо лично утруждать себя готовкой, — заметил мастер Брюн, — Антони, заberi у миледи...

Договорить он не успел, потому что скалка обрушилась на его спину.

Главный повар, выбиравший хлеб к обеду, встревоженный шумом и воплями, выглянул из кладовой в кухню и увидел страшную и ужасную картину: в клубах пара и дыма, как демон из преисподней, метался его помощник — мастер Брюн. А долговязая леди, которую их хозяин неизвестно зачем притащил в Дарем, объявив женой, охаживала мастера Брюна скалкой. Для удобства она схватила повара за шкурку, и теперь он безуспешно рвался вон из квестота, пытаясь скрыться.

Когда в дело решил вмешаться кто-то из подмастерьев, скалка немилосердно прошлась и ему по рёбрам, и парень умчался к печке, почёсывая бока, здесь ему показалось безопаснее.

Мастер Брюн закричал особенно пронзительно — ему досталось скалкой по уху, потекла кровь. Эмер, старавшаяся бить только по жирным плечам и пухлой спине, промахнулась. Вид крови не охладил её гнева, и повар получил еще порцию хороших ударов, после чего рухнул на пол и замер, поскуливая и прикрывая голову рукой.

Запыхавшаяся хозяйка Дарема села на него, широко расставив ноги и оперевшись локтями в колени. Никто не осмелился двинуться с места, и в кухне воцарилась почтительная тишина. Только шипело на сковородке сало, о котором все позабыли.

— Объясню, чтобы ты знало из первых уст, а не слушал сплетни, достопочтенный мастер Брюн, — сказала Эмер спокойно, словно сидела на лавочке в саду и любовалась розами. — Своё новое имя я получила не потому что такая прекрасная кухарка, как ваша леди Остриуд. Просто однажды я ненароком забила до смерти королевского гвардейца. Забила сковородкой, и Её Величество это увидела и отметила. Что? Ты испугался? Не надо бояться, пухлячок. Тот гвардеец был не очень хорошим человеком. Вернее, очень нехорошим. Конечно, не следовало обходиться с ним так сурово, но слишком уж я разозлилась тогда. Ты ведь не хочешь, чтобы я как-нибудь разозлилась и на тебя?.. Нет?

Почему-то я так и подумала. А теперь вставай, — она поднялась на ноги и подпнула мастера Брюна, чтобы пошевеливался.

Избитый повар еле встал на четвереньки, а дальше ему помогли подняться подмастерья. Он охал и стонал, но теперь уважительность его была не поддельной, а самая искренней.

Эмер широко улыбнулась, принимая его извинения и поклоны.

— Да ладно спину гнуть, — сказала она великодушно, — я здесь не для того, чтобы вы передо мной на коленях ползали, а чтобы гости были сыты и довольны. А для этого им надо подать оленину. Поэтому, — она заговорила громче, чтобы все слышали — от главного повара, который с ужасом наблюдал за избиением помощника, до последнего поваренка, который стоял раскрыв рот и уронив корзину с луком, — поэтому сейчас вы готовите эту проклятую оленину с тем вином, которое есть. И не надо рассказывать сказок, как одна бутылка отличается от другой. Не такие уж наши гости тонкие ценители. В готовке я не столь преуспела, зато умею поставить на место зарвавшихся слуг.

Она бросила скалку на пол, и стоявшие рядом подмастерья шарахнулись.

— Если только гости будут недовольны, — размеренно продолжала Эмер, вышагивая по кухне туда-сюда и заложив руки за спину, — я немедленно прихожу сюда и начинаю разговаривать... с тобой, — она остановилась перед главным поваром, глядя на него сверху вниз. — И возьму не скалку, а сковородку. Потяжелее. Чтобы запомнил, кто такая графиня Поэль. Ясно?

Главный повар закивал, губы его тряслись. Мастера Брюна утащили к фонтану, чтобы смыть кровь. Он тихонько охал, желая почесать избитые места и боясь это сделать в присутствии грозной хозяйки.

— Не стану узнавать, кто из поварят переложил соли или недосыпал перца, — чеканила Эмер, — за всё будут отвечать главный повар, — она принялась загибать по очереди пальцы, — два его помощника и старшие подмастерья. Подмастерья — если не слишком устану, — она пристукнула кулаком по ладони. — Ведь я всего лишь слабая женщина, а бить таких крепких парней, — она мимоходом похлопала по щеке одного из подмастерьев, отчего тот побледнел и чуть не упал без сознания, — бить таких крепышей — очень нелёгкое занятие. Но я постараюсь справиться, друзья мои, непременно постараюсь. А теперь я ухожу. Сказать по правде, кухня — не моё любимое место. Уверена, с обедом вы справитесь отлично, оленину подадите вовремя и моё присутствие вам не понадобится.

Она развязала фартук и кинула его на руки девице, которая была приставлена к ней в качестве горничной. У самого порога Эмер обернулась, потрясая указательным пальцем, и главный повар, собравшийся было промокнуть вспотевший лоб, испуганно замер.

— Забыла кое-что, — объявила она. — Теперь, когда я появляюсь на кухне, вы должны хором меня приветствовать: «Рады видеть, дорогая хозяйка!» Понятно?

В ответ раздались неуверенные голоса, и Эмер топнула, одновременно прикрикнув:

— Громче! Не слышу! Понятно?

— Понятно, дорогая хозяйка! — гаркнули повара.

— Уже лучше, — милостиво признала Эмер. — Работайте. С нетерпением жду сегодняшнего обеда.

Надо ли говорить, что еда, поданная в тот день, была вкуснее небесной манны, в которой, по легендам, каждому чудился вкус любимой пищи. Эмер довольно шурилась, принимая похвалы, но её радость была бы несравнимо больше, знай она, какой разговор произошёл в комнате леди Фледы, куда Остриуд Фламбар ворвалась, подобно вихрю, сметая

всё на своём пути.

— Мама! — зазвенел её голосок испуганно и жалобно. — Вы не поверите, что учудила эта дылда!

Леди Фледа собиралась соснуть, и появление дочери было некстати. Но мать не может не выслушать собственное дитя, и она указала на кресло. Остряуд плюхнулась в него, хмурясь и кривя губы.

— Ах, мама! — начала она плаксиво. — Только что я видела возмутительную картину! Жена брата избивала мастера Брюна! Палкой! Да какой! Толщиной с мою руку, — она вытянула тонкую ручку, предлагая матери разделить негодование. — Она позорит наш дом, нашу семью! И нас позорит! Что, если гости увидят нечто подобное?!

— Она избивала Брюна? — спросила леди Фледа, стряхивая сонное оцепенение, которое всегда овладевало ею в жаркие полуденные часы.

— Жестоко! До крови! Только потому, что он попенял ей, что я лучше разбираюсь в домашних делах! Ты должна наказать её. Напиши королеве, пусть расторгнет брак, пока Годрик не будет окончательно опозорен.

— А я всё удивлялась её терпению, — казалось, леди Фледа не слышала ни слова из того, что сказала дочь. — Три дня они издевались над ней, эти невоспитанные слуги. Она сделала правильно, что указала собаке её место. Брюн совсем страх потерял, это будет ему хорошим уроком.

— Мама!! — воскликнула Остряуд, вскакивая.

— Что ты кричишь?

— Не верю, что вы это говорите!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Успокойся и не повышай голоса. Я помню, вы с ней не очень ладили, но теперь всё должно быть забыто. Теперь она — одна из Фламбаров, она жена твоего брата. И я поддержу её в любых начинаниях, если они будут хороши, и подскажу, как поступить, если будут плохи. Она мне нравится, графиня Поэль. Годрику трудно с ней придётся, но именно такая жена ему и нужна.

— Такая?! Матушка, что же вы говорите! Словно ножом по сердцу режете, — Остряуд не выдержала и расплакалась от злости.

Мать притянула её к себе, поглаживая и утешая, как в детстве.

— Не плачь, доченька. Когда-нибудь ты поймешь, — говорила она ласково, вытирая слёзы со щёк Остряуд. — Годрику нужна не кухарка, ему нужна помощница, наперсница. Женщина с огоньком, а не томная корова.

Остряуд возмущённо вскрикнула, но леди Фледа только засмеялась:

— Иногда надо называть вещи своими именами.

Горничная сказала, что пришёл Годрик и желает видеть. Остряуд мигом пригладила волосы, промокнула платочком лицо и отошла к окну, чтобы брат не заметил слёз. Леди Фледа приказала впустить, и поднялась навстречу. Поцеловав мачехе руку, Годрик подошёл поцеловать и сестру, но та обиженно отвернулась.

Леди Фледа села в кресло, внимательно наблюдая за Годриком, который встал у стола и от нечего делать принялся перебирать шкатулки и побрякушки, которые валяются в комнатах у каждой женщины.

— Ты пробовал сегодняшнюю оленину? — спросила мачеха. — Она восхитительна! Я же говорила, что твоя жена быстро освоится. Она мне очень нравится. И я рада, что ты

принял её.

Годрик пробурчал что-то непонятное, передвигая серебряный подсвечник на столе.

— Ты ведь такой упрямый, — продолжала леди Фледа. — Я боялась, начнёшь изводить бедную девушку, чтобы она потребовала развода. Но для чего ты пришёл? Что-то случилось?

— Пришёл сказать, что приехала настоятельница Мод, — сказал он. — Я приказал устроить её в северной башне, там тихо, её никто не побеспокоит.

— Правильно, — кивнула леди Фледа. — Приставь к ней двух девушек, чтобы помогали, чем нужно. После дневного колокола я приду к ней поздороваться.

— Собственно, я не только за этим, — сказал Годрик, потеряв подбородок и глядя в потолок. — Хорошо бы попросить преподобную Мод прочитать молитву по соглашению...

В эту ночь Эмер не ждала мужа, но он появился. Зашёл в спальню, повесил плащ и сбросил пропыленный квестот. И даже принялся насвистывать, умывая руки.

Эмер замерла посредине комнаты, как в их первую брачную ночь. Она ещё не успела раздеться, но уже отправила девушку-горничную спать. В Роренброке она отлично управлялась со своей одеждой сама, и не собиралась менять привычек.

— Ты спать не собираешься? — спросил Годрик, подходя к зеркалу и распуская тесьму, которой на день перетягивал волосы.

— Н-нет, — ответила Эмер заикаясь, заморожённая тёмной гущиной волос, выпущенных на свободу. Даже локоны у этого высокомерного пустозвона лежали, как у примерной девицы — волосок к волоску. Она невольно пригладила собственные кудри, не желавшие укладываться ни в одну причёску.

— Нет? — переспросил Годрик, оглядываясь. — Разве ты не устала? Столько трудилась сегодня.

Эмер насупилась, гадая, не было ли в его словах потаённого смысла. Возможно, новость об избиении помощника повара не прошло мимо его слуха. Хотя — вот невидаль! Многие знатные господа бьют своих слуг. Правда, не скалками...

Но он не насмешничал, и это было странно. Умылся, весело разбрызгивая воду, и даже подмигнул жене, утираясь полотенцем.

— А не пойти ли нам спать, леди Фламбар?

Вопрос поверг Эмер в состояние, близкое к обмороку.

— Я не ослышалась? — она вскинула брови.

— Мне повторить? — напевая, Годрик откинул покрывало с кровати и взбил подушки.

— Ты же сказал, не ляжешь со мной? — спросила Эмер подозрительно, следя за ним и не веря собственным глазам.

— Возможно, я передумаю, — объявил он благостно.

— С чего ты переменялся? Я тебе вдруг понравилась?

Годрик окинул её медленным томным взглядом, от которого Эмер покраснела и смешалась, проклиная себя за это.

— Ты не лишена приятности, — сказал муж, не замечая её смятения. — Возможно, я был слишком суров с тобой.

— Слишком, — горячо подтвердила Эмер. — Поэтому если хочешь извиниться — раздевайся. Давай я помогу... — она потянулась к вязкам на его котте, но он остановил ее руку. — Что еще?!

— У меня игривое настроение, — сказал Годрик доверительно.

— Неужели? — сухо спросила она. — Сегодня вечер сюрпризов.

— Видно, луна так взошла. Знаешь игру «Королевский дурак»?

Эмер заколебалась. Игру она знала, но признаваться в этом опасалась, чтобы не быть снова обвиненной в дурных манерах или ещё в чем похуже.

— Правила просты, — продолжал Годрик обманчиво-мягким голосом, доставая из ящика стола колоду карт. — Мы берём по шесть карт и выкладываем по очереди. У кого карты номиналом меньше, забирает их себе. Проигрывает тот, кто пригребёт всю колоду. Сыграем?

— Ты считаешь уместным играть в карты в супружескую ночь? — невинно поинтересовалась Эмер. Она неплохо играла в эту увлекательную игру и заранее посмеивалась над спесивым мужем, ничего не знавшим о её талантах.

— Если это наша первая ночь, надо сделать ее незабываемой, — сказал Годрик низким грудным голосом, от которого Эмер так и задрожала. — Установим новые правила. Кто проигрывает кон — снимает что-нибудь из одежды. Если повезет, разденешь меня. Снимешь всё, до последней нитки. Увидишь меня голым. А там есть на что посмотреть, — последние слова он произнес, наклонившись к уху девушки.

Эмер облизнула губы, почувствовав на щеке горячее мужское дыхание. Голос Годрика сводил с ума и заставлял мечтать о таком, о чем юные девицы шептались втайне от строгих матушек, а замужние женщины многозначительно молчали. Она-то всё прекрасно знала, и заранее таяла, предвкушая, что испытает, когда этот сильный и красивый мужчина сожмет ее в объятиях. А уж она не проиграет ему ни одной партии.

— Ты ведь согласна? — Годрик взял ее за подбородок, легко и ласково поглаживая пальцами. — Тебе ведь так меня хочется...

— Да! — Эмер вырвалась из его рук и уселась на кровати, поджав ноги. Сердце колотилось, как сумасшедшее. — Начнём. Мне уже надоело носиться за тобой по спальне, как за перепуганной девственницей.

Годрик усмехнулся и тоже уселся на кровать. Вместо игорного стола они положили между собой подушку, Годрик перетасовал карты и сдал первую раздачу.

У Эмер оказался младший козырь, и она зашла сразу с двух шестерок — кубков и пентаклей. Годрик отбил заход семерками, и ход перешел к нему. Они подцепили по две карты из общей колоды, цепко посматривая друг на друга поверх карточных вееров, и игра пошла полным ходом.

Первую партию Эмер с треском продула.

Годрик откинулся на локти, посматривая насмешливо и лениво, а она нахмурилась, не зная, как поступить дальше.

— Что же ты? — поддразнил он её. — Слово Роренброков ничего не значит? Уговор был — проигравший снимает что-то из одежды. Снимай. Я жду. Или сдаешься после первого же поражения?

Подумав, Эмер стащила с ноги подвязку и бросила ее на пол.

— Принимается, — сказал Годрик и перетасовал карты для второй раздачи.

Эту партию Эмер снова проиграла. Причем, проиграла подчистую, даже с главными картами. Ерзая на кровати, она почти с ненавистью смотрела на Годрика, который склонил голову к плечу, ожидая, когда она снимет следующую деталь туалета.

Вторая подвязка полетела на пол вслед за первым, а Эмер поклялась обыграть мужа в третий раз, во что бы то ни стало.

Проиграла она и в третий раз, и в четвертый, и в пятый, и на полу уже лежали чулки, сетка для волос, браслет из сухих ягод — от ведьминоного сглаза, верхняя рубашка и грудная повязка, и ещё короткие штанишки из полотна, с разрезом по шагу, отороченные тонким кружевом. Снимая их, Эмер мысленно призывала на голову Годрика все кары небесные, а он с интересом следил за её разоблачением, но, похоже, никакого любовного волнения не испытывал.

Теперь на девушке остались лишь нательная сорочка без рукавов, короткая до неприличия, к ней привязывались чулки, и ещё монета, подаренная Годриком. Эмер стало жарко при одной мысли, что он может увидеть её талисман. Тогда точно насмешек и обвинений не оберёшься.

— Больше на тебе ничего не осталось? — услужливо спросил Годрик. — Одна лишь рубашка?

— Больше ничего, — отрезала Эмер. — Раздавай.

В этот расклад ей выпали хорошие карты, и она была уверена в победе. Два всадника и дама. Миг — и она выложила карты на подушку.

— Неплохо, — промолвил Годрик, крутя головой.

— Что, пролетел? — Эмер потерла ладони, довольная победой. — Снимай рубашку!

Но он почему-то медлил, разглядывая её карты.

— Неплохо, — повторил он, — но у меня лучше, — и выложил двух дам и короля.

Немыслимо! Эмер захлопала глазами. Даже масти совпали.

— Никогда не видела более везучего наглеца, — сказала она в сердцах.

— А я — более невезучей деревенщины. Сорочку долой! Уговор дороже золота.

Эмер стрельнула глазами из стороны в сторону, но Годрик по-своему понял её замешательство.

— Снимай, снимай, мы же муж и жена, всё-таки, — подбодрил он её и вдруг закашлялся.

Эмер медлила. Она ничего не имела против, чтобы раздеться перед мужем, но в том случае, если бы он разделся и сам. А оголяться одной — в этом было что-то постыдное и ужасно несправедливое. И ещё монета. Вот уж позабавит его открытие, что она таскает на себе монету, которую он бросил нищему в подворотне. Девушка сидела, опустив голову, не зная, что предпринять.

— Решила нарушить слово? Я бы не нарушил, если бы проиграл. Что ж, буду знать, что в деревне верность слову не в чести...

Девушка подскочила, оскорблённая до глубины души.

— Я-то всегда держу слово, — сказала она сквозь зубы, отвернувшись и потянула вязки сорочки.

Шнурок развязать ей не удалось, но она перекинула монету на спину, спрятав под распущенными волосами. Если Годрик не проявит чрезмерного любопытства, ей удастся сохранить тайну. Стянув последний предмет одежды через голову, она бросила сорочку на пол, к остальным вещам. Хорошо, что пришлось сидеть за подушкой...

— Так не пойдет, — объявил Годрик, — встань, чтобы я полностью получил свою награду за выигрыш. Ведь если бы ты меня раздела, то разглядывала бы всего и всюду.

— Чтоб ты счернел! — пожелала ему Эмер.

— Ругайся, — разрешил он ей, — но уговор выполни. Встань и пройдишь до двери. Этого будет достаточно.

Красная, как вареный рак, Эмер поднялась с кровати.

— Не бойся, — продолжал разглагольствовать Годрик, — я видел столько голых девиц, что не потеряю голову при виде ещё одной, оставшейся без платья. Да и терять-то тут не из-за чего, как я посмотрю...

— Попридержи язык! — вскипела Эмер.

— Иди до двери, — велел Годрик.

И она пошла, даже не пытаясь прикрыться, и гордо вскинула голову, совсем по-королевски. Пусть смотрит, пока глаза не повылазят. Сравнил её с другими... Эмер была в ярости, но горечь от слов мужа отравляла сердце сильнее. Видел многих... Кого это? Вилланок? Сравнивал ее с вилланками? Или его несостоявшаяся невеста, леди Дезире оказалась желаннее?..

Последняя мысль не успела укорениться и причинить больше сердечной боли, потому что дверь без стука распахнулась, и на пороге возникли леди Фледа, Острюд и женщина в монашеском одеянии.

Голая Эмер повергла их в ошарашивание. Несколько секунд в спальне царил могильная тишина, а потом Острюд завизжала, как резаная, а монахиня разразилась молитвами, больше напоминавшими проклятия.

Эмер схватила рубашку и поспешила укрыться за балдахином, желая провалиться сквозь каменный пол.

— Что здесь происходит?! — прогремела леди Фледа. — Годрик! Почему твоя жена ходит в таком неподобающем виде?!

— Ну что вы взъярились, — ответил этот негодник, — у моей жены свои привычки. Разве вы не знали, что в Вудшире люди предпочитают ходить голыми? Жена говорит, что так полезнее для здоровья — тело приобретает особую гибкость и выносливость...

— Что за бред?! — возмутилась леди Фледа, позабыв, что благородной даме приличествует держать себя в руках при любых обстоятельствах.

Годрик покаянно вздохнул:

— Бред, ваша правда, леди Фледа. На самом деле, моя жена так торопилась исполнить супружеский долг, что едва я переступил порог спальни, сбросила с себя одежду и помчалась закрывать двери. Я даже не успел сказать ей, что вы вместе с матушкой настоятельницей пожелали сегодня навестить нас, чтобы прочитать молитву по соглашению над брачным ложем.

От такой бессовестной лжи Эмер потеряла дар речи. Она кое-как натянула сорочку и теперь чуть не плакала от пережитого унижения.

— Ты... ты... — она выглянула из-за балдахина, но свекровь приказала ей замолчать.

— Вы разочаровали меня, невестка! — отчеканила она. — Моя дочь так невинна, какой пример вы подаете ей своей распущенностью?

— Распущенностью? Помилуйте, о чем вы... — Эмер почувствовала, как злые слезы наворачиваются на глаза. — Это вы вломились в мою спальню без стука! Разве леди так поступают?

— Мы ещё и виноваты?! — вмешалась в разговор монахиня. — Постыдились бы, молодая женщина! Даже новобрачной надо вести себя скромнее! Пойдем, Острюд, я дам тебе успокоительных капель... И надо прочитать молитву святой Медане, чтобы уберегла от кошмаров...

— Мы удаляемся, — сказала леди Фледа, бросая на Эмер убийственный взгляд. —

Поговори со своей женой, Годрик. Не знаю, как в Вудшире, но в Дареме женщине не пристало скакать голой.

Дверь за ними оглушительно захлопнулась, и шаги вскоре затихли. Эмер обернулась к Годрику, объятая праведным гневом, но на него это не произвело никакого впечатления, ибо он хохотал.

— Ты умышленно подстроил, — догадалась Эмер. — Я тебе физиономию разобью, красавчик.

— Все получилось само собой, кровожадная тролльчиха! Ещё скажи, что я заставлял тебя раздеваться.

— Мерзавец!

— Монахиня — наша троюродная тетушка, она специально пропустила свадебные гуляния, чтобы не впадать в искуc, — объяснил Годрик, словно не замечая оскорблений. — В какой ужас ты ввергла бедную старушку! Теперь она будет всем рассказывать, как распущенны девицы из Вудшира.

— Лжец!

Эмер схватила со стола пустой кубок и швырнула Годрику в голову, но тот ловко увернулся и продолжал:

— А сестра и так рассказывала всем, даже слугам, что ты совсем заездила меня в первую брачную ночь. Теперь она уверится, что ведьмы, бесстыднее тебя, Эстландия не видала со времён сотворения!

— Я тебя задушу собственными руками! — Эмер забыла об осторожности и бросилась на мужа с явным намерением проредить ему волосы и наставить синяков.

Но Годрик был готов к нападению. Он перехватил Эмер за руку и вывернул уже знакомым приемом, заставив поцеловать собственные колени. Воительница тут же присмирела, боясь шевельнуться, но оскорблять его не перестала:

— Варвар!

— Сегодня у тебя не получится побить меня...

— Людоед!

— Ведь сегодня я не пил бурды, что ты мне подлила в прошлый раз...

— Мерзавец!

— Ты повторяешься, милая жёнушка, — он подволок её к двери и вышвырнул за порог легко, как котёнка.

Эмер отлетела к противоположной стене и немедленно выпрямилась, потирая помятую руку.

— У тебя есть комната — туда и иди, — сказал Годрик. — А в мою спальню больше не зайдешь.

Дверь захлопнулась, и Эмер осталась одна в темном коридоре, босая и раздетая, если не считать рубашки. Годрик снова открыл двери, и девушка с надеждой подалась вперёд, но он всего лишь выбросил её платье и свой плащ.

— Оденься, — сказал он презрительно. — Одно дело — бегать нагишом по спальне, и совсем другое — по замку, где полно мужчин. Не смущай моих людей. Пока ты ещё леди Фламбар, веди себя достойно этого имени.

Он опять захлопнул дверь, а Эмер наощупь нашла и подняла одежду и сразу же набросила на себя плащ. Хотелось умереть прямо тут же, но стучать и просить, чтобы Годрик её впустил, она сочла ниже своего достоинства.

Каменные ступени неприятно холодили босые ступни. Эмер вышла на замковую стену, и тут выдержка ей изменила. Вокруг не было ни души, и даже ночная стража бродила где-то выше — слышались их голоса, далёкие, слов не разобрать. Майская ночь была тихой и тёплой, такие ночи бывают только весной, при полной луне. Но сегодня луна спряталась за облаками, как будто и ей было стыдно за Эмер. Кутаясь в плащ и прижимая к груди скомканное платье, Эмер брела вдоль забрала, кусая губы.

Проклятый Годрик!

Почти рядом раздался девичий нежный голос, которому вторил приглушенный мужской, и Эмер поспешила укрыться в каменной нише за статуей небесного вестника. Мимо прошла парочка — наверняка кто-то из прислуги встречался тайком с кем-нибудь из стражников. Послышался шепот и звуки поцелуев.

Это было уже слишком, и Эмер сползла на каменные плиты, желая стать маленьким камешком, совсем незаметным, хотя здесь её могло увидеть только яркое пламя, но и оно сладко почивало до утра.

Она набросила на голову плащ, желая исчезнуть для всего мира, и едва не плача от злости и обиды. Посмеялся и выгнал! Посмеялся над ней при матери и сестре! При Остриуд, этой злючке-острячке! И при тётке-монахине! Эмер даже застонала от мысли, что придётся смотреть им в глаза.

— Кто это здесь спрятался? — раздался рядом знакомый голос. — Неужели госпожа невестка решила уединиться?

Эмер со вздохом стащила плащ с головы:

— И ты смеешься надо мной, Тиль.

— Нет, не смеюсь, — с улыбкой заверил её Тилвин, подавая ей руку, чтобы помочь подняться. — Просто рад видеть тебя. Так неожиданно и приятно. Что ты здесь делаешь? Играешь в прятки с моим кузенком?

— Если бы, — Эмер тщетно пыталась сдержать слёзы, но в присутствии Тилвина они пролились против её воли.

— Зачем плачешь? — испугался он. — Неужели... неужели мой кузен тебя обидел? — в голосе его послышались угрожающие нотки, и Эмер поспешно схватила рыцаря за руку, удерживая подле себя.

— Нет, он не обидел, — заверила она. — Это я повела себя, как дурочка. Как глупая девица из провинции. Деревенщина!

И она расплакалась уже по-настоящему, со всхлипами и пристонами.

— Ты не дурочка и не деревенщина, — успокоил её Тиль, осторожно обнимая за плечи и притягивая к себе. Она не противилась и уткнулась лбом ему в грудь.

— Ты хорошая, добрая и красивая, — продолжал он. — И все в Дареме тебя любят.

— Не все, — выдохнула Эмер. — Некоторые очень даже ненавидят.

— Ну, расскажи, что случилось?

Ему пришлось долго уговаривать её, и в конце концов Эмер поведала об игре в королевского дурака, бесславном проигрыше и появлении свекрови.

— Высокомерный сопляк! — сказал сквозь зубы Тилвин, сжимая кулаки. — Он нарочно устроил это.

— Ему просто всегда везёт, — всхлипнула Эмер. — Даже в карты. Но зачем он так опозорил меня перед матушкой?

— Везёт?! — было похоже, что Тилвин рассвирепел не на шутку. — Да он играл двумя

колодами!

— Двумя колодами? — слёзы в глазах Эмер высохли мгновенно. — Хочешь сказать, он мошенничал?

— И самым наглым образом! Когда мы были маленькими, должность старшего ловчего в Дареме занимал некий Од Буссоль. Ловчим он был плохим, но карточным жуликом — превосходным. Годрик ходил за ним, как привязанный, и многому научился. С ним никто никогда в карты не садится играть, потому что он постоянно мошенничает! Причем не ради денег, а так, для собственного удовольствия. Но поступить подобным образом с тобой... это низко!

Он хотел уйти, но Эмер вцепилась в него мёртвой хваткой:

— Куда это ты собрался?

— Пойду и заставлю его пожалеть о том, что сделал, — бросил Тилвин, пытаясь разжать её пальцы.

— Не надо! — взмолилась она. — Не ссорься с братом из-за меня.

— Это не ссора, а урок хороших манер.

— Тиль!

— Ты снова его защищаешь! — он посмотрел на неё почти с неприязнью, но потом опомнился и взгляд его смягчился. — В любом случае, я не могу этого так оставить.

— В любом случае, это моя месть! — воскликнула Эмер. Она отпустила его квестот, за который ухватилась, пытаясь удержать, и гневно ткнула рыцаря кулаком в плечо. — И я сама разберусь, как поступить с моим мужем!

Краска сбежала с лица Тилвина, он помрачнел и даже сгорбился.

— Конечно, миледи, — сказал он совсем другим тоном — как говорил с ней при свидетелях. — Он — ваш муж, и вы вольны поступать, как сочтёте нужным.

Повисло неловкое молчание, и пристыжённая Эмер взяла Тилвина за руку.

— Не сердись, — сказала девушка мягко. — Ты меня не понял. Я хочу сама наказать его. Это будет и приятнее, и справедливее. Не волнуйся, женщины наказывают по-своему. Но это бывает действеннее, чем дать в морду, — она сделала жест, как будто била невидимого противника кулаком. — О! Прости, это случайно вырвалось, — извинилась она, заметив удивлённый взгляд Тилвина. — Обыкновенное выражение, принятое на моей родине. Ты же знаешь, мы, вудширцы, все дикие.

Тилвин слабо улыбнулся.

— Заметил, — сказал он. — И как ты хочешь его наказать?

— Предоставь это мне, — сказала девушка, похлопав себя ладонью по груди. — Но понадобится и твоя помощь. Ничего особенного, не беспокойся.

— Я сделаю всё, как ты просишь... — сказал он.

— Вот и хорошо! — она помахала ему рукой и помчалась в свою комнату в башне, мелькая пятками.

— ...всё, о чём только попросишь, Эмер, — сказал Тилвин ей вслед, когда она уже не могла его услышать.

Глава 12 (начало)

— Твоя жена присмирела? — спросил сэра Ламорак, он же — Бон, когда они с Годриком расположились в полдень в беседке, прихватив с собой холодного пива из погребов Дарема и солёное печенье.

Прежде чем ответить, Годрик взял из плоской корзины печенье, хитро свёрнутое узелком, и подставил кружку сэру Шаттле, который разливал пиво.

— Норовистых кобылиц усмиряют шпорами и плетью, — глубокомысленно сказал Годрик.

— Неужели ты бил её плетью! — изумился сэр Шаттле. Он был самым юным по сравнению с друзьями и самым доверчивым.

— Ну конечно, Шеймс, — подхватил сэр Ламорак, — ещё и шпорами ей засадил. Поглубже, — тут он покосился на Годрика, проверяя, как тот отнесётся к подобным словесным вольностям.

Но Годрик молчал, задумчиво уставившись в кусты жимолости, окружавшие беседку, и прихлёбывая пиво. Даже если бы у него было желание объяснить друзьям свои чувства и мысли, не справился бы. Ибо как объяснить, что с некоторых пор думаешь о жене не как о навязанном тебе странном существе, а как о соблазнительной женщине. Красивой и... желанной. И если разумом ты понимаешь, что не такой должна быть твоя подруга, то что-то в тебе самом отказывается подчиняться доводам разума и упрямо гнёт свою линию.

Пчёлы вовсю сновали над жёлтыми цветами жимолости, и Годрику подумалось, что эти юркие создания очень похожи на Эмер из Роренброка — больно жалят, но в хоботках скрывают мёд.

— Вот где вы укрылись, добрые сэры! — раздался голос, от которого все трое подскочили, как ужаленные. Что касается Годрика, он от неожиданности выплеснул пиво себе на котту и теперь с проклятьями смахивал капли с одежды.

В беседку вошла Эмер, держа на руках щенка. Собака была откровенно уродливая — коротконогая, с длинной мордой и вислыми ушами, но хозяйка Дарема смотрела на неё с любованием.

— Как вам нравится Флир? Посмотрите, какие у нее мощные челюсти и лапы! Эта сука далеко пойдёт, скажу я вам, — она присела на скамью рядом с Годриком, тот покосился в сторону жены, но ничего не сказал.

Добрые сэры Бон и Шеймс запоздало вскочили, приветствуя миледи, и она им милостиво кивнула.

— Я специально прослежу, как ее будут тренировать, — продолжала Эмер доверительно, тыча щенком чуть ли не в лицо Годрику и его друзьям. — Вот эти подпалины на морде говорят, что сука будет злой, как стая бешеных лисиц. Она чудесна, правда?

Флир зарычала и попыталась ухватить Годрика за палец, а потом замолотила хвостом, учуяв запах съестного.

— Убери псину, — попросил Годрик, — мы трапезничаем, если ты не заметила.

— О! Заметила, конечно же, — широко улыбнулась Эмер. — Что пьете? Готова поспорить, это брюн с каштанами. Пиво темное, пузырьки пены мелкие — точно, брюн и

кашганы.

— Вы хорошо разбираетесь в пиве, — вежливо сказал Бон.

— Не только в пиве, я и в винах разбираюсь, — весело махнула рукой Эмер. — Завяжите мне глаза — угадаю сорт винограда и год сбора. Это врожденное, — добавила она скромно.

Годрик громко фыркнул, показывая, насколько он верит подобным рассказам. Близость жены беспокоила его. Слишком живы были воспоминания о вчерашнем, когда она предстала перед ним полностью обнаженной, прикрытая лишь водопадом распущенных кудрей, похожая на мать всех женщин, которая, если верить преданиям, не носила одежды вовсе. А теперь она села совсем рядом, так что через одежду можно было ощутить тепло её тела, и это было совсем лишним.

— Если ты высказалась, то тебе пора вернуть суку на псарню, — сказал Годрик ровно, — отправиться на кухню и там щеголять знанием вин.

— На кухне справятся без меня, — беззаботно заверила его Эмер. — Слуги в Дареме понятливые, схватывают всё на лету — мне это очень нравится. Ещё бы и ты был со мной поласковее, муженёк! — она игриво ущипнула Годрика за ляжку, в аккурат за то самое место, куда не так давно ткнула вилкой.

— Эй, полегче! — прикрикнул он меняясь в лице.

— В самом деле, Годрик, пусть миледи посидит с нами, — встрял в разговор Шеймс, который разглядывал Эмер с нескрываемым любопытством, а она в свою очередь посылала ему игривые улыбки. — Хотите пива?

— Нет, — отказалась Эмер, — благородной девушке не пристало пить пиво. Лучше вино. Сейчас я распорядюсь принести. Эй, Леонора!

Из кустов жимолости немедленно вынырнула молчаливая горничная.

— Принеси бутылку солера, — велела Эмер, и служанка скрылась, как привидение.

— Ты их хорошо вышколила... — сказал Годрик.

Эмер склонила голову, благодаря его за похвалу.

— ... страшно представить, скольких зубов им это стоило, — закончил он, и Бон прыснул в рукав.

Но жена не ответила на подначки и миролюбиво похлопала Годрика по плечу:

— Не будем ссориться, муженёк. А вот и вино! Налей, Леонора.

Пригубив янтарный напиток из бокала, она прищелкнула языком и зажмурилась, смакуя:

— Божественный солер! Как будто солнце тебя поцеловало!

Годрик не удержался от колкости:

— Это шардоне, знаток вин. Солер пахнет розовыми лепестками, а у этого запах сладкой выпечки.

— Это — солер, — ответила ему жена, широко распахивая глаза. — Годрик, неужели ты совсем не разбираешься в винах?

— Я разбираюсь во всём, — заявил он, — так что не строй из себя умницу, всё равно не получится. Это — шардоне.

— Солер.

— Глупость любит настаивать, — заявил Годрик скептически.

Эмер поглядела на Бона и Шеймса, призывая их в свидетели:

— Может, рассудите нас? Раз Годрик упорствует в своем незнании?

— Легко, — заверил её Бон и пригубил вино, которое поднесла ему служанка. — Несомненно, это — шардоне.

Шеймс тоже попробовал и важно подтвердил: шардоне.

— Вы ошиблись, миледи, — сказал он сочувствующе.

— Что и требовалось доказать, — пробормотал Годрик.

— Какие вы тонкие ценители! — Эмер подбоченилась, держа заскулившую Флир под мышкой. — Но вы все ошибаетесь, и сейчас я вам это докажу.

— Каким же образом? — поинтересовался Годрик, зажёвывая ещё одно печенье.

— Леонора! Возьми три бокала и разлей в них шардоне, солер и либурнэ и принеси нам. А вы, добрые сэры, — она обернулась к рыцарям, — попробуйте угадать, в каком бокале какое вино. И только тогда я поверю, что вы разбираетесь в этом лучше меня.

— Детская придурь, — сказал Годрик, не поднимая глаз от столешницы.

— Пусть будет спор, — сказала Эмер. — Я утверждаю, Годрик Фламбар, что ты разбираешься в винах так же, как свинья в яблоках. Ты примешь мой вызов?

— С чего ради? — спросил он, поднимая глаза. — Мы так славно сидели здесь, пока не появилась ты...

— А что, Годрик! Это прекрасная возможность показать, насколько ты хорош! — поддержал хозяйку Дарема Шеймс. На самом деле, он был не слишком озабочен репутацией Годрика, как знатного винопроба, но невозможно было упустить случай попробовать редкие южные вина, которые подавали за столом лишь знатым лордам, к которым Шеймс не относился и едва ли имел шансы стать таковым.

— Что поставите на кон, миледи? — полюбопытствовал Бон.

— Желание, — мило улыбнулась она.

— И я даже знаю, чего ты попросишь, — саркастически сказал Годрик. — Нет, не пойдет.

— Боишься проиграть? — лукаво спросила Эмер. — Так я и думала, что ты лишь бравируешь.

— Не боюсь, — отрезал он.

— На самом деле, желание простое, — продолжала Эмер, глядя наивно, как юная девица на выданье. — Мне бы хотелось помогать тебе сегодня во время купания, — она зарделась и прикрылась на секунду рукавом, пряча смущение.

— Ты совсем стыд потеряла, — Годрик посмотрел на друзей, но те старались удержать усмешки и не спешили возмущаться бесстыдным поведением леди Фламбар.

— На самом деле, Годрик так стеснителен, — сказала Эмер доверчиво, обращаясь к Бону и Шеймсу, — что я до сих пор не разглядела, что же из себя представляет мой муж. Мы встречались лишь в темноте и наощупь.

— Го-одрик! — протянул Бон.

— Замолчишь ты или нет?! — возмутился сам виновник разговора. — Видно, тебе хватило трех глотков вина, чтобы опьянеть.

— Не наговаривай на меня, — попеняла ему Эмер. — Просто мытье, что ты так испугался? Или тебе есть, что скрывать?

— Тебе есть, что скрывать? — переспросил Годрика Бон, уже покатываясь со смеха. — Соглашайся! Или признай, что не разбираешься в вине!

— Просто признай правду, муженёк, — сладко напевала Эмер.

Шеймс тоже улыбался во весь рот, и Годрик вынужден был сдаться:

— Хорошо. Спор. Желание. Но только помощь при мытье! — он угрожающе выставил указательный палец в сторону жены.

— Клянусь! — она торжественно подняла ладонь, а потом почесала Флир под брюхом.

Принесли три бокала с вином, Эмер передала щенка служанке, и сняла шарф, чтобы завязать глаза Годрику.

— А вы, добрые сэры, не хотите проверить свои знания? — поддразнила она, затягивая узел.

Годрик заворчал, что она затянула повязку слишком туго.

— Какой неженка! — попеняла ему жена. — Совсем не туго, зато не сможешь подглядывать, врунишка и обманщик.

Бон, знай, похохатывал, наслаждаясь семейными разговорами, а Шеймс с готовностью согласился поучаствовать в споре.

— Предупреждаю! Желание! — кокетливо напомнила ему Эмер.

— Бойтесь за себя, миледи, — брякнул Шеймс.

— Эй! — одернул его Годрик. — У меня завязаны глаза, а не уши. Следи за языком, если не хочешь, чтобы я взял палку и сломал о твой хребет.

— Итак, приступаем, — Эмер взяла первый бокал и поднесла к губам Годрика. — Что это?

Он перехватил ее руку поверх, понюхал содержимое бокала, а потом осторожно пригубил, сделав всего лишь глоток.

— Тут и гадать нечего, — проворчал он, — это либурнэ. Оно самое сладкое и вовсе не крепкое. Вино для женщин, почти что сироп.

— Итак, этот бокал — либурнэ, — подытожила Эмер. — Леонора, ты принесла уголёк? Подай сюда.

Она начертила на столешнице три черты и возле первой выписала букву «Л».

— Теперь следующий, — на сей раз она взяла бокал с противоположного края, пытаясь запутать Годрика и последующих винопробов.

— Солер, — заявил Годрик, едва пригубив.

— Попробуй третий, — ворковала Эмер, делая отметку углём.

— Просто, чтобы убедиться в своей правоте, — сказал Годрик, пробуя из третьего бокала. — Разумеется, это шардоне.

— Чудесно, — развязав шарф, Эмер жестом пригласила присоединиться к пробам Шеймса. Тот охотно позволил завязать себе глаза и отпил из первого бокала почти треть.

— М-м-м... Сладкое, пахнет розами, это — солер.

— Это либурне, идиот, — сказал Годрик, сверившись с записями, сделанными Эмер.

— Оно пахнет розами, — запротестовал Шеймс. — Следующий!

В следующем он признал шардоне, а в третьем — либурне, чем вызвал гомерический хохот Бона и открытое презрение Годрика.

— Посмотрим, кто прав, — сказал Шеймс с вызовом, когда Эмер сняла ему повязку.

— А вы, добрый сэры? — спросила девушка у Бона. — Вы хотите попробовать?

— Согласен, миледи! Покажу этим глупцам, кто тут лучший знаток в питье, — похохатывая, он уселся на место Шеймса и терпеливо выждал, пока Эмер завяжет ему глаза. Либурне он признал вместе с Годриком, а шардоне — вместе с Шеймсом, в остальном же мнения друзей разошлись.

Они ещё препирались, когда появился Тилвин, доложить, что через полчаса будет

готова повозка в деревню кузнецов.

— Надеюсь, не слишком помешал веселью? — спросил он вежливо. — В Дареме какое-то радостное событие?

— Что бы ни было, тебя это не касается, — сказал Годрик, делая ему знак уйти.

Но Эмер схватила Тилвина за руку, заливаясь смехом:

— Они угадывают сорт вина, Тиль! Это так смешно!

Тилвин улыбнулся уголками губ, показывая, что очарован хозяйскими забавами.

— Хочешь тоже попробовать? — предложила Эмер и протянула ему первый бокал.

— Он не хочет, — возвысил голос Годрик.

Тилвин ответил с полупоклоном:

— Почему же? Я с удовольствием выполню просьбу госпожи.

Годрику оставалось только презрительно скривить губы, когда начальник стражи попробовал из каждого бокала.

— Ну, что скажешь? — спросила Эмер.

Тилвин помолчал, обдумывая ответ, а потом сказал:

— По-моему, оно всё одинаковое. И не очень хорошее, притом.

Годрик хмыкнул, а Бон опять покатился со смеху.

— Одинаковое! — еле выговорил он, вытирая ладонью набежавшие слёзы. — Вот уж, поистине, ответ служаки, никогда не пробовавшего ничего слаще медовухи!

Тилвин опустил ресницы, а Эмер с улыбкой оглядела трех мужчин за столом.

— Леонора! — позвала она. — Скажи-ка нам, в каком бокале какое вино?

Годрик, Бон и Шеймс заторопили служанку, которая неспешно выступила вперед, спрятав руки под передник.

— В первом — солер? — выпалил Шеймс.

— В первом — либурне, — поправил его Годрик.

— Во всех трех бокалах — сливовое вино с местного рынка, — сказала Леонора.

Воцарилась тишина, во время которой господа рыцари, исключая Тилвина, который поспешил удалиться, воззрились на Эмер.

— Во всех трех бокалах — сливянка? — первым обрел дар речи Бон.

— Да! — Эмер взяла у Леоноры щенка. — Никакие вы не ценители вкуса, добрые сэры. А просто спесивые мальчишки, путающие дешёвое вино с нектаром из южных земель. За каждым — желание, прошу помнить. Насчет вас, — она кивнула в сторону Бона и Шеймса, — я ещё подумаю. А с тебя, муженёк, хочу получить награду сегодня вечером. Надеюсь, Фламбары умеют держать слово?

Она помахала мужчинам рукой на прощанье и пошла по тропке между кустов жимолости, нежно воркуя с Флир и целуя её в нос.

— Мне одному хочется её убить? — спросил Бон.

— Это моё право, если помнишь, — сказал Годрик.

Шеймс вдруг расхохотался.

— Чего это ты? — спросил Годрик с подозрением.

— А мне она нравится, — сказал Шеймс, допивая из всех трех бокалов и заедая печеньем. — Признайте, что она изящно выставила нас дураками. Готов поклясться, всё это было подстроено. Умная женщина!

— Чересчур умная, — пробормотал Годрик, бросая взгляд вслед стройной фигурке с копной рыжих волос, блестевших на солнце почти так же, как начищенные медные щиты на

стенах Дарема.

Глава 12 (окончание)

Вечером хозяйская мыльня была хорошо протоплена, и Эмер явилась за выигрышем. Она ждала каких угодно хитростей со стороны мужа, но слуги пропустили ее без оговорок, и сам Годрик уже сидел на скамейке, стягивая сапоги.

— Ты только помогаешь, — возвестил он, когда Эмер переступила порог. — Подаешь скребок, простыню и стоишь на расстоянии пяти шагов.

— Какой пугливый, — Эмер надула губы, но послушно встала в сторонке.

Вокруг плавали клубы пара, поднимавшиеся от дубовой бочки, в которую слуги бросили оловянные плашки, нагретые на жаровне. Сквозь пар Годрик виделся, как медведь-оборотень — большой, широкоплечий, с вьющимися от влаги волосами. Искусно выкованная огромная ванна уже была наполнена горячей водой, и на поверхности плавали розовые лепестки.

— А кто помогал тебе мыться до меня? — спросила Эмер невинно, пробуя воду кончиками пальцев. Больше всего она боялась услышать про милovidных служанок, до которых были так охочи благородные господа

— Вообще-то, до тебя я предпочитал мыться в одиночестве, — сказал Годрик.

— Ну конечно... — пробормотала Эмер под нос и подошла к столу, на котором оставили корзину с порошком мыльного корня, притирания и масла, пучки душистых трав и кувшин с охлажденной водой и подогретым вином со специями.

— Мой оруженосец отлучился по делам, — сказал Годрик.

Хотя жена не требовала объяснений, он почувствовал необходимость высказаться:

— Обычно мне прислуживал он.

— Вот и отлично, — подхватила Эмер, несказанно довольная, что обошлось без служанок. Кто знает, может, Годрик и врал, только ей очень хотелось верить в эту ложь, и она безоговорочно поверила. Но дело затевалось не для того, чтобы проверять, целомудренным ли было поведение супруга до свадьбы, и Эмер перешла в наступление. — Раздевайся, — приказала она, наливая в высокий серебряный бокал вина и салютуя им. — Хочу получить обещанное.

Годрик медлил, и было понятно, что платить выигрыш ему не по душе.

— Или хочешь, чтобы я помогла тебе раздеться? — мурлыкнула Эмер, любуясь, как играют блики свечей на поверхности бокала.

— Упаси яркое пламя! — сразу же ответил муж.

Он стянул котту и бросил её на пол, стараясь не смотреть на жену. А Эмер смотрела. Смотрела вверх бокала, прижавшись губами к серебряному краю и забыв отпить. Вот на пол полетела рубашка, а Годрик взялся за поясной ремень, готовясь спустить штаны.

— Даже глаза не опустишь? — изумился он. — Поистине, ты — самая бесстыдная женщина, какую я только видел.

— Что же постыдного может быть в человеческом теле? — спросила Эмер. — Такими нас создало небо, и мы — не худшие его творения.

Философское изречение заставило Годрика задуматься.

— Может, ты и права, — сказал он, наконец, и распустил вязки на брэйлах.

Серебряный кубок дрогнул в руке, Эмер так и не отвернулась, только сердце застучало

быстро-быстро.

Всё же, её муж — самый красивый мужчина на свете. Наконец-то она смогла налюбоваться его красотой в полной мере — сильными ровными ногами, узкими бедрами и ягодицами, крепкими, как орешек. Мускулы так и играли под кожей, и несколько шрамов на руках и груди намекали на героическое прошлое. Воображение Эмер сразу нарисовало картины боевых сражений, рыцарских турниров, в которых участвовал Годрик, и душа ее застонала от близости счастья и от его недостижимости. Хотя, дело сдвинулось с мертвой точки. Сегодня он разделся перед ней, а завтра согласиться и на кое-что другое...

Годрик под конец прикинулся скромницей и в последний момент закрыл рукой то, что так притягивало взгляд Эмер. Девушке оставалось только разочарованно вздохнуть. Зато она заметила красное пятнышко в паху, слева. Тонкое и изогнутое, как распластавшаяся в полете птица, оно наполовину пряталось в тёмной поросли пониже живота. В первое мгновение в груди Эмер всё сжалось от страха — неужели, метка мятежников?! Но почти сразу она поняла, что ошиблась — это был не тайный знак, а всего лишь родимое пятно.

Муж забрался в ванну и блаженно вытянулся. Медная купель пришлась ему как раз по росту, как будто ковалась специально для него.

— Красивая вещь, — заметила Эмер, указывая на ванну. Ее прямо распирало от радости, что Годрик не причастен к заговору, и что она утрет нос заносчивому епископу, и заживет теперь без оглядки на тайного лорда.

— Я сам ее сделал, — похвалился Годрик, но заметил, как блестят глаза жены, и предостерегающе ткнул указательным пальцем. — Ты стоишь там, поняла? И нечего смотреть на меня, как на кусок орехового пирога. Все равно не съесть.

— А я бы не отказалась от такого сладкого кусочка, — сказала Эмер невинно.

— Не по зубам, — отрезал он.

— Фу, как грубо.

Но она так и не смогла заставить себя поменьше глазеть на купающегося мужа. Сквозь воду его тело виделось смутно. Эмер втайне подсадовала этому.

Несколько томительных минут в мыльне стояла тишина, нарушаемая только плеском воды и шипением углей в жаровне.

— Как ты на меня смотришь, — сказал вдруг Годрик, и девушка испуганно вскинула голову, застигнутая врасплох. — Я тебе и вправду настолько нравлюсь?

— Ничуть, — торопливо ответила Эмер, облизывая пересохшие губы.

Годрик заметил это и понимающе улыбнулся.

— Ну подойди, — разрешил он, — рассмотри меня поближе.

— Ты приглашаешь? — отшутилась она, а сердце сладко ёкнуло.

— Подойди, — сказал Годрик низким, волнующим голосом.

Эмер сделала бочком два шага, не зная, как себя вести и чего ожидать от мужа. Но он не двигался, положив руки на борта ванной.

— Ты странная, — сказал он, склонив голову к плечу, — когда я запрещаю подходить — рвешься вперед, а стоило разрешить — тут же испугалась.

— Не испугалась, просто...

— Просто?

— Просто подойду, — сказала Эмер и в самом деле подошла, встав у самого края.

Теперь Годрику пришлось смотреть на нее снизу вверх.

— Значит, никто не целовал тебя? — спросил он. — Только я?

У Эмер дух захватило от таких разговоров. Прежде, чем ответить, ей пришлось прокашляться.

— Ты глухой, что ли? — спросила она. — Или с памятью плохо? И в том, и в том случае — вот незадача. Я ничего не повторяю дважды.

— Тогда я правильно понял. Приятно быть первым.

Его взгляд повергал Эмер и в ужас, и в сладкий трепет. «Вот как это происходит, — думала она лихорадочно. — Небеса посылают безумие, и ты испытываешь восторг, пребывая безумным!».

— Наклонись ко мне, — попросил вдруг Годрик.

— Зачем?

— Сколько вопросов... Наклонись. Ты же хочешь еще раз меня поцеловать?

— Было бы неплохо, — сказала Эмер с бравадой, хотя перетрусилась сильнее, чем когда два года назад на нее выскочил из камышей секач. — Наклонилась. Что дальше?

Она и в самом деле склонилась над ванной и уже умирала от предвкушения. Неужели, поцелует, и сейчас закончится его спесь? И мечь не понадобится? Эмер от всей души пожелала, чтобы Годрик одумался. И... и поцеловал ее. Как тогда, под лестницей, в королевском замке.

— Ты вся дрожишь, — пожурил он ее мягко. — Всегда смелая, а со мной робеешь...

Его рука легла ей на затылок и властно притянула. Эмер воспротивилась — совсем чуть-чуть, для вида, только чтобы почувствовать силу мужа. Но он не принял ее сопротивления и заставил приблизиться настолько, что дыхание их смешалось.

— В каждом зрачке — по тысяче страхов, — сказал он медленно, глядя ей в глаза. — Что же ты за существо, девица из Роренброка?

Ответить Эмер не успела, да она и не смогла придумать, что следует отвечать — учитывая беседу Годрика заставляла чувствовать себя провинциалкой, неуклюжей долговязой деревенщиной. Но вот губы Годрика коснулись её губ, и мир утонул, словно в тумане. Остался только мужчина, ласково поглаживающий её волосы. Пальцы его путались в непокорных прядях, и Эмер даже застонала, наслаждаясь каждым прикосновением.

— Может, мне тоже раздеться? Примем ванну вдвоем?.. — шепнула она между поцелуями, когда он оторвался от нее, чтобы глотнуть воздуха.

Вместо ответа Годрик снова притянул ее к себе, целуя и принуждая приоткрыть губы. Эмер подчинилась, вся захваченная этими необыкновенными ощущениями. При королевском дворе девицы болтали напропалую, рассказывая, как целовались в полутемных коридорах с пылкими возлюбленными, но сейчас Эмер была уверена, что они все вралы. Она сама ни за что не смогла бы рассказать про сладость поцелуя. Об этом можно только слагать баллады, а она — ничуть не бард.

Несмело и в то же время нетерпеливо девушка коснулась мужниного плеча — гладкого и твердого, как речной камень. Не смогла сдержаться и скользнула ладонью по груди, и погладила, и скользнула ещё ниже...

Пальцы Годрика сжали её затылок, и Эмер добавила поцелую страсти, слегка укусив мужа за нижнюю губу. Она бы сделала и больше, удивляясь будто бы со стороны собственной развращенности, но в следующую секунду Годрик оторвал ее от себя и макнул в ванну по самую макушку, задержав под водой. Когда он отпустил Эмер, та судорожно дышала и отплевывалась, и сразу отбежала от ванны на указанные пять шагов.

— Тебе не понравилось? — спросил Годрик с издевкой. — Куда же ты, жена? А как же

«примем ванну вдвоем»?

— Ты — мелкий поганец, — объявила Эмер, хватая полотенце и вытирая лицо энергичными движениями, будто чистила лошадь скребницей.

— Вот мелким меня еще никто не называл, — продолжал упражняться в насмешках Годрик. — Может, мне в ответ назвать тебя коротышкой? Чего ты так себя шоркаешь? Боишься, от воды на коже появятся язвы? Я слышал, твои дикие сородичи в это верят.

Эмер тут же отбросила полотенце. Больше всего ей хотелось повторить с Годриком то, что он только что сделал с ней — окунуть пару раз, да еще сесть сверху, чтобы притопился основательно, но она сдержалась и даже не огрызнулась в ответ.

Не дождавшись от жены обид и проклятий, на что, собственно, и рассчитывал, Годрик заскучал. Жена села на скамейку и насупилась, как голодная белка. Смотреть на это было неинтересно.

— Подай салфетку, раз взялась помогать.

Эмер молча окунула кусок мягкого полотна в мятную воду и протянула ему. Он прикрыл лицо, чтобы было не так жарко. Если напрячь воображение, можно представить, что в мыльне больше никого нет.

Приглушенный звук колокола возвестил начало шестого часа по полудни. Эмер перекинула волосы со спины на грудь. Платье прилипло к потной спине, но снимать его, чтобы остаться в одной камизе, девушка не стала. Сегодня это не входило в ее планы. Проклятый Годрик не желает примирения? Что ж, тогда он получит войну.

В дверь мыльни тихонько постучали, и Эмер подошла открыть. Молоденькая служанка протянула через порог свежую простынь и низко поклонилась. В любое другое время Эмер осталась бы недовольна ее появлением, но приход служанки не был случайностью. Это был знак. Тилвин приготовился, и следует начинать забаву.

— Кто там? — спросил Годрик расслабленно.

— Служанка, простыни принесла, — ответила Эмер ровно.

Забрав выглаженную ткань, пахнущую травами, она нещадно её смяла, бросив на лавку, к верхней одежде Годрика. Пора. У нее даже ладони вспотели, и она привычно вытерла их о платье.

Муж, сам того не зная, сыграл ей на руку.

— Вода совсем остыла, — сказал он недовольно.

— Сейчас сделаю погорячее, — сладко ответила Эмер, захватывая каминными щипцами раскаленный камень из жаровни.

В последнее мгновение она замешкалась, понимая, что совершает дурной поступок, но Годрик предрешил свою судьбу, начав ворчать, что жена долго копается.

— В других делах ты куда как расторопна, — попенял он, — а здесь возишься. Правду говорят — маяк яркий, да башня пустая.

— Сейчас потороплюсь, — сказала Эмер сквозь зубы и бросила камень в ванну, прямо на живот Годрику.

Камень сердито зашипел, но мгновенно остыть не успел, и раздавшийся затем вопль почти оглушил девушку. Бдительности она не потеряла и одним прыжком оказалась у двери, с удовольствием наблюдая, как муж выскочил из ванны, ругаясь так изощренно, что любодорого было послушать.

— Зловредная ведьма! — орал он, держась за живот. — Ты сделала это нарочно!

— Совершенно неумышленно, Годрик, совершенно неумышленно, — завершила его

Эмер. — Позволь, помогу тебе...

И прежде, чем он успел сообразить, что она собирается сделать, Эмер окатила его колодезной водой из ковша.

На сей раз вопля не последовало. Годрик без слов бросился на жену, с явным намерением задать трёпку, но Эмер оказалась проворнее и выскочила из мыльни прежде, чем он успел её настичь. Она промчалась до лестницы и перемахнула через перила прямо в сад, чудом не зацепившись подолом о балюстраду. Улепетывая во все лопатки, девушке даже не было нужды оглядываться, чтобы понять, что Годрик мчится следом — он продирался через заросли жимолости с треском, словно лось во время гона, да еще и ругался при этом весьма некуртуазными выражениями.

Юные супруги миновали заросли жимолости, как две стрелы пролетели по прямым дорожкам между розовых изгородей и в три прыжка перескочили арочный мостик. Эмер сделала вид, что выдыхается и немного сбавила скорость, позволяя Годрику почти догнать себя, а когда он уже готовился схватить ее, резко свернула вправо и оказалась возле пруда, по берегу которого прогуливались леди Фледа, Остриуд и преподобная Мод в компании Тилвина и в сопровождении целой армии служанок и дам.

Визг девиц из свиты, а более всего — верещание Остриуд, согнали с ближайшего дерева стаю ворон. Преподобная Мод схватилась за сердце, а леди Фледа окаменела лицом. Полюбоваться на Тилвина Эмер не успела, потому что теперь и вправду нужно было спасаться бегством. Мало кто знал (а в Дареме никто не знал и вовсе), что девица из Роренброка могла обогнать двухлетнего жеребца в забеге на четыреста шагов. Теперь это умение пришлось весьма кстати, потому что Годрик, подстёгиваемый причитаниями настоятельницы и криками Остриуд, едва не догнал дражайшую супругу. Он почти поймал Эмер, коснувшись рукой развевающихся кудрей, но в последний момент девушке удалось ускользнуть. Не разбирая дороги, Эмер промчалась в башню, где находились ее комнаты, задрав чуть не до пояса платье, взлетела по ступенькам, ввалилась в комнату и успела задвинуть засов прежде, чем в дверь с той стороны ударился Годрик. От его кулаков дубовые доски заходила ходуном, но выдержали. Прижавшись к двери спиной, Эмер пыталась отдышаться после бешеной пробежки.

Удары резко прекратились, и Эмер затаилась. Годрик оставил попытки добраться до неё и решил уйти?

Но тут раздался его голос — клокочущий от плохо сдерживаемой ярости:

— Открой, ведьма!

— Чтобы ты выкинул меня из окна? — со смехом отозвалась Эмер, вытирая рукавом вспотевший лоб. — Да ни за что на свете!

— По-хорошему открой.

— Иди в мыльню.

Дверь выдержала ещё несколько ударов. Похоже, теперь в неё молотили не только кулаками, но и пятками.

— Можешь головой постучать, — посоветовала Эмер, взбивая мокрые кудри и закручивая их узлом, чтобы было попрохладнее.

— Ты об этом пожалеешь!

— Я уже жалею... — вздохнула она.

По ту сторону двери настороженно замолчали.

— ...жалею, что не смогла насладиться картиной, как ты бегал по саду без штанов,

звения бубенчиками, — закончила Эмер и уселась прямо на пол, с наслаждением вытягивая ноги. В её покоях ещё не было ни скамеек, ни стульев. — Ай-я-яй, что скажет преподобная настоятельница? А бедной Остриюдочке придется снова пить успокоительные капли.

— Ты мстишь мне, женщина?! — Годрик с новой силой приналёг на дверь, но дубовые доски стояли крепко.

— А ты думал, я спущу тебе насмешки? Какой же ты наивный, муженёк. Знай, что на каждую твою насмешку я одарю тебя вдвое.

— Не слишком ли жестокой была месть? Я-то не заставлял тебя бегать голой по саду.

— Так и я не заставляла. Ты сам решил пробежаться.

— Ладно, открой, — сказал он вдруг смущенно. — А то сейчас примчится леди Фледа, а у меня нет даже листа жимолости, чтобы прикрыться.

Что-то новое было в его голосе, и Эмер, поколебавшись, отодвинула засов. Она готовилась дать недюжинный отпор, если Годрик полезет драться, но он проскользнул в комнату, и вид у него был совсем не воинственным.

Его плащ, в котором он выпроводил жену в прошлый раз, висел за дверью. Годрик едва успел накинуть его на плечи, как в комнату ворвались леди Фледа и настоятельница Мод. Обе пылали праведным гневом и ждали объяснений. Тилвин тоже пришел с ними, но держался поодаль, даже не переступив порога.

— Как ты объяснишь это, Годрик?! — напустилась леди Фледа.

Настоятельница энергично закивала, поддерживая вопрос и возмущение, и пылко осенила себя знаком священного пламени.

— А что случилось? — спросил Годрик с такой спокойной невозмутимостью, что Эмер невольно прониклась уважением. Он еще и улыбался — вежливо, холодно, всем своим видом показывая, что его удивляют и утомляют подобные расспросы. Словно это не он бегал только что голый с проклятиями и воплями по саду.

— Ты еще спрашиваешь?! — настоятельница и леди Фледа переглянулись, и стало особенно заметно, насколько они похожи — тяжелыми подбородками, маленькими, глубоко посаженными глазами и выражением попранной добродетели на лицах.

Тилвин за их спинами закусил губу, скрывая усмешку, а Эмер робко вышла вперед, покаянно склонив голову.

— Простите, матушка, — сказала она и даже сложила на груди руки, как во время молитвы, — это целиком и полностью моя вина.

— Да, верно — её, — подхватил Годрик, похлопав Эмер по плечу.

— Ваша, дорогая невестка? — строго спросила леди Фледа.

Эмер понурилась и затеребила концы пояска:

— После внушения, которое вы мне устроили недавно... насчет того, что я веду себя чересчур развязно в собственной спальне... я решила исправиться. Но мой муж проявил... э-э... излишнюю пылкость сегодня, когда я прислуживала ему во время купания. Я отказала, напомнив ваши слова, милая матушка. Женщина должна быть скромна, сказала я, даже наедине с мужем. Но мой господин Годрик проявил... э-э... излишнюю настойчивость. Я пыталась уговорить его, напоминала о целомудрии и воздержанности, которые должны быть спутниками семейной жизни, но он...

— Ты что болтаешь? — спросил Годрик углом рта.

— Говорю чистую правду, — затараторила Эмер, — не буду же я лгать матушке? Так вот, супруг выказал настойчивость, я тоже проявила непреклонность и пожелала выйти из

мыльни. Но он бросился за мной вдогонку, даже не одевшись! Я закрыла глаза, матушка! Вот так! — она тут же шлёпнула ладони себе на глаза. — Вот так закрыла! Чтобы ничего не видеть! И побежала!.. Побежала изо всех сил, матушка!

— Как же ты бежала с закрытыми глазами, врушка? — не выдержал Годрик, но его слов уже никто не услышал.

— Возмутительно! — настоятельница принялась ахать и причитать на разные лады. — Многое можно списать на молодость лет, но не подобную распущенность!

— Думала, ты проявишь больше благоразумия, Годрик, — сказала леди Фледа ледяным голосом. — Я сразу поняла, что тебе пришлось по сердцу супруга, но не надо... выказывать свою любовь столь сильно и открыто. Помни, ум — молчит, кричит — глупость. И только глупец милуется с женой при всех.

— Пришлась по сердцу? — переспросил Годрик. — Это так вы меня понимаете, леди Фледа?

— Брось, муженек, — сказала Эмер застенчиво, — не пристало тебе говорить с матушкой неуважительно. Просто извинись и попроси великодушно забыть то, что мы сегодня видели в саду. Да по правде, не такое уж и зрелище — твои бубенчики... Ой! — она вытаращила глаза, зажав рот двумя руками.

Тилвин отвернулся, чтобы скрыть усмешку, а леди Фледа схватилась за сердце.

— Покаяние! Покаяние! Неслыханная распущенность! — снова заахала настоятельница, видимо, картина, которую она наблюдала, снова возникла в ее памяти во всех красочных подробностях.

— Яркое пламя! — простонал Годрик, отходя к окну, чтобы избавить себя от женского общества.

— Мы больше не будем, леди Фледа, — сказала Эмер детским голосом. — Не беспокойтесь, я поняла ваши наставления и прослежу, чтобы их понял и уяснил и мой муж.

— Очень на это надеюсь, дорогая невестка.

— Тысячу поклонов, чтобы замолить грех! — встряла настоятельница.

— Прослежу и за этим, преподобная тетушка, — сладко пропела Эмер.

Наконец, дамы удалились, и Эмер выскочила на лестницу, заверяя их, что немедленно займется воспитанием супруга и посылая воздушные поцелуи вслед.

Тилвин задержался.

— Не лучше ли тебе уйти с нами? — спросил он тихо, указывая взглядом в сторону Годрика, который глядел в окно, уперевшись лбом в верхнюю перекладину рамы.

— Останусь, — сказала Эмер так же тихо.

— Он зол на тебя...

— Это я зла на него. Не беспокойся, я ничуть не боюсь, да и он присмирел. Не находишь?

— Да уж, смирен, как ягненок, — Тилвин хмыкнул и тут же покосился в комнату — не услышал ли Годрик. — Твоя месть превзошла все ожидания. Такое в Дареме забудут нескоро.

— На то и расчет, — сказала Эмер, приняв отчаянно хитрый вид.

— Сэр Тюдда, вы сопровождаете нас? — послышался снизу недовольный голос леди Фледы, и Тилвин поспешил спуститься.

— Удачи и радости! — помахала ему Эмер на прощанье рукой, потом глубоко вздохнула и вошла в комнату.

— Славно позабавилась? — спросил Годрик, не поворачивая головы.

— Что заслужил — за все ответ

Получишь ты сполна, -

прочитала Эмер наизусть стихи из священной книги.

Она все еще не знала, как вести себя с мужем дальше. Но гнев его поутих, это было несомненно.

— Ты еще и Писание знаешь, маленькая деревенщина?

— И еще много чего, чтобы сбить с тебя спесь.

Годрик покосился в её сторону, и Эмер показалось, что он пытался сдержать улыбку.

— Отличный вид, — сказал он, указывая на реку, и продолжил: — Значит, решила объявить войну?

— Это ты воюешь со мной, а у меня не было такого желания.

— Ну да. Еще скажи, что история с вином была случайной. Что это, если не война? А? Эмер из Роренброка?

— Я никогда не начинаю войну, но никогда от неё не отказываюсь, — сказала она, дерзко выставив подбородок.

— Ого! Слова короля Гарольда Прекрасноволосого? — теперь Годрик рассмеялся по-настоящему.

Эмер не смогла противиться его обаянию и тоже широко улыбнулась. Яркое пламя! Чего бы она ни отдала, только бы он смеялся рядом с ней, а не над ней.

— Когда леди Фледа решила подарить тебе эти покои, я был против. А теперь думаю, что это — провидение небес. Полвека назад здесь жила моя бабка, леди...

— Только не надо опять про своих предков и их глупые обычаи! — быстро сказала Эмер. — Всё равно не поверю ни одному твоему слову!

— А сейчас я как раз и не шучу, — он улыбнулся, и гнев Эмер утих сам собой.

— Ладно, ври дальше, — сказала она, потеснив его от окошка, и тоже облокотилась о подоконник, любуясь окрестностями.

Как же славно жилось бы здесь, не будь Годрик такой высокомерной заразой. Эмер поймала себя, что думает о муже без обиды, и тут же попеняла мысленно собственному мягкосердечию. Она и вправду глупая деревенщина, если растаяла от пары добрых слов и нескольких улыбок.

— Здесь жила леди Бельфлёр, она вышла замуж за моего деда. Когда Дарем оборонялся против мятежного герцога Аскеля, дед был тяжело ранен. Начальник стражи, оставшись без командира, подумывал сдать крепость, но леди Бельфлёр назвала его трусом, надела латы мужа, запретила говорить простым воинам о его ранении и вышла на стены замка. Она обороняла Дарем под личиной лорда две недели и трижды участвовала атаках, гарцуя на дедовом коне и так ловко управляясь мечом, что никто не заподозрил подмены.

— Героическая женщина... — сказала Эмер благоговейно. — Я не слышала ничего подобного, и даже не представляла, что такое бывает в Эстландии.

— Что ты знаешь, глупая маленькая провинциалка? — добродушно ответил Годрик.

— Не такая уж я и маленькая, — ответила Эмер, раздумывая, стоит ли обижаться на «провинциалку». Оставив гордость, она спросила: — И чем закончилась история про леди-рыцаря?

— Не очень хорошо, — ответил Годрик. — Герцог вынужден был снять осаду, но когда мой дед очнулся, то пришел в ярость, узнав, что жена носила мужскую одежду, поправ заповеди церкви. Он устроил семейный суд — в орден Яркого Пламени жалобу не подал, побоялся огласки. Миледи получила наказание — была заперта в монастырь, а все, кто осмеливался рассказывать эту историю, должны были платить штраф или подвергнуться публичной порке.

— Какая несправедливость! — ахнула Эмер, уставившись на мужа широко распахнутыми глазами. — Вот она — мужская благодарность! А ведь она спасла замок!

— Ты такая забавная, когда возмущаешься, — сказал он, подперев голову кулаком.

— А ты такой противный, что хочется залепить тебе в нос, — грубо ответила Эмер. — И твой дед, наверняка, был таким же.

— Наверняка, — подхватил он ей в тон. — Но бабушка молилась святой Медане, и он смягчился.

— Святой Медане? — нахмурилась Эмер. — Той, в честь которой построен местный собор?

— Ты даже не знаешь, что святая Медана помогает в любви, — поддразнил Годрик. — Все девицы тайком бегают к её гробу, чтобы вымолить взаимную любовь. Вот и моей бабушке повезло. Она долго молилась, дед вернул ее из монастыря в Дарем, и они первым делом родили наследника.

— У тебя такие же желания? Я не против, если тебе интересно знать.

Годрик потянулся, и взглянул лениво, из-под ресниц, как только он один и умел.

— Мне пора. Матушкин цветник, наверное, уже убежал в девичью, сплетничать и обсуждать мою задницу. А тебе я советую поубавить воинственности. И не обольщайся. Если я поговорил с тобой с приязнью, это не значит, что ты останешься леди Дарем дольше, чем на полгода.

— Посмотрим, — пообещала ему Эмер.

— Посмотри в зеркало, — посоветовал Годрик.

Глава 13 (начало)

Ночью Годрик не пришел в спальню, а на следующее утро уехал в деревню кузнецов, никому ничего не сказав. Узнав об этом, Эмер с досадой стукнула себя кулаком по бедру. Сбежал! Сбежал, как заяц, от сплетен и пересудов. А ведь ей так хотелось насладиться мстостью. Но досадовала она недолго, решение приняла быстро, и уже за утренней трапезой приставала к свекрови, уговаривая ее поехать в мастерские.

— Ах, матушка, милая матушка, — напевала она в оба уха леди Фледе, — вы ведь обещали мне показать оружейные деревни. Почему бы это не сделать сейчас? — Эмер глядела с такой мольбой, что леди Фледа не смогла ей не уступить.

— Хорошо, — согласилась она после некоторых раздумий, — только надо проверить кухню, пивоварню и...

— Сестрица Остриюдочка со всем прекрасно справится, — заверила свекровь Эмер. — А на кухню ей и заходить не придется, я уже обо всем позаботилась. Давайте съездим сегодня в оружейные деревни, милая матушка...

— Нет уж! — воспротивилась Остриюд, с неудовольствием наблюдая за этой сценой. — Я тоже хочу поехать. Почему я должна работать, пока некоторые будут прохлаждаться?

По лицу леди Фледы невозможно было ничего прочесть, но строгость она напускала лишь для вида, а на самом деле была довольна, что невестка так рвется осмотреть мастерские и вникнуть в семейное дело. Она разрешила ехать и Остриюд, чем осталась недовольна Эмер. Зато золовка сияла, как сковорода, начищенная песочком.

В путь женщины собирались долго и основательно, Эмер изнывала от нетерпенья, ожидая, пока свекрови приготовят карету, пока будет уведомлен лекарь, собран провиант и выбраны сопровождающие.

— Можно подумать, мы собираемся ехать до самого Норсдейла, — проворчала Эмер, поверяясь Тилвину, который лично проверил карету и лошадиную сбрую.

По мнению Эмер, если бы запрягли жеребцов-двухлеток, то прибыли бы на место быстрее, но конюхи вывели двух смирных кобыл, сивых, как пепел.

— Что за клячи?! — простонала она. — Они умрут по дороге! В Дареме нет хороших жеребцов?

— Только не скажи такое перед леди Фледой, — посоветовал ей Тилвин, проверяя дышловые ремешки. — Она истолкует твои слова превратно.

— Превратно? — Эмер недоуменно нахмурилась и тут же расхохоталась. — Поняла, о чем ты. И правда, я сказал такую неприличность, что за нее мне снова назначили бы сто поклонов покаяния.

— Тысячу, — подсказал Тилвин.

— Поистине, ничего нельзя говорить не подумав...

— Леди Фледа считает, что рядом с женщиной должен быть только один мужчина, — продолжал Тилвин, бросив в сторону Эмер глубокий взгляд, которого она, впрочем, не заметила. — Поэтому, по ее мнению, благородной леди пристало ездить на лошадях, и даже к столу благородной дамы следует подавать куриц, а не каплунов или — упаси яркое пламя! — петухов.

— От этого у меня головная боль приключается, — простонала Эмер, сжимая пальцами

виски.

— Тише, идет леди Фледа.

— Наконец-то. Я думала, мы соберемся только к ночи.

Отправляясь в путешествие на два часа леди Фледа взяла теплый плащ и пожелала прихватить жаровню, пяльцы для вышивания и множество других бесполезных, по мнению Эмер, вещей. Следом за ней гордо вышагивала Остриуд, тащившая корзиночку со сладостями.

подавив вздох, Эмер забралась в карету за свекровью и золовкой. С большим удовольствием она предпочла бы проехаться на козлах или верхом, но побоялась, что леди Фледа сочтет это неприличным и чего доброго отменит поездку.

— Вас будут сопровождать десять человек, — сказал Тилвин, убирая внутрь лесенку, по которой только что поднялись женщины, старшим назначен Рено, он обо всем позаботится.

— Разве ты не поедешь с нами? — воскликнула Остриуд.

Эмер хотела спросить о том же, но вовремя удержалась.

— У меня дела, миледи Остриуд, — ответил Тилвин. — Не беспокойтесь, сэр Рено отлично выполнит возложенные на него обязанности.

— Я хочу, чтобы ты ехал, — не желала успокоиться девица. — Матушка, велите, чтобы сэр Тюдда...

— Сэр Тюдда останется, — сказала леди Фледа. — Ты же слышала? У него другие дела.

Остриуд поджала губы и, хотя явно хотела возразить, спорить с матерью не осмелилась.

К полудню караван выехал, наконец-то, за стены замка, но тут же Эмер испытала новое разочарование. Она не рассчитывала, что лошади помчат их, как ветер, но когда вереница осликов, на которых восседали сопровождающие дамы, неспешно потянулась по дороге от Дарема к горам, девушка готова была взвыть от нетерпения. Медленно, очень медленно, еще медленнее, чем медленно! Да к тому же не прошло и часа, как леди Фледа хватилась, что позабыла молитвослов. Караван тотчас остановился, и начались переговоры, кто поедет за книгой. Эмер оставалось только скрипнуть зубами. Как будто без никчемной книжки нельзя прожить день или два!

— Отправим кого-нибудь из рыцарей, он быстро обернется, — предложила она свекрови, когда та закончила отчитывать за несобранность свою помощницу.

Предложение не нашло отклика в сердце благородной дамы.

— Из рыцарей?! — леди Фледа пришла в ужас. — Нет! А вдруг на нас нападут, упаси яркое пламя? Я отправлю... леди Мурроу, — она указала на пожилую даму, восседавшую на старом, как мир, ослике.

— Только не ее! — воспротивилась Эмер с ужасом. Она представила, сколько этот ослик вместе со своей ношей будет добираться до замка и обратно — и ей заранее стало плохо. — Пошлите кого помоложе.

— Молодую женщину опасно отправлять в дальний путь одну, — наставительно сказала леди Фледа, а Остриуд услужливо закивала. — Отправится леди Мурроу, а мы тем временем разобьем лагерь.

— Какой лагерь? — Эмер даже руками всплеснула, чувствуя, что им уготовано заночевать в двух тысячах шагах от Дарема. — Да тут четверть часа туда и обратно. Я сама сбегаю.

И прежде, чем свекровь успела возразить, а золовка возмутиться, девушка распахнула дверцу кареты, прыгнула на землю, не дожидаясь, когда поставят лесенку, и побежала по направлению к Дарему, дела вид, что ничуть не слышит встревоженных криков за спиной.

Посмеиваясь, Эмер слышала, как в погоню за ней пустились рыцари, и дала волю ногам, свернув с большой дороги на боковую тропинку, чтобы срезать путь. Пусть гоняются за ней, сколько вздумается, все равно не догонят.

Оказавшись на воле после недель, проведенных в Дареме, вдали от строгой свекрови и бдительного ока служителей яркого пламени, Эмер чувствовала себя, как птица, вырвавшаяся из клетки. Подобрав подол платья совершенно неподобающим образом, хозяйка Дарема перепрыгивала через валежник, перескакивала ямы и была по-детски счастлива.

Но когда показались башни замка, Эмер привела наряд в надлежащий вид и убавила прыти, затрусив по тропинке как настоящая благовоспитанная леди. Слишком много глаз следили за ней, и много кто ждал, когда она оступится.

Пробегая дубовую рощу, Эмер невольно замедлила шаг. У ручья, привязанный к ветке, стоял конь Тилвина. Она видела, как на этом гнедом Тилвин выезжал за ворота замка, чтобы проверить гарнизоны, и любовалась и конем и всадником со стены. И вот теперь начальник стражи здесь? Какие у него могут быть дела вдали от людского жилья и сторожевых крепостей?

Словно в ответ, она сразу же увидела Тилвина. Он спускался от ручья в низину вместе с оруженосцем. И того и другого Эмер увидела со спины, а они ее не заметили. Тилвин шел впереди, придерживая ветки, как нетерпеливый влюбленный. «Прекрасная дама! — догадалась Эмер и разулыбалась, хотя никто не мог ее видеть, а улыбаться одной в пустынной роще — это было странно, как петля на вершине горы. — Так вот какие у тебя дела, братец Тиль! Что ж, удачи. И пусть тебе повезет больше, чем мне».

Она продолжила путь и благополучно вернулась из Дарема с молитвословом, заслужив щедрые упреки и скупую благодарность со стороны свекрови. Дамы смотрели неодобрительно, но Эмер сделала вид, что не замечает их взглядов. Зато они двинулись дальше, и разбивать лагерь не пришлось. Поставив локти на колени, Эмер смотрела в окно, с нетерпением дожидаясь, когда покажутся кузнечные деревни.

Но прежде деревень показалась река и горы нависли совсем близко — острые, как оскаленные драконьи зубы, изрытые канавами и штольнями. Люди вгрызались в землю почище любого дракона, и земля, хотя и щерилась угрожающе, ничего не могла поделать против этих настырных существ.

Потом река повернула и охватила широким изгибом остров, над которым вздымались столбы черного дыма. Глинобитная стена окружала остров по краю, узкие бойницы мгновенно ошетинились стрелами, когда караван приблизился.

Над воротами взметнулся желтый флаг — обитатели деревень спрашивали, кто приехал и с какой целью.

— Помогите мне выйти, — велела леди Фледа.

Дамы бросились поддерживать ее под локти и расправлять смятое платье. Эмер вышла следом, жадно втянув носом воздух, в котором ощущалась примесь угольной пыли, гари и... мерзлой земли и янтаря. Такой знакомый и волнительный запах...

— На той стороне — паром, — объяснила ей леди Фледа, беря ее под руку. — Но так просто его не вызвать. Только обладатель королевской печати может это сделать. Раньше печать хранилась у меня, но теперь...

— Хранится у Годрика! — вспомнила Эмер о свадебном подарке Её Величества. — Как же мы попадем в мастерские?

— Отправим письмо, — леди Фледа достала из поясной сумочки кусок пергамента, на

котором витиеватыми буквами были написаны ее титул, имя и стоял отпечаток печати — языки пламени, увенчанные королевской короной. — Пусть Годрик разрешит нам войти.

Она передала письмо леди Мурроу, та передала его леди Оуэн, та передала служанке, а та передала сэру Рено. Эмер следила за этими манипуляциями со всё возрастающим недоумением, а когда сэр Рено подошел к канатам парома и положил пергамент в корзину, от которой веревка тянулась на ту сторону реки, едва не спросила, почему леди Фледа сама не соизволила дойти до корзины.

Почтовая корзина поползла вдоль канатов и вскоре исчезла в деревне-крепости.

— Теперь ждем, — объявила леди Фледа, усаживаясь в складное креслице. Которое ей услужливо подставили.

Вопреки опасениям, ждать пришлось недолго. Ворота деревни кузнецов открылись, показались рыцари, вооруженные, как перед решающим сражением. Их было пятеро, и у двоих — луки с натянутой тетивой, а к ним уже приложены стрелы.

— Кого они опасаются? — спросила Эмер у свекрови.

Та взглянула, как будто невестка сказала удивительную глупость, и пояснила, понизив голос:

— Тех, кто может сотворить зло, захватив оружие из королевских мастерских. Представьте, какой это соблазн — в этих деревнях столько мечей, копий и кинжалов, что можно вооружить целую армию.

— Я не подумала об этом, матушка, — призналась Эмер. — Но зачем кому-то понадобится собирать армию в Эстландии? Разве у нас ожидается война? И королевского войска будет недостаточно?

— У Эстландии много врагов внутри королевства, а не снаружи, — многозначительно сказала леди Фледа.

«Мятежники!» — мелькнуло в мыслях Эмер, и настроение было испорчено. Опять мятежники, опять проклятый епископ и обязательство перед тайным лордом... Почему нельзя просто радоваться жизни? Утешало одно, что Годрик был осмотрен и теперь полностью оправдан в глазах Её Величества. Надо будет сказать об этом господину Ларгелю при встрече, сказать в лицо, чтобы не мнил...

Черный паром на той стороне медленно отчалил от противоположного берега, и Эмер разом позабыла и про епископа, и про королеву с ее советником.

— Мы возьмем только десять человек, — сказала леди Фледа, незачем тащить столько людей в деревню, там и так мало места. Я покажу вам склады...

— А где мой муж? — спросила Эмер напрямик.

— Полагаю, что в кузне. Хотите идти к нему?

— Желаю этого всем сердцем, — заверила свекровь Эмер.

Остриуд бросила на нее недовольный взгляд и надула губы. Наверное, посчитала, что Эмер снова ведет себя слишком неприлично для замужней дамы.

— Что ж, если таково ваше желание, давайте наведаемся в кузницы, — милостиво согласилась леди Фледа.

Эмер не могла дожидаться, когда паром переправит их через реку. Она первой, не дожидаясь помощи рыцарей, спрыгнула на берег и огляделась.

Глинобитная стена, казавшаяся по сравнению с Даремом, невысокой, по ближайшем рассмотрении выглядела внушительно. Угольный дым теперь ощущался сильнее, и Остриуд сразу закрыла нос платочком, жалуясь на смрад. Перед тем, как прибывших пропустили в

ворота, мужчин обыскали и велели сложить оружие. Дам не обыскивали, но спросили, нет ли при них магических предметов.

— Что вы, что вы, — добродушно пошутила Эмер, — кишки дракона, глаза жабы и яйца дикобразов остались в замке, — и была удостоена укоризненного взгляда свекрови.

Наконец, когда им разрешили войти, Эмер оказалась в самой удивительной деревне из всех, что ей приходилось посещать. Здесь не бродили по улицам козы и не сновали куры, дети играли маленькими кузнечными молотами, а женщины перетирали в ступках не зерно, а загадочные минералы. Все были крепкими, добротны и тепло одетыми, но с нездоровым цветом лица. На поясе у каждого обитателя болтался флакон из алебастра, и леди Фледа пояснила, что там находится лекарство, которое каждый житель деревни обязан принимать дважды в день.

— Работа с рудой не приносит здоровья, — сказала свекровь со вздохом. — Мой дорогой муж перед смертью кашлял, как старик, хотя был еще молод. Годрик настоял, чтобы все — и вилланы тоже — принимали снадобье, которое пьют кузнецы на востоке, и теперь умирают гораздо реже.

— Ах, какой умница Годрик, — пробормотала Эмер, а Острюд сморщила нос.

— Братик слишком добр, — сказала она. — Не обязательно тратить на простолюдинов ценное лекарство.

— Хороший мастер стоит дороже, — нравоучительно заметила леди Фледа. — А дети сейчас так долго взрослеют, что кажется — они никогда не наберутся мудрости.

Острюд фыркнула, а Эмер приняла этот камень в свой щит, но сменить тему не пожелала и спросила:

— Но если работа в кузнях столь вредна, почему бы не разрешать жителям переселяться месяца на четыре на равнину? Они бы подлечились и окрепли, и с новыми силами взялись за меха и молоты.

— Что вы! Как можно! — леди Фледа понизила голос. — Те, кто здесь родился, умирают здесь же. Невозможно допустить, чтобы тайны кузнечного дела вышли из-за этих стен!

— Вот как, — радости у Эмер поубавилось, и она новыми глазами взглянула на вилланов, оказавшихся на деле рабами. — Разве они довольны такой жизнью?

— Довольны? О чем вы, дорогая невестка? — леди Фледа посмотрела так же высокомерно, как пасынок. — Довольны — не довольны... Это — вилланы, их дело — служить королеве. А наше — проследить, чтобы они служили верно.

Эмер замолчала, имея на этот счет свое мнение.

Но вот впереди показались каменные дома, покрытые черепицей. Широкие трубы извергали клубы черного дыма пополам со снопами искр — настоящие логова дракона!

— Проводите нас к милорду, — приказала леди Фледа, и их подвели к одному из домов, на открытой двери которого танцевали отблески огня. Эмер от волнения задержала дыхание и перешагнула через порог.

Годрик был здесь. Стоял у наковальни, облаченный в старые, вымазанные угольной пылью штаны, кожаный фартук на голое тело и — подумать только! — щегольские сапоги из желтой кожи. Эмер остановилась, как вкопанная, жадно глядя на мужа. Он бил по наковальне, по желто-белому раскаленному куску металла, зажатому в клещи. Огонь, искры, клубы черного дыма — все это придавало ему нечеловеческий вид. Мускулы так и играли, перекатываясь под кожей, и движения были сильны и точны, как у настоящего кузнеца.

Таким, наверное, был праотец людей, созданный ярким пламенем в кузнечном горниле, и ставший первым кузнецом на земле. Годрик не заметил появления гостей, а Эмер не нашла в себе сил окликнуть его. Просто стояла и смотрела, и понимала, что до самой смерти влюблена в этого несговорчивого гордеца.

Любимое дело всегда приносит душевное успокоение.

Вроде бы и истина, но в этот раз с успокоением не ладилось. Мысли летели вразброс, подобно испуганным птицам, и не было полного сосредоточения, которое обычно наступало, стоило взять в руки кузнечный молот.

— Работай, — велел Годрик помощнику, который раздувал меха. — Умер, что ли?

Горячие угли, наковальня, полоска металла, зажата в клещи. Это будет нож. Кончик полоски отрублен наискось, чтобы получилось скошенное лезвие. Удары молота делают его всё тоньше, при каждом ударе металл вспыхивает. И эта вспышка — словно крик боли, только слышен он одному кузнецу. Но молот бьет металл снова и снова, потому что кузнец знает — только через боль можно придать куску рыхлой руды плотность, крепость и гибкость настоящего клинка. Такого, который перерубит толстый гвоздь и не сломается, если придется его согнуть. Только боль делает его крепче. И человека — тоже.

Искры летели веером, оставляя на фартуке крохотные пятна-подпалины. Левую руку, держащую клещи, защищала длинная рукавица, а правая рука уже привыкла терпеть ожоги.

Годрик методично стучал молотом, выравнивая клинок, потом клал его на угли, потом опять на наковальню. Следивший за его точными и крепкими движениями помощник втайне завидовал. Ему предстояло стать кузнецом еще года через три, если не больше.

Наковальня, горнило, наковальня, горнило...

Напрасно он надеялся на успокоение души. Ни душа, ни совесть не желали приходить в равновесие. Глядя в рыжие угли, Годрик подумал, что у его жены кудри такого же огненного цвета. Жена... Как странно и непривычно это звучит. И невозможно было предположить, что его женой окажется эта нелепая долговязая девица из диких земель.

Она предстала перед его мысленным взором подобно вспышке пламени. Как в спальне, когда они играли в карты — прикрытая лишь рыжими кудрями, водопадом сбегавшими на плечи и спину. И как в мильне, когда она целовала его страстно, самозабвенно, с откровенным бесстыдством. Бесстыдная, дерзкая, но такая...

Рука дрогнула, и Годрик досадливо прищелкнул языком, разглядывая испорченную работу. Слишком сильно ударил.

Клинок был отправлен в уголья, и Годрик мрачно уставился на него, глядя и не видя. С пугающей ясностью ему вспоминалась жена — она смотрела на него, и глаза блестели восторженно, а сама отакала и пылала от желания. Не скрывая их и не стыдясь. И даже не делая вид, что стыдится. Ни капли кокетства, куртуазности, словно раскрытая ладонь — видна целиком и без утайки. Прямодушная женщина и... опасная в своей прямодушности.

Снова наковальня, и в дело пошел молоток поменьше, чтобы исправить ошибку.

— Качай меха равномерно и сильно, — последовал новый приказ помощнику. — Иначе быстро устанешь.

Хлопья сажи летели, как черные мухи. Утерев лицо тыльной стороной ладони, Годрик снова принялся за клинок. Это будет совершенно новый нож, таких в Эстландии еще не делали. Южные кузнецы ревниво хранили свои секреты, но ему удалось их разгадать. Все просто — в середину закладывается стальная пластина, а с боков — железные. Металл

сплавляется, выравнивается, и получается самозатачивающееся оружие. Железные пластины со временем стираются, а стальная остается неизменной. Если ему всё удастся, клинки из мастерских Фламбаров превзойдут любое оружие.

И тогда он выкует меч, которому не будет равных. Меч, в котором будет его душа. И в этом мече его душа будет жить многие столетия. Так поступали великие кузнецы прошлого, и так и обретают бессмертие.

Перехватив клещи, Годрик отсек болванку и сунул её, раскаленную, в ведро с водой. Металл сердито зашипел, и Годрик снова вспомнил жену. Она, должно быть, страшно зла на него. Горячая, как кусок железа из горнила.

А ведь тогда, выставив ее за дверь спальни, он почти пожалел, что это сделал. Не нужно было выгонять. Она ведь его жена. И совсем глупышка. С какой надеждой она потянулась, когда он открыл двери, чтобы выкинуть плащ и платье. Наверное, подумала, что образумился и сейчас впустит её. Нехорошо... Очень плохо...

Но она заслужила. Дерзкая, недалекая, невоспитанная девчонка. И выходка в мыльне — вовсе не смешно. После этого дворня только что пальцами на него не показывала. Заставить пробежаться в чем мать родила перед благородными дамами и монахиней в придачу — это ли не верх наглости? Годрик не сдержался и хмыкнул. Но она заманила его в западню по всем правилам военной тактики. И цитировала ему Гарольда. Забавная... И сложена она дивно. Грудь, бедра — как будто согнутые металлические пластины. Линии чисты, но в них — упругая сила, которая вырвется наружу, если держать недостаточно крепко. Все точеное, тонко выкованное и отполированное. На ее теле блики от пламени свечи играли, как на хорошем клинке.

Он снова ударил слишком сильно и расплющил край лезвия окончательно. Отшвырнув в сердцах молоток, будто он был во всём виноват, Годрик прикрикнул на помощника:

— Быстрее работай! Кузня лентяев не любит!

И без того запыхавшийся парень принялся с удвоенным усердием тянуть ремни мехов.

Начать сначала. Всё начать сначала.

Переворошив угли, Годрик напился воды из деревянного ковшика. Вода была теплой, с привкусом сажи и пыли. Он поморщился и сплюнул, и увидел жену. Она стояла у входа, и глаза у нее сияли ярче углей в горниле. Еще ярче, чем когда она смотрела на него голого. За ее плечом стояли леди Фледа и Острюд, прикрывавшая рот платочком.

— Зачем ты здесь? — спросил Годрик недовольно. — Не подходи ближе, искра попадет на платье, вспыхнешь, как пучок соломы.

Сказал — и только потом понял, что заговорил с одной женой, словно бы не заметив мачехи и сестры. А все потому, что думал об этой несносной рыжей. Об этом пустобашенном маяке.

Леди Фледа попятилась, услышав его слова, но на жену предупреждение не подействовало.

— Это будет нож? — спросила она с придыханием, указывая на огненный кусок металла в клещах, которые держал Годрик.

— Угадала, — проворчал он. — А теперь идите отсюда, леди. Вам тут не место.

— Разрешите, я постою тут... немножечко... — в голосе дикой девицы послышались непривычные просительные нотки. Она обращалась сразу и к мужу, и к свекрови, но Годрику почему-то почудилось, что к нему одному.

— Я никому не помешаю... можно? Только посмотреть?..

— Неумная женщина, — буркнул Годрик и добавил: — Возьми плащ вон там. Накинь и можешь подойти, но не ближе, чем на пять шагов. Прибери волосы под капюшон.

Эмер беспрекословно послушалась, что тоже было странно. Сдернув с гвоздя кожаный плащ, она завернулась в него и старательно упрятала под капюшон кудри. Годрику оставалось только хмыкнуть над такой покорностью.

Он снова занялся, выглаживая клинок, а жена застыла поодаль, глядя ему в руки. Конечно же, долго молчать она не смогла.

— Можно мне попробовать? — спросила она почти шёпотом, и Годрик сразу не понял, чего она хочет, а когда понял, то расхохотался.

— Кузнечное дело — не для женских рук, — сказал он. — Тебе следует заняться кухней. Место женщины — на кухне.

— Позволь ударить всего разок? — и она так уморительно сложила ладони, поводя глазами из-под капюшона, что Годрик сдался.

— Один раз! — предостерег он, и она закивала торопливо и радостно. — Держи молоток, чтобы он ударял прямо, а не гранью. Бей изо всей силы, крепко, но чтобы удар не припечатывал, а отскакивал.

Он наблюдал за ней со смешанным чувством удивления и насмешки. Неужели, до такой степени хотела ему понравиться, что готова была марать руки и дышать сажей? Глупая и странная девица.

Но она примерилась очень серьезно, и глаза горели по-прежнему — как две звезды, и ударила. Ударила с неженской силой, так что Годрику оставалось только присвистнуть.

— Сильно ударила, — сказал он. — И повернула боком. Видишь? Осталась отметина, как полумесяц. Так нельзя, это портит сталь.

Он поймал себя на том, что разговаривает с ней почти дружески.

— Сейчас я выровняю, а ты бей снова. Я ударю раз, а ты два. Поняла?

Жена кивнула.

Годрик подобрал брошенный тяжелый молот и раскалил нож в углях.

Большой молот и маленький начали знакомую песню — знакомую для Годрика, и незнакомую, но сладостную для Эмер. Она не заметила, что нос ее покрылся потом, а платье запачкалось сажей, и вернулась на землю, только когда муж перехватил ее запястье, останавливая удар.

— Хватит, дальше я сам. А ты отдохни и умойся.

Нехотя отдав молоток, Эмер вышла из кузни и только сейчас поняла, как налилась тяжестью правая рука, и как нестерпимо хочется пить. Она пила долго и с наслаждением, а потом долго умывалась, плеская в разгоряченное лицо воду.

Глава 13 (окончание)

Годрик вышел из кузни таким же разгоряченным и перемазанным сажей, как Эмер. Помощник выскочил следом и схватил ковш, чтобы полить господину, но Эмер решительно оттеснила его в сторону.

— Я и сама справлюсь, — заявила она.

— Пойдем, нам надо посмотреть оружейный склад, — сказала леди Фледа, маня пальцем Остриуд. Дамы удалились, хотя Остриуд была раздосадована.

Пока Годрик умывался, у Эмер на языке крутились сотни вопросов, и едва муж взял полотенце, выпалила:

— Мне очень здесь нравится!

— Занятное место, — согласился Годрик.

— Волшебное место, — подхватила Эмер. — Разве не удивительно, что из простого куска руды получается смертоносное оружие? Такое прекрасное, убийственно-холодное? И чтобы его получить, надо раскалить мертвый камень добела, и сделать ему больно. Ведь он кричит при каждом ударе! Но без боли не достичь совершенства.

Она не знала, что сказала нечто столь созвучное мыслям мужа, что он насторожился, ожидая подвоха. Но Эмер с восторгом рассматривала готовые ножи и никаких каверз не затевала. В благодарность Годрик позволил себе проявить щедрость:

— Если тебе так здесь нравится, можешь приходить, когда захочешь.

— Ты разрешишь мне еще поковать? — спросила Эмер, задыхаясь от счастья.

— Нет.

Ответ был неожиданным, и Эмер удивленно захлопала глазами:

— Но почему? У меня неплохо получалось.

— Я позволил тебе удовлетворить прихоть, только и всего, — Годрик взял у слуги полотенце и промокнул лицо и плечи.

Эмер посмотрела на него исподлобья, но обидеться не смогла.

— А ты делаешь только ножи? Мечи ковать умеешь?

— Умею, — Годрик надел котту, подпоясался и накинул на плечи квестот.

— Ах, как бы мне хотелось взглянуть, как рождается меч! — Эмер просительно сложила руки, заглядывая мужу в глаза.

— Уговорила, покажу, — сказал Годрик, стараясь говорить небрежно, чтобы она не почувствовала, как тронули сердце ее речи, и добавил, совершенно неожиданно для самого себя: — Я собираюсь сделать меч, которому не будет равных во всей Эстландии.

— Заговоренный?! — прошептала Эмер, потому что от волнения пропал голос.

— Нет, — Годрик даже улыбнулся. — Я не владею колдовством. Но чтобы создавать несравненные вещи, магия не нужна. Достаточно простых человеческих знаний.

— Я должна буду это увидеть, Годрик Фламбар! — Эмер схватила его за руку и потрясла, подкрепляя слова. — Чего бы я только не отдала, чтобы у меня был настоящий меч!

— Меч? У женщины? Да ты спятила. И оставь меня, с чего ты вцепилась, как клещ? тут же отпустила его.

— Так-то лучше, — он напоказ отряхнул рукав котты и указал в сторону Остриуд,

понуру стоявшей в одиночестве на мосту. Мост был дощатый, с низкими, грубо сработанными перилами, зато на мощных сваях, потому что поток так и ревел, сбегая откуда-то с гор и устремляясь к даремской равнине. — Моя сестра скучает. Поговори с ней, пока леди Фледа не вернется. А мне надо проверить, готовы ли обозы в столицу.

— Хорошо, сделаю, как просишь, — милостиво кивнула Эмер, готовая простить ему любую колкость только за обещание показать, как куются мечи.

Она и в самом деле пошла в сторону золовки, хотя и без большой охоты, все еще пребывая мысленно в закопченной кузне, и слыша перестук молотов по горячему металлу.

Острюд дернулась, когда Эмер встала рядом, утвердив локти на перила.

— Я тебя не звала, — сказала она резко.

— Сама бы не пошла, — заверила ее Эмер, — но твой братец попросил тебя развлечь, а то ты свесилась носом до самой воды. Того и гляди — намочишь.

— Как всегда плоские шутки, — прошипела Острюд. — Такие же плоские, как и твое лицо!

— Зато у тебя не плоское, а острое и выдающееся, как вон та гора. Особенно нос.

— У меня красивый нос!

— Ага. Поэтому ты еще не замужем.

Удар был направлен метко, и Острюд взвилась:

— Ты отвратительная, вульгарная, как торговка рыбой! Только и умеешь, что вешаться на мужчин!

— Попридержи язык, — лениво сказала Эмер. Ссориться с золовкой ей не хотелось, но и слушать ее болтовню было особенно противно. Слишком прекрасные и волнительные чувства она сейчас пережила, чтобы разменивать их на ругачку с Острюд.

Но ту уже понесло по кочкам и без узды:

— С тобой разговаривают уважительно только потому, что ты жена брата! Даже Тилвин сказал, что таких невеж, как ты, он еще никогда не видел! И что ты больше похожа на мужчину, чем на женщину!

Эмер повернулась к золовке, оперевшись на перила:

— Ну и змея же ты, — сказала она, — Тиль никогда не сказал бы ничего подобного. Он даже о тебе плохого не говорит, хоть считает тебя избалованной глупой девчонкой.

— Ты лжешь! — взвизгнула Острюд.

— Не кричи, — осадила ее Эмер. — Вон там стоит леди Фледа, и она уже посматривает в нашу сторону. Помнишь, как Тилвин попросил тебя не устраивать представление? Теперь повторю его слова: ты не жонглер, поэтому веди себя, как прилично девице из благородной семьи.

— Он совсем не об этом! И ты лжешь, долговязая деревенщина, я ему дорога!

Смешно было видеть, как крохотная Острюд наступает на девицу выше себя на две головы, но смеяться Эмер не стала, потому что некая мысль осенила ее:

— Тебе нравится Тиль?! — она уставилась на золовку, как будто та призналась, что по ночам срывает звезды небесные и толчет их в ступе.

Острюд осеклась, а потом расплакалась от злости, чем выдала себя с головой.

— Не плачь, не плачь, глупышка, — Эмер почувствовала к золовке нечто вроде сочувствия. Нет, Острюд не стала ей приятнее, когда выяснилось, что она тоже испытывает вполне человеческие чувства, просто и сама Эмер в последнее время испытала и осознала, что значит безответная любовь, а потому не смогла остаться равнодушной.

— И не плачу! Что ты придумываешь? — всхлипнула Остриуд, размазывая по щекам слезы.

— Ну, не разводи сырость, — Эмер обняла золовку, но та вырвалась. — Только ты с ним поосторожней, — сочувственно посоветовала Эмер, вспомнив дубовую рощу. — Кто знает, может, у него уже есть дама сердца...

— Нет!

— Все-таки, не открывай ему душу первой. Если хочешь, я порасспрошу, как он к тебе относится?

— Не смей разговаривать с ним!

— Просто если признаешься, он не оценит твоих чувств, — Эмер так увлеклась советами, что не заметила состояния Остриуд, которая уже кипела от злости. — А так у тебя будет преимущество. Знаешь, как говорил король Гарольд: побеждает тот, кто умеет ждать. Вот и тебе надо проявить выдержку...

— Не смей так разговаривать со мной! — крикнула Остриуд и что было сил толкнула Эмер в грудь.

Не успев даже вскрикнуть, Эмер перекувырнулась через перильца и рухнула в водный поток. И сразу перестук молотов, скрип колес и ржание лошадей, визгливый голос золовки и крики угольщиков, возившихся возле ям сменились невнятным гулом, словно весь мир оказался где-то далеко, а сама Эмер очутилась в неведомой стране, одна-одинешенька.

Сквозь толщу воды она увидела силуэт Остриуд и возненавидела ее с новой силой. Девушка схватилась за голову, сообразив, что натворила. Маленькая дура! Если бы она не умела плавать, тут и пошла бы на дно, как камень, а этому подлому существу и в голову не придет позвать на помощь, а придет — будет ходить за помощью, как за смертью. Ну ладно, она заставит ее поволноваться!

Отплыв от моста подальше, Эмер всплыла, стараясь не шуметь. Едва она вынырнула, как мир снова обрел звуки. Остриуд визжала истошно и металась по мосту.

Выбравшись на берег, Эмер скрылась в зарослях тощих повилик, пытаясь отжать волосы, которые намкнув стали тяжелее свинца.

— Поори, поори, — сказала она Остриуд, хотя та не могла ее слышать. — Чем больше орешь, тем больше выпустишь жолчи, глядишь, и пойдешь...

А тем временем к мосту сбегались все, кому привелось находиться рядом. Первой подоспела леди Фледа в сопровождении дам.

— Она упала! Сама упала! Я тут ни при чем! — Остриуд билась в рыданиях, ее поддерживали под локти, а сама леди Фледа, бледная, как снег, свесилась через перила, глядя в воду.

Эмер не сдержалась и фыркнула, наблюдая это лицемерие. Не умеет она плавать, давно предстала бы перед ярким пламенем. И во всем заслуга милой Остриудочки, которая сейчас орет, как будто потеряла любимую сестру.

Но в следующее мгновение ей стало и не до смеха. По лестнице к реке, перепрыгивая через четыре ступеньки, бежал Годрик. Леди Фледа метнулась к пасынку с причитаниями, а сам пасынок... бросился в реку прямо с моста. Вытянув шею и приоткрыв рот, Эмер наблюдала за этим чудом, не веря глазам. Спесивый Годрик, так заботившийся об одежде и стряхивавший с кветота пылинки, сиганул в воду, только мелькнули желтые сапоги.

— Святые небеса, — произнесла Эмер, потрясенная до глубины души.

На мосту столпились дамы и оружейники, кто-то тащил крючья, чтобы искать упавшую

в реку благородную леди, а сама леди выползла из повилики и уселась на берегу, обхватив колени, и с удовольствием наблюдая, как дражайший супруг то появляется на поверхности реки, то снова исчезает. Золотую тесьму он потерял после третьего заплыва, и теперь выглядел весьма жалко, облепленный волосами, потерявшими всякую пышность.

В очередной раз набрав воздуха в легкие и изготовившись для очередного нырка, Годрик вскинул глаза и ушел на дно, как брошенный топор, увидев жену, спокойно сидящую на берегу.

Впрочем, он вынырнул почти сразу и в несколько гребков добрался до того места, где расположилась Эмер. Он выбрался из воды и подошел к жене, нависнув над ней с самым грозным видом. С котты и волос текло, а сапоги при каждом шаге издавали жалкий причмок.

— Ты — здесь? — спросил он грозно.

— Как видишь, — Эмер склонила к плечу голову, щурясь против солнца. — Вот, почти высохнуть успела.

— А почему не крикнула, когда я искал тебя?! — возмутился он.

— Я любовалась, — призналась она, — разве я могла остановить тебя, когда ты так красиво нырял... как тюлень, — она надула щеки и широко развела руки, как перед прыжком в воду.

— Замечательно, — процедил он сквозь зубы, убирая с лица мокрые пряди. — Ты заслужила хорошую порцию поросячьих пирожков.

— Чего?

— Поросячьих пирожков, — произнес он раздельно, скидывая и выкручивая квестот.

— Почему поросячьих?..

— Сейчас узнаешь.

Годрик бросился на нее молниеносно, Эмер не успела поднять руку, не то, что подняться.

Уложив жену животом на колени, он задрал ей подол и рывком приспустил нательные штаны, порвав вязки на поясе.

— А ну, отпусти меня! — завопила Эмер, брыкаясь, как норовистая кобылица.

Но Годрик прижал ее локтем и от души шлепнул ладонью пониже спины.

Эмер взвизгнула, но вырваться не сумела. Руки ее были свободны, но она только и могла, что щипаться и тыкать кулаком Годрика в ребра, на что он совсем не обращал внимания. Звонкие шлепки, которыми награждал ее муж были более унижительны, чем болезненны, и именно это приводило ее в бешенство.

Стоящие на мосту слышали вопли и поспешили к кустам повилики, но вдруг леди Фледа замерла, разглядев возню на берегу, и сделала знак остальным, приказывая остановиться.

— Нам лучше уйти, — сказала благородная дама, разглядев, чем занимается пасынок. — Не будем вмешиваться в их семейную жизнь.

Наказание было коротким, и закончив, Годрик скатил Эмер с колена, как куль с мукой. Она покатила по траве, но сразу же вскочила на ноги:

— Я тебя зарежу, Годрик Фламбар!

— Попытайся. Если хочешь, чтобы я тебя снова отшлепал.

Этого хватило, чтобы охладить пыл. Эмер подтягивала штаны, но из-за порванной вязки они совсем не держались на бедрах. В конце концов, она сняла их, делая вид, что ничуть не

стесняется Годрика, скомкала и сунула за пазуху. Муж следил за ней с непроницаемым выражением лица.

— Никогда не прощу тебе этих... этих... — щеки девушки горели.

— Поросячьих пирожков? — услужливо подсказал Годрик.

— Почему поросячьи-то? — крикнула Эмер.

— Потому что ты визжала, как свинка.

— Сам ты свинья!

Он смотрел на нее безо всякого выражения, а у Эмер так и сжимались кулаки, и взгляд был близок к тому, чтобы убивать молниями из зрачков.

Годрик первым нарушил молчание:

— Остриуд сказала, ты упала сама. Но это ведь неправда?

— С чего бы тебе интересоваться?

— Выпорю ее. Никто не смеет покушаться на мою жену безнаказанно.

Гнев схлынул, как по волшебству. Эмер покраснела, потом побледнела, а потом твердо произнесла:

— Сама упала.

Нет, Остриуд не стоила защиты, но выдать ее Эмер не смогла. С этого мужлана под маской благородного рыцаря станет выпороть сестру. И вовсе не потому, что была обижена Эмер, а потому, что была обижена его жена.

— Я тебе не верю. Ты не настолько неуклюжая, чтобы свалиться. Я накажу Остриуд.

— Упала сама! Если не слышишь, то делай, что вздумается, — в сердцах сказала Эмер и пошла к кузням, где ожидала леди Фледа, старательно смотрящая в другую сторону, и толпились дамы, рыцари и вилланы. Остриуд нигде не было видно, и Эмер была рада. Больше всего хотелось отлупить золовку самой, не дожидаясь ее братца.

— Мы немедленно возвращаемся, — сказала леди Фледа. — Но сначала переоденьтесь, в сундуке есть платье на смену. Видите, как предусмотрительна должна быть хозяйка?

— Вижу, — ответила Эмер с неприязнью. Радость от посещения мастерских, куда она рвалась с таким нетерпением, была испорчена окончательно.

Дорога обратно в Дарем прошла в тягостном молчании.

Леди Фледа молча наблюдала за девушками — за дочерью и невесткой, которые мрачно смотрели в разные окна. Возле самого замка их обогнал Годрик, верхом на великолепном сером жеребце. Эмер тут же отвернулась, ставившись на носки туфель.

Вечером, после трапезы, когда Эмер пришла пожелать свекрови спокойной ночи, леди Фледа взяла ее под руку.

— Давайте прогуляемся, невестка, — сказала она, и Эмер покорно поплелась рядом.

Подвассальные дамы двинулись за ними, но леди Фледа приказала оставаться на месте.

«Сейчас будет очередной урок на тему, как надо вести себя хозяйке Дарема», — злилась Эмер, следуя за свекровкой. Когда леди Фледа отворачивалась, она обрывала с кустов бутоны, будто они были в чем-то виноваты.

Возле памятной беседки леди Фледа остановилась, глядя на пруд, поверхность которого казалась зеркалом и с четкостью до последнего листочка отражала склонившиеся над водой деревья.

— Ты такая счастливая, Эмер, — сказала вдруг леди Фледа, — и я безумно тебе завидую.

Девушке понадобилось время, чтобы придти в себя от изумления.

— С чего вы так решили? — пробормотала она, наконец.

— Тебя любит муж, — сказала леди Фледа и посмотрела ей прямо в глаза.

Эмер вспыхнула:

— Любит?! Да теперь вы точно говорите, как безумная.

— Конечно, любит. Я никогда еще не видела Годрика таким испуганным, как сегодня, когда он услышал, что ты упала в реку. Никогда, — она снова задумчиво перевела взгляд в сторону пруда.

— Испугался, что надо будет отвечать перед королевой, если я утону, — грубо сказала Эмер.

— Это вряд ли.

— Вы просто защищаете его.

— Я просто тебе завидую, — свекровь обернулась к Эмер и пылко взяла за руку. — Ты не представляешь, какое это счастье, когда муж любит тебя. Ты еще молода, тебе всего кажется мало. Жизнь оказалась благосклонной к тебе, и ты еще не познала разочарований, но если так продолжишь, то потеряешь Годрика.

— Потеряю?! Да он...

— Дай мне договорить. Когда я вышла замуж, я была старше тебя, и у меня уже не было иллюзий о семейной жизни. Отец Годрика меня не любил, что тут скрывать? Но я молчала и терпела. Только один раз я осмелилась высказать недовольство, когда он завел себе любовницу. Я сказала, что не потерплю измен. И знаешь, что он ответил?

— Что? — спросила Эмер, запинаясь. От подобных неожиданных откровений ей стало не по себе.

— Он ударил меня. Дал пощечину. И сказал знать свое место.

— Такой же мерзкий, как и его сыночек, — пробормотала Эмер, но свекровь услышала.

— Годрик не такой. Снаружи он холоден, как кованая сталь, но сердце у него горячее, как угли в горниле. Его отец был не очень добр ни с ним, ни со мной. А мачеха — она и есть мачеха, и никогда не заменит мать, поэтому мой пасынок предпочитает прятать чувства. Мужчины считают слабостью проявлять их. Но Годрик — добрый, он никогда не ударит тебя, даже если будешь виновата.

— Он меня отшлепал! Как ребенка!

— Отшлепал! Какое горе! — свекровь засмеялась и смеялась, пока не потекли слезы. Она достала из поясной сумочки платок и аккуратно промокнула глаза. — Да я была бы на небесах, вздумай муж меня отшлепать.

— Леди Фледа! — ахнула Эмер.

— Ты не ослышалась, — сказала свекровь, убирая платочек. — Но мой покойный супруг предпочитал плетку, а это вовсе не волнительно. А Годрик... неужели ты не понимаешь, что такое поведение — это от страха за тебя. Ты заставила его выказать слабость перед нашими людьми... И не в первый раз, замечу тебе. Мужчины считают себя униженными, если их заставляют проявить слабость прилюдно. Годрик был сердит на тебя. И я прекрасно его понимаю. Ты сыграла злую шутку, я сама бы тебя отшлепала.

Потрепав Эмер по щеке, свекровь пошла в обход озера.

— Думаете, я нравлюсь Годрику? — спросила Эмер с надеждой, догоняя леди Фледу и стараясь делать шаги поменьше, чтобы идти с ней вровень.

— Думаю ли я? — свекровь вскинула брови. — Разве он не доказал этого с самого первого дня? Я замечала, как он разговаривал с леди Дезире, с ней он был, как каменная

статуя, а с тобой... С тобой он ведет себя, как живой человек. И я очень этому рада. Разве он не доказал тебе свою любовь в алькове? Любой заметит, что между вами особые отношения...

— Особые! — с досадой произнесла Эмер, ударяя кулаком по ладони. — Вы ошибаетесь, дорогая матушка. Он хочет развестись со мной через полгода, и только об этом и говорит.

— Развестись?! — от прежнего умиротворения леди Фледы не осталось и следа, она резко обернулась. — Что это значит?

— Он хочет развестись. Сам так сказал.

— Что за мальчишеские глупости? Никто не позволит ему этого сделать.

— Он тверд в намерениях, — уныло подтвердила Эмер. Признаться в том, что Годрик оставил ее нетронутой, она не смогла даже теперь, когда свекровь встала на ее сторону и рассказала столько потаенного из собственной жизни.

— Уверена, это просто слова. Не грусти, — леди Фледа потрепала ее по щеке. — Все образуется.

— Как же мне поступить, дорогая матушка?

— Терпение и нежность, только терпение и только нежность. Помолись святой Медане, она помогает в любви.

— Святая Медана... конечно... — шепотом ответила Эмер.

Они простились у искусственного водопада, высотой в три локтя. Леди Фледа осталась дожидаться благородных дам, которые увидели, что хозяйка закончила разговор, и затрусили к ней — исполнять возложенные на них благородные обязанности. А Эмер побрела к замку, размышляя над словами свекрови. Перед сном она завернула в башню, в свои покои, но сделала это не столько для того, чтобы их проверить, сколько для того, чтобы сбежать от приставленных девиц. Они не успели догнать ее, застряв где-то на середине Большой лестницы, ведущей на стену, и Эмер благополучно скрылась в башне.

Солнце бросило последний луч через небосвод, и исчезло за кромкой далеких гор. Со вздохом закрыв ставни, Эмер наощупь нашла двери и стала спускаться. Возле статуи небесного вестника она остановилась, но не для того, чтобы помолиться, а потому что услышала голос золовки. Остриуд говорила по-обыкновенно плаксиво, а вот с кем — слышно не было. Но слова острячки Эмер разобрала хорошо:

— Я не хотела этого! Не хотела ее толкать!..

Раздался звук пощечины, и Остриуд заплакала уже навзрыд.

Годрик! Эмер расвирепела, как десяток драконов, заставших в своей пещере отряд рыцарей с мечами наголо. Она бросилась вперед, но увидела только удаляющийся высокий силуэт. На мгновение он мелькнул в дверном проеме, освещенный светом лампы, и исчез. Зато Остриуд никуда не исчезла, стояла и плакала, прикрыв лицо ладонью.

— Он тебя ударил? Дай посмотрю! — Эмер дернула ее за руку. Пощечина оказалась достаточно сильной, на пухлой щеке отпечатались четыре пальца. — Надо приложить лед, так будет не больно и пройдет быстрее...

Но Остриуд вырвалась, глядя с ненавистью, словно это Эмер ее ударила.

— Не подходи ко мне, ведьма! — крикнула Остриуд, срывая голос. — Лучше бы ты утонула! И почему ты не утонула?.. Я обо всем расскажу епископу Ларгелю!

Эмер остановилась, в то время как Остриуд побежала прочь, путаясь в подоле. День начался неудачно, а закончился еще хуже. Она пожалуется Ларгелю. Маленькая дрянь. А она

еще жалела ее. Эмер припомнились рассказы про способ, который изобрел епископ, определяя, колдун перед ним или невиновный человек. Вдруг он решит, что раз она не утонула, то непременно — ведьма? И что делать, если он так решит?..

Глава 14 (начало)

И все же разговор с леди Фледой не прошел даром.

На следующий день, узнав, что Годрик еще на рассвете отбыл в деревню кузнецов, Эмер решила попросить святую Медану помочь в любви. Дома Эмер была не слишком-то религиозна, и всеми правдами-неправдами старалась улизнуть с воскресной службы, но когда дело коснулось неуступчивого Годрика, обнадеженная словами свекрови Эмер сразу уверовала и готова была горячо молиться. Она даже пообещала небесам тысячу поклонов, чтобы муж переменил холодность на милость.

Избавившись от горничных и проводив свекровь отдыхать после полудня, Эмер приступила к выполнению обета. Но ее сразу же постигла неудача. Двери собора были заперты, а перед входом стояли двое послушников — высоких и широкоплечих, с необыкновенно тупыми лицами. Они преградили дорогу и сказали, что церковь закрыта по особому распоряжению епископа.

— Вы не поняли? Я — хозяйка Дарема, — вспыхнула Эмер. — Это мой замок и мой собор! Немедленно откройте!

— Сожалее, миледи, — ответил ей старший из послушников, не выказав ни страха, ни сомнений. — Церковь находится в ведении епископа, и я подчиняюсь только ему.

— Чурбан! — пробормотала Эмер, после того, как потратила четверть часа и поняла, что бессильна. Она удалилась, собрав остатки благородного достоинства, и злясь на пустоголовых фанатиков, которых по недоразумению пропустили в замок.

Чтобы успокоить вскипевшую кровь, Эмер вышла на замковую стену, но сегодня вместо Тилвина обход совершал сэр Рено, и поболтать с начальником стражи ей не удалось. Стало совсем грустно, и она занялась тем, что швыряла камни, стараясь попасть по медным щитам.

Колокол в соборе пробил два часа по полудни, и взгляд Эмер скользнул по стене собора, мимо бойниц в церковной башне. И тут же камни и щиты были забыты. Если ее не пускают через главный вход в собор, то никто не помешает перелезть через стену, пройти по карнизу, залезть в бойницу и... помолиться вдосталь. Несомненно, святая Медана оценит такое усердие и поможет охотнее.

Придуманно — сделано. Эмер огляделась, убедившись, что нет свидетелей ее религиозному рвению, подобрала юбки и в мгновение ока перемахнула стену. Балансируя и стараясь не смотреть вниз, девушка мелкими шажками двинулась по кирпичному карнизу. Кирпичи карниза были шириной в две ладони — как раз поставить ногу на носок. Благополучно добравшись до окна, Эмер вскарабкалась на подоконник и спрыгнула внутрь.

После света и жары снаружи, в соборе было прохладно и сумрачно. Эмер немного постояла, привыкая к полумраку, и хотела пройти до алтаря, но тут же спряталась за колонну, стараясь дышать тише и реже. Потому что у алтаря застыла долговязая фигура епископа Ларгеля.

«Яркое пламя! Только бы не заметил!» — горячо взмолилась Эмер и на цыпочках двинулась к окну, чтобы убраться вон тем же путем, что пришла. Но не успела она сделать и трёх шагов, как странные звуки остановили её, и она оглянулась, потрясённая.

Ларгель Азо плакал. Жестокий епископ, отправивший на тот свет сотни колдунов, ведьм, упырей и невинных мужчин и женщин (а Эмер была уверена, что большинство из них

были невиновны, потому как не может Эстландия вся кишеть нечистью и еретиками), сейчас плакал, как самый обычный человек.

Он встал на колени, прислонившись головой к изножью саркофага с мощами святой Меданы, и под куполом собора раздавались, преумноженные эхом, его рыдания, которые он с трудом пытался сдерживать.

Эмер с ужасом и брезгливостью смотрела, как жестокий Ларгель тычется лицом в золотую ковку и драгоценные камни, и рукавом утирает слезы, и закусывает руку в перчатке, в порыве бессильного отчаяния. Вдруг он вскочил и принялся пылко целовать крышку саркофага, прижимаясь к ней, оглаживая, и поднимаясь от изножья выше и выше. Это было так страстно, так потаённо и... так походило на действия любовника у постели возлюбленной, что Эмер снова спряталась за колонну, не находя сил уйти, но и не имея сил смотреть дальше.

Значит, и у епископа, давшего слово хранить телесное целомудрие, есть греховные тайны? Зачем ему молиться святой, которая помогает в любви? Неужели он влюблен и молит, чтобы возлюбленная ответила взаимностью? Но это ведь — самый страшный грех, который яркое пламя не простит.

— Кто это здесь? — раздался страшный приглушенный голос возле самого ее уха.

Эмер испуганно пискнула, застигнутая врасплох. Рядом с ней стоял Ларгель Азо и взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— Умеете же вы подкрадываться незаметно, — сказала Эмер, дрогнув.

— Да и вы в этом преуспели, леди Шпионка, — ответил епископ. — Разве вам не сказали, что в этот час вход в церковь закрыт?

— Это моя церковь, прихожу сюда, когда вздумается...

— Это моя церковь. И я запрещаю вам нарушать мои распоряжения. Подумайте на досуге своей хорошенькой головкой, — он совершенно неуважительно ткнул ее в лоб, отчего голова Эмер мотнулась, и девушка ударилась затылком о колонну, — подумайте, что здесь вы все в моей власти. Я искореню все грехи под этими сводами

— Лучше подумайте, как замолить собственные грехи, — отрезала Эмер, потирая затылок. — О чем вы просили святую Медану? Чтобы позволила вам познать понравившуюся ведьму прежде, чем приговорите ее к сожжению?

В следующую секунду она лежала спиной на подоконнике, с которого только что спрыгнула, а Ларгель держал ее за горло мертвой хваткой, медленно, но неумолимо выталкивая из окна. Эмер вцепилась в крепкие пальцы, пытаясь освободиться, перед глазами от недостатка воздуха поплыли радужные круги.

— Вы видели слишком много, леди Фламбар, — по-змеиному зашипел епископ. — Слишком много, чтобы позволить вам и дальше болтать. Что может помешать мне выкинуть вас из этого окна? Там внизу камни, они примут вашу пустую рыжую головку в свои холодные объятия... Немного крови, немного сожалений, и вы займете достойное место в склепе этого собора. Вам нравится такой исход?

Он еще поднажал, и ноги Эмер оторвались от пола, а сама она вцепилась в сутану епископа.

— Не сделаете этого... — прохрипела Эмер.

— Что же может мне помешать? — повторил Ларгель, и в глубине его зрачков вспыхнули алые огоньки.

— Желали бы сбросить — уже бы сбросили...

Хватка на горле тут же ослабла, и девушка, отчаянно кашляя, сползла на пол, вжимаясь в стену.

Епископ стоял перед ней — высокий, худой, как аскет, в черной сутане, делающей его еще тоньше и выше.

— Итак, что вы здесь делали? — спросил он. — Шпионили уже за мной?

— Пришла помолиться.

— Какая необыкновенная набожность. Не замечал в вас раньше такого рвения. Зачем вы лжете?

— Я не лгу. А вы не смеете вести себя так со мной, — тихо сказала Эмер, — я — хозяйка Дарема, и я выполнила приказ тайного лорда.

— Вы его еще не выполнили.

Он наклонился, и Эмер, ощутив знакомую боль, охватившую ладонь, почти закричала:

— Довольно! Довольно! Я все сделала, у него нет клейма!

Боль сразу утихла, и епископ отошел на несколько шагов. Встал у окна и подпер рукой в черной перчатке подбородок.

— Продолжайте, леди Фламбар.

— У него нет клейма мятежника, — торопливо заговорила Эмер. — Вообще ничего, только родимое пятно в паху, слева, в виде летящей чайки.

— Вы говорите правду?

— Проверьте сами, если не верите.

Ларгель хмыкнул:

— Изволите дерзить?

— Вы узнали, что вам нужно. Годрик — не предатель. Теперь дайте нам жить спокойно. Вы же не хотите... — она медленно подняла взгляд на Ларгеля, — чтобы в Дареме узнали о вашей страсти?

Но Ларгель достойно принял удар, даже не изменившись в лице.

— Вы не только шпионка, но и шантажистка? — спросил он нарочито учтиво. — Решили запугать меня? Меня — который не боялся десятка упырей, жаждущих человеческой крови? О чем вы думали, когда произносили такую крамолу?

— О счастье, — твердо сказала Эмер. — О счастье моем и моего мужа.

— Значит, милорд Саби был прав. Фламбар вам так дорог?

— Он мой муж.

— Какой уклончивый ответ, — епископ задумчиво теребил подбородок, разглядывая Эмер, все еще сидевшую на полу. — Но если он вам так дорог, что вы решились угрожать Ларгелю Азо, подумайте, что будет, намекни я вашему супругу, что он женился на шпионке, которая должна была раздеть его, и которой пообещали Дарем, если она найдет подтверждение его связи с мятежниками?

Эмер не отвела глаз, хотя грудь сковал ледяной страх. Что будет? Да уж точно не похвалит.

— Вы испугались, — правильно истолковал ее молчание епископ. — Поэтому лучше бы вам закрыть рот и перестать болтать о том, чего не понимаете.

— Можете спать спокойно, я уже обо всем забыла.

— Надеюсь на это.

Эмер встала, хотя ноги отчаянно дрожали, и принялась поправлять платье, смятое во время борьбы. Епископ следил за ней внимательно, хотя без особого интереса.

— Можете выйти как полагается всем добрым людям, не через окно, — любезно предложил он.

Поразмыслив, Эмер решила, что разумнее будет согласиться.

У самого порога, когда епископ открывал тяжелые двустворчатые двери, запертые изнутри, девушка не сдержалась и сказала:

— Признайте, что я справилась со своим заданием, и не смейте запугивать меня больше.

— Я и не запугиваю, леди Фламбар.

— А очень на это похоже, — дерзко ответила Эмер. Она уже пришла в себя, и к ней вернулась обычная бравада.

И тут Ларгель Азо улыбнулся. Улыбка получилась кривая, скорее — ухмылка, а не улыбка, и от нее стало жутко. Улыбка епископа была куда страшнее его гнева.

— Вы просто не догадываетесь, что значит «запугивать», — сказал Ларгель Азо на прощанье, толкая Эмер в спину, выпроваживая вон.

Послушники, стоявшие на страже, раскрыли рты, не понимая, как леди оказалась в соборе без их ведома, но Эмер приняла гордый вид и прошла, как мимо пустого места. Пусть пораскинут мозгами, если есть, чем раскидывать.

Но на этом унижительные встречи не закончились. Небеса решили послать испытаний щедрой горстью, и завернув за угол, Эмер столкнулась с Годриком. Она больно ткнулась носом ему в грудь, но даже не успела заворчать.

— Что у тебя за вид? — изумился он. — Ты лохматая, как вилланка. Моя жена не должна выглядеть неподобающе.

Не дожидаясь ответа, он пошел по коридору, а Эмер потрусилась за ним, на ходу доставая зеркальце из поясной сумочки.

— Почему ты не в мастерских? Я хотел поехать туда после обеда. Почему вернулся так рано?

— Кое-какие дела.

— Что-то случилось?

— Ничего важного.

— Можно мне с тобой?

— Нет.

Вот и всё. Он скрылся в главном зале замка, хлопнув дверью перед самым носом Эмер. Вздохнув, девушка посмотрела в зеркальце и обнаружила, что золотая сетка, удерживавшая волосы, порвалась в нескольких местах, и через разорванные ячейки рыжие пряди топорщились крутыми завитками.

— Да уж, выгляжу на редкость привлекательно, — мрачно сказала Эмер, и попыталась пригладить кудри, насколько это было возможно.

Она поплелась на замковую стену и снова ткнулась носом в мужскую грудь. На этот раз ей повстречался Тилвин.

— О! ты-то мне и нужен! — и не слушая возражений, впрочем, достаточно слабых, она увлекла начальника стражи к статуе небесного вестника. — Что ты знаешь о Ларгеле Азо, Тиль?

Вопрос поверг Тилвина в изумление. Он оглянулся и сделал знак говорить тише.

— Зачем тебе?!

— Просто расскажи, что тебе известно.

— Просто расскажи... В этом вся Эмер. Никаких объяснений, никакого страха. Что ты хочешь знать?

— Все. Кто он, где родился, где рос, как стал священнослужителем.

— Для этого достаточно прочесть его житие. Оно есть в соборе. Спроси у... — он осекся.

— Спросить у епископа Ларгеля? — со смешком подхватила Эмер.

— Да, не лучший способ, — признал Тилвин. — Вот что, я могу попросить преподобного Нита, чтобы он достал житие.

— Это будет прекрасно! К вечеру достанешь?

— Разве я могу отказать хозяйке Дарема? — Тилвин словно невзначай коснулся рыжих кудрей, выбившихся из сетки.

— Да, я опять лохматая! — Эмер поняла его жест по-своему. — Леди Фледа не ругается, но всегда страшно недовольна. А что я могу поделать с этими непослушными кудрями? Кажется, они специально лезут из сетки. Как живые!

— Мне нравится, — сказал Тилвин.

— Зато Годрик бесится, — отмахнулась Эмер. — Он был бы доволен, вздумай я носить клобук, как монахиня.

Тилвин тактично промолчал, чтобы не вмешиваться в разногласия супругов.

— Да, а тебе не известно, что там за срочные дела приключились? — заговорив о муже, Эмер вспомнила и об остальном. — Годрик пролетел стрелой, ничего не объяснил. Что-то произошло в кузнечных деревнях?

— Как раз иду к нему. Только что сообщили, что в Зелёном лесу на обоз напали разбойники, две повозки с оружием были похищены.

— Похищены?! И это называется — «ничего важного»?! Да он спятил, наверное.

— Кто?

— Годрик.

— Ясно, — Тилвин вежливо улыбнулся. — А теперь — извини — я ухожу. Годрик хочет допросить свидетеля нападения, мне нужно присутствовать.

— Я пойду с тобой.

— Не думаю, что твоему мужу это понравится. Да и не надо милой женщине слушать про разбойников, — кивнув на прощание, Тиль направился к Годрику, а Эмер задумалась, глядя ему след.

Спустя минуту она ворвалась в комнату леди Фледы, не обращая внимания на причитания служанок. Леди отдыхала в кресле возле окна, и испуганно вздрогнула, когда невестка отдернула занавеску с окна.

— Что такое? — спросила леди Фледа заплетающимся языком.

— Нам надо немедленно идти в главный зал! — объявила Эмер.

— Послание от королевы? — спросила свекровь, живо поднимаясь из кресла.

— Хуже! На обоз с оружием напали! Разбойники! Годрик сейчас будет допрашивать свидетеля! Нам надо это услышать, идемте!

— Ах, разбойники... — леди Фледа тут же утратила интерес. — Не беспокойтесь, невестка, Годрик и сэр Тюда разберутся со всем лучше нас. Скажите лучше, вы распорядились насчет ужина?

— Какой ужин! — Эмер едва не прыгала от нетерпения. — Разбойники покусились на королевское имущество, это все равно, что покусились на королеву! Нам надо идти, дорогая

матушка, — она подхватила женщину под руку и потащила к выходу. — Поспешим, поспешим, а то пропустим все самое важное...

— Подождите! — запротестовала леди Фледа. — Я не надела генин, а там мужчины!

— Зато у вас прекрасный платок, — успокоила ее Эмер, продолжая увлекать в сторону главного зала, — ваша честь не пострадает, если вы повяжете голову платком. Наоборот, королеве расскажут, что вы так торопились вникнуть в суть дела, что даже не сообразовали одеться надлежащим образом!

— Куда ты тащишь маму, сумасшедшая! — из соседнего покоя выскочила Остриуд, но Эмер схватила ее за шиворот и потащила за собой.

— И сестру Остриюдочку возьмем, ей будет полезно послушать — пусть набирается опыта, потом будет помогать мужу советом, правда, матушка?

Расчет ее был прост. Если Годрик не постесняется вышвырнуть жену, то против матери и сестры не пойдет. Женщины почти бегом миновали коридор (причем, две из них — против своей воли), Эмер распахнула пинком двери первыми втокнула в зал свекровь и золовку, а потом чинно вошла сама.

Несмотря на день, окна в зале были прикрыты. В подсвечниках горели несколько свечей, а у камина сидели и стояли Годрик, Тилвин и несколько рыцарей из старших. Появление дам было принято с удивлением, но рыцари не замедлили встать и поклониться, и даже Годрик подошел поприветствовать мачеху.

— Зачем вы здесь? — спросил он с недовольством, поглядывая на жену и прекрасно понимая, кто виновник.

— Матушка, сестрица и я будем присутствовать, — заявила Эмер, подталкивая леди Фледу к креслу, — хозяйка Дарема должна знать обо всем, правда, матушка? Мы не помешаем. Продолжайте допрос. Где этот свидетель, о котором говорилось?

— И об этом уже успели насплетничать? — процедил Годрик ледяным тоном. — Что ж, присутствуйте, но чтобы вас не было слышно ни полсловом.

Эмер немедленно вскинула ладонь, давая клятву молчать.

— Вот он, свидетель, — продолжал Годрик, указывая на мужчину в запыленном плаще. — Мой оруженосец, Сибба.

— Приветствую вас, миледи, — поклонился оруженосец.

Теперь Эмер не нужно было клясться, что она будет хранить молчание, потому что язык у нее так и приморозило к нёбу. Сибба. Оруженосец. Нижний город, раздавленный таракан, и этот самый Сибба, который видел ее в лицо. С синяком на полфизиономии.

Но яркое пламя в очередной раз проявило милосердие. Было непохоже, что оруженосец узнал ее, и Эмер перевела дух. Она и в самом деле забила в уголок, стараясь не попадать в круг света, и обратилась в слух.

— Продолжай, — велел Годрик Сиббе.

— ...они как будто знали, что голова обоза охраняется слабее, милорд. Повалили дерево как раз на середину, и пока мы отстреливались, перебили возниц и угнали две повозки.

— Что там?

— Наконечники для пик и ножи. Мечи, длинные кинжалы и наконечники для стрел мы везли в хвосте.

— Впредь надо будет усилить охрану, — сказал Годрик. — Увеличьте число рыцарей до двадцати.

— Неразумно, — сказал Тилвин, — тогда придется уменьшить охрану гарнизонов.

— Значит, уменьшим, — отрезал Годрик. — Королева ждет. Мы не можем обмануть ожидания Её Величества. Итак, решено. Завтра отправляется новый обоз, проследите, чтобы рыцари прибыли в Дарем вовремя. Прямо сейчас отправьте голубей в крепости.

— Хорошо, милорд.

— Предупредите егерей и вилланов, что в лесу разбойники. И отправьте письмо в Тансталлу.

— Конечно, милорд.

— Тогда выполняйте...

— И это всё?!

Мужчины оглянулись, когда так некстати заговорила одна из женщин.

— Я велел сидеть тихо, — напомнил Годрик.

Но Эмер уже позабыла про клятвы и страхи.

— Это всё, что ты сделаешь, Годрик Фламбар?! — спросила она звенящим голосом. — Усилишь охрану и предупредишь вилланов не ходить через лес? Разве так должен поступать хороший господин?

Остриуд возмущенно ахнула, а леди Фледа посмотрела сначала на невестку, потом на пасынка, но промолчала.

— Думаю, миледи не надо вмешиваться, — опередил Годрика Тилвин, явно опасавшийся, что сейчас Эмер услышит совсем не то, что хотела. — Не волнуйтесь, о вилланах мы позаботимся должным образом...

— Организуете им охрану из двадцати рыцарей? — насмешливо спросила Эмер, выходя из темноты и становясь против Годрика. — Если ты мужчина, то должен избавиться от разбойников и обеспечить безопасность на дороге в столицу для всех своих людей, а не только для королевских повозок.

— Ты, видно, считаешь, что это очень легко выполнить? — поинтересовался Годрик. — Наверное, почти так же, как сковородку почистить?

— Милорд... — сказал Тилвин, но на него даже не посмотрели.

— Ты и с этим не справишься, муженек, — ответила Эмер медоточиво. — А вот я, дайте мне десяток рыцарей, разобралась бы с разбойниками в два счета.

— Какие смелые речи ты ведешь, сидя за вышиванием.

— Да уж приходится и женщине быть смелой, если мужчины трусливы, как зайцы.

— Что ты сказала? — спросил Годрик очень спокойно в наступившей тишине.

— Что ты должен позаботиться о своих людях в первую очередь, и не оголять гарнизоны, ставя под угрозу королевство.

— А с чего ты взяла, что твое мнение здесь кого-то интересует?

Леди Фледа осторожно потянула невестку за рукав, но Эмер досадливо вырвалась:

— Все думают так же. Но что поделать, если только у женщины достало смелости сказать вслух то, о чем думают мужчины!

— Пойдем-ка со мной, — Годрик без обиняков взял Эмер за плечо и выволок из зала.

Глава 14 (окончание)

Наедине с мужем храбрости у Эмер поубавилось, она вспомнила про пороссячи пирожки, и ее бросило сначала в жар, а потом в холод.

— Давай спокойно поговорим, Годрик, — начала она миролюбиво, пока благоверный тащил ее по направлению... к спальне. — Просто поговорим, мы же взрослые люди, супруги, наконец. Яркое пламя советует мужу и жене разговаривать на равных, чтобы не было размолвок...

Но Годрик не был расположен вести разговор на равных и даже не замедлил шага.

Эмер уперлась каблуками и схватилась за дверной косяк, пытаясь остановить мужа. Ему понадобилось пару раз дернуть ее, чтобы оторвать от косяка.

— Поговорим, всего лишь поговорим... Признаю, я была несколько... м-м... резка, но и ты повел себя не самым правильным образом...

— Вот какие речи повела, — хмыкнул Годрик. — Шевели-ка ногами, если не хочешь, чтобы я тащил тебя за волосы.

— Не верю, что ты так сделаешь, — быстро ответила Эмер.

— А зря, — ответил он, чем напомнил епископа Ларгеля.

— Я хотела помочь!

— Помоги себе.

— Что ты хочешь сделать?

— Испугалась? — Годрик открыл спальню, закинул жену внутрь и зашел сам. — Болтала глупости, а теперь боишься держать ответ?

— Подожди-подожди-подожди! — Эмер быстренько обежала стол и встала по ту сторону. — Прежде, чем обвинять меня в глупостях, вспомни, как король Осгар поймал разбойников, которые засели в священном лесу.

Годрик невольно остановился, припоминая.

— Осгар превратился в оленя и подманил их поближе, — сказал он, — а когда они подошли, перебил их. И в чем твоя прекрасная задумка? Предлагаешь моим рыцарям превратиться оленей? Ты еще больше глупа, чем я думал, — он двинулся вокруг стола, но Эмер выставила вперед ладони, требуя последней отсрочки.

— Стой! Оленими мы не станем, но скоро в Тансталле будет праздник Первой клубники. Соберется много народу и много... шлюх.

— Кого?! — Годрик позабыл о наказании, услышав подобное слово из уст жены.

— Можно подумать, ты никогда не имел с ними дела, — сказала Эмер, отчаянно краснея. — Даже я про них слышала. Мы переоденемся шл... женщинами, распустим по тавернам слух, что все гулящие едут с купеческим обозом в столицу, и нам останется только въехать в Зеленый лес и пошуметь — ручаюсь, разбойники нас не пропустят.

Несколько секунд Годрик смотрел на нее в упор, а потом сказал:

— Ты в своем уме? Отродясь не слышал большей нелепости.

— Опять ты за свое, — Эмер обиженно покривила губы. — А ведь это очень хороший план. Мы заранее отправим Тилвина и половину рыцарей в пограничные гарнизоны, объявив, что на границах неспокойно. Уверена, у разбойников есть шпионы среди вилланов, и им сразу об этом сообщат. Да и в Дареме у них наверняка есть осведомитель.

— В Дареме?! — если предыдущие идеи Эмер казались Годрику странными, то эта — совершенно невозможной. — В Дареме нет разбойников!

— А я и не говорю про разбойников, — успокоила его Эмер, чувствуя, что ветер переменился и казнить ее никто не собирается, по крайней мере — пока. — Осведомителем может быть кто угодно. Птичница, у которой сын пошел по плохой дорожке, мальчишка-поваренок, который наслушался баллад про благородных разбойников...

— Откуда ты все знаешь? — спросил Годрик. — Этому учат в Вудшире благородных девиц?

— Для этого надо только помнить старинные легенды иметь немного вот тут, — Эмер указала пальцем себе на лоб. Она уселась в кресло, вольготно развалившись, и продолжила, пока Годрик не опомнился и не назвал все бабским бредом. — Мы возьмем десятерых самых верных рыцарей, отбери их сам. Шестеро переоденутся в женские платья, четверо будут изображать купца и охрану. Пусть наденут крепкие кольчуги — разбойники будут стрелять сначала в них, они примут первый удар. Поедем с песнями, будем брэнчать на лютнях — так нас даже глухой не пропустит.

— Их тоже человек десять, — сказал Годрик, — может, больше. Сибба говорил, были очень хорошо вооружены, но не рыцари — ругались, как вилланы, — и добавил задумчиво: — Откуда у вилланов хорошее оружие?

Эмер пожала плечами:

— Возьмешь кого-нибудь из них живым и допросишь. Предлагаю не тянуть с западней. Сегодня же отправь рыцарей из Дарема, отправь болтунов по тавернам и дней через десять мы будем готовы.

Годрик подозрительно посмотрел, и этот взгляд Эмер совсем не понравился.

— Что не так? — спросила она.

— А почему ты всегда говоришь «мы»?

— Так как же...

— Может, ты еще возьмешься воевать вместо мужчин? Нет. Две недели сидишь здесь и носа не высовываешь.

— Годрик! — завопила Эмер, вскакивая. — Но ведь я это все придумала! Ты оставишь меня в стороне?

— Я еще не решил, следовать ли твоему плану, — ответил он уклончиво.

— Ты уже все решил, по глазам вижу! Это не честно! Я тоже буду в этом участвовать!

— Вышивание и молитва — вот твои занятия на ближайшее время, — подтвердил Годрик. — Я попрошу леди Фледу, чтобы она проследила за всем.

— Не посмеешь запереть меня здесь!

— Хочешь проверить?

Он вынул из замочной скважины ключ и покрутил им перед Эмер.

— Отдай! — она бросилась вперед, намереваясь завладеть ключом, но Годрик оказался проворнее и выскочил вон быстрее, чем Эмер успела его настичь.

Снаружи раздался стук металла о металл и прощальное постукивание.

— Скажу, чтобы не забыли покормить тебя вечером, — сказал Годрик через дверь. — А то умрешь, и твое привидение навсегда поселится в моей спальне.

— Когда я доберусь до тебя, это твое приведение поселится в Дареме! — крикнула Эмер, прикинув к замочной скважине.

— Помечтай, — ответил он.

Первым делом Эмер измолотила его подушку. Кулаками она работала так усердно, что перья полетели по всей комнате. Когда снова закрипел ключ, и в комнату вошла леди Фледа, в воздухе еще кружились белые пушинки.

— И чего вы добились, невестка? — спросила свекровь с укоризной.

За ней шли дамы из свиты, держа серебряные подносы с чашками и кубками.

— Поужинаю вместе с тобой, чтобы ты не чувствовала себя пленницей, — пояснила леди Фледа, устраиваясь за столом. — Сегодня похлебка с солониной и...

— Но вы же не будете держать меня здесь две недели?! — Эмер в сердцах топнула ногой, но свекровь осталась невозмутимо спокойной.

— Сожалею, но Годрик велел не выпускать вас. Я не нарушу его приказа.

— Но за что?! За что?!

— А вы и не догадываетесь? — леди Фледа расстелила на коленях полотенце и взяла ложку.

— За то, что сказала правду? Вы ведь сами понимаете, что неразумно...

— Садитесь, покушайте. И хоть немного успокойтесь.

Эмер тупо села на подставленный стул и уставилась в тарелку, не имея ни малейшего желания есть.

— Ах да, сэр Тюдда просил передать вам вот это, — леди Фледа сделала знак ближней даме, и та поднесла свиток. — Он сказал, вы хотели прочитать.

— О! Да, конечно, — Эмер схватила свиток и завертела в руках, не зная, куда его девать.

— Это похвально, что вы взялись изучать житие наших славных священнослужителей, — продолжала леди Фледа, — посвятите этому последующие дни, и заточение не покажется вам слишком тягостным.

— Разумеется, оно покажется мне раем земным, — пробурчала Эмер, уже остывая. — Почему сэр Тюдда не пришел сам?

— Годрик отправил его проверять гарнизоны.

— Проверять гарнизоны? — мигом насторожилась Эмер.

— Да, он сказал, что перед тем, как будет собран особый отряд рыцарей для охраны королевского обоза с оружием, начальнику стражи надо лично проверить сторожевые башни и назначить старших. Ведь большая часть рыцарей будет отправлена в столицу...

«Проклятый Годрик! — Эмер чуть не смяла свиток в порыве ненависти. — Использует чужой план, а славу присвоит себе!»

— Кушайте, все очень вкусно, — радушно предложила свекровь, — и благодарите яркое пламя, что отделались столь легко.

Свекровь находилась рядом с наказанной невесткой до самого вечернего колокола, стараясь беседой смягчить тягость заточения. Эмер еле дождалась наступления ночи, чтобы уединиться в спальне и развернуть присланный Тилем свиток при запертых ставнях, опущенных шторах и единственной свече, которую она поставила рядом с собой, погасив остальные.

«Ларгель Азо родился в Тансталле, столице Эстландии, — прочитала она, — и его приемником от купели был преподобный Отан, а родителями — лорд и леди Азо. Ларгель родился девятым ребенком в семье, и должен был поступить на военную службу, но вместо этого преподобный Отан уговорил родителей отдать ребенка в монастырь, чтобы посвятить его служению небесам. Благочестивые лорд и леди Азо передали сына преподобному Отану, и тот воспитал ребенка, нареченного Ларгелем — «Вестником веры»,

по законам яркого пламени, в послушании, смирении и бедности. В пятнадцать лет Ларгель Азо был посвящен в послушники и принял обет целибата, отказавшись от плотских радостей. В восемнадцать лет он был рукоположен в священники и сопровождал преподобного Отана во время выездных королевских судов, до двадцати пяти лет он обучался книжной мудрости в монастыре святого Винса, был рукоположен в пресвитеры, а затем в епископы.

Его дар — распознавать нечистоту в людских душах — проявился в двадцать пять лет. Узнав об этом, преподобный Отан, назначенный тогда на должность Его Святейшества, передал ему во власть приход в Умбрии, где всегда плодилось много ведьм, от которых сильно терпел простой народ.

Благодаря стараниям и дару, епископ Ларгель за два года уничтожил 560 умбрийских ведьм и колдунов, за что получил благословение преподобного Отана и золотой медальон, подаренный ему королем. В медальоне находится частичка мощей святой Меданы, что является покровительницей рода Азо. С тех пор Епископ всегда носит медальон на груди. Однажды, во время путешествия, на караван, вместе с которым следовал епископ, напали разбойники. Один из них, прельщенный золотом, попытался сорвать медальон с шеи епископа, но был умерщвлен на месте небесным пламенем.

Чудеса и небесные знамения всегда сопровождали появление епископа Ларгеля.

Так, когда он прибыл в Лемурийскую церковь, над ней два дня сияла двойная радуга, а четыре колдуна добровольно пришли в церковь и припали к стопам епископа, признаваясь в грехах и моля об очищении души, в чем им не было отказано.

В Вестготской церкви вода превратилась в мёд, и дожди, грозившие погубить урожай, прекратились по молитве епископа.

В Одльбруке знатная дама Готт при виде епископа упала на пол в припадке падучей, и из нее бежали четыре демона, терзавшие ее на протяжении десяти лет.

Дартшире епископ одним лишь взглядом распознал семью упырей, которые держали в страхе жителей деревни три года, нападая на них по ночам и выпивая кровь. Упыри были сожжены, и в тот же день две радуги сияли над Дартширом, и пролился дождь из мёда.

Много раз стойкость и верность епископа Ларгеля проверялись небесами.

Блудницы осаждали его обитель, прикрываясь необходимостью исповедаться. Прелюбодейки из знатных семей искали соблазнить его, но он остался глух и слеп к их чарам, и всех предал суду, свидетельствуя против них, и затем самолично свершив казнь над грешницами.

Жизнь его служит образцом для подражания всех, кто чтит яркое пламя. Да будет милость небес со всеми нами».

Эмер с досадой отбросила свиток. Вот так житие! Милосердный служитель яркого пламени, погубивший половину Эстландии! И ничего интересного или полезного. Пустая болтовня, прикрывающая сомнительные подвиги. Единственное, что заслуживало размышлений — покровительница рода Азо. Святая Медана. Но можно ли быть настолько верным, чтобы лобызать мощи со страстью, достойной юнца?

Ночь она провела отвратительно, мучимая короткими неясными снами, в которых мелькали епископ Ларгель, черные вороны и Годрик на пару с Тилвином, а утром, едва забрезжил рассвет, явилась леди Фледа в сопровождении дочери и прислужниц.

К вечеру второго дня своего плена Эмер готова была вылезти в каминную трубу, чтобы избавиться от общества благородных дам. Она сильно подозревала, что хитрец Годрик специально попросил мачеху находиться все время подле нее, что и было подлинным

наказанием.

— Вы уже прочитали житие, что я вам принесла? — прервала ее невеселые думы леди Фледа. Она сматывала клубок, а перед ней сидела Остриуд, держа на растопыренных пальцах моток шерсти. — Если прочли, то завтра я принесу вам другое. Когда я была молоденькой, то зачитывалась этими историями.

— Матушка знает Писание наизусть, — похвасталась Остриуд.

— Наизусть? — Эмер стряхнула мрачное оцепенение и посмотрела на свекровь другими глазами. — Ох, леди Фледа, это достойно восхищения! А не расскажите нам что-нибудь? — она бросила на пол подушку и уселась возле ног свекрови, льстиво заглядывая ей в лицо.

— Что же вы хотите услышать? — спросила леди Фледа, крайне довольная, что невестка проявляет такую похвальную почтительность и любознательность.

— Что-нибудь о святых прошлого, — невинно попросила Эмер. — У нас в Вудшире свои святые, о многих вы, верно, и не слышали. А я вот не слышала про святую Медану... Расскажите, чем она прославилась и каковы были ее подвиги?

— Не знаешь о Медане? — фыркнула Остриуд. — В каком же диком крае ты проживала.

— Не дерзи, дочь, — велела леди Фледа, и клубок в ее руках засновал размеренно и торжественно. — Стыдно не знать великих людей веры, Эмер. Тем более, святая Медана была родом из ваших краев.

— Вот как? — воскликнула Эмер, кладя клубок на колени и усаживаясь на подушку поудобнее. — Кем же она была? Монахиней? Или чудотворицей?

— Она была принцессой. Дочерью короля. Тогда в Эстландии было много королей, гораздо больше, чем сохранили летописи и людская память. Там, где сейчас Вудшир, сто лет назад жил король Тавтолх, у него было много детей, а младшую дочь звали Меданой. Она была красива и непорочна, как небесный вестник. И с ранних лет она узнала о вере яркому пламени и решила посвятить свою жизнь служению ему.

— Решила уйти в монастырь? — спросила Эмер. — Сюда, в Дарем?

— Не перебивай матушку! — воскликнула Остриуд.

Но леди Фледа сделала ей знак успокоиться и погладила Эмер по голове:

— Нет, невестка. Тогда еще не было монастырей, и Дарем был всего лишь замком-крепостью. Святая Медана не могла уйти в монастырь, но дала обет безбрачия, а отец принуждал выйти замуж, потому что ее руки искали многие знатные рыцари. Тогда святая Медана взяла в спутницы двух служанок и под покровом ночи скрылась из отцовского дома, найдя пристанище у своей тётки, на севере, в местечке, которое сейчас зовётся Медовым.

— Никогда бы так не поступила, — пробормотала Эмер, чтобы не услышали ни свекровь, ни Остриуд. — Я бы выбрала самого достойного.

— Вы что-то сказали? — спросила леди Фледа.

— Я говорю: какая невероятная духовная стойкость, — сказала Эмер громко. — Но продолжайте, продолжайте, дорогая свекровь.

— Продолжаю. Святая Медана укрылась у тетки и вела благочестивую жизнь, живя в хижине у скал, проводя дни в посте и молитве. Она питалась тем, что собирала ракушки на скалах. Отец долго искал её, и рыцари, влюбленные в прекрасную принцессу, тоже искали. Но постепенно пыл их был растрочен, и о Медане забыли. И лишь один рыцарь не мог смириться с потерей и продолжал искать принцессу. Он был достойнейшим рыцарем своего времени, язычником, и страстно желал назвать Медану своей женой. Много лет он обыскивал Эстландию, и, наконец, встретил Медану на скалистом берегу, где она собирала

ракушки к трапезе. Рыцарь пожелал сделать её своей женой прямо там, на берегу, но святая Медана взбежала на утёс, и утёс вдруг оторвался от суши и поплыл через залив, унося святую от нечестивца. Рыцарь не оставил поиски, и через некоторое время снова настиг принцессу. Чтобы спастись от его страсти, она залезла на дерево и крикнула: «Зачем ты преследуешь меня?» «Меня влечет к тебе» — ответил рыцарь. «Что же влечёт сильнее всего?» — спросила Медана. «Твои глаза, твои дивные очи», — ответил рыцарь. «Так заведи их!» — сказала Медана, вырвала себе оба глаза и бросила их к подножью дерева.

Эмер не могла произнести ни слова, пораженная рассказом.

— Яркое пламя! — вымолвила она, когда обрела дар речи. — Поистине, мы, вудширцы, все дикие нравом.

— Это не дикость нрава, а благочестие, — назидательно сказала леди Фледа. — Принцесса Медана умерла, но рыцарь раскаялся в своей преступной страсти, принес ее мощи сюда, в Дарем, и основал здесь часовню, названную в честь Меданы. Позже здесь построили церковь, а потом и собор. И теперь Дарем — это церковь-крепость, где чтут благочестивую Медану. И я вижу добрый знак, что теперь хозяйкой Дарема будете вы, приехавшая с родины нашей почитаемой святой.

— А я вижу, что добрый знак и в том, что епископом у нас теперь Ларгель Азо, — важно сказала Остриуд. — Этим явлено благословение небес. Правда, матушка?

— Ты совершенно права. Я тоже вознесла молитву святой Медане, когда узнала, что епископ Ларгель прибавит к нам.

— Кажется, святая Медана — покровительница его рода? — сказала Эмер, с умным видом приставляя указательный палец к носу.

— Верно, — подтвердила леди Фледа. — Тот рыцарь, что преследовал Медану — основатель рода Азо. И каждый десятый сын у них становится священнослужителем, в память о давних событиях.

— Рыцарь, домогавшийся Меданы — предок епископа? — живо переспросила Эмер.

— Не домогавшийся! — ахнула леди Фледа. — Разве можно говорить на святые темы с такой непочтительностью?! Обращенный на путь истинный жертвой Меданы — вот кто его предок.

— Святые темы, как же, — прошептала Эмер, и громко добавила: — Сожалею, что расстроила вас, дорогая матушка. Это я сказала не подумав. А теперь ясно вижу, что благочестие в роду Азо, благодаря милости святой Меданы, не иссякло. Каков предок, таков и потомок, верно?

Затворничество закончилось раньше, чем ожидалось. Через три дня в Дарем прибыл лорд Бернар Кас с женой, и Годрик разрешил выйти из спальни, чтобы приветствовать гостей. Эмер появилась перед гостями присмирившая, в новом темно-зеленом платье, скромно опустив глаза долу.

— Жена, — сказал Годрик церемонно, — пока мы беседуем, развлекай гостью.

Жену гостя Эмер узнала сразу — та самая красавица с золотистыми волосами, которую она видела на свадебном пиру. Ревнивый муж, рассказывал Тилвин, бедная женщина — тоже почти пленница, и не смеет шагу ступить без разрешения строгого супруга.

И хотя Эмер сразу прониклась к гостье приятнью, потому что на собственной персоне поняла, каково это — когда находишься в комнатном заключении, но все равно предпочла бы послушать разговоры мужчин, а не скучать в обществе леди Кас. Ослушаться она не посмела и подошла к златовласой красавице, совершенно не представляя, как ее развлекать, и заранее тоскуя. Но та пришла ей на помощь, сама подсказав тему для общения.

— Я бы хотела купить нож из вашей мастерской, — сказала она. Голос у нее был свирельно-нежный, очень мелодичный, во всем подходящий ее миловидной внешности.

— С радостью подарю его вам, — подхватила Эмер, — какие могут быть покупки между соседями? Пойдемте в оружейную.

В Дареме для лучших образцов, вышедших из королевской кузни, отвели комнату. Здесь на стенах висели мечи, на столах были разложены ножи самых разных форм и размеров, сюда Эмер и повела леди Кас.

Она пошла первой, указывая дорогу, но леди Кас догнала ее и взяла под руку. Эмер оставалось только поморщиться, она терпеть не могла этих излюбленных дамами привычек — целоваться по любому поводу и ходить обнявшись, будто не виделись десять лет. Разумеется, вырваться она не стала, но приуныла окончательно.

В оружейную только что внесли новенькие мечи, и теперь слуги раскладывали их и развешивали, доставая из ящиков, наполненных сеном.

— Ах! — сказала леди Кас, увидев эту сверкающую холодной сталью грудку. — Разве они не прекрасны?

— Прекрасны, — осторожно согласилась Эмер. — Вам нравится оружие?

Миледи засмеялась, застенчиво прикрывая рот рукавом.

— Мечи — мужские игрушки, — сказала она совсем тихо. — Женщине надо интересоваться другим.

— Вы не должны стесняться своих предпочтений, — возразила Эмер. — Я тоже люблю оружие. Поглядите, как выглажен этот клинок, — она взяла один из мечей, демонстрируя его гостье. — В нем можно увидеть собственное отражение так же ясно, как в зеркале. А вот этот? Он совсем легкий — и женщина удержит, и только потому, что мастер искусно углубил желоб посередине, оставив толщину в полпальца. Проверьте сами!

— О, мне бы очень хотелось подержать его, — прошептала леди Кас, оглядываясь на дверь, — но мой муж...

— Милорда Бернара здесь нет, — заявила Эмер и протянула женщине меч рукояткой вперед. — Подержите, почувствуйте его силу. Этим вы не совершите преступления.

Леди Кас сомневалась всего пару секунд, а потом пальцы ее оплели рукоять.

— И правда, совсем не тяжелый, — сказала она изумленно-радостно, и вдруг рассмеялась. — А милорд говорит, что женщине меча не поднять.

— Милорд врет, — сказала Эмер безо всякой куртуазности. — Конечно, все женщины разные, но не такие уж мы беспомощные существа.

Слуги к этому времени уже вышли, чтобы принести новую партию, и Эмер, воспользовавшись отсутствием свидетелей, достала из ящика меч длиной в два локтя — для особенно крепкой и сильной мужской руки.

— Взгляните, — обратилась девушка к леди Кас. — Даже с этим мечом я управлюсь не хуже мужчины. Отойдите в сторону, я не хочу вас задеть.

Гостья послушно отступила, все еще держа меч с глубоким долом, а Эмер вышла на середину комнаты, примеряясь к оружию.

— Дома у матушки я не сидела в четырех стенах, — сказала она, — и умею чувствовать оружие.

Она сделала несколько простых замахов, не желая показывать все свои умения, а лишь немного — совсем немного! — похвастаться. Когда меч со свистом рассек воздух, леди Кас снова ахнула, а после простого финта с вывертом и вовсе потеряла дар речи от восхищения.

— Это очень просто, — сказала Эмер пренебрежительно, — даже ребенок научится.

— Как бы я хотела научиться! — пролепетала нежная леди.

— Если хотите, я научу вас тому, что умею, — великодушно предложила Эмер.

— Очень хочу, но милорд...

— А милорду вовсе необязательно об этом знать.

Лицо леди Кас выразило всю гамму чувств — от ужаса до тающих сомнений.

— Хотите, покажу вам свои покои? — коварно предложила Эмер. — Раньше они принадлежали бабке моего супруга. Во время осады замка она надевала доспехи мужа, садилась на коня и бросалась в атаку, как заправский рыцарь.

— Леди Бельфлёр, — шепотом сказала леди Кас, лихорадочно блестя глазами. — Я слышала, слуги рассказывали легенды о ней. Так это правда?..

— Если верить Годрику — чистейшая. Он сам мне рассказывал.

— Но разве женщина может...

— Но мы же не совершаем ничего предосудительного! — Эмер обхватила леди Кас за талию, поправ свои принципы, и увлекла в сторону башни.

К этому времени её комната с окнами на реку, приняла почти жилой вид. Конечно, здесь не было кровати под бархатным балдахином и лавки, покрытой подушками, чтобы было удобно заниматься рукодельем, зато стоял широкий топчан с матрасом и шерстяным одеялом, а к потолочной балке крепился мешок, набитый соломой, а сундуки в углах хранили мужскую одежду — вовсе не изящную, но такую удобную для тренировок. При помощи Тилвина Эмер смогла раздобыть даже деревянные мечи. Тилвин был удивлен странной просьбой и спросил, зачем ей понадобились мечи, но несмотря на доверие, Эмер и ему не открыла своей тайны, рассудив, что одно дело — быть любезным с женой сюзерена, и совсем другое — потакать ей в забавах, больше смахивающих на оскорбление церковных заповедей. Поэтому она устроила все в покоях собственноручно, справившись даже с вбиванием крюка в балку, и теперь при любой возможности приходила сюда, чтобы вдосталь попрыгать с мечом вокруг соломенного чучела и снова ощутить радость от того, что тело молодо, сильно и подчиняется любой твоей воле.

Обследование комнат в башне привело леди Кас в еще больший восторг.

Она внимательно осмотрела соломенное чучело, и мужскую одежду, и деревянные мечи, и даже пару раз ударила таким мечом — ударила неловко, краснея и извиняясь.

— Это чудесное место, — сказала она с сожалением, когда пришло время уходить.

— Согласна, — Эмер легко сбежала по ступенькам, — здесь я бываю каждый день. Почти каждый день... Если хотите, приезжайте ко мне в полдень. Моя свекровь как раз отдыхает, и мы никого не побеспокоим. Обещаю научить вас чувствовать меч так же хорошо, как я, — она важно похлопала себя ладонью по груди.

— Не знаю, будет ли это уместным... и приличным...

— Но мы же не совершаем ничего плохого, — продолжала искушать Эмер. — Мы тоже люди, и нам надо иногда поразмяться, не только мужчины имеют привилегию махать палками.

— Я подумаю, благодарю...

Уезжала она крайне задумчивая, а с лица Эмер не сходила улыбка. Найти единомышленницу! Это было бы огромной удачей.

— Что это ты так сияешь? — спросил Годрик. — Опять сотворила какую-нибудь подлость?

— Ах, дорогой муженек, — ответила Эмер с нарочитым вздохом, с удовольствием отметив, как Годрика передернуло при таком обращении, — за свою жизнь я не сделала ни одной подлости.

— Ну да?

— Клянусь ярким пламенем, — заверила она его, прежде чем удалиться в спальню и продолжить отбывать наказание. Но через несколько шагов обернулась и добавила: — Подлостей не сделала ни одной, а вот гадостей — предостаточно.

С этих пор визиты леди Кас в Дарем стали происходить с завидным постоянством. Она приезжала каждый день, и Годрику волей-неволей приходилось разрешать Эмер от заточения. Женщины уединялись в комнатах Эмер и проводили там час или два, после чего выходили прогуляться в сад, чинно шествуя между розовых кустов и о чем-то беседуя. Обычно к этому времени обеденный отдых леди Фледы заканчивался, и она тоже уделяла госте внимание, иногда присоединяясь к прогулке. Втайне леди была довольна, что взбаломошная невестка завела себе такую спокойную и благочестивую подругу.

Однажды леди Кас явилась не одна, а в сопровождении еще двух молодых женщин, которых представила Эмер, как леди Изабеллу и леди Мериод.

— Простите мою несдержанность, но я рассказала сестрам о вашем увлечении, и они пожелали увидеть все сами, — сказала леди Кас, краснея.

— Вы поступили очень правильно, моя дорогая, — поддержала ее Эмер и увлекла новообращенных в свою святая святых.

Женщины оказались гораздо смелее леди Кас и тут же вытащили из прихваченных сумок мужские штаны и котты, переоделись и потребовали, чтобы Эмер научила их владеть мечом и длинными ножами.

А Годрик ни о чем не догадывался, и Эмер только посмеивалась, не забывая приглядывать за мужем. Она не сомневалась, что он планирует облаву на разбойников и не собиралась лишать себя удовольствия поучаствовать в ней.

Оставалось два дня до окончания двухнедельного срока заточения, когда Эмер в компании подруг прогуливалась по саду. Поуже заведенному порядку, Эмер рассказывала

рыцарские баллады, с воодушевлением расписывая рыцарские подвиги и великолепие турниров, а леди Кас и ее сестры слушали, как замороженные. Они прошли памятный арочный мостик и добрались до беседки, возле которой Годрик показался в ненадлежащем виде всей женской половине Дарема. Эмер, расписывавшая схватку сэра Матволха с Черным рыцарем, замолчала на полуслове и остановилась, глядя поверх кустов. Остальные женщины тоже замерли, потому что их взорам открылась поляна возле старого узловатого граба, чьи искривленные ветки ползли по земле, как огромные змеи, и на этой поляне начальник стражи Тилвин разминался, фехтуя мечом. Эмер сразу поняла, почему он выбрал для тренировки самый дальний и уединенный угол сада — мечи в руках Тилвина были настоящие, и он осторожно вращал их, принаравливаясь к тяжести и привыкая к рукоятям. Такими мечами не машут на общем ристалище, единение воина и оружия — это почти магия, ее надо творить втайне от чужих глаз.

Тилвин снял котту и бросил ее у корней дерева, и леди Мериод восхищенно всхлипнула: — Какой мужчина, да простит меня яркое пламя!

— Какое мастерство, — выдохнула Эмер, которая, единственная, смогла оценить не только великолепный торс рыцаря, но и его силу, и умение.

Граб стойко принял на себя череду ударов мечами — и вместе, и попеременно, и в повороте, и в прыжке, и в перекате через голову, и после всех финтов Тилвин едва ли стал дышать чаще. Он отложил один из мечей, и тут душа Эмер не выдержала. Нападение на королевский обоз, разбойники, тайные тренировки и столь искусный мечник — это было слишком, чтобы скрепить сердце, и она выскочила на лужайку, подхватив оставленный меч.

— Эмер? Зачем ты здесь? — Тилвин заговорил тепло, но увидел трех женщин, выглядывавших из-за ветвей, торопливо подобрал и натянул котту.

— Я-то гуляю, — ответила Эмер и добавила важно: — с подругами.

Последовал обмен любезностями и приветствиями. Тилвин и леди Кас были знакомы, а вот ее сестры приехали в Дарем впервые. Леди Мериод покраснела до слез, а леди Изабелла не сводила с начальника стражи глаз.

— А ты почему в Дареме, Тиль? — Эмер поигрывала мечом, примеряя его к руке. — Говорили, что уехал.

— Вернулся ненадолго, — Тилвин хотел взять у Эмер меч, но она проворно отпрыгнула и вскинула крестовину к лицу.

— «Сразись со мной, свой меч бери!

Рука тверда, тверда и сталь,
И сердце смелое в груди...», -

с выражением процитировала она балладу.

Тилвин рассмеялся и немедленно принял ее игру, направив клинок острием вперед:

— «Тебя убью, смельчак, а жаль!»

— Они будут сражаться! — сказала леди Кас и захлопала в ладоши.

— Только не порань его, Эмерочка, — попросила леди Мериод, уже свято уверовавшая в мастерство подруги.

— Что вы, — церемонно ответил Тилвин, — это всего лишь шутка, никакого

сражения...

— Шутка?! — Эмер бросилась в наступление столь стремительно, что Тилвин еле успел заслониться мечом от удара.

Зрительницы ахнули от страха и восторга.

— Не зевай, Тиль! — задорно крикнула Эмер. — Будет постыдно, если тебя победит женщина на виду у женщин!

Наконец-то она смогла дать волю руке, не боясь ударить слишком сильно и нечаянно задеть нежную леди, потому что нежная леди — она всегда такой и останется, хоть обряди ее в кольчугу и вооружи до зубов. Тилвин был силен и гибок, словно дракон в человеческом обличье. Как ни пыталась Эмер пробить брешь в его обороне — ей это не удалось. Он с легкостью отражал ее удары, и избегал наступать, опасаясь ей навредить. Осторожничал точно так же, как она при потешных боях с леди Кас и ее сестрами. Но постепенно осторожность его сходила на нет.

— Невестка умеет многое, — сказал Тилвин после особо ловкого удара, поймав меч Эмер крестовиной своего меча.

Лица противников оказались совсем рядом, и Эмер только сейчас заметила, что глаза у Тилвина карие, с янтарными крапинами вокруг зрачка.

— Ты удивлен? — спросила она, отбрасывая его и нападая снова.

— Было бы удивительно, если бы я не удивился, — сказал он, круговым движением отправляя ее меч в сторону.

— Тогда — трепещи! — сказала Эмер наигранно грозно, снова бросаясь в атаку.

И хотя она была далеко не столь умела, как начальник стражи, со стороны их схватка выглядела впечатляюще, и леди Кас вместе с сестрами испуганно ахали и взвизгивали всякий раз, когда клинки со свистом рассекали воздух, проносясь в дюйме от живой плоти, или со злобным клацаньем встречались после молниеносных замахов.

Тилвин первым прервал бой, спустя четверть часа.

— Хватит, невестка, — сказал он, поднимая руки. — Ты победила.

— Я еще не устала! Продолжим!

— Зато я устал...

— Не смей поддаваться! — велела Эмер, пугая его очередным замахом.

Но начальник стражи не двинулся с места, а руку Эмер перехватила чья-то более крепкая рука.

— Вижу, тебе нейдет, — раздался голос Годрика, и Эмер чуть не сплюнула от досады.

— Мы просто забавлялись, — попробовала она объяснить, но муж не стал ее слушать.

— Прощайся с дамами, — велел он.

— Я никуда не уйду!

— Уходишь.

— Годрик! — Эмер топнула, пытаясь освободиться. — Почему ты постоянно всё портишь?

Но он выкрутил ей запястье, отбирал меч и швырнул его в траву, после чего взвалил Эмер на плечо, как куль с мукой и понес в сторону замка. Она немедленно вцепилась ему в волосы, но короткий шлепок пониже спины заставил притихнуть. Но признать себя побежденной до конца она не смогла, поэтому замахала рукой подругам и Тилвину:

— Жду вас завтра, миледи Кас! Миледи Изабелла!.. Мое почтение, миледи Мериод!

Спасибо за поединок, Тиль! Тот выпад с вывертом был чудесен! Непременно хочу ему научиться!

Она храбрилась больше для вида, хотя сердце провалилось в пятки. Опять Годрик оказался совсем некстати. Следит он за ней, что ли? И что теперь предпримет? Продлит заключение еще на неделю, а то и две, или запретит общаться с благородными дамами, разгадав хитрость?

А благородные дамы смотрели вслед удаляющейся паре, завидуя и вздыхая.

— Вот это называется — жить, как поют в балладах... — сказала леди Кас.

— Она такая счастливица, — поддакнула ей леди Изабелла.

А леди Мериод промолчала, украдкой бросив взгляд в сторону Тилвина.

— Пойдемте, я провожу вас, — сказал он, забирая брошенное оружие. — Миледи Фламбар едва ли сможет уделить вам сегодня внимание.

Тем временем Годрик дотащил Эмер до моста, и она забеспокоилась: не бросил бы в воду, с него станется.

— Может, позволишь мне идти своим ходом? — любезно поинтересовалась она. — Я вполне могу передвигать ноги, это не сложно.

— Может, мне посадить тебя на цепь, чтобы ты не делала глупостей? — спросил Годрик в ответ, но на ноги ее поставил.

Эмер немного застыдилась, что заподозрила мужа в коварстве. Но спустить ему самовольства не смогла:

— Какую же глупость я совершила сейчас, позволь спросить?

Она ждала обвинений, что осмелилась взять в руки оружие, что нарушила церковную заповедь или оскорбила память достопочтенного дедушки Фламбара, но Годрик сказал нечто иное:

— Не желаю видеть тебя рядом с Тилвином. Никогда больше не подходи к нему и не заговаривай.

— Но почему? — Эмер сердито нахмурилась и скрестила руки на груди. — Он твой брат и не чужой в этом замке...

— Ты слышала, — повысил голос Годрик. — Повторять не буду. Иди в спальню, я провожу наших гостей.

— Хорошо. Только я еще спрошу... Что насчет плана по поимке разбойников?

— Тебя это не касается, твое дело...

— Знаю, — перебила Эмер, — кухня и сковородки.

— Еще вышивание.

— Вот уж благодарю! Вышивай сам, если тебе по душе это скучное занятие, — фыркнула она. — И все же, ты решил ловить их на живца?

— Марш в спальню! — потерял терпение Годрик.

— Но...

— Будешь надоедать дальше, скажу, что ты больна и не можешь принимать посетителей, — пригрозил он. — Будешь сидеть взаперти еще два месяца.

Рот Эмер захлопнулся сам собой.

Она взглядом выразила все, что думала о муже, и пошла к замку, гордо вскинув голову. Сейчас лучше не спорить, а то с него станется объявить ее заразной и отвернуть всех соседей на четыре мили вокруг.

Вечер прошел скучно, потому что ни Остриуд, ни леди Фледа не пришли к затворнице

до ужина. Явились они только вечером, чтобы пожелать спокойной ночи, и леди Фледа объяснила, что была занята.

— Годрик попросил перетрясти летнюю одежду прислуги, — сказала она, — обычно мы делаем это позже, после Иоаннова дня, но он настоял. Говорят, королева хочет приехать с визитом, а значит надо позаботиться о чистоте и опрятном виде слуг заранее.

— Летнюю одежду? — Эмер мигом насторожилась. — Мужскую или женскую?

— Женскую, — ответила леди Фледа, озадаченная, что невестку больше заинтересовало тряпье прислуги, нежели возможный приезд Её Величества. — Годрик сказал, что мужская одежда и так хороша, а женщинам надо будет выглядеть как можно лучше.

— Какой беспокойный хозяин, — сказала Эмер, кусая губы. Не было сомнений, что придуманный ею план муж благополучно осуществляет.

Порасспросив леди Фледу, она узнала, что Годрик вечером отбыл в кузнечную деревню, сказав, что не придет ночевать, а с ним девять рыцарей, и что Тилвин тоже уехал вместе с отрядом из пятнадцати человек, чтобы проехать с ними по границе Дарема.

— Ведь потом им придется сопровождать обоз в столицу, а это не один день пути, — объяснила леди Фледа, — Годрик велел убедиться, что в приграничных землях все спокойно. Что с вами, дорогая? Вы так побледнели...

— Ничего, дорогая матушка, — ответила Эмер с непередаваемой гримасой, — просто рыбная косточка попала в десну.

Утром Эмер отказалась вставать с постели, пояснив, что отвратительно себя чувствует — во всем теле слабость, головокружение и сердце так скачет, что вот-вот вырвется из груди. Испуганная леди Фледа вызвала лекаря, и тот после продолжительного осмотра объявил, что с госпожой новобрачной все в порядке, ее недуги, скорее всего, вызваны известным женским состоянием, и теперь ей полагается только покой и минимум волнений.

— Нет, матушка, я не беременна, уверяю вас, — говорила Эмер умирающим голосом. — Просто немного устала... Попросите, чтобы меня не беспокоили и позовите леди Сару, пусть почитает мне. У нее такой приятный голос, а это успокаивает и отвлекает от головной боли.

— Леди Сару? — изумилась свекровь. Раньше она не замечала, чтобы невестка восхищалась голосом ее помощницы. Но спорить не стала, и вскоре долговязая леди Сара, старая дева, которую от монастыря спасли только дальние родственные узы с хозяйкой замка, сидела у постели больной и читала нараспев Писание.

Больная лежала в постели не двигаясь, укрывшись одеялом с головой. Чтица и не подозревала, что ее подопечная заткнула уши, да еще и залезла под подушку, чтобы наверняка ничего не слышать.

К обеду леди Сара начала покашливать, а к вечеру охрипла. Когда зазвонил колокол, созывая обитателей Дарема на вечернюю молитву, Эмер вынырнула из подушек.

— Бедная, бедная леди Сара, — сказала она с сожалением. — Как мне жаль, что вам пришлось пострадать из-за меня...

Благородная дама жестом ответила, что не стоит переживать по этому поводу.

— Это мой долг, миледи, — ответила она шепотом.

— Ах, как хорошо, что вы так верны. Сейчас мало верных... — Эмер села, спустив ноги на пол. На ней были ночная рубашка вся в кружевах и рюшах, и чепчик с оборками, придававшие ей беззащитный и невинный вид. — Не поднесете мне воды? Подливка к рыбе была слишком солоновата, не находите?

Леди Сара с готовностью отложила книгу и повернулась к столу, чтобы налить воды, как вдруг сильная рука зажала ей рот, и через минуту верная дама уже лежала в постели, придавленная коленом в спину.

— Сожалею, леди Сара, — приговаривала Эмер, запихивая ей в рот кляп и скручивая руки полосками льняной простыни, заготовленными загодя. — Но вам придется немного отдохнуть в этой мягкой и уютной постельке. Вам понравится, не волнуйтесь. Просто мне очень надо кое-что сделать... Не спрашивайте — что, я все равно не смогу объяснить. Но вы же верны, не так ли? Поэтому — тс-с-с! — она перевернула даму поудобнее, проверила, как держится кляп и подергала узлы. — Никому не слова. Это наш секрет. Наш с вами. Думайте о чем-нибудь приятном и постарайтесь уснуть.

Она ободряюще улыбнулась, прикрыла связанную леди Сару одеялом до подбородка и задернула полог над кроватью.

Сбросив ночную рубашку и чепец, Эмер мигом надела платье попроще и накинула плащ леди Сары. Он пришелся как раз впору — Эмер повертелась перед зеркалом и осталась довольна. Она тщательно спрятала под капюшон кудри, достала припасенный нож,

позаимствованный на время из королевской кухни, и взяла книгу.

— Спокойной ночи, приятных снов, — пожелала она и выскользнула за дверь, задув свечу.

Леди Фледа оказалась верна себе, и почти сразу же навстречу Эмер выступили две девицы, приставленные служить.

— Как она, леди Сара? — спросила одна из девиц.

— Уснула, — сказала Эмер шепотом, грозя им книгой, — не побеспокойте миледи, вертихвостки!

Девицы закивали и устроились на скамейке у дверей.

Эмер миновала коридор и лестницу без приключений, вышла во внутренний двор и направилась к конюшне.

Лошади тихонько заржали, когда девушка прокралась мимо, стараясь ступать неслышно. Четыре груженные повозки привлекли ее внимание, и в свете масляного светильника она разглядела туго набитые мешки.

— Славно запасся, — прошептала Эмер, нащупав в них сено и камни.

Оглянувшись, она забралась в повозку и притаилась между мешками. Пусть камни больно впивались в бок, ради грядущей славы можно было и потерпеть.

Вылазка в Зеленый лес готовилась в строжайшей тайне. Раздобыли несколько повозок — видавших виды, крытых кожаными навесами, нагрузили до верха мешками. В мешки насовали сена, вложив камни, для придания веса. Благодаря стараниям леди Фледы Годрик утащил шесть платьев, чтобы пришлись более-менее впору рыцарям. Никто из стражей Даремане не пребывал в восторге, узнав, что им предстоит нарядиться женщинами, но Годрик мигом втолковал им хитроумность плана и подбодрил тем, что пообещал быть в этой затее первым.

По тавернам и питейным забегаловкам тем временем шныряли его подручные, за кружкой пива "случайно" выбалтывающие, что вскорости через Зеленый лес в столицу двинется богатый караван. И двинется тайно, по старой лесной тропе, чтобы обмануть разбойников. С купцами поедут шлюшки, которые мечтают подзаработать в столице на празднике Первой клубники. Они дорого платят, эти гулящие, ведь плата за дорогу окупится в стократ. Тансталла — не Дарем, где лютует епископ Ларгель. К тому же, всегда есть шанс подцепить богатого покровителя.

Разговоры о караване выслушивались с жадностью, вопросы так и сыпались на болтливых пьянчужек. И Годрик был уверен, что зерно упало в благодатную почву, а значит, разбойники не замедлят явиться.

День выезда выдался хмурым. Туман так и стелился над землей. Четыре тяжело груженных повозки выехали их ворот столицы. Сопровождали их три всадника, вооруженные пиками. Передней повозкой правил мужчина в купеческой одежде, еще один вел в поводу лошадей. А в середине кортежа в повозке расположились дамы — они выглядывали из-под вышитых занавесей, блестя ожерельями и красуясь вышивкой на геннинах, с которых на лица дам спускались легкие вуали.

Надо ли говорить, что и караван, и купцы, и дамы были ненастоящими.

Годрик, как и обещал своим людям, сам наряжился дамой.

сидел на облучке «дамской» повозки, пощипывая струны лютни, и зорко посматривал по сторонам из-под вуалетки, позволявшей видеть всех и вся, не привлекая внимания.

На первый взгляд, ничего подозрительного вокруг не было — двое нищих толклись возле сточной канавы, деля объедки и награждая друг друга тумачами. При появлении каравана, они забыли драться и проводили повозки взглядами.

Дорога старой тропой была не из лучших — ямы и валежник. Сидевшие в повозке позади Годрика рыцари сдержанно ругались, когда их метало от одного борта к другому, и недоумевали — как можно нежным женщинам предпочитать этот способ передвижения? В седле и удобнее, и проще.

Прислушиваясь краем уха к ворчанию за спиной, Годрик не забывал прислушиваться и к лесным шорохам и шумам, и оглядывать местность — благо, дамская вуаль облегчала дело. И хотя он ожидал всего, чего угодно — от падающего поперек дороги дерева до разбойников в кожаных масках, выскочивших из ближайших кустов, невольно вздрогнул, когда рядом с ним плюхнулся один из рыцарей, выбравшийся из глубины повозки. Женское платье и плащ с капюшоном изменили его необыкновенно, и Годрик не смог узнать, кто это вылез на облучок, нарушив его приказ — не высовываться из повозки до появления разбойников. Маскировка — маскировкой, но если бандиты не совсем дураки, при ближайшем рассмотрении поймут, что таких рослых и неуклюжих женщин просто не бывает.

— Что хотел?

Рыцарь помотал головой.

— А каких болотных жаб ты вылез? Скройся, если не хочешь, чтобы нас раскусили раньше времени!

— Почему — раскусили? — спросил рыцарь, выглядывая из-под капюшона.

Годрик дернулся так, что лютня свалилась и ударилась о подножку, издав жалобный звон.

— А ты здесь откуда?! — бешеным шепотом спросил он, хватая за плечо Эмер, потому что на облучке рядом с ним восседала именно она.

— Из повозки, — она удивленно указала большим пальцем за спину.

— А в повозке ты как оказалась, дочь горгульи?!

— Не ори, Годрик, — посоветовала жена, оглядываясь. — Хороша дама с таким басом. Эй! А что ты делаешь?

Годрик натянул поводья, заставляя лошадей остановиться, но Эмер вырвала у него вожжи и подхлестнула животных.

— Мы возвращаемся немедленно! — все же Годрик внял предупреждению и опять перешел на шепот, но менее спокойным не стал.

— Мы не возвращаемся! — ответила она ему в тон. — Мы сделаем то, что собрались.

— Я сделаю! Я! — Годрик попытался отобрать у нее вожжи, но Эмер вцепилась в них мертвой хваткой и пихала мужа коленом в бедро, заставляя отодвинуться.

Возня на облучке была замечена рыцарями. Спрашивать, что случилось, они не осмелились, но услышав позади осторожное покашливание, Годрик оставил жену и вцепился в колени, ругаясь сквозь зубы.

Вдруг на него снизошло озарение, и он уставился на жену, которая с невозмутимым видом правила лошадьми:

— Кто посмел тебя выпустить? Я же велел, чтобы караулили день и ночь. Неужели, леди Фледа...

— Ты меня совсем за дуру считаешь? — ответила Эмер беззаботно. — И не обвиняй дорогую матушку, она ничего не знает. Я разговорила ее, узнала про платья, про то, что ты, якобы, поехал в сопровождении рыцарей в кузню, а потом увидела повозки, и как твои болваны тайком лазали в сарай, таская сено. Поэтому сбежала и спряталась между мешками. Я придумала этот план, Годрик, и только мы должны осуществить его.

— Никаких «мы», — он улучил момент и выхватил у нее вожжи.

— Годрик, разлукин сын!.. — закричала Эмер шепотом.

— Возвращаемся, — сказал он, не обращая внимания на оскорбление.

Эмер немного застыдилась своей невыдержанности и поспешила оправдаться:

— Видишь, как ты меня разозлил? Так-то я никогда не ругаюсь...

— Надо думать, — поддакнул Годрик и свистнул, давая знак вернуться.

Возница с первой повозки оглянулся, думая, что ослышался, но Годрик махнул рукой, приказывая поворачивать.

— Дурак, безнадежный дурак, — сказала Эмер со вздохом. — Все шло так хорошо, пока ты не испортил дело.

— Это ты его испортила. Сидела бы дома... Кстати, а как ты сбежала? Ты ведь сбежала?

— Конечно. Не сказала же леди Фледе, что собираюсь прогуляться по лесу, кишашему разбойниками. Связала леди Сару, накинула ее плащ и...

— Связала — кого?!

— Тише, тише, — Эмер успокаивающе погладила Годрика, пользуясь тем, что он разворачивал повозку и не мог оттолкнуть ее руку. — Я связала ее очень нежно и уложила в кровать со всеми удобствами. Если не станет дергаться, то увидит прекрасные сны.

— Даже не знаю, что сделать с тобой, — признался Годрик тоскливо. — Огромная благодарность Её Величеству — она подсунула мне в жены ведьму!

— Вот уж неправда, — обиделась Эмер. — Да я ничегошеньки не смыслю в колдовстве. А вот в поимке разбойников...

— Тоже не смыслишь!

Эмер хотела заспорить, но тут прямо под копыта лошадям бросилась полуголая, встрепанная девица. Измызганная рубашка едва прикрывала ее святая святых, а рукава отсутствовали напрочь, являя во всей красе молодое женское тело. Спутанная грива темно-русых волос достигала пояса, а измазанное личико — даже искаженное страхом — было милovidным.

— Помогите! Спасите! Там разбойники! — возопила она, хватая под уздцы передового. Обозы остановились, "дамы" выглянули из-за занавесок, едва не вываливаясь через борта.

Колени девицы подломились, и она весьма живописно распласталась на земле. Верховые заоглядывались на Годрика, не зная, как поступить, а Годрик, от души прокляв сегодняшней день, прокашлялся в кулак, стараясь говорить тоньше:

— Разве мы можем отказать в помощи тому, кто попал в беду? Возьмите ее в седло и дайте плащ, чтобы прикрыть наготу.

Судя по недовольному сопенью позади, "дамы" были не прочь потесниться, давая место жертве разбойников. Но едва один из всадников наклонился, протягивая девице плащ, она забилась в рыданиях, прикрывая голову руками и вопя, что ни за что не поедет вместе с мужчиной.

— Она соберет здесь полкоролевства, если будет так вопить, — подлила Эмер масла в огонь. — Что будешь делать? Продолжишь драпать или поможешь девчонке?

— Сиди здесь и если что — прячься, — пробормотал он, отпинывая лютню, которая мешала ему спуститься с облучка, и перекидывая жене вожжи.

— Нет уж, сама пойду, — Эмер вернула вожжи ему и спрыгнула на землю, даже не озаботившись воспользоваться ступеньками, как это приличествует даме.

— Стой! — зашипел Годрик ей вслед, но Эмер уже приблизилась к жертве, на ходу снимая плащ. Рыжие кудри заструились до самой талии. В свете восходящего солнца, прорвавшегося вдруг сквозь тучи, они казались объятными огнем, и «дамы» в повозке застыли с таким идиотским выражением лиц, что в любое другое время Годрик знатно похохотал бы над этим. Но сейчас было не до этого. Путаясь в платье, он полез с облучка, молясь, чтобы на них напали не раньше, чем он доберется до Эмер. «Если выживет — убью своими руками», — подумалось ему. Не совсем правильно подумалось, но других мыслей попросту не было.

Эмер же набросила на девицу плащ и подтолкнул к повозке, чтобы быстрее усаживалась. Она всего лишь на мгновение отвел глаза, как вдруг жертва прыгнула, словно кошка, и оказалась за ее спиной, а горло захолодила сталь ножа.

— А теперь, моя леди, вели своим псам бросить оружие, оставить коней и пойти вон отсюда, — заговорила девица, цепко ухватив его за ворот. — Если хочешь жить — подчиняйся!

Совсем близко было лицо Годрика — перекошенное, бледное. Эмер смотрела на него не отрываясь. Надо будет не забыть сказать ему, что с открытым ртом он выглядит, как вилланский дурачок. Только бы не бросился на помощь и не испортил все окончательно. Она покосилась на девицу-разбойника, которая была гораздо ниже ростом, чем Эмер, и теперь, командуя, старательно выглядывать из-за её плеча.

— Оружие на землю! — кричала она. — Спешиться!

— Делайте, как она говорит! — сказал Годрик. В этот раз ему не понадобилось менять голос — горло перехватило, и вместо слов получилось сплошное бляение.

Из леса выскочили человек десять в масках из черной ткани. Вооруженные луками, они взяли на прицел охранников караван, не слишком интересуясь женщинами, и раскрыли кошель, висевшие у каждого на шее.

— Хотите остаться в живых — отдавайте деньги и драгоценности! — заявила девица из-за плеча Эмер.

— Мы все отдадим, — сказал Годрик хрипло, делая шаг вперед, — только отпусти девушку...

Рыцари сдержанно зашумели, но команды оказывать сопротивление не было, да и появление леди Фламбар меняло планы. Они сгрудились возле борта повозки, не зная, что предпринять.

— Стой, где стоишь! — приказала Годрику.

Стрела свистнула возле самой щеки, разбойница дрогнула, и Эмер от души выломала ей руку, выбивая нож.

— Вперед! За Красного короля! — закричала она, позабыв, что уже давно не Роренброк, и боевой клич ее рода незнаком рыцарям из Дарема.

Она не видела, что стрелы, полетевшие из-за дубов, смели разбойников в масках и только чудом миновали ее рыжую голову. Не поздоровилось бы и «дамам», но их защитил

кожаный полог, а паче того — кольчуги, надетые под платье.

Годрик настиг наконец неугомонную жену и прикрыв ее, свистнул в два пальца, давая команду к атаке.

"Дамы" взревели, как быки на бойне, обрушили полог повозки и вскинули припасенные арбалеты, выстрелив почти в упор в тех, кто прятался в чаще.

Потом благородные леди вытащили припрятанные мечи, перепрыгнули через бортики повозок и бросились на разбойников, на ходу заправляя подола платьев за пояса. Этот трюк Годрик отработал с ними до идеальной точности. Нет ничего хуже, как сдохнуть в стычке из-за того, что запутался в тряпках.

Эмер уже скрутила бандитскую девицу и готовилась связать своим пояском, но тут разбойница извернулась и укусила ее в предплечье. Взбешенная таким низким приемом, Эмер совсем не по-женски двинула ей в челюсть. Разбойница выплюнула зуб и кровь, и в этот самый миг Годрик налетел на Эмер и повалил, прижимая к земле. Теперь стреляли низом, и кто-то из рыцарей вскрикнул, раненый в ногу, выше колена. Разбойничья девица не стала мешкать — метнулась, как тень, и скрылась в кустах. Эмер хотела броситься в погоню, но Годрик снова повалил ее. Платье мешало, но жену удержать он смог.

— Лежи... Стреляют, — выдохнул он, вжимая ее головой в прелую прошлогоднюю листву.

Две или три стрелы на излете ткнулись ему в плечо, но кольчуга сослужила хорошую службу.

— Обхвати меня за шею, — велел он Эмер, а сам обнял ее за пояс, ложась на бок, спиной к стрелявшим. — Ползем к повозкам, там безопаснее.

Жена поняла и распласталась за ним, схватив за ворот платья. Самое противное, что глаза у нее так и блестели, и страха в них не было ни на крупинку.

— Почему они только стреляют? Почему не нападают открытым боем? — спросила она, как будто выдалось удачное время для расспросов.

— Потому что у них есть мозги... в отличие от тебя... — Годрик полз в сторону повозок, рывком подтягивая за собой Эмер. Его люди, не сумевшие отбить нападение, опрокинули одну повозку и укрылись между колес, срывая женское тряпье и ругаясь уже в голос.

Их заметили как разбойники, так и рыцари. Первые начали стрелять чаще, целясь именно в ползущих, а вторые постарались отвлечь внимание нападавших, отстреливаясь из укрытия. Но яркое пламя благоволило юной паре, и они добрались до перевернутой повозки целые и невредимые. Эмер тут же усадили в середину, а Годрик с отвращением стянул платье.

— Какой замечательный план, — сказал он насмешливо, — и как он замечательно провалился!

Эмер мигом позабыла о нависшей над ними опасности и полезла с кулаками:

— Ты обвиняешь меня во всех неудачах?!

— Миледи, спрячьтесь, — сказали ей сразу несколько голосов.

Нехотя усевшись обратно на землю, девушка отвернулась, всем видом показывая, что оскорблена.

— Вы взяли с собой госпожу? — осмелился спросить кто-то из рыцарей.

— Я похож на умалишенного? — ответил Годрик вопросом на вопрос, принимая протянутый меч. — Сколько их там?

— Не больше, чем нас, милорд. Шестерых своих они застрелили без жалости.

— Наши все целы?

— Стефан ранен.

— Подумаешь, простреленная ляжка! — возмутился Стефан — совсем еще молодой рыцарь с побитым оспой лицом. — Дойдет до прямой схватки, я получше вас окажусь!

— Все дело в том, сколько у них стрел, — криво усмехнулся Годрик. — Ловко они нас провели с подставной бабой.

Эмер тем временем проползла на четвереньках и высунулась из-за повозки, чтобы осмотреться. Ее сразу затащили обратно, потянув за ноги, а верхом просвистело несколько стрел — разбойники не дремали.

— Ты прижмешь свою... — начал Годрик, но осекся и закончил: — Просто сиди смиренно, хорошо?

— Они идут в обход, между прочим, — с ехидцей сказала Эмер. — Сейчас засядут в кустах с той стороны и расстреляют нас, как курят.

— Мы не курята, — сказал Годрик и оглядел рыцарей. — Лоркан! Мы прикроем, а ты возьми коня и увези миледи...

— Никуда не поеду! — возмутилась Эмер, вцепившись для верности в лопасти колеса. — Он не сможет быстро распрячь лошадей! Его десять раз пристрелят

— Ты — молчишь, — Годрик ткнул ей в грудь пальцем с такой силой, что Эмер сойкала.

— У миледи нет кольчуги...

— Будет.

Годрик распустил пояс и принялся стаскивать кольчугу.

— Это ты безмозглый, Годрик Фламбар! — крикнула Эмер. — Не делай глупостей!

— Не надо, милорд! — сэр Лоркан тоже распустил пояс, а за ним — остальные рыцари. — Миледи возьмет мою кольчугу...

— Лучше мою, ей она будет впору...

— Мою...

— Вы все спятили! — Эмер ударила пяткой по земле, но в глазах защипало от сдерживаемых слез. Только теперь она поняла, что поставила под удар всех этих мужчин, которые прошли не одну заварушку, и для которых она была лишь обузой.

— Молчат все, — скомандовал Годрик, пресекая ненужные споры. — Некогда играть в благородство. Жена — моя, за нее отвечаю я.

Он снял кольчугу и растянул, чтобы жене легче было надеть.

Но Эмер медлила.

— Знаешь, Годрик, — залепетала она, подозрительно шмыгая носом, — знаешь, я ведь...

— Быстро, — приказал он.

Девушка медленно, как в дурном сне, протянула руки, чувствуя, что тело не желает слушаться.

Человек в черном возник возле повозки быстрее, чем Эмер успела вздохнуть. Но стрела, нацеленная прямо в беззащитного Годрика сразу прогнала дурное оцепенение. Все произошло так же быстро, как тогда, на королевском пикнике.

— Берегись! — Эмер словно лесная кошка бросилась на мужа, разворачивая его и закрывая собой.

Тетива разбойника зазвенела раньше, чем закрипели рыцарские арбалеты.

Острая боль пронзила правое плечо. Стало так больно, что скулы свело, а перед глазами заплясали радужные пятна. Но вслед за пятнами наступило необыкновенное прояснение, и Эмер увидела всадников, чьи кони мчались во весь опор по направлению от Дарема. Первым на вороном жеребце летел Тилвин, держа обнаженный меч, клинок которого так и сверкал в утреннем солнце. Вороной смял разбойников, вышедших из чащи, сверкающий клинок описал дугу — одну и вторую, и словно мимоходом смахнул головы двум лучникам, целившихся в рыцарей за повозкой.

— Тиль! Благослови тебя яркое пламя! — завопила Эмер еще громче, чем когда предупреждала Годрика об опасности.

Она хотела хлопнуть в ладоши, радуясь спасению, но правая рука повисла плетью. Эмер изумленно вскинула брови, увидев, что из плеча торчит черная граненая головка стрелы, перемазанная в крови. Только тут до сознания дошло, что случилось.

— Не злись, ради всего святого! — испуганно сказала она Годрику. — Ничего страшного, просто сквозная рана! Я видела такое сто раз...

Рыцари перешли в наступление, а разбойники, напуганные прибывшим неожиданно подкреплением, бросили луки и кинулись удирать в чащу.

— Ничего страшного, — бормотала Эмер, оседая в объятиях Годрика, — даже кость не задело, потому что если бы задело — царапнуло бы... и мне совсем не больно, вот ни чуточки...

Тилвин не бросился вдогонку за улепетывавшими бандитами, а спрыгнул с коня, почти не дав ему замедлить бег, широко шагая подошел к укрытию за повозкой, бросил взгляд на Эмер, которая уселась прямо на землю, привалившись спиной к колесу, а потом коротко, без замаха ударил Годрика в скулу. Тот не заслонился и не сделал попытки уклониться. Тилвин ударил его второй раз и третий, и только тогда вернувшиеся рыцари оттащили начальника стражи от лорда.

— Тиль, по носу его не бей, — сказала Эмер, — я ему сама врежу... потом...

Ей показалось, что она сказала это громко, но на самом деле, слов ее никто не услышал. А потом наступила чернота и тишина, и уже Эмер не слышала, как начальник стражи выкрикнул ее имя, бросаясь к ней, а Годрик сказал мрачно и тихо:

— Положите леди в повозку — и быстро в Дарем. Лоркин, садись верхом. Скажи в Дареме, что срочно нужен лекарь. Только быстрее, понял? Быстрее.

Глава 17 (начало)

— Не надо так стонать, миледи, повернитесь на бочок...

Эмер подчинилась, когда мягкие, но сильные руки помогли ей перевернуться на левый бок, и только потом открыла глаза. Окно спальни закрывали занавеси, свеча поставлена за кувшин, чтобы свет был рассеянный.

— Хотите чего-нибудь? — спросил тот же голос. Спросил, вроде бы и участливо, но все равно... равнодушно.

— Хочу пить, — сказала Эмер, едва ворочая распухшим языком. — Кто вы?

— Верффрита, миледи. Сиделка.

— Я что, больна?

— Совсем чуть-чуть, миледи. Вот, попейте, у меня здесь целебное питье...

Сиделка помогла Эмер сесть и придержала чашку, пока девушка пила.

— Почему так плохо? Ведь всего лишь стрела, — сказала Эмер, осторожно прощупывая руку сквозь повязку. Плечо распухло и походило на тугую подушку, каждое прикосновение причиняло боль. Локоть тоже опухал, и это удивило Эмер еще больше.

— Я позову леди Фледу, — сказала сиделка.

Эмер кивнула, продолжая попытки пошевелить рукой, но пальцы были словно чужие, и ими не удавалось пошевелить.

Дверь спальни распахнулась, но вместо леди Фледы вошел Тилвин. Не глядя, он ногой подтянул табуретку и сел возле постели, взяв Эмер за больную руку.

— Как ты? — спросил он с таким страдальческим выражением лица, что Эмер перепугалась не на шутку.

— Все ли хорошо, Тиль? — спросила она, дрожа. — Все ли живы? Что с Годриком?

— О нем волнуешься? — бросил Тилвин с досадой. — Он о тебе не волновался!

— Что с ним? — теребила она его.

— Что с ним может быть? Жив-здоров, спит.

— Хвала яркому пламени, — Эмер изобразила священный знак левой рукой. — А остальные? Все живы?

Тилвин опустил глаза, и она сразу поняла и спросила одними губами:

— Кто умер?

— Сэр Стефан и сэр Мерра.

— Убиты разбойниками?..

— Нет, умерли уже в Дареме, от ран.

— От ран?! Сэр Стефан был ранен в ногу! Что за лекари у вас!

— Не кричи, — Тилвин взял Эмер за плечи, принуждая улечься. — Они были ранены ядовитыми стрелами. Лекари не смогли распознать яд.

— Яд?! — пискнула Эмер, чувствуя, как холод добрался до сердца. — Тиль, я... я тоже?.. Поэтому рана не зажила?..

Он опять опустил глаза, и это было красноречивее всякого ответа.

Эмер сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

— Новости все лучше и лучше, — изрекла она, наконец. — Какие же грозные лесные разбойники, если пользуют яд, который не могут распознать королевские лекари!

— Пришла в себя? — раздалось в коридоре, и появилась леди Фледа. Выглядела она как всегда — достойно, аккуратно, и даже вуаль с генина, переброшенная через сгиб локтя, струилась красивыми ровными складками, но Эмер заметила, что под глазами свекрови легли тени, и морщины от крыльев носа к углам рта обозначились глубже.

Тилвин вскочил, уступая место, но леди Фледа села на край кровати и пощупала лоб невестки.

— У тебя жар, — сказала она с беспокойством.

— У тех... кто умер, тоже был жар? — спросила Эмер.

Свекровь промолчала, но Эмер сказала:

— Хозяйка Дарема должна знать все. Говорите!

— Да, — вынуждена была признать леди Фледа. — Также жар... Сейчас придут лекари...

— Что толку, если они не могут определиться с противоядием? — возмутилась Эмер.

Но осмотреть себя позволила, и даже выпила пилюли, которые посоветовал дать один из ученых королевских врачей. Пилюли были горькими, от них замутило и не стало ни на йоту легче.

— Будем молиться яркому пламени, — изрекла свекровь, когда лекари удалились.

— Где мой супруг? — перебила ее Эмер. — Попросите, чтобы пришел, я хочу его увидеть.

Ей сразу не понравилось, как переглянулись леди Фледа и Тилвин.

— Что происходит? Тиль, ты солгал мне? Что с Годриком?

— Скажите ей, — вымолвил Тилвин через силу.

— Да что случилось?! Он жив?

— С ним все хорошо, — успокоила ее свекровь, — но он... не придет.

— Почему?!

— Сразу по возвращении он заявил, что желает развестись, потому что своенравная жена — позор для дома Фламбаров, и написал прошение Её Величеству, — сказала леди Фледа. — Мне очень жаль, невестка, но таково его решение.

— Развестись... — Эмер ударила левым кулаком по кровати и сразу скривилась из-за боли в потревоженной ране. — Уже и письмо тетушке настрочил. К чему спешка? Мог бы подождать день-два, пока я отдам концы.

— Невестка! — ахнула свекровь.

— Бросьте причитания, — ответила Эмер грубо, — даже Тиль меня уже похоронил. Но я сдаваться не намерена, вот увидите. И Годрику не видать ни развода, ни моей смерти. Можете так ему и передать.

— Я перехватила письмо, — сказала леди Фледа. — Незачем позорить семью.

— Правильно сделали, — поддержала ее Эмер. — Дайте только встать на ноги, я поговорю с этим наглецом. Я ему жизнь спасла, если он помнит!

— Не злись, — постарался успокоить ее Тилвин, — от этого подымется жар.

— Он и так уже поднялся, и с этим ничего не поделаешь, — огрызнулась Эмер. — Дайте воды, страшно хочется пить...

К вечеру лихорадка усилилась. Сиделка постоянно обтирала Эмер холодной водой с уксусом, но это не помогало. Тилвин приказал принести таз со льдом и заглядывал каждую свободную минуту.

После вечерней молитвы он пришел пожелать спокойной ночи, но не смог произнести

ни слова. Сидел возле постели и держал Эмер за руку.

— Не бойся, Тиль, — сказала Эмер ободряюще, хотя дышала тяжело, будто бежала в гору, — я не умру. Сейчас не умру. Не спрашивай, откуда я об этом знаю — знаю и все, — и добавила совсем детским голосом: — Годрик так и не появился...

Слезы потекли по ее щекам, и она побыстрее вытерла их, стесняясь Тилвина.

— Ты не думай, я не плачу, — сказала она, — это от жара.

Дверь бесшумно открылась, и на пороге остановился высокий мужчина. Эмер приподнялась на локте, выглядывая из-за Тилвина.

— Годрик?.. Это Годрик?

Мужчина сделал шаг вперед и встал в круг света, отбрасываемый пламенем свечи. Это был Ларгель Азо, облаченный в черную сутану, с белой траурной колораткой, он положил на стол книгу со святым писанием и начал снимать перчатки — медленно, не глядя на больную.

— Выйдите все, — сказал он. — Я пришел исповедать леди Фламбар.

— Я не хочу исповедоваться... — сказала Эмер, с трудом разлепив губы. — Я не умираю! И тем более, не стану исповедоваться — вам!

— Все — вон, — повторил священник, и Тилвин послушно встал с табуретки, а две служанки и сиделка почти бегом покинули спальню.

— Тиль, не уходи, — взмолилась Эмер, удерживая начальника стражи за руку, а он стоял понурившись и смаргивал с ресниц слезы.

— Поторопитесь, сэр Тюдда, — сказал епископ ледяным тоном. — Если окажется слишком поздно, вы ответите за это.

— Не уходи, не оставляй меня с этим человеком... — бормотала Эмер.

Но Тилвин разжал ее горячие пальцы.

— Прости, — прошептал он, касаясь ее волос и щеки.

Лишившись последнего защитника, Эмер села в постели, подобравшись, как перед дракой.

— Как ваше здоровье, леди Фламбар? — спросил Ларгель, бросая перчатки и пинком отшвыривая табуретку, чтобы не мешала подойти к кровати. — Впрочем, не затрудняйтесь ответом. И так ясно, что все для вас складывается не лучшим образом.

— Я еще жива, — напомнила Эмер, — наверное, вашими молитвами.

— До меня дошли слухи, что вы проявляете столь похвальное, но редкое рвение к церковным легендам...

— Хозяйка Дарема должна знать обо всем.

— ...а особенно вас интересует святая Медана...

— Не только. Я интересовалась еще и...

— ...жизнью преподобного Ларгеля.

На это Эмер нечего было ответить, и она замолчала, уставившись в стену.

— Уймите прыть, леди Фламбар, — посоветовал епископ.

— Вы мне снова угрожаете?

— Я вас предупреждаю, — сказал Ларгель Азо.

— Надо же... А сказали, что пришли исповедовать.

— Да, с этим надо поторопиться, — признал епископ. — У вас мало времени. Вы не доживете до утра.

— Не будьте так уверены, — сказала Эмер тихо и твердо.

— Я всегда говорю только то, в чем уверен.

Он сел прямо на край кровати, и Эмер сжалась в комочек, стараясь отползти к противоположной стороне.

— Вы не доживете до утра, — повторил Ларгель, буравя девушку взглядом, — но перед смертью я предлагаю вам совершить нечто, угодное небесам.

Сделав выразительную паузу, он подождал, не возразит ли ему Эмер, но та молчала.

— Вы читали житие и знаете, что от моего взгляда не ускользает нечистая магия, и я чувствую упырей, которые питаются человеческой кровью, презрев небесные законы. Когда я только увидел вас, то сразу распознал черную магию и упырей, с которыми вы общались. Напрягите память и расскажите, кто при королевском дворе гадал вам, возможно, предсказывал будущее, показывал невинные фокусы или пел песни на непонятном языке.

Эмер откинула одеяло, чтобы убежать, но епископ схватил ее за плечо, потревожив рану.

— Облегчите душу, леди Фламбар, — заговорил он приглушенно, — только имя, одно лишь имя — и я буду молить небеса, чтобы приняли вашу грешную душу.

— Никто! Никто не гадал! — выпалила Эмер.

— Вы лжете.

— Нет!

— И сейчас лжете. Имя, назовите имя.

Эмер с ужасом понимала, что еще минута-другая, и она расскажет епископу про Айфу, потому что все ее существо, порабощенное магией служителей яркого пламени, стремилось признаться, покаяться и молить о прощении. Но выдать Айфу?.. Черное колдовство... Это неправда, Айфа не может быть черной колдуньей, потому что... потому что она — Айфа. Она из Роренброков, а Роренброки никогда не запятнали себя ничем постыдным. Упыри, черные колдуньи...

— Вы все равно умрете, — вливался ей в уши голос Ларгеля Азо, — признайтесь, придите в лоно церкви с чистым сердцем...

Борясь с чарами, понуждавшими к признанию, Эмер, как наяву увидела собаку, которая выскочила на нее во дворике Нижнего города. Тот же самый животный взгляд, что у епископа... И решение пришло само собой.

— Это было в Нижнем городе! — выдохнула она. — Нижний город, мне гадала женщина по имени Кютерейя. Только я не знаю, какой это был дом. Я заблудилась, помню только, что там был фонтан.

Епископ отпустил ее так резко, что она упала на подушки.

— Вы говорите почти правду, — сказал он. — Но в чем-то лжете. Я разберусь — в чем.

Он запустил пальцы за пояс сутаны и достал стеклянный флакон, в котором засветилась алая, как рубин, жидкость. Вынув пробку, епископ поднес флакон к губам Эмер:

— Пейте.

— Что это?

— Просто пейте. И перестанете страдать, — он произнес последние слова и улыбнулся. Лучше бы он этого не делал, потому что улыбка показалась Эмер страшнее лика смерти. Она забилась, как сумасшедшая, пытаясь выскочить из постели:

— Это яд! Я не стану это пить!

— Замолчите, глупая девчонка, — прошипел Ларгель, наваливаясь на нее всем телом.

Эмер визжала и вцепилась ему в ухо левой рукой, но была слишком слаба, чтобы

сопротивляться достойно.

Епископ поймал ее лицо и больно нажал пальцами на щеки, принудив разжать зубы, влил жидкость из флакона и зажал Эмер рот ладонью, чтобы не выплюнула. Отбросив флакон, он зажал ей еще и нос. Волей-неволей девушка проглотила снадобье, и тут же потеряла последние силы, и обмякла, почти потеряв сознание.

Сделав свое дело, епископ потерял к девушке интерес. Встав и поправив сбившуюся колоратку, он наступил на флакон, превратив его в горстку стеклянной крошки, потом натянул перчатки — так же медленно, словно священнодействуя, взял книгу.

Эмер следила за ним из-под полуопущенных век, чувствуя, как рубиновое питье бежит по всем ее членам, горячее, как огонь.

— Да, ваши грехи прощены, — сказал Ларгель Азо, словно вспомнив о раненой, и не глядя осенил ее знаком яркого пламени.

Оставшись одна, Эмер долго смотрела в дверь. Хотелось плакать, но слезы не текли. Более того, на душу снизошло такое умиротворение, что хотелось превратиться в облако и лететь в небеса, наслаждаясь дуновением ветра и пением птиц.

«Вот она — смерть, — подумала Эмер. — Совсем не страшно, а такие ужасы рассказывали... Но как же предсказание Айфы? Сначала любовь, потом смерть. Или Айфа ошиблась? Нет, она никогда не ошибается».

Мысли путались, и постепенно Эмер провалилась в сон. Обыкновенный сон, с сновидениями о замке в Вудшире, вкусном крыжовенном пироге и первом пони, на котором ей пришлось прокатиться.

Глава 17 (окончание)

В Вудшире светило солнце, и Эн Фиор несла свои воды к морю. Эмер шла по берегу реки, срывая цветы. Все было, как в детстве, когда она бродила по равнине Маг Риг и мечтала о подвигах и странствиях. Она поднялась на холм, откуда открывался вид на Роренброк, и вдруг увидела, что замка не существует. Вместо него остался лишь остов — каменные балки и полуистлевшие деревянные перекрытия. Словно сломанные зубы торчали сторожевые камни, между ними бродили овцы, пощипывая траву, а две старухи деловито собирали в корзину мелкие камни, которые валялись грудой тут и там.

Эмер сразу поняла, что прошло много, много лет — река осталась той же, и равнина, а вот замок — творение людских рук — не выдержал испытания временем. На мгновение ей стало горько, потому что если не выжил замок, то значит, нет уже ни Айфы, ни Бранвен, ни близнецов, ни ее самой. Она положила собранные цветы у ближайшего камня — словно на дорогую могилу и побрела с холма, не зная, куда ей идти. На излучине Эн Фиор она увидела могильный камень — знак яркого пламени, заключенный в круг. Эмер подошла, испытывая любопытство и страх. Чье имя она прочтет на могильнике? Не свое ли?

Надпись была полустертой, через нее бежали трещины, но Эмер все равно разобрала ее, читая по складам и угадав имя почти сразу: Ларгель Азо! Это имя ударило ее сильнее молнии, она отшатнулась и... открыла глаза.

Сколько времени прошло с тех пор, как епископ приходил ее исповедовать? Шторы все так же были приспущены, свеча сеяла мягкий красноватый свет, и никого не было рядом.

Ужасно хотелось пить, и Эмер приподнялась, отыскивая чашку и воду взглядом. Тело послушалось ее и не отозвалось болью. Пошевелил правой рукой, Эмер принялась срывать повязку. Так и есть! Рана почти зарубцевалась, а опухоль спала. Что это — чудо? Или... чудодейственное зелье епископа?

Спустив ноги на пол, Эмер встала и почти уверенно добралась до стола. С наслаждением напилась из кувшина и уставилась в зеркало на собственное отражение. Не приснилось ли ей, что она умирает, и что епископ допрашивал ее об Айфе?

Вошла сиделка Верфрита и ахнула, уронив поднос, на котором стояла миска с водой. Звон разбившейся посуды болезненно отозвался в голове, и Эмер поморщилась.

— Можно быть и поосторожнее, — попеняла она неосторожной служанке и потребовала: — Есть хочу. Принесите чего-нибудь.

— Миледи, — прошептала сиделка, словно перед ней предстало приведение. — Это такое счастье, миледи...

И помчалась по коридору, оглашая замок криками:

— Миледи живая!.. Миледи живая!..

Эмер покачала головой и принялась натягивать домашнее платье. Она и так слишком долго провалялась в постели, теперь ей не терпелось выйти на вольный воздух. Одевшись, она подняла шторы. Яркое солнце почти ослепило ее. Распахнув ставни, Эмер высунулась из окна, дыша полной грудью.

— Живая?! — в спальню ворвались леди Фледа в сопровождении своих дам, и даже Остриуд прибежала, тараща глаза.

— Хвала небесам! Это чудо, чудо! — Леди Фледа порывисто опустилась на колени и

зашептала молитву. Дамы последовали ее примеру, и Эмер тоже ничего не оставалось, как встать на колени и молитвенно сложить руки. Судя по лицу молившейся Остриуд, она ждала других вестей.

— Ну все, закончили молитву, — сказала Эмер через четверть часа, когда у нее немилосердно затекли колени. — Я есть хочу. Накормите меня, наконец. Иначе не поверю, что все обрадовались моему спасению, и буду подозревать, что решили уморить меня голодом, раз ядом не получилось.

— Сейчас, дорогая невестка, — засуетилась леди Фледа. — Дамы помогли ей подняться, и она сама принялась накрывать на стол.

— Сколько я проболела? — спросила Эмер, беря ломтик ветчины и выкладывая поверх хлеба.

— Три дня. Вчера было совсем плохо, мы боялись, что потеряем вас.

— Зря боялись. А что леди Сара? — спросила Эмер, приканчивая третье вареное яйцо фаршированное рябчиковым паштетом. — Я виновата перед ней, хотелось бы извиниться.

— О! Она не держит на вас зла за эту милую шутку, — успокоила ее свекровь. — Леди Сара прекрасно себя чувствует, я отпустила ее в деревню, проведать родных.

— И она поехала туда с радостью, — не смогла промолчать Остриуд, — и читала благодарственные молитвы, заикаясь.

— Нехорошо получилось, — посетовала Эмер без малейшего раскаяния. — А где мой муж? Имею сказать ему пару слов.

— Уехал в кузнечную деревню, — ответила леди Фледа, передавая Эмер чашечку со свежей сметаной.

— Уехал с благодарственными молитвами, хоть и не заикался, — буркнула Остриуд.

— Дочь! — сказала леди Фледа выразительно.

— Несомненно, он читал благодарственные молитвы по случаю моего выздоровления. Надо немедленно встретиться с ним. Обрадовать.

— Может, отложите разговор на потом? — осторожно сказала леди Фледа.

— Не надо откладывать на завтра того, кого можно прибить сегодня, — заявила Эмер, вставая из-за стола. — Напишите письмо Годрику, дорогая матушка. Боюсь, мой супруг так обрадуется вести, что мне полегчало, что позабудет, как давать пропуск на въезд в деревню.

— И все же, лучше бы вам поостыть... — сказала свекровь с сомнением, но подошла к столу с письменными принадлежностями и откупорила бутылочку чернил.

— Пишите, пишите, — благословила ее Эмер. — Радостные новости надо доносить как можно скорее, так они доставляют больше радости и счастья.

— Ты бессовестная, как сто коровниц, — сказала Остриуд. — И когда ты поймешь, что мой брат не хочет тебя в жены? Навязываешься, как... как... портовая девка, которой уже отказали, а она все кланчит монету!

— Остриуд! — прикрикнула на нее леди Фледа.

Но Эмер смотрела на золовку с улыбкой:

— Ничего, дорогая матушка, я понимаю, что сестричка очень рада, что я не умерла. Так рада, что в головке у нее помутилось, и ротик болтает глупости. Надо завести золотую иголочку, чтобы зашивать ротик время от времени. Не след девице на выданье болтать невесть что.

Остриуд побледнела и машинально прикрыла рот ладонью.

— Вот так и сиди, — посоветовала Эмер. — Написали? — она взяла кусок пергамента,

на котором свекровь написала свое имя и титул, прижала печать, подтверждая достоверность подписи, и внимательно его осмотрела. — Все замечательно. Я поехала, сопровождать меня не надо.

Но в последний момент леди Фледа все-таки отправила с ней двух дам на осликах и двух рыцарей. Эмер предпочла бы общество Тилвина, но ей сообщили, что начальник стражи выехал из замка по срочному делу. Это не прибавило хозяйке Дарема доброго расположения духа, и она от души обругала ослика под седлом с парчовыми подушками, которого ей вывели.

— Я не сяду на него, — заявила она. — И вы не могли нанести мне худшего оскорбления, чем предложить это существо. Пусть старухи ездят на них, а мне приведите коня, я поеду верхом.

— Коня! — леди Фледа даже схватилась за сердце, услышав такое.

После коротких, но яростных споров договорились, что Эмер поедет на лошади и непременно в дамском седле — то есть поставив ноги на дощечку на левом боку лошади. Эмер подумала и согласилась, но едва завернув за поворот, уселась в седле по-мужски, выставив на обозрение полосатые гетры, что привело благородных дам в полубморочное состояние, а рыцарей в замешательство.

— Дурной знак, — пробормотала одна из дам, и словно в ответ на ее слова с ближайшего дерева сорвался огромный ворон и пролетел перед мордой лошади, на которой восседала Эмер. Испуганная кобыла так и закрутилась на месте, но Эмер удержала ее и заставила развернуться в нужном направлении.

«С тобой я потом разберусь», — подумала она провожая взглядом черную птицу, и подхлестнула лошадь.

В кузнечную деревню их доставили быстро, и Эмер мысленно похвалила себя за финт с поддельным посланием от свекрови. Она не сомневалась, что Годрик никогда не разрешил бы пропустить в деревню ее, законную супругу.

— Где мой муж? — спросила она величественно, когда паром причалил к берегу.

Ее проводили к каменному дому в два этажа. Второй этаж был без стен, и там наверху маячил Годрик. Он оглянулся, заметил жену и отвернулся.

— Оставайтесь здесь, — велела Эмер сопровождавшим, и толкнула двери в дом без стен.

Внутри было темно, но на лестницу, ведущую на второй этаж, сверху падал свет. Эмер ощупью добралась до ступеней, нащупала перила и пошла вверх по ступеням. Знакомый запах достиг ее ноздрей — янтарь и мерзлая земля. Она поднялась на второй этаж и увидела, что Годрик стоит перед деревянными столами в несколько рядов и осторожно переворачивает странные камни, лежащие на столах, покрытых полотном. Камни были белые и светло-серые, попадались и коричневые — их Годрик отбирал и бросал в корзину. От этих камней исходил тот самый терпкий запах, понравившийся когда-то Эмер. Но сейчас запах казался ей отвратительным, как и все, что было связано с Годриком. При появлении жены он даже не повернул головы, продолжая свое занятие.

— Как вижу, ты очень рад меня видеть, — сказала Эмер.

— Рад, — ответил Годрик, отбирая еще один коричневый камешек.

Ответ привел Эмер в замешательство, но уступить она не собиралась:

— Не ждал меня? Думал, это леди Фледа приехала?

— Я знал, что как только ты встанешь на ноги, сразу примчишься. Так что не удивлен, — Годрик встряхнул корзину и перешел к другому столу, где стояла каменная

ступка и лежал длинный пест.

Ссоры не получалось, но Эмер решила не сдаваться.

— Еще скажи: знал, что ты не умрешь от ядовитой стрелы, милая женушка, — сказала она противным писклявым голосом.

— Знал.

Бросив пару камней в ступку, Годрик разбил их пестом и начал перетирать в пыль.

Воинственный настрой таял, как по волшебству. Эмер взяла один из камней, поворачивая против света. Камень был тусклый, непрозрачный, без металлического блеска, и вдруг подался под пальцами, как тесто. От неожиданности Эмер выронила его, камень упал и разбился, а Годрик тут же наклонился, чтобы подобрать все до последней крупинки.

— Что это? — спросила она. — Какой странный камень.

— Это не камень, — ответил Годрик. — Это жолчь огромных рыб, которые обитают далеко отсюда, в теплых морях.

— Жолчь?! — Эмер принялась рассматривать странные комочки с удвоенным интересом. — Огромные рыбы? Решил отвлечь меня детскими сказками?

— Ты спросила — я ответил.

— Это не может быть жолчью, — сказала Эмер уверенно. — Жолчь пахнет совсем не так. Она пахнет горечью и... — она застеснялась сказать при муже «дерьмом» — А тут очень приятный, сладковатый запах. Терпкий, холодный. Так пахло от тебя при первой нашей встрече. Тогда я подумала, что это — какие-то дорогушие духи.

— Это — дорогушее снадобье, — пояснил Годрик. — Именно из этой жолчи я готовлю лекарство для местных жителей.

— Вот оно как... — Эмер черпнула горстью камней, принялась, а потом лизнула один из них. — Откуда ты узнал о нем? Это какая-то тайна королевских лекарей? Именно этим лекарством епископ вылечил меня? Но оно было другим на вкус. И на цвет...

— Нет, не этим, — коротко сказал Годрик, забирая у нее драгоценные кусочки и сыпая в ступку.

— Ага! Значит, это все же было противоядием! Так и думала, — Эмер отряхнула ладони и прошла между столов.

— Леди Фледа рассказала мне кое о каком письме... — перешла она к интересующей ее теме.

— Я написал королеве, что хочу развода, — ответил Годрик так спокойно, словно речь шла об обсуждении ужина.

— Лучше бы поблагодарил за спасенье жизни.

— Благодарю.

Эмер помолчала, ожидая еще чего-нибудь, но продолжения не последовало.

— Годрик, — позвала она.

— Придержи мешок, — попросил он, собираясь высыпать перетертые в порошок камни.

— Ты меня слышишь? — она взяла мешок за края, пока он наклонял ступку. — Зачем ты подал на развод? Ты так зол на меня? Но я же спасла тебе жизнь! Хотя какую-то благодарность заслужила или нет?

— Я тебя уже поблагодарил.

— Это называется благодарностью?! Решил опозорить меня на всю Эстладнию!

— В прощении я написал, что это ты настаиваешь на разводе.

— Я?! Да никогда...

— Послушай, Эмер, — он впервые назвал ее по имени, и это было сродни появлению крылатых коней в воздухе над Даремом.

— Да-а? — произнесла она, чувствуя себя малюткой перед драконом.

— Зачем упорствовать, если затея безнадежна?

Годрик отставил ступу и взял Эмер за плечи, развернув к себе лицом. Потом вспомнил о ее ране и отпустил.

— Ты прекрасно понимаешь, что ничего хорошего из нашего брака не выйдет, и лучше прекратить эту агонию сейчас, чем растягивать на долгие годы.

— Лучше для кого? — угрюмо спросила Эмер.

— И для тебя тоже.

— Меня ты спросил? — она бросила мешок с толчеными камнями на пол. — Пока я жива, ты не избавишься от меня, Годрик Фламбар! Потому что... потому что я не хочу этого.

— Глупая девочка, — сказал он почти с жалостью, беря ее за плечи и снова поспешно отпуская. — Ты придумала, что любишь меня, но это не любовь, поверь. Я для тебя — как кусок пирога, который тебе непременно хочется съесть. Именно этот и никакой другой — так по-детски и так глупо. Королева не оставит тебя и найдет мужа по душе, тебе нечего бояться. Просто когда Ее Величество спросит, желаешь ли ты развода, скажи, что желаешь.

— Ты глухой, что ли? Я не буду разводиться! — крикнула Эмер.

Слезы готовы были брызнуть из глаз, и она испугалась, как бы дурак Годрик их не заметил — развернулась и бросилась прочь, попутно из вредности смахнув с одного из столов его драгоценные рыбы камни. Пусть поползает, собирая!

Скатилась по темной лестнице, едва не улетев с середины, выскочила из дома и побежала, не разбирая дороги. Если она ждала, что муж окликнет ее, то глубоко ошибалась. Даже рыцари не стали ее окликать и, пробежав следом несколько шагов, остановились.

Ноги принесли Эмер на берег той самой реки, где совсем недавно девушке пришлось искупаться. Только в прошлый раз она вышла из воды ниже по течению, а теперь стояла почти у самого моста, возле сараев. Привалившись спиной к бревенчатой стене, Эмер смотрела, как речные струи разбиваются о черные камни, выглядывавшие из воды. По камням можно было перебежать на ту сторону, но они, наверняка, страшно скользкие.

— Что это вы тут примерзли, миледи? — спросил ее старческий голос.

Эмер оглянулась и не сразу увидела, кто с ней заговорил. Потому что посмотрела прямо перед собой, ища лицо собеседника. И не нашла.

— Пойдемте-ка в хижину, — продолжал голос, — ветер сегодня с гор, застудите кости. А там тепло, я налью вам молока, ежели не побрезгуете.

Опустив глаза, Эмер увидела согбенного старика. Спину его изогнуло буквой S, и короткая борода почти достигала колен. Лицо было морщинистым, с намертво въевшейся угольной пылью, отчего старик казался черным гномом, про которых рассказывали, что они — самые искусные кузнецы. Гном закашлялся, закрывая рот чистой тряпицей, и махнул рукой, приглашая Эмер пройти за ним.

— Марвин, миледи. Меня зовут — Черный Марвин, — говорил он на ходу, — потому что я и в самом деле черный, как головешка. Не слишком-то приятное зрелище для ваших глаз, но я постараюсь пореже поворачиваться к вам лицом, ежели это вас не оскорбит, — он надтреснуто засмеялся и распахнул перед девушкой двери.

Изнутри пахло теплом и запахло жареным мясом. Эмер зашла, осторожно оглядываясь. Здесь хранили песок на случай пожара — мешки лежали у стен, рядом с

лопатами и ведрами. И горела огромная жаровня, над которой на металлических прутах висели колбаски, уже поджаренные с одного бока.

— Проходите, миледи, садитесь прямо на мешки, — разглагольствовал Черный Марвин, одним движением переворачивая колбаски, открывая ларь и доставая оттуда кувшин и кружку. — Сейчас подогрею немного молоко, и предложу вам. Кружка чистая, не сомневайтесь...

— С удовольствием выпью молока, — ответила Эмер, усаживаясь на мешки. — И с удовольствием попробую этих замечательных колбасок, ежели захотите со мной поделиться.

Старик посмотрел на нее с веселым изумлением:

— А миледи знает толк в еде!

— И в людях, — подхватила Эмер. — Я думала, вы кузнец...

— Давно уже не кузнец, — ответил Марвин, подтаскивая складной столик и расставляя на нем нехитрую снедь. — Но мой внук теперь старший среди кузнецов. Я передал ему все секреты, что узнал от своего деда. Я знал еще деда нынешнего милорда...

— Это его жена воевала за него, пока он валялся в кровати? — спросила Эмер, кладя кусок горячей колбасы на ломоть хлеба и с аппетитом откусывая.

— Вы про миледи Бельфлер знаете?

— Муж рассказывал, — Эмер произнесла слово «муж», как выплюнула.

— Размолвка у вас с милордом? — сразу понял Марвин. — Это пройдет. Хозяин добрый, гораздо добрее покойного милорда.

— Добрее? — Эмер хмыкнула.

— Что касается меня, я очень доволен, и говорю это без лукавства. Благодаря хозяину мои внуки получили если не свободу, то долгую жизнь.

— Да уж, свобода... — промямлила Эмер, испытывая чудовищную неловкость.

— Не смущайтесь, миледи, — утешил ее бывший кузнец. — Мы прекрасно понимаем, что стоим дороже, чем вся армия королевы. Нас надо держать вот так, — он сжал руку в сильный, черный кулак. — Человек слаб, и всегда найдется тот, кто захочет прикупить немного наших тайн, пообещав манну небесную. Так что мы не жалуемся.

— А можете научить ковать меня? — спросила Эмер.

— Вас?! — Марвин засмеялся, и Эмер засмеялась тоже, хотя не очень весело. — Нет, миледи, это дело не для женских рук, поверьте.

— Но ваши женщины работают в кузне...

— Что им сделается? Они здоровые, как коровы. Да и то их не пускаем к наковальне — мехи покачать, угля подбросить — вот их дело. Остальное оставьте мужчинам.

Эмер со стуком поставила кружку на стол.

— Спасибо, я согрелась и поела. Мне пора.

— Обиделись, — догадался Марвин. — А зря. Ну не женское дело — махать молотом. Посмотрите на меня, в кого я превратился. А вы такая хорошенькая, беленькая — вам надо себя беречь и угождать мужу. Ежели хотите, я вам такую брошь скую, что сама королева позавидует. Не из драгоценных камней — из простой стали, но ахнут все!

— Вы же больше не кузнец, — напомнила Эмер.

— Но от наковальни-то меня внук не прогонит. Я вам...

— А кольчугу на меня скуете? — спросила Эмер, задержав дыхание.

— Можно и кольчугу. Только мерку сниму.

Девушка вскочила, вытирая о платье вспотевшие ладони:

— А четыре кольчуги?

— Четыре? Можно и четыре. Только это долго будет. Полгода не меньше.

— Полгода...

— А вам быстро надо? Так давайте нагрудник литой, как у северных рыцарей? Его и сделать быстрее, и выглядит красивее. А вам ведь покрасоваться, воевать же не будете.

— Литой быстрее... — повторила задумчиво Эмер.

Обратно в Дарем супруги приехали порознь. Леди Фледа встретила Эмер на пороге и увела к себе, чтобы поговорить. Выслушав невестку, она поджала губы, недовольная поведением пасынка.

— Ничего, — утешила она, скорее, себя, чем невестку. Письмо у нас, а там что-нибудь да изменится.

— Угу, — пробурчала Эмер, не слишком в это веря.

— Совсем забыла, — леди Фледа достала из шкатулки легкие папирусные листы, перетянутые ниткой и скрепленные печатью. Тебе письмо, прислали вчера, но я совсем позабыла.

— Письмо? От кого?

— Айфа Демелза.

— Это от сестры! Что же вы молчали!

Эмер схватила заветные листочки, прижимая их к губам:

— Пойду к себе, вы же не против? — и убежала, не дослушав ответ.

Прочитать письмо она решила в своих покоях, чтобы никто не помешал, поправила фитиль свечи, чтобы горела ярче, прямо в платье упала на грубое ложе и развернула полупрозрачные листы. Тонкий почерк Айфы было сложно разобрать — она всегда писала какими-то загадочными крючочками и значками, которые лишь отдаленно напоминали буквы, но постепенно письмо было расшифровано, и доставило Эмер больше тревог, чем радости.

Письмо было коротким, но это и понятно — много ли напишешь на листках, которые отправляют с голубем? Айфа писала, что Сесилия вышла замуж за Ишема и уехала в замок мужа уже беременной. И хотя беременность предполагает смягчение нрава, Сесилия до сих пор не может слышать имени Эмер и даже отказалась сообщать ей о своей свадьбе. Также сестра сообщила, что герцог Освальд, кузен короля, посватался к Бранвен, и это огромная честь для Роренброка, о чем матушка уже растрезвонила по всей столице и Вудширу, но конец письма был не о людях, знакомых Эмер. Она несколько раз перечитала последние строки, пытаясь проникнуть в их тайный смысл, а то, что такой смысл в них имелся — сомнений не было, потому что Айфа никогда ничего не говорила зря.

«Мы с мужем тоже уезжаем, а милорда Даффи посадили в Темную Башню за убийство — подумать только! — гулящей женщины. И хотя многие дамы радовались, что Кютерейя — так звали эту женщину — умерла и перестала свращать благородных мужей к постыдному сожительству, но такой ужасной смерти она не заслужила. Говорят, лорд Даффи пытал ее двое суток, и она испустила дух, потому что сердце не выдержало. И знаешь, я смотрела в зеркало — ты ведь понимаешь, о чем я? Все так странно, Эмер, я не в силах объяснить, потому что ты далеко, но мой совет: сходи в церковь. Это очень важно для тебя и твоего мужа. С приветом и пожеланиями доброго здоровья, твоя любящая сестра Айфа».

Эмер нахмурилась, и в то же время церковный колокол пробил час перехода ко сну. Это означало, что церковь уже закрыта, и откроется только утром. Утром...

Поднявшись с постели, Эмер медленно потянула шнуровку на платье. Она воспользуется советом Айфы и рано утром сразу поспешит в церковь. Сразу, едва только колокол оповестит о начале нового дня.

Она сняла сетку с волос и привычно встряхнула головой, давая кудрям свободно упасть на плечи и спину. Утром... Взяла гребень и тут же отложила его. Нет, она поверит сестре и пойдет в церковь прямо сейчас. Не медля ни минуты.

Глава 18 (начало)

Ночь была совсем не темной, хотя луна шла на убыль и висела над самыми зубцами башни. По замковой стене проходили стражники, они несли фонари, но свет их был тусклым, и Эмер без труда спряталась в темноте. Сначала голоса рыцарей слышались ясно, потом все тише и тише.

Она не взяла плаща, потому что летние ночи теплые, и не стала убирать волосы, рассудив, что все уже разошлось по спальням и никто не должен увидеть ее, в одиночестве блуждающую по замку.

Подойдя к собору, Эмер потянула за дверное кольцо, не слишком веря в удачу, но дверь открылась, хотя внутри было темно. Хотя — нет, не темно. Несколько свечей еще горели в подсвечнике возле алтаря. Девушка вошла, ступая неслышно, чтобы не потревожить священную тишину, потому что ночью даже в освященном месте становится жутко. Раздавшийся скрип перепугал ее до смерти. Остановившись, Эмер пыталась понять, откуда доносятся странные звуки — словно камень с трудом идет по камню.

Пламя свечей колыхнулось, и от алтаря отделилась черная тень. Эмер вскрикнула, разом припомнив страшные истории про упырей, которые днем прячутся от солнца в каменных гробах.

Тень резко обернулась.

— Кто здесь? — раздался приглушенный голос, и Эмер подумала, что сказки про упырей не страшнее реальности.

Еще можно было убежать, но что-то удержало ее. Наверное, послание Айфы, а может — желание поговорить с епископом, потому что у алтаря находился именно он.

— Здесь хозяйка Дарема, — сказала Эмер, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— А, опять шпионите... — протянул Ларгель и взял железный колпачок на длинной рукояти, чтобы гасить свечи.

— За вами? Разве на такое кто-то осмелится?

— Одним небесам известно, на какое безрассудство вы готовы пойти, леди Фламбар, — проворчал епископ, закрывая колпачком одну из свечей. Тьма надвинулась, и фигура епископа приобрела еще более зловещий вид, но Эмер уговорила себя подойти ближе к алтарю.

— Я была не права, ваше преосвященство, — сказала она.

Ларгель даже не посмотрел на нее, пригасив еще одну свечу.

Но его молчание не смутило Эмер:

— Я осудила вас, посчитав, что вы грешны, испытывая человеческую страсть. Но теперь думаю по-другому.

— И пришли сообщить мне об этом ночью?

— Так получилось, — пожала плечами Эмер. Она сделала еще несколько шагов и теперь находилась почти вплотную к алтарю. — Теперь я думаю, что только сильные чувства заставили вас просить помощи у святой Меданы и рыдать здесь, у ее гроба, на коленях. А любовь не может быть грехом.

— Не надо рассуждать о том, чего не понимаете, — оборвал ее епископ. Судя по всему, упоминание о рыдании на коленях не пришлось ему по душе. Он погасил еще пару свечей и

зашел за алтарь, как будто спрятался, пытаясь защититься от Эмер. — Считаете себя такой прозорливой? — спросил он. — В вас нет ни крупинки проницательности, леди Фламбар.

— Да и вы тоже — всего лишь человек, — сказала Эмер.

— Забавно, но эти слова говорил мне несколько дней назад ваш супруг. Когда вот тут, где вы стоите, рыдал на коленях, выпрашивая противоядие.

— Годрик просил вас дать мне противоядие? — после долгого молчания спросила Эмер.

— А вы решили, я по доброте душевной потратил на вас, никчемную девчонку, любопытную, как кошка, небесную кровь?

— Небесную кровь?..

Гореть осталась только одна свеча, Ларгель не затушил ее, а осторожно положил колпачок на пол, чтобы железо не загремело о камни. Он тоже не хотел нарушить покой.

— Конечно, вы ничего не знаете о небесной крови, — епископ обогнул алтарь посолонь и встал напротив Эмер. Неровный свет придавал его чертам излишнюю резкость, сделав похожим на ворона. Крючковатый нос еще больше усиливал сходство. — Вы вообще ничего не знаете.

Он распустил вязку на левом рукаве и закатал его до локтя.

— Видите? Что скажете об этом? — спросил Ларгель, поворачивая руку перед глазами девушки.

Все предплечье покрывали застарелые шрамы — странные, похожие на полумесяцы, располагающиеся один возле другого, соединяясь концами.

— Похоже на укусы...

— Так и есть. Вы читали мое житие и думали, что преподобный Ларгель воюет с невинными, обвиняя их в черном колдовстве? Посмотрите, как ведут себя эти невинные. Каждый шрам — это упырь, которого я отправил в бездну. Не слишком легкое служение, правда?

— Вас кусали упыри? Тогда... — Эмер замолчала на полуслове, не осмеливаясь задать вопрос.

— ...как же епископ Ларгель сам не стал упырем? Вы это хотели спросить?

— Д-да... — выдавила девушка.

Единственная свеча зашипела и погасла, погрузив храм в кромешную темноту. Где то в этой темноте находился епископ, Эмер слышала его хриплое дыхание, но не могла увидеть. Она отступила к выходу, размышляя, не следует ли обратиться в бегство немедленно.

— Бойтесь? — зло поддел Ларгель. — Правильно. Бегите, только не промахнитесь мимо двери.

— Когда встречают хищника, никогда не показывают ему спину, — ответила девушка.

— Безрассудная смелость — в этом вся вы, — сказал Ларгель с издевкой.

Кремень чиркнул по кресалу, и в церкви снова затеплился огонек, прогоняя тени. Эмер вздохнула с облегчением. Пока горит яркое пламя — все кажется не таким уж страшным.

— Так что о небесной крови? — напомнила она. — Именно она избавляет от упыриного яда?

— Она избавляет ото всех ядов. Каждому верному служителю церкви дается флакон с небесной кровью, чтобы не превратиться из воина света во врага. А я вынужден был потратить ее на вас, никчемную...

— Это я слышала, — перебила его Эмер. — Но вряд ли вы просто так согласились

помочь. Что Годрик пообещал за мое исцеление?

— Почему бы не спросить это у него? — любезно предложил Ларгель. — Если он еще жив, конечно.

— Жив? О чем вы?!

— Только о том, — голос епископа стал вкрадчивым и вливался в уши, как патока — сладко и тягуче, — только о том, что муж и жена — одно целое, даже если они соединены всего лишь клятвой небесам, а не телесными узами. И из-за любопытства одного всегда страдает второй. Вы причинили столько беспокойства своим любопытством. Кто знает, не решило ли яркое пламя призвать душу вашего мужа уже этой ночью?

Эмер круто развернулась и бросилась прочь.

Она пробежала весь коридор, когда здравость мысли вернулась. Прижав ладони к вискам, девушка уставилась на масляный светильник, крепившийся к потолочной балке. Пламя подрагивало, словно предостерегая.

— Он пугал меня, — прошептала Эмер. — Он пугал меня, чтобы я сразу бросилась к Годрику... Или не пугал? Что же мне делать, яркое пламя?

Ответ пришел сам собой, и Эмер торопливо направилась совсем в другую сторону от спальни. Туда, где располагались комнаты свекрови и ее благородных помощниц.

Дама, дежурившая у дверей, клевала носом и Эмер попросту прошла мимо, не озаботившись даже постучать.

Свекровь давно видела пятый сон, но Эмер посчитала, что у нее нет времени на учтивые пробуждения и потрясла леди Фледу без особой нежности.

— Дайте мне прошение Годрика, которое вы перехватили, — сказала она, когда свекровь испуганно открыла глаза.

— Вон там, в шкатулке, — ответила леди Фледа заплетающимся со сна языком. — Но для чего оно вам?

Эмер не ответила, потому что уже рылась в шкатулке, отыскивая нужное письмо. Она нашла прошение — завернутое в алую шелковую ткань, скрепленное печатью с изображением языков пламени, и тут же сломала ее.

— Что вы делаете?! — воскликнула леди Фледа, но Эмер углубилась в чтение, пробегая глазами первые строки — приветствия, пожелания доброго здоровья и прочие письменные поклоны, которые полагается излагать в письме любящего племянника.

Но строки в середине она прочитала внимательно и несколько раз:

«...мои опасения, тетушка, о которых я сообщал вам в прошлый раз, подтвердились. Поэтому прошу сразу по получении этого письма расторгнуть мой брак с графиней Поэль и вызвать ее в Тансталлу, чтобы уберечь. Укажите, что именно графиня Поэль настояла на разводе по причине недовольства мною и моих многочисленных измен. Прошу также вызвать и мою сестру, леди Острюд Фламбар, поскольку и ей угрожает опасность, правда, иного толка, о чем я смогу сказать только при личной встрече».

— Самодовольный дурак! — выругалась Эмер, комкая послание.

— Да объяснитесь, наконец! Что происходит? — всплеснула руками свекровь. — Святая Кютерейя! Я с ума сойду с вами обоими!

— Святая Кютерейя не поможет, — ответила невестка и вдруг уставилась в пространство невидящим взглядом. — Святая Кютерейя! — повторила она. — Кютерейя!

Она схватила свекровь за руку и встряхнула с такой силой, что бедная женщина ахнула.

— Когда вы, говорите, пришло письмо от моей сестры?

— Подождите, не трясите меня так. Я ничего не могу вспомнить.

— Вспоминайте, матушка, вспоминайте! — молила ее Эмер.

— Так... это было... это было, когда леди Иоланта разбила мою любимую вазу. Да, точно — третий день лета.

Эмер быстро посчитала по пальцам:

— Через три дня после того, как он меня исповедовал, — пробормотала она.

— Что вы говорите?

— Ничего! Приятных снов! — невестка выскочила из комнаты так же стремительно, как появилась, а леди Фледе ничего не оставалось, как вернуться в постель, огорчаясь невоспитанности молодых.

«Епископ вполне мог отправить в Тансталлу сведения про Кютерейю, — размышляла Эмер на бегу. — Кто знает, может и сам приехал и доказнил ее. За что? За гадание и черную магию? С него станется покарать невинного! Но тогда получается, что я была причастна к ее смерти», — она усилием воли прогнала тягостную мысль. Нет, во всем виноват только епископ. Слишком странное стечение обстоятельств, чтобы верить в виновность какого-то лорда Даффи. Но как Айфа узнала об этом? Желала ли сестра намекнуть, что опасности грозит семейству Демелза? Или предупреждала об иной опасности, грозящей Годрику?

Годрик! Мысли Эмер обратились к мужу. А если ужасный епископ потребовал жизнь за жизнь? Или понял, что Кютерейя не причастна к колдовству и решил отомстить за ложь?

Эмер припустила еще быстрее, боясь опоздать. Что она увидит в спальне? Вдруг... вдруг уже поздно?

Дверь не была заперта, и Эмер ворвалась внутрь со скоростью урагана. Комнату скупо освещал светильник, установленный в чашу с водой, а на широкой кровати спал Годрик, разметавшись во сне. У порога валялась круглая длинная коробка из древесной коры, и девушка нечаянно поддала ее ногой, отбросив к стене. Но сейчас это не имело значения, и смотреть под ноги было некогда. Эмер с разбегу прыгнула на кровать и поползла на четвереньках к противоположному краю, где лежал муж.

— Годрик, проснись! — заголосила девушка, хватая его за плечи.

Он подскочил, ничего не понимая со сна. Сегодня ночью на нем не было ночной рубашки, но Эмер, еще недавно так страстно желавшая раздеть мужа, даже не обратила внимания на оголившийся торс. Зато заметила на его шее золотую цепочку с украшением из красного камня и тут же взревновала, заподозрив подарок от тайной возлюбленной, который Годрик носил у тела, как и она его монету. Но это оказалось не украшением, а печатью из сердолика. Та самая печать, что Её Величество пожаловала племяннику вместе с кузнечными деревнями. Душевное равновесие было восстановлено, и Эмер перешла к насущным делам.

— Почему ты ничего не сказал мне?! — она ударила мужа в подреберье прежде, чем тот успел защититься. — Тебя убить пытаются, а ты строишь из себя героя!

Она хотела ударить его снова, но Годрик перехватил ее кулак.

— Который час? — спросил он, зевая. — С чего ты развоевалась ночью? Дурной сон приснился? Просто повернись на другой бок.

Тут он заметил, что жена сидит перед ним в платье, и насторожился:

— Что случилось?

— Ты еще спрашиваешь? — Эмер бросила в него скомканным прошением о разводе. — Будет чудо, если я не убью тебя! Разве нельзя было рассказать мне обо всем?

Ему хватило одного взгляда на письмо, чтобы все понять.

— Леди Фледа превзошла себя, — сказал Годрик сквозь зубы. — Ей осталось только научиться летать, чтобы перехватывать почтовых голубей.

— Не смей так говорить о матушке! — снова набросилась на него Эмер. — Ты считаешь нас пустоголовыми, как кувшины?! Я сразу догадалась, что в нападении разбойников — что-то не так. Зачем им убивать своих? Да потому что это были не разбойники! Это были убийцы! И они хотели убить именно тебя, если ты не понял, ослиная башка! Кому ты досадил? Кто эти люди? Они из Тисовой...

Годрик сгрел жену в охапку, подтягивая к себе поближе. Он зажал Эмер рот и не отпустил, даже когда она укусила его в ладонь, лишь сдавил девушку крепче.

— Тише! Ты слышишь?..

Эмер замерла, прислушиваясь, а Годрик осторожно убрал руку от ее лица и приложил палец к губам.

— Что-то сыпется... — сказала Эмер. — Как будто песок на каменную плиту...

— Не двигайся, — ответил Годрик. — Главное — не двигайся.

Глава 18 (окончание)

Одеяло, брошенное в изножье кровати, вдруг пошевелилось. Эмер сморгнула и тут же увидела на шелковой ткани яркую черно-желтую ленту. Полосатую и... живую. Лента шевелилась, блестя атласной поверхностью, и вдруг изогнулась, приподнявшись.

— Змея!.. — выдохнула девушка.

— Тихо... — шепнул Годрик. — Только не двигайся... Они чувствуют любое движение. И прыгают...

Эмер вздрогнула, и змея тут же поползла в ее сторону.

— Не бойся... Главное — не шевелись...

Змея оказалась небольшой, не больше локтя. Треугольная головка с глазками-бусинками приподнялась, покачиваясь вправо-влево. Теперь она была на расстоянии двух футов.

— Закрой глаза, — велел Годрик, — будет не так страшно.

Но Эмер не смогла этого сделать и уставилась в полог балдахина, пытаясь вспомнить хоть одну молитву.

Что-то тяжелое скользнуло по колену.

Она не удержалась и посмотрела вниз. Пестрая змея очень удобно расположилась в складках ее платья, свивая и развивая кольца.

— Годрик! — позвала девушка тонким голоском.

Взгляды их встретились — ее, полный неподдельного ужаса, и его — непривычно ласковый. Этот взгляд успокаивал, ободрял и поддерживал. Она улыбнулась, хотя лицо задеревенело, как на северном ветру.

— Все хорошо, не бойся, — сказал Годрик одними губами, медленно приближая руку к змее.

Эмер поняла, что он хочет сделать и перестала дышать. Какие эти гады быстрые, она знала не понаслышке. Однажды она ловила лягушек вместе с деревенскими мальчишками, и ее в икру укусила гадюка. Тогда Эмер даже не заметила ее броска, а Годрик решил поймать змею голыми руками.

— Дурак, самодовольный дурак!.. — повторяла она беззвучно, но продолжала сидеть неподвижно, полностью доверившись ему.

Мгновение — и крепкие пальцы, черные от вьевшейся кузнечной сажи, сомкнулись под змеиной головой. Змея свернулась пружиной, а потом отчаянно забила хвостом, пытаясь освободиться. Годрик вскочил, выхватил из-под подушки кинжал и пригвоздил треугольную голову к столешнице. Полосатое тело дернулось раз, другой, судорожно втянулось и замерло.

Годрик отшвырнул змею к порогу и остановил Эмер, готовую броситься к нему на шею:

— Не двигайся. Мы не знаем, была ли одна змея.

Эмер тут же присмирела.

Несколько минут они прислушивались, но в комнате не было слышно сторонних звуков, только масло шипело, попадая в воду. Потом Годрик пересек комнату и подпнул коробку у стены.

— Откуда у нас такие гадины? — спросила Эмер. — Они водятся здесь, в Дареме?

— Нет, не водятся, — ответил Годрик. — Это бунгар.

— Бунгар?

— Да, я много видел их на востоке, когда ездил с миссией. Змеи-убийцы, они чувствуют тепло и по ночам забираются в постели. Нападают по поводу и без повода и делают несколько укусов сразу, чтобы впрыснуть яд наверняка. Одного укуса такой малютки, — он указал в сторону змеи, валявшейся с приоткрытой пастью, в которой виднелись короткие острые зубы, — хватит, чтобы отправить человека на тот свет через четверть часа. На теле остаются только две красных точки — не каждый лекарь найдет.

Он поднял коробку и осмотрел ее.

— А вот и карета, в которой гостья к нам приехала.

— Не смешно! — произнесла Эмер дрожащим голосом. — Она не приехала сама, ее специально подкинули. И, между прочим, я тебе второй раз жизнь спасла.

— Конечно, великий победитель змей, без тебя я бы пропал.

— Если бы я не разбудила тебя...

— А крышки нет, — сказал Годрик, словно не слыша ее.

— Он придет скрышкой! — выпалила Эмер, хлопая в ладоши. Все это время она предусмотрительно не слезила с постели, но сейчас соскочила, готовая действовать. — Тот, кто подкинул змею — он вернется, чтобы спрятать следы. Нам надо устроить ему западню и поймать.

— Нам? — поднял брови Годрик.

— А как же? Один ты не справишься.

— Спорное утверждение.

— Дверь не была заперта, когда я пришла, — продолжала Эмер, вся горя в предвкушении нового приключения. — Он вошел и подбросил змею.

— Да, я был слишком неосторожен.

— Ты был глуп! Неужели не понятно, что в нашем замке предатель?

— В моем замке.

Эмер сделала вид, что не заметила выпада:

— Сделаем так. Ты ляжешь на постель и притворишься мертвым, а я встану за дверью и... — она оглянулась, подхватила каминные щипцы и воинственно ими замахнулась.

— Мы не сделаем ничего подобного, — Годрик отобрал у нее щипцы, поморщился, когда испачкался в саже, и взял кувшин с водой, чтобы ополоснуть руки. — Если не прекратишь прыгать и болтать ерунду, мне придется тебя связать. Как леди Сару.

— А напоминать об этом подло, — обиделась Эмер. — Я хочу помочь.

— Вот и помоги. Сядь у окна и примолкни хоть ненадолго. Ты слишком перепугалась. Если сейчас не успокоишься, начнется истерика. Тогда точно свяжу, пока мне некогда с тобой возиться.

— Я ничуть не испугалась, — упрямо ответила девушка.

Она нехотя прошла к окну и уселась в кресло, вытянув ноги. Колени у нее стыдно дрожали, и присесть было очень кстати.

— Спасибо, за противоядие, — сказала она тихо.

— Это был мой долг.

— Ни за что не поверю.

— Даже не сомневаюсь. Вряд ли слово «долг» тебе знакомо.

— А тебе не знакомо слово «вежливость».

Он не ответил, посветив светильником под кроватью и по углам.

— Я думаю, что за всем этим стоит епископ Ларгель, — сказала Эмер.

К ее разочарованию, Годрик даже не переменился в лице, продолжая осматривать углы комнаты и отодвигать сундуки.

— Что он потребовал от тебя за мое спасение? Это чудовище намекало, что ты... можешь умереть.

— Вздор, — сказал Годрик, перетряхивая одеяло, простыни и покрывало, а потом принимаясь за балдахин. — Он ничего с меня не потребовал и ни в каких заговорах не замешан. У тебя большое воображение.

— С моим воображением все в порядке! А вот ты не видишь, что происходит возле тебя, как лошадь в шорах.

— С лошастью меня никто еще не сравнивал. Только с жеребцом.

— Не льсти себе, — отмахнулась Эмер.

— Ты не проверяла.

— Хочешь дать мне такую возможность?

— Хочу дать тебе еще одну возможность перестать болтать глупости, — сказал Годрик, заканчивая осмотр. — Опасности нет, можешь возвращаться в постель.

Эмер ужасно захотелось поддеть его насчет рыданий на коленях, но она сдержалась. Если Годрику угодно скрытничать — его дело. Тогда она тоже вправе утаить кое-что из того, что узнала. Предупрежден — значит вооружен. Вот она и будет во всеоружии.

Муж тем временем лег в постель и с наслаждением потянулся.

— Если желаешь помочь — иди сюда, — позвал он. — Только платье сними. Мы много нового узнали про Вудшир, но никто не поверит, что люди там настолько дикие, что спят в верхней одежде.

— Как смешно! — саркастично ответил Эмер, стягивая платье. — Не обхохочись, когда будешь ловить своего убийцу.

— Заботливая жена, — похвалил он ее. — Ложись с краю.

Она подчинилась и легла на спину, глядя в потолок.

— Так ты похожа на статую, а не на любящую жену. Повернись ко мне.

— А ты кого будешь изображать? — спросила она, но повернулась. — Статую или мужа?

— А кого тебе больше хочется?

— Ну нет, больше на меня это не действует, хоть замурлычься, — сказала Эмер и зажмурилась. — Так что лучше будь статуей. Или береги нос.

— Как скажешь, — ответил он. — Конечно, приятнее было бы провести время по-другому, но статуи — так статуи.

— Можно подумать, если я захочу по-другому, ты согласишься, — проворчала Эмер.

Они пролежали без движения достаточно долго, почти до рассвета. Светильник догорел, и комната погрузилась в полумрак. Серый свет проникал из-под оконных ставень, было тихо и покойно, и после пережитых волнений Эмер не заметила, как задремала. Проснулась она потревоженная мерным скрипом дверных петель и осторожным постукиванием. Кто-то входил в спальню, пристукивая по полу. Красноватый свет заиграл на золотых кистях балдахина. Совсем близко девушка увидела Годрика. Глаза его были закрыты, но пальцы безошибочно коснулись верхней губы Эмер, призывая к спокойствию и молчанию.

Постукивание сменилось шорохом, и Годрик перелетел через Эмер так быстро, что она в первую секунду не поняла, что случилось. Раздался звон разбитого светильника, пыхтение

и возня, потом — приглушенный всхлип, и стало темно и тихо.

— Поймал, — услышала Эмер спокойный голос мужа. — Зажги свет, будь добра.

Она ощупью нашла кремень и кресало и только с третьего или четвертого раза смогла выбить искру.

Первое, что она увидела, когда затеплился огненный язычок, была деревянная палка с металлическим крюком на конце — щуп. Такими пользовались слуги, отлавливая гадюк в саду, а у самого порога Годрик удерживал человека, который вошел в спальню со щупом, чтобы унести змею, которая должна была сделать черное дело.

Эмер ожидала убийцей злобного карлика, уродливого рыцаря или черного колдуна, но на месте воображаемого злодея оказалась пожилая женщина с сильными и мягкими руками.

— Верффрита!

— Ты ее знаешь? — спросил Годрик, связывая женщину заранее припасенной веревкой и извлекая из передника круглую крышку, выточенную из пористого дерева. Крышка идеально подходила коробке, валявшейся на полу.

— Это моя сиделка!

— Сиделка? Надо будет разузнать, кто нанимает таких сиделок в Дарем. Кто тебя прислал, тетушка?

Верффрита отвернулась, показывая, что отвечать не намерена.

— Надо поджарить ей пятки в жаровне, — сказала Эмер. — Так все становятся разговорчивыми.

— Можете резать меня живьем на кусочки, — сказала женщина, — но ничего не добьетесь.

— Мой муж заставит тебя признаться. Тебя казнят за покушение на убийство благородного лорда, вилланка.

Сиделка только усмехнулась, и это окончательно рассердила девушку.

— Она еще потешается над нами! А ты почему молчишь? — напустилась она на Годрика.

Тот не участвовал в разговоре, а о чем-то размышлял, пощипывая бородку.

— У нас нет прямых доказательств против нее, — сказал он, наконец, чем окончательно вывел жену из себя.

— Вот доказательство! — Эмер хотела схватить убитую змею, но Годрик остановил ее окриком.

— Не трогай! — предостерег он. — Говорят, и мертвая змея кусает.

Эмер испуганно отступила, а Годрик взял щуп, поддел им мертвого бунгара и затолкнул в коробку, после чего закрыл крышкой. И коробку, и щуп он сунул под кровать и несколько раз коротко дернул шнур в изголовье постели. Скоро послышался топот и в спальню ворвались трое стражников во главе с Тилвиным, все — с мечами наголо.

— Мы здесь! — начальник стражи едва не наступил лежащую на полу связанную сиделку. — А это кто?

— Предательница! Ты не представляешь... — начала Эмер, но Годрик жестом приказал ей замолчать, и она подчинилась беспрекословно.

— Отправьте эту женщину в подвал, — велел Годрик, — следите, чтобы никто не заходил к ней. Утром я допрошу ее.

— Зачем вам заниматься этим? — удивился начальник стражи. — Я сам все сделаю. Чем старуха провинилась перед вами, милорд?

— Чтобы кроме меня к ней никто не входил. Ты перестал понимать приказы?

— Хорошо, — коротко кивнул Тилвин и приказал стражникам: — Выполняйте.

Старуху схватили под локти и увели.

Тилвин задержался, переминаясь у порога с ноги на ногу.

— Чего тебе? — спросил Годрик.

— С миледи все в порядке?

— Все хорошо, Тиль, — вмешалась Эмер, предполагая очередное оскорбление со стороны Годрика. Она подбежала к начальнику стражи и схватила за руку. — Ты не представляешь!.. Это так страшно и захватывающе!..

Годрик стремительно шагнул к ним и ребром ладони разъединил их руки.

— Больно ведь! — Эмер затрясла пальцами.

— Вернись к своим обязанностям, — сказал Годрик Тилвину, даже не взглянув на жену.

— Да, милорд, — глухо ответил начальник стражи.

Годрик закрыл за ним двери и заложил засовы. Эмер наблюдала за ним с неудовольствием.

— Почему ты оставил старуху до завтра? — спросила она. — Тилвин был прав, лучше бы допросить ее немедленно. В таком деле дорога каждая минута.

— В чем еще прав Тилвин?

— Зачем ты унижаешь его? Разве он сделал что-то плохое? Это я держала его за руку. Злись на меня, а не на брата.

— Он мне не брат, а всего лишь слуга. На слуг не злятся. Если они не выполняют своей работы — их наказывают, только и всего.

— Вот как, слуга. А он относится к тебе, как к другу.

— Мне это безразлично.

— Я заметила. Я боялась, ты накажешь его за то, что он ударил тебя тогда, в лесу.

— Тогда мы все были не в себе, — сдержанно ответил Годрик.

Порывшись в пристенном сундуке, он нашел большую дорожную сумку из вощенной кожи, достал из-под кровати и положил в сумку щуп и коробку со змеей, разогрел воск в медном ковшике, вылил на стык сумки и снял с шеи печать, чтобы сделать оттиск.

— Покажем это королеве, как доказательство? — догадалась Эмер, следуя за мужем по пятам, как хвостик.

Годрик не ответил, снова надел цепочку с печатью, подождал, пока восковая печать затвердеет, и спрятал сумку в сундук.

— Допросим старуху и отправим тайного гонца к Её Величеству?

И снова молчание было ответом.

— Не хочешь разговаривать со мной? Наверное, так поступают с женами, на которых злятся? — язвительно спросила Эмер.

Годрик обернулся, взял ее лицо в ладони и поцеловал в губы, заставив замолчать. Поцелуй был долгим и когда закончился, Эмер ощущала сладостное головокружение, как после яблочного вина.

— Что это было? — спросила она, запоздало обнимая мужа.

Больше всего ей хотелось, чтобы этот момент тянулся как можно дольше. Чтобы они с Годриком смотрели друг другу в глаза, и чтобы потом он опять ее поцеловал — так же жарко и требовательно, как будто желал напиться ее дыханием.

Но сказка закончилась гораздо быстрее.

— Всего лишь благодарность, — ответил Годрик. — За спасение жизни. А теперь отпусти, скоро рассвет, хотелось бы вздремнуть.

Томность и нежность мигом слетели с Эмер:

— Как можно спать после таких событий?!

— Спать нужно, — Годрик снял ее ладони со своих плеч. — Что я сейчас и собираюсь сделать.

— Опять за свое! — Эмер гневно топнула. — Ну почему ты все портишь? И отрицаешь очевидное! Я готова лопнуть от злости!

— Когда мы разведемся, ты заживешь спокойной жизнью.

— Я не разведусь с тобой, Годрик Фламбар, даже если сама королева попросит меня об этом!

Муж поднял с пола одеяло, встряхнул его, расправляя, и улегся на свою половину кровати, укрываясь до подбородка. Для Эмер осталось покрывало, она забрала его из кресла и потащила по полу к постели.

— Мы связаны с тобой клятвой у алтаря, — сказала она веско и с размаху упала на постель, так что балдахин закачался.

— Я избавлю тебя от этой клятвы, и скоро ты будешь далеко отсюда, — пообещал Годрик, не поворачивая головы.

— Надейся, наивный, — пробурчала Эмер в подушку.

— Миледи такая красивая, — сказал оруженосец Сибба, подавая Годрику ковш с водой.

— Красивая, — согласился Годрик, напившись.

— У нее такое лицо необыкновенное, — продолжал Сибба, — оно так располагает, что кажется — где-то ты его уже видел. А вам не кажется, что вы раньше встречали миледи? До свадьбы?

— Встречал? Что за пустая болтовня. А почему ты так заинтересовался моей женой?

— О чем вы, милорд! — обиделся оруженосец. — Я ваш слуга с пеленок, а вы меня в чем-то подозреваете.

— Так уж и с пеленок...

Снова летали хлопья сажи, как жирные черные мухи, и снова Годрик искал успокоения в любимом деле. И снова не находил. Церковь говорит, что это благо, когда муж и жена чувствуют единение, словно одна плоть. Но какое благо, если мечты о собственной жене ставят под угрозу не только твою жизнь, но и ее жизнь, и, возможно, судьбу королевской семьи?

А эта невозможная жена, похоже, даже не понимает, какой опасности подвергает себя.

Годрик опустил молоток, потому что сердце болезненно дернулось. Она примчалась к нему, когда по комнате ползала ядовитая змея. И противоядия бы не нашлось, потому что совсем недавно оно было использовано на эту же легкомысленную особу. А потом она спала себе спокойно, приоткрыв рот, как ребенок, а он пережил одну из самых мучительных ночей в своей жизни. Мучительную и сладостную. Потому что смотреть и желать, понимая, что надо быть благоразумным — тут есть от чего сойти с ума.

— Я видел, миледи очень сдружилась со стариком Марвином, — сказал Сибба словно невзначай.

— Пусть дружит, с кем хочет, — равнодушно сказал Годрик.

— Странная дружба, вы не находите? — не унимался оруженосец.

— Не нахожу. А тебе лучше перестать так волноваться о ней.

В кузницу заглянул один из охранников:

— Срочное письмо из Дарема.

Годрик отбросил клещи и молот и выхватил письмо из рук посыльного. Проверил печать, сломал, начал читать. Сибба высунулся из-за плеча, но ничего прочесть не смог.

— Плохие вести? — спросил он.

— С какой стороны посмотреть. Королева приезжает.

— Королева приезжает!

Тревожный голос леди Фледы прозвучал под сводами замка, как колокол. Эмер, которая сидела в тени любимой статуи вестника и уплетала пирог с вишнями, поспешно вскочила, запихивая в рот остатки лакомства и отряхивая руки.

Когда она спустилась на первый этаж, там уже были собраны старшие слуги, присутствовали Острюд и Годрик, и ждали только хозяйку Дарема.

— Садитесь, невестка, — леди Фледа указала на скамью рядом с Годриком. — Я продолжаю. Королева приезжает в Дарем, мы должны встретить и принять ее с подобающей

ПЫШНОСТЬЮ...

— Вытри физиономию, — прошептал Годрик, толкнув Эмер локтем. — Ты кладовую ограбила, что ли?

Эмер наклонилась и утерла щеки и губы подолом, пока не заметила леди Фледа, за что получила еще один тычок от мужа.

— Сейчас я тебя ткну! — пригрозила она шепотом, но он сделал вид, что не услышал.

— Её Величество будет охотиться возле Даремского озера, — продолжала леди Фледа, после охоты она остановится у нас и пробудет шесть дней.

Все сдержанно зашумели, а Остриуд ахнула, обмахиваясь платочком:

— Шесть дней! Бедная матушка! Можете во всем рассчитывать на меня.

— Шесть дней, яркое пламя! — подхватили благородные дамы.

— С этого дня забываем про сон и прочие дела, — леди Фледа строго посмотрела на пасынка и невестку, — и все силы направляем на подготовку встречи. У нас времени до солнцестояния.

— Так мало?! — возглас Остриуд подхватили и дамы, и даже главный повар в волнении захрустел пальцами.

— Что так пугаться? Приедет, и примем, — сказала Эмер, которую удивили стенания, вопли и вздохи. — До солнцестояния еще, — она пересчитала по пальцам, — восемь дней.

— Вам это кажется простым, невестка? — леди Фледа покачала головой.

— Моя жена хочет сама организовать прием в честь королевы, — сказал Годрик.

Эмер ущипнула его за колено, чтобы помалкивал, но он сидел с невозмутимым видом.

— Хорошая мысль, — оживилась леди Фледа. — Если невестка займется праздничным обедом, фейерверком и развлечениями, то я буду заниматься гостями. Сказать по правде, мне уже тяжело следить за всем.

— Я?! — Эмер перепугалась не на шутку.

— А что, сестрица? — поддержала ее Остриуд. — Почему бы вам не показать, какая вы хорошая хозяйка? После того, как вы так умело взялись управлять кухней, мы все ждем от вас потрясающий воображение, поистине королевский прием.

Эмер промолчала, за нее ответил муж:

— Конечно, она прекрасно со всем справится, — за что был вознагражден свирепым взглядом жены.

— Значит, решили, — леди Фледа хлопнула в ладоши. — Невестка, к вечеру подсчитайте, сколько запасов из кладовых нам потребуется, сколько надо будет закупить на рынке и в деревнях. Будет охота, но на дичь не рассчитывайте — гости наверняка устроят привал на природе. Не забудьте про пирог «Сюзерен».[1] Её Величество всегда отмечает день святой Элеоноры, поэтому пирог очень важен.

— Очень важен... — повторила Эмер, чувствуя себя так же, как если бы сидела на раскаленных углях.

Из зала они с Годриком вышли плечо к плечу, но едва остались одни в коридоре, Эмер дала волю гневу:

— Признайся, ты специально это устроил! Ты понимаешь, что я никогда не делала ничего подобного? И понятия не имею, сколько нам понадобится мяса и овощей, и как это все рассчитывать не знаю!

— Могу помочь, — сказал он, поправляя рукава.

— Поможешь? — Эмер тут же перестала злиться. — Правда?

— Несомненно.

— Ты очень добр, — она потянула его за собой. — Тогда пойдем скорее, у нас мало времени.

— При одном условии...

— Что еще за условие? — вся ее доверчивость тут же испарилась.

— Помогу, если подтвердишь королеве, что желаешь развестись.

— Я тебе уже сто раз повторяла, что не сделаю ничего подобного!

— Тогда все сама, — сказал Годрик. — Только ведь опозоришься.

Эмер смотрела ему вслед, сжимая кулаки. Пусть воображает, что хочет. Она не опозорится. Все будет в лучшем виде. Подумаешь — пир для королевы!

— Кого-то ждешь? — к ней неслышно подошел Тилвин.

— Провожая, — проворчала Эмер.

— Опять поссорились с Годриком?

Эмер только вздохнула:

— Что значат ссоры по сравнению с этим проклятым приемом, который свалился на меня? Я не представляю, что должна рассчитать и как это сделать. Когда мы принимали знатных гостей, всем занималась матушка...

— У меня остались записи с прошлых приездов королевы. Если хочешь, возьми — что-то перепиши, что-то подправь.

— Очень хочу! И никогда не забуду услуги!

— Так уж и никогда, — смутился Тилвин.

До этого дня Эмер как-то не задумывалась, где живет начальник стражи. Наверное, в казарме, с остальными рыцарями и стражниками? Но он повел ее не в казарму, а в угловую башню, выходящую окнами на подвесной мост. Поднявшись по винтовой лестнице до самого верха, Тилвин отомкнул крохотную дверь, которую Эмер приняла за вход в чулан.

— Ты здесь живешь? — спросила она, наклоняясь, чтобы не стукнуться о перекладину двери головой.

Комната была крохотная, со скошенным потолком и единственным окошком размером локоть на локоть. Постель, ровно застланная медвежьей полостью вместо одеяла, сундук и оружие, развешанное по стенам — вот и все, что составляло убранство. Эмер застыдилась собственных покоев, огромной спальни и кровати, которая была в три раза больше этой конуры.

— Я попрошу Годрика переселить тебя, — сказала она. — Здесь жить невозможно.

— Нет, не нужно, — ответил Тилвин, открывая сундук. — Мне тут удобно. Даже отдыхая, я всегда увижу, кто подъезжает к замку.

Он достал кипу пергаментных клочков и разложил их прямо на полу, отыскивая нужный. Эмер присела рядом на корточки, пытаясь разобраться в крючочках и загогулинах, которыми были испещрены листы.

— Я несколько раз помогал леди Фледе с подсчетами, у нее слабое зрение. Хорошо, что все сохранил — как знал, что понадобится.

— Ну и почерк, — посетовала Эмер, — я такой три дня разбирать буду.

— Не беспокойся, я все тебе надиктую. Возьми это... это... и это. Составишь списки, сверься с главным поваром. Он подскажет, чего не хватает в кладовых и что надо закупить.

— Ты так помог, — Эмер забрала пергаменты и разгладила ладонью на колене. Пергаменты были старые, подчищенные ножом, чтобы использовать их заново. — В этом

весь Тиль, — сказала она с улыбкой.

— Что? — Тилвин запер сундук.

— Ничего. Хорошо, что ты есть, — просто сказала Эмер.

Он помог ей подняться, и когда пальцы их соприкоснулись, крепко сжал ее руку.

— Скоро приедет королева... Годрик намерен требовать развод?

Эмер тут же отстранилась, с досадой передернув плечами.

— Намерен? — настаивал Тилвин.

— Ты же знаешь своего братца, — сказала Эмер раздражительно. — Если ему что-то взбрело в голову — и лопатой не вышибешь.

Она вышла из комнаты и подождала у лестницы, нетерпеливо пристукивая каблуком.

— А ты? — спросил Тилвин, цепляя ключ к поясу. — Как поступишь?

— Скажу, что против. И хватит с него. Леди Фледа на моей стороне, да и королева не захочет идти на попятную. Сама настояла на этом браке, а теперь сама будет разводить? А уж над нами будет потешаться вся Эстландия.

— Постой, — Тилвин взял ее за локти и развернул к себе лицом.

Совсем рядом Эмер увидела его лицо — встревоженное, будто он хотел что-то сказать, но не решался. Она подбодрила его улыбкой.

— Слуги болтали, — сказал Тилвин, с трудом подбирая слова и пряча взгляд, — что... между тобой и Годриком не все ладно.

— Да мы ссоримся каждый день по десять раз, — фыркнула Эмер, — а слуги всегда сплетничают. Не обращай внимания, я уже стала привыкать.

— Не о том. Это всегда заметно... От слуг ведь ничего не скроешь, они все видят...

— Да говори ты прямо, не бормочи. Мы с тобой что — леди Остриуд и леди Кас на пикнике?

— Я слышал, вы с Годриком не живете, как муж и жена, — сказал Тилвин и посмотрел девушке прямо в глаза.

Эмер отвернулась, прижимая к груди листы.

— Это правда?

— Не надо тебе слушать сплетников, — она нервно пригладила кудри. — Пойдем, а то я не успею сделать все до ночи.

— Только скажи: да или нет?

— Тиль, — Эмер поманила его пальцем, старательно изучая кончики своих туфель, выглядывавших из-под подола, — тебе ничего не надо об этом знать. И ничего не сообщай об этом леди Фледе. У меня все прекрасно, семейная жизнь меня устраивает, а тех, кто сплетничает, я избыю до синяков. Ты мне друг, и я от тебя ничего не скрываю, но если еще раз спросишь о подобном... я обижусь намертво. И не буду разговаривать с тобой год. Понял?

— Понял, — кивнул Тилвин.

— Всё, выяснили. А теперь идем, и так много времени потратили.

Тилвин больше не возвращался к щекотливой теме, чему Эмер была несказанно рада. За напускной веселостью она постаралась скрыть охватившую ее тревогу. Значит, болтают. Если дошло до начальника стражи, благородные дамы в любом случае уже все признали и обсудили до косточек. Еще один козырь Годрику, когда дойдет до развода.

Списки были составлены, сверены с главным поваром и мастером Брюном, и торжественно принесены леди Фледе. Тилвин пообещал помочь и с фейерверками —

проследить, как набиваются трубки селитрой, проверить их выборочно и проследить, что бы все сложили в дальний сарай, чтобы не допустить пожара.

С охотой тоже разобрались быстро — главный ловчий оказался человеком расторопным и понятливым, и хлопот Эмер не доставил. Может, он проникся тем, что хозяйка Дарема прекрасно разбиралась в собаках, лошадях и тактике загона дичи, а может, в памяти были свежие события, связанные с мастером Брюном.

На третий день началась грандиозная уборка во всем замке, и Эмер под предлогом проведать мужа сбежала в кузнечную деревню, где Годрик теперь проводил все время.

К ее удивлению, он встретил ее сам и проводил к дому, где готовились каменные лекарства.

— Я не успеваю, — сказал он, — окажи услугу — отбери среди камней те, что потемнее, и сложи в корзину, а светлые камни отбери отдельно.

— Сделаю в лучшем виде, — заверила его Эмер, оглянувшись — не подслушивают ли — и спросила: — Как допрос сиделки? Ты узнал, кто ее подослал?

— Нет.

— Нет? — лицо Эмер омрачилось. — Вот ведь проклятая старуха. Знать бы, кого она так покрывает. А прижигать ей пятки пробовал?

— Нет, — Годрик хотел уйти, но жена преградила ему дорогу.

— Ты даже не пытал ее?! Попробуй, если припугнуть...

— Она умерла.

— Умерла? Но отчего?!

— Ее задушили в камере, той же ночью. Охранники клянутся, что к ней никто не входил.

— Убрали свидетеля... — Эмер потерла переносицу. — Это похоже на заговор. А я ведь советовала тебе допросить ее сразу! Почему ты меня не послушал? И Тилвин советовал. Эх, Годрик, как можно быть таким простофилей...

— В следующий раз исправлюсь, — пообещал он ей, отодвигая в сторону.

— Доживешь ли ты до следующего раза? — предрекла Эмер, но он ушел не оглядываясь.

Она пробыла в кузнечной деревне до самого вечера, перебрала камни и даже успела сбежать к Марвину, который заговорчески ей подмигнул, открывая оружейный склад. По пути ей попался оруженосец Годрика — стоял и таращился на нее. Потом, правда, спохватился поклониться. Эмер прошла мимо гордо, сделав вид, что не узнала.

Когда она вернулась в Дарем, заявила Остриуд и сказала, что матушка велела забрать у главного повара списки закупок и поставить на них печать Фламбаров, чтобы назавтра отправить торговцам.

— Передай матушке, что все сделаю в лучшем виде, — заверила Эмер.

— Хотелось бы в это верить, — не преминула уколоть Остриуд. — Братец придет позже? Он даже с тобой возвращаться не хочет?

— А вот это — не твое дело.

— Все, что здесь происходит — касается всех Фламбаров.

— Сейчас как возьму за ушко, — сладко пропела Эмер, — да как выдам замуж за какого-нибудь старика...

— Не посмеешь! — взвизгнула Остриуд.

— Еще как посмею. А то что-то засиделась ты дома, дорогая золовка. Всем будет спокойнее и радостнее, если ты обзаведешься муженьком и уедешь к нему... Куда-нибудь

подалее.

Остриуд убежала в слезах, а Эмер, с чувством выполненного важного дела, отправилась в кухню.

Там работа кипела, несмотря на поздний час, но при появлении девушки всё было брошено, и своды потряс многоголосый вопль:

— Рады приветствовать, дорогая хозяйка!

Эмер жестом велела возвращаться к выполнению обязанностей, и благосклонно посмотрела на мастера Брюна, подбежавшего со списками продуктов, которые необходимо было купить.

— Вы все так прекрасно подсчитали, миледи, — восхитился он, — видно, что вам не раз приходилось давать такие пышные приемы! Мы совсем немного изменили...

— Что еще?

— Вместо редиса лучше закупим рапунцель у вилланов. По вкусу они не отличаются, а выйдет дешевле — сейчас ведь сезон. И еще добавили пятьдесят зайцев.

— Леди Фледа сказала — на дичь не рассчитывать.

— Конечно, конечно! — заюлил мастер Брюн. — Но зайчики необходимы нам для пирога. Королева непременно пожелает «Сюзерен» на день летнего солнцестояния.

— Вы хоть знаете, как его готовить? — спросил Эмер, холодея от плохих предчувствий.

Но помощник главного повара горячо заверил, что все будет сделано идеально.

— Рецепт достаточно сложен, но мы уже такой готовили пирог, — важно сказал он. — Жирная свинина и постная говядина варятся с морковью и душистыми травами — петрушкой и луком, тут главное не пропустить момент, когда мясо проварится, но останется сочным. После этого добавляется заячья печень, вымоченная в молоке, все рубится в паптет, приправляется специями и солью, заворачивается в сдобное яичное тесто и запекается в печи. Ещенато добавить желудочную траву, — он заговорил тише, чтобы не подслушали повара, — у нее особый вкус, она придает легкую горечь.

— Чудесно, — сказала Эмер, которую рецепт привел в ужас своей изысканностью. — Тогда работайте. Если возникнет в чем-то необходимость — сразу обращайтесь ко мне.

— Не извольте беспокоиться, миледи.

Вроде бы первичные дела были сделаны, и Эмер ждала, когда вернется муж, чтобы с гордостью показать ему одобренные леди Фледой списки. Едва Годрик вошел в спальню, она встала против него и потрясла записями:

— Что, не ожидал? Я все сделала сама, без кое-каких умников!

— Все написано без ошибок, надеюсь? — спросил он. — Дай умыться, хотя бы.

— Ставь печать, а потом умывайся, сколько хочешь.

Годрик снял с шеи печать и разложил пергаментные листы на столе. Растер киноварь и добавил каплю воды, чтобы получилась жидкая краска. Пробежавшись взглядом по строчкам, он не удержался и похвалил:

— А ты молодец, все толково.

— Разве могло получиться иначе? — задрала Эмер нос.

Вдруг дверь открылась так резко, что ударились о стену. В спальню влетела Остриуд — вся в слезах, с опухшим лицом и лохматая, как ведьма. Тилвин пытался ее остановить, но она сопротивлялась так неистово, что ему никак не удавалось ее удержать. Остриуд бросилась Годрику на шею и заголосила:

— Братец! Братец! Запрети ей!..

— Идем, Остриуд, — пытался урезонить ее начальник стражи. — Ты все неправильно поняла...

Но она вцепилась в Годрика и рыдала так, что походила на умалишенную. Даже Эмер, которая была готова к любой подлости со стороны золовки, оторопела.

— Оставь ее! — велел Годрик Тилвину, и тот сразу отступил. — Что случилось? Не реви, говори четко.

— Твоя жена решила избавиться от меня! — закричала Остриуд, и Эмер разом взмокла.

— Избавиться? Что значит — избавиться? — не понял Годрик.

— Она угрожала, что выдаст меня замуж за старика! Ты же не допустишь этого, братик? Не допустишь?

— Все было совсем не... — начала Эмер, но Годрик бросила на нее хмурый взгляд, и она замолчала.

— Успокойся, Остриуд, — сказал он, — никто не выдаст тебя замуж без моего ведома, а я тебе уже обещал...

— Я не хочу за старика! Не хочу! Не хочу! — Остриуд забилась в припадке и рухнула на пол, визжа и суча ногами.

Годрик упал на колени, хватая ее под мышки, но она укусила его в запястье и стала вырываться, норовя удариться головой о каменные плиты. Эмер была так поражена зрелищем, что застыла, как столб.

— Воды! — крикнул Годрик. — Воды, скорее! И держите ей ноги!

Тилвин опомнился первый и подхватил Остриуд под колени. Эмер, двигаясь как на деревянных ногах, взяла кувшин и поднесла Годрику, стараясь не подходить слишком близко. Остриуд выла и билась в руках мужчин, похожая на животное, а не на человека. Она все-таки изловчилась освободиться от Тилвина и попыталась пнуть Эмер, но та отскочила, и пинок пришелся по столу. Письменные принадлежности и подсвечник полетели по комнате.

— Где вода?! — снова крикнул Годрик, и Эмер, окончательно перепугавшись, вылила на голову Остриуд кувшин воды.

Вопли захлебнулись и стихли, как по волшебству.

Мужчины осторожно отпустили Остриуд, и она села в луже, тихонько хныкая и убирая с глаз мокрые волосы.

— Позови леди Фледу и кого-нибудь из неболтливых дам, — вполголоса сказал Годрик Тилвину.

Тот кивнул и исчез в коридоре бесшумно, как лесной кот.

— Успокойся, — повторил Годрик, поглаживая сестру по щеке. — Что за детские выходки? Я же обещал тебе мужа молодого, красивого...

— И доброго, — добавила Остриуд, всхлипывая.

— И доброго, и щедрого, — Годрик обнял ее, прижимая к груди и укачивая, как малое дитя. — У него будет большой замок, и много слуг, и ты будешь важной дамой...

— Очень важной...

— Очень важной, и он будет любить тебя всю жизнь.

— Братик... — Остриуд вжалась в него лицом.

— Все, все хорошо...

Эмер смотрела на эту сцену, ощущая себя лишней.

Появились леди Фледа и три дамы, они захлопотали вокруг Остриуд, подняли ее с пола, поправляя волосы и платье, и увели, кудахча, как курицы. Стало тихо, и только лужа на полу

и валявшиеся вокруг листы и перья напоминали о том, что произошло.

— Годрик, я... — начала Эмер.

— Просто следи за языком, — сказал он устало и принялся подбирать составленные ею списки.

— Клянусь, я ничего...

— Оставим, — сказал он достаточно жестко, и она замолчала.

Прибежала служанка и затерла лужу, другая принесла свежей воды. Эмер разложила листы пергамента по порядку и робко протянула Годрику. Печать нашлась под кроватью, он ополоснул ее от пыли и заново развел киноварь.

Эмер следила за ним, кусая губы и желая только одного — отлупить мерзавку Острдку до кровавых соплей. Наверняка, устроила припадок специально. Не такая уж она нежная особа, чтобы слезы проливать из-за женских угроз.

— Поддай сумку, — попросил Годрик.

— Вот, возьми, пожалуйста, — Эмер с готовностью принесла ему сумку, которую он принес с собой и бросил в кресло.

— Когда приедет королева... — он достал из сумки несколько флаконов, выкладывая их на стол, — раствори порошок в вине.

— Это каменное лекарство! — догадалась Эмер. — Оно спасает от отравления?

— Да. Королева поступает неразумно, оставив замок. Но это ее воля, а нам надо позаботиться, чтобы ей никто не навредил. К тому же, — он замялся, — она моя тетя. По материнной стороне у меня нет других родственников. Только Её Величество и наследный принц.

— Я позабочусь обо всем, — сказала Эмер, убирая драгоценное снадобье в ларец.

«Знал бы, что тетушка подозревала тебя в организации мятежа, — подумала она. — Слишком хорошо ты о ней думаешь».

Рука ее остановилась на полпути:

— Послушай, а ты мне не подсыпал тайком вот этого вот зелья?

Годрик промолчал, и Эмер поняла, что догадки верны.

— Вот почему яд с разбойничьей стрелы не подействовал на меня так быстро. Значит, ты заботился обо мне? — она заглянула ему в лицо.

Он не ответил на улыбку, но уже не смотрел строго, как после выходки Острюд:

— Как же может быть иначе? Ведь мы — муж и жена. И у меня есть подарок для тебя.

— Подарок?

— Сейчас покажу. Крикни там Сиббу, он ждет возле дверей.

Эмер вприпрыжку отправилась выполнять и это поручение. Похоже, Годрик ничуть не злится из-за сестры, еще и подарок принес. Если бы не Острюдка — все могло бы быть, как в любовных балладах.

Оруженосец внес деревянный ящик, передал его Годрику и удалился, кланяясь через каждый шаг. Ящик был длиной около двух локтей и ладоней пять в ширину. Эмер сторала от нетерпения, пытаясь пальчиком поддеть крышку.

— Что там? Покажи скорее!

— Сначала сядь, — Годрик усадил ее в кресло и поставил ящик на колени. — А теперь открывай.

Крышка сдвигалась в металлических пазах, и Эмер отодвинула ее сразу на половину.

В сенной трухе блеснула крестовина, сделанная из блестящего металла, оплетенная

ремешком.

— Это же... это же меч! — Эмер издала вопль радости и схватилась за рукоять. — Как ты догадался, что я мечтала о нем?

Она попыталась вытащить подарок из ящика, но меч застрял. Постанывая от нетерпенья, Эмер сдвинула крышку до конца и окаменела. Вместо клинка у меча была плоская ручка, которая заканчивалась... чашей с низкими бортами, как у сковороды. Разглядывая это чудо, Эмер не сразу заметила, что Годрик начал продвигаться в сторону выхода.

— Вот какой твой подарок, — она достала меч-сковородку и прикинула расстояние до мужа.

— Был уверен, что тебе понравится.

— Можешь не сомневаться, мне очень понравилось! — она вскочила, роняя ящик. — А тебе понравится еще больше!

Годрик успел скрыться за дверью на секунду раньше того, как подарок врезался в стену.

— Шут с бубенчиками! — в сердцах выругала его Эмер.

— Я проведу ночь у сестры, — сказал Годрик в приоткрытую дверь и благоразумно опасаясь заходить. — А о подарке можешь рассказать королеве, похвались. Если есть желание, могу сделать и шлем в виде кастрюли.

— Он окажется на твоей голове, Годрик Фламбар!

Немного успокоившись, она подняла подарок и задумчиво прикинула в руке. Этот паршивец знал свое дело — сковородка была сработана идеально. Закрой глаза — и поверишь, что держишь настоящий меч. Эмер сделала несколько рубящих движений. Рукоять лежала в ладони, как влитая.

— Хорошо, — сказала Эмер и щелкнула ногтем по чаше, та зазвенела в ответ радостно и чисто, — пусть будет так, как захочешь, дорогой муженек.

[1] Знаменитый пирог из сказки В.Гауфа «Карлик нос».

День приезда королевы выдался ясным и радостным. Все жители Дарема, да и окрестных деревень, стояли вдоль дороги, напирая на стражников с длинными алебардами, которые не подпускали зевак слишком близко. Чтобы создать праздничное настроение, вилланам раздали красные и белые ленты. И хотя эскорт королевы еще не показался, люди размахивали лентами, заранее приветствуя правительницу.

В самом замке заканчивались последние приготовления. Леди Фледа носилась от кухни к спальням, как пчела. За ней бегали благородные дамы в услуженье, одна несла поднос с кусочками хлеба и намазанным на него паштетом, и уговаривала госпожу съесть хоть кусочек, чтобы не упасть при встрече в голодный обморок. Остриуд после нескольких дней «поправки здоровья» соизволила выйти из своей спальни. Наряжена она была, как на свадьбу. Эмер не сомневалась, что золовка просто отлынивала от работы. Сама она тоже не любила слишком перерабатываться, но последний день выдался особенно тяжелым, и теперь ей хотелось только поваляться где-нибудь в тени на травке, и чтобы рядом стояла тарелка с куском пирога или куском жаркого.

Для встречи она надела желтое платье, подаренное Айфой, и убрала волосы в сетку, отговорившись, что генин на ее кудрях все равно долго не сидит, а сегодня некогда будет заниматься собственной красотой.

Три женщины из Дарема встали у ворот — леди Фледа посередине, невестка и дочь по обе стороны от нее. Годрик должен был встретить королеву перед мостом.

— Сейчас они отдохнут с дороги, — говорила леди Фледа, сверяясь с расписанием праздника, — потом ужин. Завтра с утра охота, потом обед, потом турнир, потом ужин. На ужин должен быть готов пирог, — напомнила она Эмер.

— Все будет готово к сроку, дорогая матушка.

— Не забудьте зайти на кухню, пока королева будет на турнире, проверьте лишний раз.

— Обязательно, дорогая матушка, — заверила Эмер, думая иначе.

Приветственные крики стали громче, и на мост въехала блистательная кавалькада — всадники и всадницы на прекрасных лошадях. Годрик вел в поводу мышастую кобылицу, на которой сидела Её Величество.

Три женщины склонились в низком поклоне, пока королева не оказалась рядом.

Годрик помог королеве спуститься с седла, и она сердечно обняла сначала леди Фледу, а потом и Эмер, ограничившись кивком Остриуд.

— Надеюсь, путешествие было приятным? — спросила леди Фледа.

— Чрезвычайно, — согласилась королева. Ее тонкое лицо разрумянилось от лесного воздуха и верховой езды, и сейчас выглядело особенно мило.

— Я покажу вам комнаты, Ваше Величество...

Остриуд не отставала ни на шаг, но Эмер не пошла за королевой, увидев в ее свите кое-кого другого, гораздо более приятного — лорд Бритмар, брат короля сидел на огромном мышастом коне, ничуть не смущаясь, что выглядит нелепо, как ребенок, взобравшийся без разрешения на боевого жеребца.

— Здравствуйте, Ваше Высочество! — сказала она с улыбкой. — Как же я рада видеть

вас!

Годрик, уведивший королевскую кобылицу, покосился на жену, но задерживаться не стал.

— И я рад встрече, рыжая графиня! — брат короля, лихо спрыгивая на землю без посторонней помощи, чем заставил зрителей ахнуть от страха. — Позвольте предложить вам руку, — сказал он церемонно.

— Почту за честь, — ответила Эмер.

Опираясь на человека, который ниже тебя — не слишком удобно, но Эмер приноровилась. Но лорд Бритмар избавил ее от этой обязанности, едва они оказались под сводами замка.

— Королева поступила неразумно, отправляясь так далеко и почти сразу после покушения, — сказала Эмер.

— И я так считаю, — согласился лорд Бритмар. — Но вы же знаете, что невестка прислушивается только к милорду Саби. Насколько мне известно, эта поездка — его предложение.

Эмер споткнулась, услышав такое. Какие интриги опять плетет тайный лорд? Неужели, поездка королевы в Дарем — это не простое увеселение? А какова же тогда истинная цель?..

— Можете возомнить о себе что угодно, но я согласился сопровождать невестку только из-за вас, — продолжал брат короля. — Хотел посмотреть, как вы устроились, как складывается ваша семейная жизнь. Всем ли вы довольны? Ведь вы получили все, чего так страстно желали.

Они поднялись на замковую стену и медленно пошли вдоль бойниц. Здесь их могли услышать только стражники, стоявшие в карауле, но и стражников не было поблизости.

— О! Я очень счастлива! — заверила герцога Эмер. — Дарем — чудесное место. Свекровь относится ко мне, как к дочери, слуги приветливы и учтивы. Еще тут кузнечные деревни — это так увлекательно! Я даже держала молоток в руках и ковала. Да-да! Чистая правда! — она еще сколько-то расписывала прелести житья в Дареме, а герцог слушал очень внимательно.

— Все нравится, — сказал он, когда девушка замолчала. — Но про мужа не сказали ни слова.

— И муж тоже хорош, — ответила Эмер с излишней горячностью.

— У вас были с ним некие разногласия...

— Все в прошлом! Теперь живем душа в душу.

— Хорошо, если так. Ваша подруга — леди Леоффа, кажется? — вышла замуж за Ишема и уже на сносях.

— Да, сестра писала мне. Очень рада за нее, хотя и удивлена.

— Не жалеете?

— О чем? — Эмер взглянула на герцога с искренним удивлением.

— Что упустили Ишема, — сказал он прямо.

— Нет, — ответила Эмер с усмешкой.

— Простите, мне надо оставить вас, — сказал вдруг лорд Бритмар.

Оглянувшись, девушка увидела возле лестницы долговязую фигуру епископа Ларгеля. Он хмуро смотрел в сторону беседовавших и как будто чего-то ждал.

— Лорд Саби попросил меня передать Его Преосвященству важное письмо, — шепнул брат короля, сделав страшные глаза.

Прихрамывая, он поспешил к епископу, на хорду доставая из поясной сумки письмо и бархатный мешочек.

— Не здесь, — сказал Ларгель Азо ледяным тоном, бросив взгляд на Эмер. — Пройдемте в церковь.

Подозрения утроились. Какие важные сведения? Почему именно епископу?

Мужчины зашли в собор, и Эмер, оглянувшись по сторонам, проскользнула следом, остановившись у самой двери, в тени. Лорд Бритмар и епископ Ларгель остановились у окна, здесь было светло, и Ларгель сломал печать на письме. Пока он читал, лорд Бритмар терпеливо стоял рядом, рассматривая двор.

— Благодарю, — сказал Ларгель, дочитав, и свернул письмо в тугую трубочку. — Что-то еще?

— Да, милорд просил передать вам вот это. Подарок, — брат короля протянул бархатный мешочек, в котором что-то глухо стукнуло, когда епископ взял подарок.

Он развязал вязки и вынул изумруд величиной с перепелиное яйцо. Держа его двумя пальцами, епископ поднял камень против света. Солнечные лучи, преломившись на гранях, заплясали на стенах и полу зеленоватыми радостными пятнами.

Ларгель смотрел на камень так долго, что лорд Бритмар кашлянул, напоминая о себе.

— Они подойдут, — сказал епископ пряча камень и рассеянно благословляя герцога.

Эмер удалилась, пятясь, как рак. Что это за камни? Подарок? К чему такая щедрость? Взятка? Но за что?

— Миледи! Вы молились?! Нашли время! — окликнула ее леди Мурроу. — Королева хочет пить, и леди Фледа приказала принести льда и родниковой воды.

— Ну так несите, — буркнула Эмер, но пошла следом. Леди Мурроу будет ходить за льдом и водой так долго, что и осёл умрёт от жажды.

Остаток дня и вечер прошли суматошно, и ночью пришлось делить постель опять с Острюд, потому что в спальне молодоженов расположилась королева с придворными дамами и девицами. Острюд отвернулась к стене и не разговаривала, строила из себя обиженную, вздыхала и всхлипывала. А Эмер, несмотря на волнения, проспала ночь без сновидений. Она почти убедила себя, что надо поговорить с Годриком, надо рассказать про подозрительное поведение епископа. Нельзя просто выжидать, откуда нанесут следующий удар.

Но дневные дела закружили и закрутили, как водовороты горной речки. Охота, на которую ей не привелось попасть, потому что надо было следить за подготовкой ристалища, потом обед, где выпили и съели столько, сколько в Дареме могли бы есть и пить месяц. И было еще кое-что, о чем Эмер до поры умолчала.

После обеда и отдыха гости, хозяева и простые жители устремились на поле для рыцарских турниров. Большого состязания не предвиделось, но восемь рыцарей пожелали показать силу и умение. Ворота и барьеры были украшены цветами и лентами, и герольд трубил в рог, объявляя, что состязание вот-вот начнется.

Годрик не участвовал в турнире. Как хозяин праздника, он обязан был находиться рядом с королевой. Зато сэр Шатгле и сэр Ламорак с удовольствием отправились на поле, готовясь заслужить первый приз. Они безудержно хвастали один перед другим все утро, и Годрик был доволен, когда друзья его, наконец-то, убрались.

Королеве отвели центральную ложу, где поставили мягкие кресла для Её Величества, герцога и для приближенных дам. Остальные довольствовались лавками и подушками.

Сначала рыцари сделали круг почета — выехали попарно, без шлемов, чтобы зрители могли хорошо разглядеть их лица. Каждый участник держал на сгибе локтя щит с гербовым рисунком, некоторые похвалялись лентами и рукавами, подаренными прекрасными дамами.

— Прекрасное зрелище, Фламбар! — обернулась королева к Годрику. — Но где ваша очаровательная жена?

Годрик и сам был бы не прочь узнать, где его жена, но ответил королеве иное:

— Она следит за кухней, Ваше Величество.

— Похвальное усердие, — похвалила королева. — Вы обрели настоящее сокровище, а не жену.

— Вы необыкновенно правы, — пробормотал Годрик, но королева уже отвернулась к турнирному полю.

Рыцари удалились с ристалища, и зрители ждали, когда будет объявлен первый поединок, согласно жеребьевке. Но к герольду подбежал оруженосец и что-то прошептал. Герольд выслушал его и замешкался, прежде чем снова протрубить в рог.

— Как интересно! — воскликнула королева. — Наверное, прибыл еще какой-нибудь неизвестный рыцарь! Объявляйте же! — она махнула платком, и герольд не посмел ослушаться.

— Рыцари, которым покровительствует леди Фламбар! — выкрикнул он.

— Ваша супруга? — живо переспросила королева, оборачиваясь к Годрику. — Она не теряет даром время.

— Это точно, Ваше Величество, — ответил он с таким выражением лица, будто болели разом все зубы.

— Что ж, посмотрим, кого она представляет, — королева была весела и любопытна, как девочка на майском празднике. Она поставила локти на перила ложи и приготовилась смотреть.

— Что это твоя леди собралась делать, Годрик? — спросил юный сэръ Олдвин вполголоса.

— Мне заранее страшно, — признался тот. — Что бы она ни задумала — добра не жди.

Тем временем ворота на ристалище снова распахнулись, и на поле выехала вторая кавалькада, сияющая богатыми доспехами. Но кто участвовал в ней!

— Это же моя жена! — завопил седой лорд Бернар, указывая на стройного всадника в сияющем доспехе, который держал древко с красно-золотым штандартом.

Из под шлема с коротким наносником виднелось миловидное личико, расточающее улыбки направо и налево, которое просто не могло принадлежать мужчине. Да и длинные золотистые кудри, перевитые золотым шнурком, ниспадавшие на круп лошади, ясно указывали, что всадник со штандартом был женщиной.

Трубы и барабан заглушили крик лорда Бернара, но изумленные возгласы послышались с трибун повсеместно. То один, то другой distinguished дворянин узнавали в новых участниках турнира своих жен, дочерей или сестер.

Восемь хорошеньких женщин, пышущих юной силой и задором, с гордостью совершали круг приветствия по ристалищу.

— Немыслимо, — простонал Годрик, и накрыл лицо платком, чтобы не видеть, потому что замыкающей колонну ехала его законная супруга. И можно было не сомневаться, что идея с рыцарями-женщинами принадлежала именно ей.

Эмер сидела на гнедом жеребце, заранее предвкушая гнев мужа и ужас свекрови,

которая считала неприличным даже жареных петухов на дамском трапезном столе.

Как и все рыцари, кроме знаменосца, Эмер ехала с непокрытой головой, и ее рыжая грива сверкала на солнце начищенной медью.

Девушка не утерпела и скосила глаза в сторону королевской ложи, где сидел Годрик. Высокомерный сопляк даже не пожелал видеть ее великолепного выезда — прикрылся платком, изображая покойника. Ну и пусть его. Эмер вздернула нос и улыбнулась трибунам, где теснились простолюдины.

Зато зрители бедных трибун были в восторге. Блестящий выезд дам, особенно изящных в доспехах, сделанных точно по фигуре, в ярких коттах, с роскошными косами, перевитыми жемчужными нитями, казался им парадом волшебных существ, явившихся из страны Вечного Лета.

Купаясь в этих приветственных криках, в улыбках и цветах, которые полетели под копыта лошадей, Эмер вспомнила, сколько трудов стоило ей уговорить благородных подруг выйти из тени и заявить о себе.

— Боюсь даже представить, что скажет милорд Бернар, — сказала леди Кас, когда она с пылом рассказала им об удовольствии проехать по ристалищу и продемонстрировала блестящие нагрудники и наплечники — маленькие, как раз на женское тело.

— Если королева будет довольна, вашему супругу только и останется, что похвалить вас, — заверила Эмер.

— А королева останется довольна? — осторожно спросила леди Изабелла.

— А вы сами не остались бы довольны подобным зрелищем?

Щеки леди Изабеллы порозовели, глаза затуманились, словно она уже видела турнир и выезд дам-рыцарей.

— Что касается меня, — сказала Эмер как будто невзначай, — то я намереваюсь сделать приветственный круг, даже если буду одна. И повяжу на копьё цвета Годрика — красный и золотой. Пусть ему станет стыдно!

Благородные леди сдержанно засмеялись — и смущенные, и взволнованные.

И вот теперь Эмер была уверена, что никто из них не пожалел о том, что решился на подобный выезд.

Женщины-рыцари проехали мимо королевской ложи, вскинув приветственно щиты, и королева в восторге захлопала в ладоши, к ней тут же присоединились придворные дамы, во всем поддерживавшие свою повелительницу, а потом и благородные господа, хотя лица у некоторых были не совсем не восторженные. Сам Годрик пару раз хлопнул в ладоши, зато сэр Олдвин, у которого не было ни сестры, ни жены, даже вскочил, чтобы приветствовать красавиц.

— Они великолепны! Великолепны! — орал он.

— Безмозглый дурак, — сказал Годрик, но его никто не услышал. Платок он уже сдернул и теперь хмуро смотрел на выходку жены.

Прекрасная кавалькада закончила круг и выехала за поле, но Эмер придержала коня, и трибуны, увидев это, зашумели.

Нет, Эмер не удалось уговорить боязливых подруг устроить хотя бы шуточное соревнование перед лицом королевы, но сама она уже все для себя решила.

Герольд только крикнул, увидев, как леди Фламбар пристроила свой щит на стенд, где висели щиты участников. А потом леди достала притороченный к седлу меч, и все зрители ахнули, как один.

— Святые небеса! — простонал Годрик, пряча лицо в ладони и склоняясь почти к коленям.

— Что это? — спросила королева. — Фламбар! У нее в руках сковородка?

Годрику пришлось принять подобающее положение и ответить.

Королева указывала пальцем в сторону всадницы, хотя это было неопишымнарушением придворного этикета.

— Сковородка?!

— Но вы же сами дали ей титул графини Поэль и знаете, как моя жена ловка с этим предметом, — он не мог заставить себя посмотреть на мачеху, но чувствовал ее возмущенный взгляд.

— Она собирается сражаться? — спрашивала королева. — Сражаться с мужчинами... вот этим?

— Думаю, это просто невинная шутка, — нашелся он. — Моя жена ведь не участвовала в жеребьевке, значит, у нее нет и соперника. Сейчас она уедет...

— Она бросила перчатку! Это вызов! — завопил сэра Олвин.

Трибуны разразились новыми криками — такого Дарем не знал со времен леди Бельфлёр. Чтобы женщина бросала вызов мужчинам? Да еще и публично, на турнире? Не такое не осмелилась даже легендарная защитница Дарема.

Всадница сдерживала коня, который гарцевал, нетерпеливо дергая головой. На посыпанном песком поле серебрилась кожаная перчатка, обшитая металлическими кольцами. Вызов был брошен, и кто-то из участников турнира должен был его принять. Но рыцари не торопились выезжать на ристалище.

— Они боятся женщины! Это великолепно! — засмеялась королева.

— Они боятся покалечить ее, — сказал Годрик. — Никто не станет сражаться с существом, заведомо слабее тебя. Это не по-рыцарски.

Подозвав слугу, он сказал:

— Передай герольду, чтобы объявил, что вызов леди не был принят, поэтому она отстраняется от участия в турнире.

Слуга кивнул и побежал в обход поля, до ворот на ристалище.

— И все же было бы занятно, прими они бой, — посетовала Её Величество.

Годрик только поджал губы, показывая, как он к этому относится. Глупая женщина! Мало того, что выставила себя на посмешище, еще и не понимает, какой опасности подвергается, ввязываясь в бой с рыцарем. Думает, если научилась сидеть в седле, то может сражаться с мужчиной на равных. Он сто раз пожалел о своей шутке с мечом-сковородкой. Если королева дознается, кто сделал это оригинальное оружие...

Посыльный добрался, наконец, до герольда, тот закивал с явным облегчением, протрубил в рог, призывая к тишине. Зрители затаили дыхание, слушая, что оглашает распорядитель турнира.

— Что значит — отстраняется?! — крикнула Эмер, но ее голос потонул в разочарованном многоголосом гуле. — Вы трусы, что ли? — она обернулась к рыцарям, которые согласно кивали, удовлетворенные решением.

— Ах, как жаль, — королева поставила подбородок на скрещенные пальцы. — Что ж, проводите леди Фламбар и дайте команду, чтобы начинали состязание. Кто там идет первой парой?..

— Перчатку подняли! — заорал сэра Олвин так оглушительно, что Годрик заткнул ухо.

И только потом до его сознания дошел смысл услышанного. Он вскочил, готовый прибить любого, кто посмел обнажить меч против его жены. А увидев, сел на место, но легче от этого не стало. Он даже закрыл глаза, чтобы сохранить спокойствие и здравость мысли. Потому что сейчас мог бы убить, не задумываясь о последствиях. Но никому не надо было знать об этом.

— Вызов принят! — возвестил герольд. — Бой начинается!

Глава 21 (начало)

Слишком много впечатлений за столь короткий срок — волнение перед выездом на поле, гордость, что все получилось, как задумано, и радость от исполнения мечты. А потом — разочарование, и злость, и обида. Эмер успела испытать все это, и теперь гнев застил ей глаза, и лица на трибунах казались смазанными белыми пятнами.

Поэтому она не сразу поняла, почему кто-то встал сбоку коня и, держась за стремя, настойчиво протягивает брошенную ею перчатку. А когда поняла, чуть не вывалилась из седла:

— Тиль!

— Я принимаю вызов, — сказал он просто. — Возьми перчатку.

— Вызов принят! Бой начинается! — прокричал герольд.

Эмер взяла перчатку, чувствуя, как пальцы свело судорогой, а глаза предательски защипало.

— Только не плачь, рыцари не плачут, — сказал Тилвин. — Помнишь наш бой возле старого граба?

— До последнего выпада!

— Так давай повторим его. Пусть Годрик умрет от зависти, — сказал начальник стражи с усмешкой.

Вздыхнув полной грудью, Эмер оглядела зрителей. Не этого ли она желала? Не это ли видела в колдовском зеркале Айфы?

Она перекинула ногу через луку седла и спрыгнула на землю. Надела подшлемник и шлем, застегнув ремешок под подбородком — все торопливо, будто боялась, что Тилвин передумает.

— Пеший бой! — объявил герольд. — Уведите коня!

Двое мальчишек из числа оруженосцев выскочили на поле и подхватили гнедого под уздцы.

— Грозное оружие, — сказал Тилвин, указывая на меч-сковородку.

— Подарок, — ответила Эмер ему в тон.

— Не боишься?

— Еще чего! Только посмей поддаться!..

Они поклонились королеве, потом друг другу, следуя ритуалу поединка, разошлись на четыре шага и замерли, ожидая знака.

Её Величество взмахнула платком, разрешая бой, и Тилвин напал молниеносно, сразу потеснив Эмер. Постепенно она начала распознавать его удары, но поединок шел не совсем так, как тогда, на поляне в саду Дарема. Тогда Тилвин лишь оборонялся, сейчас он напал почти по-настоящему. Почти — потому что Эмер чувствовала: вздумай он сражаться в полную силу своего умения, долго продержаться ей бы не удалось.

Но сковородка сделала свое дело — иногда Эмер ловила меч противника на край чаши, и клинок соскальзывал до крестовины, а его владелец терял равновесие. Когда же она изловчилась и после обманного выпада ударила рыцаря чашей плашмя по плечу — зрители едва не визжали от восторга. Такого зрелища они никогда еще не видели.

— А она совсем неплоха с мечом, твоя леди, — сказал сэр Олдвин, тряся Годрика за

плечо. — То есть не с мечом, а...

Тот сбросил его руку и украдкой взглянул на поле, превозмогая страх и стыд. Больше всего он боялся увидеть жену в нелепом и жалком виде, неуклюже обороняющуюся, которую умелый противник гоняет, как котенка. Увидеть же привелось другое, и Годрик нахмурился — уже по другой причине. С каких это пор благородные девицы преуспели во владении оружием? Да, носы она разбивала знатно, но меч?.. Или это Тюдда научил её?..

Поединщики подходили друг другу идеально, и поединок выглядел смертоносным и... прекрасным. Рыжие кудри Эмер, ниспадавшие из-под шлема, блестели сильнее золотых нитей, отражались в зеркальной поверхности доспехов, и от этого казалось, что девушка со сковородкой объята пламенем. «В настоящем бою ее бы сто раз схватили за волосы», — желчно подумал Годрик, испытывая восхищение и... зависть. Уж он-то видел, как мягко начальник стражи поддается своему очаровательному противнику, как постепенно отступает, как наносит удар прямо, без коварства. Нет сомнений, что после этого Эмер будет благодарна доброму сэру Тюдде. А если она может быть столь же щедрой в благодарности, сколь щедра в раздаче оплеух...

— Ваше Величество, — обратился он к королеве, — лучше бы прекратить этот поединок...

— Почему? Мы находим это привлекательным!

Годрику ничего не оставалось, как замолчать. Он не раз видел Тилвина в схватке, и за полвзмаха угадал его удар. Меч пошел неловко, плашмя, и Эмер, разгоряченная боем, без труда перехватила его. Металл звякнул о металл, и меч улетел в сторону на добрых двадцать шагов. Тилвин поднял руки, подтверждая поражение, и снял шлем.

— Победа леди Фламбар! — огласил герольд.

Зрители были довольны и не скрывали этого, хлопая от души. Эмер, хохоча, скинула шлем и вытерла ладонью мокрый лоб.

— Ты поддался, Тиль! — крикнула она, пытаясь перекрыть рев трибун.

— Совсем нет, — Тилвин подобрал меч и подал ей руку. — Пора превратиться в благородную даму, леди Фламбар.

Эмер приняла его руку, и он повел ее к королевской ложе.

— Проиграл женщине!.. — сказал кто-то из рыцарей, ждущих участия в состязании.

— После такого позора постыдно называться мужчиной, — поддержал его другой участник.

Тилвин предусмотрительно сжал ладонь Эмер, призывая ее к спокойствию.

— Пусть болтают, — сказал он.

— Ты подставил себя под удар, подыграв мне, — она закусила губу, и радость от победы испарилась, как ее и не было.

— Не волнуйся, — утешил ее Тилвин. — Мне достаточно того, что хорошо тебе. К тому же, я не мог послушаться приказа...

— Приказа? — Эмер вскинула на него глаза. — Это Год...

— Милорд Бритмар приказал принять вызов. И мне очень стыдно, что я не додумался до этого.

— Брат короля?

— Он вышел бы сам, но опасался, что ты не станешь сражаться с увечным.

Эмер нашла взглядом герцога, тот смотрел на них не отрываясь и хлопал вместе со всеми.

— Тиль, я говорила, что люблю тебя безумно?

Тилвин покачал головой:

— Нет.

— Вот, говорю. Люблю, обожаю тебя!

Она взбежала по ступеням и преклонила колени перед королевой.

— Вы поразили меня, графиня! — сказала Её Величество. — Ваш супруг сказал, что вы заняты кухней, и мы не смогли понять этого тонкого намека. Мы еще поговорим об этом, и вы покажете мне свое необыкновенное оружие, а пока садитесь рядом. Поглядим, не оплошают ли мужчины после вашего боя! Надеюсь, он вдохновит их, а не повергнет в уныние!

Парные поединки и общий финальный бой Эмер не запомнила, хотя добросовестно таранилась на поле. Сердцу ее было тесно в груди, и порой девушке казалось, что не будь на ней доспехов, оно улетело бы в синюю высь — воспарив над обыденностью. Мысленно она снова и снова переживала свой триумфальный выезд и не менее триумфальный поединок. И тогда вертелась ужом, выглядывая позади Тилвина и лучезарно ему улыбаясь, и слышать не слышала бормотания свекрови, которая объясняла, насколько неразумной была игра в рыцарей.

Правда, один раз Эмер снизошла до разговора со свекровью — приобняла ее за плечи, сдавив так, что у бедной женщины занялось дыханье, и зашептала:

— Потом, потом, дорогая матушка! Потом вы все мне выскажете! А пока давайте наслаждаться праздником!

Годрик сидел по другую сторону, и Эмер была довольна, что можно отложить разговор по непреодолимым причинам. А то, что муж выразит недовольство еще похлеще мачехи, она не сомневалась. Наверняка, скрежет от злости зубами.

— Победил сэр Ламорак! — объявил в конце состязаний герольд. — Подойдите получить награду из рук Её Величества, доблестный сэр, и вручите золотой венец прекраснейшей даме этого турнира!

Сэр Ламорак, преисполненный гордости, выехал вперед, к королевской ложе, склоняя копьё. Трибуны зашумели, приветствуя победителя, но королева медлила. Она пошептала о чем-то с герцогом и вскинула руку, призывая к тишине. Голос ее был слишком слаб и нежен, чтобы его услышали на трибунах, но герольд мигом подбежал к правительнице Эстландии и повторил ее слова так, что услышали даже в последний ряд:

— Её Королевское Величество, милостью яркого пламени владычица Эстландии и Северных островов признает сэра Ламорака победителем турнира и за его силу и ловкость дарует ему ленту с правого рукава!

Зрители, почуявшие, что конец турнира обещает быть едва ли не интереснее начала, с восторгом приветствовали это решение. Только благородные дамы и девицы остались недовольны, гадая, кому же из рыцарей достанется — и достанется ли? — золотой венец, и на чью головку он будет водружен.

Королева протянула руку, и приближенная дама развязала золотистую ленту, стягивавшую рукав на запястье. Эту ленту Её Величество повязала на древко копьё сэра Ламорака. Тот склонил голову в знак благодарности и отъехал к месту победителя — арке, украшенной цветами.

А герольд продолжал:

— За смелость и подвиг во имя дамы Её Королевское Величество дарует ленту с левого

рукава сэру Тюдде.

Эмер закричала чуть ли не раньше толпы на трибунах. Леди Фледе пришлось толкнуть ее локтем, показывая, что так вопить на публике неприлично. Но невестка даже не заметила тычка, а благородная леди больно ушибла локоть о доспех. Тилвин, стоявший позади королевской ложи, вынужден был выйти вперед. Зрители приветствовали его еще громче, чем сэра Ламорака.

— Мы умеем ценить не только силу, — с улыбкой произнесла королева, повязывая на руку рыцаря ленту. — А для того, чтобы выйти и проиграть женщине, нужна особая смелость, — и она тут же осадила герольда, который открыл рот, чтобы повторить эти слова: — Помолчите, любезнейший. Не обо всем надо кричать на весь мир.

— Благодарю вас, — сказал Тилвин, кланяясь низко и очень учтиво.

Когда он удалился, королева обратилась к герольду, разрешая говорить, и он прокричал звучно и с воодушевлением:

— Золотой венец и титул главного победителя Её Величество за необыкновенную отвагу присуждает леди Фламбар, графине Поэль!

Продолжить ему не дали, потому что на трибунах произошло что-то сродни массовому помешательству — с воплями и топотом. Эмер взвилась с места, как пружина, вскидывая кулаки к небу.

— Ведите себя прилично! — шептала леди Фледа, но тщетно.

Невестка прыгала и вопила, не обращая внимания на призывы вспомнить о долге и статусе, а потом выскочила из ложи и побежала вокруг ристалища, махая зрителям. Ей махали в ответ и бросали цветы, но не в благородных рядах. Дамы, осознавшие, что главной награды турнира им не видать, не выказывали особой радости — похлопали в ладоши и сложили руки на коленях с постными лицами. Пожалуй, только самые юные пришли в восторг и обступили счастливиц, причастных к особе, объявленной победительницей турнира. Леди Кас и леди Изабелла хвалились доспехами и разрешали прикоснуться к сверкающей броне. Можно было не сомневаться, что в ближайшее время у леди Фламбар прибавится подруг, желающих примериться к мечу.

Пробежав круг, Эмер подошла к Её Величеству, чтобы получить награду.

— Мы были покорены зрелищем, — сказала королева величественно, но в глазах так и плескалась улыбка. — За доставленное нам удовольствие награждаем вас этим украшением, — она взяла с бархатной подушки венец тонкой ковки, но не надела на голову Эмер, а вложила в руки.

Герольд прочистил горло и провозгласил королевскую волю:

— А сейчас леди Фламбар подарит венец достойнейшему мужчине, и он будет провозглашен королем турнира!

На трибунах засмеялись, но идея показалась заманчивой, что же касается Эмер, она прищурилась, обводя взглядом мужчин, сидевших и стоявших поблизости.

— Главное — не ошибитесь, дорогая графиня, — посоветовала королева, поводя взглядом в сторону Годрика. — Случай, достойный быть воспетым в балладах. Барды только и ждут, чтобы ударить по струнам своих арф.

Эмер посмотрела на мужа. Он сидел, скрестив на груди руки и глядя в землю. За ним стоял Тилвин, смотрел на Эмер и еле заметно улыбался.

— Самый достойный это... — она покрутила в руках подарок. Золотые длинные листы лавра сплетались в причудливый узор. Даже не будучи сделанным из драгоценного металла,

этот подарок имеет огромную ценность — как знак отличия, как знак признания. До сих пор мужчины решали, кому им распорядиться, сегодня же решение — привилегия женщины. Её, Эмер, личная привилегия.

— Самый достойный на сегодняшнем турнире — лорд Бритмар! — провозгласила она и возложила венец на герцога.

— Лорд Бритмар — король турнира! — тут же прокричал герольд и затрубил в рог, объявляя конец праздника.

— Какой удивительный день, мы помолодели душой, — объявила королева, поднимаясь, чтобы отправиться в замок.

— Вы и лицом необыкновенно свежи, дорогая невестка, — ответил лорд Бритмар, подавая ей руку. — Графиня Поэль подготовила удивительное развлечение, мы должны быть благодарны ей за это. Я — особенно, — он подмигнул Эмер, и она, не удержавшись, мигнула в ответ.

— Скорее умывайтесь, снимайте личину воина, снова становитесь женщиной и украсьте собой пир в честь Солнцестояния, — сказала королева, обращаясь к ней.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — ответила Эмер, кланяясь на мужской манер, чем вызвала веселый переполох среди придворных.

— Надеюсь, вы уделите мне время на пиру, — сказал лорд Бритмар. — Я еще не поблагодарил вас за оказанную честь.

— За благодарность не благодарят, — ответила Эмер со счастливым смехом.

Он как-то странно поглядел на нее и ушел вместе с королевой, в сопровождении придворных.

— Торжествуешь? — спросил Тилвин. На его руке красовалась королевская лента, и рыцари, раньше говорившие о поступке начальника стражи с пренебрежением, завистливо посматривали на этот знак отличия.

— Это лучший день в моей жизни, — сказала Эмер.

— Он еще не закончился. Кто знает, что припасено для тебя еще. Мне надо идти, я должен проверить посты и расставить стражу в главном зале, — он махнул ей на прощанье, совсем как она раньше.

— Да, иди, — сказала Эмер запоздало. Только теперь она почувствовала, как устала. Больше душой, чем телом. Хотелось завернуться в одеяло и подремать часок.

Трибуны редели, для простых зрителей приготовили бесплатное угощение на лужайке перед замком, и оттуда уже доносился вой волынок — музыканты приглашали танцевать. Эмер осталась одна. Она прислонилась к барьеру спиной, выстукивая ногтями по нагруднику. Годрик не подошел поздравить ее. Даже просто не подошел. Понятно, что он должен сопровождать королеву, как хозяин Дарема, но все таки...

— Как скоротечна слава, не так ли? — совсем рядом раздался знакомый голос. — Вот вы купаетесь во всеобщем внимании, и вот вы — одна. Такая хрупкая и беззащитная.

Не меняя позы, Эмер повернула голову, продолжая выстукивать замысловатую дробь по доспеху.

— Задержались, чтобы прочитать мне нравоучение, господин епископ? — спросила она.

— Нет, чтобы пожалеть вас, — сказал Ларгель Азо, приваливаясь плечом к барьеру.

— Разве вам известно такое чувство?

— А вас бы это удивило?

— Приятно было поболтать, но мне пора. Королева ждет...

— Но не муж?

— А вот это вас не касается, — медленно сказала она.

— Меня касаются все разводы в Дареме.

— Не понимаю, о чем вы.

— Тогда вас ждет неприятный сюрприз.

— С чего это вы взяли?

— На мой взгляд, вы сделали все, чтобы ваш муж имел основания требовать расторжения брака.

— Королеве понравился турнир!

— Но день-то еще не закончился.

— Мне пора, — повторила Эмер и пошла к замку, ускоряя шаг. Она не оглядывалась, но чувствовала, что епископ смотрит ей вслед. «А может и правда — согласиться на развод?..»

— мелькнула мысль, от которой сердце сжалось, будто сжатое клещами.

Охваченная невеселыми думами, Эмер не успела ступить под своды замка, как к ней подскочили главный повар и мастер Брюн. Главный повар никогда не беспокоил ее, и теперь его появление Эмер сразу не понравилось.

— Что еще? — спросила она ворчливо.

— На кухне страшная беда, миледи, — сказал главный повар дрожащим голосом, а мастер Брюн благоразумно спрятался за его спину.

Глава 21 (окончание)

— Беда? — переспросила Эмер, и взгляд ее не предвещал ничего хорошего. — Это после того, как мы так прекрасно друг друга поняли?

— Нет, миледи, мы здесь ни при чем! — воскликнул мастер Брюн. — Это Муго, безрукий идиот! Это он тащил корзину с яйцами и свалился с лестницы! И все перебил!

— Он упал прямо на корзину, миледи, — торопливо поддакнул помощнику главный повар. — Ни одного не оставил целого. Я уже распорядился выпороть его, но как же быть с «Сюзереном»?.. Тесто для него без яиц не сделать, если вы понимаете, о чем я. А пирог надо уже подбивать!

— Во всем Даремском курятнике не нашлось свежих яиц? Какую еще сказку вы придумаете? — отрезала Эмер.

Но повара рухнули на колени, заламывая руки:

— Мы смогли собрать только тридцать! — завопил мастер Брюн, прикрывая голову. — А для теста требуется две сотни, не меньше!

— Пошли, — коротко приказала Эмер, направляясь в сторону кухни, воинственно звеня доспехом.

Ее появление привело куханных слуг в замешательство, но только на секунду.

— Рады видеть, дорогая хозяйка! — крикнули все хором.

Эмер сделала знак, чтобы расступились и показали ей уничтожителя яиц.

Преступник Муго оказался тщедушной парнишкой лет пятнадцати, его уже разложили на лавке и приготовили розгу, но Эмер приказала остановить наказание.

Парнишка поднялся, судорожно подтягивая штаны и хлюпая носом. Всколоченные волосы, в которых застряла скорлупа, царапины на лице, перемазанном битыми яйцами, и проступающие на руках синяки придавали ему еще более жалкий вид. Эмер разглядывала его, склонив к плечу голову.

— Простите, простите, — всхлипывал нарушитель. — Он толкнул меня, я ничего не мог сделать...

Выяснение причин падения Эмер решила устроить тут же.

— Кто его толкнул?

Ответом ей было могильное молчание, а Муго тихо поскуливал, размазывая слезы по грязному лицу.

— Покажите корзину, — последовал новый приказ.

Принесли огромный и плоский короб, сплетенный из ивовых ветвей.

— Умом тронулись, если послали этого дохляка нести такую тяжесть, — сказала Эмер. — Дохляка не наказывать. Отведите его к лекарю, пусть посмотрит, не переломал ли чего. Теперь вы, — она обернулась к главному повару и помощникам, не обращая внимания на лепет бедняги Муго, который пытался поблагодарить добрую госпожу и облобызать подол ее платья. — Вижу, урок не пошел вам на пользу. Управлять кухней вы не умеете. Пусть выйдут повара и младшие подмастерья, хочу поглядеть на них.

Двадцать мальчишек и подростков выстроились в шеренгу, боясь моргнуть. Эмер прошла мимо них, рассматривая так пристально, словно искала демона в человеческом облике.

— Они все дохлые, — сказала она по окончании осмотра. — Тощие, дохлые, слабые. А теперь — подмастерья и старшие подмастерья.

Осмотром она опять осталась недовольна.

— А вы — разжирели, как перекормленные петухи. Но вами я займусь позже. Теперь надо решить, из чего готовить пирог. Главный повар!

Старший распорядитель кухни услужливо выступил вперед.

— Пусть отправят посыльных в ближайшие деревни, чтобы скупили все свежие яйца, какие найдут.

— Миледи! — пискнул мастер Брюн, — до ближайших деревень — час пути.

— На лошади?! — поразилась Эмер. Она была не сильна в расположении даремских деревушек и подумать не могла, что второй по величине город в Эстландии находится в такой глуши.

Но ответ главного повара вернул надежду:

— Пешком, миледи.

— Час пешком, — быстро подсчитала она, — одна десятая часа на лошади. Быстро снарядите туда повозку. Пусть обойдут все птичники и заплатят не скупясь.

— Дорога горная, лошадь там не пройдет, только осел, — сказал главный повар умирающим голосом. — А там, где можно добраться на лошади, дорога в три раза длиннее.

— Сам ты осел, — парировала Эмер.

Она колебалась лишь несколько мгновений.

— Подбивайте тесто, — велела она, — Через полчаса у нас все будет.

— Но как, миледи... — начал мастер Брюн.

— Я разрешила тебе возражать? — оборвала его Эмер. — Делайте, что вам говорят, остальное — не ваша забота.

На ходу развязывая шнурки доспеха, она велела срочно позвать начальника стражи и поднялась в башню, запретив сопровождать ее.

Когда через пару минут Тилвин постучал в покои хозяйки Дарема и услышал нежный, но энергичный голос юной госпожи, разрешающей войти, он вошел и остолбенел, потеряв дар речи.

Вместо красивой леди перед ним стоял долговязый парень в мешковатых штанах, полинялой коте и войлочной шляпе, надвинутой на глаза. Но вот парень сдвинул шляпу на затылок, и показалось румяное личико Эмер. Сейчас брови ее хмурились, и настроена она была решительно.

— Мне нужна твоя помощь, Тиль, — заговорила она резко, короткими фразами. — Пойдешь со мной. Покажешь дорогу в ближайшую деревню. Встретимся у ворот. Я выйду черным ходом. Возьми две корзины, чтобы поместились две сотни яиц.

— Две сотни?

— Ты же осилишь такую ношу? — спросила Эмер мимоходом, затягивая вязки на сапогах и засовывая за пазуху кошелек с золотом. — Только никому ни слова. Ты и я. На все у нас чуть больше половины часа.

— Ты решила сделать это сама? Но...

— Тиль!

Эмер подбежала и положила руку ему на плечо. Тилвин уставился на ее руку, словно она прижгла его каленым железом сквозь одежду.

— Прощу, помоги мне еще раз, — сказала Эмер. — Мне больше не на кого положиться.

Королева должна получить свой пирог в день солнцестояния. Это важно для меня.

— Буду ждать у ворот, — сказал он и помчался вниз по лестнице.

— Вот и славно, — пробормотала Эмер, открывая потайную дверь. В коридоре было тихо и темно, и она потрусилась под каменными сводами, прижимаясь к стене.

Никто не заметил ее, и даже служанки, спешившие в кухню с птичьего двора, гомонили так, что Эмер успела спрятаться в нишу, чтобы не столкнуться с ними. Ей повезло миновать и конюшню, а возле самых ворот, выбегая во внутренний двор, она столкнулась с мужчиной преградившим ей путь. Вскинув голову, Эмер чуть не застонала от отчаянья. Это был Сибба.

— Смотри, куда лезешь, деревенщина! — сказал он, отряхивая квестот.

— Прошу прощения, господин, — пробормотала Эмер, отступая с поклоном.

Оруженосец уже прошел мимо, но вдруг остановился, и сердце Эмер рухнуло в печенки.

— Я тебя знаю? — спросил Сибба.

— Нет-нет, благородный господин.

— Ты из свиты королевы? — продолжал он допрос.

— Да-а... — Эмер уже не чаяла избавиться от него. Вот ведь привело столкнуться!

— Тогда что делаешь здесь? Во внутренний двор разрешено входить только своим. Куда смотрит начальник стражи?

Эмер не стала ждать, пока он позовет охранников, и рванула, очертя голову. Но Сибба оказался куда как проворен и сцапал ее возле самого выхода.

— А ну, стой! — пропыхтел он, схватив ее за шиворот. — Долой шапку, вор!

Помощь подоспела неожиданно, в лице Тилвина. Он так толкнул в грудь Сиббу, что тот покатился кувырком, собирая на новенький квестот солому пополам с лошадиным пометом. Однако падая, он успел ухватиться за войлочную шапку и сдернул ее с Эмер вместе с головным платком. Рыжие кудри распались по плечам, а Сибба, ловко перекатившись через голову, вскочил — и забыл, зачем вскочил, уставившись на хозяйку в столь неподобающем виде.

— Что уставился? — сказал ему Тилвин, делая шаг вперед и вырывая из руки оруженосца шапку и подбирая оброненный платок. — Если об этом кто-то узнает, я отрежу тебе язык.

Сибба едва ли слышал хоть слово. В полной растерянности подергав себя за ухо, он только и смог, что выговорить:

— Это вы, миледи?

— Ты никого не видел, — сказал ему Тилвин.

Эмер торопливо подобрала волосы, перетянула шевелюру платком и снова нахлобучила шапку.

— А-а... э-э... — продолжал тянуть Сибба, и вдруг очень внятно спросил: — Милорд знает?

— Милорду — ни слова, — твердо произнесла Эмер. — Мне нужно принести две сотни яиц в Дарем. И так, чтобы об этом не разнюхала ни одна живая душа. Понял?

— Понял, — туг же кивнул оруженосец. — Миледи понадобились яйца.

— Они понадобились на кухне, — поправила его Эмер и взяла за руку Тилвина: — Идем, нам нельзя медлить. Пирог должен быть приготовлен вовремя.

Сибба проводил их взглядом, все так же дергая себя за ухо.

Возле ворот Эмер и Тилвина встретили четверо рыцарей, и каждый держал по корзине.

— Это еще зачем? — пробормотала Эмер, неволью отступая.

— Не бойся, — успокоил ее Тилвин. — Это верные люди, они не выдадут ни тебя, ни меня. А яйца лучше не складывать в одну корзину, — уголки его губ лукаво задергались. — Тебе бы лучше не покидать Дарем, я сделаю все сам.

— Я не останусь в стороне. Это дело моей чести, — помотала головой Эмер. — Но мы не успеем. Вот эти — слишком тяжелы, бежать они будут медленно. А у этого натужное дыхание. Верю, что он верный и хороший воин, но едва ли хороший бегун. Задохнется сразу же.

Рыцари удивленно переглянулись, а Эмер отобрала у двоих корзины и одну передала Тилвину, а вторую надела за плечи, как котомку, просунув руки в ручки.

— Показывай дорогу, Тиль, — приказала она, — и поспешим, с милостью яркого пламени.

Трое выбежали из Дарема и свернули на гористую тропку, идущую сначала рощей, потом ущельем, а потом забираясь все выше и выше на скалистые холмы, расположенные по окоему Даремской равнины.

Эмер бежала посредине, и ни на шаг не отставала от Тилвина, который по ее примеру забросил корзину за спину. Несколько раз он пытался замедлить шаг, опасаясь, что Эмер выдохнется, но всякий раз она понукала его с шутливым негодованием.

— Миледи быстрая, как горная коза, — сказал сопровождавший их рыцарь, вытирая пот со лба, когда они устроили у ручья короткий привал.

— Береги силы, — посоветовал Тилвин, — обратно нам нести груз.

Эмер не слышала их разговоров. Усталость после турнира прошла, едва она увидела горы и ощутила запах травы, разогретой солнцем. Тело радовалось движению, и ветру, дувшему навстречу. Девушка улыбалась, когда Тилвин оборачивался, чтобы посмотреть на нее, показывая, что все в порядке. Она не знала, каким милым было сейчас ее раздуманное от свежего воздуха и воли лицо. И начальник стражи раз за разом оглядывался, рискуя споткнуться, и уговаривая себя, что смотрит на молодую госпожу только чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Она оказалась на удивление сильной. И выносливой. И знала секрет ровного, быстрого бега.

— В деревне не разговаривай со мной, — сказала Эмер, когда впереди показались крыши вилланских домов. — И не дергайся всякий раз, когда я оступаюсь, относись ко мне, как к одному из оруженосцев. На ближайший час я не леди из Дарема, я такая же, как твои люди.

— Это сложно сделать, но я постараюсь, — заверил ее Тилвин.

— Шутник, — буркнула Эмер, надвигая шляпу на глаза.

Они ворвались в деревню, перепугав местных жителей. Никто из них не видел раньше хозяйку Дарема, и тем более ее не могли узнать в поношенном платье, обряженную мужчиной, а вот начальник стражи был хорошо знаком, и вилланы сразу послали за старостой.

Вскоре со всех домов несли куриные яйца — в мисках, в плошках и кувшинах. За все щедро платилось золотом, и это была неслыханная щедрость. Когда яиц набралось полторы сотни, подношения кончились.

— Нужны еще пять десятков, — сказал Тилвин.

— Больше нет ни яичка, добрый господин, — развел руками староста. — Мы бы не посмели обмануть вашу милость.

Эмер кусала губы.

— Возвращаемся, — сказала она тихо, чтобы слышал только Тилвин. — Пусть добавят в тесто, что есть. Это лучше, чем ничего.

Яйца были уложены в корзины, пересыпаны сенной трухой, а сверху натянули полотно, крепко привязав концы к ручкам.

— Тебе будет тяжело, — сказал Тилвин, — мы с Рено понесем корзину попеременно.

— Еще чего, — Эмер деловито проверила вязки на ручках и осторожно покачала, чтобы проверить, надежно ли закреплен груз, — сама понесу. Я же не какой-то слабосильный воробышек.

Она легко подняла корзину и поставила себе на голову. Когда на груди натянулась, и внимательный глаз сразу бы определил, что рослый парень — никакой и не парень, а обладательница крепких соблазнительных грудок. Эмер не поняла, почему Тилвин шагнул вперед, заслоняя ее от вилланов, но зато заметила гневный взгляд, который тот бросил на Рено. Рыцарю достало этого взгляда, чтобы присмиреть и поспешно отвернуться.

— Иди первым, — велел ему Тилвин.

Водрузив корзины на головы, носильщики устремились в обратный путь.

Теперь Эмер шла посередине, и Тилвин мог любоваться ею не оглядываясь через каждые пять шагов. Она уже запомнила дорогу, и смело прыгала с камня на камень, придерживая корзину за края.

— Ты и правда, как горная коза, — сказал Тилвин, когда они опять остановились передохнуть у ручья.

— Да и вы неплохи — два горных козлика, — засмеялась девушка.

Тилвин улыбнулся ее шутке и сказал:

— Странно видеть благородную девушку, которая вынослива, как заправский воин. В твоих краях все такие?

— Сказать по правде, не все.

— Ты — единственная, — сказал Тилвин.

Эмер просияла:

— И ты — единственный. Тиль, ты даже представить не можешь, как я благодарна тебе. Но поторопимся!

Кухня Дарема встретила их запахом свежесдобитой сдобы.

— Уже поставили?! — закричала Эмер, спуская с головы корзину и устремляясь к печи. Заслонка была закрыта, но через щель она рассмотрела пухлую корку пирога. — Что вы наделали?! Тесто будет недостаточно сдобным! Я же сказала подождать!

— Не волнуйтесь, миледи, — залебезил вокруг нее мастер Брюн. — В тесте достаточно яиц, будьте уверены!

— Достаточно? — Эмер рывком повернулась к нему. — Откуда?

— Милорд самолично отправился в кузнечные деревни и привез нужное количество.

— Милорд?..

— Милорд Годрик.

— Самолично?

— Вместе с оруженосцем.

Эмер некоторое время осмысливала услышанное.

— Как он узнал? — спросила она, обвиняюще. — Вы сказали ему?

— Нет, миледи! — перепугался главный повар. — Он просто пришел и принес яйца! Я не обмолвился ни словом, клянусь!

— Оруженосец... Болтун, — пробормотала Эмер. — Хорошо. Мне надо переодеться, а вы готовьте пирог.

— Через четверть часа можно будет подавать, миледи.

Никогда еще Эмер не переодевалась так быстро и не была столь равнодушна к собственной внешности. Мысли ее были заняты совсем другим. Годрик... Вот так узнал и помог? Просто помог? Или побоялся не угодить тетушке?

Она спустилась как раз, когда выносили пирог «Сюзерен». Он был, поистине, королевским — его несли четыре повара на деревянных носилках, и его румяная корка, проколотая в нескольких местах, источала умопомрачительные ароматы мяса и пряных трав.

— Идем! — велела Эмер и распахнула двери в зал, где стояли накрытые столы.

В лицо ей ударили смех и песни, разгоряченные вином придворные веселились вовсю. «Сюзерен» был встречен рукоплесканиями и поставлен на середину стола, с которого в мгновение ока убрали остальные блюда.

— Первый кусок — Её Величеству! — объявил распорядитель пира и выкроил громадный кусище, которого хватило бы на трех королев. Его положили на серебряное блюдо и передали леди Фламбар, расточавшей улыбки направо и налево.

— Прошу вас, отведайте, — сказала Эмер, ставя блюдо с пирогом перед королевой.

По правую руку от Её Величества сидел Годрик, по левую кресло пустовало.

— Благодарю, — сказала королева, вооружившись серебряными вилкой и ножом и отрезая маленький кусочек. — Присядьте рядом со мной, госпожа графиня.

Эмер послушно села. Пока пробовали пирог, она чуть наклонилась вперед, пытаясь поймать взгляд Годрика, но он смотрел прямо перед собой. «Сюзерен», казавшийся прежде румяной горой, сейчас напоминал щербатую пасть, зияя разрытым боком.

— Отличный пирог, — сказала королева сухо и отложила столовые приборы. — Никогда в жизни не пробовала ничего вкуснее.

— Мы все старались угодить Вашему Величеству, — сказала Эмер.

— И угодили, в этом нет сомнений, графиня. У меня нет слов, как вы мне угодили.

Барды грянули новую песню, смешную и залихватскую, но Эмер было не до смеха.

— Ваше Величество, кажется, недовольны?.. — спросила она.

— Какая пронизательность! — королева оперлась локтем на стол и посмотрела ей прямо в глаза: — Вы решили развестись, как мне сообщил ваш супруг? Что за новости?

То, что королева позабыла говорить о себе «мы» и «нам», было признаком сильного гнева, об этом Эмер уже знала не понаслышке. Но вслед за волной страха пришел гнев, который девушка попыталась скрыть. Проклятый Годрик! Не мог повременить с неприятным разговором! Столько трудов было вложено в этот дурацкий пирог, а королева уже отложила ложку. Эмер разгладила платье на коленях и спросила:

— О чем вы, Ваше Величество? Я ничего не понимаю...

— Не понимаете?! Что тут может быть непонятного? Вы ходатайствуете о разводе?

— О каком разводе речь?

— Я схожу с ума? — королева обернулась к племяннику. — Или ты вздумал пошутить таким жестоким способом?

Тот отрицательно покачал головой.

— Или это вы разыгрываете меня, графиня Поэль? Мой племянник заявил, что вы хотите развода на том основании, что супруг вас не устраивает. Чем это он вам плох, позвольте спросить? Или вы уже восплакали об Ишеме? Так он навсегда потерян для вас!

— Я даже не вспоминала о милорде Ишеме, — ответила Эмер, стараясь не слишком горячиться. — А милорд Фламбар придумывает то, чего нет. И причина его выдумок мне не известна.

— Вы обвиняете его во лжи?

— Графиня не хочет вас волновать, тетушка, — сказал Годрик. — Но вопрос с разводом — дело решенное.

— Решенное тобой?! — вспыхнула-таки Эмер.

— Я опять что-то упустила, — сказала королева ледяным тоном. — Пойдемте-ка со мной, молодые люди. Нам надо уединиться и поговорить.

— Может, хотя бы дождемся конца пира? — предложила Эмер, уже понимая, что все бесполезно.

И точно — королева решительно встала и взяла ее за руку, как будто для дружеской беседы:

— Мы выясним все сейчас, и ни часом позже.

Придворные дамы оказались неприятно удивлены, когда им предложили не покидать пира. Но следовать за юной четой и королевой не посмели. Беседовать решили в спальне молодоженов, где временно расположились Ее Величество.

Королева уселась в кресло, приготовившись слушать, и жестом приказала Годрику закрыть двери, что он и сделал. Эмер встала у стола с письменными принадлежностями, подобравшись, как для боя, а Годрик отошел к окну, рассеянно глядя сквозь деревянную решетку, будто все происходящее в комнате не имело к нему никакого отношения.

— Подойдите ближе, графиня Поэль, — велела королева. — Хочу пошептаться.

Эмер приблизилась, но Ее Величеству этого показалось недостаточно, и она схватила девушку за рукав, а потом за ворот платья, заставляя наклониться.

— О чем был договор между нами? — прошипела королева, чтобы не слышал Годрик. — Вы распознаете мятежника в моем племяннике или оправдываете его. Вы сообщили, что он не мятежник. А теперь при малейшем затруднении решили сбежать? Как

же ваша клятва? Вы готовы были воспользоваться его состоянием, кричали, что вам нужен молодой и красивый муж. Обнимались с ним по темным углам, наконец! И вдруг — такое!

— Я не желаю развода, — сказала Эмер.

Королева сразу отпустила ее.

— Хорошо, с вами все ясно. Годрик? К чему были эти стенания о разводе? Ты говорил, графиня Поэль недовольна тобой.

— Всем довольна, — быстро вставила Эмер. Если муж ждет, что она станет жаловаться, то ждет напрасно.

— Почему молчишь? — настаивала королева. — Она довольна, а ты утверждал...

— Хотел соблюсти приличия, чтобы графиня не была опозорена. Но развод необходим, и это легко устроить. Ведь мы до сих пор не муж и жена.

— Что?!

— Мы так и не стали настоящими супругами, — повторил Годрик громко и внятно. — По-моему, это лучше всего доказывает, что ваша затея с идеальным браком провалилась, — он подумал и добавил: — Тетушка.

— Почему не муж и жена? — королева повернулась к Эмер. — Вы отказываете мужу?!

— Это он пренебрегает мной, — сказала Эмер угрюмо.

— Годрик?!

— В свете последних событий я рад, что смог удержаться от скоропалительных и ошибочных действий, и, следовательно...

— Другими словами, он отказался со мной спать, — встряла Эмер. — Но у него все в порядке, Ваше Величество. Все действует, если вы об этом волнуетесь. Я видела.

— Графиня Поэль!

Эмер недоуменно воззрилась на королеву:

— Что это вы так испугались? Страхиться нечего, с вашим племянником все в порядке. Бояться надо было бы в другом случае.

— А ваш супруг как раз и боится, За вас. Он утверждает, что вам небезопасно тут находиться. Я была изумлена, услышав историю о вашем ранении, и о змее.

— Дело в том, что супруг забыл спросить, боюсь ли я.

— Дело в том, тетушка, — перебил ее Годрик, — что мы с графиней очень разные люди. И жить вместе для нас — суцая мука.

— Говори за себя, — буркнула Эмер.

— Хочешь сказать, что спустя столько времени между вами нет и намека на супружеские чувства? А как же ваши поцелуи?..

— Минутная слабость. Вы слишком поторопились увидеть то, чего не было.

— Поторопилась? Графиня Поэль? Я была уверена, что мой племянник вам нравится.

Эмер стояла перед ней, опустив голову.

— Нравится? — настаивала королева. — Отвечайте прямо, здесь нет сторонних людей, вам нечего стесняться. Ну? Почему молчите?

— Я люблю его, — сказала Эмер.

— О! — королева откинулась на спинку кресла. — Не ожидала такого откровенного ответа. Но это очаровательно.

— Это неправда, — сказал Годрик, не поворачивая головы. — Она просто упрямится.

— Откуда уверенность? — спросила Эмер, и голос ее зазвенел. — Женское прямодушие не в чести, я знаю. Но не могу молчать, если заговорили об этом. Сердце мое сразу

потянулось к тебе. И теперь чувства сильнее, чем были в день нашей свадьбы. Я не лгу, и признаюсь, что полюбила тебя, Годрик Фламбар. А Роренброки любят раз и навсегда. И это не упрямство, не прихоть, не желание обладать твоим состоянием. Мне нужен ты, и только ты. Не спрашивай, почему так получилось. Половину я не смогу тебе объяснить, а половину не смогу рассказать. Но сейчас в моих мыслях и в моей душе только ты. Ради тебя я готова пойти под стрелы разбойников, встретить кинжалы убийц, выпить яд и пройти по Млечному пути от края неба до края. И это не громкие слова. Ты считаешь, я недостойна тебя, но спроси, что важнее: внешний лоск или преданное сердце? Тем более, когда рядом с тобой должны находиться верные люди. Просто прими мою любовь. О большем пока не прошу.

Она замолчала, в волнении накручивая на палец конец пояса.

Но Годрик не торопился говорить, хмурился и барабанил пальцами по оконной решетке.

— А речь-то не лишена смысла, Годрик, — сказала королева. — Девушка оказалась смелее сотни рыцарей и призналась тебе. Что ответишь? Не испугаешься?

— Не испугаюсь, — промолвил он спокойно и четко. — Я ценю смелость и прямодушие Эмер из Роренброка, но не скажу того, чего она ждет. Прости, я не могу принять твою любовь. Время такое, что надо думать о долге, а не о чувствах.

Эмер побледнела, как полотно, но сохранила присутствие духа:

— Про долг мне известно побольше твоего. Сказала же: не прошу многого. Я твоя жена. Я знаю, жен не всегда любят. Но ты бы мог проявить немного больше уважения, и относиться ко мне, как к супруге, а не легкомысленной девчонке.

— Только дело в том, что ты именно такая. Легкомысленная девчонка, которая не видит дальше своего носа. Ее Величество говорит правильно — наступили непростые времена. И ты говоришь правильно, что нам нужны верные люди. Но кто сказал, что ты — верна?

— Обвиняешь в измене?! — Эмер задохнулась от такой несправедливости.

— Нет, не в измене. Но иногда предатель не так опасен, как верный... дурак.

— Годрик! — воскликнула королева упреждающе.

— Прошу прощения, тетушка, — он церемонно поклонился. — Больше я не оскорблю твоего слуха грубыми словами.

— Проси прощения у жены!

— У жены? — он перевел взгляд на Эмер.

«Во взгляде дохлой рыбы больше чувств!» — подумала она, испытывая желание что-нибудь грохнуть об пол.

— Уверяю вас, моя жена знает и более крепкие словечки. Она не так утонченна, как вы, тетушка. И это — одна из причин, почему я отказываюсь от нее. Мне не нужна жена-кузнец. Мне не нужна жена-рыцарь. Мне не нужна жена, с которой всегда чувствуешь себя, как на острие кинжала, гадая, что она выкинет в следующий момент.

— О чем ты?! — крикнула Эмер.

— Я устал от твоих выходок.

— Каких выходок?! — Эмер обернулась к королеве, ища поддержки. — Всего-то трижды расквасила ему нос, ткнула вилкой в ляжку, заставила пробежаться голым по саду, притворилась, что утонула. Разве же это повод, чтобы разводиться?!

— Ткнули вилкой?! — взвизгнула королева.

— Я не больно, — утешила ее Эмер.

— Вот видите, тетушка, что мне приходилось терпеть? — спросил Годрик устало.

— А ты помолчи, — осадила его королева. — Надо было выбирать, с кем обниматься по углам!

Годрик возвел глаза к потолку и отвернулся.

— Ваше Величество! — Эмер сплела пальцы, словно в молитвенном жесте. — Пусть я не такая утонченная, как ваш племянник, но я люблю его и не стыжусь в этом признаться. И я не страшусь никаких опасностей рядом с ним.

— Тот, кто пренебрегает опасностью, гоняясь за любовью — дважды дурак, — сказал Годрик резко. — Остаюсь при своем мнении. Лучше нам развестись, потому что я не смогу отвечать за твою жизнь и не смогу ответить на твои чувства.

— Годрик! — запоздало воскликнула королева.

Но Эмер уже услышала главное.

— Не сможешь ответить? — спросила она.

Муж наконец-то соизволил посмотреть на нее. И взгляд был безразличным, как если бы Годрик смотрел на муху, пролетающую мимо.

— Не смогу. Никогда.

— Какие жестокие слова... — с трудом произнесла девушка.

— Я тоже умею быть прямодушным.

— И жестоким, — Эмер попятилась, глядя на мужа, как будто видела впервые.

— Могу быть и таким.

— Я вижу! — всхлипнув, она повернулась и выбежала вон из комнаты, не спросив у королевы разрешения удалиться.

— Может, объяснишь, что происходит? — спросила королева. — Ты начал со сказок про опасности, а закончил оскорблением. Зачем ты так с бедной девушкой?

— Ее надо убрать отсюда. Но вы видите, какая она упрямая? Мне пришлось проявить жесткость. Зато теперь поплачет, сочтет меня чудовищем, согласится на развод и уедет, — Годрик говорил глухо, открывая и закрывая ставни. Монотонный скрип петель напоминал завывание расстроенной вьели, на которой музыкант не может взять ни одной верной ноты.

— Прекрати скрипеть! — рассердилась Её Величество, и Годрик тут же оставил ставни в покое. — Что значит — уедет? Ты понимаешь, чем чреват развод? Мне придется забрать у тебя мастерские и передать... кому передать? Снова твоей мачехе?

— Так будет лучше.

— Нет, не лучше! Мне нужны эти мастерские, мне нужно оружие, коль скоро муж решил убить меня!

— Бойтесь умереть, а ее жизнью спокойно играете? — спросил Годрик, и его тон королеве совсем не понравился.

— А разве ее жизни что-то угрожает? Пока убить пытаются тебя, так ты утверждал. Причем тут графиня Поэль? Она всего лишь пронырливая простушка.

— Она уже пострадала из-за меня.

— Сам виноват. Не надо было тащить ее в лес.

— Моя жена не спрашивает разрешения, отправиться ли ей в лес или вмешаться в другое опасное приключение.

— Так запрети ее. Что ты за муж, если не можешь справиться с женой?

— Легче запереть ветер, чем Эмер из Роренброка.

Королева запрокинула голову и потерла виски пальцами.

— Постараемся успокоиться, — она призвала к спокойствию себя в первую очередь,

потому что Годрик и так был спокоен, как скала. — Пойми. Мне нужно, чтобы мастерские были под твоей рукой. Мне некому больше довериться, кроме как родной крови. Может произойти всякое. Если муж решит убить меня или заточить в монастырь, ты должен быть рядом. С рыцарями, которые вооружены.

— Вы хотите свергнуть супруга? А что думает церковь по этому поводу?

— Как ты смеешь! — гневно крикнула королева,

Но в следующее мгновение она обузда чувства:

— Пока не время для развода. Повремени, даже если она так неприятна тебе. Потом — я обещаю — ты получишь развод и все, что угодно.

— Заберите ее, — повторил Годрик. — Пока она рядом со мной, ей угрожает опасность.

И вы совсем не поняли меня, тетушка. Она дорога мне. Не хочу, чтобы что-то с ней случилось.

Королева помолчала, пропуская услышанное в самое сердце.

— И правда, я ошиблась в тебе. Но не ошибаешься ли ты? Для женщины главное — находиться в минуту опасности рядом с тем, кого она любит. Ты сомневаешься в этой девочке даже сейчас? Когда она с таким пылом призналась, что рискнет жизнью ради тебя?

— Венец она отдала герцогу, — криво усмехнулся Годрик.

— Да, но назло тебе. Почему ты отталкиваешь ее, если она дорога? Она сказала, что любит.

— Это всего лишь слова. Вы знаете, я не верю словам.

— Чему же ты поверишь, племянник? Сделаем так. Я пробуду здесь еще несколько дней, поговори с женой. Приласкай, не стесняйся быть нежным. В конце концов, мы просто женщины, почему вы обращаетесь с нами, как с врагами? Убеди ее уехать без развода. Ты удивишься, но упрямцы становятся покладистыми, если не пытаться их сломить.

— Хорошо, тетушка. Разговор окончен? Разрешите проводить вас к столу? Придворные дамы, наверняка, волнуются.

— Разрешаю, провожай, — сказала королева. — А ты подумай. Нечасто встретишь такую искренность, что мы наблюдали сегодня.

— Нечасто, — согласился Годрик. — Такие, как Эмер из Роренброка, рождаются раз в сто лет. Помните историю южных сражений? Наверняка, в то время в тех краях как раз родилась ее прабабка. Может статься, именно поэтому война и началась.

— Ты невозможен! — вздохнула королева.

Эмер сидела за статуей вестника, уткнувшись в колени, и чувствовала, как платье намокло от слез. Там ее и застал Тилвин, невесть как заглянувший в нишу.

— Пойдем со мной, — сказал он, взяв Эмер за руку. — Не надо, чтобы хозяйку Дарема в таком виде застали гости.

Она подчинилась, плохо понимая, куда он ее ведет. Обойдя сторонними коридорами комнаты гостей, Тилвин провел Эмер по лестнице для слуг, через внутренний двор в башню возле ворот. Они поднялись в его комнату, и там он усадил Эмер на кровать и налил воды в кружку, предложив выпить.

Сделав несколько глотков, Эмер почувствовала, как спазмы, сдавливавшие горло, ослабли. Слезы все еще лились из глаз, и она забывала их утирать, комкая платок. Тилвин взял платок и бережно отер ее щеки.

— Если не хочешь, ничего не говори, — сказал он. — Здесь тебя никто не станет

искать, оставайся, сколько хочешь. Вот ключ, можешь запереть дверь. А я скажу, что ты уехала в деревню кузнецов.

Он хотел уйти, но Эмер поймала его за край котты.

— Не оставляй меня, — попросила она шепотом. — Хотя бы еще четверть часа.

— Как скажешь, — он сел на кровать рядом с ней, осторожно и немного неуверенно обняв девушку и притянув к себе на плечо.

Эмер прижалась лицом к его груди и дала волю горю и обидам. Она никогда не думала, что у нее столько слез. Они лились и лились бесконечно, и стоило ей припомнить разговор у королевы, как все новые и новые рыдания сотрясали ее.

Тилвин поглаживал ее по голове и ни о чем не спрашивал, и за это Эмер была ему очень благодарна. Рассказывать о позоре не хотелось, но сердце от молчания болело еще сильнее.

Она плакала так долго, что совсем обессилила, и уснула, съехав Тилвину на колени. Он сидел не шевелясь, боясь ее потревожить, а когда убедился, что сон крепок, подсунул под голову Эмер подушку, устроив девушку на постели.

И прежде чем уйти, позволил себе несколько минут смотреть на спящую. И погладил ее по голове, чтобы ощутить ладонью мягкость и шелковистость рыжих кудрей, выбившихся из золотой сетки.

Глава 23 (начало)

Проснувшись с головной болью, Эмер не сразу поняла, где находится. Она лежала на чем-то мягком и волосатом, уткнувшись лицом в эту самую волосатость. Собственно, и проснуться пришлось оттого, что в носу неимоверно защекотало. Чихнув три раза, девушка села, протирая глаза и оглядываясь. Сон всегда стирает боль. Эмер зевнула и удивилась, что она делает в комнате Тилвина, на его постели, застланной медвежьей шкурой. Потянулась, еще раз чихнула и... вспомнила.

Нет, сегодня сердце заныло не так болезненно, как вчера. Но все равно появилась тяжесть в груди.

В комнате она была одна, в окошко струился жемчужный предрассветный свет, и тянуло холодком, какой бывает утром даже в теплые летние месяцы. Получается, она проспала здесь весь вечер и всю ночь? Вот так. Жена не пришла в спальню, и муж даже не озаботился, где это она пропадает. В чьей постели.

Эмер грустно усмехнулась и погладила медвежью шкуру. В чужой постели. Это и звучит-то смешно. Ведь разумеется, благородный и почтительный Тиль провел ночь в другом месте.

Сунув ладони под мышки, девушка вспомнила вчерашнюю беседу с королевой и ее племянником. Яркое пламя! Зачем она была такой дурой? Зачем было настолько раскрывать душу? Посчитала, что Годрик восплачет из-за речей, достойных рыцаря? Годрик — восплачет. Даже смешно.

Снова переживая вчерашний позор, Эмер услышала тихие голоса снаружи. Говорил Тилвин, и тон у него был сдержанным и учтивым, как всегда, когда он разговаривал с Годриком. От мысли, что Годрик застал ее утром в комнате другого мужчины, Эмер бросило в жар и в холод. Только сейчас она осознала, как выглядит ее поступок. Клялась в верной любви, а потом побежала искать утешения на груди у начальника стражи. И объясни твердолобому мужу, что это был всего лишь дружеский жест.

«Она здесь», — сказал Тилвин.

Эмер прикусила костяшки пальцев, не зная, чего ждать — или Годрик полезет драться с Тилвином, или ворвется и объявит о разводе уже на законных основаниях.

Дверь скрипнула, и Эмер вскочила с кровати, готовая отстаивать собственную невиновность. Но вместо Годрика вошел лорд Бритмар, брат короля.

— Вот как! Вы не спите? — сказал он. — Когда вы проснулись? Наверное, это мы с сэром Тюддой разбудили вас... Мне жаль.

— Нет-нет, — возразила Эмер, — вы ни при чем. Я даже не услышала вас. Просто проснулась, вот и все. Вы искали меня? — она густо покраснела, представляя, что подумает о ней герцог, и чем может закончиться эта щекотливая ситуация, но лорд Бритмар поспешил ее успокоить.

— Я искал вас, но не смущайтесь. В отличие от вашего супруга я все понимаю правильно. Вчера вы ушли вместе с милордом Годриком и королевой, а потом на пир вернулись только милорд и Её Величество. Не составило труда сообразить, что разговор был весьма неприятным, и что вы поспешили скрыться в какой-нибудь тихой норке, чтобы поплакать всласть.

— От вас ничего не скроешь, — призналась Эмер. — Вы были правы, мы с Годриком очень разные. И огонь с землей просто не могут сосуществовать без разрушений.

— Он недоволен вашим выступлением на турнире?

— Он всем недоволен, — промолвила с досадой Эмер. — Что бы я ни сделала, ему не по нраву. Только и говорит о разводе... — она прикусила язык, но было поздно.

— Развод? — переспросил лорд Бритмар. — Он зашел так далеко?

— Не будем об этом, — Эмер усилием воли отогнала от себя уныние. — Ах, у меня, наверное, такой вид, что от одного взгляда страшно становится.

— Заплаканные глаза не красят женщину, — согласился лорд Бритмар, — но вас это ничуть не портит.

— Будто бы, — улыбнулась Эмер, и тут же тревожно посмотрела на герцога: — Только не поймите превратно, что я здесь нахожусь. Тилвин — брат Годрика, и мой друг, он провел ночь вне этой комнаты, я могу поклясться.

— Не надо оправдываться, не надо клясть. Я вам верю. Право же, я не похож на вашего грозного и неуступчивого супруга, и не упрекнул вас даже в мыслях. Но лучше покинуть эту комнату и сохранить ваше здесь пребывание в тайне. На мое молчание можете положиться, а сэру Тюдде...

— Тилвин никому ничего не скажет, — заверила его Эмер. Заверила, пожалуй, слишком горячо. — Несмотря на бедность, он — истинный рыцарь.

— После ваших слов я уверен, что со стороны сэра Тюдды нам не следует ждать предательства, — важно сказал герцог и подмигнул.

— Вы — чудесны, — сказала Эмер.

— Рядом с вами все становятся чудесными, — герцог открыл двери, пропуская Эмер вперед.

У лестницы ждал Тилвин, а на полу возле стены лежал расстеленный плащ. Эмер сразу все поняла и бросилась извиняться:

— Из-за меня тебе пришлось ночевать здесь!.. Прости, пожалуйста. Тебе следовало разбудить меня.

— Не беспокойтесь за меня, миледи, — ответил Тилвин с поклоном. — Я привык спать и на более неудобной постели. А вы выглядели такой измученной, что я побоялся нарушить ваш сон.

— И зря это сделал, — сказала Эмер с притворной суровостью. — Потом поговорю с тобой. И еще. Забыл, что мы с тобой на «ты»? Лорд Бритмар не станет упрекать тебя за несоблюдение этикета. Понятно?

— Да, — ответил Тилвин и наклонился, подбирая плащ.

— А я как следует не поблагодарил вас за титул короля турнира, — сказал брат короля, когда они с Эмер спустились по лестнице.

— Это я не поблагодарила вас за поддержку. Тилвин рассказал мне, благодаря кому он вышел принять мой вызов.

— Болтливый слуга, — покачал головой герцог, но в голосе его не было недовольства.

— Он не слуга, — поправила Эмер, — он — друг. Верный друг.

— Ну да, верность его неизменна, как скалы Дувра, — засмеялся лорд Бритмар. — Мир погибнет, а они останутся стоять.

Эмер промолчала, хотя пренебрежительные слова о Тилвине задели ее.

Брат короля поспешил исправить оплошность:

— Я сказал, не подумав, и обидел не только вашего друга, но и вас. Простите меня.

— Да, конечно, — пробормотала Эмер, чувствуя неловкость.

Она не смотрела на герцога, и поэтому заметила одного из поваров, который решил облегчиться на рассвете, и теперь возвращался в комнаты слуг, ёжась от утренней прохлады.

— Простите, я оставлю вас, — сказала она лорду Бритмару и окликнула повара: — Эй! Кухонный человек! Подойди!

— Добрый день, дорогая хозяйка! — отчеканил повар и подошел, чуть не виляя задом.

— Подними мастеров, подмастерьев и поварят, — велела Эмер, закатывая рукава. — Через четверть часа все должны стоять передо мной. И скажи, чтобы не брали ни плащей, ни курток.

Повар не осмелился спрашивать, для какого наказания их собирают, и помчался поднимать людей по приказу.

— Несмотря на вчерашний разговор, вы решили не оставлять обязанностей хозяйки Дарема? — спросил герцог.

— Что толку лить слезы над тем, что случилось, а может и никогда не случится? — ответила Эмер. — Живем здесь и сейчас, а я давно хотела заняться этими лентами.

— Тогда не стану мешать, — брат короля раскланялся, но далеко не ушел, а уселся на скамейке у стены, находясь в стороне и в то же время наблюдая за тем, что затеяла рыжая графиня.

Работники кухни выходили во двор, позевывая, и вполголоса спрашивая друг у друга, что происходит. Но при виде хозяйки, вопросы были оставлены на потом, и любопытные опасливо замолчали.

— Становитесь в три ряда, — последовала новая команда. — Первая — поварята и младшие подмастерья, вторая — старшие подмастерья, третья — повара.

Началась суতোлка, пока слуги занимали места сообразно рангу.

— Доброе утро, дорогие мои! — провозгласила Эмер, когда повара, подмастерья и поварята выстроились.

— Рады видеть, дорогая хозяйка! — крикнули они в ответ, да так крикнули, что спугнули птиц с ближайших деревьев.

— Молодцы! — Эмер с воодушевлением вскинула кулаки над головой. — Кричите вы отлично, как настоящие рыцари на поле боя.

Работники кухни, и так встававшие раньше всех, теперь все гадали, зачем их собрали еще раньше и почему на улице, и почему приказали выйти в одних рубашках и коттах. Но хозяйка быстро просветила их.

— Не думайте, что я забыла про то, как мы чуть не оплошали, готовя пирог. Все помнят эту историю?

Ответом ей было нестройное «да-а».

— Кто был тому виной?

На этот раз ответил только мастер Брюн:

— Негодник Муго был виноват, миледи. Он уронил корзину!

— А почему? — продолжала допытываться хозяйка.

— Потому что его толкнули.

— Потому что он был дохлый, как протухшая рыба! — Эмер подняла указательный палец в знак того, что говорит очень важные речи. — Потому что половина из вас — тощие и слабосильные, а половина разжирела, подъедая у хозяйских столов! Но с сегодняшнего дня

все будет иначе. Каждое утро вы выходите на улицу — и в дождь, и в снег, и в ураган — и обегаете Дарем по солнцу. Пока с вас хватит и одного раза.

— Зачем нам бегать вокруг замка, миледи? Разве недостаточно, что мы усердно трудимся на кухне? — спросил мастер Брюн, которого мысль о забеге на двадцать шагов приводила в ужас — куда там обежать Дарем!

— Потому что невозможно хорошо выполнять свои обязанности, если у тебя мускулы похожи на очищенных устриц в мешке. И если ты тощий, что душу удерживает лишь котта — тоже невозможно. Посмотрите на меня! Я всегда бодра и полна сил, чтобы быть достойной хозяйкой Дарема, — Эмер многозначительно хрустнула пальцами. — Итак, по моей команде все бегут вокруг замка, а тот, кто прибежит последним... получит наказание. Вперед!..

Повара, подмастерья и поварята сорвались с места, как будто за ними погналась стая демонов из подземного мира. Старшие повара, отяжелевшие от службы, тут же отстали, но бежали во все лопатки, боясь даже оглянуться.

— Быстрее! Быстрее! Гусеницы вы эдакие! — крикнула им вслед Эмер, сложив ладони у рта. — Последнего накажу со всей строгостью!

Лорд Бритмар хохотал от души, наблюдая эту картину.

— Поражен в самое сердце вашей заботой о слугах! — сказал он. — И вправду, многие настолько зажирили, что скоро будут не ходить возле печей, а перекатываться.

— Хозяйка Дарема должна заботиться обо всех, — скромно сказала Эмер. — Даже о толстяках.

Поговорить дольше им не удалось, потому что на верху лестницы, ведущей на замковую стену, появилась высокая широкоплечая фигура — Годрик Фламбар собственной персоной. Эмер тут же отвернулась, делая вид, что никого не заметила. Она смотрела в ту сторону, откуда должны были появиться бегуны.

— Милорд Фламбар идет сюда, — сказал брат короля, — теперь я здесь не нужен.

Он скрылся в саду, а Эмер осталась стоять, всем своим существом чувствуя приближение мужа.

— Ты вчера не вернулась на пир, — сказал Годрик, останавливаясь за ее спиной и нарушая неловкое молчание.

— Не было настроения.

— Мне надо с тобой поговорить, Эмер.

Она потупилась, хотя подобная скромность была ей не свойственна. Тон мужа указывал, что беседа ожидается серьезная. И хотя Годрик назвал ее по имени, Эмер поняла, что речь пойдет не о супружеских нежностях.

— Мы поговорим, но чуть позже. Сейчас я должна закончить свои обязанности.

— Обязанности?..

Из-за замка показались первые бегуны — поварята и подмастерья. Они разбурялись и, добежав до хозяйки, принялись ходить вокруг, размахивая руками, потому что Эмер строго-настрога запретила падать на землю, чтобы отдохнуть.

— Что это ты затеяла? — спросил Годрик, и в его голосе Эмер уловила прежние недовольно-настороженные нотки.

— Приучаю слуг к рыцарским тренировкам, — сказала она безо всякого выражения.

— Э-э... — Годрик промычал что-то, но спрашивать не стал.

— Не бойся, на ристалище я их не погоню, — угадала его опасения Эмер. — Н утренние пробежки пойдут им на пользу.

Последним притащился мастер Брюн. Он был красный и потный, и заранее трусил, ожидая наказания.

— Последний, — подытожила хозяйка. — Ничуть в этом не сомневалась. Тебе необходимо покаяние. И вот оно: сегодня будешь таскать воду из колодца вместе с водоносами. Двадцать ведер. И не вздумай отлынивать, иначе завтра побежишь два круга.

Теперь мастер Брюн был красный еще и от злости, но возражать не посмел.

— Готова говорить, — Эмер повернулась к мужу. — Слушаю тебя.

— Пойдем подальше, где не помешают, — сказал Годрик и указал на статую вестника на замковой стене.

Они отошли к статуе, Годрик облокотился о постамент, Эмер теребила пояс. На нее накатила безмерная усталость и опустошение. Как будто струна, натянутая от сердца к голове, и раньше звеневшая — только затреть! — лопнула от напряжения.

— Тетя настаивает, чтобы мы помирились.

— Да, — ответила девушка машинально.

— Но ты же знаешь... Тебе лучше уехать из Дарема.

— Да.

— Не думай, я не гоню, — было видно, что подобные речи дались ему с трудом. — И я уважаю твои чувства, и твой выбор. Но здесь опасно. Вдруг случится, что я не смогу тебя защитить?

— Понимаю.

— Тебе надо принять решение, пока королева здесь. Потом может быть слишком поздно. Вчера ты была слишком расстроена, я хотел, чтобы ты немного поостыла. Что скажешь сегодня?

Эмер перевела взгляд на Даремскую равнину. По зеленому полю бежали тени от облаков. Горы на самом краю земли были в тени и казались синими.

— Я устала, Годрик, — сказала девушка. — Решай сам. Что бы я ни делала, ты всем недоволен. Ты слышал, что я сказала тогда, при королеве. Я не отрекусь ни от одного слова, но повторять не стану.

— Ты говорила сгоряча.

— Нет. Я из Роренброков, — сказала она. — Мы не бросаемся словами. Но и не навязываемся, если нет надежды. Я не прошу многого. Просто скажи: у меня есть хотя бы маленькая, совсем крохотная возможность, что однажды ты изменишься ко мне?

Годрик долго молчал, а потом глухо ответил:

— Не могу обещать тебе этого.

— Поняла, — Эмер поежилась от озноба, хотя солнце так и припекало. — Тогда смотри сам. В этот раз я не стану спорить, и при королеве соглашусь с любым твоим решением.

— Хорошо, — тихо ответил Годрик.

Худенький паж в красно-желтом берете несмело приблизился и передал Годрику записку.

— Королева просит придти в собор, помолиться, — сказал Годрик, прочитав послание. — Просит, чтобы я был один.

— Это предлог, — ответила Эмер. — Будет спрашивать о разводе.

— Тоже так думаю.

— Иди, не заставляй Её Величество ждать.

Годрик пошел, но почти сразу же вернулся.

— Мне, правда, жаль, — сказал он.

— Мне тоже, — кивнула Эмер.

— Господин! Господин! — крики Сиббы заставили их оглянуться.

Верный оруженосец совсем запыхался, бегом одолев лестницу, и стоял, уперев ладони в колени, и пытался отдышаться.

— Зачем кричишь? Пожар случился, что ли? — недовольно спросил Годрик.

— Господин... — Сибба смог, наконец, говорить ровно: — В кузне взорвалась плавильная печь...

— Кто-нибудь пострадал? — Годрик схватил его за плечо и встряхнул. — Все живы? Ну же, не тяни!

— Все живы, но двоих хорошо обожгло... Пожар тушат, надо привезти нашего лекаря, тамошний не справится...

— Едем! — Годрик стремительно направился к лестнице, но остановился, оглядываясь на Эмер. — Королева ждет меня...

— Езжай в деревню, — сказала Эмер, — ты нужен сейчас там. Я скажу Её Величеству что ты задержался неумышленно.

— Благодарю, — Годрик коротко кивнул и исчез в сумраке коридора.

Сибба, так и не успевший отдышаться, со стоном поспешил за ним.

Эмер развернулась совсем в другую сторону и побрела в церковь. Сейчас королева опять устроит допрос, снова будет упрекать в легкомыслии и предательстве... Странно, но теперь Эмер не чувствовала страха или раздражения перед этим разговором. Слова Годрика окончательно опустошили ее.

Она шла медленно, останавливаясь у каждой бойницы, чтобы посмотреть вдаль. Вот и закончились ее дни хозяйкой в Дареме. Собственно, закончились, так толком и не начавшись.

В церкви было темно, только две свечи горели у алтаря. Не было видно и обычной королевской свиты, и это еще раз подтвердило, что королева задумала вовсе не молиться. Эмер подошла к алтарю и осмотрелась.

Никого.

Может, королева передумала и удалилась? Или зашла в исповедальню? Кается в грехах Ларгелю Азо, а он презрительно кривит губы, выслушивая о королевских проступках. Но из исповедальной не доносилось ни шепотка. Значит, епископа тоже нет в соборе?

Поглаживая крышку саркофага, Эмер припомнила последнюю встречу с епископом. Тогда тоже был полумрак. И камень скрежетал о камень.

Тут сердце застучало быстрее, и безразличие исчезло, как по колдовскому заклинанию. А чем же скрежетал Его Преосвященство? Возможно, есть тайник? Неплохо было бы не прощанье раскрыть епископские тайны.

Эмер ощупала саркофаг, но потайных ящиков не обнаружила. Подумав и оглянувшись, она уперлась ладонями в край. Крышка подалась, хотя и с трудом, и раздался знакомый скрежет. А ведь святые мощи должны покоиться в запертом гробу, это всем известно.

— Да простит меня святая Медана... — пробормотала Эмер, заранее извиняясь перед святой.

Она сдвинула крышку на три ладони, заглянула внутрь и тут же отпрянула, осеня себя священным знамением.

— Яркое пламя! — вырвалось у нее.

Пытаясь унять бешено застучавшее сердце, Эмер взяла свечу и снова заглянула внутрь. В каменном гробу лежала мертвая женщина. Красивая, золотоволосая, в бархатном платье, сплошь расшитым золотой нитью. На голове, шее и сложенных крестом руках сверкали золотые украшения. Эмер наклонилась, рассматривая покойницу.

Неужели это — тайна Ларгеля Азо?

Убил ту, которая не ответила его греховной страсти и спрятал среди мощей? Знал, что здесь никто не станет искать труп?

Лицо красавицы было белым, как первый снег, губы страдальчески приоткрыты, а из-под полуопущенных век поблескивали глаза — совсем как живые. Этот блеск напугал Эмер. Она даже прикоснулась к щеке женщины, проверяя — правда ли деле умерла. Но кожа была холодной и твердой. Свеча в руке Эмер дрогнула, и под ресницами покойницы снова вспыхнули искры, словно она исподтишка наблюдала за происходящим.

— Я не боюсь, совсем не боюсь, — бормотала Эмер, касаясь холодного века, и приподнимая его.

Второй раз она уже не поминала яркое пламя, хотя снова отшатнулась и выронила свечу. Пламя погасло, и стало совсем темно, только еще один огонек теплился в подсвечнике.

Несколько раз глубоко вздохнув, Эмер нашарила на полу оброненную свечу, зажгла ее и опять склонилась над саркофагом. То, что она приняла за блеск глаз, было блеском драгоценных камней. Два изумруда были вставлены в пустые глазницы.

— Так ты и есть Медана, — прошептала Эмер, совсем по-другому вглядываясь в лицо мученицы, жившей сто лет назад. — Да простят меня небеса, а я ведь заподозрила Его Преосвященство в убийстве. Вот зачем герцог привез ему изумруды...

Теперь она видела, как ошиблась. Женщина в саркофаге просто не могла умереть недавно. От тела ее не исходил запах разложившейся плоти, наоборот, оно пахло приятно и сладко, как восточные благовония, но не так резко. Кожа туго обтягивала кости, но сохранилась на удивление хорошо. Видны были даже морщинки в углах рта.

— Я не хотела тебя тревожить, — покаялась Эмер. — Не сердись за любопытство.

Надо было поскорее закрыть крышку, пока не застали на месте преступления и не обвинили в осквернении святыни, но Эмер не могла заставить себя сделать это. Лицо Меданы, пришедшее из глубины времен, притягивало взгляд.

— Муж не любит меня, — сказала вдруг Эмер неожиданно для себя самой. — И никогда не полюбит. Он считает, что я недостаточно утонченна для него. Какая нелепость, верно? Я бы любила его, будь он простым рыцарем, а не лордом. Даже если бы он стал кузнецом, я бы его любила. Говорят, ты помогаешь в любви. Я поставила тебе десять свечи и поклонилась сто раз... — она поколебалась и исправилась: — Нет, не сто. По-правде, всего пятьдесят. Даже, двадцать, наверное... Но разве это важно? Главное — не поклоны, а вера. Правильно? Вот я попросила от всего сердца, а он меня не полюбил. Может ты и не помогала, а может, просто долго думаешь. Вобщем, не надо помогать. Он все равно меня не хочет. Пусть разводится и выбирает утонченную, нежную, которая играет на тридцати музыкальных инструментах и крутит веретено день и ночь. Если ему так будет лучше — пусть. Не стану препятствовать. Хватит унижений, — она помолчала и пожаловалась: — Но он так хорошо целует!

Тут она вспомнила, кому изливает душу и поспешила исправиться:

— Тебе не понять про поцелуи, ты ведь выбрала целомудрие. Подобное мне не понятно, но каждый выбирает дело по душе.

Обойдя алтарь, она толкнула крышку, чтобы поставить ее на место, и почувствовала легкое прикосновение к щеке — как будто летучая мышь пронеслась мимо, коснувшись крылом. Щеку захолодило, и Эмер утерлась рукавом. Какая странная летучая мышь — мокрая, что ли?

Девушка с подозрением осмотрелась и прислушалась, но в церкви было тихо. Никаких мышей. Неужели показалось? Она снова наклонилась к каменному гробу, занявшись крышкой, и краем глаза заметила движение затаившегося в темноте существа.

В полумраке собора блеснула сталь. Только навыки, полученные на тренировках, спасли Эмер от удара длинным кинжалом в живот. Она успела повернуться на пятках, пропуская оружие мимо. Клинок глухо звякнул, ударившись о каменный саркофаг, а человек, державший кинжал, отскочил, изготавившись для нового нападения. Одет он был во все черное, и лицо скрывала черная маска, а сам он оказался невысокого роста и худощавый, как юноша, только что вышедший из детского возраста. И на руках — перчатки. К чему перчатки, если лето?

Эмер не стала ждать, когда он снова бросится на нее, и пнула человека в маске в голень. Он зашипел от боли, но бежать не собирался, а грозно выставил оружие — тонкий клинок, трехгранный, оружие тайных убийц.

— Неверное место ты выбрал для убийства! — сказала она, отвлекая нападавшего и тихонько отступая за саркофаг Меданы, прикидывая, что бы схватить вместо оружия. — Ты такой маленький и слабый, что я скручу тебя за пару секунд, и засуну твой ножичек тебе в...

Человек в маске сорвался с места, перескочив в прыжке алтарь — неслыханное святотатство! Эмер успела перехватить руку с кинжалом и приласкала убийцу ударом кулака в печень. Несостоявшийся убийца упал на колени и отплез прочь.

— Кто тебя послал сюда, маленький? — продолжала Эмер, пятясь к выходу. Она была не настолько глупа, чтобы ввязываться в драку безоружной. Один клинок — это полбеды. Но не скрываются ли здесь подельники убийцы?

— Молчишь? А зря, — она сделала еще два шага назад, одновременно прислушиваясь к любому шороху и оглядывая церковь, — заговори ты, я бы еще и пожалела, и заступилась за тебя. Знаешь, что делают с теми, кто нападает на благородных господ? Их четвертуют. Не слишком приятная смерть.

Ее противник поднялся и поправил съехавшую маску. Голова его была перетянута черным платком, скрывая волосы — вот и попробуй, узнай при встрече. Нападать снова он почему-то не собирался, и Эмер бросила быстрый взгляд за спину — нет ли позади ловушки. Но выход из собора никто не преграждал, и девушка продолжала пятиться, не сводя взгляда с убийцы. Не метнет ли он кинжал вдогонку, если она побежит?

— Задумался? Молодец, думай. Лучше тебе поскорее убраться отсюда. Тот, кто послал тебя на верную смерть — он ведь не рассчитывает увидеть тебя живым. И скажи-ка еще... — но слова вдруг застряли в гортани, и язык онемел.

Эмер сморгнула, потому что перед глазами поплыли радужные пятна, и только сейчас почувствовала, как жжет щеку.

«Яд! Опять яд! — поняла она. — И какой сильный — подействовал даже через кожу».

Колени ее подломились, и она споткнулась. Человек в маске заметил это и пошел вперед — неспешно, точно зная, что яд уже начал действовать.

Глава 23 (окончание)

«Надо было сразу звать на помощь! Сразу же! — Эмер невероятным усилием переставляла непослушные ноги. — И смыть скорее это проклятое зелье!»

Убийца был все ближе и ближе, а Эмер все больше слабела от яда. Скоро она просто потеряет сознание, и ее прикончат либо яд, либо убийца. Ему даже не понадобится слишком напрягаться — достаточно будет сбросить с лестницы, чтобы сломала шею, и смерть списали на несчастный случай. Или проткнет кинжалом. Вот Годрик обрадуется... Годрик. Его имя придало сил, и девушка умудрилась добраться до чаши со святой водой у выхода. Полагалось осенить себя знаком яркого пламени и прочесть молитву, прежде, чем прикасаться к святыне, но Эмер презрела все условности, глубоко убежденная, что небеса не могут покарать за такую мелкую оплошность. Она окунулась лицом прямо в чашу, успокаивая огненный зуд на щеке. Холодная вода сразу оживила, и Эмер живо потеряла щеку рукавом — ладонью разумно не воспользовалась.

Когда убийца приблизился, жертва уже была готова его встретить. Острие кинжала метнулось вперед, но Эмер снова увернулась и бросилась на убийцу, повалив его на пол. Изловчившись, она вцепилась зубами в правую его руку, в мякоть между локтем и запястьем, а вторую схватила, прижав намертво к груди. Убийца вскрикнул, но кинжала не выпустил, хотел оттолкнуть Эмер, уперевшись ногой, но жертва так тесно сплелась с ним, что он только и получилось, что ткнуть ее коленом. Покатившись по полу, они сбили напольный подсвечник, и он с грохотом рухнул на камни.

— По... мо... гите... — выдавила Эмер, уже не надеясь, что кто-то услышит. Отравленное тело хотело только одного — спокойствия. Только сдаться. Пустить жизнь на самотек судьбы. Зачем противиться, если все уже предрешено?

Чей-то силуэт появился в дверях собора.

— Кто здесь? — послышался голос, и Эмер воскресла.

— Тиль! — крикнула она, но крика не получилось — лишь невнятное поскуливание, потому что губы онемели, как и язык.

На ее счастье, начальник стражи шагнул в темноту и увидел два сплетенных в борьбе тела. Ему хватило мгновения, чтобы придти на помощь. Схватив нападавшего в маске за шиворот, он стянул его с Эмер и швырнул в сторону, как котенка. Несостоявшийся убийца проехал по каменному полу, но тут же вскочил и сделал бросок вперед, пытаясь достать Эмер кинжалом.

— Стража! Сюда! — крикнул Тилвин, отталкивая человека в маске.

Тот отмахнулся, и кинжал зацепил котту на плече начальника стражи, разорвав ее и оцарапав руку.

Тилвин не заметил ранения и встал между Эмер и убийцей, медленно доставая из ножен меч.

— Сначала попробуй убить меня, — сказал он грозно.

Человек в маске не стал испытывать судьбу и метнулся к окну, через которое в свое время забиралась в собор Эмер. Схватившись за ветки плюща, человек перепрыгнул через подоконник.

Тилвин бросил меч и подхватил Эмер под мышки, пытаясь поднять.

— Как ты? Жива?

Она висела мешком, но постепенно приходила в себя и даже кивнула, показывая, что ничего ужасного не произошло, но подниматься отказалась. Вернее, не смогла.

В собор ворвались гвардейцы, во главе с Ларгелем Азо и лордом Бритмаром. Перед их взорами открылась пугающая картина — бездыханная леди Фламбар, склонившийся над ней начальник стражи и кровь, страшно пятнающая пол. Герцог держал короткий меч наголо, но разглядев Эмер, лежавшую на полу, испустил истошный вопль, отбросив оружие.

— Лекаря! Лекаря! — закричал он, бросаясь вперед и отталкивая Тилвина с неожиданной силой. — Откройте глаза, Эмер! Скажите, что живы!

— Угу, — промычала она.

— Цела, благодарение яркому пламени! — герцог поудобнее устроил ее у себя головой на коленях. — Епископ, что с ней? Да позовите лекаря, тупоголовые!

Кто-то из гвардейцев побежал за лекарем, а Ларгель Азо встал на колени, рассматривая непутевую графиню, которая вновь оказалась втянутой в таинственные события.

Он двумя пальцами взял ее за подбородок и велел подать свечу, чтобы посмотреть на щеку, через которую вспухла красная полоса. Тилвин вынул из уцелевшего подсвечника свечку и осветил.

— Что случилось, начальник стражи? — призвал его к ответу герцог. — Как получилось, что миледи пострадала?

Тилвин скупой поведал о нападении неизвестного, чем привел герцога в еще большую ярость.

— А ты куда смотрел? — закричал он. — Считал ворон, когда по замку разгуливают убийцы?!

— У него кровь, — прошептала Эмер, язык которой начал понемногу оживать. — Вдруг... тоже... яд...

— Клинок чистый, я посмотрел, — успокоил ее Тилвин. — Подобрал вот, возле окна.

— Отойди немедленно и замолчи! — приказал герцог. — Тебе надо на коленях молить миледи о прощении! О твоём недостойном поведении я обязательно доложу королеве!

— Помогите ему, — взмолилась Эмер, которая только и видела, что кровь на котте Тилвина. — Он ранен...

— Не волнуйтесь, миледи. Со мной все хорошо, — ответил Тилвин, но лорд Бритмар перебил его.

— Да кого ты интересуешь, бездарный слуга! — напустился он на начальника стражи. — И как смеешь улыбаться госпоже графине? После того, как она чуть не погибла из-за твоей халатности? Пропади вон, иначе я собственноручно тебя зарежу!

— Он не виноват, — попыталась утихомирить разгневанного герцога Эмер, но тот не хотел ничего слышать, глядя на начальника стражи с ненавистью.

— Ленивый слуга — хуже вора, — сказал он. — Ты ничего не можешь выполнить толком. Из-за тебя жизнь графини подверглась опасности. Убирайся! Убирайся, пока я не прибил тебя!

— Не надо повышать голос в святом месте, — ровно сказал Ларгель.

— Простите, Ваше Преосвященство, — покаянно ответил герцог и ткнул пальцем в начальника стражи: — С тобой, слуга, разберусь позже. Вон!

Тилвин поклонился и пошел прочь.

Епископ внимательно осмотрел щеку Эмер, всем своим видом показывая, что мирская

суета не имеет к нему никакого отношения.

— Как она? — спросил лорд Бритмар и почти с ужасом взглянул на Эмер, боясь обнаружить признаки смерти.

— Это ядовитая жаба, — сказал Ларгель, поднимаясь, и вытирая пальцы о сутану. — Вернее, слизь с ее кожи. Любого другого парализовало бы сразу и надолго, а леди Фламбар достаточно будет часок повалиться в постели.

— Ядовитая жаба? — переспросила Эмер слабым голосом. Ей совсем не хотелось подниматься, но она сползла с колен лорда Бритмара и очень уютно устроилась у стены, привалившись к ней спиной. — Разве они у нас водятся?

— Нет, — ответил епископ. — Они водятся в южных лесах. Совсем в южных, таких нет в Эстландии. Интересно, как эта жаба сюда попала. Сдается мне, милорд Годрик недавно ездил на юг? И даже понабрался тамошней мудрости?

— Вы обвиняете милорда Фламбара, что он решил избавиться от жены? — спросила Эмер насмешливо, хотя ей было вовсе не до смеха.

— От неудобной жены, — поправил ее Ларгель.

— А вдруг кто-то намеревался избавиться от неудобного свидетеля? Того, кто увидел больше, чем следовало? — Эмер пристально следила за епископом. — Например, изумрудные глаза...

Епископ понял ее с полфразы.

— Опять ваше кошачье любопытство, — прошипел он. — Для вас нет ничего святого, леди Проныра.

— Ваше Преосвященство, следите за словами, — осадил его лорд Бритмар.

Ларгель Азо посмотрел на него с наигранным изумлением:

— Вы указываете, что мне говорить, а о чем молчать? Кто уполномочил вас на такую вольность, милорд?

— Справедливость и такт, — ответил тот твердо. — Перед вами женщина, пострадавшая от нападения, а вы намекаете, что муж хотел отправить ее на тот свет. Да и еще и оскорбляете. Так сейчас поступают милосердные служители яркого пламени?

— Эта женщина сама кого угодно отправит на тот свет, — буркнул Ларгель, но продолжать свои измышления вслух не стал. — Надо провести службу для очищения. Какая мерзость — устроить погром в соборе, — не глядя благословив герцога и девушку, лежащую на полу, епископ поднял поваленные подсвечники, смахнул невидимые пылинки с саркофага и скрылся за алтарными дверями, куда запрещался вход непосвященным.

— Неприятный человек, — сказал лорд Бритмар и велел гвардейцам: — Чего стоите? Помогите подняться леди Фламбар.

— Проводите меня в комнату золовки, — попросила Эмер, для которой такая помощь оказалась весьма кстати. — Моя спальня отдана Её Величеству, а мне и вправду хочется полежать. И отправьте лекаря к Тилвину, милорд. Он ранен, о нем надо позаботиться.

Но герцог пропустил ее слова мимо ушей, и по его лицу было видно, что он не считает начальника стражи заслужившим снисхождение.

— Проводите миледи, — приказал он гвардейцам. — А я доложу о случившемся королеве.

Опираясь на руки гвардейцев, Эмер ковыляла по коридору, снова и снова вспоминая события этого утра. Оказавшись в спальне Острюд на попечение служанок и благородных дам, она позволила уложить себя в постель, согласилась приложить к пяткам камни,

разогретые в жаровне, и выпила теплого молока с пряностями, чтобы кровь быстрее очистилась от яда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глаза слипались, но до самого последнего борясь с дремотой, Эмер с пугающей ясностью осознала: «Это не меня хотели убить в церкви. Это Годрик должен был оказаться там один, без охраны, по королевскому приглашению. Паж, который принес записку, и сама записка... Их необходимо срочно найти, они не должны пропасть... И сказать Годрику, сказать, что...» — но сон оказался сильнее тревог, и Эмер уснула под взволнованный шепот благородных дам, как под колыбельную.

Проспала она почти до вечера, и пробудилась отдохнувшей и свежей. Щека немного саднила, но руки-ноги и язык двигались, как им и полагается.

Ужин ей подали в постель — прекрасный раковый суп с клецками и белым вином. Эмер съела все до последней капли, после чего пожелала прогуляться, чем вызвала ужас среди благородных сиделок.

— Оставьте ахи-охи для себя, — сказала она резко, самостоятельно натягивая платье и завязывая на талии пояс. — Сидите здесь и переживайте, если угодно. А моему настроению извольте не мешать.

Она категорично отклонила предложение сопровождать ее на прогулке, и около получаса болталась на замковой стене, а дамы стояли поодаль, боясь подойти ближе, чтобы не рассердить хозяйку Дарема, и боясь уйти, чтобы не рассердить леди Фледу и Её Величество.

Когда перед закатом стражники повернули медные сигнальные щиты в стороны пограничных крепостей, Эмер окликнула одного из рыцарей:

— Где сэр Тюдда, начальник стражи?

Ей ответили, что он еще днем отправился к лекарю, оставив вместо себя замену.

У лекаря Эмер тоже его не застала, ей сказали, что начальнику стражи перевязали рану, и он ушел к себе.

— Встретите доблестного сэра, напомните, чтобы пришел сменить повязку, — сказал лекарь. — Он все время забывает о времени перевязки.

Прежде чем отправиться в башню возле ворот, Эмер совершила набег на лекарский сундук леди Фледы и запаслась всем, необходимым для перевязки. Заперевшись в своих покоях, она оставила благородных скучать дам у порога, и преспокойно скрылась через запасный выход.

Преодолев на едином дыханье винтовую лестницу, девушка постучала в двери каморки Тилвина.

Он открыл и сразу встревожился, увидев на пороге хозяйку Дарема:

— Что-то случилось?

— Случилось, — сердито сказала Эмер, проходя в комнату и выкладывая на кровать корзину, бинты и бутылочку жгучей настойки. — Кое-кто решил погеройствовать и оказаться раненым.

— Ты пришла, потому что волновалась за меня? — спросил он, помолчав.

— Конечно, — Эмер насильно усадила Тилвина, и хрустнула пальцами, разминая кисти. — Раздевайся, буду тебя лечить. Лекарь сказал, надо поменять повязку. Я принесла целебную мазь, от нее все заживет, как на мне, — она похлопала себя по плечу, когда-то раненому стрелой.

Но Тилвин лишь плотнее запахнул котту.

— Не надо тебе ухаживать за мной, — ответил он, глядя в сторону.

— И много ты сделаешь левой рукой? А ну, изволь подчиняться.

Она потянула котту, и Тилвин нехотя разжал пальцы. Эмер мигом стащила с него одежду, обнажив торс. Тело у рыцаря было загорелым, и мышцы так и бугрились под кожей. Несколько шрамов прочертили грудь, два тянулись по рёбрам, и теперь будет ещё один — от локтя до плеча.

Невольно девушка заговорила тише, чувствуя смущение. Одно дело — любоваться полуголым мужчиной, когда он вертит вокруг себя мечи, прыгая под старым грабом, и совсем другое — оказаться с ним в полумраке комнаты, наедине. Похоже, Тилвин тоже чувствовал нечто подобное, потому что от его обычной приветливости не осталось и следа. Он был похож на натянутую струну и вздрогнул, когда Эмер коснулась его, чтобы ослабить узел на повязке.

Она постаралась скрыть возникшую неловкость

— Ты рисковал жизнью из-за меня, — сказала она, окуная тряпицу в целебное снадобье. — Помочь перевязать рану — это так мало по сравнению с тем, что я тебе должна.

Она распустила повязку, заскорузлую от крови, намочила присохшую корпию и стала осторожно промывать рану, которая только-только запеклась.

— Ты ничего мне не должна, — сказал Тилвин. — Ты единственная здесь, кто говорит со мной, как с человеком.

— Если ты о Годрике, то и со мной он разговаривает не лучше, — засмеялась Эмер, чтобы скрыть смущение. На самом деле, она не раз задавалась мыслью, прочему Годрик столь несправедлив к брату. Пусть и далекому брату, но всё же в Тилвине течет его кровь.

— Ты слишком добра к нему.

— Как же иначе, — притворно вздохнула Эмер, — он ведь мой муж.

Тилвин дёрнулся, и девушка подалась назад:

— Прости, Тиль. Я задела?

— Н-нет, — сказал он сквозь зубы.

— Сиди спокойно, и ничего не случится, — ласково пообещала Эмер. — Позволь сегодня быть для тебя нежной матушкой и любящей сестрицей. Уверяю, что и то, и другое у меня прекрасно получится.

— Не сомневаюсь, — промолвил Тилвин, и вдруг как будто выдохнул её имя: — Эмер...

Что? Опять задела? Придётся потерпеть, — пожурела его девушка и промокнула рану сухой корпией. — Сейчас перевяжу. Я умею перевязывать, не волнуйся. В Роренброке часто кого-нибудь ранили, и я помогала лекарю.

— Ты все делаешь прекрасно. За что бы ты ни бралась — у тебя все получается.

«Куда там, — горько подумала Эмер. — Бедняга Тиль, ты даже не представляешь, насколько неправ».

— Что это ты делаешь? — раздалось от порога.

Эмер медленно оглянулась, узнав голос мужа. А Тилвин поспешно натянул рубашку, пачкая ткань кровью.

Годрик стоял в дверях, загораживая закатный свет. Солнце било ему в спину, и Эмер видела только черный силуэт, но недовольство уловила, даже не разглядев лица.

— Отойди от него.

— Тилия нужно перевязать, — сказала Эмер, стараясь говорить спокойно, хотя злость

уже поднималась из сердца. Притащился без приглашения, не спросил брата о самочувствии и тут же раскомандовался — в этом весь Годрик.

— Он прекрасно справится сам.

Годрик решительно зашел в комнату, взял у Эмер корпий и бинты и швырнул их на стол.

— Идем, — железные пальцы сомкнулись на её запястье.

Эмер попробовала освободиться, но тщетно.

— Он был ранен из-за меня! — воскликнула она. — Сначала я помогу ему, а потом пойду с тобой!

— Это его обязанность — защищать жителей Дарема, — сказал Годрик, даже не взглянув на Тилвина. — А ты не спорь со мной, если не хочешь получить еще порцию поросячьих пирожков.

Тилвин не понял, о чём шла речь, но Эмер стала красной, как варёная креветка.

— Если не замолчишь... — зашипела она, но муж не стал выслушивать угроз.

Подхватил на руки и понёс к выходу.

— Сейчас же отпусти! — возмутилась девушка, болтая ногами и пытаясь вывернуться.

Только рука сама собой обняла крепкую шею мужа. «Ах, если бы ты нес меня так не прочь от комнаты Тиля, а по направлению к супружескому ложу... — подумала она. — И если бы все это было искренне...»

Годрик спустился по лестнице до второго этажа и только там, на площадке возле бойницы, поставил жену на ноги.

— Не заговаривай с ним, — сказал он. — И не ходи к нему в комнату.

В ответ Эмер упрямо проворчала:

— Ты не смеешь мне приказывать.

— Пока я твой муж — приказываю, а ты исполняешь мои приказания.

— Да определись уже в своих желаниях, Годрик Фламбар! — крикнула она в бешенстве. — Вчера ты настаиваешь на разводе, а сегодня изображаешь ревнивого мужа! Решил развестись — так забудь, что существует Эмер из Роренброка! Я сама выбираю, с кем дружить, а кого ненавидеть!

— Будешь выбирать сама. Когда станешь свободной. Но к нему я тебя не подпущу, хоть ты кусайся.

— Как раз это и собираюсь сделать! — Эмер прыгнула на него и вцепилась зубами в незащищенную шею.

Он вздрогнул, но даже не попытался уклониться. Стоял неподвижно, пока жена не отступила, смущенная.

— Довольна? — спросил Годрик. На шее справа у него краснел шрам — два ровных полукруга.

— Даже не сопротивляешься? — Эмер вытерла рот рукавом.

— Я уже привык быть битым женой.

Она на секунду замолчала, застигнутая врасплох его кротким ответом, а потом спросила:

— Затем и пришел? Чтобы я побила тебя напоследок?

— Нет, не за этим, — он открыл поясную сумку. — Скоро мы расстанемся, и скорее всего никогда не увидимся. Прими мой прощальный подарок.

— Ты мне уже подарил сковородку, — фыркнула Эмер, — теперь упаси яркое пламя от твоих подарков.

— Если не захочешь брать, я пойму.

Он вынул из сумки и протянул металлическую брошь в виде розы, сработанную столь тонко, что цветок казался живым. Эмер оторопело смотрела на металл, изобразивший нежность лепестков. Колдовство! Но колдовства в этом не было и в помине, только мастерство и талант.

— Сделал для тебя, — сказал Годрик.

Но подарок ее не обрадовал, это было видно по лицу.

— Роза... — она нахмурилась, разглядывая брошь. — Лучше бы ты сделал для меня брошь в виде меча, как носят горцы. Ты же знаешь, я мечтала о настоящем мече.

— Знаю. А я посмеялся над твоей мечтой.

Так оставь брошь себе, — сказала Эмер. — Приколи к котте и любуйся, вспоминая, как издевался надо мной.

— Нет, если не возьмешь, я не стану ее носить, — ответил Годрик. — Потому что она и в самом деле будет напоминать о тебе. Ты похожа на нее. На розу из металла. Когда пылаешь, только что выкованная — мягкая, как настоящий цветок, можно смять пальцами, но горячая — обожжешься до костей, если прикоснешься. А когда остынешь, то становишься тверже камня, хотя с виду — лепестковая нежность.

— Заговорил, как поэт, — Эмер пренебрежительно выпятила нижнюю губу, стараясь за бравадой скрыть замешательство. — Конечно, зачем меня вспоминать — досадную мелочь в твоей великой жизни.

— Ты не мелочь. Ты занимаешь очень важное место в моей жизни. Именно поэтому воспоминания будут мучительными. А сейчас мне важно сохранять хладнокровие и здравость мысли

— Прости, я ослышалась? — Эмер коснулась мизинцем своего уха. — Это говорит человек, который при королеве позорил меня за правдивость, и вопил, что никогда не полюбит? Позорил при королеве, а просить прощения явился наедине?

— Я не говорил ничего подобного.

— Не говорил?! Я глухая, что ли?

Годрик встал к ней вплотную и медленно пристегнул брошь-цветок на платье Эмер. Она не воспротивилась, ожидая ответа.

— Я сказал, что не смогу ответить на твои чувства, но не сказал, что ничего к тебе не чувствую. И еще я сказал, что мои чувства к тебе неизменны. Потому что мне мало что нравится, но если нравится, то на всю жизнь. Ты сразу мне приглянулась, Эмер из Роренброка. С того самого дня, когда я впервые тебя увидел. Там, под лестницей в королевском замке. Но мы встретились в неудачное время. Произойди наша встреча иначе, и наши отношения сложились бы по-другому.

— Ты о чем? — потребовала ответа Эмер. — О том, что королева расторгла твою помолвку или о том, что тебя пытаются убить по три раза за день?

— О том, что пытаются убить, — сказал он, сдержанно улыбнувшись. — Помолвка с леди Дезире ничего для меня не значила. Это был брак, выгодный для Эстландии. А с тобой все получилось по велению сердца. Я потерял голову, и злился на тебя. Напрасно злился. Несправедливо.

«Знал бы, что наш брак тоже объявлялся выгодным для Эстландии, — Эмер опустила голову, пытаясь скрыть предательский румянец. — И узнай ты всю правду о нашем браке, то

злился бы уже справедливо. И не напрасно».

— Не заговаривай меня, — отрезала она, отчаянно храбрясь. — Лучше подумай, кому так хочется отправить тебя на тот свет.

— Подумаю.

— Подумай вслух, — посоветовала она. — И я тоже выскажу свои соображения.

— К чему это? Ты не только рыцарь, но еще и королевский шпион?

Он не понял, почему жена при этих словах залилась краской.

— Надо найти того пажа, который передал записку от королевы, — заговорила она торопливо, — и посмотреть саму записку. Готова поклясться, там не почерк Её Величества.

— Её Величество уже лет десять не пишет сама. Не королевское это дело. А паж... он пропал. Я не смог найти его.

— Пропал?! — Эмер ударила кулаком о ладонь. — Так я и знала! Маленький негодяй! Заманил тебя в ловушку... Эй! Ты же не будешь отрицать, что это тебя ждал убийца в соборе?

— Не буду, — ответил Годрик медленно.

— И что намерен делать дальше?

— Ничего.

— Ничего?! — Эмер схватила за голову. — Да ты в уме ли?! Надо вычислить убийцу как можно скорее! Сначала разбойники, потом змея, потом жабий яд! Кто знает, что они предпримут завтра?! Зарежут тебя прилюдно, когда будешь прохаживаться по саду с королевой!

— Нет, прилюдно не зарежут, — Годрик был спокоен, и это возмущало Эмер еще больше. — Разве ты не видишь, что они хотят убрать меня тихо, чтобы смерть больше походила на несчастный случай?

— Кинжал в спину в соборе — это несчастный случай?!

— Там был жабий яд, — напомнил Годрик. — Думаю, они хотели незаметно вытащить меня из замка и прикопать где-нибудь между камней на равнине. А потом бы сказали, что я сбежал от сварливой жены, — он покосился насмешливо, но Эмер предпочла не заметить.

Она задумалась, приставив палец к носу, и спросила:

— Тогда зачем надо было убивать меня? Этот, в маске, хотел убить, это точно. Бросался с кинжалом, как полоумный.

— Ты не узнала его?

— Маленький, щуплый... — Эмер повертела рукой, подыскивая нужные слова. — Признаться, больше похож на бабу. Я ударила его в живот — а он мягкий, как подушка. Никаких мускулов.

— Любой из оруженосцев, — процедил Годрик сквозь зубы.

— Ты постоянно говоришь «они»? О ком это? О Тисовой ветке?

— Тебе-то откуда известно? — Годрик посмотрел в бойницу, словно там их мог подслушивать шпион.

— Знаю уж, — ответила Эмер небрежно.

— Меня пугает, сколько ты знаешь.

— Мне еще и не то известно, — она понизила голос. — По-моему, всем руководит епископ!

— Вот теперь ты точно говоришь бред.

— Ничего не бред! Он странный и опасный. Даже в его преданности святой Медане

есть что-то ужасное. Он украшает ее труп золотом и драгоценными камнями.

Но Годрик отказался признавать украшение святых мощей, как странность, и Эмер решила открыть очередную тайну:

— Мне кажется, он убивает всех, на кого падет малейшее подозрение. Он — фанатик! Я уверена, что он убил женщину из столицы, Кютерейю, только потому что заподозрил ее в черном колдовстве...

— Кютерейю? — Годрик подался вперед. — Откуда тебе известно о ней?

— Сестра написала. Ее пытали два дня, а потом убили. И в этом может быть замешан епископ...

— Нет, — отмахнулся Годрик. — В конце концов, может, мы говорим о разных женщинах. Мало ли их в столице с таким именем.

— Не знаю сколько, — сказала Эмер обиженно, — но куртизанка Кютерейя из Нижнего города — одна.

— Куртизанка! — не удержался от возгласа Годрик. — С чего ты взяла про епископа и черное колдовство?!

Помявшись, Эмер рассказала ему о разговоре на смертном одре, когда Ларгель допытывался, кто колдовал в столице.

— Я правда не предполагала, что он убьет ее за это, — сказала она, запинаясь. — Я не виновата в ее смерти.

— Конечно, не виновата, — согласился Годрик, и было видно, что рассказ произвел впечатление. — Но и епископ тут ни при чем. Не воображай глупости и не вмешивайся ни во что, очень прошу. Веди себя спокойно хотя бы до отъезда.

— Неужели ты хочешь, чтобы я уехала? После всего, что тут мне наговорил? — возмутилась Эмер.

— Именно поэтому желание мое усилилось. Раньше я не очень хорошо относился к тебе, но теперь хочу, чтобы ты была в безопасности. А это случится, только когда ты будешь далеко от меня. Потому что здесь вершатся страшные дела.

— Позаботься о своей безопасности! — она помчалась вниз, перепрыгивая через четыре ступеньки.

Теребя подаренную брошь, она запоздало подумала: «А откуда ты знаешь Кютерейю?..»

Перед прощальным ночным пиром дамы уединились в женских комнатах, чтобы отдохнуть от шумного пира и празднующих мужчин.

Уютно потрескивал огонь в камине, куда бросали кусочки сандалового дерева, чтобы дым шел ароматный. В бокалы разливалось только легкое белое вино, и вместо жареного мяса подавали сладости, орешки и полупрозрачные ломтики хлеба с маслом и кусочками соленой рыбы.

— Завтра королева уезжает, — сказала леди Фледа за общим дамским столом.

Невинная фраза прозвучала для Эмер, как гром гремющий. Перед отъездом королева захочет узнать у Годрика, что решили с разводом, и все будет кончено. Навсегда.

Эмер сидела возле леди Фледы, показывая хозяйственное рвение — пряла. На этом настояла свекровь, которая была уверена, что все дамы пожелают убедиться, что новобрачная предпочитает работу на благо замку всем развлечениям, и женские работы ей не чужды. Это особенно важно после кое-какой выходки на турнире, намекнула леди Фледа, и Эмер пришлось согласиться.

Она нетерпеливо пристукивала прялкой, но больше путала нитки, чем пряла. Потому что мысли ее были заняты последним разговором с Годриком.

Зато Острюд смотрела безмятежно и старалась вовсю. «Не замечала у тебя такой прыти, когда мы жили при королеве в столице», — желчно подумала Эмер, наблюдая, как золовка откладывает в сторону уже второе пузатое веретёнышко.

Конечно же, дамы сразу обратили внимание брошь-розу и хвалили наперебой красоту и мастерство, намекая, что сами не прочь бы получить подобное украшение и готовы заплатить любые деньги, но Эмер отделялась вежливыми фразами.

«Откуда это он знает Кютерейю? Развлекался с ней? Благородный и правильный — проводил время со шлюхами Нижнего города?» — и вопреки всему, ревность так и всколыхнулась в душе.

Не было ли волнение Годрика связано с потерей возлюбленной? Нет, так не переживают смерть близкого человека. Эмер снова и снова воскрешала в памяти события той ночи, когда после выигрыша на тараканьих бегах ей пришлось прятаться от грабителей возле дома с фонтаном. Кютерейя как раз ворковала с любовником. Мог ли Годрик оказаться им? Скрепя сердце, Эмер признала, что вполне мог. Тогда она была так взволнована бегством и перепугалась при появлении пса, что совсем не запомнила голоса мужчины. Но что-то не давало покоя, что-то нужно было припомнить.

От размышлений ее отвлек переливчатый смех Острюд. Эмер с раздражением крутанула веретенце, спустив нитки. Она поспешно сделала поверх несколько витков, чтобы свекровь не заметила и не заставила распутывать нить.

— Миледи Острюд смеется, как будто звенит хрустальный колокольчик, — сказала с умилением одна из дам.

Хрустальный колокольчик!..

И Эмер с пугающей ясностью услышала: «Ты говоришь, как будто звенит хрустальный колокольчик, милая Кютерейя... Меня интересует все, что связано с этим...» А женский голос — и вправду такой звонкий и нежный — ответил: «Тисовая ветвь? О, это так опасно,

милорд...»

Тисовая ветвь. И лорд Саби в королевском замке упоминал Кютерейю и Тисовую ветвь. Не случайно, совсем не случайно. Не была ли Кютерейя тоже шпионом? И пострадала вовсе не от болтовни ее, Эмер, а от того, что слишком много знала...

— Королева уезжает, — повторила леди Фледа, касаясь колена невестки, чтобы привлечь внимание. — Надо устроить такой прощальный пир, чтобы о нем вспоминали десять лет.

Эмер кивнула, благоразумно промолчав, но Остриуд не преминула отпустить шпильку:

— Ты намеренно не обращаешь внимания на слова матушки? Что за неуважение!

— Просто увлеклась работой и не услышала, милая Остриудочка, — ответила Эмер, улыбаясь так сладко, что даже самой стало приторно.

— Ничуть не сомневаюсь в вашей усердии, — сказала леди Фледа. — Вы организовали все наилучшим образом. Тем более важно не совершить ошибок в конце.

— Не беспокойтесь, никаких ошибок не будет, — заверила ее Эмер. — И этот пир запомнят на десять... нет, на двадцать лет.

— Так же, как и Даремский турнир, — в тон ей пропела Остриуд, но мать бросила на нее строгий взгляд, и продолжения острот не последовало.

— Мне надо выйти, — сказала Эмер, откладывая веретено.

— Только возвращайтесь поскорее, — попросила леди Фледа.

— Да, мы заскучаем без вас, леди Фламбар, — сказала леди Изабелла.

— Но еще больше мы скучаем по нашим тренировкам, — поддержала леди Кас. — Когда Её Величество уедет, мы сразу же начнем занятия, правда? Я мечтаю выступить на следующем турнире!

Дамы заговорили о турнирах, и Остриуд поджала губы.

«После того, как королева уедет, вряд ли я останусь в Дареме», — про себя посетовала Эмер, продвигаясь к выходу между стульчиков, кресел и скамеек, на которых сидели гости.

Оказавшись за дверями, она первым делом стянула с головы сетку и взъерошила волосы. Ей с детства так думалось лучше.

«Найти Годрика и спросить, не он ли расспрашивал Кютерейю о мятежниках, — размышляла она, медленно шагая вдоль замковой стены. — Но тогда он узнает, что я слышала разговор и была в Нижнем городе... Что же? Как же?..»

От размышлений ее отвлек Тилвин, появившийся из сумерек бесшумно, как призрак.

— Эмер? Почему ты не в покоях леди Фледы?

— Там душно, — ответила девушка первое, что пришло в голову. — Хотела подышать.

— Пройтись с тобой? Или хочешь побыть одна?

Она не смогла ему отказать.

— Я волновался, — сказал Тилвин. — Годрик тебя не обидел?

— Цела, что со мной сделается?

— Это моя вина, что так получилось.

— Нет, вовсе не твоя, — Эмер смотрела на Даремскую равнину, с жадностью вдыхая свежий горный ветер. Как же хорошо здесь, в этом краю. Она чувствовала, что за столь короткое время прикипела к здешним местам всем сердцем. Даже Вудшир, по которому она скучала в Тансталле, помнился уже не таким манящим.

— Тилвин, — сказала она, — я буду вспоминать о тебе. Хочу, чтобы ты знал об этом. Вряд ли я еще приеду сюда, а ты едва ли завернешь в Вудшир.

— Уезжаешь? — насторожился он.

— Годрик настаивает на этом. И королева с ним согласна.

— Значит, развод?

— Не вижу смысла противиться дальше, — призналась Эмер. — Не могу понять этого человека. Сначала он такой, потом резко меняется, как ветер с гор, — она замолчала, вспомнив вчерашний разговор, и невольно коснулась броши, которая сегодня скрепляла ворот ее платья. — Но одно ясно — он не желает, чтобы я оставалась женой.

Собственно, вчера Годрик сказал нечто совсем иное, но суть от этого не изменилась, и Эмер переживала досаду вдвойне, про себя называя мужа и трусом, и снобом, и бесчувственным болваном.

«Годрик, ты мог хотя бы спросить, чего хочу я, — обратилась она к нему мысленно. — Хочу ли оставлять тебя. Так нет, мои желания тебя не волнуют. Ты уверен, что поступаешь правильно. Но уверенность и истинная правильность — не одно и то же».

— Страдаешь из-за этого? — спросил Тилвин.

— Неприятно, признаю, — ответила она с деланным смешком. — Но не смертельно. Не хуже ядовитой жабы. Ничего, я молода, почти богата, еще и королевскими милостями обласкана — мне недолго ходить разведенной женой.

Тилвин скрипнул зубами:

— Ненавижу Годрика, — сказал он. — Он не имел права так поступать с тобой.

— Да, не имел, — кивнула Эмер. — Надеюсь, я никогда больше не встречу такого мужчину.

«Который во имя своих рыцарских убеждений не услышит моего голоса. Или ему безразлично, чего я хочу?».

Она благодарно пожала Тилвину руку:

— Спасибо, что ты был рядом, — почти прошептала она, потому что боялась расплакаться. — Ты мой единственный...

Горло перехватило, и слово «друг» не было произнесено.

— Если ты уедешь, у меня не останется радости в жизни, — сказал Тилвин, в ответ стискивая ее пальцы до боли. — У меня ничего не останется в память о тебе. Только моя постель, на которой ты уснула.

— Вот, будешь спать на ней и вспоминать меня, — грустно пошутила Эмер.

— Спать на ней? Невозможно, — сказал он. — Постель все еще хранит твой запах. Я ни разу не осмелился лечь туда, где спала ты. Простая кровать стала для меня святыней. Каждую ночь я стою перед ней на коленях.

— Какие страхи ты рассказываешь, — ответила Эмер со смешком, но голос дрогнул. — Сейчас мне снова будет стыдно, поэтому прошу — не продолжай.

— За что тебе будет стыдно? — Тилвин пристально взглянул ей в глаза. — Это мне должно быть стыдно. За те мысли, что посещали меня, когда я вспоминал ту ночь. Волшебную ночь.

— Какую ночь?! — Эмер понизила голос и оглянулась — не слышит ли кто. — Ты бредишь, Тиль?!

— Да, это бред, безумие, — он коснулся ее щеки, потом легко погладил по плечу. — С тех пор, как я увидел тебя — в голубом подвенечном платье, с орехами в каждом кулаке, моя жизнь наполнилась безумием. Но я не променял бы его на всю мудрость мира.

— И зря, скажу тебе. Очень зря, — она попыталась за шутливым тоном скрыть

замешательство. — Безумие — всегда плохо. Мне надо вернуться. Леди Фледа скоро пошлет за мной.

Но Тилвин не дал ей уйти. Притиснул к стене, и рука его стала тяжелой, как камень. Эмер пыталась освободиться, но он держал крепко и отпускать не собирался.

— Разве ты не видишь, что я люблю тебя? — спросил Тилвин, и сердце Эмер рухнуло в пятки.

— Что ты говоришь, братик? — взмолилась она, забившись, как кролик в силке. Больше всего ей хотелось заткнуть уши. Зачем он так? Решил одним махом уничтожить их добрые отношения? Тилвин? Который всегда был рядом со словами утешения и помощью? Вот бы небеса разверзлись, и яркое пламя плюнуло на землю огненными языками, и тогда все эти нелепые разговоры позабудутся.

чуда не произошло и светопреставление не наступило. И Тилвин по-прежнему стоял перед ней, с ошалевшими глазами, ищущий ее губы, сжимающий ей плечи до синяков.

— Я полюбил тебя с первого взгляда, — продолжал Тилвин. — Полюбил вопреки здравому смыслу. Потому что кто я такой? Безземельный рыцарь. А ты — знатная дама, к тому же, жена моего лорда. Так глупо. Пытался бороться, но не получалось, а теперь... теперь ты говоришь, что я твой единственный. И я счастлив.

— Просто замолчи, прежде чем сказал непоправимое! — Эмер упёрлась ему в грудь ладонями, но проще было сдвинуть с места скалу.

— Просто позволь поцеловать тебя... — он словно не слышал её слов и не понимал её сопротивления, а может, считал их кокетством, обязательным для всякой дамы. — И ты поймёшь, что создана для меня...

— Нет! — только и успела сказать Эмер, как он накрыл её рот своим ртом.

Бороться с Тилвином было то же самое, что бороться с Годриком — он был настолько сильнее Эмер, насколько она сама была сильнее простых женщин. Не имея возможности освободиться, Эмер застонала от собственного бессилья. Тилвин принял её стон, как стон страсти, и совсем потерял голову. Ведь перед ним была она — его мечта и грёза, приходившая к нему каждую ночь в лукавых снах. И во сне она позволяла делать с собой всё, что угодно, и сама вытворяла такие штуки, какие известны лишь куртизанкам из Нижнего города в столице, а он за свою жизнь на подобных умелиц наглядился.

Платье Эмер мешало ему, и он попытался оттянуть ворот, чтобы добраться до груди. Добротная ткань не подавалась, и ворот был крепко сколот дурацкой брошью в виде розы.

Тилвин потерял терпение и рванул сильнее. Раздались треск и звон — платье разорвалось от ворота до пояса, за ним и нижняя рубашка, брошь покатила по каменному полу, а Тилвин, наконец-то коснулся того, о чём столько мечтал.

Слуги сказали правду — она не жила с Годриком. Грудь её была маленькой, упругой, с нежными сосками. Такой груди не может быть у замужней женщины. Такая грудь лишь у невинной девушки, которая еще не знала мужских ласк.

Эмер больно укусила его за губу. Укусила свирепо, и в этом не было ничего, похожего на любовное заигрывание. Тилвин отстранился, не выпуская её из объятий, и чувствуя солоноватый привкус крови. Она укусила его до крови! Дикая, непокорная, прекрасная!

Он хотел сказать ей об этом, но тут его оторвала от любимой непреодолимая сила, а удар в ухо ладонью, сложенной горстью, свалил с ног. Совсем ничком Тилвин не упал, но пола обеими руками коснулся, и даже поник головой к колену, когда тьма заволочла сознание, но уже через пару секунд он проморгался и даже смог разглядеть троюродного

брата, который стоял между ним и Эмер. Между ним и счастьем.

— Уйди, если не хочешь, чтобы я спустил тебя с лестницы, — сказал Годрик очень спокойно. — Сегодня меняют сбрую, рыцари уже собрались возле конюшен. Самое время тебе отправиться туда и за всем присмотреть. А потом матушка ждёт тебя, ты ещё не отчитался за покупку соли и пряностей, что поступили на прошлой неделе.

И речи его, и сам тон, которым он говорил с ним, взбесили Тилвина.

— Уйди сам, — сказал он с ненавистью. — Эта женщина — моя.

— Это моя жена, — Годрик положил руку на плечо Эмер и подтолкнул в сторону лестницы. — А ты здесь — всего лишь зарвавшийся слуга. Я мог бы казнить тебя, как покусившегося на благородную даму, но пожалею.

— Ты — пожалеешь?! — Тилвин поднялся и встал против Годрика. — Неужели, знаешь такое слово — жалость? Сколько раз твоя жена плакала на моей груди, когда ты обходился с ней безжалостно. Безжалостно. А сегодня она сказала, что я — её единственный.

Эмер порывисто схватила Годрика за квестот у ворота:

— Это неправда! Я всего лишь сказала, что он...

— Не унижайся перед ним! — велел Тилвин. — Он этого не стоит. Я позабочусь о тебе, ничего не бойся, милая.

— Ты неправильно понял, — Эмер старалась держаться спокойно, но сердце так и колотилось. Годрик видел, как они целовались. Годрик никогда не верит словам, он верит только тому, что видят его глаза. И как объяснишь, что все произошло против ее воли? Хотя, к чему объяснять, он ведь так стремиться избавиться от нее... Но тогда почему вмешался?

— Годрик? — она вмиг позабыла про Тилвина. — Ты зачем здесь?

— Искал жену, — сказал он надменно. — Которой никогда не сидится ровно.

Тилвин дернулся, как от удара:

— А-а, решил заявить на нее свои права? Какие права могут быть, если ты даже не спал с ней?

Годрик смерил его взглядом и отвернулся.

— Как раз сегодня хочу исправить это недоразумение. Пойдем, — он обнял Эмер за талию. — Ее Величество не любит, когда опаздывают.

— Годрик! — пискнула Эмер, теряя дар речи.

Он заметил упавшую брошь и наклонился поднять. Положил на ладонь и протянул жене:

— Ты никогда не ценила мои подарки. Даже этот потерять умудрилась.

— Скажи ему, что тебе не нужен его подарок! — потребовал Тилвин. — Скажи, что его подарки противны тебе так же, как он сам.

Эмер замерла, глядя на розу, лежавшую на ладони. Эта ладонь была широкой, как доска. В кожу намертво въелась кузнечная сажа. Казалось бы — чего проще? Взять брошь. Или не брать. Но двое мужчин следили за девушкой настороженно. Как охотники, выслеживающие зверя. И она сама понимала, что от ее решения здесь и сейчас все изменится.

Она осенила себя знаком яркого пламени и взяла розу.

— Зачем? — выдохнул Тилвин.

Эмер медленно приколола брошь к платью, сколов разорванный ворот, и тихо ответила:

— Я люблю его.

— Любишь? Его? — он словно только теперь её услышал. — Но почему? Почему — его?

— Не могу тебе сказать, — ответила Эмер.

Знала ли она сама ответ на этот вопрос? Разве яркое пламя объясняет, почему разжигают в сердце горнило страсти к тому, а не к другому?

Но Тилвин понял по-своему.

— Ты любишь его, а не меня, потому что он — мастер королевской оружейной. И потому что Дарем — второй по величине замок в Эстландии. И его высокомерие и благородство ты тоже любишь. А у меня ничего нет. Но \ все будет, вот увидишь. И тогда ты сможешь любить меня.

— Что за бред ты несешь, — покачала головой Эмер. — И совсем не слышишь моих речей.

— Я слышал, что ты говорила мне. Что любишь и...

— Пойдем, — Годрик увлек жену к выходу. — Тебе надо переодеться. Иначе завтра вслед за графиней Поэль все модницы наденут рваные платья. Вряд ли это понравится их мужьям.

Тилвин обогнал их и встал поперек дороги.

— Вызываю тебя на поединок, Годрик Фламбар, — сказал он. — Не признаю больше вассальной клятвы и требую боя за право назвать эту женщину своей.

— Тиль! — крикнула Эмер. — Не делай глупостей!

— Назови время и место поединка, — сказал Тилвин Годрику, не обращая на ее возглас внимания.

— Никаких поединков! — Эмер встала между мужчинами. — Вы с ума сошли! Устраивать поединок, когда здесь находится королева!..

— Место и время, — повторил Тилвин.

— А с чего ты решил, что я согласен на поединок? — спросил Годрик с усмешкой.

Эмер и Тилвин уставились на него в изумлении. И если Эмер была удивлена, как это спесивый Годрик, всегда с пылом отстаивавший честь семьи, не ответил на оскорбительный вызов, то Тилвин просто-напросто взбесился.

— Если ты мужчина, то примешь мой вызов! — крикнул он, танцуя пальцами по рукояти меча.

— Мне не хватало только подраться со слугой, — Годрик взял жену за руку, обошел начальника стражи стороной и направился к жилым комнатам.

— Ты трус! Ты боишься! — неслоь вслед

— Боюсь, боюсь, — бросил Годрик через плечо. — Можешь похвастаться этим... на конюшне.

— Вернись и сражайся со мной, Фламбар!

— Ага, бегу и ветер обгоняю, — проворчал тот.

— Он скажет, что ты испугался, — подала голос Эмер, когда они с мужем уже подошли к дверям спальни Острюд.

— Не все ли равно, что скажет бывший вассал?

— Теперь ты прогонишь его?

— Если хватит ума, уйдет сам.

Насчет «хватит ума», Эмер засомневалась и серьезно задумалась, что мужчины — странные существа. Порой их поступки лишены смысла. Здравого смысла.

В спальне Годрик нашел кресало и зажег несколько свечей, после чего безошибочно достал из сундука одно из парадных платьев Эмер, которое она еще ни разу не надевала, а в другом сундуке отыскал рубашку.

— Раздевайся, — велел он. — Королева, скорее всего, уже ждет нас. Не будем испытывать терпение Её Величества. Я помогу одеться.

— Всегда неплохо справлялась сама, — заявила Эмер, распуская завязки на рукавах. Она помогала себе зубами, но Годрик подошел, и под его пальцами даже самые противные узелки распутывались как будто сами собой.

— Надень это, — он разложил платье на кресле и расправил все складки с мастерством, достойным расторопной служанки. Платье было геральдических цветов дома Фламбаров — красное и желтое, с вышивкой в виде языков пламени. На красном вышивка была сделана золотом, на желтом — алым шелком. — Так мы покажем королеве, что помирились.

— А ты уверен, что помирились? — не утерпела Эмер, но, тем не менее, расстегнула брошь, которой до поры сколола разорванный ворот, спустила платье до талии, а потом уронила на пол и переступила через него, оставшись в наполовину разорванной рубашке.

Девушка успела перевернуть на спину заветную золотую монету, опасаясь, что Годрик увидит талисман в такой неподходящий момент. Да, он повел себя, как настоящий муж. И сказал слова, которые взволновали ее до глубины души. И даже то, что он не продолжил ссору с Тилвином, понравилось Эмер. Но сдаваться на милость сразу, когда еще живы воспоминания об оскорблениях и обидах, которым он ее подверг?..

— Даже если не помирились, предлагаю никому не говорить об этом. Пусть это будет наша тайна. Твоя и моя, — Годрик подошел к Эмер и медленно спустил с ее плеч рубашку, касаясь кончиками пальцев кожи. — Нежнее шелка... — сказал он тихо.

Прикосновение обожгло, как капли горячего металла, но Эмер не поддавалась слабости и отвернулась, подхватывая рубашку возле локтей и прикрывая едва не обнажившуюся грудь.

— Я расцениваю твои речи об исполнении супружеского долга просто как способ оградить меня, — сказала девушка. — Благодарю, что помог. И ложь бывает во спасение. Не знаю, что бы произошло, не подоспей ты вовремя и...

Годрик осторожно, но настойчиво потянул рубашку:

— А я не лгал, — сказал он. — Фламбары тоже не бросают слов на ветер. Я хочу получить тебя этой ночью. Хочу, чтобы ты исполнила клятву, которую дала в столице, у алтаря. И хочу, чтобы ты стала моей настоящей женой.

Эмер вскинула голову, слыша и не веря.

— Какой ты быстрый, — сказала она, отчаянно краснея. — С чего ты решил, что перед разводом я дам тебе все это?

— Никакого развода не будет.

— Не будет?!

— Разве мы хотим этого?

— Но ты всегда говорил... — залепетала Эмер и замолчала.

Подобные превращения двух близких людей за столь короткое время — это было слишком для понимания. Какие силы обрушились сегодня на Дарем, если рассудительный и сдержанный Тилвин потерял самообладание, а язвительный насмешник Годрик обернулся смиренным, как ягненок?

— Не веришь? Я тебя прекрасно понимаю, — Годрик взял ее за подбородок и осторожно заставил повернуться к свету. — Всегда считал, что у тебя карие глаза. А теперь вижу — серые. Рыжая с серыми глазами... Это красиво.

— Ты пьян, что ли? — пробормотала Эмер.

— Наверное, — Годрик легко коснулся ее губ губами. — Почему-то всегда ощущаю головокружение, когда целую тебя.

И он поцеловал ее снова, уже долгим, томительным поцелуем.

— Ты ведь проявишь великодушие и простишь меня? — прошептал он, отрываясь от нее на секунду, перед тем, как снова припасть к ее губам.

— Разве ты просил прощения? — спросила Эмер, как только он дал ей возможность дышать.

— А разве не просил? Тогда спешу исправиться и прошу сейчас. Прости, я вел себя по отношению к тебе не лучшим образом...

— Ты вел себя отвратительно, — поддакнула Эмер, очень уютно устраиваясь в его объятиях.

— Согласен, отвратительно...

— Как свинья.

— Ну не то чтобы очень! — на секунду ему изменила обычная невозмутимость.

— Хорошо, как свин, — милостиво согласилась Эмер. — Продолжай извиняться.

— Разве этого недостаточно? — он потянулся, чтобы поцеловать ее, но девушка проворно выставила между ними руку.

— Эй! Я требую, чтобы ты извинялся точно так же, как меня позорил — при королеве. Нет, не надо падать на колени и заливаться слезами, достаточно просто подвести меня к Её Величеству и прилюдно поцеловать мне руку. И чтобы смотрел с любовью и обожанием. Понял?

Годрик улыбнулся:

— Понял. Пусть будет так.

— Какой-то ты слишком сговорчивый, — проворчала Эмер, прикидывая, не продешевила ли.

— Но у меня свое условие.

— Ты еще смеешь ставить мне условия? После всего, что натворил?

— Ты заставила меня пробежаться голым по саду, — напомнил он.

— О! — Эмер возвела глаза к потолку. — Мы уже и позабыли об этом. Так чего ты там хочешь?

— Хочу, чтобы сегодня ты стала моей женой. По-настоящему.

— А... я...

— Да или нет?

Губы его были совсем близко, и глаза смотрели тепло и проникновенно, и запах янтаря и мерзлой земли опьянял, как самый дурманящий фимиам. Эмер почувствовала, что слабеет, и тщетно взывала к собственной гордости, здравомыслию и старалась припомнить прежние обиды.

— Да или нет? — повторил он, легко поглаживая ее плечи.

— Да, — Эмер обхватила его за шею, потянулась за поцелуем и прогнала все мысли гулять под облаками. Думать совершенно не хотелось, и тем более — вспоминать, что он сказал ей вчера, позавчера или месяц назад. В конце концов, какое это сейчас имело значение? Он рядом, он обнимает, он говорит, что делает это искренне и просит прощения. И она верит ему. Просто не может не верить.

— Как сговорчива моя жена, — прошептал Годрик ей на ухо, касаясь губами виска. — Как легко усмирить этого отважного рыцаря...

Они целовались со все возрастающей страстью, и не заметили, как последняя преграда между ними — рубашка из тонкого полотна — соскользнула на пол.

Эмер шагнула назад, и Годрик повалил ее поперек постели, придавив весом своего тела.

— Ты мне все кости переломашь, медведь, — сказала она, поглаживая его по затылку и пытаясь нащупать тесьму, стягивавшую волосы. — Мне так нравится, когда пряди падают на лицо...

— Сделаем так, как тебе нравится, — он развязал тесьму и встряхнул головой, распуская волосы.

— Может ещё и разденешься? — предложила Эмер, которую вдруг заколотило, как в лихорадке.

— Если не остановимся, то королеве придется ждать нас очень долго, — сказал Годрик, перемежая слова и поцелуи.

— Королева подождет.

Он полностью с ней согласился, потому что принялся целовать с удвоенным пылом. Руки его ласкали Эмер с таким умением, что она на секунду огорчилась подобной опытности, припомнив Кютерейю. Но эти сожаления исчезли, едва муж огладил ее грудь, скользнул ладонью по бедру и коснулся потаенного женского места, принуждая девушку раскрыться навстречу, и Эмер подчинилась, горя таким же огнем, как и он.

— Мне кажется, я умру, Годрик, — простонала она, запрокидывая голову, пока он целовал ее шею и спускался ниже.

— От этого не умирают, милая, — он приподнялся, и Эмер с протестующим возгласом потянулась, чтобы вернуть его обратно.

Но Годрик лишь расстегнул пояс, снял квестот и котту, и бросил их на пол. Пока он развязывал вязки на штанах, Эмер изнывала от нетерпенья. Она потянулась помочь, но только затянула два узла.

— Все, к чему прикасается моя жена, становится таким запутанным, — пошутил он.

— А ты болтаешь даже тогда, когда надо молчать и вздыхать!

— Хорошо, — сказал он, склоняясь над ней. — Я молчу и вздыхаю.

Он и правда замолчал, и некоторое время тишину в спальне нарушало только их прерывистое дыхание. Годрик справился-таки с вязками на штанах и разделся, явив готовность подтвердить слова любви делом. Эмер распахнула объятия, и он лег на нее, забросив одну ее руку себе на шею, но жена беспокойно завопилась под ним, и он послушно приподнялся на локтях, опасаясь, что опять придавил слишком сильно.

Но ее интересовало кое-что другое.

— Дай поглажу, — выдохнула она, глядя широко распахнутыми глазами.

Годрик позволил и это, перекатившись на бок. Эмер дотронулась до него осторожно, и пальцы дрожали, как у воровки.

— На ристалище ты была смелее, — он взял ее за руку и прижал к себе, пониже живота. — Видишь? Совсем нестрашно.

Но страшно было, хотя Эмер и пыталась храбриться. Пожалуй, теперь было пострашнее, чем когда по ее коленям ползла змея. Только страх был иного рода. Тогда она боялась за собственную жизнь, а теперь испугалась самой жизни.

Почувствовав ее неуверенность, Годрик поцеловал Эмер нежно, как в соловьином лесу ночью, и уперевшись лбом ей в лоб сказал:

— Не дрожи так. Все недоразумения позади, я не обижу, моя железная роза. Просто доверяй мне...

Закрыв глаза усилием воли, Эмер подчинилась его ласкам, трепеща перед неизвестным, страшась и желая этого.

Но вдруг слабое движение воздуха охладило ее горящие щеки. Сквозь ресницы Эмер увидела открытую дверь в черный коридор, где не горели даже факелы, и едва не лишилась сознания от стыда и ужаса.

— Вы совсем стыд потеряли, — сказал кто-то тихо над их головами.

Годрик и Эмер мгновенно остановились, причем, Годрик попытался прикрыть Эмер, которая лежала в чем мать родила, принаряженная только распущенными волосами.

Возле кровати стояла Остриуд смотрела на них странно, без привычного осуждения и презрения. Скорее, она была печальна.

«Расстроена, что братец решил-таки помириться с ненавистной невесткой», — подумала Эмер.

Но язвительности, присущей золовке, не помешала никакая печаль:

— Всем известно, что она из дикого края, — сказала Остриуд, — но тебе, братец, стыдно перенимать подобную дикость!

— Выйди, — попросил Годрик. — Моей жене надо одеться.

Остриуд повернулась, как деревянная кукла на ниточке, и вышла.

— Неважно получилось, — извинился Годрик перед Эмер.

— Это к лучшему, — она спихнула его в сторону и поднялась. Схватила рубашку и нырнула в нее, чтобы скрыть пылающие от стыда щеки. — Королева ждет. Нам надо поспешить.

— Эмер! — Годрик прыгнул с кровати и развернул жену лицом к себе, выпутав из ярдов беленого полотна, чтобы посмотреть в глаза. — То, что мы не закончили, мы повторим сегодня ночью. Если будешь согласна. И завтра ты уедешь из Дарема моей женой.

— И вернись в Дарем твоей женой, — Эмер предостерегающе выставила указательный палец.

— Несомненно, — Годрик взял ее за руку и торжественно поцеловал сначала в палец, а потом в ладонь, словно скрепляя клятву. — Если сама этого захочешь. Обещаю, что не стану больше тебя неволить.

Он обнял ее, а потом снова завладел губами и не отпускал так долго, что Эмер совсем задохнулась.

— После этого я точно никуда от тебя не уеду, Годрик Фламбар, — пообещала она, обретя дыхание. — Никогда.

— Моя просьба ничего не значит?

— Значит. Я рада, что ты заботишься обо мне. Но и я хочу заботиться о тебе. Позволь мне это.

— Не позволю. Потому что ты дорога мне не меньше. И я не хочу, чтобы ты рисковала жизнью. Достало случая в церкви. Ты чудом осталась жива, а меня даже не было рядом, чтобы помочь. Какой же я муж, если не могу позаботиться о своей жене? Ты уедешь, пока я не разберусь со всеми убийцами, не раскрою все тайны и не рассекречу всех злоумышленников. А потом вернешься, и мы будем ковать мечи и ножи...

— Те, что на восточный манер! — подхватила она увлеченно. — Полоска стали между двумя полосками железа! Ты ведь разрешишь мне еще поковать?

— Разве можно тебе что-то запретить, — усмехнулся он.

— И кузни Фламбаров станут знамениты во всем мире! — продолжала мечтать Эмер.

— И я передам все, что знаю, нашим сыновьям.

— И дочерям!

— Конечно, если они пойдут в свою матушку — рыжие и буйные.

— Годрик, я правда не сплю? — спросила она встревожено. — Ты не обманываешь меня? Ты говоришь искренне?

Он прижал ее ладони к своему лицу, а потом отнял их и посмотрел Эмер прямо в глаза:

— Сегодня я не сказал тебе ни слова лжи, Эмер из Роренброка. Если пожелаешь — поклянусь всем, что мне дорого.

— Нет! — испугалась она еще больше. — Не надо клятв. Яркое пламя запрещает клятвы, не будем его гневить. Но для всего этого мне, действительно, надо уехать? Разреши остаться. Я не буду в тягость! — горячо уверила она. — Я буду полезна!

— После сегодняшней ночи, если будет угодно яркому пламени, ты будешь в тягости, —

сказал он. — Разве ты подвергнешь опасности нашего сына?

Против этого Эмер ничего не смогла возразить. Сердце подпрыгнуло, а потом помчалось в бешеной скачке. Наш сын — как же это чудесно звучало!

— Раз говоришь правду, то... То я сделаю все, что угодно. Уеду хоть на край света! Но ненадолго, Годрик Фламбар!

— Вот это мне нравится, — согласился он с улыбкой.

Они вошли в зал, украшенный празднично, рука об руку. И лицо королевы, на котором лежала печать тревоги, просветлело, пока она смотрела на красивую юную пару, приближавшуюся, чтобы засвидетельствовать почтение.

— Цвета Фламбаров? — спросила Ее Величество. — Вы обрадовали нас, графиня. И удивили, что уж скрывать.

— Я сама обрадована и удивлена, — ответила Эмер с поклоном.

— И я тоже — обрадован и удивлен, — заверил их обоих Годрик и поцеловал руку жене. Перед королевой и придворными, и перед всеми гостями Дарема, как и обещался.

— Мы видим, что война меча и сковородки завершена, — сказала королева со смешком. — Кто же победитель?

— В любви не бывает победителя, — ответил Годрик, не сводя глаз с Эмер. — Или выигрывают оба, или оба оказываются проигравшими.

— Он сладкоречив, верно? — спросила королева у Эмер. — А вы, наоборот, потеряли дар речи?

— Ваше Величество, просто жена должна во всем подчиняться мужу, — ответила девушка. — Мой супруг принес мне извинения за недостойные поступки и так умолял простить его, что мое нежное сердце не могло не откликнуться на мольбы.

Годрик поперхнулся, и королева взглянула на него с подозрением. Но возражать он не стал, и Ее Величество успокоилась.

— Потом расскажете, чем он уговорил вас, — шепнула она графине.

Эмер отошла прочь вся пунцовая. Они с Годриком сели в самом верху стола, сразу за придворными из королевской свиты.

— Тетя рада, что мы поладили, — шепнул ей на ухо Годрик, и рука его поползла по ее талии.

— Что делаешь, бессовестный? — возмутилась Эмер тоже шепотом и притворно. — На нас смотрят!

— Пусть смотрят. Ты моя жена, и сегодня ночью я намерен получить от тебя все, что причитается мужу.

От его голоса у Эмер голова пошла кругом, а такие откровенные слова заставили ее жарко покраснеть. Годрик заметил это и не преминул подшутить:

— Отчего смущение? Ты столько раз покушалась на мое тело, а когда я решил тебе его предложить — краснеешь, как девочка.

— Бесстыдник, — прошептала Эмер.

— То ли еще будет, когда мы окажемся в алькове, и некому будет нам мешать... — рука его переместилась пониже спины, мимоходом огладив два упругих полушария, упрятанных под шелком платья.

Эмер ахнула и опрокинула кубок с вином. Слуги тут же бросились вытирать красную лужицу, налили для графини Поэль другой кубок и смахнули капли вина с ее платья. Годрик, посмеиваясь, отстранился, но Эмер то и дело встречала его взгляд — взгляд ласковый и

многообещающий. Взгляд, обращенный к ней. И сердце ее билось от любви и счастья.

Она мельком вспомнила и тут же думать позабыла про Тиля, который оказался не столь везучим в любви. Но такова жизнь — как рыцарский поединок. Кто-то остается на коне, кто-то падает на песок.

Юная пара едва дождалась полуночи — времени, когда даже хозяину можно покинуть пир, чтобы не проявить неуважения к гостям.

— А теперь пора нам уединиться, — сказал Годрик негромко, чтобы только Эмер услышала. И она услышала, и снова покраснела. Держась за руки, они двинулись из зала, как вдруг в распахнутую дверь вошла женщина. Полнотелая, с мягким простоватым лицом и руками, огрубевшими от тяжелой работы. Были на ней поношенное, но добротное платье, серый домотканый платок, повязанный узлом пониже затылка, и разношенные кожаные башмаки со сбитыми каблуками. Эмер успела удивиться, кто это пропустил вилланку в Дарем, да еще на королевское пиршество. Просители приходили в строго отведенные дни, да и принимал их кто-то из чиновников. Она потянула Годрика в сторону, чтобы обойти странную просительницу, но женщина тоже сделала шаг в сторону и решительно преградила им путь. Эмер посмотрела грозно, но женщина не заметила ее взгляда. Глаза ее были обращены на Годрика, и в глазах были слезы.

— Сыночек... — сказала она надрывно и заплакала, упав на пол и обнимая ноги Годрика.

В зале замолчали все, даже барды прекратили песни, хотя им не было слышно и видно, что там творилось у дверей.

— Оставь меня, женщина! — прозвучал слишком громко в наступившей тишине голос Годрика. Он выпустил руку Эмер и пытался освободиться от схватившей его вилланки, но та вцепилась клещами.

— Сыночек! Сыночек! — голосила она. — Наконец-то я нашла тебя!

Эмер подоспела на помощь Годрику быстрее, чем гвардейцы, которые, казалось, превратились в статуи, подпирая стены. Схватив вилланку за плечо, она так сдавила его, что женщина охнула и разжала руки. Эмер толкнула ее в бок коленом, толкнула сильно и резко, и нарушительнице спокойствия только и оставалось, что неуклюже завалиться на бок.

— Уберите эту сумасшедшую! — велела девушка, но гвардейцы не сдвинулись с места.

— Что происходит? — спросила королева, отставляя кубок с вином. — Кто эта женщина, и почему она называет сыном нашего племянника?

Услышав голос королевы, вилланка безошибочно признала в ней правительницу Эстландии и метнулась вперед так проворно, что ее не успели задержать.

— Ваше Величество! — она упала на колени возле кресла королевы, пытаясь поцеловать носки королевских туфель. — Меня зовут Бодеруна, и я пришла сюда из Синегорья, чтобы просить вас о справедливости! Верните мне сына, — она ткнула пальцем в сторону Годрика, который наблюдал за этой сценой, остановившись посреди зала, как столб, хотя Эмер дергала его за рукав, пытаясь увести.

— Ты ошиблась, милая, — сказала королева ледяным тоном. — Это — милорд Фламбар, сын моей сестры Геновефы.

— Это мой сын, — сказала Бодеруна страстно. — И я могу это доказать.

Речи вилланки были услышаны даже теми, кто изрядно выпил на этом пиру. Воцарилась тишина, и только потрескивали свечи. Все ждали, что ответит на такую крамолу королева, и ответ не заставил ждать долго.

— Твой сын? Докажи, — промолвила Ее Величество.

— У него родимое пятно в паху, слева, — сказала вилланка, — пятно в форме птицы, расправившей крылья.

Эмер вскрикнула и тут же зажала рот ладонью. Придворные приглушенно зашумели, королева помрачнела ещё больше, а Годрик по прежнему не произносил ни слова.

— Ваше Величество! Это ничего не значит! — Эмер бросилась защищать мужа так яро, словно нападали на нее саму. — Любой мог узнать об этом пятне! Это не доказательство!

— Помолчите, графиня Поэль, — процедила королева. — Мы сами разберемся. Скажи, женщина, есть ли у тебя что-то кроме слов?

— Разве иначе я осмелилась бы появиться перед Вашим Величеством? — ответила Бодеруна и вытащила из-за пазухи старый пергаментный свиток, истрепанный на концах. — Вот здесь записано, как леди Геновефа, ваша сестра, купила моего ребенка за сто золотых и записала его, как своего. Здесь есть и подпись епископа Беды, который в то время служил у нас в Синегорье. Он засвидетельствовал покупку, потому что посчитал, что ребенок достоин лучшей жизни, чем можем предложить мы, его родители.

— Передайте свиток нам, — сказала королева, и леди Бертрис немедленно выступила вперед, вырвала у Бодеруны свиток, чтобы преподнести его Её Величеству.

Но навстречу придворной даме вышел епископ Ларгель.

— Дайте мне документ, — сказал он, и леди Бертрис послушно протянула ему пергамент, и отступила в страхе.

— Одно время я хорошо изучил подпись досточтимого Беды, — сказал Ларгель Азо, не обращая ни к кому, и даже к королеве повернувшись спиной. — И смогу отличить подлинную от поддельной.

Он поднес пергамент к свече, и Эмер втайне понадеялась, что сейчас епископ словно бы случайно подожжет ужасный договор купли-продажи ребенка, и слова вилланки останутся всего лишь словами вилланки.

Но чуда не произошло.

— Да, это подпись Беды из Синегорья, — признал Ларгель, поднося пергамент королеве. — Ошибки быть не может.

Теперь наступила очередь Её Величества изучить договор. Она разложила его на коленях и достала стеклянную линзу в металлической оправе, чтобы рассмотреть получше.

Все время, пока королева занималась документом, Эмер не находила себе места от волнения, она порывалась говорить, но железная рука Годрика, сжимавшая ее запястье заставляла умолкать. Посмотрев на мужа после того, как он в очередной раз приказал ей молчать, Эмер поразились, насколько замкнутым стало его лицо. Только что он шутил с ней, горел желанием и даже смеялся, и вдруг... перед ней прежний Годрик. Надменный, неулыбчивый, такой... далёкий.

— Это происки, — шепнула она ему, желая подбодрить.

Он кивнул, но не ответил.

Королева продолжала рассматривать свиток.

Бодеруне надоело ждать, и она спросила:

— Ваше Величество будут столь милосердны, что вернут несчастной матери сына? Вы убедились, что я говорю правду?

Эта настойчивость окончательно вывела Эмер из себя:

— Ваше Королевское Величество, вы же не допустите публичного унижения моего мужа, — сказала она, сжимая кулаки. — Эта женщина, — она указала на Бодеруну, — затеяла черное дело, чтобы лишить моего супруга ваших милостей. Не верьте ей. Свиток и подпись вашей сестры — всего лишь подделка. Ваша уважаемая сестра и епископ Беда мертвы и не смогут оправдаться. Не позволяйте лживой бумаге опорочить их память. И не допустите позора моего мужа.

Но королева не вняла речам, и глаза ее вдруг по-змеиному прищурились:

— Вы так рьяно выступаете на защиту вашего мужа, — прошипела она, — а он стоит за вашей спиной. Ему ведь нечего бояться? Пусть выйдет и покажет, что он — мужчина, а не слабак, спрятавшийся за юбку жены.

— Но зачем, если этот документ — ложь! — никогда еще Эмер не испытывала столь сильного гнева и столь сильной ненависти. Она ненавидела в этот момент всех — королеву, которая поступала несправедливо по отношению к Годрику, эту мерзавку Бодеруну, явившуюся невесть откуда, и Годрика, который стоял покорно, как баран.

— Этот документ — не ложь, — отчеканила вдруг королева. — Я узнаю подпись своей сестры, потому что в ней есть тот знак, о котором знали только я и она. Это подписано ею, и засвидетельствовано епископом. Здесь большая епископская печать и печать рода Фламбаров. И я припоминаю, что во время рождения лорда Годрика печать находилась у моей сестры, потому что покойный лорд Фламбар уезжал воевать на границу.

Годрик невольно коснулся груди, проверяя — на месте ли печать. И в душе Эмер всколыхнулась надежда, что он обнаружит пропажу и все разъяснится... Не очень-то она верила в эти тайные знаки королевы и ее покойной сестры. Но Годрик оттянул ворот котты и извлек печать — ту самую, из сердолика.

— Значит, печать на месте, — подытожила королева. — Сделайте оттиск, чтобы мы убедились в подлинности.

— Зачем проводить дознание здесь, при всех? — снова возмутилась Эмер. — Давайте перейдем в закрытый зал и решим всё без свидетелей. Королевскому дому не нужны сплетни.

— Они уже появились! Сплетни! — королева пристукнула ладонью по подлокотнику кресла. — И если мы скроем правду, лорду Фламбару никогда не избавиться от подозрений. Решим здесь и сейчас. Это не обсуждается. Скорее! Мы хотим сравнить оттиски.

Принесли красный воск и кармин, растопили и развели в кашицу, и Годрик самолично сделал несколько отпечатков — на пергаменте и на восковой пластине.

Оттиски поднесли королеве, и она долго изучала их, поджимая губы, как всегда делала, когда была недовольна.

— А сами что скажете, лорд Фламбар? — спросила она, наконец, передавая леди Бертрис пергаментные листы и восковую пластину.

Годрик взял пергамент, принесенный Бодеруной. Ему хватило одного взгляда.

— Отпечатки одинаковые, — сказал он.

— Не может быть! Покажи! — Эмер выхватила у леди Бертрис листы и сама принялась сличать оттиски печатей. Но чем больше она смотрела, тем больше убеждалась, что подделки быть не может. Даже маленький скол на уголке совпал.

— Что ж, ни у кого нет сомнений в подлинности, — провозгласила королева. — Остается только убедиться в наличии родимого пятна. Оголитесь!

Эмер испустила такой гневный вопль, что даже гвардейцы вздрогнули от неожиданности.

— Вы не посмеете! — она приготовилась продолжить спор, но тут Годрик попросту отодвинул ее в сторону и вышел на середину зала.

Онемев от ужаса, Эмер смотрела, как он снимает квест, а потом расстегивает пояс. Он такой высокомерный во всем, что касалось дворянского достоинства, раздевался перед собранием знатнейших людей Эстландии и перед самой королевой, словно находился один в собственной спальне. Подняв котту, он приспустил пояс штанов, и королева свела брови к переносью. Эмер прекрасно знала, что увидела правительница Эстландии — родимое пятно в виде птицы. Птица, расправившая крылья. Девушка застонала от бессилья.

— У него именно такое пятно, — сказал кто-то из лордов.

И впервые прозвучало тихое, но презрительное: «Медвежий башмак!»

Эмер помнила эту старинную традицию — приемный сын становился членом семьи, лишь когда вслед за названным отцом или матерью надевал башмак, сшитый из медвежьей шкуры. Медвежий башмак! Приемные дети не имели права наследования без особого завещания и всегда уступали в праве очередности принятия наследия отпрыскам по крови. Медвежий башмак! Даже позорнее, чем незаконнорожденный! Она закрыла лицо руками, пытаясь придти в себя.

— Виллан, — сказал кто-то, и у Эмер закружилась голова.

Её подхватили под локти и помогли сесть, но она вскочила почти сразу, отталкивая гвардейцев, которые хотели помочь.

— Это для вас он — виллан и медвежий башмак! — сказала Бодеруна громко и четко. — А для меня — мой единственный сын, моя плоть и кровь, и вы не смеете оскорблять его. Требую справедливости, Ваше Величество!

— И вы ее получите, — бросила королева. — Свиток останется у нас, — она передала документ о покупке и усыновлении лорду Саби, который появился возле ее кресла, как призрак. — Наше решение. Сэр Годрик признается приемным сыном нашей сестры Геновефы из Вира, но так как усыновление произошло втайне от ее супруга, лишается права носить фамилию Фламбар и лишается всех прав на наследство Фламбаров. Оружейные мастерские передаются в ведение леди Фледы. Пусть сэр Годрик вернет ключи от главной мастерской. И печать. Без промедления.

Сопровождаемый тихими смешками, Годрик снял с шеи цепочку с сердоликовой печатью, подошел к королеве и положил печать у ее ног. Его широкоплечая фигура, не утратившая достоинства даже без опояски, напомнила Эмер старинные южные статуи из королевского сада. Он казался ей самым красивым и благородным из всех живущих на земле. И вот — виллан. Простой виллан. Насмешка судьбы.

Отойдя от трона, он приблизился к леди Фледе, которая сидела рядом с дочерью:

— Разрешите попрощаться...

Но она отвернулась так резко, что Эмер мгновенно вскипела гневом. Вместе с матерью отвернулась и Остриуд.

Годрик поклонился обеим, но заговаривать больше не пытался.

Кто-то толкнул Бодеруну к выходу, и она тяжело упала. Годрик подошел и преклонил колени, помогая ей подняться.

— Обопритесь о мою руку, матушка, — сказал он спокойно.

— Годрик! — крикнула Эмер, бросаясь за ним.

Он оглянулся и остановил ее одним взглядом — холодным, чужим.

— Куда это ты собрался, волчий хвост тебе в глотку! — закричала Эмер на него. — Почему называешь эту женщину своей матерью?! Она — ведьма и лгунья! Мерзкая лгунья! — и она даже замахнулась, чтобы ударить Бодеруну, но Годрик перехватил ее руку.

— Пока я жив, — сказал он, — никто не посмеет ударить мою мать.

Бодеруна благодарно плакала, прикинув к плечу обретенного сына.

— Ты сдался? Ты поверил ей? — Эмер вырвалась и потерла запястье, которое этот медведь сдавил слишком сильно. — А как же я, Годрик?

— Подождите, матушка, — сказал он, подводя Бодеруну к колонне, оставив под присмотром гвардейцев, а потом снова вышел на середину. — Ваше Величество, достопочтенные лорды, — сказал он, глядя куда-то поверх голов, — графиня Поэль, которая была отдана мне в жены, до сих пор невинна. Я не познал ее, как муж познает жену, и когда открылась правда о моем рождении, прошу считать наш брак недействительным или расторгнутым по обоюдному согласию, как будет угодно Вашему Величеству, — он поклонился королеве, — и графине Поэль, — он поклонился жене. — Позвольте удалиться.

Он вернулся забрать мать, и они направились по залу, через толпу придворных, которые расступались перед ними, как перед прокаженными. Эмер смотрела вслед и не верила ушам.

— Годрик! Остановись! — стряхнув оцепенение, она снова догнала его, развернула и схватила за грудки. Он не сопротивлялся и глядел безо всякого выражения. — Ты не посмеешь вот так оставить меня.

— Я не пара для высокородной леди, — сказал он. — Мое неблагородное происхождение оскорбит вашу милость. Отпустите.

Эмер разжала пальцы и задышала с присвистом.

— Ты вот так бросаешь меня? И бросаешь все, что тебе дорого? А как же новое оружие? А восточная сталь?!

Годрик подал руку матери, и они продолжили путь к двери.

— Мерзавец... — прошептала Эмер. — Трус...

Рядом оказался брат короля, и она вцепилась в рукав его квестота.

— Пойдемте, графиня, вам надо придти в себя, — сказал лорд Бритмар, увлекая ее в боковой выход, куда удалялись, обычно, члены королевской семьи и их приближенные. Эмер позволила себя увести.

— Сэр Годрик покинул замок вместе со своей матерью, королева признала ваш брак с сэром Годриком недействительным, — сказал лорд Бритмар, подавая ей воду в серебряном бокале.

— Но почему? — повторяла Эмер, отмахиваясь от предложенного бокала. — Почему Ее Величество поверила этой лживой тряпке?! Это интриги против Годрика!

— К сожалению, нет, — ответил Бритмар. — Невестка сказала, что у них с сестрой была особая подпись, которую они поклялись использовать только в особых случаях, чтобы подать друг другу знак, если будет необходимость. Королева узнала подпись. Это,

действительно, ее сестра. Невестке сейчас вдвойне тяжело — и оттого, что сестра обманула ее, подсунув в племянники виллана, и оттого, что она за эти годы привязалась к Годрику. Ей было нелегко отпустить его.

Эмер вскочила так стремительно, что едва не опрокинула столик:

— Отпустить?! Да она выгнала его, как шелудивого пса!

— Успокойтесь, — Бритмар привстал на цыпочки и положил ей руку на плечо, принуждая сесть. — Невестка не могла поступить иначе. Она доверяет только собственной крови, поэтому не могла оставить Годрика хозяином оружейных мастерских. Это было бы опасно.

— Но леди Фледа...

— Она — пятиуродная сестра Её Величества. И уже доказала свою верность.

— А Годрик, значит, не доказал.

— Насчет него всегда были подозрения. Жаль, что они подтвердились.

— Какие подозрения! — Эмер вскочила и на сей раз перевернула столик со всеми чашами и кубками. Вино разлилось, и в красной луже весело запрыгали яблоки. На шум вбежали служанки, но лорд Бритмар махнул им, и они поспешили скрыться. — Какие подозрения? Этот старый врун лорд Саби утверждал, что Годрик — один из членов Тисовой Ветви. Я доказала, что это не так! И тут появляется эта старуха. Уверена, что это происки Саби, он постарался. Столько лет старая сука молчала, и вдруг решила загавкать. Да где — на королевском пиру! Кто бы пропустил ее, не будь особого распоряжения? И еще епископ, этот убийца-лицемер, вылез вперед...

— Немедленно замолчите, — приказал лорд Бритмар тихо и веско. — Разве не знаете, что в этом замке у всех стен есть уши?

Эмер замолчала, поджимая губы.

— Я согласен с вами, — прошептал лорд Бритмар. — Столь внезапное появление настоящей матери — это странно. Но вам лучше не пытаться узнать, кто за этим стоит. Во-первых, и так все понятно. Во-вторых, это может дорого вам обойтись. Сэр Годрик понял это и выбрал из двух зол меньшее.

— Поступил, как трус! — вспыхнула Эмер.

— Как разумный человек, — возразил лорд Бритмар.

— Не желаю этого слышать!

— Не желаете слышать правды.

— Потому что это — неправда!!

Брат короля посмотрел внимательно.

— Вам надо успокоиться, графиня Поэль, — сказал он примирительно. — Я не виноват в ваших злключениях, а вы смотрите на меня, как на врага. А ведь я еще в столице предсказывал, что ваш брак — ошибка.

В дверь осторожно постучали. Эмер не обратила внимания, погруженная в тягостные мысли, а лорд Бритмар подошел посмотреть. Он выглянул и вернулся.

— Там пришел ваш верный... друг. Сэр Тюдда. Просит разговора.

— Не хочу его видеть, — тут же отозвалась Эмер. — Скажите, пусть уходит. Не хочу никого видеть.

— Тогда и я удаляюсь, с вашего позволения, — лорд Бритмар коротко поклонился и вышел.

Эмер осталась одна.

Годрик ушел из замка. Ушел. Ничего ей не сказав на прощанье.

Она прикусила костяшки пальцев, подойдя к окну. Даремская равнина, залитая светом восходящего солнца, выглядела особенно радостной. Но эта радостная красота сегодня раздражала Эмер невероятно. А ведь она считала, что полюбила Дарем больше, чем родной Вудшир. Что же случилось, что этот прекрасный край за одну ночь стал почти ненавистным?

Снова воскрешая в памяти события прощального пира, Эмер криво усмехнулась. Леди Фледа мечтала, чтобы этот пир помнили потом десять лет. Теперь его не забудут и за сто лет. Такой позор, такой скандал в королевском семействе...

Леди Фледа... Как презрительно она отвернулась от Годрика. А ведь говорила, что относилась к нему почти как к сыну. Всё оказалось ложью?

Эмер почувствовала необходимость поговорить с ней. Поговорить — срочно, именно сейчас. Она бросилась к двери, но на пороге остановилась, вспомнив про Тилвина. Что если он стоит сейчас там, за порогом? Вот кого ей больше всего не хотелось видеть... Подбодрив себя именами благородных предков-рыцарей, не знавших страха, и не отступавших ни перед одной опасностью, Эмер вышла из комнаты — решительная и готовая дать отпор любым словам и домогательствам.

Но коридор был пуст.

Девушка возблагодарила милосердное яркое пламя и побежала в сторону покоев вдовствующей леди Фламбар, оглядываясь через каждые пять шагов. Не хватало еще встретить кого-нибудь из пронырливых королевских слуг и выслушивать фальшивые соболезнования.

Ей повезло, и до покоев леди Фледы никто не повстречался. В замке было непривычно тихо — то ли все отсыпались после бурной ночи, то ли затаились, ожидая чего похлеще разоблачения семейных тайн королевской фамилии. Проходя мимо окна, Эмер увидела, как в серых полосках тумана вокруг замка трусят повара. Они выполняли ее приказ, им не было дела до изгнания Годрика. Почти счастливые люди.

Она забарабанила в двери покоев свекрови кулаками и потребовала:

— Откройте, леди Фледа! Мне надо поговорить!

Презрев помощь слуг, свекровь сама открыла ей:

— Зачем вы шумите в такую рань?! — сказала она, пропуская девушку в комнату. — Что за манеры?

— Сами-то вы тоже не ложились, как я погляжу, — ответила Эмер. — Даже не переоделись, остались в том же платье, в котором были вчера.

В спальне не оказалось даже самой юной служанки, а свечи оплавились до основания, указывая на бессонную ночь.

Леди Фледа нервно огладила помятое праздничное платье:

— Не знаю, кто смог уснуть после вчерашнего.

— Вы-то точно — нет. Совесть мешала, верно?

— О чем вы? — леди высокомерно подняла брови.

— Итак, вы отказались от Годрика, даже не попытавшись ни в чем разобраться, — Эмер уселась в кресло, не дожидаясь разрешения присесть, и уперла локти в широко расставленные колени.

— Королева во всем разобралась!

— Точно — сличила печати и поверила епископу о подлинности подписи покойного Беды. Вы сами-то в это верите?

Леди Фледа промолчала.

— Не вы ли говорили, что Годрик похож на своего отца? — возвысила Эмер голос. — Он похож? Ведь до сего дня у вас не было никаких сомнений, что Годрик — наследник вашего мужа.

Леди Фледа потупилась, теребя поясную сумочку.

— Не стойте, как девица перед брачным кортежем! — крикнула Эмер. — Он похож?

— Сейчас я сомневаюсь в этом, — сказала леди Фледа, все еще не поднимая глаз.

— Сомневаетесь?

— Мой муж умер давно, его черты уже сгладились из моей памяти. Возможно, я так тосковала после его смерти, что видела в Годрике то, чего не было на самом деле.

— Но его отец ни в чем не сомневался?

— Ах, мужчины так доверчивы, — сказала леди Фледа, сделав неопределенный жест рукой.

Она повернулась к окну, с которого были сняты ставни, и Эмер заметила розовую печать на цепочке.

— Всё вернулось на круги своя, — сказала она обвиняющее. — Печать оружейных мастерских снова у вас. Не об этом ли вы мечтали, моя дорогая несостоявшаяся свекровь?

— Если хотите что-то сказать — говорите прямо, — леди Фледа скрестила руки на груди и вызывающе вскинула голову.

— Прямо? Извольте. Ваша дочь до сих пор не замужем. И вдруг она стала единственной законной наследницей Дарема и кузнечного дела всей Эстландии. Завидная невеста. Уверена, завтра же у вас отбоя не будет от женихов. Как вовремя был опозорен и изгнан Годрик...

— Хотите сказать, что это я устроила заговор с подписями сестры королевы и появлением этой вилланки? — возмутилась леди Фледа. — Да вы выдумщица, дорогая несостоявшаяся невестка. Вам бы баллады сочинять.

— Опровергните мои слова. Если сможете.

— Не составит труда! — леди Фледа подошла к столу и открыла одну из шкатулок. — Взгляните. Вот это, — она извлекла кипу писем на папирусах и пергаментях, — вот это — предложения о замужестве моей дочери. Вот от лорда Гуго, вот от графа Намара, одно даже из Норсейла. Но Остриуд отказала всем. Я не хочу неволить ее, потому что слишком хорошо понимаю, что такое брак без любви. Вам достаточно таких доказательств? — она швырнула письма в лицо Эмер, не попала и вдруг расплакалась.

Глядя на всхлипывавшую свекровь, Эмер почувствовала что-то вроде раскаянья за обвинения, но утешать пожилую леди не стала. Не захотела.

— Не плачьте, — сказала она грубовато. — Все равно вы поступили с Годриком, как настоящая мачеха. Хуже мачехи. Он сказал, куда ушел?

— В Синегорье, я полагаю. Туда, откуда родом он и его нищевродная мать, — сказала леди Фледа всхлипывая.

— Значит, вы даже не поговорили с ним перед его уходом?

— А вы — поговорили?!

— Пыталась, — ответила Эмер глухо. — Он не захотел меня слушать. А к вам с Остриуд подошел при всех. И вы при всех отвернулись.

— Все произошло так неожиданно... я растерялась...

— Вы хоть дали ему денег, растерянная леди? — продолжала добивать ее вопросами

Эмер.

Леди Фледа вскинулась, а потом медленно покачала головой.

— Потрясающее милосердие, — сказала Эмер. — Вы омерзительны и в своем высокомерии, и в своих лицемерных слезах.

— Слезы — настоящие!

— И высокомерие тоже.

— Королева уезжает сегодня. Вам надо поспешить и присоединиться к ее свите.

— Конечно, леди Фледа, — Эмер поднялась из кресла. — Я ни дня не останусь в этом проклятом месте. А оно, несомненно, проклято.

— Не говорите подобного!

— Кто запретит мне говорить?

Леди Фледа не ответила, и Эмер на прощанье от души хлопнула дверью. Так, что со стропил посыпалась пыль.

В довершение ко всем неприятностям, ее подждал Тилвин, невесть как узнавший, что она пошла проведать свекровь.

— Я хочу объясниться, — начал он.

— Пустое, — ответила Эмер, ускоряя шаг.

— Только выслушай... Ведь все сложилось очень удачно. Хорошо, что ты не успела стать настоящей женой Годрику... Тут я даже благодарен ему за вздорный характер.

— Не говори о том, чего не знаешь! — она не смогла скрыть досаду. — У нас все сложилось так славно. Почти сложилось. Не появись эта старая ведьма!

— Он увел тебя напрямиком в спальню, и ты обрадовалась? И сразу простила? — спросил Тилвин.

— Тебя это не касается!

— Он сделал это лишь для того, чтобы отдалить тебя от меня.

— Мы и так отделились, как солнце от луны! — воскликнула Эмер. — Оставь меня! И не заговаривай больше!

Она умчалась прочь, и Тилвин не посмел ее преследовать.

Отправляясь из Дарема, Эмер не пожелала ждать, когда соберут ее приданое, а также деньги, драгоценности, наряды и пряности — сотни сундуков и тюков, что полагались ей извинением за неудавшийся брак. Богатства обещали упаковывать неделю, если не больше, а она не пожелала оставаться в замке ни одного лишнего дня. Королева полностью одобрила ее желание и распорядилась отправить имущество графини Поэль позже, отдельным обозом. Ее Величество хотела, чтобы графиня ехала с ней в одной карете, но Эмер отказалась. В столицу она отправилась верхом, и если с ней кто-то заговаривал, тут же пускала жеребца вскачь, делая вид, что конь понес.

Со стороны казалось, что она совершенно безучастна к происходящему — и так же надменно вскидывала голову, и так же улыбалась, но по настоянию королевы придворные старались не беспокоить графиню Поэль праздной болтовней.

А она и в самом деле не нуждалась ни в чьем обществе. И не желала слушать, если к ней подходили с соблезнованиями — хохотала и затевала какую-нибудь дерзость или каверзу. И на королевских пирах ела за троих и шла танцевать со всяким, кто приглашал. Но если кого и могло обмануть это веселье, только не королеву.

Спустя две недели после возвращения из Дарема, Эмер получила приглашение от Ее Величества. Королева встретила графиню в своей комнате, уютно устроившись в кресле, и трехцветная кошка — подарок восточных послов — мурлыкала у нее на коленях.

Эмер бросила на пол подлокотную подушку и уселась на нее, скрестив ноги.

— Зачем так переживать? — спросила королева. — Сделанного не воротишь. Надо смириться и идти вперед. Мы видим, что вы веселы лишь напоказ.

— Ваше Величество очень проницательны, — ответила Эмер, забирая из чаши на столе яблоко и с хрустом вгрызаясь в сочный и румяный бок.

Королева слегка поморщилась от такой неучтивости, но решила, что с нравоучениями следует повременить.

— Еще мы видим ваше недовольство. Вы потеряли мужа, который вам очень нравился, да... Но напоминаю, что вы сами отказались от Ишема. Вот в его-то семейной жизни все в порядке. Жена им довольна, как могли быть довольны вы.

— К чему теперь этот разговор? — вспылила Эмер.

— Сердце ваше не на месте, и мы переживаем за вас, — сказала королева.

— Вы так добры, Ваше Величество.

— Судя по тону, вы так не считаете.

Эмер промолчала, глядя в бокал с вином.

— Наверное, вы думаете, что мы проявили чрезмерную жестокость к Годрику...

— Зачем с ним так поступили? — спросила Эмер горько.

— Как будто мы могли поступить иначе.

— Разве не видите, что кто-то намеренно пытается разлучить вас с верными людьми? И вся эта история с усыновлением — она ложь от начала до конца.

— Это лишь ваши домыслы, графиня Поэль, — сказала королева холодно. — Вы живете чувствами. Вы можете себе это позволить. А мы обязаны жить, повинаясь долгу. Такой скандал не забывается быстро. Что бы мы ни предприняли, едва ли найдется человек в

Эстландии, который поверит, что Годрик — законный сын. Когда умирают свидетели, говорят документы...

— ...лживые, — закончила Эмер.

— Чем докажете? Как попала на договор печать Фламбаров?

На это возразить было нечего, и Эмер зашла с другой стороны

— Но вы уверены, что подпись именно леди Геневефы? Что это за тайный знак, о котором вы говорили? Кому еще о нем может быть известно?

— Известно только нам. И было известно нашей покойной сестре. Вы намекаете, что мы не смогли сохранить эту тайну и рассказываем всем о тайных знаках? — королева покраснела от негодования.

— Нет, я не обвиняю вас в болтливости, — ответила Эмер дерзко. — Но еще хоть раз вы с сестрой обменивались подобными посланиями?

— Всего лишь один. Когда нас выдали замуж, вдовствующая королева начала интриговать. Нам нужны были верные люди, и сестра прислала своего человека, подписав послание особой подписью, чтобы мы полностью доверились. И мы ни разу не пожалели, что приняли этого человека на службу. Так что отбросьте сомнения — подпись моей сестры настоящая. Как и подпись епископа Беды.

— Но это мы знаем только от Ларгеля Азо...

— Он не станет умышлять против короны. Мы знаем его, как честнейшего человека. Чего вы добиваетесь, снова вороша эту постыдную историю? Про нее нужно поскорее забыть! И забыть сэра Годрика. Мы никогда не позволим ему переступить порог этого замка. А наша крестница заслуживает мужа благородного и знатного, а не усыновленного виллана!

— Я поняла, Ваше Величество, — Эмер встала и пошла вон, не спросив разрешения.

— Мы все равно найдем вам мужа, не волнуйтесь, — сказала королева.

— Вот совсем не утешили, — ответила Эмер, и уже на пороге спросила: — А кто был тот верный человек? Которого прислала к вам сестра?

— Это был милорд Саби.

Эмер уходила из покоев королевы в смятении чувств. «Саби! Верный человек! — ее так и распирало от догадок и предположений. — Он мог скопировать подпись леди Геневефы, или отследить, чем отличаются ее подписи. Вот уж, тайный знак! Да любой в два счета раскроет ваши тайности, госпожа королева!»

Она еще бы поразмышляла на этот счет, но тут навстречу ей попался лорд Бритмар. Он прогуливался по драконьей шее, задумчиво посматривая на разноцветные пятна витражей. Сопровождающих при нем не было, но Эмер все равно приблизилась с поклоном, чтобы засвидетельствовать герцогу почтение и пожелать доброго дня, как полагалось по этикету.

— Вы были у невестки, рыжая графиня? — спросил лорд Бритмар. — О чем шла речь? Наверняка, о вашем неудачном браке.

— Угадали, — сказала Эмер, повесив нос. — Ее Величество не верит, что это заговор против Годрика. Я пыталась убедить, но...

— Да вы сами не верите в это, — сказал лорд Бритмар неожиданно резко. — Если бы верили, что его оболгали, то ушли бы вслед за ним. Но вы поняли, что обвинения нелживы. И остались.

— Нет-нет, я не поняла, — залепетала Эмер испуганно, пытаясь разобраться в себе — правдивы ли слова брата короля.

— Поняли. Потому что душа мудрее, и сразу распознает правду. Вот и ваша душа

подсказала, что сэра Годрика из вилланов. По нему это сразу было видно, не в обиду будет сказано. Простой деревенщина. И даже занятие себе подобрал под стать — стучать молотком.

— Все Фламбары занимались кузнечным делом! — бросилась Эмер на защиту бывшего мужа.

— Они занимались делами кузниц, но сами не пачкали руки грязной работой. Сэр Годрик был первым, кто опустился до занятия простолюдинов. Я сразу знал, что он вам не пара. Вы достойны большего.

— Ах, что значит — большего? — вздохнула она.

— Хотите прогуляться? — предложил герцог. — Я был бы рад в вашей компании полюбоваться на королевский сад.

Эмер не тянуло к любованию, но отказать герцогу она не посмела.

— Разве вы, милорд, шли не к Ее Величеству?

— Не по важному делу, так что вполне могу уделить время приятной прогулке с красивой леди.

Вскоре они прогуливались среди жимолости и каштанов, и придворные, попадавшие навстречу, спешили свернуть на боковые дорожки.

— Сэр Годрик ничуть не подходил вам, — снова заговорил лорд Бритмар. — Это сразу было видно. Форма всегда соответствует содержанию. Так учил Хорсофот...

— Да, припоминаю, вы однажды говорили о нем, — отозвалась Эмер с некоторой досадой. — Древний философ, который так поразил вас своим учением о четырех стихиях, образующих людей.

— У вас прекрасная память, графиня. Так вот, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что учение Хорсофота правильно. Посмотрите на епископа Ларгеля — сразу понятно, что он дикий человек. И душа у него дикая. Звериная.

— Это правда, — пробормотала Эмер, вспоминая встречи с епископом.

— Лорд Саби обладает уродливой внешностью, и такие же вершит дела, — понизил голос лорд Бритмар.

Здесь он тоже был прав, и девушка только кивнула, что согласна.

— Вот и Годрик оказался вилланом. Он и выглядел, как виллан, и вел себя так же. Никакой светский лоск не смог перебить его тягу к земле, к простому труду. Вилланы рождены, чтобы работать. Рыцари — чтобы защищать. А сэру Годрику его кузня всегда была милее, чем ристалище и благородные рыцарские игры. Он даже не королевском турнире не пожелал порадовать нас зрелищным боем.

Не думаю, что это учение можно считать подходящим ко всем, — не сдержалась Эмер. — Есть и исключения. Вы — яркий тому пример.

— Намекаете, что в уродливом теле живет неплохая душа? — сказал герцог добродушно. — Но и моя внешность соответствует содержанию — человеческая голова на уродливом теле. Как раз для брата короля, который всегда остается в тени и не имеет ни власти, ни полномочий, ни свободы в поступках.

— Сочувствую вам, Ваше Высочество, — прошептала Эмер, опуская глаза и испытывая непонятный стыд за то, что сама была здорова, крепка и высока, как маяк.

— Я даже не могу сам избрать себе спутницу жизни, — продолжал лорд Бритмар, — старший брат должен дать разрешение на брак.

— Его Величество прислушается к вашим желаниям, я уверена, — горячо заверила его

Эмер. — Он не станет женить вас против воли.

— Да, брат достаточно добр, чтобы не навязать жену, которая будет неприятна моему сердцу. Но если мне понравится некая дама, то буду ли я приятен ей?

— Кто же может найти неприятным брата короля? — спросила Эмер, рассмеявшись, но тут же оборвала смех и извинилась.

— Смейтесь, смейтесь, — мягко упрекнул ее лорд Бритмар. — Мне нравится ваш смех. В нем есть что-то, что заставляет испытывать радость, словно согреваешься у огня морозной ночью.

— Едва ли королевский замок можно сравнить с морозной ночью.

— Но он именно такой, — заверил герцог. — Вы очень выделяетесь среди придворных. И я ловлю себя на мысли, что с некоторых пор мне хочется говорить лишь с вами.

— Плохая идея, — вздохнула Эмер, — собеседник из меня не очень. Годрик всегда очень тактично просил меня заткнуться, когда я открывала рот при его людях...

— Этот мужлан говорил вам такое?! — возмутился герцог.

Эмер поспешила исправиться:

— О! Нет, не такими словами, прошу прощения. Нет, Годрик умел унижать вежливо.

Она замолчала, вспомнив мужа, но лорд Бритмар не дал ей погрузиться в воспоминания.

— Вернемся к прежнему разговору. Вы находите меня приятным только потому, что я — брат Его Величества?

Они остановились возле розового куста, на котором уже виднелись первые бутоны — еще сомкнутые плотно, только-только показавшие нежную розовую полуулыбку среди зеленых чашелистиков.

— Нет! Не поймите меня превратно! — Эмер искренне не хотела обидеть этого человека, который принял столь живое участие в ее судьбе. — Вы приятны и без титула. Я редко встречала людей, которые очаровательны в общении, как вы, Ваше Высочество. И я восхищаюсь вашим мужеством, с которым вы переносите физические изъятия... Простите, если говорю о недозволенном, но я говорю то, что думаю.

— И это — залог вашего очарования, — лорд Бритмар указал на розовый куст. — Посмотрите на эти бутоны. Они маленькие, неказистые, но в каждом скрывается прекрасный и ароматный цветок. Дайте ему только время распуснуться.

— Я люблю розы, — сказала Эмер, думая о прощальном подарке Годрика. Теперь металлическая роза лежала в шкатулке, запертая на ключ, и хозяйка не могла заставить себя посмотреть на нее, не то что примерить.

— Я тоже, — герцог улыбнулся ей. — Самые прекрасные и совершенные цветы. Вы похожи на розу, рыжая графиня. Так же прекрасны и опасны. Видите? Я хотел сорвать цветок и уколол палец до крови...

— Вы и правда поранились! — Эмер лихорадочно рылась в сумочке, отыскивая платок, которого просто не было. Она запоздало вспомнила об этом и притопнула в досаде. — Сейчас позову кого-нибудь...

— Успокойтесь, — засмеялся лорд Бритмар. — Вы переполошились, будто я ранен в сердце и истекаю кровью.

— Упаси яркое пламя!

— Хотя, и в самом деле сердце мое кровоточит. Иносказательно, не пугайтесь. С тех пор, как вы приехали ко двору...

Эмер почувствовала, как в груди заохлодело. Когда-то ей уже приходилось слышать такие речи издали, и тогда она по собственной глупости приняла их за дружескую болтовню. И теперь девушка всей душой взмолилась о чуде — лишь бы герцог не произнес тех слов, что навсегда разделят их, как разделили с Тилвином.

В этот раз яркое пламя проявило милосердие, и дама Бертрис, приближенная королевы, появилась на дорожке, высокомерно задрал нос.

— Госпожа графиня, — произнесла она чопорно, — какой-то мужчина ждет вас во внутреннем дворе. Говорит, что желает видеть вас по важному делу. Он там так долго, что даже королева обратила внимание. Постарайтесь побыстрее избавиться от него, ему тут не место.

— Конечно, леди Бертрис! Сию минуту, леди Бертрис! Прошу меня простить милорд, — Эмер поклонилась герцогу и побежала по направлению к замковым воротам, а сердце зазвенело, как самая тонкая струна лютни.

Не муж ли ждет ее там? Нет, королева бы узнала Годрика. И вряд ли позволила бы Эмер встретиться с ним. Но что если там посыльный с письмом? Или Годрик переоделся, чтобы не узнали? Она как птица пролетела замковые лабиринты, в мгновение ока спустилась по черной лестнице и выбежала во внутренний двор.

Там стоял мужчина — приземистый, с круглым лицом и короткими каштановыми волосами, торчащими в разные стороны. Эмер так надеялась увидеть Годрика, что не сразу узнала в посетителе оруженосца Сиббу.

Он заметил ее и смущенно и радостно поклонился, и подошел, стягивая шапку и комкая ее в руках.

— Что у тебя за важное дело? — спросила Эмер без обиняков.

— Никакого. Хотел увидеть вас, миледи. Вы уехали из Дарема так быстро, даже с леди Фледой не попрощались. Хотел убедиться, что с вами все хорошо.

Эмер остановилась, глядя на него с опаской, гадая, какую тайную цель преследовал оруженосец, появившись здесь.

— Вот, убедился, — сказала она. — Дальше что?

— Ничего, простите, — Сибба поклонился и нахлобучил шапку, собираясь уйти.

— Постой, — окликнула его Эмер. — С кем ты здесь? Или приехал один?

— Нет, не один. С сэром Тюддой, — ответил оруженосец. — Он тоже искал вашу милость. Но ему надо пришлось уйти, чтобы проследить за разгрузкой оружейных обозов. Он сейчас в королевской оружейной, вы найдете его там.

— Обойдусь как-нибудь, — проворчала Эмер. — А почему приехал сэр Тюдда? Ведь оружейные кузницы отданы под руку леди Фледы. Это она должна была прибыть в столицу.

— Ваша правда, но после того что случилось, старшая миледи занемогла. Она совсем не выходит. Говорят, очень больна. Всем теперь заправляет младшая миледи.

— Острюд? — мгновенно насторожилась Эмер.

— Да, леди Острюд. Она следит за кузницами и за работой в замке. А сэр Тюдда ей помогает.

Тревожная струнка тенькнула в душе, но спросила Эмер совсем о другом:

— А... о Годрике ничего не слышно?

Сибба расплылся в улыбке, было видно, что он ждал этого вопроса.

— Слышно, ваша милость. Я только недавно от него.

— От него? И где он?..

— Обосновался в Синегорье, в деревне Заячьи Следы, если вашей милости это о чем-то говорит.

— Нет, не говорит, — покачала головой Эмер. — Но зачем ты туда ездил?

— Я же его оруженосец. Я должен быть там, где хозяин. Но он прогнал меня. Сказал, что простолюдинам не нужны слуги.

— Как был спесивым сопляком, так и остался, — произнесла сквозь зубы Эмер. — Я бы с удовольствием взгрела его при встрече. Как он? — спросила она, и голос дрогнул. — Затворился от людей? Сильно ли переживает унижение?

— Переживает? — Сибба хохотнул. — Что вы, миледи. Неужели совсем не знаете моего господина? Он и дня не сидит, сложа руки. Задумал делать в деревне кузницу, и орудует топором и пилой, как заправский плотник.

— Ты говоришь правду?

— Зачем же мне лгать? Уныние — грех перед лицом яркого пламени. Мой хозяин никогда не предастся унынию.

— Ты все еще считаешь его хозяином?

— Но вы ведь тоже считаете его мужем? Несмотря ни на что?

Эмер замолчала, застигнутая врасплох.

— Единственное, что ему досаждало, это... — Сибба замялся.

— Что же? — живо переспросила Эмер.

— Тараканы. Он их с детства боится.

Эмер почувствовала, как лицо заливают краска, и даже уши запыхали.

— Не смущайтесь. Я ведь сразу узнал вас, миледи, — сказал Сибба. — Тот парень с синяком, которого чуть не прибили грабители.

— Ты не сказал ничего Годрику? — Эмер покраснела так отчаянно, что даже слезы выступили на глазах.

— Молчал, как рыба, — Сибба ухмыльнулся. — А хозяин ни о чем не догадывается. Он о многом не догадывается, мой хозяин. Вот бы вы просветили его...

— Ты о чем?

— Просто так, к слову пришлось, — оруженосец поклонился, — мне пора, миледи, я и так прождал вас слишком долго. Что-то передать сэру Тюдде?

— Ничего, — ответила Эмер.

«Вы ведь тоже считаете его своим мужем. Несмотря ни на что», — слова, сказанные оруженосцем, явили мозг, как раскаленный стальной прут.

Считает ли она так на самом деле? Или прав был лорд Бритмар, говоря, что если бы она была убеждена, что Годрика оболгали, то ушла бы вместе с ним. «Душа мудрее, она сразу распознала правду», — сказал он. Но правду ли?

Эмер нырнула головой под подушку, чувствуя, что голова раскалывается на части. К чему столько переживаний, столько мыслей и столько загадок? Разве об этом она мечтала? Разве этого просила у небес? Ей всего-навсего хотелось сильного и красивого мужа, охоты, турниров, бешеных скачек взапуски.

Почему же так сложно разобраться в себе? Почему же она позволила Годрику уйти? Лорд Бритмар увел ее. Или она сама позволила увести себя? Нашла предлог, чтобы сбежать, скрыться, переживая позорный брак? Почему же тогда жгут слова оруженосца, сказанные у ворот замка? Почему они так больно задели? Неужели оттого, что она и вправду считает

Годрика мужем?

А может, всему виной обида? Что Годрик опять не пожелал сражаться за нее? Отказался, совсем как когда Тилвин вызвал ее на поединок. Поступил, как трус и слабак! Или в этом его поступке скрывалось что-то иное?

Эмер рывком села на кровати, уставившись на свечу.

Или это, действительно, произошло с его согласия, чтобы заставить её развестись и уехать? Поэтому он был ласков в последний вечер? Усыплял бдительность? Нет-нет! Эмер яростно замотала головой, словно хотела, чтобы она оторвалась. Годрик не мог так поступить. Это было бы совсем невероятным. Он, как и она, делал гадости, но не подлости.

Годрик всегда старался защитить ее. Неуклюже, как и все, что делал этот медведь, но старался. А в последнюю их ночь даже сказал, что сейчас все будет решать она сама. Может, поэтому он и ушел, не требуя полноценного расследования? Чтобы предоставить ей право выбрать самой?

От таких мыслей Эмер со стоном упала поперек постели и закрыла глаза.

«Айфа, как же мне нужен твой совет!» — молила она. Но Айфы не было в Тансталле, а отправлять голубя, вопрошая о подобном Эмер не осмелилась.

Перед сном она отправилась прогуляться в сад, и бесцельно слонялась по полянам, швыряя камни в пруд и распугивая лебедей. Она не пошла даже ужинать, когда кто-то из королевских девиц прибежал за ней с приглашением от леди Бертрис.

Снова и снова она возвращалась мыслями к пророчеству зеркала, что ей довелось увидеть перед свадьбой. Сначала любовь, потом смерть. Теперь она понимала, что то, что приняла за любовь, было кое-чем иным. Это не в любовном порыве склонялась она перед спящим мужем. Она пыталась разбудить его, чтобы предупредить об опасности, когда в его спальню подкинули ядовитую змею. Но хоть предсказание и было понято превратно, оно сбылось. Значит ли, что смерть уже близко? И что будет, если она, Эмер, окажется в тронном зале? В пурпурном платье?

Девушка мысленно перебрала все платья из собственного гардероба, но пурпурного не припомнила. Это немного успокаивало и давало отсрочку. Но что будет дальше? Завтра? Послезавтра?

Перед самой вечерней молитвой ей принесли письмо от матери. Леди Дерборгиль выражала сочувствие, негодовала по поводу ошибки королевы, устроившей свадьбу благородной девицы с вилланом, и требовала, чтобы Эмер как можно скорее подыскала себе нового мужа. Были еще стенания по поводу отказа от Ишема, и упреки, и даже мольбы, но их Эмер прочитала уже вскользь, не придавая значения.

— Надо уехать, — услышала Эмер женский голос, показавшийся ей знакомым.

Говорившую она не видела — та шла по соседней дорожке, скрытая ветвистыми деревьями и кустами.

— Надо уехать, и как можно скорее.

— Ты думаешь, это правильно, Аудовера?

— Это единственно правильный выход.

— Ах, как бы мне хотелось быть столь уверенной...

Эмер бросилась напролом через кусты и порядком испугала двух девиц из королевской свиты, прогуливавшихся под ручку. При ее появлении они взвизгнули и бросились бежать, но остановились, узнав графиню Поэль. Одна из девиц — белобрысая и розовокожая, как поросенок, подошла в Эмер, радушно улыбаясь.

— Здравствуй, — сказала белобрытая, пожимая ей руку. — Как я рада, что тебя встретила. Посмотри, какой я стала! — и она покрутилась перед Эмер, приглашая ее полюбоваться собой.

Девушка была тощенькая, не особенно высокая, да и не слишком красивая, чтобы на нее любоваться. Поэтому Эмер посмотрела на белобрытую, как на умалишенную, и промолчала. Та не дождалась восторгов, но не опечалилась, а захихикала:

— Ты совсем-совсем не узнаешь меня? Я очень изменилась, верно? А все благодаря твоему совету.

И тут Эмер вспомнила: Аудовера, гномица с севера, которой она сказала каждое утро взбираться на лестницу возле водопада. Только гномица была уже не гномицей, а вполне приличной ростом девушкой. И даже унылость исчезла с физиономии, а румянец был во всю щеку.

— Я каждый день поднималась по ступеням и спускалась, и это вправду помогло! — Аудовера обняла Эмер, прижавшись щекой к ее плечу. — Мы впятером ходим туда, хотим стать такими же сильными, как ты. Мы слышали про турнир в Дареме! Это так прекрасно!

Немного поболтав с Аудоверой и ее подругой, Эмер постаралась быть милой и предупредительной, но в голове, как колокольный звон, билось: надо уехать, немедленно уехать.

Когда девушки убежали к вечерней молитве, Эмер не пошла с ними в церковь, отговорившись головной болью. Окольными путями, чтобы не столкнуться ни с королевой, ни с братом короля, она пробралась в отведенную ей комнату. Ее Величество позаботилась, чтобы графиню никто не беспокоил, и отвела ей отдельные покои — маленькие, с одним крохотным окном, но отдельные. Это был такой же знак отличия, как золотая сковорода на шею.

Уехать. Немедленно уехать. Не это ли знак с небес? Эмер металась по комнате, запихивая в дорожную сумку ненужные мелочи и тут же снова выбрасывая их. Зачем шкатулку для благовоний? А вот черепаховый гребень будет очень кстати. И брошь-роза — подарок Годрика. Она пересчитала золотые монеты, которые хранились в ее денежной шкатулке, и осталась недовольна. Мало. Кто знает, сколько ей понадобится денег в дороге? До этого Эмер никогда не путешествовала одна, и понятия не имела, сколько стоят гостиницы, пропитание и прочие прелести неблагородной жизни. Можно дожидаться каравана с приданым, но ждать — это было не в характере графини Поэль, и не в характере девушки Роренброк. И даже не в характере леди Фламбар.

Разбрызгивая чернила, Эмер написала письмо Ее Величеству. Каким бы быстрым ни был отъезд, следовало хотя бы поблагодарить королеву за доброту и хоть немного объяснить.

«Ваше Величество! — писала Эмер, презрев положенные по этикету титулы, заверения в преданности и прочее. — Благодарю за проявленную о моей ничтожной персоне заботу. Но я должна быть со своим мужем, поэтому уезжаю к нему, а там — будь что будет. Не приемлю Вашего решения о признании моего брака недействительным. Я говорила об этом раньше, говорю и теперь. Вы вольны лишить меня своих милостей, но я поступаю, как велит мне долг и сердце».

Даже не перечитав послание, Эмер положила его на подушку и задернула полог, чтобы служанки не сразу нашли письмо.

— Вот и закончилась история, — сказала она вполголоса, оглядывая комнату. — Только

вы и видели Эмер из Роренброка.

Глава 28 (начало)

В Синегорье не было синих гор. Там были одни леса. И деревушка Заячьи Хвосты находилась где-то на земляничных полянках — то есть очень, очень далеко. Эмер посчастливилось прибиться к какому-то виллану, который ехал шестью повозками, с сыновьями, их женами и детьми. Он даже нанял охранника — сурового детину в кожаной куртке, обшитой кольчужными обрывками. У него было копьё с заржавленным наконечником и палка с шишаком, из которого торчали заточенные гвозди.

Виллан не хотел брать Эмер, но после задатка из пяти золотых и платы в восемь золотых победила жадность. Девушке удалось даже подремать в повозке, на мешках с шерстью, пока ее гнедой шел в поводу и без седла. Охранник поглядывал в ее сторону, но заговорить не решался. Наверняка думал, что она какая-нибудь падшая беглянка, рванувшая к любовнику вопреки запретам мужа или отца. Но Эмер было все равно, что о ней подумают.

К утру четвертого дня она добралась-таки до Заячьих Хвостов. В деревне стояло всего пять домов, три из них — покосившиеся лачуги. Эмер пришла в ужас от мысли, что одна из лачуг может быть жилищем Годрика.

Виллан направлялся дальше поэтому Эмер заплатила ему оставшиеся три монеты, взнуздала коня и поехала в сторону пятерых парней-вилланов, которые расположились в тени и как раз приготовились откусать вареными яйцами, сыром и черным хлебом.

— Эй! Где здесь дом Бодеруны? — окликнула их Эмер. Он говорила повелительно, как и полагается благородной даме в разговоре с простолюдинами, но на парней ее тон не подействовал.

Они и не подумали вскочить и поклониться, а принялись разглядывать ее, ничуть не стесняясь. Эмер покраснела от злости и нервно дернула поводья, отчего конь заплясал на месте.

Наконец, один из вилланов поднялся, но вовсе не для поклона, и не для того, чтобы указать дорогу.

— Какая чистенькая! — восхитился он и протянул руку к красному кожаному сапожку, который виднелся из-под дорожной юбки.

— Убери руки, грязь дорожная, — отчеканила Эмер, — если не хочешь отведать плетки. Повторяю: где дом Бодеруны? Я ищу ее сына. Он по виду благородный, и его зовут Годрик.

— А мы тут все благородные по виду, — ответил виллан, оглядываясь на приятелей, и те с удовольствием захохотали, поддерживая шутку.

Эмер выхватила плеть и без промедления хлестнула дерзкого поперек спины. Удар оказался столь сильным, что виллан упал на колени. На рубашке выступила кровь, но это заставило остальных мигом перемениться.

— Еще кто-то хочет выглядеть столь же благородно? — спросила девушка, поигрывая плетью. — Могу и по благородной роже врезать, чтобы нос надвое развалило.

Подобного никто из вилланов не пожелал.

— Вон тот дом, леди, самый крайний, где два клёна у ворот, — поспешил сказать один из них, указывая на окраину деревни.

— Благодарю. А ты дай дорогу! — велела Эмер, направляя коня на виллана, стоявшего на коленях.

Тот поспешил убраться, опасаясь копыт коня и нового удара.

Простолюдины долго смотрели вслед, пока прекрасная и нарядная леди на коне, умеющая мастерски ругаться и бить плетью, не остановилась возле дома с клёнами.

Эмер не заметила их взглядов, думая о другом, и направила коня прямо во двор. Как Годрик встретит ее? Прогонит, как Сиббу? Или обрадуется ее появлению?

— Есть кто-нибудь? — позвала она, робея.

Дверь открылась, и на пороге появился Годрик. Её Годрик, надменный и язвительный сопляк, которому она не раз разбивала нос. Совершенно такой же, как в ее памяти — и совсем не такой. Сейчас он был одет не в шёлк и бархат, а в простую одежду из шерсти — полинялую котту, когда-то бывшую синей, и мешковатые штаны, в которых казался сущим медведем. Он загорел, и теперь от благородной бледности не осталось и следа, а щеголеватая борода отросла и была неровно подрезана.

Он увидел всадницу на коне, и глаза его широко распахнулись, а сам он замер, дверь захлопнулась, глухо стукнув.

И Эмер вмиг позабыла о неуверенности и сомнениях

— Годрик! — заорала она так громко, что конь шарахнулся. — Я тебе шею сверну!

Она соскочила на землю, забыв одернуть платье, и налетела на мужа. Удары градом посыпались на несчастного, и он даже не пытался сопротивляться — просто закрывался локтем, ошарашенный столь радушной встречей.

— Я тебя прибью, мужлан! Медведь! Чурбан ты неотесанный!

Наконец он опомнился и перехватил ее руки за запястья, притиснув Эмер к себе. Ему приходилось непросто, потому что она, лишенная возможности ударить кулаком, пыталась боднуть его головой в лицо и изо всей силы давила каблуком на ногу.

— Да успокойся ты, дикая! — прикрикнул он. — Или опять захотела пороссячьих пирожков?

Эмер тут же прекратила сопротивляться, но зато излила на его голову из уст своих такие ругательства, каких не слышали от начала времен.

Годрик слушал ее с изумлением, и так же разглядывал, а когда она пожелала ему сдохнуть в свинарнике, поцеловал.

Прижавшись к его губам, Эмер закрыла глаза и поняла, что именно этого и желала, и именно к этому стремилась все дни, проведенные в разлуке. И поняла, что не ошиблась, приняв это решение, потому что на сердце стало легко и спокойно, как будто она приехала домой после долгого путешествия.

Она уже не нападала на него, и Годрик отпустил ее и обнял за талию.

Целовались они долго и самозабвенно, а когда разомкнули губы, Эмер не позволила Годрику отдалиться — схватила за уши, заставляя наклониться, и прижалась лбом ко лбу.

— Дурак проклятый, — прошептала она, — спрятался в такую даль...

— Ты приехала! Зачем? — он тоже держал ее в объятиях, и размыкать руки не собирался.

— Сибба сказал, тебя беспокоят тараканы, я привезла средство от них... Там, в седельной сумке...

— Какие тараканы?

— Ты же их боишься, вот я и...

— Тараканов? Я? Кто из нас сошел с ума, Эмер из Роренброка?

— О! Не будем об этом... — она шумно вздохнула и попыталась отстраниться, но он не

пустил.

— Так почему ты приехала? Ведь дело не в тараканах.

Она посмотрела прямо и смело:

— Еще спрашиваешь? Как я могу оставить тебя? Это все равно, что вырвать сердце.

Он снова поцеловал ее, не давая говорить дальше.

— Ты поступаешь опрометчиво. Королева будет недовольна.

— Мне плевать на королеву, — отрезала Эмер. — Мне плевать на короля и всех, кто скажет, что мы с тобой не пара. Хочу быть только с тобой, и никто меня от тебя не оторвет. А если попытаешься прогнать, я вцеплюсь тебе в ляжку, как собака, у которой отнимают кость.

Годрик засмеялся. Впервые с тех пор, как узнал правду о своем рождении.

— Сравнила меня с костью... — сказал он. — Ты всегда была сумасбродкой, графиня Поэль. Ну подумай: какая жизнь тебя ждет? Теперь я — простой деревенский кузнец, у которого нет даже кузницы. Я только начал её строить.

— Я помогу, — с готовностью подхватила Эмер.

— Чем? Ты — избалованная девица, всегда жившая в богатстве. Разве ты сможешь жить в деревне вилланов? Здесь даже в матрасах солома, а не гусиный пух.

— Я смогу жить везде, где сможешь жить ты, — заверила она. — И я тоже хочу строить кузницу, и работать в ней. Не пустишь ковать — стану раздувать мехи. Прогонишь от мехов — буду рубить дрова и жечь уголь. Да буду стряпать для тебя, наконец!

Тут уже он расхохотался от души.

— А ты умеешь стряпать, графиня Поэль? Тут нет поваров, которых можно побить, чтобы готовили вкуснее. Едой занимается моя мать. И наша еда лишена изысков. Сможешь ли ты есть бобовую похлебку и черный хлеб?

— Если ты будешь рядом, я смогу все, что угодно! — заверила она его.

— Безумная, — сказал он, но улыбался при этом.

— Просто влюбленная, — ответила Эмер.

Втайне она ждала, что и он сейчас признается в любви. Ведь случай был — достойный баллад и сказок. Но Годрик промолчал, накручивая на палец непослушный рыжий локон, выбившийся из-под золотой сетки.

Эмер надоела ждать, и она пошла в наступление:

— Разве ты не должен что-то сказать в ответ? Например: жена, я тоже люблю тебя безумно, благодарю, что осветила своим появлением мою серую жизнь...

Он припал к ее устам, так стремительно, будто испытывал жажду, проблуждав в пустыне, и вдруг набрел на живительный ручеек. Эмер ответила на поцелуй со всей пылкостью, на которую была способна.

— Я дам тебе время одуматься, — казал он, когда они оторвались друг от друга. — Убедись, что такая жизнь — не для тебя, и возвращайся с чистым сердцем. Я не обвиняю тебя ни в чем, и не требую, чтобы ради меня ты отказалась от привычной жизни.

— Ты опять отказываешь мне?! — Эмер сразу поняла, к чему он клонит. — Годрик, сто собак тебе под мышку! Разве я не доказала, что мне нужен только ты? Я сбежала из столицы, отказалась вернуться к матери, отказала... всем отказала, кто предлагал помощь, а ты теперь будешь играть в благородство и говорить, что дашь мне время одуматься?

Но пылкая речь не произвела впечатления.

— Успокойся, — сказал он ей почти прежним тоном, как когда распекал за

разлохмаченные волосы, — ты живешь сердцем и действуешь сгоряча. Я не дам тебе погубить свою жизнь из-за горячей крови. Живи здесь, посмотри, каково приходится простым людям, а потом реши — чего же ты хочешь на самом деле. Быть графиней Поэль или женой кузнеца из Заячьих Хвостов.

Но и его речи не были услышаны. Эмер оглянулась, а потом заговорила, прихватив Годрика за котту на груди:

— Послушай, вон там я вижу отличный сарай. Там наверняка полно сена. Почему бы нам с тобой не пойти туда... на часок? И там я покажу, чего хочу, а ты сможешь выполнить слово, которое дал мне в последнюю ночь в Дареме.

— Не совершай безумств, — остановил ее Годрик. — Пойдем лучше в дом. Я представлю тебя матери и отцу. И решим, где тебя устроить. Тут не Дарем. И неожиданный гость всегда как разбойник.

— Нет нужды ее представлять, — сказала вдруг Бодеруна, появляясь на пороге. Она несла закопченный котелок с остатками еды, поставив его на бедро. — Мы с отцом уже полчаса слушаем, как воркует эта глупая леди.

Она прошла мимо, делая вид, что Эмер не существует, и села у колодца, зачерпнув пригоршню песка.

— У матери тяжелый характер, — сказал Годрик.

— Я поговорю с ней, — Эмер легко ткнула его локтем в живот, — а ты пока позаботься о моем коне.

— Не слишком разумно... — начал Годрик, но Эмер подмигнула ему и указала через плечо на гнедого, показывая, чему надо уделить внимание.

Она подошла к Бодеруне, которая принялась тереть котел песком, и заговорила как можно мягче:

— Вы сердитесь, что я приехала? Но я не стесню вас, матушка. Я сильная и многое умею, я не буду в тягость.

— Слова красивые, а дела не будет. Ехала бы ты домой, к теплой постельке и сладкому винцу.

От Эмер не укрылось, что вилланка перешла с ней на «ты», но приняла это добрым знаком — значит, Бодеруна видит в ней равную, а не благородную леди, которой вздумалось примчаться на край света, наслушавшись баллад о любви.

— Не для того я приехала, чтобы уезжать, — сказала она. — Если вы волнуетесь, что мне будет трудно, то не надо. Это даже забавно — поселиться возле леса, удаленно от городов... Мне обязательно понравится.

— Подобные тебе маются от безделья. Вы заелись, вам все пресно и не в радость. Тебе забава, а моему сыну может сломать жизнь.

— Вы меня совсем не знаете.

— Я тебя знаю, — сказала Бодеруна неодобрительно, шоркая котелок с таким раздражением и злобой, словно задавала взбучку госте. — Вернее, узнала, когда ты толкала меня при королеве.

— Да, я толкнула вас, матушка, — ответила Эмер. — Но не будем ворошить прошлое. Я пришла к своему мужу, и теперь нам надо научиться общаться мирно ради него.

— К мужу? — Бодеруна повернулась к ней, подбоченясь. — Да известно ли тебе, кто такой муж? Если бы считала себя его женой, то не оставила бы там, перед королевой и всеми этими лордами, что начали оскорблять моего сына... Возвращайся с миром, леди.

Здесь ты никому не нужна.

— Я нужна вашему сыну, — сказала Эмер, еле сдерживая гнев. Как же ей не нравилась эта женщина, которая несколькими словами разбила ее счастье, и счастье собственного ребенка. Если поверить, что он и в самом деле ей сын.

— Ему нужна хорошая, верная, работающая девушка, — отрезала Бодеруна. — А твои руки не умеют другой работы, кроме как вышивать и указывать слугам.

— С тех пор, как вы обрели сына, не прошло и месяца, а уже решаете, что для него лучше, а что нет?

Бодеруна бросила котел и подошла к Эмер вплотную, прищуривая глаза.

— Кто дал тебе право упрекать меня? Я — его мать, он — мой сын. А кто ты такая?

— Почему бы не спросить, чего хочет он — сын, о счастье которого вы так волнуетесь? Так волнуетесь, что публично опозорили его, заставив променять жизнь, к которой он привык, на прозябание в этой лачуге!

— Что?! — Бодеруна ахнула, схватившись за сердце. — И ты смеешь говорить это матери?!

Женщины смотрели друг на друга с откровенной ненавистью, но в это время между ними встал коренастый мужчина с бровями косматыми и черными, и такой же бородой.

— Что вы затеяли? — спросил он сурово. — Не устраивайте свару у порога. Ты, жена, — он повернулся к Бодеруне, — не притесняй леди. А вы, леди, возвращайтесь домой. Вам здесь не место.

— И вы туда же, — Эмер упрямо сжала кулаки. — Годрик не против, чтобы я осталась, и я не отступлюсь, хоть всем миром кричите, что мы не пара.

— Если он не против, то оставайтесь, — сказал бородач, — а по мне — так неразумно.

Бородач вместе с Бодеруной вернулись в дом, не пригласив Эмер, а она не осмелилась зайти следом и ждала Годрика, пока тот расседлывал и чистил ее коня.

— Поговорила? — спросил он, выходя во двор.

— Я ей не нравлюсь.

— Ей никто не нравится, так что не дуйся, — он ущипнул ее за подбородок. — Ну что, графиня Поэль? Через сколько дней вы покинете меня? Ставлю на пять!

— Эй! Подобного оскорбления я не потерплю! — возмутилась Эмер. — Роренброки побеждают трудности, а не бегут от них. И ты — дурак, если считаешь иначе!

— Это я не потерплю, чтобы женщина разговаривала со мной таким тоном, — засмеялся Годрик. — Здесь вам не королевский дворец. Здесь слишком говорливых жен порют вожжами.

— То-то я смотрю, твоя мать все время ходит поротая, — фыркнула Эмер.

— Ах ты, язва! — Годрик поднял руку, как будто хотел ударить.

— Ты драться?! Хочешь драться? — Эмер запрыгала вокруг, притворяясь, что принаравливается ударить его в скулу.

Годрик сгреб ее в охапку и взъерошил волосы, совсем растрепав рыжие кудри.

— Понимаю, что это ненадолго, — сказал он, — но я рад твоему появлению. Ты голодна, наверное? Пойдем, остались хлеб и вареные яйца, подкрепишься с дороги.

Они поднялись по щелястому крыльцу, держась за руки, и Эмер подумала, что не была счастливее даже в их последний вечер в Дареме.

Глава 28 (окончание)

Вопреки предсказаниям Годрика, Эмер не уехала ни на пятый день, ни на десятый. Более того, она настояла, чтобы золотые, которые она привезла, были потрачены на постройку кузницы, ведь расходы предстояли немалые. Нужно было купить камни и дерево на постройку, и получить разрешение на добычу руды. Продали и жеребца, и дорогую сбрую, и на вырученные деньги купили повозку для угля и тяжеловоза.

Но все это не прибавило доброго к ней отношения Бодеруны. Она терпеть не могла невестку, и бранилась с ней при любом удобном случае. Стоило Эмер не так расставить нехитрую кухонную утварь, принести из колодца воды с песком, порезаться, готовя обед, как Бодеруна раздражалась упреками, мольбами к небесам послать ей в помощницы дом умелицу, а не криворукую избалованную леди, и донимала Годрика, вопрошая, когда он удалит из ее дома приبلудную женщину.

Отец Годрика — Хуфрин, был гораздо спокойнее, и после того первого разговора не досаждал Эмер советами вернуться к привычной жизни. Он же приструнивал Бодеруну, когда она слишком расходилась. При мужчинах Эмер с трудом сдерживалась, чтобы не нагрубить в ответ вздорной вилланке, а наедине нет-нет, да и отвечала колкостями. Мира между ними не было, и вскоре Годрик предложил Эмер не оставаться дома, пока он занят кузницей, а уходить с ним. Эмер согласилась с радостью. Работа на свежем воздухе была приятнее, чем возня в темной кухне, возле дымного очага. И хотя Годрик всячески уберегал ее от тяжелой работы, она настояла, что может трудиться ничуть не меньше, чем он.

Она равила повозкой с отменным мастерством и сама грузила мешки, покупая уголь у углежогов. Она даже научилась торговаться и неудержимо хвасталась, когда удавалось сбересть пару медяков, а то и серебряную монету.

Не пришло и трех недель, как Годрик выковал первый гвоздь, покропил его святой водой и торжественно вбил в центральный столб, в знак того, что кузня начала работу.

Хотя, работали они и до этого. Даже из соседних деревень приходили вилланы, а случалось, что и рыцари, чтобы подковать коня, выправить погнувшееся колесо, прикупить замок с ключом или десяток гвоздей. Годрик хотел взять помощника, чтобы раздувал мехи, но Эмер воспротивилась так яро, что переубедить ее не было возможности.

Дни напролет проводила в кузне — красная, с блестящим от пота носом, в домотканом сером платье, которое было ей коротко. Теперь она походила на настоящую вилланку, и даже волосы повязывала платком, как они.

Примеряла она руку и к молоту, хотя Годрик этому противился. Но все чаще он показывал и рассказывал Эмер о свойствах металла, учил направлять удар и поворачивать клещи, и она слушала жадно, с интересом, задавая тысячу вопросов, чем смешила его и втайне — радовала.

В остальном же он остался верен себе — спали они отдельно, и он пресекал любое поползновение Эмер, когда она, словно бы невзначай, прижималась к нему грудью или клала руку на бедро, желая соблазнить к супружеским отношениям. Эмер обижалась, ругалась и проклинала, но ссоры быстро затухали, когда требовалась работа в кузнице.

Середина лета, которую Эмер всегда любила всем сердцем, прошла мимо них. Некогда было купаться, бродить по лесам в поисках заветных семи цветов для исполнения желаний,

не было даже времени, чтобы поплясать с виллами у священных камней — все занимала работа, а на праздниках они открывали торговую лавку, предлагая товары из металла.

Но Эмер не чувствовала себя обделенной. То, о чем она мечтала — свершилось. Годрик превратился в обыкновенного человека, умеющего и радоваться, и добродушно шутить. Как будто вместе с богатыми одеждами сбросил спесь и внешнюю холодность. И к Эмер он относился предупредительно и нежно, как никогда не относился раньше, и противился, чтобы она тратила на его семью деньги, что привезла, говоря, что они понадобятся ей для отъезда. Разумеется, жена его не слушала. Да и Бодеруна в этом случае очень яростно встала на ее сторону, утверждая, что грех не воспользоваться чистосердечной помощью. Она же свела на рынок коня Эмер, и она же позаботилась, чтобы невестка выдавала монету ежедневно, чтобы покупать свежий хлеб, к которому привык Годрик, и рыбу. Но пришло время, когда денежные запасы иссякли.

— У меня осталось несколько золотых, — сказала однажды Эмер, раздувая меха, — но их лучше приберечь на черный день, пока не встанем на ноги твердо. Заказов у тебя сейчас не очень много. С голоду не умрем, но мало ли, что случается.

— Я и забыл, какая хозяйственная и экономная у меня жена, — засмеялся Годрик. — Перво-наперво купим тебе приличное платье, а то в этом ты похожа на девчонку на выданье, а не на степенную замужнюю даму.

Платье, которое ссудила невестке Бодеруна, и в самом деле было слишком коротко, открывая ноги почти до середины лодыжек, и в новом наряде Эмер выставляла напоказ всем желающим свои красно-черные чулки, что было пристойно только для очень молоденьких девушек.

— Да уж, дама! — фыркнула она, ни на секунду не замедляя работу. — Сейчас я нечто среднее между вилламаном и пугалом.

Годрик бросил молот и подошел к ней, взяв за руку и заставив отпустить меха. Эмер смотрела во все глаза, ожидая продолжения.

— Ты — самая красивая женщина на свете, — сказал Годрик, целуя ее перемазанное сажей лицо. Он был не чище, но Эмер почувствовала себя безумно, глупо счастливой.

— Эй, кузнец! — раздалось снаружи. — Моему коню нужны две подковы, да поживей!

— Вот и платье приехало! — Годрик ласково потрепал Эмер по щеке и поспешил наружу, а она снова занялась мехами, улыбаясь от уха до уха.

Она была так поглощена своей радостью, что не сразу услышала, что снаружи происходит что-то, что ей вовсе не понравилось, и что было непривычным уху.

Хохот в три глотки — вот чего не могло быть возле кузницы. И голоса, выкрикивавшие «виллан» и «медвежий башмак» были очень знакомы. Эмер повисла на ремнях мехов, слушая и не веря ушам, а потом выскочила из кузни, как горошина из лопнувшего стручка.

Перед ней на трех великолепных жеребцах красовались разнаряженные в пух и прах давние знакомцы — сэр Ламорак и сэр Шаттле. Был с ними и третий — такой же молодой, дерзкий и нарядный. А перед ними стоял Годрик, над которым они потешались в свое удовольствие, кто кого превзойдет в остроумных оскорблениях.

— Почему ты примолк, кузнец? — спросил сэр Ламорак, наклоняясь в седле, чтобы взглянуть Годрику в лицо. — Или не слышал? Две монеты за две подковы, если успеешь раньше, чем я прочитаю балладу о медвежьем башмаке!

— Что стоишь? — подначивал сэр Шаттле. — Две монеты — это целое состояние для такого босяка, как ты. Поспеш, пока мы добрые.

И они опять залились жеребьячим хохотом.

— Что здесь происходит? — спросила Эмер гневно, выходя вперед.

Она даже не подумала, что лицо ее покраснелось и перемазано сажей, а нарядом она напоминает нищенку с большой дороги. Ее появление поразило доблестных рыцарей — они замолчали и лишь таращили глаза, не зная, что ответить и как себя повести.

Заговорил Годрик.

— Ты зря вышла, — сказал он. — Благородные господа желают подковать коней, тебе не надо вмешиваться. Иди.

Но Эмер уже невозможно было остановить.

— Благородные господа?! — воскликнула она, и голос ее зазвенел. — Где они — эти благородные господа? — и она заглядывалась, отыскивая тех, про кого говорил Годрик, нарочито не замечая юных рыцарей. — Не вижу никаких благородных господ. Или ты об этих молокососах, что явились поглумиться над чужим несчастьем? — она словно только сейчас увидела сэра Ламорака и сэра Шаттле с сотоварищем.

— Эмер, — сказал Годрик, пытаясь ее уговорить, и беря за локоть, чтобы отправить в кузницу.

— Подожди, сначала я все им выскажу, — она вырвалась и уперла руки в бока, почище Бодеруны. — Может, вы и надо мной посмеетесь? Над графиней Поэль, которая презрела прежнюю беззаботную жизнь, чтобы остаться верной клятве? Так смейтесь! Смейтесь! Надорвите животы, сопляки, которые отреклись от уз дружбы так же быстро, как жабы сбрасывают кожу! Похохочите над верностью, поиздевайтесь над честью, потому что вам не известно, что это такое.

Она перевела дыханье, тяжело дыша.

Рыцари молчали. Похоже, им стало стыдно, потому что сэр Ламорак начал усиленно поправлять стремя, а сэр Шаттле опустил голову, разглядывая седельную луку. Третий благородный господин поспешил отвести коня в сторону.

— Хотите поменять подковы вашим коням — спешьте и подождите молча, — сказала Эмер совсем другим тоном. — А если с подковами все хорошо — уезжайте, по милости яркого пламени. Благородные, — последнее слово она произнесла с презрением. — Потому что оскорбителей графиня Поэль, жена кузнеца из Заячьих Хвостов, отлупит так, что мало не покажется.

Они развернули коней и погнали их вскачь, как будто за ними погоней мчался отряд демонов из преисподней.

Годрик и Эмер смотрели вслед бывшим друзьям. Годрик обнял Эмер за талию, она положила голову ему на плечо.

— Несколькими словами ты обратила в бегство храбрых рыцарей, — сказал Годрик. — Защитила и дом, и мужа. Может, в тебе возродился дух леди Бельфлёр? Мне бы этого не хотелось. Не очень приятно быть женатым на духе собственной прабабке. Есть в этом что-то греховное, не находишь?

— Нахожу, что ты болтун, — сказала Эмер. — Иди и работай. Твоей жене необходимо новое платье, сам сказал. И ответь мне: откуда они узнали, что ты здесь? Не Сибба же проболтался?

— Сплетни при дворе расходятся очень быстро. Думаю, это не последняя встреча с прошлым. Как бы не приехали и другие гости.

Он оказался прав, и спустя дней пять или шесть, когда Эмер выметала сор из кузни, она

остановилась на пороге, как вкопанная, внезапно увидев, кто ждет на великолепном вороном коне во дворе.

Тилвин. Тилвин в красивом парчовом плаще, расшитом золотом, в кожаных сапогах с отворотами. На голове у него была шляпа с вороньими перьями, а меч был в новеньких ножнах с тиснением и золотыми колечками.

— Похоже, это к тебе, — сказал Годрик. Он стоял на пороге кузни, перекатываясь с пятки на носок, и глядел на Тилвина очень уж задумчиво.

— Здравствуй, Эмер! — сказал Тилвин, не обращая внимания на Годрика. — Можно мне поговорить с тобой?

Эмер нервно оглянулась на мужа, но его лицо не выражало ни гнева, ни недовольства — вообще ничего.

— После того, что случилось, я не желаю разговаривать с тобой, — сказала она.

— Ты рассержена на меня, понимаю, — заговорил Тилвин своим обычным мягким и сдержанным тоном. — Но и ты пойми. Я полюбил, я подумал, что небезразличен тебе, потерял голову. За это можно наказать, но не надо ненавидеть. Разве ты не можешь простить одну мою ошибку? В память о дружбе, что была меж нами?

Потупившись, Эмер кусала губы. Она видела от него столько добра. Действительно, неужели один-единственный промах заставит позабыть о том хорошем, что он для нее сделал?

— Годрику ты все прощала, — подлил масла в огонь Тилвин, словно почувствовав ее смятение.

— Хорошо, — она передернула плечами и повернулась к мужу. — Можно с ним поговорить?

— Зачем спрашиваешь разрешения? Хочешь — поговори.

— Я ненадолго...

Он вернулся в кузницу, показывая, что ему безразлично.

Эмер подошла, пряча руки под передник, чтобы Тилвин не увидел, какими израненными и черными стали ее пальцы, и смотрела исподлобья.

— Отойдем в сторону, — предложил Тилвин. — Чтобы нам никто не помешал.

Он спешился и повел жеребца в поводу. Привязал под буковым деревом коня и снял перчатки, задумчиво дергая за каждый палец.

— Откуда тебе известно, что Годрик здесь? — спросила она. — Или ты оказался здесь случайно? Неужели Эстландия — такая маленькая страна, что нас не могут оставить в покое?

— Нет, не случайно. Узнал от сэра Ламорака, он рассказал, что они приезжали сюда проведать старого друга.

— Проведать! — фыркнула Эмер. — Ты тоже приехал... проведать?

— Я приехал к тебе, — сказал он значительно и расстегнул плащ, бросая его поперек седла.

Квезот на Тилвине тоже был богатый, и показался Эмер знакомым.

Она пригляделась внимательнее и возмущенно вскрикнула:

— Это же квезот Годрика!

Тилвин приосанился:

— Да, теперь красивые одежды ему ни к чему. Тебе нравится?

Но Эмер будто его не слышала:

— Как ты мог надеть квестот Годрика?! Снимай, немедленно! — и она даже вцепилась в рукав, принуждая поскорее разоблачиться.

Тилвин растерянно и поспешно расстегнул ремень и снял верхнюю одежду. Эмер забрала квестот, комкая и прижимая к груди, а потом снова ахнула:

— И котта Годрика! Снимай сейчас же!

Только когда Тилвин послушно начал стягивать котту, девушка опомнилась.

— Оставь, — она бросила квестот ему под ноги. — Конечно, все это ему не нужно. Это Отсрюд отдала тебе одежду брата?

— Не брата, — поправил он ее, поднимая квестот, и Эмер поняла, что не ошиблась.

— Маленькая дурочка, — сказала она в сердцах. — Так о чем ты хотел поговорить?

— Почему бы тебе не вернуться со мной?

Эмер снова оглянулась — слышит ли Годрик, но он вернулся в кузницу, словно его и не интересовало, что его жена осталась наедине с человеком, который готов был за нее драться.

— Вернуться куда? — спросила она резко. — К королеве, от которой я убежала?

— Нет, в Дарем.

Эмер вскинула брови.

— В Дарем? Да ты бредишь. В качестве кого я туда вернусь? Теперь я даже не бывшая хозяйка.

— Вернешься моей женой.

Опять он за свое! Притопнув в досаде, Эмер постаралась свести опасный разговор на шутку:

— Я жена кузнеца, где уж мне мечтать стать женой начальника стражи. Прости, я пойду, Годрик ждет...

Но он проворно схватил ее за руку, останавливая.

— Ты вернешься не женой начальника стражи, а хозяйкой Дарема.

— Отпусти-ка меня, прежде всего, — потребовала Эмер, и он послушно разжал пальцы, давая ей свободу. — И объясни, что значат твои слова. Хозяйка Дарема — леди Фледа. Или Острюд, если леди Фледа занемогла.

Она заинтересовалась, и Тилвин улыбнулся, что его речи подействовали.

— В Дареме нет хозяйки, — сказал он. — Зато там есть хозяин. И он сейчас одинок.

Оттянув ворот котты, Тилвин достал из-за пазухи нечто, висящее на золотой цепочке, и Эмер поняла, что это — прежде, чем увидела.

— Печать Фламбаров! Откуда она у тебя?

— Теперь она моя по праву, — сказал Тилвин, любуясь, как играет солнце на отполированных гранях сердоликовой печати. — Теперь Дарем и кузнечные деревни принадлежат мне. Так решила королева.

— Ее Величество отдала тебе Дарем?! — Эмер не верила собственным ушам, но печать в руках Тилвина была вернее всех доказательств. — Ты женился на Острюд?

Он спрятал печать и покачал головой:

— Как я могу жениться на ком-то, кроме тебя? Ты все еще не веришь, что моя любовь к тебе неизменна, как скалы Дувра? Мир рухнет, а они будут стоять.

— А куда подевалась Острюд? — пресекла она его любовные песни. — Ты нравился ей. Даже слишком. Как она смогла отдать тебе Дарем, если не посредством женитьбы?

— Острюд ушла в монастырь.

Если бы с неба спустились вестники, объятые ярким пламенем, Эмер была бы меньше

изумлена.

— В монастырь? Остриюдка? Разве это возможно?

— Что может быть невозможного, когда душу позвали небеса?

— Но только не ее душу... — пробормотала Эмер. — А почему ты не зовешь вернуться Годрика?

— А зачем мне его звать? — холодно спросил Тилвин.

— Но ведь все это принадлежит ему.

— Сыну вилланки?

— Пусть он и сын вилланки, но вы росли, как братья. Ты мог хотя бы поделиться с ним, разве не догадываешься, как он бедствует?

— Он это заслужил, — Тилвин окинул презрительным взглядом кузницу. — Забыла, как он обращался со мной? А с тобой? Он всегда считал меня хутородным. Пусть теперь на собственной шкуре почувствует, каково это.

Эмер замолчала. Ей было не по себе. Что-то подтачивало сердце, что-то холодило, как сквозняк. Слова Тилвина вызвали тревогу. Но почему? И вдруг все стало ясным, как июньское небо.

— Как интересно ты сказал, а я ведь только сейчас поняла. Твоя любовь, как скалы Дувра? Неизменна? — спросила она.

— Именно так. Ты видишь в этом что-то смешное?

— А твоя верность лорду Саби так же неизменна? — Эмер впиалась в него взглядом.

Она не ошиблась. Тилвин опустил ресницы, и на губах его появилась странная полуулыбка. Он ничего не ответил, не возразил, и для Эмер это было подтверждением ее догадок.

— Ты — шпион тайного лорда, — сказала она. — Ты лично получил от него указания следить за Годриком, и ты проследил — узнал, что Годрик общается с Кютерейей, которая связана с мятежниками. Может, ты и убил ее? За то, что вызнала слишком много?

— Нет, к этой смерти я не причастен, — быстро возразил он. — Но тебе-то откуда это известно?

— Птичка нашептала, — отрезала Эмер.

— Тебе рассказал Годрик, — Тилвин нахмурился. — Дурак пустоголовый. Этим он подставил тебя под удар. Но я и правда люблю тебя, что бы ты об этом не думала. И сегодня я забуду все, что ты сказала. Только остерегись говорить подобное кому-нибудь другому. Шпионы милорда повсюду.

— Может и Бодеруна — шпион милорда?

— Эта вилланка? — Тилвин усмехнулся. — Да какой из нее шпион? Глупая, жадная, необразованная. И сын весь в мать, — было видно, что разговор ему надоел, и он вернулся к делу. — Так ты поедешь со мной? Я знаю, Дарем тебе нравится. Мы будем править там вместе. И будем так счастливы, что нам позавидуют короли.

Он протянул руку, приглашая следовать за ним. Эмер долго смотрела в эту руку — широкую, крепкую, с мозолями от рукояти меча. Когда-то эта рука казалась ей самой надежной, самой верной.

— Я не пойду с тобой, Тилвин Тюдда. Будь счастлив без меня. А Эмер из Роренброка не нуждается ни в тебе, ни в Дареме, чтобы быть счастливой. Она уже счастлива.

— Ты заговорила, как королева, — сказал он, медленно убирая руку. — Откуда столько гордости у жены деревенского кузнеца?

— А откуда столько подлости у благородного рыцаря?

Ее слова ужалили его, хотя он постарался это скрыть.

— Все, что я делал, — сказал он, натягивая дорожные перчатки, — было сделано ради тебя.

— Лжешь. Ты продался лорду Саби еще до того, как узнал меня.

— Я служил ему, — поправил ее Тилвин. — Но после того как узнал тебя, все изменилось. Жаль, что не понимаешь. Я буду молить небеса, чтобы ты осознала свое заблуждение.

— Хвала яркому пламени, наконец-то я осознала, что должна делать, — ответила ему Эмер, пока он садился в седло.

— Осознала, что должна жить в этом убожестве? — он сделал широкий жест в сторону кузни. — Ты — дочь Роренброков, в чьих жилах течет и королевская кровь?

— Должна быть рядом со своим мужем и в горе, и в радости. Я клялась в этом перед алтарем яркого пламени.

— Твои клятвы не имеют силы после того, как он оскорблял тебя многократно и унижал! — воскликнул Тилвин, на секунду теряя невозмутимость.

— Он очень переменялся. Я чувствую, что дорога ему.

— Ты дорога, пока он тратит твои деньги. Разве он сам построил эту кузню? Это сделано на твои золотые.

— Как хорошо ты обо всем осведомлен, шпион лорда Саби, — сказала Эмер.

— Не поедешь? — перебил ее Тилвин.

— Я останусь со своим мужем, пока смерть не разлучит.

— Смерть? — он резко дернул поводья, заставляя коня завертеться волчком. — Ну что ж. Возможно, мне недолго придется ждать, — и ударил жеребца пятками, посылая вперед.

Эмер смотрела вслед, раздумывая, были ли последние слова угрозой.

Она повернулась, чтобы зайти в кузницу, где ждал Годрик, и увидела его отца. Хуфринстоял поодаль и, наверняка, слышал весь их разговор с Тилвином от первого до последнего слова.

— Опять станете говорить, что я совершила ошибку? — спросила Эмер с вызовом.

Но он сказал нечто иное и совершенно непонятное:

— Это я ошибся.

Глава 29 (начало)

— ...надо рассказать правду, — услышала Эмер через открытое окно голос Хуфрина.

Она оставила кузницу, чтобы привезти еще угля, а заодно завернула домой, забрать с собой обед, потому что Годрику поручили большой заказ — подковать десять лошадей, и он собирался работать до вечера.

И вот тут-то голос свекра — необычайно взволнованный, что было непохоже на этого тугодума, заставил ее замереть под окнами лачуги.

— Смотреть на это не могу, у меня сердце кровью обливается, — продолжал Хуфрин. — Они же как дети, даже в беде не унывают. Им бы радоваться, а вместо этого — Заячьи Хвосты... Неправильно мы поступили.

— Посмей только рот раскрыть, я тебя отравлю, старый пень! — прошипела Бодеруна. — Если тебе не по вкусу сытая жизнь, то мне она очень по душе.

— Разве дело лишь в сытой жизни? — возразил Хуфрин горько. — Эх, жена, я уже пожалел, что согрешил.

— Заговорила совесть?! А она у тебя была? Молчи, если не хочешь сдохнуть!

— Эх, ошибся я, — пробормотал Хуфрин и замолчал.

Эмер простояла под окном еще сколько-то, но разговор в доме не возобновился. Она отошла на цыпочках и зажала лошади, впряженной в повозку с углем, морду, чтобы не выдала фырканием.

О какой такой лжи говорил Хуфрин? Не о том ли шла речь, что свидетельство Бодеруны, как и рождение Годрика в семье вилланов — это хитроумная западня, призванная удалить Годрика от оружейных мастерских? И Тилвин служил лорду Саби, и Кютерейя погибла. Но зачем сначала пытаться убить Годрика, а потом просто прогонять, опорочив? На полпути до кузни Эмер остановилась столбом посреди дороги, складывая в мыслях все, что произошло с того самого момента, как она оказалась случайной свидетельницей разговора в Нижнем городе, во дворе с фонтанами.

Годрик у Кютерейи. Ведь это мог быть Годрик. Его появление с Сиббой в Нижнем городе не случайно. Пошел он к шлюхе для приятного времяпровождения или был там по приказу королевы, чтобы вызнать побольше о мятежниках? Но ведь лорд Саби действует в интересах королевы, почему тогда он не знал, что Годрик на стороне Ее Величества? Или знал?..

Разве есть что-то, о чем не знает тайный лорд? Ведь говорят, что ему известно все и обо всех. Первоначально он подозревал Годрика в измене, но Годрик — не мятежник. И вместо того, чтобы стать к королеве еще ближе, его изгоняют. Возможно, по ложному свидетельству...

А что, если лорд Саби хочет быть единственным приближенным к Ее Величеству? Королева верит собственной крови — и вот уже Годрик приемный сын, и удален от двора. Оружейные мастерские в руках Тилвина, человека, верного Саби. Тут Эмер усмехнулась. Верного! Быстро забыл клятву Фламбарам, так же быстро забудет и клятву тайному лорду.

Но к чему были попытки убийства? Почему не сразу появилась Бодеруна? Если легче убить — почему не довели дело до конца? Если планировалось появление ложной матери — то зачем нужны покушения? Или не смогли убить — решили опозорить?

Загадок было слишком много, и Эмер, не найдя ответов, поступила по обыкновению решительно.

«Поговорю с Хуфрином и Годриком, — решила она, подхлестнув лошадь. — Пора мужчинам выложить свои тайны. Мерзавка Бодеруна мне сразу не понравилась, но с ней даже заговаривать не стану. Ей ничего и не полагается знать до времени».

Возле кузни Годрик как раз подрезал копыта лошади, зажав лошадиную ногу между коленей.

— Эй! Я вернулась! — оповестила Эмер. — Передохни, а я пока подброшу уголька. Хочу кое-что у тебя спросить...

— Некогда отдыхать, — Годрик посмотрел на нее и улыбнулся, и улыбка была счастливой, радостной. Он никогда так не улыбался в Дареме.

Эмер смешалась. Она поглаживала лошадь по холке, смотрела на мужа и думала: а надо ли бороться? Не лучше ли остаться счастливыми вилланами в хижине на краю настоящего леса, а не быть благородными господами в лесу интриг, убийств и предательств? Может и не надо Годрику знать обо всех происках лорда Саби? Пройдет время, Годрик уверится, что Эмер не предаст и не покинет его, они нарожают детей, которые будут обучаться кузнечному делу... И какая разница, кому достанется Дарем с его мрачными тайнами?

— Еще пару подков, — сказал Годрик, отряхивая руки и подходя поцеловать Эмер, — пару подков и сходим домой, пообедаем. Мать обещала чечевичную похлебку. Не так роскошно, как раньше, но я тебя уверяю — очень вкусно. О чем ты хотела спросить?

— Как раз об обеде, — быстро нашлась Эмер. — Чечевичная похлебка — да это же манна небесная! Даже не знаю, как теперь не умереть от нетерпенья до обеда.

— Какие мрачные разговоры в ясный день! — расхохотался Годрик, и вдруг схватил Эмер и закружился с ней, будто танцуя гальяду.[1]

У девушки захватил дух, а платок сбился на глаза, и когда муж поставил ее на землю, она могла только смеяться.

— Люблю твой смех, — Годрик поправил платок на ее голове и отправил жену в кузницу, подшлепнув пониже спины. — Меха тебя ждут, а я разгружу повозку.

Эмер скрылась в кузне, но сразу же выглянула тайком. Годрик насвистывал, бросая мешки на землю. Мучаясь душевными терзаниями, Эмер начала раздувать меха. Когда Годрик зашел в кузницу, пламя уже пылало ярко и ровно, и клещи с молотками лежали в четком порядке — от самых больших к самым маленьким.

Продолжая насвистывать, кузнец переворошил угли. Огонь осветил его резкие черты и четкий профиль, и золотая монетка на шнурке прижгла Эмер кожу между ключиц.

— Годрик, ты счастлив? — спросила девушка.

Он обернулся, глядя как-то непонятно и странно.

— Что за вопросы ты задаешь?

— Мне важно знать об этом, — она ни на мгновение не оставляла мехов, но смотрела с волнением. — Сейчас ты счастлив? Почему ты отказался от титула, богатства? Почему не стал отстаивать свои права?

— Какие права? — спросил Годрик, помедлив. — Права виллана, принятого в семью высокородных?

— Как легко ты уверился, что Бодеруна говорит правду.

— Ты же видела документ, заверенный печатями.

— Но те, кто поставил печати — они давно умерли... Они не скажут правды...

— Вот именно, — Годрик надел рукавицу и выбрал клещи. — Едва ли мы узнаем правду.

— Мне кажется, ты этим даже доволен! — выпалила Эмер.

Годрик опустил клещи и посмотрел в горнило, где плясали языки пламени.

— Может и доволен, — сказал он тихо. — Впервые я живу так, как надо жить человеку — без оглядки, без непонятных обязательств, без интриг и сплетен за спиной. Вспоминаю себя всего пару месяцев назад. Кем я был? Избалованный жизнью сопляк, которому все преподносилось на блюде. Что я мог? Лишь исполнять королевскую волю — следить, как куют оружие, следить, чтобы его не украли. А мне хотелось делать что-то своими руками. Понимаешь это, Эмер? Своими руками, а не руками других мастеров. Я начал ковать меч, у которого сердцевина будет тверда, как камень, а железные края станут постепенно стираться, оставляя лезвия всегда острыми. Как я могу быть недовольным? По мне, так во всем провидение небес. Наверное, я и вправду виллан, раз мне больше нравится ковать мечи, чем размахивать ими.

Сам того не зная, он почти точно повторил слова Тилвина.

— Ты мог бы заниматься мечами и оставаясь Годриком Фламбаром, — сказала Эмер, уязвленная в самое сердце.

— После того, как королева приказала мне убираться? — усмехнулся он. — Королева приказала — я ушел. Что еще можно было сделать? Не знаю, что ждет меня дальше, но знаю одно: все, что ни делается, оно к лучшему. Там я был, как в клетке. Зато теперь — свободен, — он даже развел руками, показывая, как широко ощущает свободу.

— Ты опять говоришь лишь о себе, — не удержалась Эмер. — А как же я? Меня рядом с собой ты не видишь?

— У тебя другая судьба, — он засунул подкову в угли и отвернулся, показывая, что эта тема ему неприятна. — Тебе не место среди вилланов, и ты скоро это поймешь.

— Ты говорил о пяти днях, а скоро уже месяц закончится. И я по-прежнему здесь.

Годрик не успел ответить.

Люди в черных масках появились неожиданно, и так бесшумно и стремительно, что Эмер в первую секунду приняла их за тени. Но тени были с мечами наголо и две напали на Годрика, не говоря ни слова, не объясняя, за что пришли убивать. Третий человек бросился к Эмер, но меч не поднял, сочтя женщину легкой добычей.

Первый удар Годрик принял на скрещенные клещи и молот, и это спасло ему жизнь. Нападавшие мешали друг другу, пытаясь достать его за наковальной, и было видно, что мечи не слишком привычны для них.

— Беги! — крикнул Годрик, не особенно надеясь, что жена послушается.

Так и получилось. С оглушительным визгом Эмер схватила первое, что подвернулось под руку, и обрушила на голову человека в маске деревянный ковщ, окованный железом. Удар был настолько силен, что мужчина рухнул, как подкошенный.

Такая же участь постигла второго нападавшего, который не догадался, каким грозным противником может быть Эмер из Роренброка. Третьего уложил Годрик ударом молота в висок.

— Мои двое против твоего одного! — чуть не приплясывала Эмер в боевом азарте. Она потрясала ковшом, но быстро опомнилась. — Кто это такие? Почему они напади на нас?

— Понятия не имею, — Годрик опустился на одно колено и сдернул маску с поверженного противника. — Ты его знаешь? Мне он незнаком...

Эмер внимательно рассмотрела толстоносое лицо. Очень неприятное лицо, со шрамом через щеку.

— Нет, вижу впервые, — покачала она головой.

Годрик проверил и остальных — живы или нет. И они тоже были незнакомыми. Помимо мечей на них были хорошие кольчуги, а на одном даже металлические поножи, сделанные грубовато, но добротнo.

Снаружи тревожно заржали лошади, и Годрик с Эмер одновременно перехватили поудобнее один — молот, вторая — ковш.

— Разбойники! — догадалась Эмер. — Воруют лошадей! Ну они у меня получают!

Она бросилась из кузницы, но Годрик придержал ее.

— Не безумствуй, — сказал он. — Мы не знаем, сколько их, и как они вооружены. Хочешь получить стрелу в живот? Вылезай через окно на ту сторону и беги в деревню.

Сам он осторожно приподнял кожаную занавеску и выглянул. Он ничуть не удивился, почувствовав щекой взволнованное дыхание жены, которая презрела его слова о бегстве.

— Сколько их? — прошептала Эмер.

— Ты когда-нибудь станешь послушной?

— Обязательно, — заверила она. — Но не сегодня, ладно? Сколько их?

— Шестеро. Я вижу троих. И они на лошадях...

— На лошадях? Серьезные разбойники! Будем прорываться?

— Прорываться куда? Если они напали на кузницу, то и в деревне уже рыщут. Попробуем убежать.

— Ты не пролезешь, — заявила Эмер, рассматривая окно размером не больше локтя. — Да и я застряну. Лучше нам неожиданно напасть и прорваться к лесу. Там они нас не найдут.

— Напасть... — Годрик снова выглянул. — Они идут сюда. Все трое. И лошади их не интересуют. Я отвлеку, а ты беги к лесу.

— Что значит «беги»? — Эмер приблизила указательный палец ему к носу. — Мы или бежим вместе, или вместе здесь погибаем. Тебе ясно?

— Прибил бы... — вздохнул Годрик, но на споры уже не оставалось времени.

Он отступил в дальний угол, пряча Эмер за спину, и приготовился обороняться.

Люди в масках зашли в кузницу ничего не опасаясь — рассчитывали, что дружки уже сделали дело. Но окровавленные трупы, лежащие на земле, заставили разбойников вскинуть мечи. В это время Годрик был уже около выхода, увлекая за собой Эмер. Он отбил один удар, второй, и вытолкнул жену вон, хотя она порывалась помогать, а потом выскочил и сам.

Снаружи их встретили еще трое, они как раз вывернули из-за сараев, построенных на расстоянии тридцати шагов от кузницы. Разбойники были пешими, но — опять же! — все вооружены неплохими мечами. Годрик отметил это краем сознания, потому что главным сейчас было спасение, а вовсе на домыслы, откуда в Эстландии столько головорезов, разгуливающих с рыцарским оружием.

Хуже всего, что жена не пожелала спастись бегством, а не отходила от него ни на шаг, как привязанная.

Годрик наощупь нашел руку Эмер и сжал ее, не отрывая взгляда от разбойников.

— Бежим к лесу, — шепнул он, и жена пошевелила пальцами, показывая, что услышала и согласна, и он крикнул: — Давай!

Она и вправду побежала очень быстро, уверенная, что Годрик последует за ней, но через двадцать шагов поняла, что ее обманули, не услышав за спиной топота. Оглянувшись, она

закричала от страха и обиды. Годрик побежал совсем в другую сторону, увлекая за собой убийц. Никто не последовал за Эмер, им нужен был именно Годрик.

Спасаясь от преследователей, Годрик вскочил на перевернутую бочку, с нее на спину лошади, стоявшей у коновязи, и пробежался по спинам лошадей, как по дорожке. Эмер чуть не завизжала от восторга, глядя, как заметались нападавшие. Но любоваться было некогда, и она стрелой промчалась обратно, к сараю, где хранился товар на продажу и несколько мечей, выкованных Годриком.

— Сюда! Сюда! Я здесь! — завопила она, размахивая руками.

Этого можно было и не делать, потому что не заметить орущую рыжую девицу мог только слепой и глухой.

Едва она успела схватить два меча, как в сарай протиснулся человек в маске:

— Тебя не тронем... — только и успел сказать он, когда меч ударил его между шеей и плечом.

И зря, что не тронете, — сказала мертвому телу Эмер, наступая ему на грудь, чтобы вытащить меч.

Она выскочила вовремя, чтобы увидеть, как Годрик, бежит навстречу, преследуемый разбойниками, как заяц собаками. Видно и ему пришла в голову мысль вооружиться. На бегу он отбросил молот, протянул руку, и Эмер, угадав его жест, передала ему один из мечей четко и точно, как верный оруженосец.

Люди в масках вытянулись в цепочку, окружая. Клинки мечей, направленные на юную пару блестели на солнце грозно и холодно, как будто смерть оскалилась, готовясь укусить.

— Сказал же уходить! — Годрик не глядя толкнул Эмер, одновременно принимая оборонительную позицию.

Но вместо того, чтобы убежать, она встала с ним рядом, спиной к спине и одновременно с ним отразила удар, прикрывая тылы, после чего касаясь мужа локтем, чтобы не потерять, повернулась на пятках, одновременно делая шаг в сторону. Именно так Годрик и Сибба действовали против уличных грабителей. И Годрик, машинально повторивший ее прием, сразу его разгадал.

— Откуда узнала?.. — крикнул он, отражая новое нападение.

Удар, снова удар, и поворот, чтобы еще на несколько шагов приблизиться к спасительному лесу.

— Ты болтаешь или дерешься? — крикнула в ответ Эмер.

Они действовали слаженно и отважно, и люди в масках дрогнули, отступив.

Теперь их было всего лишь четверо, двое валялись на земле, пятная кровью траву, а у оставшихся в живых сразу поубавилось смелости. Нападать они не спешили, но и в бегство не обратились, ожидая подкрепления.

— Что, трусили?! — Эмер со свистом рассекла мечом воздух. — Подходите, если жизнь надоела!

— Не дразни их, — приказал Годрик. — Отходим, отходим...

И хотя воительница рвалась в бой, он увлек ее в заросли, и оттуда они помчались так, как никогда раньше не бегали. Бежали они наугад и остановились только тогда, когда оба выдохлись. Эмер тут же свалилась в траву, но Годрик заставил ее подняться и потащил в низину, откуда слышался звон ручья.

— Сразу не падай... — сказал Годрик тяжело дыша, — сердце ослабнет...

Потом они долго пили вкусную холодную воду, от которой ломило зубы. Эмер умылась,

закачала рукава и опустила в воду руки до локтей. Годрик посматривал искоса и в конце концов не вытерпел:

— Откуда знаешь эти приемы? — спросил он без обиняков.

— Видела, как вы тренировались с Сиббой, — ответила Эмер уклончиво.

— А, — он задумался.

Эмер помолилась, чтобы он не припомнил, что она ни разу не была на его тренировках, а Сиббу видела лишь пару дней, и он был ранен, и точно не посещал ристалище. Она оторвала от платья лоскуток и занялась полировкой клинка, оттирая его от пятен крови.

— Надо сходить в деревню, — сказал Годрик, поднимаясь.

— С чего это?! — Эмер уронила и тряпку, и меч, и вскочила, готовая остановить безумство. — Да они, скорее всего, там и ждут! Отсидимся до темноты!

— Там мать и отец, — сказал он, и она поняла, что отговаривать бесполезно. — Ты останешься здесь, я постараюсь вернуться до вечера. Если не вернусь, езжай в Тансталлу. Не геройствуй, умоляю тебя.

— Не пуцу! — Эмер бросилась и обхватила его поперек туловища. — Она не мать, Годрик! Совсем не мать! Не стоит ради нее рисковать жизнью!.. — и она начала рассказывать, что узнала от Тилвина, и что подслушала под окном.

Годрик слушал ее путанные речи не перебивая, и лицо его все больше омрачалось.

— Она лгала, всегда лгала! — закончила Эмер свой рассказ. — Разве ее слова — не доказательство, что все это происки? Лорд Саби позаботился, чтобы избавиться от тебя навсегда! А теперь подослал убийц!

Он молчал довольно долго, но потом сказал:

— Все равно я должен туда пойти.

— Как я ненавижу твое благородство, — Эмер в сердцах шлепнулась на траву. — Иди. Если тебя убьют, я не пролью ни слезинки, — и вдруг заплакала, да так, что Годрик испугался.

Встав на колени, он попытался обнять девушку, но она оттолкнула его руки и спрятала лицо в ладонях, захлебываясь рыданиями.

— Иди!.. Спасай хоть весь мир!..

Он обнял ее и прижал к себе, укачивая, как ребенка. Постепенно она успокоилась и затихла, лишь изредка всхлипывая.

— Когда я убил первого своего врага, мне было четырнадцать, — сказал Годрик. — Потом два дня не мог есть, меня выворачивало. Но привыкаешь ко всему. И смерть забывается со временем. Мне жаль, что тебе пришлось столкнуться с подобным. Надо было отправить тебя домой раньше, я слишком промедлил.

— Эй, не ты там чего-то промедлил, — проворчала Эмер, вытирая щеки рукавом, — а я сама не хотела уезжать. И теперь не хочу.

— Поговорим, когда будешь в безопасности.

— В прекрасной безопасности ты меня оставляешь — посреди леса.

Она снова всхлипнула, и это заставило Годрика изменить решение.

— Хорошо, пойдем вместе. Но ты не отходишь от меня ни на шаг и бежишь, когда я скажу, а не бросаешься в драку. Обещаешь?

— Обещаю, обещаю, — Эмер встала, вытерла лицо подолом платья и взяла меч. — Пошли, чего расселся? — прикрикнула она на мужа. — Раз собрался спасти этих обманщиков, так поспешим.

— Поспешим, — покорно ответил Годрик, скрывая усмешку, хотя было вовсе не до смеха.

Скрываясь в зарослях, они обошли деревню, но никого не увидели. Как будто Заячьи Хвосты вымерли за несколько часов.

— Понадеемся, что они не тронули вилланов, — сказал Годрик без особой веры.

Словно в ответ, над крышей одной из лачуг красной шапкой поднялось пламя. Крыша, крытая соломой, вспыхнула в один момент.

— Это наш дом! — выдохнула Эмер. — Какие еще могут быть доказательства, что опять приходили за тобой? Когда же это кончится?!

Годрик зажал ей рот ладонью, а в следующее мгновение из-за горящего дома показался всадник. Лицо его скрывала маска. За ним следовали пешие воины — все с мечами наголо, все прячут лица.

— Уходим тихо, — прошептал Годрик в самое ухо Эмер.

Пластаясь по земле, они сползли в овраг, волоча за собой мечи, и спрятались за корягой, чтобы не заметили сверху.

— Это Тилвин. Готова поклясться, что он! Двуличная крыса! — Эмер мрачно скрестила руки на груди. Платье ее промокло насквозь и было перепачкано грязью и кровью. Один башмак она потеряла во время бегства и поранила ступню, но даже не заметила этого. Зато Годрик заметил и отрезал рукав от своей котты, чтобы сделать перевязку.

— Он угрожал, но нет прямых доказательств, — охладил пыл жены Годрик.

— Ты слеп, что ли? — взорвалась она. — И бобру понятно, что Тилвин верховодит!

— У него не хватит ума и смелости на подобные поступки. Поверь, я знаю его много лет.

— Не поверю! Ты взрастил змею на груди и не догадывался об этом.

Годрик промолчал, с преувеличенным старанием затягивая узлы на повязке.

— И не надо спорить со мной, если сам виноват, — сказала Эмер, хотя никто с ней не спорил. — Надо решить...

Годрик сделал ей знак молчать и прислушался, склонив голову к плечу.

Эмер замерла, а рука сама потянулась к рукояти меча. Но в лесу было тихо, лишь птицы щебетали, и шумели кроны деревьев.

— Что? — спросила она у Годрика одними губами.

— Кто-то плачет, — ответил он так же.

Теперь и Эмер слышала шорох и еле слышное поскуливанье — то ли собака, то ли разумное существо, не разобрать. Она указала пальцем:

— Вон там, в кустах...

У огромного замшелого валуна кто-то сидел. Сидел неподвижно, сторбившись, и даже не шевельнулся, когда Годрик и Эмер подошли. Это был Хуфрин. На земле лежала Бодеруна, платье которой было насквозь пропитано кровью. Хуфрин держал жену головой на коленях и поглаживал по макушке заскорузлой рукой. Годрик наклонился, приложив к шее женщины два пальца. Кожа была холодной.

— Она умерла? — спросила шепотом Эмер.

— Да, — ответил Годрик коротко. Он осенил себя знаком яркого пламени и встал на колени, чтобы помолиться за душу той, которая называла себя его матерью.

По мнению Эмер, лгунья Бодеруна не заслуживала подобного отношения. И самое печальное, что было в этой смерти — то, что покойница унесла с собой все секреты.

— Их было много, — сказал Хуфрин, не отпуская тело жены. — Я не смог ее защитить. Смог только убежать.

Годрик похлопал его по плечу, а потом посмотрел на ладонь.

— Да ты ранен, — он наскоро осмотрел виллана. — Рана вскольз, но большая, потеряно много крови. Надо перевязать.

— Ему и лопуха достанет, — прошипела Эмер, но оторвала длинный лоскут от юбки, а Годрику пришлось расстаться со вторым рукавом котты.

Бодеруну похоронили наскоро, закопав под старым вязом и положив сверху камни, которые притащили от старой каменоломни. Эмер перевязала рану Хуфрина и принесла ему напиток, а когда он утолил жажду, сказала, хмуря брови:

— А теперь расскажи нам все. И не смей ничего утаивать, или встреча с разбойниками покажется тебе прогулкой в майском лесу! Годрик ведь не ваш сын.

[1] Гальярда — танец в быстром темпе. Рисунок танца предусматривал, чтобы кавалер поднимал даму в воздух кружился с ней

Глава 29 (окончание)

В ответ Хуфрин покачал головой:

— Нет, мы с женой — не родители милорда. У нас было два сына, но они умерли.

— Так и есть! — Эмер пристукнула кулаком по ладони. — Но к чему такая чудовищная ложь? Как ты мог согласиться на грех, виллан проклятый!

— Я не стал бы этого делать, — сказал Хуфрин. — Но деньги... Бодеруна хотела денег, и много. А богатый господин пообещал хорошо заплатить.

— Богатый господин? — быстро переспросила Эмер. — Как он выглядел?

— Я его не видел, он говорил только с ней. Она сказала, что он очень важный господин, у него квезот вышит золотом.

— Золотом? Так ходят только при дворе королевы...

— Мы и жили в столице. Бросили дом в Заячьих Хвостах и переехали в столицу. Думали, там будет легче. Но там ничуть не легче, даже хуже. А потом пришел богатый человек, и сказал нам ехать в Дарем, а потом передал договор о продаже ребенка. Сказал, что надо забрать милорда и увезти как можно дальше. И мы вернулись сюда.

Он говорил все тише и тише, и закончил тем, что повалился на траву, закатив глаза.

— Вот к чему приводит жадность, — сказала Эмер с презрением, и обратилась к Годрику, который проверил у Хуфрина биение сердца и уложил виллана поудобнее: — А ты что молчишь?

— Нам надо где-то переночевать, а утром идти в монастырь Голейдухи.

— Ты что, не слышал, что рассказал этот предатель?!

— Слышал, но сейчас не время разгадывать загадки. Подумаем об этом после того, как спасемся.

Они вернулись к ручью, и просидели ночь, не разжигая костра. Эмер колотило как в лихорадке — то ли от прохлады ночного леса, то ли от пережитого за день. Годрик набросил ей на плечи свою котту и обнял поверх, чтобы было теплее. Хуфрин затих на постели из травы и еловых лап, и только тяжелое дыхание говорило, что он еще жив.

— Значит, идем в монастырь Голейдухи, оставляем там виллана, а потом куда? — спросила Эмер, прижимаясь к Годрику.

— Не будь поспешной. Хуфрин ранен, ему нельзя в дальнюю дорогу. Нужен покой. Но я опасуюсь оставить его даже в монастыре. Ты видишь, свидетели долго не живут. А он — опасный свидетель. Надо увести его подальше из этих мест. Я думал о кормилице, она живет в пригороде Тансталлы...

— Зачем столько возни? Он тебе не отец. Такой же обманщик, как Бодеруна.

— Я должен позаботиться о нем.

— Тебя послушать — ты всем должен, а тебе никто, — проворчала Эмер, устраиваясь головой на его груди. — Так куда пойдём? К королеве? Расскажем, что узнали от Тилвина и твоего несостоявшегося папаши?

— И что важного мы ей откроем? Передадим слова бывшего слуги и представим раненного виллана?

Эмер вынуждена была согласиться:

— Да, с доказательствами у нас не очень. Жаль, что старуха погибла. Наверняка, она

знала, как они подделали этот проклятый договор о покупке ребенка.

— Может и не знала. Ей могли его просто передать.

— Хуфрин говорит, с ними разговаривали в Тансталле, потом они направились напрямик в Дарем, и там, в деревушке, Бодеруна получила договор. Уверена, печать они поставили именно тогда.

— Печать всегда находилась у меня.

— Они могли сделать копию... — предположила Эмер неуверенно.

— Столь точно не сделали бы. Я же смотрел оттиски. Не ломай понапрасну голову, скорее всего, они приготовились загодя, когда печать была у леди Фледы.

— Но никому не было известно, вернешься ли ты из южных земель. И я уверена, что леди Фледа хранила печать еще поревностнее тебя. Даже не... — она замолчала на полуслове, и Годрик встряхнул ее, встревоженный.

— Эй, лишилась дара речи?

— Вот оно! — Эмер вырвалась из его объятий. — Я поняла! Это Тилвин. Предатели Тилвин поставил печать.

— Уж его-то я к печати на два полета стрелы не подпускал, — сказал Годрик.

— Вспомни, — глаза у Эмер загорелись знакомым пугающим блеском, — вспомни, когда Остриуд устраивает слезы напоказ из-за того, что я, якобы, собралась выдавать ее за старика! Она падает на пол, ты удерживаешь ее, Тилвин вбегает следом, мы смотрим на Остриуд, а где в это время находится печать?..

— Лежит на столе, — закончил Годрик с усмешкой. — Яркое пламя! Ведь как раз тогда я должен был заверить твои записки о королевском празднике.

— Ему только и нужно было, что взять печать со стола и приложить к договору. Дело пары секунд. Все сходится!

— Сходится, да не совсем, — сказал Годрик, раздумывая. — Слишком рискованно. Тилвин никогда так не действовал. Он всегда был осторожен. Откуда он знал, что устроит Остриуд? Она могла поговорить спокойно и уйти.

— Ответ на это нам может дать только твоя сестра, — сказала Эмер.

— Думаешь, она замешана?

— Ей нравится Тилвин, он мог обмануть ее.

— Остриуд не такая, — сказал Годрик после долгого молчания.

— Но твой оруженосец говорил, что именно она стала хозяйкой в Дареме, когда леди Фледа занемогла. Кто ответит, где Остриуд сейчас? Сомневаюсь, что добром ушла в монастырь... Надо найти твою сестру и разузнать обо всем. Она — благородная девица, ее словам королева поверит.

— Надо найти место, где ты будешь в безопасности.

— О! Не надо опять! — взмолилась Эмер. — Ты уже хотел от меня избавиться — и ничего хорошего из этого не вышло. Кто-то говорил сегодня про то, что небеса предопределяют, что ни делается — все к лучшему... Вот и смирись, что я буду рядом.

— Ты не понимаешь, это ведь не игра, — попробовал возразить Годрик.

— Это ты не понимаешь, что мы сможем разобраться в этой истории только вместе, — отрезала Эмер. — Предлагаю оставить Хуфрина в монастыре, ничего там с ним не случится, а самим идти в Дарем. Узнаем, где Остриуд, призовем ее к ответу. Надо будет — притащим ее к королеве.

— Полегче, полегче, — пробормотал Годрик, ему не очень нравилась идея призывать к

ответу родную сестру.

На рассвете они двинулись в путь. Годрик взвалил Хуфрина на спину, а Эмер пошла впереди, держа мечи и прислушиваясь к каждому шороху.

Они побоялись слишком углубляться в чащу, чтобы не заблудиться. Да и прогулки в синегорских лесах могли закончиться плохо — по округе рыскали волки. Хуфрин бредил и звал Бодеруну. Эмер шикала на него, но он не унимался.

Перед самым закатом они сели отдохнуть у пограничного камня. Он еще хранил солнечное тепло, и Эмер с наслаждением прижалась к нему, закрывая глаза.

— Устала? — спросил Годрик участливо.

Он усадил Хуфрина, прислонив его к камню, а сам лег на землю, давая отдых спине.

— Совсем нет, — ответила Эмер, не открывая глаз. — Если яркому пламени будет угодно, доберемся до монастыря к полуночи. Единственное, о чем я мечтаю — это огромный кусок хлеба. Можно еще и сыра. Головку. Вот такую, — она прочертила руками в воздухе, обозначая что-то непомерно большое. — И еще молока. Целый кувшин. Чтобы есть и пить вдоволь. Никогда не была так голодна.

Годрик хмыкнул, показывая, что согласен.

Хуфрин застонал, и Эмер, успевшая расслабить не только тело, но и душу, испуганно вздрогнула.

— Чтоб этому виллану пусто было, — проворчала она. — Шуму от него — на весь лес. Были бы здесь разбойники — точно услышали бы.

Она как накаркала, потому что почти сразу же от дороги донесся глухой стук копыт. Годрик рывком поднялся, и Эмер тоже вскинулась, хватая мечи.

Через заросли напросвет было видно, как мимо проехали четыре или пять всадников — все в черном, наверняка, в масках, на таком расстоянии лиц не разглядишь. Всадники ехали медленно, оглядываясь и прислушиваясь.

— Это за нами, — прошептал Годрик, — уходим в чащу...

Эмер кивнула, но судьба, как всегда, предопределила все по-своему. Хуфрин позвал Бодеруну, да так громко, что голос его разнесся по всему лесу, усиленный эхом. Перестук копыт мгновенно затих и раздались голоса. Кто-то советовал прочесать кусты.

Прятаться дальше было бессмысленно, и Годрик схватил Хуфрина за рубаху и штаны, закидывая на спину. Эмер указывала дорогу, выбирая между кучами валежника. Их услышали и теперь договаривались о погоне.

— Быстрее! Быстрее! — шипела Эмер, оглядываясь через каждый шаг.

Теперь они не старались держаться возле дороги — бежали напролом, спасая жизни.

В какой-то момент голоса раздались одновременно и сзади, и справа. Годрик присвистнул, приказывая Эмер остановиться.

— Так они нас окружают, как оленей, — сказал он, укладывая Хуфрина на землю и забирая у Эмер мечи. Он тяжело дышал, а лицо было блестящим от пота. — Иди в ту сторону, к западу. Там должен быть большой тракт, там всегда кто-то проезжает. А я останусь с Хуфрином...

— Нет! — шепотом закричала Эмер, порываясь выхватить у него один меч. — Или вместе умрем, или спасемся вместе!

— Если повезет, они нас не найдут, — успокоил ее Годрик, подталкивая бежать.

Но девушка упиралась:

— Как — не найдут? Вы мыши, что ли? Под землей спрячетесь? Не болтай глупостей,

Годрик Фламбар!

— Ты отвлечешь их, — сказал Годрик, — а если повезет — позовешь кого-нибудь на помощь. Отбежишь шагов на сто и крикнешь. Ну, пошла!

Он шлепнул ее пониже спины так больно, что ладонь заболела. Потом досчитал до двадцати и свистнул громко, в два пальца, и крикнул:

— Годрик Фламбар здесь! Выходи, кто осмелится!

Эмер успела отбежать на пятьдесят шагов (она послушно считала шаги, как и велел муж), когда поняла, что этот паршивец опять ее обманул, решив геройствовать в одиночку.

Крепкие ругательства и звон стали лучше всего сообщили, что происходит. Она заметалась, не зная, куда бежать — к Годрику лина помощь, или к дороге, надеясь на счастливый случай.

Небеса сегодня решили играть с переменным успехом, и впереди вдруг послышались нежное пение бубенцов, всхрапывания коней и — святые небеса! — тот славный стук, что издает древко копыя, упертое в стремя.

Не разбирая дороги Эмер бросилась сквозь чащу. Ветки деревьев хлестали ее по лицу, а продираясь через можжевельные заросли, она расцарапала руки и окончательно доконала платье.

Лес внезапно кончился, и она вывалилась на большую дорогу, по которой мимо проходил огромный караван карет, повозок и... рыцарей. Больше двух десятков рыцарей ехали по обе стороны в полном вооружении.

Некоторые повернули голову, чтобы посмотреть на чучело, появившееся из чащи, но зрелище не было ни привлекательным, ни опасным, поэтому рыжая нищенка не заинтересовала благородных господ. Зато Эмер была в них жизненно заинтересована.

— Помогите! — заголосила она, метнувшись к одному из рыцарей и хватаясь за стремя. — Помогите! Разбойники!..

Она тут же вспомнила, как совсем недавно (а казалось — сто лет назад) оборванная грязная девица точно так же выбежала к каравану, которым правили она и Годрик.

Рыцарь не успел ответить, зато занавеска на карете приподнялась, и женский голос строго спросил:

— Что там происходит?

— Помогите! За нами гонятся! — Эмер бросилась к карете, поднырнув под копые рыцаря, пытавшегося преградить ей путь. — Во имя милосердия, миледи!

Пальцы ее почти коснулись рукоятки кареты, когда двое пеших воинов схватили Эмер за плечи и оттащили прочь.

— Убирайся, грязная вилланка! — прикрикнул один из них.

Эмер упала на колени, но тут же вскочила.

— Там мой муж и свёкр! — взмолилась она. — Миледи! Вашим псам ничего не стоит спасти их жизни!

За псов она получила крепкий удар между лопаток — один из всадников пнул ее, даже не потрудившись слезть с коня. Эмер снова упала, чуть не ткнувшись лицом в землю. В глазах потемнело, и она приготовилась лечь поперек дороги прямо под колеса кареты, когда знакомый голос спросил неуверенно:

— Эмер?..

Она медленно подняла голову и увидела Сесилию. Малютку Сесилию Леоффа.

подружку из Вудшира, воспитанницу из милости в Роренброке. Живот Сесилии заметно округлился под богатым платьем, а из-под подола виднелись остроносые носы кожаных туфель, расшитые жемчугом и бирюзой.

— Это ты, Эмер? — Сесилия вглядывалась в лицо перепачканной, как демон из преисподней, женщины в грубых одеждах, и глаза ее удивленно расширились. — Что случилось? Почему ты здесь, в таком виде... — она сделала жест рукой, указывая на выпачканное кровью и сажей платье бывшей подруги.

— Оставим разговоры! — Эмер схватила Сесилию за чистую холеную ручку, позабыв, что ее руки огрубели и грязные, как пятки у босняка. — Там Годрик! Спаси его!

Потом она мало что помнила, потому что вела себя, как помешанная — рвалась вслед за рыцарями, которые были отправлены на подмогу. Благородные дамы, сопровождавшие Сесилию, еле смогли удержать ее. Только увидев Годрика — целого и невредимого — Эмер успокоилась и позволила усадить себя в карету.

— Ваша милость, с нее достало бы ехать в повозке, — заказала вполголоса одна из дам, но Эмер расслышала и покраснела от стыда за собственный вид.

— Это — графиня Поэль, она моя подруга, — сказала Сесилия властно, как никогда раньше не говорила. — И это вы, скорее, поедете в повозке, леди Годда.

— Я пойду хоть пешком, если вы прикажете, миледи, но эта женщина...

Эмер сказала, глядя в пол:

— Не думала, что мы так встретимся. Благодарю тебя за помощь. Но твоя дама права. Мы не самые лучшие попутчики. Если можно, довези нас до ближайшей деревни или монастыря, и мы уйдем.

— С вами раненный... — сказала Сесилия, выглядывая в окошко. — Ему нужна помощь. Ты сказала, он твой свёкр? Я скажу лекару, чтобы он его осмотрел.

— Ты очень добра, — сказала Эмер с усилием. — Мне и правда стыдно, что ты увидела меня вот такой...

Сесилия коснулась ее руки своей и тепло пожала.

— Не надо извиняться и смущаться. Я еду в монастырь святой Голейдухи, чтобы поклониться ее мощам перед родами. Она покровительствует роженицам и путешественникам. Было бы грехом не помочь тем, кто терпит бедствия в пути. А тем более, я не могу не помочь тебе. Мы остановимся в нашем доме, в Линшире, это час или два пути. Там вы сможете отдохнуть и будете в безопасности. Если хочешь, расскажи, что произошло. У меня не было известий о тебе с тех пор, как ты сбежала из Тансталлы.

Закусив губу, Эмер посмотрела на Сесилию и встретила взгляд, полный участия.

— Я тебя бы в объятиях задушила, — сказала она, — да боюсь запачкать.

Сесилия рассмеялась, и Эмер рассмеялась вместе с ней.

К вечеру они прибыли в дом Ишемов, и Эмер с наслаждением выкупалась. Горничные Сесилии привели в порядок ее спутавшиеся волосы, расчесали кудри волосок к волоску и, вооружившись щипчиками, избавили от растительности по всему телу, втайне удивляясь, как это знатная и благородная дама могла так себя запустить. Им не терпелось посплетничать на этот счет, но леди Ишем приказала не отходить от гостыни ни на шаг и выполнять любое желание. Спустя два часа Эмер лежала в мягкой постели, на пуховой перине, чистая и благоухающая розовым маслом. Она подкрепилась кашей с кусочками дичи и сладким ягодным пирогом, и теперь совсем разомлела от непривычной роскоши.

Сесилия прохаживалась по комнате, поглаживая живот и спокойным, размеренным тоном рассказывала о своей жизни:

— Ранульф не хотел отпускать меня, но я настояла. Он отправил со мной почти половину рыцарей. Тогда это показалось излишним, но теперь я вижу промысел небес. Я рада, что оказалась в нужное время в нужном месте.

— Послушай-ка, — Эмер стряхнула дремоту и приподнялась на локте. — Ты никогда не молилась Голейдухе, а возле замка Ишемов есть собор с пределом святой Голейдухи. С чего вдруг ты решилась на такое дальнее путешествие?

Застигнутая врасплох, Сесилия остановилась и посмотрела на Эмер испуганно и виновато, совсем как раньше.

— Ты ведь не просто так очутилась в Синегорье.

Сесилия вздохнула и осторожно уселась в кресло.

— Не буду от тебя скрывать. Да, я ехала за тобой. Хотела уговорить тебя вернуться в столицу.

— Но ты ведь не сама это решила? — продолжала допытываться Эмер. — Кто просил за меня? Королева?

— Нет, Ее Величество и имени твоего слышать не желает. И ты прекрасно знаешь почему. Мы все считаем, что ты поступила благородно, но крайне неразумно и...

— Сесилия! Кто просил тебя поехать за мной?

Но она не успела ответить, потому что на пороге комнаты возник Годрик. Чисто выбритый, одетый в шелковую тонкую котту, благородный и великолепный, как прежде.

— Вот и он, — сказала Сесилия, тяжело поднимаясь, но на губах ее заиграла легкая, совсем легкая улыбка, — герой твоих грез. Я удаляюсь. Отдыхайте, этой ночью вас никто не побеспокоит.

Она притворила за собой дверь, оставив путешественников одних.

— Я чувствую себя, как переваренная креветка, — призналась Эмер, когда дверь за Сесилией закрылась. — Пригаси свет, сделай одолжение. Как там Хуфрин?

— Жить будет, — ответил Годрик, гася свечи одну за другой. — Его осмотрел лекарь. Говорит, через неделю-другую поправится.

— Хоть Хуфрин и подлец, я рада, что он выжил, — Эмер зарылась в подушки, устраиваясь поудобнее. — Завтра мы обо всем поговорим, у меня есть кое-какие соображения.

Она закрыла глаза, ощущая во всем теле приятную слабость, какая бывает от сытости и тепла, когда устал и долго не ел досыта. Кровать скрипнула, когда Годрик лег рядом. Он коснулся девушки плечом, и Эмер поняла, что он даже не снял рубашку. «Удивительно, — подумала она сквозь дремоту, — как это он не положил меч между нами».

Вдруг горячая и твердая рука легла на ее плечо, сжала и погладила. Сон мигом соскочил, и Эмер открыла глаза и замерла, как зверек, которого лиса нашарила в норке.

— Повернись ко мне, — попросил Годрик.

Эмер повернулась рывком. Лицо его было совсем рядом, и он придвинулся еще ближе, обняв ее за талию.

— Что это с тобой, Годрик Фламбар, — спросила Эмер вызывающе. — После всех злоключений ты понял, что никому кроме меня не нужен и решил снизойти? Не забудь меня спросить, мечтаю ли я еще припасть к твоему дражайшему телу.

— Речь не об этом, — сказал он.

Лицо Эмер выразило разочарование так явно, что Годрик чуть не расхохотался.

— Устроим ночь откровений? — предложил он.

— Что?! — Эмер сразу представила тысячу и один способ, как предлагалось провести эту ночь.

— Сейчас я хочу услышать всю правду о том, что произошло при королевском дворе, и о чем ты узнала в Дареме. Расскажи все подробно, не упуская ни одной мелочи, даже если она покажется тебе совсем незначительной.

— Вот так-так, — проворчала Эмер, безуспешно пытаясь скрыть досаду. — А ты тоже будешь откровенен? Или эта твоя ночь предусматривает лишь мой допрос с пристрастием?

— Откровенность за откровенность, — пообещал он.

— Ну хорошо, — она легла на спину, отодвинувшись от Годрика, чтобы успокоить мысли, сложила руки на животе и уставилась в потолок, — это было перед тем, как я по ошибке прошла тайным ходом в покои королевы...

— Что?! — Годрик на секунду потерял самообладание.

— Ты слушаешь или перебиваешь? — строго спросила Эмер.

И она припомнила все, что произошло с того самого момента, как убежала от жениха и оказалась в тайных коридорах королевского замка. Разумеется, некоторые моменты она упустила — как, например, поручение королевы следить за племянником. Это было не слишком разумно, но Эмер не нашла в себе сил признаться, что шпионила по поручению лорда Саби. Годрик слушал внимательно, иногда задавая короткие вопросы. Беседа затянулась до полуночи, но спать молодым людям ничуть не хотелось.

— Мой рассказ чем-нибудь помог? — спросила Эмер, закончив с воспоминаниями, переворачиваясь на бок и подпирая голову рукой. — А откровенность в ответ будет?

— Я же обещал.

— Так я жду.

— Да, конечно, — пробормотал он, явно находясь под впечатлением от услышанного.

Эмер подождала, но терпение ее истощилось по истечении двух минут.

— Ты ведь был связан с Кютерейей, — сказала она обвиняющее, и Годрик очнулся от размышлений.

— Ах, Кютерейя...

— Что-то подсказывает мне, что ты навещался к ней, — сказала Эмер со значением, — в Нижний город.

— Твоя правда, — он кивнул. — Кютерейя была вхожа во многие знатные дома. И умела слушать. Я несколько раз обращался к ней по просьбе Ее Величества.

— И каков был характер обращения? — спросила Эмер подозрительно.

— Это ревность? — спросил Годрик и вдруг широко улыбнулся.

— А чего это ты так обрадовался?! — возмутилась она. — И причем тут ревность? Ты — мой муж. И меня беспокоит, что мой муж шатается по уличным девкам!

— С Кютерейей меня ничто не связывало. Только разговоры, клянусь тебе в этом.

— Прицепи свои клятвы на шляпу, — она сердито засопела и закрыла глаза, делая вид, что собирается спать.

— И еще я хочу еще раз попросить у тебя прощения.

— Да, это будет нелишним, — признала Эмер, мигом открывая глаза. — Ты вел себя, как...

— За то, что так легко отказался от титула графа Дарем.

Это было не совсем то, что ожидала услышать Эмер, но на худой конец сошло и такое извинение.

— Что это значит? — спросила она. — Ты решил требовать возвращения титула?

— И титула, и Дарема.

— А как же свобода?.. Та свобода, о которой ты говорил?

— О какой свободе может быть речь, если твоя жизнь подвергается опасности? — Годрик погладил Эмер по голове, и она затаилась под его рукой. — Сейчас я смотрю на тебя — ты сыта, приняла ванну, лежишь в мягкой постели, как и положено благородной леди. Тебе не место в деревне вилланов. Эти кудри должны развеиваться по ветру, а не быть упрятыми под платок.

— Разве я не доказала тебе, что смогу жить и среди вилланов? — запротестовала Эмер, но он приложил палец к ее губам, словно запирая возражения на замок.

— Можешь. Теперь я не сомневаюсь, что ты сможешь выжить даже в преисподней. Но нам еще рано туда. Я должен сделать все возможное, чтобы восстановить свое имя и вернуть моей жене ту жизнь, которая будет ее достойна.

— Годрик, ты и вправду сказал — нам? Мне не послышалось?

— Нет, не послышалось, — он легко поцеловал ее в губы, но пресек, когда она потянулась с ответным поцелуем.

— Яркое пламя! — почти простонала Эмер. — Просто скажи, что ты любишь меня, и давай займемся делом! Ну ты понимаешь, о чем я... — она поднырнула под одеяло, обвивая Годрика руками.

— Если ты помнишь, королева признала наш брак недействительным, — сказал он тихо, но непреклонно, и разжал ее объятия. — Прояви благоразумие. Еще не известно, смогу ли я вернуть то, что потерял. А поставить под удар тебя или нашего ребенка — этого я не хочу.

— Почему ты хоть раз не спросишь, чего я хочу, Годрик Фламбар! — вскипела Эмер и ущипнула его за предплечье так крепко, что он зашипел от боли.

— Ты прекратишь когда-нибудь меня избивать, дикая женщина?!

— Святые небеса! — она вскочила, пылая от гнева. — Когда я стану, наконец, женщиной, я пожертвую в храм святой Меданы золотую болванку размером с... — и она в запале выразительно ударила себя ребром ладони по локтю.

Годрик потерял дар речи, а Эмер застыдилась.

— Большую болванку пожертвую, я хотела сказать, — пробормотала она. Вот такую, по локоть от кончиков пальцев...

— Это невысказано, — произнес Годрик и закрыл лицо руками.

Эмер виновато кусала губы, пытаясь определить — слишком ли он сердится, и вдруг с удивлением обнаружила, что он смеется.

— С тобой не заскучаешь, Эмер из Роренброка, — сказал он, вдосталь посмеявшись. — Что же мне делать с такой невоспитанной женой?..

— Непослушной, — вздохнула Эмер, прикикая к нему с нарочитой покорностью.

— Драчливой.

— Совсем не утонченной.

— И дерзкой, — он обнял ее и накручивал на палец распущенные кудри.

— Но я ведь тебе все равно нравлюсь? — спросила она голосом монашки.

— По-моему, я потерял рассудок, когда впервые увидел тебя.

— Там, под лестницей? Ты разрешил Остриудке вклеить мне две пощечины...

— Мне не следовало идти у нее на поводу. Но слишком уж я разозлился тогда. Какая-то девица смеет избивать мою сестру! Характер у Остриуд, конечно, не мед...

— Скорее — желчь, — не удержалась Эмер.

— У тебя не лучше, — рука его скользнула по ее плечу и ниже, сжала запястье, пальцы его переплелись с ее пальцами.

— Но я тебе нравлюсь?..

— Безумно...

Они перешли на шепот, и все более сближались устами, но в последний момент Годрик остановился. Эмер схватила его за грудки и жарко зашептала:

— Если ты сейчас же не возьмешь меня, Годрик Фламбар, я тебя придушу, а потом сама тебя возьму, хоть беги потом жаловаться в королевский суд!

— Неразумная, — он взял ее лицо в ладони, и руки Эмер разжались сами собой. — Я же объяснил, в чем причина.

— Почему ты меня не хочешь?

Он легко поцеловал ее, едва коснувшись губами губ, и отпустил. Потом лег на спину, заложив руки под голову, и закрыл глаза. Лицо его стало мечтательным.

— Как тебя можно не пожелать?

— За чем же дело стало?!

Эмер распустила вязки на своем вороте и в одно мгновение стащила рубашку до пояса. Попутно она перекинула висевшую на шейном шнурке монетку-талисман на спину. Можно

было бы и признаться — в свете последних событий Годрика посмешили бы похождения в Нижнем городе, но момент был неподходящий. Сейчас Эмер желала, чтобы его внимание было направлено лишь на нее. А не отвлекалось по пустякам.

— Посмотри на меня!

Годрик лениво приподнял ресницы, и заметно вздрогнул. Мечтательность сменилась беспокойством, а глаза вспыхнули, как у лесного кота. Но заговорил он опять в стиле древних рыцарских баллад:

— Ты опять за свое. Я ведь сказал, что ради минутной слабости не желаю сломать тебе жизнь. Прикройся.

— И не подумаю, — заявила Эмер и тут же положила руку ему пониже живота, ощутив волнительную упругость. — Да он у тебя уже на взводе, как арбалетный болт! Так что хватит мучить и себя и меня.

— Вообще-то, благовоспитанной женщине полагается ждать, пока мужчина не обратит на нее внимания, — сказал Годрик, перехватывая ее руку. — И не предлагаться, как торговке!

— А мне плевать, что полагается благовоспитанным! Требую положенного мне по праву.

— Мы не муж и жена, — наставительно заговорил Годрик, стараясь удержать ее на расстоянии, хотя она так и льнула к нему, поводя грудью. Помимо воли, он глаз не мог оторвать от этой груди, и сколько ни пытался, не мог заставить себя посмотреть в сторону. — Вспомни, королева признала наш брак недействительным. Я забочусь о тебе, как ты не можешь понять?

— Это как ты не можешь понять, что мне плевать на королеву и на то, разрешила она наш брак или запретила! Спрашиваю еще раз: ты снова отказываешь мне?

— Взываю к твоему здравомыслию, — ответил он сквозь зубы. — Веди себя скромно, как пристойно благородной даме.

— Да ты сам, может, благородная дама? — выпалила Эмер. — Так вроде нет — я же держалась за что-то. Или ты дал обет celibата, как добрый епископ Ларгель? Или...

— Просто замолчи, — предостерег ее Годрик.

— А чего так испугался?

— Ты мне вызов бросаешь? Глупо.

— Какой вызов! Мне в мужья достался монах! — она прищурила глаза и с подозрением спросила: — А ты, часом, не девственник?

— Девственник?!

Годрик все еще держал Эмер за запястья, и сдвинул ей руки так сильно, что она вскрикнула. Он тут же разжал пальцы.

— То, что ты сильный, как медведь, ничего не значит, — сказала девушка сердито. — Настоящий мужчина проявляет силу в другом.

— В чем же? — спросил Годрик ледяным тоном.

— Тебе лучше не знать, а то расстроишься, — отрезала Эмер.

Она улеглась на край кровати, повернувшись к Годрику спиной, и укрылась одеялом по макушку. Но долго молчать не смогла. Откинула край одеяла и изрекла:

— Я слышала, что в восточных краях мужчины предпочитают мальчиков, а не женщин. Ты там жил, на востоке. Может и тебе теперь больше нравятся мальчики?

Для Годрика это оказалось последней каплей:

— Мальчики?! — взревел он и мигом стащил с Эмер одеяло, швырнув его на пол. — Ты в чем меня обвиняешь? В том, что я...

Эмер повернулась и смотрела невинными глазами, положив ладони под щеку.

— А как я еще должна это понимать? Мы рядом столько времени, а ты чаще дышать не начинаешь, даже увидев меня голой. Вот и опасуюсь, что...

Годрик набросился на нее так стремительно, что Эмер не успела пискнуть. Теперь он целовал ее без легкости и без нежности — жадно и крепко, и даже прикусил ей нижнюю губу. От этой грубой ласки Эмер коротко всхлипнула, но в долгу не осталась, и повторила с ним то же самое. На Годрика это произвело такое же впечатление, как если бы его прижгли горячей головней к открытой ране.

— Ты доигралась, женщина, — пробормотал он, задирая подол рубашки Эмер.

— С чего это ты так распалился? — поддела Эмер, помогая ему движениями бедер. — Неужели, вспомнил про мальчиков?..

— Сейчас я тебе покажу... мальчиков!

Дальше все происходило стремительно и совершенно так, как представлялось Эмер в мечтах.

Обоих охватило безумие — когда забыты были правила приличия и условности, когда не стало благородной графини Поэль и еще более благородного милорда Фламбара, а появились два существа, которые стремились слиться воедино. Стремилась к единению страстно, не размениваясь на куртуазные разговоры.

Эмер помогла Годрику снять рубашку и брэйлы, и сама освободилась от ночной рубашки. Они поборолась, безмолвно решая, кто будет сверху, и ни один не желал уступать другому, но потом Годрик, все-таки, подмял Эмер под себя, завалив в пуховые подушки.

Она сдалась сразу, и обхватила его за шею, и выгнулась всем телом, пока он проник в нее в первый раз, а потом вцепилась ему в плечи и приглушенно вскрикивала всякий раз, когда он ударял ее все глубже и глубже. И не отводила глаз, только подгоняла: еще!.. еще!..

И Годрик, утонувший в ее глазах, ставших вдруг бездонными, как зачарованный, повторял: «Еще... еще...», — а когда она запрокинула голову, застонав, и судорожно дернулась всем телом, позволил и себе достичь того же наслаждения, что только что испытала его строптивая возлюбленная.

Удовольствие от обладания этой женщиной было во стократ сильнее удовольствия, которое доставляли утонченные женщины востока, искусные в любовных ласках. Но оказывается, не искусность важна в любовном деле. Если раньше, с другими, по окончании ему не терпелось сразу же покинуть любовницу, чье тело уже не было ни волнительным, ни желанным, то от этой он долго не хотел отрываться, и лежал на ней, переживая совсем незнакомое чувство единения — телесного и душевного.

«Она такая же, как я, — подумал он, уже теряя власть над мыслями. — Она создана только для меня».

Эмер завопилась под ним, уперлась ладонями в его грудь и коротко зевнула, отвернувшись к плечу. Годрик понял и с сожалением скатился с нее. Глаза слипались, но он гнал сон и дождался того момента, когда его рыжеволосое наказание устроилось в перинах поудобнее, свернувшись клубочком и зажав ладони между коленями, и сладко уснуло, посапывая невинно, как ребенок.

Очень хотелось обнять ее, но Годрик побоялся потревожить ее сон, и только погладил рыжие кудри, льющиеся по подушкам пушистой волной, а потом уснул, и спал так крепко и

безмятежно, как никогда в детстве.

Утром Эмер проснулась оттого, что солнечный луч, прокраившийся сквозь неплотно притворенный ставень, уютно устроился на ее лице. Она чихнула два раза и открыла глаза.

Годрик уже встал, а она и не услышала. Мышцы сладко ныли, как если бы накануне она слишком увлеклась тренировочным боем на мечах.

— Доброго утра, муж мой, — сказала она.

На сердце было легко и хорошо, и хотелось смеяться невесть отчего.

— И тебе доброго утра, — сказал Годрик без намека на сердечность.

Будто и не было безумства прошедшей ночи.

— Судя по тону, ты считаешь его не слишком добрым, — мгновенно разозлилась Эмер. — Чем опять недоволен?

— Из-за собственной слабости я нарушил кодекс рыцарской чести, — сказал он, одеваясь. — Поступил, как подлец.

— Что уж теперь жалеть об этом, — ответила Эмер, наблюдая, как он натягивает штаны, набрасывает рубашку, котту и перетягивает талию поясом — и все это четкими, скупыми движениями. Как Годрик сегодняшний отличался от Годрика вчерашнего — пылкого любовника, потерявшего от страсти разум и забывшего все приличия.

— А ты довольна... — пробормотал он, избегая смотреть на нее.

— Подойди, — сказала Эмер, и он вдруг послушно подчинился.

Сел на край кровати, не поднимая глаз, и приготовился слушать.

— Посмотри на меня, — последовала новая просьба. Или приказ?

Годрик подчинился и здесь, и перевел взгляд на Эмер.

— Не просто довольна, — сказала она. — Я счастлива, Годрик Фламбар. Теперь ты — мой муж по-настоящему. И я счастлива, и горда.

— Я тебя помял, — сказал он, касаясь кончиками пальцев синяка на ее плече.

Вчера он слишком сильно сжал это плечо, когда потерял голову от страсти.

— Даже не заметила, — сказала Эмер ласково. — Мне было очень хорошо с тобой. И я мечтаю, что следующая ночь не заставит ждать. Или мне снова заговорить с тобой о мальчиках?

— Ты!.. — вскинулся Годрик, и вдруг засмеялся. — Поймала меня, как мальчишку. Что мне с тобой делать, женщина?

— Любить, — ответила Эмер, беря его за руку и прижимаясь щекой к ладони. — Яркое пламя! Неужели ты не понял, что сделал меня самой счастливой женщиной на свете?

— Правда, счастливой? — он наклонился над ней, всматриваясь в лицо жадно и пытливо.

Она кивнула, улыбаясь.

— Ты очень красивая, — шепнул Годрик, касаясь рассыпавшихся по подушке рыжих прядей. — Я хочу запомнить тебя именно такой, когда отправлюсь в Дарем.

Благость немедленно исчезла с лица Эмер.

— Когда мы отправимся в Дарем, хотел ты сказать? — начала она угрожающе.

— Ты не поедешь, — Годрик поднялся с кровати и накинул квестот.

— Почему это?!

— Потому что ты останешься здесь, с леди Ишем, — спокойно сказал Годрик.

— С чего решил?! Я не останусь с Сесилией, пока ты будешь геройствовать против

злоумышленников.

— Но ведь в Дареме ты была согласна уехать.

— Но тогда я знала, что оставляю тебя под охраной верных солдат! А теперь ты рвешься в бой один против всех. Нет, или мы начинаем войну вместе, или возвращаемся в Заячьи Хвосты и с бараньей покорностью ждем, пока нас придут убивать.

— Надеюсь, к тому времени, когда я вернусь, ты одумаешься, — сказал Годрик и вышел.

— Одумаюсь! Скорее поцелую кобылу в зад! — крикнула ему вслед Эмер и за неимением тяжелого предмета под рукой, бросила подушкой, попав уже в закрытую дверь.

Продолжая ругать упрямого Годрика, Эмер встала и прошлась по комнате до огромного зеркала. Она рассматривала свое отражение впервые, чтобы оглядывать себя вот так — без одежд. Раньше ее не слишком волновало, как она выглядит без рубашек, платьев или мужских штанов. Но теперь ее тело принадлежало не только ей, а еще и некому мужчине. И этот мужчина нашел его красивым, и желанным. Эмер повернулась спиной и изогнулась, пытаясь рассмотреть себя сзади. На бедрах тоже красовались синяки. Поистине, пальцы у Годрика были железными. Вспомнив, как он вчера ласкал ее, Эмер покраснела и поспешила одеться.

Набросив на голову рубашку и стараясь попасть руками в рукава, она услышала, как скрипнула дверь, и проворчала, думая, что вернулся Годрик:

— Что так скоро? Мое желание не ослабло, а только укрепилось. Прогуляйся еще пару часов, но я и тогда не передумаю.

Годрик не ответил, и Эмер, взбешенная молчанием, резко одернула рубашку, просовывая голову в ворот.

Это был вовсе не он, а служанка, которая принесла кувшин с горячей водой для умывания.

— Поставь на стол и уходи, — велела Эмер, усаживаясь на кровать.

Служанка послушно двинулась к столу. Она была невысокого роста, русоволосая, с бледным личиком-сердечком. Обыкновенная служанка, не стоящая внимания, но Эмер почему-то проследила ее взглядом.

— Леди Сесилия послала тебя? — спросила она, хотя это и так было понятно.

— Да миледи, — ответила служанка, кланяясь и засовывая руки под передник.

Эмер успела заметить, что у нее не было переднего зуба. И в памяти шевельнулось какое-то неприятное воспоминание. Она еще пристальнее уставилась на служанку, и только это спасло ей жизнь, потому что скромная служаночка выхватила из-под передника два метательных кинжала. Рыцарские тренировки и в этот раз послужили Эмер хорошую службу. Ум еще не успел осознать, а тело уже осознало и ответило. Эмер повалилась спиной на постель, и смертоносные лезвия рассекли воздух над самым ее носом. Кинжалы пролетели через спальню и намертво застряли в дубовой стене. Перекатившись на другую сторону кровати, Эмер укрылась за пологом и грозно крикнула:

— Кто ты? И что тебе нужно?

Ответов она не ждала, но надеялась потянуть время, да и дать знак Годрику, буде он решил вернуться в самый неподходящий момент. Одновременно она на цыпочках прокралась несколько шагов, и резко выглянула из-за полога с другой стороны.

И чуть не получила в лицо еще один кинжал, но успела вовремя отшатнуться.

"Если девчонка не носит с собой оружейный склад, — подумала Эмер с неожиданной резвостью, — у нее остался только один нож».

— Сейчас ты снова промахнешься, — сказала она громко, — я доберусь до тебя и выбью оставшиеся зубы. Думала, не узнаю тебя? Разбойники там, в лесу, возле Дарема. Это ведь ты отвлекала, пока твои дружки нападали?

Замолчав, Эмер опустилась на четвереньки, проползла обратно и легко пошевелила полог, а потом так же осторожно вернулась, готовая сделать отчаянный рывок.

Едва слышный шорох подсказал ей, что хитрость должна удалась. Разбойница заметила колебание ткани и изготовилась для броска.

Эмер взвилась с пола, как пружина, выскочила из укрытия, успела схватить резной стульчик возле зеркала, и отбить им последний, четвертый нож.

— Вот и все, маленькая сучка, — сказала она, перехватывая стульчик за ножку поудобнее.

Разбойница поняла, что проиграла, попятилась и обратилась в бегство. Справиться с Эмер, превосходившей ее и ростом, и силой, в открытом бою было просто невозможно. Но добежать до двери ей не удалось. Резной стульчик, пущенный вслед, сбил разбойницу с ног, а в следующую секунду Эмер уже схватила ее за волосы и поволокла к кровати.

— Сдохни! — завизжала разбойница и попыталась достать Эмер кинжалом, который выхватила из-за голенища сапога, удар пропал без пользы, мнимая служанка получила кулаком в живот, а кинжал словно сам собой улетел в дальний угол.

— Полежи тихонько, — посоветовала ей Эмер, опуская на пол.

Кашляя и держась за живот, разбойница пыталась подняться, но ноги не слушались.

— Почему это я должна сдохнуть? — деловито спросила Эмер, проверяя на крепость собственный пояс.

— Из-за тебя все погибли! — сказала разбойница с ненавистью.

— Так уж из-за меня... — Эмер скрутила ее, немилосердно заламывая руки, и уселась рядом, утерев лоб. — Кто погиб-то?

Но разбойница упрямо сжала губы, показывая, что не скажет ни слова.

— Если ты про своих головорезов, которых мы уложили с мужем, то сами виноваты, — сказала Эмер. — Нечего нападать на честных людей. Хотя я должна быть тебе благодарна. Не напади вы на кузницу, Годрик так и стучал бы молотом по наковальне, и радовался свободе, — она фыркнула. — Жаль, что прибили Бодеруну, я многое хотела вызнать у старухи... Это же твои дружки прикончили старуху в деревне? Кто велел? Тебя тоже нанял богатый человек? Ты хоть лицо его видела? Или пошла на смерть за пару медяков?

— Что ты со мной сделаешь? — спросила разбойница, не отвечая на вопросы. — Почему не зовешь стражу?

— А зачем нам стража? — искренне удивилась Эмер. — Ты и без стражи все расскажешь.

— Расскажу?! — взвизгнула разбойница. — Хоть на куски режь, буду молчать!

— Неплохая мысль! — порадовалась идее Эмер. — Только крови будет много. Не хочу пачкать дом Сесилии, она такая чистюля... Лучше суну тебя пятками в жаровню — и чище, и толку больше.

Не отделяя слов от дела, она схватила разбойницу за шиворот и потащила к жаровне, в которой алели угли. На подступах пришлось повозиться, потому что разбойница сопротивлялась, норовя укусить. Эмер схватила ее поперек шеи, чтобы вела себя поспокойнее.

— Какая несговорчивая, — попеняла Эмер, словно говорила не с женщиной, только что

размахивавшей кинжалом, а с лучшей подругой. — Ведь была бы целее, — и она почти любовно уложила ее на пол, придавив коленом, а потом схватила за лодыжки и сунула пятками прямо в жаровню.

— Ты что это делаешь?! — раздался крик, но голос был вовсе не женский.

От неожиданности Эмер выпустила жертву, и та проворно, насколько позволили связанные руки, уползла к противоположной стене, заливаясь слезами и подстанывая от боли.

— Что тут творится? — в спальню вошел Годрик.

Он во все глаза смотрел на происходящее, не забыв между тем закрыть за собой двери.

— Кто это?

— Помнишь несчастную лань, которая попалась нам, когда мы ловили разбойников? — сказала Эмер, деловито отряхивая руки и снова направляясь к связанной женщине. — Я еще выбила ей зубик, красоту попортила. Так вот, это она и есть. Пришла меня убивать, мстит за дружков. Да убивалка оказалась маленькая. Сейчас я ее...

— Убивать?! — Годрик заступил дорогу жене. — А что ты собиралась с ней сделать?

— Хотела порасспросить кое о чем, да ведь молчит, проклятая! Но я ее разговорю, вот увидишь.

— Ты ее пытала! Женщину!

— Эй! Вообще-то, она пришла меня убить, — помахала Эмер рукой перед его лицом. — Меня — женщину.

— Убить? Она? — Годрик оглянулся, посмотрев на щуплое тельце, свернувшееся у стены. — Да она же маленькая...

— А кинжалом чуть не пырнула! — разозлилась Эмер. — Дай потолковать с ней, и она все выложит.

Разбойница забилась, как в силках, когда Эмер шагнула вперед, но Годрик снова заступил жене путь.

— Подожди, сгоряча это не делается. Зачем тебе пытать ее? Она и так все расскажет.

— Да-да, в подробностях, — закивала Эмер. — Ты в уме ли? Не хочешь помочь — не мешай.

— Защитите меня от нее, добрый господин! — взмолилась разбойница плаксивым голосом.

— Не пытайся разжалобить моего мужа!

— Тише, тише, — Годрик приобнял Эмер за плечи и увел в сторону. — Не надо шуметь, не надо кричать и угрожать. Эта милая девушка сейчас очень напугана...

— Эта милая девушка — отчаянный головорез! — завопила Эмер. — Это они хотели убить тебя отравленной стрелой, и они напали на нашу деревню, чтобы избавиться от тебя! И я уверена, что это она хотела убить меня тогда, в церкви!

— Нет! Отравленные стрелы — это твоя ловушка! — разбойница мигом оставила жалобный тон. — Почти весь мой отряд погиб там, на лесной дороге!

— Лгунья! — Эмер бросилась к ней, но Годрик перехватил ее и оттащил. — Но ведь лжет же! — не унималась Эмер, пытаясь вырваться. — Я чуть не умерла от яда! А сколько наших рыцарей погибло от ничтожных царапин! Только за это ее надо колесовать!

— Спокойно, жена! — прикрикнул Годрик, и Эмер мигом утихла. Слово «жена» действовало на нее волшебным образом. — Я сам с ней поговорю, ясно? А ты сидишь и не вмешиваешься.

— Да-да, так я и послушалась, — огрызнулась она, но села в кресло, перебросив ноги через подлокотник, и мрачно смотрела, как Годрик подходит к разбойнице и распутывает ей руки. Ему пришлось повозиться с узлами — уж что-что, а затягивать узлы Эмер умела.

— Не бойся, — подбодрил он разбойницу. — Если будешь честной, я не позволю тебя наказать. И отпущу тут же.

— Отпустите? — спросила разбойница недоверчиво.

— Конечно, — сказал Годрик. — Я же вижу, что ты — всего лишь несчастная девушка, которая вынуждена выживать в жестоком мире. Моя жена — она всю жизнь прожила в богатстве и неге, ей не понять твоих страданий. А мне пришлось побыть вилланом, и я прекрасно знаю, что это — когда хочется есть, и нечего, и когда твои родные берегут последний медяк, чтобы хватило похоронить их честно. Ты ведь не от хорошей жизни стала разбойничать, дитя?

Эмер фыркнула, когда беззубая девица начала скулить и жаловаться на жизнь, рассказывая, как рано осталась без отца, а потом и без матери, и обитала в Нижнем городе в столице, а потом спуталась с бандитами и начала промышлять на дорогах.

— Полгода назад нас поймал начальник стражи из Дарема. Меня и моих людей, нас было восемь, — поверяла она, размазывая слезы по щекам. — Мы сидели в подземелье, и нас должны были казнить. И вдруг пришел он — человек в маске. Он сказал, что мы сможем спастись, если будем верны. Мы согласились, и он отпустил нас.

— Вот так, просто? — поразился Годрик. — Почему ты не убежала после этого? Зачем служила ему?

— Он хорошо платил, — ответила разбойница, но взгляд у нее стал затравленный.

— И только в этом дело? В хорошей плате? — продолжал допытываться Годрик.

— Подожди-ка, — Эмер внезапно поняла, в чем была причина покорности разбойницы.

Она загасила фитиль в масляном светильнике и взяла чашку с маслом, чтобы не расплескать. Разбойница засучила ногами, пытаясь отползти, когда Эмер направилась к ней. Годрик не успел остановить жену, как она схватила разбойницу за руку и вылила на ладони масло.

Почти сразу после того, как тайный лорд Саби поставил ей на руку шпионскую метку, она точно также вылила масло на собственную ладонь. И сейчас на коже разбойницы проступил точно такой же знак — две руки, соединившиеся указательными и большими пальцами, и корона над ними.

— Её заклеямили королевские шпионы. Вот и вся верность.

Годрик внимательно осмотрел шпионский знак и спросил:

— А ты откуда об этом знаешь?

— Чего только не услышишь в королевском замке! — сказала Эмер, честно глядя ему в глаза.

Он поверил и нахмурился.

— Я не хотела этого, — угрюмо сказала разбойница. — Но он сказал, что так призовет меня, когда я буду нужна.

— И призывал? — поинтересовался Годрик.

Разбойница засопела.

— Попробуй послушайся, — ответила вместо нее Эмер. — Зажжет так, что побежишь вприпрыжку, — и добавила для убедительности: — так мне рассказывали сплетницы при дворе.

— Зачем ты пыталась убить мою жену в церкви? — спросил Годрик, пропуская болтовню Эмер мимо ушей. — Это тоже приказал тот богатый человек?

— Нет, умереть должна была не она, — процедила разбойница, глядя на Эмер с ненавистью.

— Кто? — пошел Годрик напрямик. — Королева или я?

— Вы, милорд.

— Вот как...

— Не умереть, — быстро поправилась разбойница. — Сказано было только обездвигнуть ядом, а потом я должна была подать сигнал и уйти.

— А кинжал зачем прихватила? — насмешливо спросила Эмер. — В зубах ковырять?

— Только дура пойдет к врагу без кинжала, — не осталась та в долгу.

— Ах ты, маленькая дрянь! — Эмер замахнулась, но Годрик не позволил ударить.

— Значит, они не хотели проливать кровь в церкви? Или просто решили избавиться от меня не вызывая подозрений? Дескать, удрал от строптивой супруги...

— Я не знаю! — взгляд разбойницы стал затравленным. — Я ничего не знаю, мне просто...

Она внезапно закашлялась, по подбородку потекла кровь, и через пару минут на полу перед Годриком и Эмер лежал труп.

— Небеса святые, — Эмер набожно осенила себя святым знаком. — И такое бывает в этом мире. Она сделала много зла, вот и поплатилась. Даже страшно становится. Я ведь тоже не ягненок, вдруг и...

— Не говори глупостей, — сказал Годрик, пытаясь нащупать живчик на шее разбойницы, а потом снял накидку с ближайшего кресла и укрыл покойную. — Так убивают предателей слугители яркого пламени. Эта метка как удавка на шее. В нужный момент достаточно затянуть. Бедняга вряд ли знала об этом. Эй, что с тобой? — он с беспокойством посмотрел на Эмер. — Побледнела, как снег.

— Просто немного душно, — для пущей убедительности Эмер оттянула ворот рубашки и принялась обмахиваться ладонью. — А ты откуда об этом знаешь? О том, что метка — как удавка?

Он усмехнулся:

— Чего только не услышишь от сплетников при королевском дворе.

Глава 31 (начало), или окончание 30 главы

После долгих споров решено было рассказать леди Ишем об утреннем нападении, труп в спальне и намерениях юной пары добиться справедливости. на удивление спокойно. Эмер волновалась за подругу и втолковывала Годрику, что женщине на сносках нельзя говорить про покойников, на что он вполне резонно отвечал, что скрыть труп в спальне невозможно, и кому рассказать о нем, как не хозяйке дома.

Но услышав ошеломительные вести, Сесилия повела себя, как истинная леди, и осталась невозмутимой.

— Ты ничуть не испугана? А где же причитания и мольбы остаться? — спросила у нее Эмер.

Ведь когда-то в Роренброке Сесилия едва не падала в обморок при любой затевавшейся каверзе, а теперь сидела с каменным лицом. Или это будущее материнство так на нее повлияло? Эмер нетерпеливо пристукивала башмаком, ожидая ответа. Она упростила Годрика дать ей одной поговорить с Сесилией, и теперь была раздосадована, что ошиблась, посчитав Сесилию пугливой ланью.

Подруга подняла на нее глаза, и Эмер устыдилась своего тона.

— Я в том смысле, что раньше ты проявляла больше беспокойства... — забормотала она.

— И сейчас я беспокоюсь, — сказала Сесилия совсем незнакомым, глубоким и проникновенным голосом. — О тебе многие беспокоятся, Эмер. Многие переживают, хотели бы помочь, но разве ты видишь чье-то беспокойство? Разве тебя заботит, что думают люди вокруг?

— О чем это ты?

— Пора бы тебе повзрослеть, — веско произнесла Сесилия, и Эмер изумленно открыла рот. Подруга и раньше читала ей нотации, но никогда не упрекала в недостаточной взрослости. — Ты ведешь себя, как глупая девчонка на прогулке. А дела ведь начались вовсе не шуточные. Но ты продолжаешь ввязываться во все новые неприятности, словно и не видишь опасности. Ладно бы рисковала одна, но ты ставишь под удар всех, кто любит тебя... Как деревенская дурочка!

— Эй! Поосторожнее с обвинениями! — вспыхнула Эмер, позабыв, что сама четверть часа назад объясняла, что нельзя волновать женщину, ждущую ребенка. — Если ты против того, чтобы я ехала в Дарем, то это пустые разговоры, так и знай.

— Как раз здесь я считаю, что ты права.

— Права?.. — Эмер была совершенно сбита с толку.

— Но я против того, что ты решила тащить в Дарем Годрика. На твоего мужа объявлена охота. Ему опасно появляться где бы то ни было. А ты хоть и пошла против воли королевы, но по-прежнему графиня Поэль. Тебе вряд ли что-то грозит. Поэтому ты и только ты должна проникнуть в Дарем и поговорить с Острюд. Я тоже уверена, что она там, и что она знает многое о тех, кто решил убрать лорда Фламбара с пути.

Эмер смотрела на малютку Сесилию со все возрастающим недоумением. Как получилось, что ее подруга, всегда такая робкая, идущая на поводу у всех и каждого, сейчас говорит столь уверенно и решительно? Неужели, люди меняются так быстро и так сильно?

Но над этим можно было бы поразмышлять потом, на досуге, а сейчас были более важные дела.

— Попасть в Дарем, — сказала Эмер, ковыряя резную оконную раму, — как будто это сделать легче легкого. Как мне проникнуть туда незамеченной?

— А зачем тебе прятаться?

— Что? — Эмер быстро повернулась к Сесилии.

— Зачем тебе прятаться? — повторила подруга. — Разве ты преступница? Просто сумасбродная графиня, богатая, знаменитая. Ты, может, не знаешь, но о тебе баллады слагают. И твое появление на турнире придется как нельзя кстати.

— На турнире? — глупо переспросила Эмер.

— В Дареме на следующей неделе объявлен турнир. Зрители придут в восторг, увидев тебя. Да и сэр Тюдда будет рад, как мне кажется. По-моему, он поступил очень по-рыцарски, когда принял твой вызов на прошлом состязании.

— Да, по-рыцарски, — пробормотала Эмер, но планы ее уже захлестнули. — Поехать, как графиня Поэль... А в самом деле, почему бы и нет? Разве я в бегах? И я всё знаю в замке, и всех знаю. Мне легко будет разговорить слуг и вызнать, куда делась Остриуд. Или даже поговорить с леди Фледой... Я могу сказать, что путешествовала, проезжала мимо, решила заглянуть... Ну, что-нибудь придумаю!

— Тебе не надо ничего придумывать, — Сесилия встала, поддерживая живот, и подошла к Эмер. — Посмотри, кого я попросила приехать, — и она указала во двор, откуда слышалось бряцанье конской сбруи и веселые голоса, на которые Эмер сначала не обратила внимания.

Десять всадников въехали во двор дома Ишемов, и Эмер безошибочно узнала своих недавних подруг — златовласая леди Кас, и леди Изабелла, и леди Мерод, и еще леди с ними, все одетые в одинаковые зеленые котты и юбки с разрезами для верховой езды. Все они восседали в седлах по-мужски, а на груди у каждой всадницы красовалась вышивка — золотая сковородка на зеленом фоне.

— Зачем они здесь? — Эмер высунулась в окно, разглядывая благородных дам. — И что за вид?!

— Они берут пример с графини Поэль. И готовы заявить, что женщина — не безмолвное украшение жизни, а часть жизни. Мы решили, что ты возглавишь женский отряд, который поедет в Дарем, чтобы участвовать в турнире. Отличный предлог появиться там, и не надо придумывать нелепиц насчет «ехала мимо и решила проведать».

— Ах ты, стёганый крот! — вырвалось у Эмер.

Она постаралась не заметить укоризненный взгляд Сесилии и перебежала к другому окну, откуда было лучше видно, что происходит во дворе.

Благородные дамы спешили, весело перекликаясь, бросили поводья слугам и поспешили в дом, на ходу снимая перчатки, чтобы и в этом подражать мужчинам — ведь для женщин считалось неприличным снимать на улице какой-либо из предметов туалета, будь то перчатка или вуаль с генина.

Гости приветствовали хозяйку дома и — с искренней сердечностью — графиню Поэль. Эмер была смущена и растеряна от подобного радушия, и ограничилась коротким поклоном.

— Я рассказала графине о нашем плане, — произнесла леди Ишем, — и она согласилась. Благодарю, что приехали, леди.

Эмер ответила невнятным бормотаньем, потому что впервые Сесилия решила всё за неё

и без неё.

— Не волнуйтесь, мы поддержим и не подведём, — сказала леди Кас. — И ничуть не испугаемся. Мы с сестрой хотим в этот раз выйти на арену. Мы много тренировались, и не опозорим ваш знак, — она коснулась вышитого изображения сковородки на груди. — Доверьтесь нам.

— Вы так смелы, леди, — сказала Эмер, теребя поясok платья. — Помнится, ваш муж... Леди Изабелла и ее сестра весело переглянулись.

— После того, как Ее Величество сказала, что дамы-рыцари пришлись ей по душе, лорд Бернар очень переменялся. О-очень переменялся, — леди Изабелла засмеялась.

— Не представляете, как я рада! — заверила ее Эмер.

— А уж как я рада!

И леди Изабелла и леди Мериод взяли Эмер за руки и сердечно пожали, выражая готовность встать под ее знамена.

Эмер, которую никогда особо не любили изысканные дамы, кивнула и отвернулась, чтобы никто не увидел ее глаз, заблестевших от невольных слез.

— Благодарю, леди, — сказала она чинно и почти холодно, потому что боялась показаться чересчур чувствительной, — я с радостью приму вашу помощь. Потому что — видят небеса! — она пришлась очень кстати.

— Вот и решили, — леди Кас развернула Эмер к себе и сердечно расцеловала в обе щеки. — Выезжаем завтра на рассвете. Милая леди Ишем снабдит вас всем необходимым. Только ваши доспехи мы не смогли раздобыть. Но уже решено: вы повезете знамя, а знаменосцу кольчуга не нужна.

Когда леди ушли отдыхать и готовиться к завтрашнему великолепному выезду, Эмер, оставшись наедине с Сесилией, сказала:

— Ты оказалась права, как всегда. Я вела себя, как дитя. Но я привыкла, что люди вокруг не одобряют моих поступков, считают меня сумасбродкой. А ты смогла сплотить этих женщин...

— Не я, а ты, — Сесилия взяла Эмер под руку и прижалась щекой к её плечу. — Ты и вправду необыкновенная. Я не сразу поняла это, а теперь вижу. Раньше я тоже осуждала тебя, но сейчас думаю, что тебе уготовано вершить судьбу Эстландии.

— Ого! Какие громкие слова! — засмеялась Эмер, стараясь скрыть охватившее ее чувство неловкости. Слишком уж торжественными и грозными показались ей речи подруги. — С чего бы ты так переменялась?

— Я увидела, что есть люди, которых ты вдохновила, — серьезно сказала Сесилия. — Ты вселила в их сердца уверенность и смелость. Для этого нужен особый дар. Ты зажигаешь пламя в душах других. Недаром ты рыжая — внешность всегда отражение внутреннего мира.

— Где-то я уже об этом слышала, — пробормотала Эмер. — Ты так и не сказала, кто это так переживал за меня, что отправил тебя в путешествие?

Ответ она уже знала — Тилвин, кто же еще? — но не желала больше продолжать разговор о собственной избранности.

— Он пожелал остаться неизвестным, — лицо Сесилии стало важным и таинственным.

— Я и так знаю, кто это, можешь хранить свою тайну. Только имей в виду, человек этот... не очень хороший человек. И отправляя тебя, он заботился не обо мне, а вынашивал какие-нибудь коварные планы.

Но Сесилия пылко возразила:

— Нет! Я слишком хорошо знаю его. Он не коварен, он скромн. А скромность — это признак истинного величия. Жаль только, что не всегда великий дух оказывается в теле великого по рождению...

— Не желаю говорить о нем, — оборвала ее похвалы Эмер. — Пойду, обрадую Годрика. А то он, бедняжка, голову сломал, размышляя, как проникнуть в Дарем. Каково ему будет узнать, — тут она не сдержалась и хихикнула, — что женщины обошли его и в смекалке.

Она оказалась права.

Услышаво внезапно подвернувшейся возможности попасть в Дарем, Годрик в восторг не пришел.

— Мне ничего не угрожает, — уговаривала его Эмер. — Та сумасшедшая девка, которая хотела убить меня, мертва. А Тилвину и Ларгелю мое убийство ни к чему.

Годрик поморщился, когда она упомянула имя епископа.

— Не понимаю, почему ты веришь, что он в стороне от заговора, — Эмер пожала плечами. — Ты что-то там наобещал ему, о чем не хочешь говорить, но это не меняет дело. С его стороны помочь тебе — всего лишь уловка. Он охотится за тобой. Сесилия говорит верно — тебе надо спрятаться здесь, в доме Ишема. Я все разузнаю и вернусь.

— Спрятаться?! — Годрик посмотрел на нее с такой яростью, что Эмер испуганно выставила вперед руки, развернув их ладонями. — Пока моя жена пойдет в логово врага, я буду прятаться? Ты совсем не уважаешь меня, Эмер из Роренброка, если осмеливаешься говорить подобное! Я поеду с вами.

— Но это опасно! — тут уже вскипела Эмер. — Тебя узнают в два счета, громила ты эдакий! Сесилия тоже считает, что тебе надо затаиться.

— Сесилия! — бросил Годрик презрительно и задумался, но было видно, что отступить от своего намерения он не собирается.

— Мы поедем дамским отрядом, — торопливо принялась убеждать его леди Эмер. — Даже пажей не возьмем — одни женщины. Мужчина будет слишком заметен, и тебя раскроют сразу же.

— Мужчина в дамской компании будет слишком заметен, это верно, — признал Годрик.

— Вот видишь! Слышу в твоих речах голос разума.

— А на еще одну женщину никто не обратит внимания.

— Ты что это задумал?

— В конце концов, благодаря тебе я уже примерял женское платье, почему бы не примерить его еще раз?

Эмер всплеснула руками и расхохоталась, несмотря на то, что была зла, как стая голодных гусей.

— А что ты смеешься? Это прекрасный способ проникнуть в Дарем незаметно.

— Никто не заметит такого медведя лишь в одном случае, — сказала Эмер. — Если тебя засунуть в мешок и положить в повозку, завалив щитами.

Глава 31 (продолжение)

Утро выезда дамского рыцарского отряда было ясным и солнечным. Эмер ехала во главе, держа новый штандарт — золотую сковородку на изумрудном фоне. Это умелицы из свиты Сесилии расстарались и вышили за ночь. На штандартоносце не было доспехов — они остались в обозе с приданным и прочим добром в королевском замке, зато остальные дамы щеголяли новенькими кольчугами, шлемами и поножами. Ехать в металлических одеждах было не очень удобно, зато сразу сбежались зеваки, чтобы поглазеть на удивительное зрелище, и откровенно выражали восторги. Дамы расточали улыбки и ехали в седлах по-мужски, чем повергали в ужас некоторых старых особ, которые находили подобную манеру езды страшно неприличной.

Что касается Эмер, она то и дело посматривала в середину каравана — там ехала дама, которая привлекала ее особое внимание. У дамы были льняные косы до пояса, а лицо ее прятала вуаль. Она ехала без доспехов, как и Эмер, но и не будучи вооружена выглядела внушительно, выделяясь высоким ростом и широкими плечами. Еще великанша была самой скромной — она не отвечала на приветствия и восторги, и ни разу не приподняла вуаль, чтобы поулыбаться. Кто-то из зрителей предположил, что лицо могучей дамы обезображено оспой, и дама этого стесняется. А другой сказал, что если дама выйдет на поединок, то победит и графиню Поэль, которая блистала на прошлом даремском турнире.

Разумеется, скромной дамой был Годрик, и Эмер предпочла бы видеть его рядом, чтобы вдосталь посмеяться над его нелепым видом, но он наотрез отказался ехать рядом, чтобы не привлекать излишнего внимания.

День пути прошел приятно — ехали неспешно, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть и перекусить. Дамы сплетничали и весело болтали, чем приводили Эмер в уныние, но она старалась быть дружелюбной, чтобы не огорчать своих помощниц. Годрик держался в стороне, и им с Эмер не привелось даже переброситься словом, а выразительные гримасы жены он попросту не замечал.

К вечеру перед всадницами предстал грандиозный Дарем — собор-крепость.

При виде замка сердце Эмер ёкнуло. Как же она скучала по этой махине, и даже не догадывалась, насколько сильно скучала.

Ворота были гостеприимно открыты, и в них вливалась сплошным потоком многоцветная людская толпа — и пешие, и конные, и рыцари и вилланы, все спешили на турнир, который устроил новый хозяин Дарема.

Эмер слышала веселые голоса и шутливые разговоры, и с горечью понимала, что их с Годриком исчезновение никто не заметил. Какая разница простолюдинам, на чьем празднике гулять? Было бы зрелищно, да покормили бы на дармовщину, а кто там теперь владеет замком — какая разница?

По обрывкам фраз она узнала, что епископ Ларгель еще не вернулся из столицы, и с облегчением вздохнула. Легче справиться с предателем Тилвином без его высокого покровителя.

Наверняка о женском отряде новому хозяину Дарема доложили заранее, и он сам встретил благородных дам у ворот. Эмер чуть не заскрежетала зубами, увидев Тилвина в праздничной котте, наверняка, найденной среди одежд Годрика. Надо признать, сэр Тюдда

выглядел не менее великолепно, чем его замок, и вел себя, как и положено истинному благородному лорду — был любезен со всеми дамами и расположил к себе не одно женское сердце.

С Эмер он поздоровался так же, как со всеми остальными, но она все время чувствовала его взгляд. Даже разговаривая с леди Кас, он то и дело посматривал на Эмер. И улыбался. Будто она приехала только ради него.

— Вам будут приготовлены лучшие места на трибунах, — говорил он, как пел. — Вы станете украшением этого турнира, милые леди! По сравнению с этим турниром прошлый будет забыт, как дурной сон.

— Что вы, милорд, — кокетливо сказала леди Мериод, играя косами, лежащими поверх сверкающего нагрудника. — Простой турнир войдет в историю. Ведь вы показали там истинно рыцарскую отвагу!

— Да, нужна была отчаянная смелость, чтобы выйти против графини Поэль, — подхватил Тилвин со смехом. — Но прошу, следуйте за мной. Комнаты уже ждут — отдохните с дороги и утолите голод, прекрасные гости, ведь завтра вам предстоит трудный день, ведь вы не останетесь в стороне и пожелаете повторить подвиг графини?

— Повторим всенепременно! — засмеялись леди.

Эмер тоже выдавила улыбку, хотя ей было не до смеха. Во-первых, из-за присутствия предателя Тилвина, а во-вторых, она обнаружила, что Годрик исчез. Незаметно оглянувшись, она не обнаружила его в повозке, где он ехал. Эмер так и заерзала в седле, словно уселась на мешок с камнями и терниями.

— Вам что-то не нравится? — услужливо спросил Тилвин.

— Многое, — ответила Эмер, стараясь выглядеть беззаботно. — Но к вам это не имеет никакого отношения, сэр Тюдда.

— Милорд, — мягко поправил ее Тилвин, не переставая лучезарно улыбаться. — Вы забыли, миледи, что я теперь не безземельный рыцарь, а хозяин Дарема.

— И в этом — великое чудо небес, — подхватила леди Мериод. — Расскажите мне...

Понукая жеребца, Эмер заставила коня отойти в сторону, давая леди Мериод место рядом с Тилвином. Та не замедлила занять место графини и вовлекла рыцаря в изящную беседу.

Пока леди Мериод болтала с Тилвином, Эмер посматривала по сторонам. Она увидела много знакомых лиц, въезжая во двор замка. Ее тоже узнавали и кланялись. Старик-сторож даже ошибся, назвав ее хозяйкой Дарема, и на эту ошибку никто не обратил внимания.

Дамам отвели комнаты в крыле, противоположном тому, где находились женские комнаты. Тилвин пояснил, что там сейчас всё переделывают после прежних хозяев.

— Жаль, что леди Острюд ушла в монастырь, — сказала леди Кас без особой грусти. — А как здоровье леди Фледы?

— Понадеемся, что она справится с недугом, милостью яркого пламени, — сказал Тилвин кротко, — но будет так, как угодно небесам. Жизнь человека брэнна, но не омрачайте грустными мыслями предстоящий праздник. Я оставляю вас, милые леди. Если в чем-то будет хоть малейшая нужда — сообщите мне немедленно. Всегда к вашим услугам.

— Какой мужчина! — воскликнула леди Мериод, когда дамы остались одни. — И весь Дарем теперь принадлежит ему!

— Завидный жених, — поддакнула леди Кас. — Ах, не будь я замужем за Бернаром...

— Теперь тебе остается только завидовать, — погрозила ей пальцем сестра, и леди

весело засмеялись. — А вы, графиня? Как вы находите милорда Тюдду? — леди Мериод подхватила Эмер под локоток. — Он заставляет сердце волноваться, верно? Такой вежливый, истинный рыцарь...

— Мое сердце он точно не взволнует, — ответила Эмер, осторожно освобождаясь от цепкой ручки, — у него слишком маленькие глаза. Это указывает на коварство натуры.

— В самом деле? — изумилась леди Мериод, и остальные дамы поддержали ее. — О! А мне нравятся его глаза. Такие яркие, блестящие!

— Помолчи, — осадил ее леди Кас. — Как же мы глупы, дамы. Совсем позабыли, что для госпожи графини подобные похвалы милорду Тюдде могут быть неприятны. Ведь совсем недавно она была хозяйкой Дарема, и как все обернулось... Раны на ее сердце еще не зарубцевались, — она ласково обняла Эмер, желая утешить.

— Простите меня, — покаянно произнесла леди Мериод. — Ах, я глупа, как сойка. Конечно, эти воспоминания болезненны... Но лучше развязать узлы раньше, чем позже — так говорит наша матушка. И я уверена, что потеряв Дарем вы обретете много больше!

— Благодарю за добрые слова, — пробормотала Эмер, испытывая непреодолимое желание послать благородных дам бегать по холодку.

Но на ее счастье, дамы вновь занялись перечислением достоинств новоявленного хозяина Дарема, оставив графиню в покое. Воспользовавшись этим, Эмер прошла в смежную комнату, сделав вид, что желает освежиться с дороги. Окно комнаты выходило на крохотный балкончик, через который можно было попасть на галерею для слуг — по ней в главный зал приходили музыканты. Этим-то путем Эмер и решила воспользоваться. Медлить было нельзя — Годрик уже всю рыскал по Дарему, собирая сведения, и уступать ему Эмер не собиралась.

Она перелезла через подоконник, прошла по карнизу и перебралась через перила балкона. Отряхнув юбку, графиня невозмутимо пошла по галерее, будто и не лазала только что по стенам с ловкостью мухи, а просто прохаживалась по замку.

Миновав галерею, Эмер спустилась по черной лестнице, ведущей к кухне, и не смогла себя побороть — заглянула в кухню, где сновали в клубах дыма и пара повара, подмастерья и их помощники.

Несколько секунд она наблюдала за привычной сутолокой, оставаясь незамеченной, как вдруг толстяк мастер Брюн, тащивший решето с раками, поднял голову.

— Миледи! — взвизгнул он.

И под сводами Дарема прогреготало приветствие:

— Рады видеть, дорогая хозяйка!!!

Повара побросали работу, и мясо, которое готовили к ужину, опасно зашипело на сковородах.

— Что вы тут устроили! — замахала на них руками Эмер. — Вернитесь к работе! Все стгорит, негодники! Какая я вам хозяйка? Все уже давно в прошлом.

— Мы счастливы, что вы вернулись, миледи! — сказал мастер Брюн, сияя.

Он сделал знак, и подмастерья метнулись к печам и плитам, а один из подмастерьев немедленно поднес Эмер кружку холодной сыворотки — день выдался жарким.

— Счастливы, после того, что я вам тут устроила? — криво улыбнулась Эмер, делая несколько глотков. Сыворотка была свежей, кислой и сладковатой одновременно, и ледяной. Она охлаждала не только желудок, но и голову.

— Вас вспоминали лишь хорошим, — заверил мастер Брюн. — Ведь...

Но Эмер перебила его:

— А что с леди Фледой? Где она? И что с леди Остриуд?

Лицо мастера Брюна печально сморщилось:

— Младшая леди ушла в монастырь, куда-то далеко, на остров в Западном море. А старшая леди больна. Очень больна, даже не выходит. Милорд сам носит ей еду, говорит, она совсем плоха — никого не узнает.

— Она в своих покоях?

— Нет, в тех комнатах сейчас меняют мебель и ковры, и делают новую кладку на полу — милорд распорядился. Будет очень красиво — новые каминные, облицованные мрамором, пол из самшитовых пластин...

— А где леди Фледа? — Эмер уже теряла терпение от его болтовни.

— Пока ее переселили в комнату над собором, — с готовностью ответил мастер Брюн. — Там раньше жили звонари. Милорд сказал, миледи стала немного буйной, а рядом со святым местом ей будет спокойнее...

«Буйная! Как же! — подумала Эмер. — Только не леди Фледа. Эта старуха холодна и рассудительна, как камень. Запер ее там, чтобы ни до кого не смогла докричаться».

— Рада была вас всех повидать, — сказала она, возвращая кружку. — Завтра турнир — приходите! Будет отличное зрелище!

— А не хотите сладких пирожков, миледи? — всполошился мастер Брюн. — только что зажарили, а я бы вам многое порассказал...

— Не сейчас, мой дорогой, не сейчас, — Эмер похлопала его по плечу. — К завтрашнему турниру мне надо обрести спокойствие, чтобы выступить достойно.

— Вы снова вызовете на бой милорда?! — пискнул один из поварят, оторвавшись от миски, в которой он сбивал яичные белки.

— Делай свое дело! — прикрикнул мастер Брюн.

— И не только его, — загадочно сказала Эмер, подмигнув поваренку. Она узнала его и даже вспомнила имя — Муго. Тот самый, благодаря которому были уничтожены почти все куриные яйца в Дареме, когда надо было стряпать королевский пирог. — Все, я ушла. Не провожайте меня, мастер Брюн. Я еще помню расположение коридоров и комнат Дарема.

Оставшись одна, она немедленно вышла во внутренний двор, короткими перебежками добралась до стены собора и примерилась, потирая руки. Этим путем она уже пользовалась, и пользовалась не раз. А там, где проходил два раза, пройдешь и третий. Вскоре Эмер кралась по лестнице, винтом поднимавшейся к комнатам звонаря, где теперь была тюрьма леди Фледы. А то, что леди Фледа оказалась в плену у коварного Тилвина, Эмер не сомневалась. Она ожидала увидеть охранников, вооруженных до зубов, но коридор перед маленькой дверью был пуст. А на стене висел ключ, словно приглашая отпереть замок и поскорее войти.

Так Эмер и поступила. Ключ повернулся в замочной скважине легко и бесшумно, Эмер переступила порог, взглядываясь в темноту и ничего не видя со света. Зато она услышала два возгласа из дальнего угла, а потом послышался звон цепей.

— Леди Фледа?! — глаза, наконец-то, привыкли к темноте, и Эмер увидела бывшую свекровь и золовку, сидевших на полу возле стены. Благородные дамы были в одном исподнем, а именно — в тонких сорочках, простоволосые, с распухшими от слез лицами. На шее каждой красовался аккуратный кожаный ошейник, к которому крепилась тонкая, но прочная цепь, другим концом соединенная с железным кольцом, вкрученным в стену.

Остриуд закрыла лицо руками, а леди Фледа схватилась за сердце.

— Это Тилвин запер вас?! — Эмер подскочила к пленницам и подергала цепь, заранее зная, что это бесполезно. Всё, что делал Тилвин, было сделано на совесть. — Только дурак поверил бы, что Остриудка могла уйти в монастырь!

— Какой монастырь? — слабым голосом спросила леди Фледа. — Он сказал, что это был приказ Её Величества... Но неужели королева столь жестока...

— Королеве он сказал, что вы при смерти, — зло ответила Эмер, обыскивая комнату в поисках ключей или какого-нибудь подходящего предмета, вроде каминных щипцов, чтобы освободить пленниц. — Я ему кости при встрече переломаяю!

— Переломашь кости? Мне? Какая жестокость, — раздалось от порога, и Остриуд ахнула, вжимаясь в стену и закрывая голову руками, а леди Фледа обняла дочь, пытаясь закрыть своим телом.

— Так и знала, что это очередная твоя подлость! — крикнула Эмер, оборачиваясь.

У выхода стоял Тилвин в сопровождении шести королевских гвардейцев. Судя по невозмутимым физиономиям стражников, вид полуголых женщин, сидевших на цепи, подобно собакам, ничуть их не тронул.

— Так и знал, что застаю тебя здесь, — сказал Тилвин. — Если графиня Поэль пропала, это означает, что она опять затеяла опасное дело. Чем же еще заняться графине, как не залезть в соборное окно? А я надеялся, что ты приехала повидать меня. И поучаствовать в турнире.

— Зря надеялся! — Эмер указала на леди Фледу и Остриуд, и топнула. — Немедленно отпусти их, если не хочешь, чтобы об этом узнала королева!

— Королева ничего не узнает, — заверил ее Тилвин. — Да и это неважно, в конце концов. Пойдем, тебе здесь не место. Скоро праздничный ужин, я хочу, чтобы ты присутствовала там, как хозяйка. Вместе со мной.

Остриуд сдавленно всхлипнула, и Тилвин немедленно перевел взгляд на нее.

— Чем-то недовольна, маленькая шлюшка?

Она затрясла головой, а леди Фледа обняла ее еще крепче.

— Совсем страх потеряла, — бросил Тилвин. — Забыла про плетку?

— Ты еще и бьешь их? — Эмер сжала кулаки. — И после этого смеешь называть себя рыцарем?

Она бросилась на Тилвина так быстро, что он не успел защититься, и ударила его под ребра, почти без замаха. Тилвин упал на колени, силясь вздохнуть, но легкие отказались слушаться. Гвардейцы тут же схватили Эмер под руки, немилосердно завернув.

— Пустите меня, недоноски! — крикнула она, норовя пнуть державших ее мужчин, но ее никто не слушал.

Обретя дыханье, Тилвин поднялся на ноги, прижав ладонь к животу, и сказал со смешком:

— Хороший удар. Узнаю руку графини Поэль. Раньше твои удары доставались моему братцу, а теперь и я заслужил сию честь. Значит, скоро мне достанется и твоя нежность.

— Дай мне волю, и я тебя прикончу, — сказала Эмер, которую хватка гвардейцев заставила поубавить боевой пыл.

— Уведите ее, — приказал Тилвин, передвигаясь короткими шагами. — Нет, в самом деле, Эмер, зачем же было бить так сильно? Теперь я вряд ли что-то съем за ужином, а даремские повара расстарались на славу. Ведь я сказал, что скоро их любимая хозяйка

вернется. Кстати, в последний день недели будет наше венчание. Я уже велел герольдам, чтобы оповестили в начале турнира.

— Венчание?! Ты спятил! — Эмер снова задержалась, пытаясь освободиться.

— Держите ее крепче, она сильная, — велел Тилвин гвардейцам, — но не сделайте ей больно.

— Как же не сделать? — проворчал один из них. — Она же дикая, как кошка.

— Всякого, кто сделает плохо графине Поэль, я уничтожу на месте, — сказал Тилвин тихо и грозно. Зрячки его вдруг полыхнули красным, и гвардейцы испуганно склонили головы.

Эмер и сама испугалась, внезапно осознав, кем Тилвин является на самом деле. Не только шпион Саби, но и его помощник, обладающий грозной силой слугителей яркого пламени — как и Ларгель Азо. Она постаралась не выказать страха, и съязвила:

— Как легко наша добрая церковь умеет призвать к повиновению! Милосердна и добра, поистине!

— Церковь здесь ни при чем, — ответил Тилвин. — Дар яркого пламени не дается просто так. Это великая милость небес. Немногие наделены ею.

— Небеса слепы, раз наделили тебя!

— Может, наоборот? Слишком зрячи? — на сей раз Тилвин запер дверь тюремной комнаты и положил ключ себе в поясной кошелек, а не повесил на двери. И двое стражников остались охранять пленниц.

— Ловушка, — спокойно подытожила Эмер. — Ты устроил для меня ловушку.

— И ты попала в нее, — согласился Тилвин. — Все, как я и предполагал. Даже не пришлось напрягаться — ты приехала сама, и все это видели. А где мой кузен? Ведь я велел леди Ишем задержать его. Куда он опять ускакал, этот заяц из Заячьих Хвостов? Когда мы сожгли дом Ишемов, Годрика там не оказалось...

— Сожгли? — Эмер ощутила дурноту, а потом такой прилив ненависти, что если бы можно было убивать чувствами, Тилвин валялся бы уже бездыханный. — Моя Сесилия!..

— За какое чудовище ты меня принимаешь? Разве я буду убивать беременную женщину? Тем более, если эта женщина так помогла мне, — тут взгляд его стал пристальным. — Но ты взволновалась о подруге, а не о Годрике. Значит, тебе известно, где он.

Мысленно возблагодарив небеса за то, что Годрик еще не пойман, Эмер тянула время, размышляя. Вряд ли он намерен отпустить ее из Дарема, раз так откровенен. Но как заставит замолчать? Посадит на цепь рядом с леди Фледой?.. Будет пытаться, выясняя, куда скрылся Годрик?

Словно угадав ее мысли, Тилвин успокоил:

— Тебе ничего не грозит в этом доме, Эмер. Тебе известно, что значишь для меня. Когда я был изгоем, и все считали меня жалким слугой, ты одна проявила доброту и сердечность. Никогда этого не забуду. И я сразу понравился тебе. Если бы Годрик не сбил тебя с истинного пути, мы давно были бы вместе. Но скоро так и случится.

— Уверен?

— Абсолютно, — он уже пришел в себя и дышал полной грудью. — Сегодня вечером мы объявим о помолвке, а через четыре дня, по окончании турнира, повенчаемся. Это будет двойной праздник для жителей Дарема и его гостей. Заводите ее, — он распахнул двери спальни, где некогда жили молодожены — Годрик и Эмер, которых скоропалительно повенчала Ее Величество.

Гвардейцы втокнули Эмер внутрь и отпустили, она отошла к стене, потирая руки у локтей — там, где слишком сильно сдавили их мужские пальцы.

— Ах, как ты все просчитал, — сказала она угрюмо. — Но я не намерена выходить за тебя. Скорее отрежу себе язык, чем скажу, что согласна стать твоей женой.

— Скажешь и не отрежешь, — весело заявил Тилвин, усаживаясь в кресло. — Ведь ты не хочешь, чтобы с леди Фледой и Остриуд что-то случилось? А они сейчас такие беззащитные, достаточно взять кинжал... — он достал из поясных ножен длинный трехгранный кинжал и попробовал подушечкой большого пальца остроту лезвия.

— Ты не посмеешь их убить.

— Убить? Зачем же убивать. Достаточно отрезать язык... слишком болтливой Остриуд. И ухо старой леди.

— Не посмеешь...

— Посмею, — заверил он ее. — Я и так бешусь от одного вида этой маленькой кривляки. Как вспомню, сколько гадостей она наговорила про тебя, и как пыталась утопить в кузнечной деревне...

Эмер мигом припомнила, как после невольного купания и поросячьих пирожков слышала плаксивый голос Остриуд, звук пощечины и видела уходящего мужчину. Тогда она подумала, что это Годрик наказал сестру, но теперь...

— За это ты и ударил ее. Там, на замковой стене. Вечером. Поведение, недостойное рыцаря!

— Зарвавшихся баб надо ставить на место, — ответил Тилвин. — Но тебе лучше переодеться. Хочу, чтобы моя будущая супруга затмила всех. Для меня это важный вечер, я очень волнуюсь, можешь поверить.

— Поверить — тебе?! — Эмер делано расхохоталась. — Скалы Дувра рухнули! Вот так скалы!

— Не смейся, — Тилвин встал из кресла, темнея лицом. — Ненавижу, когда надо мной смеются. Люблю твой смех, но не надо мной. Еще насмешка, и Остриуд останется без языка. Оставьте нас, — приказал он гвардейцам.

— Не бойшься, что не справишься со мной без их помощи? — Эмер подобралась, как для боя, не зная, чего ожидать. — А если я убью тебя? Перегрызу тебе горло.

— Тогда сестренка и матушка умрут, — сказал Тилвин. — А ты ведь не хочешь, чтобы их кровь была на твоей совести? Их охраняют верные мне люди, у них не дрогнет рука. И верных мне много. А ты — одна. Не считая глупых красоток, которые вообразили себя рыцарями. И Годрик сбежал...

— Какая же ты гадина, — сказала Эмер ровно, уже понимая, что проиграла. — Жалишь, как змея. И спешишь оболгать всех, кто мне дорог. Ведь это неправда, что ты велел Сесилии заманить меня в ловушку? Ты обманул ее.

— Она очень доверчива, твоя подруга, — признал Тилвин. — Такие люди созданы для того, чтобы их обманывать.

— Ты поговорил с ней, убедил ехать за мной, научил организовать дамский выезд... Но к чему такой маскарад? Вы могли схватить нас в доме Ишемов.

— Могли. Но зачем? Чтобы представить несчастных влюбленных жертвами? Чтобы вам сочувствовали? А теперь Эстландия будет знать, что графиня Поэль прибыла на турнир в Дарем, и хозяин Дарема, давно любивший ее, сделал ее своей женой. О нас станут слагать легенды, Эмер. Мы войдем в историю этой страны. Мы создадим новую историю!

Он так и горел воодушевлением, но Эмер не желала загораться ответным огнем и смотрела мрачно.

— Не понимаешь, — промолвил Тилвин мягко. — При всей своей отваге, ты — лишь женщина. Я не могу требовать от тебя слишком многого. Но потом ты поймешь, и будешь гордиться, что оказалась причастна к великим событиям.

— Это единственная причина? Почему ты решил выманить меня в Дарем таким способом?

Тилвин прошелся по комнате, потирая ладони.

— Нет, — признал он, останавливаясь. — Просто так было легче вас поймать. Тебя и Годрика. Поодиночке, как волков. Потому что когда вы вместе, вам везет даже в мелочах.

— Не значит ли это, что яркое пламя помогает нам, и что мы с ним предназначены друг другу небесами? Ты сильно рискуешь, пытаясь идти против воли небес.

— Если скажешь еще раз нечто подобное, мне придется убить его сразу же, как только его схватят.

— Разве не этого ты хотел? Отравленные стрелы разбойников... Это ведь твоих рук дело? Я тоже чуть не погибла из-за яда, если помнишь.

— Не хотел причинить тебе вред, — Тилвин подошел к ней вплотную. — Ты не представляешь, что я пережил, узнав, что ты сбежала воевать вместе с Годриком. И этот болван позволил тебе рисковать! Я тогда готов был задушить его собственными руками.

— Ну что ты, душить — не королевское дело, — подхватила Эмер, — а вот убивать своими руками тех бедняг, которых сам же послал на преступление — это в твоём характере. И подставлять под отравленные стрелы своих же рыцарей. И подбросить в постель ядовитую змею. Как раз в стиле сэра Тюдды.

— Милорда Тюдды, — поправил он ее ласково. — Привыкай к имени своего мужа.

— Ты мне не муж.

— Буду им.

Эмер попыталась взглядом выразить все, что она об этом думает.

— Мне нравится, когда ты так смотришь на меня, — сказал Тилвин, коснувшись ее щеки, и сделав вид, что не заметил, как Эмер брезгливо отстранилась.

— Это ведь ты убил старуху Верффриту? — спросила она, намеренная выяснить все до конца. — Сначала подослал со змеей, а потом убил, как ненужного свидетеля?

— Она могла проболтаться. Хоть и была верной.

— Сказали, что ее задушили... Но уверена, ты не касался ее... — Эмер задрожала, ожидая ответа, хотя попыталась скрыть страх.

— Ты права, не касался, — Тилвин снова погладил ее по щеке, удержав, чтобы опять не отстранилась. — Старуха сама задушила себя.

— По твоему приказу... — прошептала Эмер.

— По моей воле, — поправил он ее.

— И девчонка-разбойница погибла так же...

— Ты догадливая. Все дело в этом, — он взял ее руку и прочертил пальцем ладонь. — Не представляешь, с каким удовольствием я с ней разделался. Она совсем отбилась от рук. Отправил ее убить моего кузена, а она все время покушалась на тебя. Надеюсь, демоны преисподней встретили ее достойно.

— Ты слышал наш с ней разговор...

— До последнего слова. Как раз решил навестить леди Ишем. Мне неслыханно повезло.

И в этом тоже воля небес. Не находишь?

— Со мной ты можешь так же? — Эмер облизнула пересохшие губы.

— Могу, — кивнул он. — Но не стану. Хотя в моей власти было заставить тебя придти, и ты бы пришла. Но я не могу причинить тебе вреда.

— Да-да... — эхом ответила Эмер, глядя в сторону.

— Все, что я делаю, это во имя любви, — сказал он со значением. — Любовь к тебе — вот что мною движет. Все остальное не имеет значения. Мы созданы друг для друга, и однажды ты поймешь это. Завтра же я отправлю прошение Её Величеству, чтобы разрешила брак милорда Тюдды и графини Поэль.

— У меня есть муж.

— Нет, милая. Королева расторгла твой брак с Годриком. И это уже не важно, — Тилвин сделал широкий жест рукой. — Забудь, что было. Смотри вперед.

— Нет, это важно, — Эмер глубоко вздохнула. — Мне нет дела до королевы и ее решений. Я отказываюсь ей подчиняться. Годрик сделал меня своей. И теперь я связана с ним, и никто не оторвет его от меня, а меня — от него.

Тилвин скривился, будто разом съел горсть брусники, несколько мгновений он боролся с самим собой, а потом произнес:

— Значит, этот ублюдок опередил меня...

— Не называй его так. Он — законный лорд Фламбар. И тебе это прекрасно известно.

Тилвин усмехнулся и одернул камзол, расправив складки:

— Он — безродная свинья. Был грязью, и ею останется. То, что он взял тебя, не имеет значения. Ты не смогла во всем разобраться, ты всего лишь женщина. Не беспокойся, я тебя прощаю.

— Какой добрый, — сказала Эмер, оставшись в комнате одна.

Глава 31 (почти окончание)

Турниры были излюбленным зрелищем для глаз Эмер, но этот она еле пережила и не запомнила ни одного поединка. Даже бой леди Кас с леди Изабеллой прошел мимо ее внимания. Она едва сдерживала себя, чтобы не отшатнуться, когда Тилвин брал ее прилюдно за руку и ухаживал, как и положено влюбленному жениху.

Перед началом турнира было объявлено о предстоящем венчании, и леди Мериод тайком поплакала в подушку, но остальные дамы пришли в восторг. Судьба графини Поэль казалась им столь же романтической, как древние легенды о прекрасных дамах и благородных рыцарях. Они мечтали разговаривать Эмер, но невеста молчала, как рыба. Зато милорд Тюдда не стеснялся в нежных выражениях. Он даже сказал маленькую речь перед представлением участников турнира, и был награжден восторженными рукоплесканиями зрителей.

— Я сделал все, чтобы стать достойным ее, — сказал он, указывая на Эмер. — Потому что только она в моих мыслях, и сердце мое преполнено любовью к ней.

Вечер перед отъездом леди Кас пожелала поболтать с графиней, и Эмер пришлось выслушать нескончаемый поток болтовни — легкой и изящной, как полет бабочки, и такой же бестолковой.

— Небесами предначертано было, чтобы вы вышли замуж за хозяина Дарема, — говорила леди Кас. — Как удивительна жизнь, даже в балладах такого не встретишь!

— Да, удивительна, — бормотала в ответ Эмер.

— И ведь ваше счастье было совсем рядом, — не унималась златовласая дама. — Подумать только! Он стал хозяином Дарема, чтобы заполучить вас. Это похоже на сказку.

Эмер с удовольствием разуверила бы ее в сказочности происходящего, но проклятый Тилвин постарался, чтобы откровенные разговоры были невозможны. Под предлогом, что не может находиться в разлуке от невесты даже недолго, он следовал за Эмер с настойчивостью тени, а рядом обязательно топтались пять или шесть гвардейцев. Невесте отвели отдельные покои — а попросту заперли в комнате с видом на Даремскую равнину. Здесь все осталось по-прежнему — болталось на балке соломенное чучело, в сундуках лежала выстиранная и надушенная лавандой мужская одежда, и деревянные мечи словно ждали свою прежнюю владелицу.

Больше всего она боялась поползновений со стороны Тилвина, и покрывалась испариной всякий раз, когда вспоминала тот вечер, когда он в исступлении рвал на ней платье. Но новый титул обязывал ко многому, и пока шел турнир, Тилвину было не до нее. Однако три дня праздников миновали быстрее, чем хотелось бы Эмер. Они промелькнули, как пара мгновений, и вот уже Дарем опустел. Оставалось лишь надеяться, что Годрику хватит ума покинуть город. Эмер надеялась на это, но в то же время рисовала себе в мыслях, как Годрик пробирается тайком в замок, или возвращается во главе королевского войска. Хотя, о каком войске могла быть речь, если гвардейцы королевы слушались Тилвина, как покорные псы?

В первый день по окончании турнира, когда Эмер под присмотром пятерых стражников была препровождена в трапезный зал, Тилвин встретил ее с необыкновенным радушием.

— Ты похожа на даремское утро, — сказал он. — Такая же свежая и прекрасная. Завтра будет готово подвенечное платье. Я выбрал ткань сам, ты уж прости, что сделал выбор без

твоего участия, но шелк попался на загляденье красивый — нежный и прозрачный, словно небо в раннюю осень.

Эмер скосила глаза в его сторону. Ее сбивало с толку, что он ведет себя, как ни в чем не бывало. Будто над даремским собором не сидели на цепи леди Фледа и Остриуд, и будто сама Эмер была в замке не пленницей, а дорогой гостьей.

— Уже и о платье позаботился? — она села за стол, избегая соприкоснуться с Тилвином хотя бы коленом. — Разе Её Величество уже разрешила жениться?

— Она не будет против, можешь поверить.

Теперь ты у нее в любимчиках, что ли? — спросила Эмер, но Тилвин не ответил.

Мастер Брюн как раз ставил на стол жареных перепелок. Ароматное мясо в хрустящей корочке радовало и зрение, и обоняние, но Тилвин нахмурился.

— Почему еду подаешь ты? — недовольно спросил он. — Это должны делать слуги.

Помощник главного повара заюлил, как лиса перед собаками:

— Но, милорд... Я хотел удостовериться, понравится ли госпоже графине и вам...

— Если понравится, я прикажу позвать тебя, — оборвал его Тилвин. — Подавать еду должен слуга. Возьми блюдо и унеси.

— Раз уже принес, давай поедим, — сказала Эмер. Она не была голодна, а от последних событий у нее и вовсе пропал аппетит, но стало жалко мастера Брюна, которого гоняли, как мальчишку.

— В этом замке всем распоряжаюсь я, — сказал Тилвин холодно, и глаза его опасно блеснули. — Был приказ слуге — подать блюдо. Если приказ не будет исполнен, последует приказ о наказании.

Мастер Брюн подхватил перепелок и убежал со всей скоростью, на которую были способны его короткие ноги.

— Во всем нужен порядок, милая, — сказал Тилвин уже совсем другим тоном, обратившись к Эмер, и по-хозяйски заправил ей за ухо выбившуюся прядь.

Эмер запоздало отвела голову.

— Не делай вид, что тебе неприятно, — мягко попенял ей Тилвин.

— Мне и в самом деле неприятно.

— Когда-то тебе нравились мои прикосновения.

— Не выдумывай то, чего не было.

— Разве это выдумки? — он взял ее за подбородок и приблизил лицо к ее лицу.

Смело встретив его взгляд, Эмер сказала себе, что ни за что не выкажет страха перед этим человеком. Казалось, он питался чужими страхами. Но с ней эта игра не пройдет.

— Я столько мечтал о твоём поцелуе, — сказал Тилвин, — неужели откажешь в такой малости? — и коснулся ее губ своими.

Эмер закрыла глаза, чтобы не видеть его. Если бы могла, она бы отключила и все чувства, но это было не в ее власти.

Целовавший сначала легко и нежно, Тилвин постепенно стал требовательнее, пытаясь проникнуть языком вглубь ее рта, но не преуспел. Потеряв терпение, Тилвин надавил большим и средним пальцами ей на челюстные кости, и Эмер невольно разжала зубы, чем Тилвин сразу же и воспользовался.

Раньше Эмер столь откровенно целовал только Годрик, и на мгновение она растерялась, потому что это было сродни тому, как лечь в постель и вместо подушки обнаружить камень. Вроде бы и форма та же, а ощущения совсем иные.

Наконец Тилвин отпустил ее и вернулся к трапезе, как ни в чем не бывало.

— Попробуй, это очень вкусно, — предложил он, гостеприимным жестом указывая на вновь поднесенное блюдо.

— Меня сейчас стошнит, — Эмер скользнула взглядом по угощению и слуге, который его поднес, и вскрикнула: — Годрик!

Возле стола стоял Годрик — именно он, и никто другой. Стоял и смотрел в стену, и лицо у него было непроницаемое.

— Как ты здесь очутился? — спросила Эмер, краснея от мысли, что он видел ее поцелуй с Тилвином.

Тилвин наблюдал за ними, склонив голову.

— Как забавно, — сказал он, — почему так получается, что вы всегда сближаетесь? Где один, там рано или поздно появится второй. Стоило громко покричать, что Её Величество вместо разрешения на свадьбу прислала приказ взять графиню Поэль под стражу за неповиновение и бегство из столицы, и пустить слух о предполагаемой казни, как некий виллан тут же появился у замковых ворот.

— Зачем ты пришел? — спросила Эмер, не слушая Тилвина. — Как глупо — взять и сдать! Он бы ничего мне не сделал!

— Но он-то об этом не знал, — ответил ей Тилвин. — Он не верит в благородство других.

— Не тебе говорить о благородстве, — огрызнулась Эмер.

— Не сердись, — примирительно сказал Тилвин, погладив ее по руке. — Он всего лишь попросился работать на меня. Какая удача — ведь мне как раз нужен сильный, расторопный слуга. Если ты считаешь, что я удерживаю его насильно, то ошибаешься. Он свободен, но сам не желает уходить.

Эмер оттолкнула руку Тилвина, и вино выплеснулось из бокала на колени, промочив платье. Машинально Эмер начала стряхивать капли ладонью, но Тилвин распорядился, обратившись к Годрику:

— Подай полотенце.

— Это лишнее, — запротестовала Эмер. — Чего ты добиваешься, унижая его?

— Разве поручив слуге принести полотенце для госпожи — это значит унижать? Это его обязанность — прислуживать нам.

— Не надо полотенца, — сказала Эмер громко. — Я прекрасно обойдусь и без него.

— Но тебе неприятно сидеть в мокром платье, поэтому пусть принесет. Ты слышал?

Годрик вышел и вернулся с полотенцем.

— Подай с поклоном, — велел Тилвин.

Годрик выполнил и это. Эмер вырвала полотенце у него из рук и принялась яростно тереть винное пятно на ткани.

— Ты чем-то недовольна? — Тилвин как ни в чем ни бывало продолжил трапезу, подложив на свою тарелку несколько жареных перепелок.

— Я всегда недовольна, когда вижу несправедливость.

— А у меня как раз есть, чем поднять тебе настроение, — сказал Тилвин весело, не обращая внимания на ее слова. — Заканчивай есть и пойдем в сад. Ты будешь рада.

— Ты сумасшедший? — спросила она, глядя ему в глаза. — Почему ты не хочешь услышать моих желаний? Я сказала, что у меня есть муж, и я не желаю быть с тобой. Сколько раз мне повторить, чтобы ты понял?

Он поднялся, медленно оправляя квестот, и сказал:

— Повторяй хоть сто, хоть тысячу. Я знаю, что это неправда. Вы теперь оба в моей власти. И в этом я усматриваю высшую справедливость небес. Ведь я так долго об этом мечтал, а теперь получил. И значит, небеса на моей стороне. Идем! И ты следуй за нами, — кивнул он Годрику.

Сопровождали их шесть гвардейцев, несмотря на заложников в комнате звонаря, Тилвин не желал рисковать.

Они прошли в сад и направились к беседке, мимо которой когда-то давно Годрик промчался голышом, взволновав всех дам в округе. Эмер припомнила о тех безмятежных днях с тоской. Как же она злилась на упрямого мужа, сколько слез пролила из-за его холодности, а оказывается, тогдашние слезы были детскими обидами и не стоили внимания. Она отдала бы полжизни, чтобы вернуться назад в то счастливое время.

Тилвин предложил перейти на противоположную сторону пруда, к старому грабу, но путь им преградила лужа. Накануне шел дождь, и поляна напиталась влагой.

Приподняв подол, чтобы не запачкать в грязи, Эмер хотела перепрыгнуть, но Тилвин остановил ее.

— Не стоит утруждать себя, — промолвил он. — Для этого есть слуги, — и обратился к Годрику: — Ты не видишь, что госпожа не может идти по грязи?

— Если угодно, я перенесу госпожу, — ответил тот.

— Перенесешь?! — бывший начальник стражи усмехнулся, с презрением глядя на бывшего лорда. — Да кто тебе позволит прикоснуться к ней? Все реки мира не отмоют кузнечную копоть с твоих рук. Ляг в лужу, чтобы миледи могла перейти.

— Тилвин! — воскликнула Эмер. — Это уже слишком!

— Помолчи, — осадил он ее. — Здесь я решаю, что слишком, а что нет. Слышишь, слуга? — он опять обратился к Годрику. — Ляг в лужу и подставь госпоже спину, ей надо перебраться на ту сторону.

— Не делай этого, Годрик, — сказала Эмер. — Всему должен быть предел.

Она так и сжимала кулаки, сдерживая гнев. С каким удовольствием она вlepила бы в переносье этому негодяю! И если бы не леди Фледа и Острюдка...

Тилвин будто прочитал ее мысли.

— Все верно, — сказал он, — леди Фледа. И глупышка Острюд. Подумай о них. Вот Годрик о них ни на минуту не забывает. Верно, Годрик?

Тот не ответил, лишь смотрел прямо перед собой, и лицо у него было каменное.

— Какой же ты мерзавец, — прошипела Эмер. — Почему я сразу не разгадала тебя? Еще и злилась на Годрика, а ведь ты не заслуживал такого отношения...

— Правильно, я ничуть не хуже, чем он, — согласился Тилвин, метнув в кузена взгляд, полный ненависти.

— ...не заслуживал, — закончила Эмер, — потому что он слишком хорошо к тебе относился. Он выше тебя на голову! Настоящий рыцарь...

— Замолчи, — велел ей Тилвин. — Я жду от тебя не таких слов.

— Других вряд ли дождешься, — дерзко ответила она.

— Поговорим об этом наедине.

— Ничего нового не услышишь.

— Я умею переубеждать, — пообещал он и обернулся к Годрику. — Падай. В грязь. Слуга.

Эмер застонала от бессилья, глядя, как Годрик становится на колени, а потом медленно ложится в лужу, едва не касаясь черной жижи лицом.

— Прошу, — Тилвин подал Эмер руку, — продолжим прогулку и разговор.

Но девушка отвернулась и сказала глухо:

— Я не ступлю на него.

— Что ж, — притворно вздохнул Тилвин, — очень жаль. Тогда придется лишиться Остриуд одного маленького мизинного пальчика.

— Ты не посмеешь, — сказала Эмер.

— Хочешь проверить? — немедленно отозвался он. — Рено!..

— Да идите уже скорее, госпожа! — крикнул Годрик.

Эмер вздрогнула от этого крика и ступила мужу на спину, переходя на другую сторону лужи. Тилвин перешел за ней, наступив Годрику между лопаток и с удовольствием заставив его макнуться в грязь.

— Ну вот, стоило так упрячиться? — попенял он Эмер, пока Годрик поднимался, утирая лицо. — Помнишь это место? Здесь я впервые увидел, как ты владеешь оружием. И был потрясен. И сразу понял, что хочу подарить тебе.

Под старым грабом стоял дубовый сундук. Эмер посмотрела на подарок с подозрением. С Тилвина станется подарить отрезанную голову мастера Брюна.

— Что там? — она не спешила открывать крышку, и Тилвин вместо ответа сделал это сам

На бархатной подушке лежал великолепный меч для дамской руки — в меру длинный, с удобной рукоятью для маленькой руки. Помимо воли, Эмер впилась в него взглядом, замечая мелочи, говорившие, что кузнец делал оружие вдумчиво, с любовью и... только для нее. Вдоль клинка шел вызолоченный желобок, чтобы облегчить вес оружия, но не прямой, а волнистый, как прядь кудрявых волос, а рукоять была тоже вызолочена и оплетена кожаным ремешком, и на ней красовались выгравированные цветы — розы.

— Этот клинок делал Годрик, — тихо сказала она. — Ты украл даже его работу.

— Я ничего не крал, — с достоинством ответил Тилвин. — Этот меч достался мне вместе с Даремом. Но я сразу понял, что он должен принадлежать тебе. Возьми, это подарок.

Но Эмер медлила. Где-то позади стоял Годрик, но она не оглянулась.

— Разве тебе не нравится? — настаивал Тилвин. — Разве он не хорош?

— Он прекрасен, — тихо сказала Эмер.

— Так прими, — Тилвин достал оружие из ящика и с поклоном протянул Эмер, держа меч на раскрытых ладонях.

— Из твоих рук я ничего не приму, Тилвин Тюдда.

— Не примешь... — он долго разглядывал несостоявшийся подарок, и вдруг приставил клинок к шее Годрика. — Тогда мой кузен умрет. Пусть этот меч послужит мне хотя бы так.

Эмер хотела броситься на помощь, забыв об осторожности, но гвардейцы схватили ее. Что до Годрика, то он даже не шевельнулся, и смотрел прямо перед собой, будто это не его кожи касался смертоносный металл.

— Хорошо, я приму подарок! — торопливо заговорила Эмер. — Дай его сюда!

— Рад, что ты быстро согласилась, — промолвил Тилвин, но убирать клинок медлил. — Только я передумал.

Незаметное движение, и на шее Годрика появилась полоса — тонкая, как алая нить.

— Сказала же, что приму! — крикнула Эмер.

Но Тилвин словно ее не слышал.

— Говорят, первая кровь для меча — как молитва для души, — сказал он. — Забавно, что этот меч первой попробовал кровь своего создателя. Сделает ли твоя кровь его крепче?.. — он нажал посильнее, и Годрик невольно отступил на полшага.

— Опасная игра, Тилвин! Остановись, прошу тебя, — взмолилась Эмер.

— Ты просишь?

Эмер вырвалась из рук гвардейцев и встала на колени:

— Пожалуйста, отпусти его. Ты получил все, что желал — замок, королевскую милость, богатство и честь. Теперь Годрик всего лишь виллан, к чему тебе мстить ему?

— Получил почти все, — поправил ее Тилвин, убирая меч. — Но не все. Не получил твоей любви. Что скажешь? Она достанется мне? Твоя любовь?

— Я тебя никогда не полюблю, — твердо ответила Эмер. — А своими поступками ты уничтожил то доброе и жалостливое, что я к тебе испытывала.

— Теперь вы оба нуждаетесь в жалости, — заметил Тилвин. — Но ты заблуждаешься. На самом деле, ты любишь меня. Просто упрямишься. Признай это.

— Не делай глупостей, — процедил Годрик сквозь зубы.

Эмер медленно поднялась, отряхивая платье от прилипших травинок, потом выпрямилась и сказала:

— Однажды я тебе уже ответила, кого хочет мое сердце. Роренброки не повторяют дважды, но для тебя нарушу правила и повторю. Тилвин Тюдда! Ты никогда не будешь мне нужен ни как муж, ни как любовник, ни как друг.

Тилвин ударил ее по лицу наотмашь, а в следующее мгновение Годрик вцепился ему в горло, пытаясь придушить. Гвардейцы мигом оттащили Годрика, а Тилвин поправил сбившийся ворот квестота, бледный, как призрак.

— Ему — плетей, — указал он на Годрика, — а эту — запереть, — он указал на Эмер.

— Не тронь ее! — крикнул Годрик, упираясь, когда его поволокли прочь. С ним не смогли справиться втроем, и на помощь подоспели еще гвардейцы.

— Грозись, грозись, — сказал ему вслед Тилвин, бросил короткий взгляд на Эмер и ушел, унося с собой меч, украшенный розами.

Глава 31 (окончание)

Оказавшись запертой в покоях дамы Бельфлёр, Эмер заметалась от стены к стене, как пойманная в яму волчица. Она не могла усидеть на месте, настолько переполняли ее ярость и злоба. Ярость из-за собственного бессилия, и злоба на Годрика. Именно на него, потому что Эмер решила, что предатель Тилвин не заслуживает человеческих чувств.

Зато Годрик заслуживал. Эмер изругала его, на чем Эстландия стоит, обозвав глупцом, благородным тюфяком и пустой башкой, хотя тот, кому предназначались эти яркие, но совсем не изысканные ругательства, не мог их услышать.

Зачем проявлять благородство там, где им и не пахнет? К чему было сдаваться, зная, что заведомо проиграешь?

— Дурак, бестолковый дурак! — бормотала она. — Кто просил тебя геройствовать? Ничего бы он мне не сделал, — она коснулась опухолью лица — именно сюда пришелся удар Тилвина, — а от пощечине еще никто не умирал. Сам, небось, разрешил Остриюке навешать мне плюх!

Через полчаса бестолковой беготни, она от души измолотила соломенное чучело — да так от души, что мешковина треснула и просыпалась сенная труха.

Тяжело дыша, вспотевшая и разгоряченная, Эмер, наконец, опомнилась и легла прямо на пол, давая отдых телу. Прощальные речи Тилвина тревожили не по-детски, и неразумно было встречать врага уставшей — не пришлось бы давать отпор его посягательствам.

Она ждала появления Тилвина каждую секунду, подскакивая при любом шорохе. Но до полуденного колокола он не пришел, а с последним ударом явился мастер Брюн и принес жареную курицу с травами и горошком, что было очень кстати. Сопровождали повара двое гвардейцев с мечами наголо.

— Мне сказали, вы не спуститесь к обеду, миледи, — промолвил мастер Брюн, дрожа щеками, — поэтому я взял на себя смелость принести вам покушать.

— И правильно сделали, — заявила Эмер, усаживаясь на сундук и пристраивая блюдо с курицей на колени, потому что стола в ее покоях не было. — Видите, как быстро я из желанной гостьи превратилась в пленницу.

— Вам не разрешено ни с кем разговаривать, — оборвал ее излияния один из гвардейцев.

Эмер подбоченилась:

— Кто сказал?

— Милорд Тюдда распорядился насчет этого.

— А мне твой милорд не указ. С кем хочу, с тем и разговариваю. И выйдите вон! — она кивнула в сторону двери. — Эти комнаты были подарены мне леди Фледой, и вас я здесь не хочу видеть.

Гвардеец взял мастера Брюна за плечо и подтолкнул к выходу.

— Нет, он не уйдет! — объявила Эмер. — Он останется. Или я откажусь есть. Можешь так и передать своему милорду, что я отказалась есть из-за тебя. Вчера он предлагал мне замужество, я отказалась сгоряча, сегодня, наверное, передумаю...

Такая неприкрытая угроза заставила гвардейца отступить. Мастеру Брюну было разрешено задержаться на четверть часа, пока графиня не закончит с трапезой.

— Вообще-то, я всегда ем больше, — возразила Эмер, но решила не настаивать.

Уплетая за обе щеки пряное мясо, она вполголоса поведала мастеру Брюну о плачевном положении Годрика и о заточении леди Фледы и Остриуд.

— Постарайтесь известить королеву, — сказала она, — я уверена, что она ничего не знает.

Повар горестно покачал головой:

— Милорд закрыл ворота, сказал, что это мера предосторожности — на границе неспокойно. Теперь выпускают только по его личному распоряжению.

— Придумайте что-нибудь, — сказала Эмер тихо и внушительно, возвращая тарелку, на которой горкой лежали обглоданные куриные кости и несколько горошин. — Вы можете обижаться на меня за прошлое, но ведь от прежних хозяев видели только хорошее. Леди Фледа не заслуживает, чтобы её держали на цепи. Даже Остриудка не заслуживает.

— Конечно, это жестоко, миледи, — забормотал повар, нервно оглядываясь, словно опасался, что рядом может появиться из воздуха милорд Тюдда собственной персоной.

В комнату заглянул гвардеец, и Эмер демонстративно вытерла руки о платье.

— Можете идти, мастер Брюн, — сказала она громко. — Вечером я хочу вареных яиц со сметаной.

— Будет сделано, миледи, — с готовностью ответил он, кланяясь в меру своей толщины.

Тилвин появился лишь вечером, когда она успела отдохнуть телесно и совершенно измотаться духовно. Заскрипели дверные засовы, и Эмер, наблюдавшая закат над Даремской равниной, порывисто обернулась, готовая к самому отчаянному сопротивлению.

Но Тилвин нападать не собирался, по-крайней мере, немедленно. Он оценил и лопнувшее чучело, и непримиримое выражение лица пленницы, и коротко вздохнул.

— Решила упрячиться? Зря, очень зря. Прости, я заставил тебя ждать, но у хозяина Дарема столько обязанностей...

— Что с Годриком?

— Так и знал, что перво-наперво ты спросишь о нем, — Тилвин еле заметно скривился. — Лучше бы спросила, где был я...

— До тебя мне нет никакого дела. Но ты не ответил. Что с моим мужем? — она намеренно выделила голосом последнее слово.

— Не пытайся уязвить меня, — попенял ей Тилвин. — Понимаю, ты расстроена тем, что я не уделил тебе должного внимания, но это не моя вина. Приехали посланники от королевы, и я должен был решить с ними некоторые вопросы.

— Кто приехал? Ларгель или Саби?

Тилвин засмеялся и не ответил.

— И какие вопросы вы с ними решали? Чей замок захватить следующим? Или сразу замахнулись на столицу?

— Зачем ты безосновательно обвиняешь нас? Мы же не разбойники...

— Вы хуже разбойников! — возвысила голос Эмер. — Что ты сделал с Годриком, чудовище?

— Все о нем и о нем, — сказал Тилвин укоризненно. — Если тебе так интересно — пойдем, покажу. Мой кузен жив и здоров, наслаждается гостеприимством Дарема.

Эмер смотрела на него исподлобья, уловив насмешку.

— Пойдем же, не бойся, — пригласил Тилвин.

Она вышла в коридор, стараясь держать его в поле зрения. Тилвина посмешила такая

осторожность, и он шутливо поклонился, предлагая графине следовать за ним. Следом за графией отправились пять гвардейцев — все с мечами наголо.

Из замка они не вышли, а через лестницу с черного входа спустились в подвал.

— Так вот оно — гостеприимство Дарема, — презрительно сказала Эмер, хлопнув себя по бедру. — Сразу бы сказал, что бросил его в каменный мешок без суда и обвинений. И не надо было петь сказочки, что вы не разбойники.

— Мы не разбойники, — возразил Тилвин. — Мы служим королеве.

— Значит, корона висит косо, раз позволяет тебе держать в плену невиновных. Не поверю, что ты запер леди Фледу и Острюд по приказу королевы.

— Неужели ты думаешь, что я сошел с ума и решил пойти против законов Эстландии? — Тилвин насмешливо посмотрел на нее через плечо. — Мы действуем лишь по высочайшему повелению.

— И правда, как это я не догадалась? — наиграно изумилась Эмер. — Не будь поддержки королевы, ты не был бы таким смелым! Мальчик на побегушках, дорвавшийся до власти — вот ты кто.

— Не пытайся меня оскорбить, — мягко посоветовал ей Тилвин. — Знаешь ведь, что не люблю этого. Я многое тебе прощаю, но когда женщина начинает жалить, как пчела, жальце приходится выдирать. Поэтому лучше молчи, когда язык твой желает сказать очередную гадость.

Эмер благоразумно замолчала.

Черный от копоти факелов подвал был сырым и холодным, как могила. Ступая по камням, Эмер пару раз чуть не поскользнулась, но Тилвин успевал подхватить ее под локоть и не давал упасть.

Вдоль стен шли ниши, закрытые решетками, Эмер смотрела на них со страхом, ожидая увидеть там Годрика. Но все клетки были пустыми.

— Его там нет, — угадал ее беспокойство Тилвин. — Неужели ты думаешь, что я настолько жесток, что мог предложить бывшему хозяину тесную и холодную клетку? Что ты, поселил его в покоях просторных и теплых.

Они вышли из коридора в подземный зал, и Эмер поняла, что Тилвин не соврал ни словом — зал и вправду был просторен, и угли в жаровне давали много тепла. Только в жаровне лежали металлические прутья, раскаленные докрасна, а у стены стоял Годрик — в цепях и в крови. Рубашка его висела лохмотьями, лицо было в ссадинах. Он увидел Эмер, но ничего не сказал и даже не шевельнулся.

— Он уже не такой красавчик, как был раньше, верно? — Тилвин обнял Эмер за шею. — Посмотри на него внимательно. Неужели он до сих пор тебе нравится?

Эмер не ответила, глядя на Годрика не отрываясь.

— Говори, — легко встряхнул ее Тилвин, а когда она продолжила хранить молчание, сделал знак одному из гвардейцев.

Тот немедленно пнул Годрика в живот. Пленник согнулся пополам, повиснув на цепях.

— Ай, как больно, — пощелкал языком Тилвин. — Он жалок, не правда ли? Просто жалок. Он не достоин твоей любви.

— Именно сейчас я люблю его сильнее всего, — ответила Эмер.

Тилвин снова кивнул, и на Годрика снова обрушились удары. Один из гвардейцев бил пленника столь усердно, что рука устала. Поразмыслив, он взял ивовую палку, чтобы было сподручнее.

— Разве ты не понимаешь, что чем больше упорствуешь, тем хуже делаешь ему? — шептал Тилвин на ухо Эмер. — Тем больше я ненавижу его, и тем больше мне нравится наблюдать его мучения.

— Тебе вообще нравятся мучения, — ответила она, не в силах отвести взгляда от избиения, хотя каждый удар отзывался в ее сердце болью. — Тебе нравится унижать людей. Это признак извращенного ума.

— Всего лишь воздаю по заслугам, — не согласился Тилвин. — Что ж, теперь мы опять вместе. Я даже меч принес, — он взял со стола меч с розами и показал его Эмер, поймав на клинок свет от факела. — Ты сказала, он прекрасен. Я согласен с тобой — безупречная работа.

— Ценитель красоты, — буркнула Эмер, отворачиваясь.

— Ценитель, — согласился Тилвин. — Но мне всегда больно, когда красота пропадает без толку. Вот и этот меч — для чего он, если та, кому он предназначался, его не получит? Мне жаль, что придется так поступить. Сломайте! — велел Тилвин, передавая оружие тюремщикам.

Эмер стремительно оглянулась и вскрикнула, когда на клинок опустился каменный молот, каким в стародавние времена отбивали руки и ноги отступникам. Металл брызнул острыми осколками, и меча не стало. Гвардеец, убивший меч, бросил бесполезную рукоять под ноги Годрику.

— Что ты наделал?! — Эмер бросилась на колени, подбирая осколки в подол платья. Она порезала палец, и несколько капель крови упали на каменный пол.

— Миледи порезалась, немедленно позовите лекаря! — Тилвин схватил Эмер за плечо, дернул подол ее платья, заставляя выбросить останки меча, и повернул ее руку к свету.

— Ты так неосторожна, — попенял он.

Эмер вырвалась, зажимая порез рукавом.

— Никогда этого не прощу тебе, — сказала она с ненавистью.

— Ты так переживаешь из-за никчемной железки...

— Ты сломал не меч, ты ранил душу! — Эмер вдруг заплакала, и сама застыдилась своих слез. Она свирепо вытирала лицо, но слезы все текли и текли.

Тилвин смотрел, как она плачет со странным выражением.

— Ранил душу, — сказал он, — все верно. Иногда ранить душу — это еще больше, чем ранить тело. Годрик, ты тоже так думаешь?

— Я думаю, что придушу тебя, когда освобожусь, — ответил Годрик глухо.

— Ого! И голос прорезался! — восхитился Тилвин. — А ведь молчал, как могильный камень. Значит, я на верном пути. Я забрал твой замок, твою сестру, твои земли и титул. И даже твоё ремесло. Осталось лишь забрать твою женщину. Потом я расскажу тебе об этой ночи, кузен. Пойдем, — он взял Эмер за локоть и повел к выходу.

— Только посмей к ней прикоснуться! — крикнул Годрик, повисая на цепях всем телом. Звенья заскрипели, но держали крепко. Даже такому силачу было не под силу их разорвать.

— Можешь бесноваться, сколько угодно, — сказал Тилвин холодно. — Теперь Эмер моя. И сами небеса не остановят меня.

Эмер не вырывалась, пока он тащил ее до спальни. Не в покои леди Белльфлёр, а в спальню. Но когда он отпустил ее и отстегнул брошь, скреплявшую плащ, сказала:

— Если подойдешь, перегрызу тебе горло.

— Тогда Годрик умрет, — ответил Тилвин спокойно, снимая перчатки и бросая их на стол. — И умрет леди Фледа, и Остриуд. Ты хочешь быть повинной в их смерти?

— Все мы когда-нибудь умрем, — философски ответила Эмер. — Но и ты сдохнешь, а меня не получишь.

— Почему ты так жестока ко мне?

— А почему я должна относиться к тебе иначе?

— Все, что я делал, было только из-за любви.

— Ложь. Ты все делал лишь ради собственной выгоды — предавал, убивал, шел на подлости и подлоги.

— В отношении тебя я не совершил ни одной подлости, — сказал Тилвин, расстегивая квестот и распуская вязки на рукавах. — Не хочешь помочь?

— Я развязываю рукава только одному мужчине, и он — не ты, — ответила Эмер дерзко. — Говоришь, не совершал подлости... А как назвать то, что хочешь совершить сейчас? Кто-то говорил о королевском разрешении на брак...

— Ты же слышала, что королева прислала совсем другой ответ, — любезно напомнил ей Тилвин. — Боюсь, Её Величество очень зла на тебя, и сейчас думает не о том, как устроить твою жизнь, а как наказать. Когда она придет, я сообщу, что брак уже свершен, и ей ничего не останется, как узаконить его.

— Какой предусмотрительный! А где это королевское послание? Существует лишь в твоём воображении?

— Не веришь? — Тилвин усмехнулся и распахнул двери, приказав принести королевское письмо в отношении графини Поэль. Пока кто-то из гвардейцев ходил за письмом, Тилвин налил в бокал вина и расположился в кресле, лениво посматривая на Эмер, которая стояла, у противоположной стены, прижавшись спиной.

Вскоре принесли пергамент, к которому крепилась печать с оттиском короны. Тилвин жестом предложил Эмер взять документ, что она и сделала, торопливо схватив послание, и снова отступила к стене, словно она могла защитить ее.

— Не беспокойте меня до утра, — распорядился Тилвин. — Пусть хоть небо обрушится на даремскую равнину — чтобы никто не посмел мешать.

Эмер была слишком занята изучением королевского приказа, чтобы съязвить по поводу планов Тилвина на сегодняшнюю ночь. Содержание послания огорошило ее. Королева и вправду приказала, чтобы мятежную графиню Поэль взяли под стражу, так как предстоит высокий суд, на котором будет решена судьба ослушницы — вплоть до смертной казни за то, что посмела без разрешения Её Величества, которая отвечает за графиню, как восприемница от купели, сбежать невесть куда и жила недопустимо статуса благородной девицы.

Было здесь и упоминание леди Фледы и леди Остриуд — кратко, в двух фразах. Но именно эти фразы Эмер перечитала несколько раз, не понимая, что же в них так ее обеспокоило.

«Что касается леди Фледы и леди Остриуд, то мы велим удерживать их до особого распоряжения».

— Здесь пергамент подчищен! — воскликнула она. — Вот здесь, на этих самых словах, что королева велит удерживать!

— Всё-таки заметила, — её наблюдательность позабавила Тилвина.

Эмер бросила пергамент на пол, и тут ее поразила другая мысль:

— Договор о покупке Годрика леди Гвенивефой тоже был подчищен. Теперь я

вспоминаю — пергамент был такой же шершавый, как тот, которым ты пользовался, когда был начальником стражи. Значит, ты не только подделываешь договоры от имени покойников, но осмеливаешься подделывать королевские приказы? Когда Её Величество узнает об этом, то лишишься головы.

— Пусть тебя не слишком беспокоит моя голова. Мой покровитель умеет убеждать королеву, и объяснит ей, что всё, что я делал — это ради блага короны.

— Уже не ради меня? — не удержалась от колкости Эмер. — И кто же этот таинственный покровитель? Дай угадаю. Лорд Саби. Заговор красноглазых в действии.

Тилвин вежливо улыбнулся.

— Дар яркого пламени очень полезен, — сказал он. — Например, я могу поставить на колени любого непокорного, у кого на ладони есть некий знак... — глаза его вспыхнули красными искрами, и Эмер вскрикнула, схватившись за руку, которую на мгновение объяла сильная боль, достигшая самого сердца.

— Как же обещания, что не будешь применять колдовство против меня?.. — спросила она, отдышавшись.

— Я и не применяю. Это чтобы не забывала, какими силами я владею, и не воевала со мной. Разве ты не поняла, что лаской от мужчины можно добиться большего, чем дерзостью?

Шпионское клеймо снова загорелось, и Тилвин кинулся на Эмер, как дракон из засады — быстро, молниеносно, а она даже не успела выставить руку, чтобы защититься, отвлеченная болью.

— Не сопротивляйся, — приказал он, заваливая ее в постель. — Не хочу причинять тебе вред, но ты вынуждаешь...

Эмер боролась молча и свирепо, потому что глупо было тратить силы на болтовню. Пару раз ей удалось ударить Тилвина, она даже разбила ему губу, но все же медленно и верно он одолевал. Утопив ее в перине, Тилвин перехватил руки девушки, заведя их за голову, и принялся освобождать свою жертву от одежды. Дело это было хлопотное, потому что жертва брыкалась и кусалась, и Тилвин передумал, попросту задрав подол платья Эмер.

— Убью тебя! — прошипела она, заливаясь злыми слезами, но вдруг раздался глухой стук, и Тилвин повалился на Эмер, как куль с железной рудой.

Он не подавал признаков жизни, и она поспешно скинула его с себя, сползая с кровати и наглухо затягивая вязки на воротах платья.

— Вы целы, миледи? — раздался заискивающий голос.

— Мастер Брюн! — пожалуй, никогда еще Эмер не была так счастлива. Она схватила толстяка-повара в объятия и расцеловала в пухлые щеки. — А это что?!

Только сейчас она заметила, что он держит в руке сковороду.

— Вы ударили его этим?..

— Мы тренировались, миледи, — гордо объявил мастер Брюн, ловко делая выпад, действуя сковородкой на манер меча. — И бегали каждое утро. Разве вы не заметили, как я построил? Я хотел рассказать вам об этом чуде при первой встрече, но вы так торопились... Но теперь нам надо бежать. Поспешим, миледи! Наши уже ждут!

— Наши? — сначала Эмер бросилась за поваром, но на пороге остановилась. — Подожди. Кто это — наши? И что вы задумали?

— Подмастерья обезвредили стражу, — важно пояснил мастер Брюн, — а господин главный повар приготовил крытую повозку. Мы вывезем вас в ящиках для мусора, вы поедете

в столицу, расскажете обо всем королеве, и она спасет милорда Годрика, леди Фледу и миледи Остриуд.

— Отвратительный план, — пробормотала Эмер, оглядываясь на бездыханного Тилвина. — Вы его убили?

— Нет! Спаси яркое пламя! — воскликнул мастер Брюн шепотом. — Я постарался не бить сильно, а череп у его милости крепкий.

Эмер лихорадочно соображала. Сбежать из Дарема, поднять тревогу — разумно, если хочешь спасти свою жизнь. Но пощадят ли после ее бегства Годрика и остальных? Нет, их уничтожат и спрячут тела, чтобы не осталось свидетелей преступления.

— Поторопимся, миледи, — позвал ее мастер Брюн.

— Никакого бегства, — Эмер сорвала с балдахина толстый шнур и принялась связывать Тилвина, предварительно засунув ему в рот свой платок и примотав для верности шарфом. — Или спасемся все, или все погибнем.

— Миледи! — толстяк перетрусил, услышав про «погибнем все».

— Знаю, страшно, — связав Тилвина, Эмер перекатила его на край кровати и заботливо укрыла одеялом.

Потом она пригасила свечи, оставив одну, и спрятала ее под резную каменную чашу, чтобы свет стал совсем рассеянным. Потом обыскала поясную сумку Тилвина и нашла ключ от тюрьмы леди Фледы и Остриуд.

— Очень страшно превращаться вдруг в воина, — сказала она мастеру Брюну, подходя к нему вплотную и глядя прямо в глаза. — Но бывают минуты, когда это необходимо. И повар может стать воином, и последний из поварят. Я не оставлю в плену леди Фледу и Остриуд. И Годрик не дождется появления нашей доброй королевы, — тут она горько усмехнулась, — может она и не поверит мне, и не захочет приехать. И только мы можем спасти обитателей Дарема от злодея и тирана. Только мы, мастер Брюн. Слышите? Вы со мной?

— Приказывайте, миледи, — пролепетал повар, дрожа, как осиновый лист.

— Я освобожу Годрика, а вы должны остаться здесь, — Эмер положила руки ему на плечи. — Остаться здесь и изобразить меня.

— Вас?!

— Да. У вас тонкий визгливый голос. Если вы будете стонать и плакать на женский манер, никто ничего не заподозрит. Тилвин просил не беспокоить его до утра. Подыграйте, заставьте предателей-гвардейцев поверить, что их предводитель забавляется со мной. Мне понадобится около часа. Может, чуть больше. Это опасно, мастер Брюн, но только вы и я сможем спасти остальных.

— Я готов, миледи, — ответил толстяк умирающим голосом.

— Все пройдет успешно, — тут же принялась командовать Эмер, — я уже не раз так сбегала. Получалось раньше, получится и теперь. Лягте в постель, а я опущу полог. Если кто-то заглянет, попрыгайте на кровати. Это будет похоже на... э-э...

— Я понял, миледи, — ответил повар, укладываясь рядом с бесчувственным Тилвином и прижимая к груди сковородку. — Будьте осторожны, миледи.

— Всенепременно, — пообещала ему Эмер.

Снаружи стояли дюжие подмастерья — один со сковородой, другой с каменным пестом от ступки. Они увидели Эмер и дружно поклонились. На полу лежали двое гвардейцев, раскидав руки и ноги.

— Тащите их в спальню, — велела Эмер, поглядывая по сторонам.

Гвардейцев постигла та же участь, что и их командира — вскоре они лежали связанные и стреноженные, как цыплячьи тушки перед жаркой в масле. Еще раньше с них сняли одежду, и теперь Эмер примеряла на себя котту королевского гвардейца и шлем с наносником. Все пришлось впору, чем она осталась весьма довольна.

— Пусть один из вас переоденется гвардейцем и встанет снаружи, а второй пойдет вместе со мной. Скажет, что милорд Тюдда захотел подкрепиться после бурной схватки, — она застегнула воинский пояс, проверила, хорошо ли выходит из ножен меч, и сказала: — Ну что ж! Начнем, помолясь.

Гвардеец и кухонный подмастерье не успели миновать коридор, когда под сводами Дарема раздались тонкие стоны и всхлипы.

— Хорошо работает, — сказал себе под нос гвардеец женским голосом.

Подмастерье хмыкнул, но ему явно было не по себе.

— Не трусь, — велел гвардеец, подталкивая его в спину, чтобы шел быстрее. — Самое страшное ты уже сделал, теперь останавливаться нельзя.

Разумеется, гвардейцем была Эмер, и высокий рост сослужил в этот раз отличную службу — угадать в гвардейце переодетую женщину не смог бы и самый искусный маг на службе королевы.

Подражая мужской походке, Эмер шагала широко, размахивая руками, а подмастерье трусил впереди, втянув голову. На них не обращали внимания, а Эмер успела заметить, что гвардейцев на охране прибавилось. И в большинстве своем это были воины из столицы, а не местные стражники, которых она встречала в свою бытность хозяйкой Дарема. «К чему бы Тилвину целое войско здесь? — терялась она в догадках. — Решил усилить охрану обозов с оружием? Но кто кроме него посягал на королевские мечи и копья?»

Один раз их все-таки остановили, спросив, куда идут. Двое стражников преградили путь, но с подозрением смотрели на подмастерье, а не на Эмер. Она пихнула парня в спину, чтобы отвечал.

— Милорд захотел куропаток и вина, — почтительно сказал он. — Меня отправили на кухню.

— Проходи, — гвардейцы посторонился.

— Что-то рано он есть захотел, — сказал один вполголоса. — Хотя, графиня — баба похлеще огнедышащего дракона. Силы ему явно понадобятся.

Они засмеялись и пошли дальше, а Эмер подтолкнула парня, залившегося краской до ушей.

— Топай! — велела она ему шепотом. — Сейчас мы еще смущаться станем, как благородные девицы!

Воровато оглядываясь, они юркнули знакомым путем в замковый подвал. Эмер торопилась, и даже ладони вспотели от волнения. Жив ли еще Годрик? Не окажется ли ее побег напрасным?

— Жди здесь, — шепнула она кухонному помощнику.

— Вы одна, миледи?.. — совсем перетрусил парень.

Эмер похлопала его по плечу:

— Не дрожи коленками, сопляк! У меня есть меч, а это куда лучше скалки.

Она подмигнула ему, чтобы подбодрить, и исчезла во мраке подземелья.

Сегодня здесь убрали факелы, но Эмер запомнила дорогу и шла уверенно, касаясь рукой решеток у стены. Также как и в предыдущее посещение подвала, она дважды оскользнулась на камнях, и дважды выругалась. И мысленно упрекнула себя в том, что надев мужскую одежду,

и впрямь превратилась в мужчину.

Впереди на стене показалась полоска света — яркая, красноватая, от света факелов. Эмер облизнула пересохшие губы и сжала рукоять меча, призывая себя действовать хладнокровно. Голоса гвардейцев, охранявших пленника, гулко раздавались под сводами подземелья. Судя по выкрикам: «Катай! Катай» — тюремщики играли в кости, и было их трое.

Ступая осторожно, насколько позволяли растоптанные мужские сапоги, Эмер подошла к границе света и тьмы и выглянула из коридора.

Она увидела его у той же стены, в тех же цепях, только ссадин у него на лице прибавилось, и губа была рассечена. Он все время сплевывал сочившуюся кровь.

Двое тюремщиков играли в кости, удобно расположившись на перевернутых бочках возле стола с пыточными инструментами, третий топтался возле них, опираясь на длинное копьё. По-видимому, он спустил деньги и теперь мог только давать советы более удачливым товарищам. Пленник их занимал мало.

Эмер глубоко вздохнула и вошла в круг света, утирая нос рукавом.

Услышав ее шаги, гвардейцы лишь мельком взглянули в ее сторону, посчитав, что появление своего не заслуживает внимания, и сбросились еще по одному медяку в общую кубышку.

— Не заслоняй свет, — сказал недовольно один из игроков, когда Эмер наклонилась над столом-бочкой. Гвардеец встряхнул кости, брошенные в деревянную кружку, и пообещал: — На этот раз мне точно повезет!

Ему и вправду повезло выбросить две шестерки, но насладиться победой он не успел, потому что в тот самый момент, когда они с товарищем склонились над столом, вслух считая царапины на гранях костей, Эмер схватила игроков за затылки и с силой вмазала друг в друга лбами. Головы гвардейцев отскочили, как игральные кости, и охранники рухнули на пол, не произнеся ни звука. Третий охранник отскочил к стене, направляя копьё в сторону Эмер. Она приподняла шлем, показывая лицо.

— Миледи?! — воскликнул гвардеец, и даже Годрик не удержался от изумленного возгласа.

— Это я, предатель! — сказала Эмер звенящим голосом. — Опусти оружие и помоги освободить милорда Фламбара, тогда я замолвлю за тебя слово перед королевой! Может, останешься жив.

— Самое время для душеспасительных речей! — Годрик дернул цепи, словно надеялся, что произойдет чудо и металлические звенья распадутся, волей небес.

На него не обратили внимания ни жена, ни охранник.

— Я выполняю приказ королевы, — гвардеец явно прикидывал, как обойти воинственную леди и позвать на помощь, прекрасно понимая, что никто наверху не услышит его криков, и прикидывал — одна она примчалась или стоит ожидать появления банды отчаянных головорезов.

— Королева не приказывала ничего подобного, — возразила Эмер, не спуская с него глаз и медленно вытягивая меч из ножен. — Тилвин Тюдда подделал королевские приказы. — Тебе выбирать — либо принять сторону Её Величества и бороться с мятежниками, либо остаться предателем и потерять жизнь.

В темноте коридора за ее спиной было пусто, и гвардеец приободрился, удостоверившись, что спасительница явилась одна.

— Всего лишь предатель... — сказала Эмер презрительно. — Сложи оружие — и останешься жив.

— Это вы — предатели! — ошетинился гвардеец, воинственно направляя копье в ее сторону, но напасть или оборониться не успел, потому что свалился на пол, как подкошенный.

Подозревая ловушку, Эмер медлила к нему подойти. Потом приблизилась, пнув поверженного врага в плечо. Он лежал, как мертвый.

— Что ты с ним сделала? — спросил Годрик.

— Не знаю... — растерянно ответила Эмер, разглядывая гвардейца. Но на смену растерянности пришла деловитость, и она принялась обыскивать его в поисках ключей.

— Будем считать, что он умер от лицемерия твоей красоты, — сострил Годрик, хотя сейчас было не до шуток.

— От такого не умирают, ты же жив до сих пор, — отмахнулась Эмер.

Ключи отыскались, и она поспешила освободить мужа, а когда цепи упали на пол, бросилась Годрику на шею, душа в объятиях.

Он только охнул, когда она задела свежие раны.

— Прости, пожалуйста! Я нечаянно! — затараторила Эмер.

Годрик промычал в ответ что-то невразумительное и принялся разминать затекшие руки.

— Как тебе понравилось спасение? — не утерпела она с расспросами. — Мне повара помогали. Кто бы мог подумать, что из них получатся отменные воины!

— В твоём отряде прибавилось? Там сейчас не только женщины, но и кашевары?

— И это вместо благодарности!

— Я должен был знать, что моя жена не станет сидеть, сложа руки, — проворчал Годрик и вдруг притянул ее к себе, и поцеловал углом рта в висок, чтобы не запачкать кровью. — Надо бы отшлепать тебя до красных яблочек, но — клянусь ярким пламенем — я очень рад твоему появлению. Что Тилвин? Жив?

— Тилвин спит, — невинно ответила Эмер. — Между прочим, ты снова грозишься. А ведь я в очередной раз спасла тебя. Мне полагается награда...

— Надо найти леди Фледу и Острюд, — перебил ее Годрик. — О наградах порассуждаешь потом. Тебе известно, где они?

— Известно. В комнате над собором,

— Вот туда и направимся, — сказал Годрик, разоблачая одного из тюремщиков — того, что был повыше ростом.

Когда он переоделся, Эмер покачала головой:

— С разбитой физиономией ты никак не тянешь на королевского стража.

— Буду отворачиваться, — пообещал Годрик.

Они оттащили гвардейцев в одну из клеток и сложили рядом. Потом замкнули двери

— Со стражей надо расправиться быстро, чтобы не успели поднять тревогу, — рассказывала Эмер, пока они поднимались по лестнице. — Тилвин сказал, что у них особый приказ, если с ним что-то случится.

— Мне он говорил то же самое. Но сейчас поздно волноваться об этом. Хотя ты поступила крайне неразумно.

— Неразумно?! А ты поступил очень умно — взял и сдался! Мог хотя бы отправить весточку королеве!

Годрик покосился на нее, но ничего не ответил.

Наверху их встретил подмастерье и, узнав бывшего хозяина, поспешно поклонился.

— Что делаешь, дурак? — остановил его Годрик. — Сейчас увидят и раскусят в два счета.

— Иди к повозкам, — велела Эмер, — скажи, что мы придем через четверть часа, пусть будут готовы.

Подмастерье кивнул и убежал, а Эмер объяснила Годрику план побега.

— Ты пагубно действуешь на всех, — только и вздохнул он, — кто следующим встанет под твои знамена? Садовники?

— А ты занудствуешь, как святоша на проповеди, — фыркнула Эмер. — Если бы не я, так и висел бы в подвале в виде настенного украшения. Зачем ты вообще явился к Тилвину? Это не благородство, а глупость. Глупость!

Они были уже возле собора, и Эмер ускорила шаг, но Годрик вдруг потянул ее за руку, останавливая.

— Может и глупость, — сказал он серьезно. — Такая же, какую выкинула ты, бросаясь за мной против разбойников. Не ты ли говорила, что муж и жена — неразлучны? Как же я мог оставить тебя? Теперь мы везде вместе.

У Эмер перехватило дыхание от таких слов, но она еще раз фыркнула и пошла вперед, проверяя, хорошо ли выскальзывает меч из ножен:

— Что касается поболтать красиво — тут тебе нет равных, Годрик Фламбар, — сказала она. — Как был болтуном, так и остался. Шевели ногами, если хочешь спасти милую сестрицу.

Он взял ее за плечо, опять останавливая, и заглянул в глаза. И улыбнулся.

— Ну ладно, ладно, считай, я растаяла от твоих улыбочек, — Эмер отвела глаза, чувствуя, что краснеет. — Все, пошли! Поулыбаемся друг другу потом, когда спасемся.

Ее огорчило, что он опять не сказал ни слова о любви, хотя это было бы очень к месту и сообразно событиям.

Вопреки их опасениям возле комнаты, где томились пленницы, не было охраны. Эмер отпрянула, прячась за угол, и Годрик вопросительно поднял брови.

— Вдруг ловушка? — прошептала она. — Оставайся здесь, я пойду...

Достав ключ, она направилась к двери, ожидая нападения каждую минуту, но было тихо. Зато лунный луч, заглянувший сквозь оконную решетку, вдруг высветил мужские сапоги, торчавшие из темного угла. Эмер приблизилась и обнаружила двух гвардейцев во всеоружии, которые лежали на каменном полу без признаков жизни. Она махнула Годрику, чтобы подошел.

— Или мертвые, или хорошо оглоушены, — сказала она, указывая на поверженных солдат. — Неужели мастер Брюн постарался? Я готова просить для него рыцарского звания.

— Можно присвоить ему звание сэра Кухонного котла, — подсказал Годрик.

— Шутка, достойная виллана, — прошипела Эмер, но он уже забрал у нее ключ и открыл двери.

Женщины не спали, они молились возле лампадки, и испуганно вскрикнули, когда в их тюрьму ввалились двое гвардейцев. Пленницы были свободны от цепей. Свернутые кольцами звенья тускло блестели в свете светильника, как затаившиеся змеи.

— Это я, матушка, не пугайтесь! — Эмер уже привычным жестом подняла шлем.

Леди Фледа всплеснула руками и заплакала, а Остриуд проявила больше хладнокровия. Она схватила мать поперек туловища и заставила подняться.

— Надо уходить, мама, — увещевала она пожилую женщину. — Видишь, Эмер пришла за нами.

— Я верила, что она спасет нас, верила, — рыдала леди Фледа.

— Не только Эмер, — подал голос Годрик. — Я тоже здесь.

Леди Фледе пришлось сесть прямо на пол, потому что ноги ее не удержали, а Остриуд, взвизгнув, бросилась брату на шею. И, конечно, опять потревожила раны.

— Обниматься будешь после, — ревниво сказала Эмер, подхватывая свекровь под мышки. — Как мило со стороны Тилвина, что он снял с вас кандалы. С чего бы такое проявление доброты?

— Не знаю, — ответила леди Фледа, переменяя слова всхлипами. — Снял цепи и велел принести одежду, — она прикоснулась к вороту своего прежнего платья — бархатного, с богатой вышивкой. — Мы с Остриуд решили, что пришел наш смертный час.

— Завтра он ожидает королеву, — сказала Эмер. — Наверное, побоялся, что правда откроется, вот и поспешил привести вас в надлежащий вид.

— Хм... — с сомнением произнес Годрик.

— Что за сомнения? — рассердилась на него Эмер. — Спасемся — можешь хмыкать, сколько угодно. И выдвигать догадки, отчего Тилвина хватил припадок доброты. А сейчас — немедленно уходим. Помоги мне, Остриуд...

Остриуд вняла совету и подхватила мать с другой стороны, помогая вывести из комнаты, столько времени служившей тюрьмой. Годрик шел позади, держа меч наголо. Они двинулись в сторону внутреннего двора, останавливаясь при любом шорохе, но на их счастье гвардейцы патрулировали замок не особенно прилежно, и обошлось без нежелательных встреч.

Проходя мимо спальных покоев, Годрик прислушался.

— Что это? — спросил он удивленно.

Под сводами замка раздавались жалобные стоны и всхлипы.

— Это Тилвин меня насилует, — ответила Эмер. — Шевелись быстрее, если не хочешь, чтобы нас поймали.

Годрик ускорил шаг, но пребывал в недоумении, и Эмер просветила его:

— Это мастер Брюн забавляется. Я сразу знала, что у него получится отлично, у этого пройдохи. Он визжит, как недорезанный поросенок.

— Ты стала настоящей вилланкой, — сказала Остриуд со смешком.

— Придержи язык, благородная курица, — ответила Эмер, но без злости, удивляясь, насколько общая беда умеет сплотить самых разных людей. Как ненавистна была ей Остриудка, но теперь они стали не врагами, а товарищами по несчастью, и даже препирательства приобрели вид добродушных насмешек.

Повозки ждали их, как и обещал мастер Брюн, и главный повар крутился поблизости, заламывая руки. Увидев двух гвардейцев, сопровождавших леди Фледу и Остриуд, он едва не бросился наутек, но потом признал прежних хозяев.

— Миледи! Милорд! — он даже пустил слезу счастья по случаю удачного спасения. — Извольте спрятаться между мешками, и мы немедленно отправляемся.

Повозок было три, каждой правил возница, и в первой, среди мешков с очистками и объедками, полагавшимся для богадельни и приюта, спрятали леди Фледу и Остриуд, наказав сидеть тихо. В последнюю залезли Годрик и Эмер. При их росте прятаться за низкими бортами было несподручно, но Эмер исхитрилась свернуться вокруг бочки с помоями, а

Годрик расположился вдоль заднего борта. Их прикрыли соломой и ветошью, и повезли.

Эмер до боли в ладони сжимала рукоять меча, каждую секунду ожидая, что поднимется переполох. Она старалась не думать, что будет с бедным мастером Брюном, когда их побег откроется.

Вскоре послышался плеск воды во рву, и стража у ворот спросила, кто едет.

— А разрешение от милорда? — лениво поинтересовался стражник, который подошел осмотреть повозки. От мешков и бочек воняло, и он лишь приподнял рогожу, не слишком утруждая себя проверкой.

— Вот разрешение, подписанное лично его милостью, — угодливо сообщил возница. По голосу можно было определить, что он отчаянно трусил.

— Дожили! — сказал стражник, даже не взглянув на протянутый пергамент. — Хозяин Дарема дает личное разрешение на вывоз дерьма!

Гвардейцы захохотали и разрешили проезжать. Эмер с облегчением перевела дух и ткнула Годрика кулаком, радуясь спасению. И словно сглазила. Не успела третья повозка миновать мост, как на стенах замка вспыхнули факелы, и кто-то крикнул:

— Задержать! Там мятежники!

Годрик не стал мешкать и отбросил солому и ветошь, вскакивая и одним прыжком перемахивая через борт. Эмер промедлила, но последовала за ним. От замка уже бежали гвардейцы с копьями и длинными кинжалами, один трубил в рог, объявляя тревогу.

— Гони! — Годрик махнул переднему вознице, тот не заставил просить дважды и взмахнул кнутом, исчезая в темноте. Слышно только было, как стучат по доскам конские копыта.

Один из подмастерьев, сидевший на облучке второй повозки, спрыгнул на землю и удрал в темноту, как заяц. Третий несколько секунд метался, разрываясь между долгом и страхом, но уступил второму и тоже юркнул в придорожные кусты.

Годрик схватил лошадь, впряженную в третью повозку, под уздцы, заставляя развернуться и встать поперек дороги, чтобы заградить путь преследователям.

— Поедешь в другую сторону, чтобы запутать следы, — приказал он, хватая Эмер за гвардейский кушак и одной рукой перебрасывая за борт второй повозки. — Они будут ждать тебя возле черного подорожного столба, как ехать в сторону столицы. Поняла?

— А ты?! — воскликнула Эмер, холодея от предчувствий.

— А я задержу их, — сказал Годрик спокойно, обнажая меч.

— Тогда и я никуда не поеду! — зло крикнула Эмер, понимая, что счастливое спасенье пошло прахом из-за кое-какого пустоголового болвана. — Прекрасно! Просто чудесно! Поляжем тут оба, как два глупых благородных героя!

— Ничего не случится, — он притянул ее к себе и поцеловал в губы, и она замолчала, как по волшебству. — Утром встретимся. Запомнила? Возле черного подорожного столба.

— Мы же решили — только вместе, — простонала Эмер.

— Мы всегда будем вместе, — сказал Годрик, погладив ее по голове. — Только ненадолго расстанемся, — он ударил лошадь по крупу мечом плашмя. — Не медли! Вперед, вперед!

Но Эмер не торопилась хватать вожжи, прекрасно осознавая, что он лжет во спасение. Она с отчаяньем смотрела на Годрика, а потом перевела взгляд на гвардейцев, бегущих по мосту.

— Нет, так не пойдет, — вздохнула она и перебросила ногу через борт повозки, явно

намереваясь оказаться рядом с мужем.

Годрик без слов подхватил Эмер под пятку и забросил обратно:

— Я же велел: не медли!

Распластавшись на мешках с мусором, она не успела даже выругаться в ответ, потому что вместо нее ответил знакомый голос — ледяной и бесцветный, который мог принадлежать лишь одному человеку на свете. Ларгелю Азо, епископу.

— Не слишком торопитесь, уважаемые, — сказал он.

Все еще возлежа на куче отбросов, Эмер закатила глаза. Поистине, небеса были против них. С чего бы епископу так некстати возвращаться в Дарем? А ведь вернулся, выскочил, как демон из преисподней. Она поднялась и медленно выглянула из-за края повозки, а Годрик оглянулся, опуская меч.

Совсем рядом стоял небольшой отряд — всего-то человек восемь, но все вооружены арбалетами, со снаряженными болтами. И все эти болты сверкали начищенными гранями в свете факелов, и были направлены в сторону беглецов.

— Мы снова встретились, добрый сэра, — сказал епископ Ларгель, подходя к безоружному Годрику.

Тот еле заметно усмехнулся, глядя ему в глаза.

— Пытаетесь стать героем в одиночку? — спросил епископ. — Я же сразу предупреждал, что не выйдет. Пара глупостей — и вы останетесь в гордом одиночестве один на один со смертью.

— Вы отлично спророчествовали, Ваше Преосвященство.

— Я не пророк. Я не вижу будущее. Зато умею угадывать ошибки в настоящем. Расчистите дорогу, — приказал он, и двое гвардейцев развернули повозку, преграждавшую путь бегущим из Дарема, а еще двое вытащили Эмер и отобрали меч.

Вместе с гвардейцами из Дарема явился Тилвин. Он то и дело подносил руку к затылку и морщился. Видно удар мастера Брюна оказался сильнее, чем предполагалось.

— Я зарежу этого толстяка и зажарю, — ругался бывший начальник стражи. — И скормлю его проклятым поварам-предателям...

— Ведите себя, как рыцарь, а не как разбойник с большой дороги, — осадил его Ларгель, и Тилвин немедленно замолчал.

— Так и знала, что вы заодно! — Эмер плюнула в сторону Ларгеля Азо, но не попала.

Он обернулся, разглядывая ее.

— Это графиня Поэль, — сказал Тилвин, вмиг ставший робким, как ягненок.

— Я вижу, — ответил Ларгель. — Посадите ее под замок, пока приедет королева. Её Величество хочет сама вынести приговор мятежникам.

— Мятежникам?! — возмутилась Эмер. — Годрик, ты слышишь? Они нас называют мятежниками!

— А сэра Годрика в подвал, — распорядился Ларгель. — И никаких пыток, и никаких разговоров ни с тем, ни с другим, пока не появится королева. Охранять их будут мои люди.

— Ваше Преосвященство, — вмешался Тилвин, — я могу позаботиться о графине Поэль, позвольте мне...

— Вы сделали свое дело. Этого довольно.

— Но я хочу помочь...

— Помогите себе, милорд. Приложите лед к голове, например.

Тилвина так и заиграл желваками, но спорить с епископом не посмел.

Пока Эмер тащили до замковых ворот, она упиралась и оглядывалась, пытаясь разглядеть, что же будет с Годриком. Но тот остался возле епископа, и даже не посмотрел вслед жене.

Ее опять заперли в спальне, где на полу лежали разрезанные путы, а одеяла на кровати были скомканы, будто на них валялась кабанья семья в десять хвостов. У Эмер отобрали шлем и гвардейские одежды, оставив лишь нижнюю рубашку, чтобы прикрыть наготу. И не особенно удивительно было, когда часа через два к ней заявился епископ Ларгель.

— Заставили даму ждать! — сказала Эмер бесстрашно. — У вас дурное воспитание. Ваше Преосвященство. Что вы намерены делать? Со мной и Годриком?

— Я — ничего не намерен, — ответил епископ, пропуская в комнату служанку, которая внесла платье и положила его на кресло, стараясь не помять. Платье было голубое, похожее на подвенечное, хотя и не столь искусно украшенное, как полагается новобрачной.

Эмер посмотрела на платье с опаской.

— Завтра приезжает Её Величество, — пояснил Ларгель Азо. — Я велел приготовить вам подобающий наряд. Возможно, королева смягчит приговор и выдаст вас замуж. Чтобы вы остепенились, наконец. Приведите себя в порядок, графиня. От вас воняет помоями.

— За кого это вы прочите меня? — спросила Эмер, не обращая внимание на явное оскорбление. — За Тилвина Тюдду? Я лучше умру, так и знайте.

— Может, до этого не дойдет, — сказал епископ с обманчивой мягкостью. — Может, Её Величество решит на суде, что вы недостойны замужества и предпочтет... заточение в монастырь.

— За что же собираются судить? Мы ничего плохого не сделали. Это нас держали в плену и издевались без обвинения.

— Вы напали на Дарем с целью захватить оружейные мастерские, — ответил Ларгель Азо, проверяя, надежно ли заперты ставни, — устроили членовредительство сэру Тюдде, поверенному королевы, сопротивлялись гвардейцам. Вы — мятежники. Тисовая ветвь и все такое...

— Хотите обвинить нас в своих преступлениях! — ахнула Эмер. — Но королева ни за что вам не поверит! Я расскажу про подлог договора, про подделку подписи ее сестры, и про то, как господин поверенный, — она сказала это с особой ненавистью, — поставил печать Фламбаров, обольстив наивную девицу!

— Говорите, что угодно. Королева верит лишь лорду Саби.

— Который сам — главный мятежник!

— Попридержите-ка язык, неугомонная леди. Если не хотите лишиться его раньше времени. Лорд Саби — верный слуга Её Величества, облыжно обвиняя его в измене, вы совершаете еще одно преступление. О котором я, как верный слуга короны, обязан доложить.

— Вы — самый большой лицемер, которого я когда-либо видела, — сказала Эмер с ненавистью.

— Вы вольны думать, что хотите, — ответил епископ, подходя к двери.

Эмер сжимала кулаки, ища способ отомстить предателю хотя бы резким словом. Она выпалила:

— Теперь я понимаю, почему принцесса Медана вырвала себе глаза!

Упоминание о святой Медане попало в цель, и Ларгель медленно обернулся.

— Ей было так же мерзко смотреть на вас, как на чумную жабу, — Эмер произнесла это

со всем презрением, на которое была способна. — Я бы тоже вырвала себе глаза, лишь бы вас не видеть. Но у меня нет такой силы духа, какая была у нее! И что бы там не говорили летописи, ваш предок не раскаялся, а был проклят из-за того, что совершил. Проклят до конца веков!

— Что ты сказала? — он тряхнул головой, приближаясь почти вплотную.

— То, что ваш род уже сто лет пытается загладить грех, совершенный вашим предком, но мало преуспел. И вы прекрасно это осознаете. Иначе зачем вам плакать над ее трупом и вставлять изумруды в глазницы? Медана вырвала себе глаза — и это ваше проклятье, епископ! Но и после смерти вы не оставляете ее в покое и тревожите ее святую душу!

— Ты не знаешь, о чем толкуешь, девчонка, — ноздри епископа гневно затрепетали, а в глубине зрачков опасно вспыхнул красный огонь.

— Прекрасно знаю, Ваше Преосвященство, — дерзко ответила Эмер.

— Нет, не знаешь, — прошипел Ларгель, поднимая руку со скрюченными, как когти, пальцами. — Это не Медана вырвала себе глаза. Это рыцарь Азо ей их вырвал. И не потому, что они слишком ему нравились, а потому, что слишком смело на него смотрели. Лучше не вынуждайте меня вспоминать прошлое.

Он надвинулся на нее, как черная скала, и лицо его было угрюмым и страшным. Эмер невольно заслонила рукой, чтобы не видеть этого страшного лица.

— Так-то лучше, — сказал он обыденным тоном, отступая. — Вам принесут поесть. Подкрепитесь перед завтрашним испытанием и обдумайте, что будете говорить королеве в свое оправдание.

Когда он ушел, Эмер села у стены на пятки, мучительно переживая, что выказала страх перед противником. И впервые она взмолилась яркому пламени от спасения — взмолилась всей душой, всем сердцем и всем существом, понимая, что сейчас им с Годриком может помочь только чудо.

От молитвы ее отвлек скрип дверных петель — это появился поваренок с обещанным ужином.

— Муго! — она сразу узнала подростка, и бросилась к нему навстречу. — Как там милорд Годрик? Как мастер Брюн?

— Их схватили, — сообщил мальчишка, расставляя на столе чашки и плошки с закусками. — Заперли в подвале. И почти всех наших заперли.

— А леди Фледа и Остриуд?..

— Они смогли сбежать. Гвардейцы только недавно вернулись, сказали, что обшарили всю равнину, но никого не нашли.

— Хвала небесам! Хотя бы они в безопасности.

— Говорят, завтра приезжает королева, и что она очень зла на вас. Это конец, миледи? — Муго посмотрел со страхом, и Эмер ободряюще хлопнула его по плечу.

— Конец наступит, когда умрем, а пока живы — будем надеяться и бороться.

Она не слишком утешила поваренка, но он улыбнулся и кивнул:

— Тогда поешьте. Я принес копченый окорок, он вкусный. И еще вареные яйца с горчичным соусом.

— И даже не разбил? — деланно удивилась Эмер.

Они посмеялись над незамысловатой шуткой, а потом Муго снова начал доказывать, что в том преступлении не было его вины:

— Если бы господин не толкнул меня...

— Да кто тебя толкал? — отмахнулась Эмер, уничтожая ломтики окорока, политые брусничным соусом. — Хватит привирать.

— Я говорю правду, — с достоинством ответил Муго. — И он нарочно меня толкнул. Слишком уж поганая у него была рожа. О! Простите, миледи! — он смутился и покраснел, сообразив, что позволил себе излишнюю грубость в присутствии благородной дамы.

— Да про кого ты говоришь? — Эмер прыснула со смеху, таким забавным выглядел сейчас Муго. — Кто этот злодей, объявивший войну даремским яйцам?

Парнишка произнес всего одно слово, но Эмер тут же перестала смеяться и отложила кусок хлеба с ломтем копченого мяса поверх.

— Ты уверен, Муго? — спросила она недоверчиво.

— Уверен ли я? Так же уверен, как то, что меня зовут Муго Пикси. На всю жизнь запомнил, как летел по лестнице вместе с яйцами!

Он хихикнул, но Эмер его не поддержала.

— Невероятные дела, — сказала она. — И ты встретил его на лестнице возле кухни? Что бы ему там делать?

— Откуда же мне знать, какой демон его туда притащил? — проворчал Муго. — Но чтоб мне сдохнуть, если я вру. Разве его можно с кем-нибудь перепутать, миледи? Вы будете ещё есть? — спросил он, присмирив.

Эмер кивнула и доела всё до последней крошки, не чувствуя вкуса. Муго забрал поднос с тарелками и затоптался на месте.

— Все будет хорошо, — успокоила его Эмер улыбкой, но едва поваренок ушел, взъерошила обеими руками волосы, что было у нее признаком глубокой задумчивости. — Как же так получается? — прошептала она. — Ничего не понимаю...

Приезд королевы Эмер благополучно проспала. Она открыла глаза, только когда дверные засовы закрипели. Натянув одеяло до подбородка, Эмер смотрела, как в спальню входит Ларгель Азо. Сегодня ради торжественного случая он надел черную бархатную сутану с красной шелковой колораткой. Красный шелк казался кровавой раной поперек горла.

Заметив, что голубое платье по-прежнему лежит на кресле, епископ сказал недовольно: — Долго же вы спите.

— У кого чиста совесть, тот спит крепко, — сдержанно ответила Эмер.

— Крепко и долго — не одно и то же, — поправил он ее. — Но ближе к делу, леди. Королева объявила начало суда через четверть часа. Извольте поторопиться, если не хотите, чтобы я привел вас к Ее Величеству в исподнем.

— Тогда, может, выйдите? Или желаете присутствовать?

Епископ милостиво соблаговолил выйти.

Эмер вскочила и натянула платье, ничуть не заботясь о том, чтобы расправить складочки и рюшечки. Весь утренний туалет занял у нее не больше пяти минут, она даже не стала причесываться — просто перевязала боковые пряди пониже затылка, чтобы не лезли в лицо, и даже не озаботилась накинуть на голову покрывало.

Когда она появилась из спальни, Ларгель Азо оглядел ее с неудовольствием, но язвить по поводу неряшества и небрежности не стал.

В сопровождении епископа и гвардейцев Эмер была препровождена в Большой зал. Совсем недавно здесь принимали королеву, и все украшали цветы и масляные светильники. В этот раз ставни были полуприкрыты и занавеси приспущены, что создавало таинственный полумрак.

На возвышении, где во время пиров накрывали столы для важных гостей, сейчас стоял складной трон из дуба, окантованного резными пластинами из кости. На троне, в окружении вооруженных до зубов гвардейцев, восседала Ее Величество с крайне грозным видом, по правую руку от нее стоял лорд Саби, похожий в сером квезоте на облезлую мышь.

Когда Эмер вошла в зал, лорд Саби как раз что-то нашептывал королеве на ухо, а она пристукивала пальцами по подлокотнику и хмуро поглядывала на Тилвина и Годрика, стоявших перед ней на коленях. Руки Годрика были связаны за спиной, но раны стягивали свежие повязки, и рубашка на нем была чистая, хотя и из грубого плотна, какие носят простолюдины.

— Простите за долгое ожидание, — сказал Ларгель Азо, — но графиня изволила почивать, я только сейчас ее разбудил.

— Мы ждем, а она спит? Поистине, если нет совести, то ее не купишь, — провозгласила королева. — Поставьте ее рядом с этими двумя.

Гвардейцы заставили Эмер опуститься на колени, а лорд Саби сказал:

— К графине можно было бы проявить больше сердечности, Ваше Величество.

— Графиня сделала все, чтобы мы утратили всякую сердечность, — не согласилась с ним королева и нахмурилась еще больше. — Я намерена разобраться, что за игры она ведет, почему с такой легкостью нарушает королевские законы, и нет ли в этом злого умысла. А

почему до сих пор нет леди Фламбар и ее дочери, девицы Остриуд? Они тоже спят?

— Леди Фледа с дочерью вчера скрылись, — ответил епископ. — Я сам видел, как их увозила повозка, которой правили слуги с кухни. А они, насколько мне известно, решили подчиняться лишь графине Поэль...

— Похищение благородных дам?! — немедленно поняла королева. — Да вы с ума сошли, графиня!

— Не похищение, а спасение! — возразила Эмер. — Ваш дорогой поверенный сэр Тюдда держал их под замком, на цепи.

— На цепи? Что за вздор! — королева обернулась к Тилвину. — Отвечайте! Это так?

— Ваше Величество сами приказали мне позаботиться о леди Фледе и ее дочери, — ответил Тилвин с поклоном. — Я выполнил ваше указание по мере разумения и с усердием.

— Какие гладкие слова, — королева смерила его подозрительным взглядом. — Графиня говорит о цепях...

— Графиня ошибается, — мягко возразил Тилвин.

— Лжец! — презрительно бросила Эмер.

— Помолчите пока, — предупредила ее королева. — Речи про то, что вы держали их под замком — тоже ошибка?

— Нет, Ваше Величество.

— Вы заперли благородных дам?!

— Да, запер, — ответил Тилвин твердо.

— Объяснитесь.

— Признаю, я превысил полномочия, запретив леди Фледе и ее дочери свободно разгуливать по Дарему, и предполагал отправить их в монастырь...

— Какое рвение! — хмуро заметила королева.

— Но сделал это лишь по одной причине. И если Ваше Величество признает причину ничтожной, то я готов понести наказание.

— Не тяните! Что за причина?

— Так получилось, что я глубоко и искренне полюбил графиню Поэль, — сказал Тилвин смиренно. — И зная, что она очень привязана к Дарему, хотел, чтобы она снова стала здесь хозяйкой. Поэтому считал присутствие прежней владелицы замка нежелательным. А с леди Остриуд у графини Поэль сразу были натянутые отношения. Эмер было бы беспокойно... То есть графине Поэль, прошу прощения.

Лицо королевы смягчилось, и Эмер поняла, что рассказ предателя возымел действие.

— Все не так, Ваше Величество! — торопливо заговорила она, боясь, что прикажут замолчать. — Сэр Тюдда давно плел интриги против своего брата, моего мужа. Он мечтал получить все, чем владел Годрик, и вы, по незнанию, исполнили его низкую мечту...

— Вы упрекаете меня в незнании? Да как смеете, графиня!

— Незнание — не оскорбление, — не осталась в долгу Эмер, — а вот наказывать невиновных не разобравшись — это преступление. Я утверждаю, что епископ умышленно позволил леди Фледе и Остриуд сбежать, чтобы они не могли свидетельствовать против него и сэра Тюдды. Прикажите найти их, они все расскажут!

— Мы искали, Эмер, — произнес Тилвин, глядя на нее ласково и с укоризной, как глядят на не в меру расшалившихся детей. — Искали и не нашли. Потому что они не хотят быть обнаруженными. Я понимаю — просто леди Фледа пытается скрыть позор...

— Какой позор? — немедленно вмешалась королева.

— О, я сказал лишнее, — Тилвин приложил кончики пальцев к губам, показывая, что намерен хранить молчание.

— Велю вам говорить! — топнула ногой королева.

— Право же, не смею...

— Рассказывайте все, что знаете, милорд, — сказал лорд Саби. — мы здесь, чтобы установить истину, а не прятать ее в мешке.

— Слушаюсь, — церемонно поклонился Тилвин. — Мне стало известно, что у леди Остриуд была... незаконная связь. С конюхом.

Королева схватилась за сердце, а Эмер возмущенно ахнула. Остриудка была та еще язва и подлючка, но не заслуживала наветов за глаза. Годрик смотрел в пол, стискивая зубы. Но молчал. Молчал, как каменный истукан.

— Его мы наказали и выгнали, — продолжал Тилвин, — но леди Остриуд никак не желала образумиться и упорствовала в своем грехе. Думаю, леди Фледа поняла, что с вашим приездом правда может открыться, и поспешила сбежать.

— Яркое пламя! — королева осенила себя священным знаком и принялась обмахиваться платочком. — Поистине, злосчастный год. Благородные девицы сошли с ума!

— Я постарался сохранить все в тайне, — сказал Тилвин. — Простите, если переусердствовал в своем стремлении.

— Молодость заслуживает снисхождения, — вмешался лорд Саби. — Ваше Величество, вы же не будете жестоки, наказывая за любовь?

Щеки королевы порозовели, и даже глаза на миг затуманились.

— Вы правы, советник, — сказала она со вздохом. — Не будем наказывать юных. Они живут по ведению сердца. Милорд Тюдда, мы прощаем вас..

— Ваше Величество так великодушны, — тут же подхватил Тилвин, поднимаясь с колен. — Я тем более снисходителен к леди Остриуд, что понимаю ее безумство. Я сам стал безумен от любви к графине.

— Дважды лжец! — сказала Эмер и обернулась к Годрику. — А ты что молчишь? Он оскорбляет твою сестру!

— Она ему не сестра, — напомнил Тилвин.

— Ты прекрасно знаешь, что Годрик — наследник Фламбаров. Ваше Величество! — Эмер возвала к королеве, и та скривилась, как от лимона. — Сэр Тюдда оболгал не только моего мужа, но и вашу сестру.

— Все бессмысленно, Эмер, — сказал Годрик вполголоса.

— Правда никогда не лишена смысла! — возразила она. — Ваше Величество, договор о продаже ребенка был поддельным. Сэр Тюдда стер написанное епископом Бедой, оставив лишь его подпись, обольстил Остриуд и с ее помощью поставил на договоре печать. А тайные слова он мог узнать от епископа Ларгеля, они с ним заодно...

— Графиня! — воскликнул лорд Саби. — Вы бросаетесь нешуточными обвинениями!..

— Как пирожками, — поддакнул епископ, которого, казалось, все происходящее несказанно забавляло. Он стоял поодаль, прислонившись к стене плечом, и когда Ее Величество не могла видеть, усмехался углом рта.

Эмер подумала, что ненавидит эту мрачную усмешку еще больше, чем предателя Тилвина.

— Я говорю правду, — сказала она гордо. — Вы должны знать, Ваше Величество...

— Вы смеее утверждать, что вокруг нас все предатели? Так, графиня Поэль?

— Именно. И даже...

— Остановитесь, — королева вскинула руку. — Ответьте-ка нам, кто не желал выходить за милорда Ишема, вопреки нашему приказу?

— Я, — ответила Эмер, не понимая, к чему королева вспомнила о делах минувших. — И я ни минуты не жалела...

— Кто нарушил законы церкви и целомудрия, уединившись с сэром Годриком под лестницей для поцелуев?

— Я, но все было совсем не...

— Кто устроил смуту на турнире, выйдя прилюдно в мужской одежде?

— И это вы хотите поставить мне в вину? Вы же сами говорили, что вам понравилось...

— А кто сбежал из столицы и жил в грехе с деревенским кузнецом?! — королева не смогла сдержать негодования, и голос ее визгливо сорвался на последнем слове.

Этого Эмер стерпеть не смогла.

— Не в грехе! — крикнула она, почти не владея собой от злости. — Я жила со своим мужем, брак с которым разрешили вы и...

— И вы смеете говорить о предательстве других?! — перебила ее королева. — После того, как сами предавали меня много раз?

— Ваше Величество, — произнес лорд Саби тихо, и королева мигом опомнилась.

— Предавали нас, я хотела сказать.

— Вы обвиняете меня в предательстве? Меня?! — Эмер не верила ушам.

— И вас, и вот этого, — королева указала на Годрика. — Вы — мятежники, умышляющие против короны!

— Мы не мятежники, — сказал Годрик угрюмо.

— Как же это называется иначе? — гневно спросила королева. — Вам велено было покинуть Дарем, а вы заявили сюда снова. Да еще напали на наших слуг, устроили похищение или способствовали побегу — мы еще не разобралась, что произошло с леди Фламбар и ее дочерью...

Годрик молчал, и Эмер решила говорить за них двоих:

— Ваше Величество, — начала она. — В том, что случилось, нет вины моего мужа. Это я настояла приехать в Дарем, чтобы доказать, что письмо вашей сестры, подписанное епископом Бедой — ложь, и что сэр Тюдда и епископ Ларгель...

— Дерзкая ослушница! — закричала королева, теряя терпение. — Сколько еще ты будешь идти против моей воли? Я была слишком снисходительна к тебе! Ты не жена этому отступнику, виллану и предателю! Немедленно отойди от него, я возвращаю тебя матери, пусть устраивает твою судьбу, если сможет.

— Уходи, — сказал Годрик вполголоса.

Но Эмер не двинулась с места.

— Ты слышала? — возвысила голос королева.

— Это мой муж, и я никогда его не оставлю, — глухо сказала Эмер. — Вашему Величеству давно пора понять это. Но вы проявляете упрямство, упорствуя.

— Я — упрямство?! — королева задохнулась от такой наглости. — Лорд Саби!

Тайный лорд выступил на шаг вперед, приготовившись выслушать приказ правительницы Эстландии.

— Немедленно заключите графиню Поэль в Черную башню, — велела королева. — До особого распоряжения. Хлеб и вода. Если умрет — ее смерть на её совести.

— Ваше Величество! — подал голос Тилвин. — Разрешите просьбу?

— Что вам, милорд Тюдда? — осведомилась королева холодно. — После всего, что натворили, хотите просить меня о милостях?

— Всего лишь об одной, — бесстрашно сказал рыцарь. — Все проступки я совершил, потому что любовь к графине Поэль застила мне разум. Но вы простили меня, признав причину веской. Не наказывайте Эмер только потому, что она тоже совершает проступки во имя любви. Отдайте её мне, и я клянусь, что вскоре она станет самой верной подданной Вашего Величества.

— Нет! — Эмер вскочила, но гвардейцы тут же швырнули её обратно на колени. — Нет, Ваше Величество! Только не ему, умоляю!

Впервые в её голосе прозвучал страх, и это заметили все. Даже королева с удивлением посмотрела на дерзкую каланчу, которая не дрогнула перед наемными убийцами, лесными разбойниками и шпионами Саби.

— Что вы намерены сделать с ней, милорд Тюдда? — спросила королева, задумчиво рассматривая Эмер. — Мы — её приемница от купели, нам не хотелось бы...

— Я хочу взять её в жёны, Ваше Величество, — сказал Тилвин. — И уверяю вас, она ни дня не пожалеет, что я выбрал её.

— Нет!! — завопила Эмер и отбросила двух гвардейцев, попытавшихся её удержать. — Вы не сделаете этого! Я лучше умру, лучше умру!..

Крик её захлебнулся, потому что уже четверо стражников скрутили непокорную, повалил на пол у королевских ног.

— Лучше умрете? — на губах королевы появилась лёгкая улыбка. — прекрасное пожелание. А вы нам и так до смерти надоели. Выбирайте! — голос её зазвенел. — Выбирайте, графиня. Или выходите замуж за милорда Тюдду, и живёте с ним по заветам яркого пламени, или вас сейчас же препроводят во внутренний двор. На плаху. Клянусь ярким пламенем, мы так и поступим.

— Ваше Величество слишком суровы... — начал Годрик, но Тилвин коротко и сильно ударил его по лицу, разбив губы в кровь.

— Изволь молчать, виллан, когда говорит королева, — сказал он и посмотрел на Эмер, склонив голову к плечу. Но девушка молчала.

— Ну же, Эмер, не упрямясь, — сказал Тилвин мягко. — Ты ведь знаешь, что нам будет хорошо вдвоем. Охота, оружейное дело — я ничего не стану запрещать. Мы сделаем новый меч, еще лучше, чем прежний. Твои доспехи хранятся у меня, я сберег их для тебя. Теперь Дарем мой, он станет и твоим. И перейдёт нашим детям.

Эмер посмотрела на Годрика. Ему показалось, что она взглядом молит его о помощи.

— Соглашайся, — сказал он, сплёвывая кровь.

Она молчала.

— Соглашайся, дурочка, — пробормотал он.

— Н-нет, — сказала она в третий раз.

— Подумай, — предостерег её Тилвин, у которого задёргалось лицо. — Сейчас всё серьезно, и казнь — это не шутки. Своим непокорством ты заставила Её Величество прибегнуть к крайним мерам. Когда-то я был тебе приятен, но потом мы повздорили. Помирился снова? Ведь это лучше, чем смерть.

— Впервые я с ним согласен, — глухо сказал Годрик.

Эмер вдруг засмеялась. И её смех странно прозвучал в сером сумраке утра, в комнате,

занавешенной бархатными драпировками.

— А я не согласна с вами обоими, — сказала Эмер дерзко. — Ведите меня. Лучше умереть, чем жить в таком мире, где ставят перед выбором, что убить — тело или душу.

Она порывисто обернулась к Годрику, и гвардейцы отпустили её, давая свободу. Не вставая с колен, Эмер подползла к мужу и схватила его обеими руками за уши:

— Я говорила, что не оставлю тебя до самой смерти, а Роренброки всегда держат слово. Понял ты это? Вот здесь, у себя в пустой голове? — она тихонько боднула его лбом в лоб, и вдруг пылко поцеловала, перепачкавшись кровью, и слезы хлынули из глаз, но она смахнула их, пытаясь улыбнуться. — Отрубят голову! Ерунда какая! Не думаешь ли ты, что я испугаюсь какой-то там смерти? — она презрительно выпятила губу.

Тилвина она намеренно не замечала, и он поспешил обратить внимание на себя.

— Это не игра, Эмер! — предостерёг он.

— Это — игра, — сказала она, глядя на Годрика. — Вся эта жизнь — всего лишь нелепая игра. И я должна закончить её по-королевски, даже если наша королева осталась таковой лишь по титулу.

— Решено, — подтвердила Её Величество. — Уведите её.

Гвардейцы схватили Эмер под локти и поволокли к выходу, но она стряхнула их руки, поднялась и пошла сама. Гордо, как будто шествовала не на плаху, а под венец.

На пороге она оглянулась, но посмотрела не на Годрика, не на Тилвина или епископа, а на королеву.

— Когда-то я спасла вам жизнь, Ваше Величество, — сказала она. — Недурно вы отплатили мне за спасение. Я этого не забуду.

— Ещё есть время покаяться и передумать, — крикнула королева ей вслед.

Оно ответа не последовало.

Дверь затворилась со зловещим скрипом, и в Большом зале Дарема стало тихо.

— Позволено мне будет высказаться? — спросил лорд Саби.

— Ах, говорите, — королева взмахнула платком и сошла с возвышения, на котором стоял складной трон.

— Не слишком ли жестоко вы поступаете с этой милой девушкой? Достало бы заключения на месяц, лишения титула и изгнания.

— Что сказано — не воротишь, — ответила королева беззаботно, подходя к окну и приподнимая занавесы. — Я ведь поклялась ярким пламенем, а такие клятвы нарушать нельзя. Уж вам-то это известно.

Выглянув во двор, она поманила пальцем Годрика и Тилвина:

— Приблизьтесь. Она была вам дорога, мы понимаем. Мы разрешаем посмотреть на неё в последние минуты.

Тилвин подошел к окну твердым шагом. Годрика подтащили гвардейцы и заставили смотреть, схватив за волосы.

Во дворе возле стесанного иссеченного камня уже стоял палач, и крестовина меча, ожидавшего своего часа, блестела на солнце. Высокая стройная женщина в голубом платье, с кудрями рыжими и яркими, как начищенная медь, подошла к страшному камню, не выказывая страха. Она обернулась к сопровождавшим её гвардейцам и что-то сказала, после чего вошла по ступеням и стала рядом с палачом — такая же высокая, как и он.

Палач положил ей на плечо руку, принуждая опуститься на колени, и женщина подчинилась. Она сама легла головой на плаху, и палач отбросил с шеи приговоренной

длинные волосы. Они упали до самой земли, как шелковый золотисто-рыжий плащ. Примерившись мечом, палач сделал замах. Сверкающий клинок полетел вниз, и ничто и никто уже не смогли его остановить.

Королева по очереди посмотрела на мужчин, наблюдавших казнь. Лица обоих ничего не выражали, и глаз никто не отвёл.

— Мне искренне жаль, — сказала Её Величество. — Всегда печально, когда молодые уходят так рано.

— Вот и всё, — сказал Тилвин, и осенил себя знаком яркого пламени.

Годрик, бледный, как призрак, промолчал. Повторить жест кузена он не мог, потому что руки были связаны.

— Все свободны, — сказала королева, возвращаясь к трону. — Отпустите виллана, пусть идёт, куда заблагорассудится.

— Правильно ли я понял, Ваше Величество... — начал Тилвин.

Но королева оборвала его:

— Кто-то давал вам право говорить, милорд Тюдда? Виллан теперь нам не опасен, а казнь жены будет для него худшим наказанием. Мы милосердны и считаем, что с него достаточно. Вы хотите возразить? Имейте в виду, сегодня мы не в лучшем настроении.

Тилвин отрицательно покачал головой

Годрика развязали, и он потер запястья, на которых остались красные полосы.

— Я не забуду этого, Ваше Величество, — сказал он, обернувшись на пороге, совсем, как Эмер.

Королева ответила ему холодным взглядом и сказала:

— Я тоже.

Глава 33 (окончание)

Зеленые леса родного Роренброка Эмер видела, как наяву. Она шла по тропинке, а вокруг был май — бушевал во всем великолепии. Цвел боярышник, и солнечные лучи щедро поливали землю сквозь молодую листву. Из-за солнечных пятен прелые прошлогодние листья напоминали пятнистую оленью шкуру.

Эмер брела, не имея ни малейшего представления — куда и зачем направляется. Ей помнилось, что вот-вот должно показаться озеро, но тропинка вела все дальше и дальше, а озера не было и в помине. Очутившись в дубраве, Эмер поняла, что заблудилась. Возле Роренброка не было дубрав.

Здрав голову, она прищурилась против солнца и долго любовалась дубами. Солнечные лучи скользили ее по щекам, приятно согревая, и от этого совсем не хотелось просыпаться. Но лучи становились все настойчивее, от их прикосновений стало горячо, как от кузнечной печки. Эмер резко отвернулась и... открыла глаза.

На нее смотрел Годрик, и он же гладил ее кончиками пальцев по щекам, призывая проснуться.

Эмер смотрела на мужа и думала, что умереть — это вовсе не плохо. Она протянула руки и обняла его, а он зарылся лицом в ее волосы и тихонько поцеловал в висок.

— Я умерла и оказалась на небесах? — прошептала Эмер, вдыхая столь знакомый и милый ей запах мерзлой земли и янтаря, и чувствовала, что вполне может умереть еще раз — от счастья. — Но неужели ты тоже умер?

— Мы живы, — сказал ей Годрик. — И ты, и я. И теперь все будет хорошо. Только мне надо снова просить у тебя прощения.

— За что?

Ответил совсем другой голос, который сразу вырвал ее из пребывания в блаженстве:

— За то представление, что мы разыграли перед вами.

Это не могли быть небеса. Потому что никакие силы не протащили бы епископа Ларгеля Азо в сады праведников. Эмер сразу расхотелось обниматься, и она беспокойно завозилась, пытаясь оттолкнуть Годрика. Он выпустил ее из объятий и сел на край постели, нежно поглаживая по колену через шелковое одеяло. Полог кровати отодвинулся, и внутрь краем глаза заглянул епископ Ларгель, а потом опять скрылся.

— Мы все оказались в преисподней? — догадалась Эмер. — Как же так? Ладно — епископ, он с демонами одной породы. И даже ты, Годрик. Сколько ты мне крови испортил — как раз достанет на смоляной котел. Но меня-то за что?! Я-то чем прогневала небо?

— Нет, мы живы... — начал убеждать ее Годрик.

А приглушенный голос спросил:

— Вы уверены, что безгрешны, дитя мое? — затем послышалось хихиканье: — Святая простота!

Этот голос Эмер тоже узнала:

— Лорд Саби!

— И он здесь, — сказал Годрик смущенно.

— Тогда это не может быть преисподней, — сказала Эмер убежденно. — Такого уродливого старикана испугались бы даже демоны.

— Это наш бранный мир, графиня, — ответил невидимый лорд Саби, продолжая хихикать. — А вы не испытывайте неловкости, милорд Фламбар, я ничуть не обижаюсь на вашу милую жену.

— Благодарю, — пробормотал Годрик, выразительно глядя на Эмер, чтобы попридержала язык.

Но она уже села в постели и отодвинула Годрика в сторону, чтобы было сподручнее смотреть. Выглянув из-за полога, Эмер обнаружила, что находится в незнакомой комнате — очень светлой, с огромным окном, сквозь которое так и лился солнечный свет, и задувал приятный летний ветерок. Стены были облицованы дощечками из мореного дуба, и запах благородной древесины властно напомнил Эмер о сновидении.

— Где я? — спросила она. — И что здесь делаете вы?

— Добро пожаловать в мой скромный дом, графиня, — сказал лорд Саби тоном радужного хозяина.

Они с Ларгелем были одеты в одинаковые черные квесты, расшитые серебряной нитью у ворота, и походили не на грозных пастырей Эстландии, а на обыкновенных горожан, принарядившихся к празднику. На круглом столе стояли серебряные кубки и запотевший кувшин, и лежало простое сырное печенье, какое готовят пастухи, отправляясь на горные пастбища. Только сейчас Эмер поняла, как голодна, и решила отложить выяснение всех тайн на потом.

— Дай-ка мне печенье, Годрик, — велела она, откидываясь на подушки. — И чего-нибудь попить. У меня такое чувство, будто я прошла вместе с Мюрдером Смелым от окраин Эстландии до восточных морей. Сейчас я поем, а потом хочу услышать, каких-таких хвостатых лебедей произошло. Королева приказала меня казнить...

Она задумалась, припоминая, и рассеянно взяла блюдо с печеньем, которое Годрик ей услужливо поднес.

— Ты что-нибудь помнишь? — спросил он. — После того, как тебя повели на казнь?

Прежде чем ответить, Эмер съела три рассыпчатых печенья, отпила вина из предложенного кубка, и аккуратно промокнула губы рукавом рубашки.

Полог над кроватью подняли, и теперь Эмер могла видеть всех трех мужчин. Лорд Саби расположился в кресле с высокой спинкой, епископ Ларгель стоял у окна, облокотившись о стену плечом, Годрик сидел на постели, поближе к жене.

— Помню, как вышла из зала, как прошла во двор. Солнце ударило в глаза... Палач с мечом... И... и ничего больше. Как уснула.

— Будьте благодарны епископу Азо, — подсказал лорд Саби. — Этот прием называется «поспи часок». Сдается мне, он немного перестарался — вы проспали целые сутки. И все же это лучше, чем наблюдать собственную казнь.

— Казнь? — Эмер посмотрела на Годрика.

— Мы вроде как казнили тебя, — объяснил Годрик. — Лорд Саби сделал твоего двойника, которого усекли мечом. Половина замка видела, и Тюдда тоже. Они уверены, что королева приказала избавиться от тебя и простила Тюдду.

— Но зачем?.. — Эмер забыла о печеньях, а кубок поставила на прикроватный столик.

— Чтобы найти главного мятежника, — сказал лорд Саби. — Того, кому служит Тюдда, и кто смертельно опасен для Их Величеств. Если бы мы сделали закрытую казнь, у главаря остались бы сомнения, и это навредило бы делу. Но все прошло как нельзя лучше, я уверен. Надо сказать, найти в Эстландии такие же буйные кудри, как у вас, оказалось нелегким

делом.

Только через несколько секунд до Эмер дошел смысл сказанного, и она тихо спросила:

— Вы казнили другую женщину вместо меня?

— Это была ведьма, — объяснил лорд Саби. — Она заслужила смерть, и казнили ее по приговору королевского суда. Вам не стоит волновать свое нежное сердце, графиня.

Эмер опять взглянула на Годрика, но тот пожал плечами:

— Ее бы все равно казнили. Вот я и решил, что пусть если не она сама, так ее смерть послужит королеве.

— Ты решил?

— Сэр Годрик предложил Её Величеству план, как выявить всех мятежников против короны, — сказал лорд Саби. — И Её Величество милостиво согласилась претворить этот план в жизнь, и сама в нем поучаствовала.

— Королева знала обо всем? О том, что казнь будет ложной?

— Да, и она с удовольствием подыграла, когда вы так героически предпочли смерть жизни с нелюбимым, — сказал епископ Ларгель со скучающим видом. — Даже я впечатлился столь искусной игрой. Кстати, если вам интересно, то леди Фледа и леди Остриуд здесь. Мои люди перехватили их и спрятали. Тюдда безуспешно рыщет по Даремской долине, а птички сидят под надежным присмотром.

— Но тогда вы осмелились солгать королеве, сказав, что не нашли их?..

— Ее Величество знала и об этом.

— Какие же вы мерзавцы, — медленно промолвила Эмер. — Во главе со своей королевой...

— Осторожнее, графиня! — вскинул указательный палец лорд Саби. — Её Величество сохранила вам жизнь, проявив милосердие.

— Простите, что не испытываю благодарности.

— Ты успокойся, и поймешь, что Ее Величество была к нам необыкновенно добра, — утешил ее Годрик.

— Какая уверенность!

— В награду за помощь королева обещает вернуть мне титул и Дарем. Мы ведь именно этого хотели? — Годрик осторожно взял Эмер за руку. — Скажи, что прощаешь меня?

— Жалкий балаган устроили, — пробормотала Эмер, еще не решив, как отнестись ко всему, что услышала.

— Прости, что скрыл истину и подверг тебя такому испытанию. Но так было нужно. Ты всегда открыта, как на ладони. А тут любое неосторожное слово могло погубить всех.

Эмер замолчала надолго, и мужчины тоже благоразумно молчали, давая ей время. Наконец она взяла с блюда еще одно печенье и захрустела им.

— О чем думаешь? — спросил Годрик.

— Да вот смотрю на вас и думаю, что лучше бы и вправду умерла, — буркнула Эмер.

— Лучше бы вы думали, прежде чем говорить, — посоветовал Ларгель.

Эмер закатила глаза, показывая, как относится к советам Его Преосвященства.

— Итак, теперь я хочу узнать, почему вы избавились от меня, — сказала она. — Ведь моя смерть — всего лишь часть гениального плана? Так, Годрик? — про гениальный план она сказала с легким пренебрежением, но Годрик только улыбнулся.

— Вы правы, графиня, — заговорил лорд Саби. — Ваша помощь очень понадобится. Не нам, а прежде всего — Эстландии. И позже я скажу, чего мы хотим просить от вас. Но

сначала вы, вероятно, захотите узнать о врагах, с которыми предстоит бороться?

— Да, враги. Они занимают меня необыкновенно, — сказала Эмер с кислым выражением лица, но слушать приготовилась.

— Наша добрая королева, — начал лорд Саби, — пала жертвой заговора. С некоторых пор я начал замечать, что нежные чувства между Их Величествами охладели, а на смену пришли подозрение и едва ли не ненависть. В это время произошло несколько покушений на Ее Величество, а Его Величество почувствовал недомогание, которое переросло в тяжелую болезнь. Поговорив и с тем, и с другим, я обнаружил, что королева уверена, что король пытается избавиться от нее ради неизвестной пассивности, а король уверен, что жена пытается его отравить, и прекратил с ней всякие сношения. Их подозрения были не просто подозрениями, оба были уверены, что супруг умышляет против них. Я пытался выяснить, кто так тонко плетет паутину вокруг Их Величеств, и лишь недавно нашел ответ. Это...

— Можете не продолжать, — закончила за него Эмер. — Лорд Бритмар. Господин герцог, брат короля.

Мужчины переглянулись, и Годрик спросил:

— Откуда ты узнала?

Некоторое время Эмер наслаждалась их изумлением и вниманием, догрызая еще одно печенье, но потом призналась:

— Я сама поняла это лишь несколько дней назад, как раз перед приездом королевы.

Она понизила голос и таинственно сказала:

— Все дело в яйцах.

— Что? — спросил Ларгель, глядя на лорда Саби, а Годрик покраснел, как вареный рак.

— Наверное, графиня сейчас все объяснит, — сказал тайный лорд, усаживаясь поглубже в кресло и складывая руки на груди.

— А объяснять нечего, — пожалала плечами Эмер. — Муго — поваренок с даремской кухни — рассказал, что герцог умышленно толкнул его, когда он нес корзину с яйцами для королевского пирога. Ну скажите на милость, зачем брату короля, другу королевы, прославившегося своим добрым нравом, толкать какого-то там слугу? Я поразмыслила и решила, что слуга здесь ни при чем. Милорд ненавидел яйца и сознательно жаждал их уничтожить.

— Она бредит? — спросил Годрик у лорда Саби.

Эмер с неудовольствием отметила, что и ее муж, и епископ смотрят на королевского советника с преданностью, как верные вассалы.

— Ничего я не брежу, — сказала она раздраженно. — Милорд герцог хотел, чтобы королева была недовольна Годриком. А что могло вызвать большее неудовольствие Ее Величества, как отсутствие на праздничном столе королевского пирога?

— Странные рассуждения, — сдержанно сказал епископ Ларгель.

— Почему же? — живо отозвался лорд Саби. — А мне кажется, слова графини не лишены смысла. — Но не одни ведь яйца натолкнули вас на мысли о герцоге?

— Вы правы, — согласилась Эмер. — И Сесилия говорила именно о нем, когда дала нам с Годриком приют в своем загородном доме. Но я поняла ее речи, как о Тилвине.

— Да, лорд Бритмар ездил к вашей подруге, — подтвердил советник.

— И добрая Сесилия, поддавшись на его уговоры, помчалась меня спасать, — сказала Эмер горько, — а на самом деле была всего лишь фигуркой из шатранджа. Я должна была догадаться. Она говорила почти его словами — о соответствии души и тела. И вела себя так

уверено... Кто — моя маленькая Сесилия, которая никогда не отличалась смелостью!

— Милорд умеет направить людей. Он хитер, замечает следы, как лиса. И никогда не действует сам, только через верных людей. Но когда нам удалось выяснить, что Верффрита — кормилица милорда Бритмара, все стало ясно.

— Верффрита? Та старуха, что подкинула змею? Кстати, откуда у герцога змея и эти южные яды... Я забыла... чумная жаба?

— Ядовитая жаба, — поправил ее епископ. — Год назад он ездил с миссией на юг. Скорее всего, там и разузнал о ядах.

Лор Саби кивнул:

— А потом погибла Кютерейя, которая была главным осведомителем милорда Фламбара о мятежниках. Ее часто звали на пиры, где бывал герцог. Он знал, на каком поле лучше всего искать сторонников. Когда все вокруг пьяны, о страшных делах можно беседовать без боязни. Наверное, Кютерейя узнала, как герцог вербует сторонников, и поплатилась за это.

— Я думала, ее убил епископ.

— Вы переоцениваете мои способности, графиня, — ответил он.

— Нет, — покачал головой лорд Саби, — епископ был направлен мной в Дарем, чтобы следить за сэром Тюддой...

— И за Годриком. Говорите уже правду, — сказала Эмер.

— И за ним тоже, — с улыбкой подтвердил лорд Саби. — У меня были сомнения. И сэр Тюдда, и сэр Годрик — братья. Родная кровь — крепкие узы. К тому же, сэр Годрик так скуп на слова, а сэр Тюдда, напротив, всегда клялся в верности королеве.

— Сравнили клятвы! — фыркнула Эмер. — Жаль, я поздно вспомнила, что именно от герцога услышала про скалы Дувра — надо было догадаться, что Тилвин клялся и ему в верности. И он чуть не прибил Тилвина после нападения в церкви, когда хотели убить Годрика, а попалась я. Кричал на него, как на личного слугу. Но почему герцог не хотел убивать Годрика?

— Потому что хотел перетянуть его на свою сторону, — сказал лорд Саби. — Милорд Фламбар никогда не предал бы королеву. И не из-за родственных уз. Он верен, и эту верность хотел получить герцог, сначала изгнав его, а потом даровав милости. Как бы повел себя милорд Фламбар, окажись перед ним, после смерти короля и королевы, брат короля, регент принца, который возвестил бы, что договор продажи — поддельный, вернул бы ему титул и земли? Стал бы служить с преданностью. А герцог только этого и желал. Ему нужны были верные люди.

— Вернул бы тебе Дарем? — спросила Эмер у мужа. — И Тилвин остался бы ни с чем? Столько подлости — и все зря...

— Я все равно бы не согласился, — сказал Годрик, и Эмер поняла, что он говорит больше для нее, чем для епископа и королевского советника.

— Он пытался подкупить и меня, — сказал епископ. — При каждой встрече пытался всучить драгоценности. Я сыграл свою роль с разрешения милорда Саби.

— Но если герцог не хотел убивать, то зачем подослал к нему кормилицу со змеей? И как объяснить все эти покушения?

— Тут сэр Тюдда решил действовать самостоятельно, — сказал лорд Саби. — Скорее всего, змея предназначалась леди Фледе, чтобы расчистить путь к оружейным мастерским, когда сэр Годрик будет изгнан. Но Тюдда решил по-другому. И просчитался. Вместо вашего

мужа едва не погибли вы...

— Кстати, о спасении, — перебила Эмер. — Так что вы потребовали от моего мужа, епископ? За мое спасение? Сейчас я имею право знать.

Годрик и Ларгель переглянулись, и Годрик сказал:

— Его Преосвященство попросил довериться ему в момент настоящей опасности. Мне жаль, что я медлил так долго. Мне надо было придти к нему раньше, а не пытаться воевать в одиночку. Я хотел связаться с ним во время турнира, но Его Преосвященство, как раз, отбыл в столицу. Отправил ему послание, и хорошо, что он успел вовремя.

— Да уж, — сказал епископ, — мне пришлось потрудиться, чтобы никто не пострадал. Еще немного — и вы устроили бы в Дареме настоящую бойню. Я прибыл как раз перед вашим великолепным побегом при помощи поваров, и едва успел усыпить гвардейцев. Иначе вы их на куски бы порубили. Да, леди?

— Там, в подвале? — спросила Эмер, ощущая холодок под ребрами. — И возле комнаты звонаря? Вы избавились от стражников через клеймо шпиона?

— Угадали.

— Очень удобная вещь, не находите, графиня? — невинно поинтересовался Саби. — Особенно когда кто-то неудобный путается под ногами.

— Это вы обо мне? — спросила она мрачно.

— Вы и вправду, были, порой, как заноза. Но и помогли тоже. Ваши заслуги я признаю. И в награду наступило время убрать вот это, — глаза лорда Саби вспыхнули красными искрами, а Эмер схватилась за руку.

— Что с тобой? — спросил Годрик.

— Н-ничего...

— У миледи на руке мой знак, — любезно объяснил лорд Саби. — Полагаю, об этом она вам не рассказывала.

Годрик машинально бросил взгляд на руку Эмер, которую держал в своих руках.

— Нет, не рассказывала, — сквозь зубы произнес он.

— Вам обязательно надо было все испортить своей болтовней? — Эмер почувствовала такое тоскливое отчаянье, что сердце свело судорогой. Сейчас Годрик снова превратится в презрительного сопляка, который воротит нос от всего, что неблагородно.

— Это правда? Про клеймо? — спросил он.

— Правда. Но это была ошибка.

— Не гневьтесь на нее, Фламбар, сказал лорд Саби. — Миледи так хотела за вас замуж, что согласилась бы и душу в преисподнюю продать. Она совсем не шпионила. Всего-то и рассказала, что у вас нет клейма Тисовой ветви. Благодаря ей я полностью уверился в вашей невиновности.

— И узнали о родимом пятне, про которое так неосторожно поведали нашей доброй королеве, — сказал епископ, — а она, в свою очередь — милорду Бритмару, который и организовал хитроумный план по изгнанию законного наследника Дарема.

Эмер свирепо посмотрела на него.

— Не подливайте масла в огонь, Ларгель, — пошутил лорд Саби. — Не то и вам достанется сковородкой. Милорд Фламбар молчит. Неужели так потрясен новостью?

Но Годрик молчал недолго.

— Пусть так. Это не имеет значения, — сказал он твердо. — У Эмер есть право на тайны.

Он так и не отпустил ее руку. Эмер посмотрела на него робко, опасаясь насмешки, но Годрик не насмешничал. Лицо у него было серьезным и чуть усталым, но ни следа презрения.

— Если в тот момент моя жена решила пойти с вами на сделку, лорд Саби, значит, посчитала это нужным. И я не вправе упрекать ее за это. Я уважаю каждое ее решение, как свое. Поэтому избавьте ее от вашего клейма поскорее. Не хочу, чтобы ее жизнь была в чьей-то власти. Даже в вашей, милорд.

Пока лорд Саби торжественно обменивался с Эмер рукопожатием, удаляя шпионскую метку, Годрик был рядом, ободряюще кивая жене. Эмер смотрела на него, и чувствовала, как слезы подкатывают к горлу. Он был такой красивый и благородный, облаченный в парчовую котту с бархатными вставками на груди, гордый и прямой, как меч. Волосы он снова перетянул золотым шнурком, и надел наборный пояс с позолоченными бляхами. Мужчина без изъяна, рыцарь без упрека. Вот бы еще он любил ее. Хоть чуть-чуть. Хотя бы в четверть того, как уважал.

Но для душевных терзаний сейчас не было времени. Эмер меланхолично подумала, что в последние несколько недель у нее вообще не было времени для переживаний. Она встряхнула головой и бодро сказала:

— Итак, перейдем к плану. Что я должна сделать, чтобы разоблачить милорда Бритмара?

— Ты должна поговорить с королем, — раскрыл тайну Годрик. — Надо раскрыть перед ним злой умысел герцога. Его Величество до сих пор в неведении и считает, что брат нежно печется о его здоровье.

— Блестяще! — съязвила Эмер. — И для этого надо было меня убивать? А почему, например, лорд Саби не может поговорить с королем? Или твоя тетушка?

— И в самом деле, почему бы не поручить это дело тетушке? — произнес вдруг энергичный женский голос, и Годрик вскочил с постели, а лорд Саби поднялся из кресла.

В комнату вошла сама королева Эстландии. Вошла одна, без сопровождения слуг и придворных дам.

— Зачем вы здесь, Ваше Величество? — советник предложил королеве руку, но королева отказалась и подошла к постели Эмер.

— Злитесь на нас, — сказала Ее Величество.

Эмер и не думала вставать, чтобы засвидетельствовать почтение, и откинулась на подушки, закрыв глаза.

— Вы вправе злиться, — продолжала королева. — Но все было сделано во благо Эстландии.

— Вашему Величеству не стоило себя утруждать... — заговорил лорд Саби.

— Я устала прятаться! — сказала вдруг королева страстно. — И тоже не понимаю, почему с моим мужем должна разговаривать графиня Поэль, а не я. Никто не знает его лучше меня. Что сможет объяснить она? Сторонний человек?

— Согласна, — поддакнула Эмер. — Пусть идет и говорит.

— Успокойтесь, — примиряющее выставил ладони лорд Саби. — Именно графиня должна поговорить с королем. Я уверен, что она справится с этой миссией успешнее. При всем уважении к вашему уму, Ваше Величество.

— Глупости, — сказали королева и Эмер одновременно.

— Нет, не глупости, — заговорил вдруг епископ. Сказал и замолчал, снова уставившись

в окно, будто наблюдал там что-то чрезвычайно интересное.

— Кто-нибудь объяснит? — спросила королева раздраженно, а Эмер мысленно призывая себя к спокойствию.

— Просветите наших дам, Ларгель, — попросил лорд Саби.

— Как прикажете, милорд, — сказал епископ, выходя на середину комнаты и глядя на Эмер пристально и с неприязнью. — Если Его Величество кого и послушает, то только ее. Вот эту рыжую настырную леди.

— О! — сказала Эмер, не открывая глаз.

— Ну конечно! — вторила ей вслед королева.

— Такой странный дар, — сказал епископ, словно не слыша женщин. — Странный и редкий. Такой дар, насколько я знаю, был лишь у одной. У святой Меданы.

— Какой еще дар? Что вы придумали, епископ? — рассердилась королева окончательно.

— Рядом с ней каждый становится тем, кем является на самом деле, — сказал Ларгель Азо медленно и отдельно.

— В жизни не слышала большей ерунды, — хмыкнула Эмер, по-прежнему не открывая глаз. — Каждый является тем, кто он есть. Иначе и быть не может.

— У нее дар раскрывать человеческую сущность, — теперь епископ говорил с лордом Саби, как будто королевы и прочих не было в комнате. — Я не сразу распознал его. Она безмозгла, как гусеница. Тем более странно, что небеса так ее наградили.

— Эй! Гусеница может и ответить на оскорбление! — Эмер сердито уставилась на епископа, но Годрик сделал ей знак замолчать.

— Расскажите-ка человеческими словами, — приказала королева.

— Неужели вы сами не видите, Ваше Величество? — сказал епископ с преувеличенной почтительностью. — Рядом с ней вы изволили заговорить, как простая смертная. А ваш племянник из напыщенного молокососа превратился в почти благородного рыцаря. А сэр Тюдда раскрыл сущность предателя и подлеца. Она такая искренняя, графиня Поэль. И рядом с ней все поневоле становятся искренними. Это ли не чудо?

Трудно было сказать, кто оказался больше изумлен — королева или Эмер.

— Я колдунья, что ли? — спросила Эмер.

— Она — колдунья? — спросила королева.

— Нет, не колдунья, — ответил епископ и сразу потерял к Эмер интерес, вернувшись к окну.

— А ведь сэр Азо прав, — произнес лорд Саби, и в голосе его не было ни ноты удивления. — Рядом с вами, графиня, и я превратился в мягкосердечного старого болтуна, а ваша подруга леди Сесилия Леоффа — в женщину, готовую отстаивать права на своего мужчину. Признаюсь, меня крайне заинтересовало, с чего это она бросилась отбивать вашего жениха.

— Годрика?! — вскричала Эмер, резко садясь в постели.

— Речь не обо мне, глупышка, — сказал Годрик, но засиял, будто золотая монета на солнце.

— Леди Сесилия обольстила Ишема, — пояснил лорд Саби. — Это ведь он считался вашим женихом.

— Обольстила? — Эмер не сдержалась и хихикнула. — Да Сесилия, скорее, полетит, чем преступит правила этикета. Вы ошибаетесь, милорд, и ваш епископ тоже... ошибается.

Хотя не скрою, было бы заманчиво обладать каким-нибудь колдовским даром. Например, — она задумчиво посмотрела на блюдо, на котором оставалось еще пара кусочков печенья, — превращать печенье в жареную курицу.

— Да будьте же серьезны! — вскинула руки в молитвенном жесте Ее Величество и отошла от кровати.

— Она всегда серьезна, — ответил ей епископ. — И глупа, как пустой медный кувшин. Один звон и ничего больше.

— Я ведь все слышу! — сказала Эмер стальным голосом.

— Не злись, — начал успокаивать ее Годрик. — Епископ никогда не ошибается...

— И я — глупа, по-твоему?!

Годрик понял, что сболтнул лишнее, и поспешил исправиться:

— Вовсе нет. Но если он говорит что у тебя дар — так оно и есть.

— Дадим графине время обдумать все и отдохнуть, — предложил лорд Саби. — Жареную курицу я ей не обещаю, но мои повара как раз готовят отменного ягненка с шалфеем и розмарином. Если вас это устроит...

— Устроит, — немедленно ответила Эмер. — И еще грушевого сидра, если он у вас имеется. И маринованных овощей. И свежего хлеба. И...

— Сэр Годрик, вам придется самому принести все своей милой супруге, — сказал лорд Саби. — Слуг в моем доме мало, а мне подобная ноша уже не по силам. И никто не станет вам мешать, пока графиня... насыщается.

— Ваши речи напоминают речи сводника, — ответила Эмер с сияющей улыбкой. — Вы уверены, что рядом со мной не проявилась эта ваша истинная сущность.

— Много звона и пустота внутри, — пробормотал Ларгель Азо, покидая комнату. Следом за ним вышли королева и Годрик, а лорда Саби Эмер ухватила за рукав квестота.

— Но зачем надо было убивать меня напоказ? Вы могли просто бросить меня в тюрьму, для отвода глаз.

— Мы считаем, что именно ваша смерть станет событием, которое заставит мятежников действовать.

— Почему это?

Лорд Саби не ответил, а лишь посмотрел на нее с улыбкой, от которой у Эмер зашевелились волосы на макушке, но от расспросов не отказалась:

— Вы боялись, что Тилвин убьет меня? Посредством красных глаз? Зачем вы научили его такому опасному колдовству?

— Это не колдовство, графиня, а дар. Дар яркого пламени.

— Ничего себе дар... Зачем же вы наделили Тилвина таким опасным... даром?

— Не наделил, а рукоположил, — поправил ее лорд Саби. — Им невозможно наделить. Он должен проявиться сам. Дар яркого пламени проявляется от сильной любви. Моя задача — увидеть эту самую любовь и направить в нужное русло, чтобы использовать во благо Эстландии.

— Мне не нравится слово «использовать», даже ради благих целей, — быстро ответила Эмер.

— Каждому свое. Вы и милорд Фламбар не созданы для интриг. И в этой войне вы больше нам мешали, чем помогали, но я надеюсь, последний бой мы проведем вместе. И выиграем. Я вижу, что вы не хотите участвовать в этой войне. Вы идете на это ради Фламбара. Какая любовь. Будь вы мужчиной, я рукоположил бы вас.

— Нет, благодарю! — Эмер испуганно замотала головой. — Не желаю участвовать в ваших делах! И Годрика вовсе не люблю. Что за ерунду вы говорите? Да, он приятен и не лишен привлекательности, но не более. Оставьте сказки про любовь придворным дамам.

— Фальшь в каждом слове, — сказал лорд Саби. — Дайте-ка угадаю. Фламбар не говорил вам о своей любви, верно? Но есть люди, которые скорее откусят себе язык, чем признаются в любви.

— Разве это так постыдно? — тихо спросила Эмер.

— Есть люди, которые считают любовь непозволительной слабостью. И не верят в ее великую силу так, как верите вы, графиня. Королева рассказывала мне, как вы признались в чувствах мужу. Чтобы пойти на подобное, нужна безоговорочная, почти фанатичная вера.

— Да, такие вот мы, женщины, — пробормотала Эмер, чувствуя, что сейчас разревется. — Глупые, как сковородки...

Она наклонила голову, чтобы советник не заметил слез. Но Лорд Саби догадался обо всем.

— Однажды он поймет и оценит.

Эмер шмыгнула носом и поспешно утерла глаза.

— Знать бы еще — когда, — сердито проворчала она, досадуя, что выказала слабость перед посторонним.

— Возможно, когда столкнется с опасностью потерять вас. Навсегда, — сказал лорд Саби. — И тогда его будет вести любовь, а не долг.

Эмер подозрительно посмотрела на него, пытаясь угадать, был ли в словах потаенный смысл.

— А Тилвина, значит, вела любовь? — спросила она, помолчав.

— Я рукоположил сэра Тюдду после того, как вы стали женой Фламбара и уехали в Дарем. Неожиданный всплеск дара удивил и меня.

— Все равно это не извиняет его предательства, подлостей и жестокости, — упрямо покачала головой Эмер. — Говорите хоть сто раз, но Тилвин Тюдда заслуживает смерти.

— Вы удивитесь, что люди, порой, совершают из-за любви, — сказал на прощание лорд Саби. — Одни — великие подвиги, другие — великие преступления. А теперь отдыхайте, нам предстоит несколько тяжелых дней.

Он был уже возле двери, когда вдруг вспомнил кое-что и оглянулся.

— Хотел еще вам сказать, графиня. Я следил за ними обоими — за Тюддой и за Фламбаром, когда вас казнили. Фламбар побледнел.

— Что из этого? — спросила Эмер напрямик.

— Можно изобразить страх, можно сыграть безразличие. Но нельзя побледнеть по заказу. Вот об этом и поразмышляйте, милая графиня, когда будете решать, кто вас больше любит — тот или другой.

Глава 33 (самое окончание)

Когда Годрик вернулся, нагруженный чашками и тарелками, Эмер встретила его почти враждебно.

— Ты играл со мной, — сказала она. — Даже в минуту опасности, когда я думала, что ты искренен, что нас связывают, поистине, небесные узы... Все было обманом и игрой.

— Прости меня, — сказал Годрик с сожалением, расставляя на столе посуду с ловкостью, достойной расторопной служанки.

— То же самое я слышала раньше. Я прощаю, а ты снова лжешь.

— Не лгу.

— Для меня скрывать правду и лгать — это одно и то же.

Он сел на кровать и притянул Эмер к себе:

— Но и ты скрывала правду, что шпион Саби.

— А вот об этом напоминать низко! — возмутилась она, пытаясь вырваться, но сопротивлялась только для вида.

— Я не упрекаю. Но и ты не упрекай. Я молчал, потому что заговоры и война с мятежниками — это не для женщин.

— Конечно, они — только для мужчин! А женщине полагается сидеть у прялки и притворяться душой, делая вид, что вокруг ничего не происходит! Кстати, твою жену сегодня как только не оскорбил этот мерзкий епископ, а ты даже не пискнул против! Мог бы и заступиться.

— Ты же не восприняла его слова всерьез? — Годрик придвинул к Эмер чашку с дымящимся рагу.

— Не думай, будто я замолчу, если буду есть!

— Что ты, и не надеюсь на такое счастье, — засмеялся он.

Покончив с едой, они не промедлили заняться и кое-чем не менее приятным, причем Годрик показал своей супруге такое искусство в нежной науке, что подвергся пристрастному допросу: где и при каких обстоятельствах подобные знания были получены, а главное — с кем.

Потом они долго валялись на широкой кровати в доме тайного лорда и строили планы на будущее. Вернее, строил Годрик, а Эмер слушала. В любое другое время Годрика насторожило бы ее молчание, но сейчас он был полон азарта перед предстоящей битвой, предчувствовал победу и был... бессовестно доволен.

— Когда верну титул, мы будем всегда жить в Дареме, — говорил он, перебирая кудри Эмер, пока она лежала головой на его плече. — А в столицу станем приезжать только на турниры или по большим праздникам. И ты родишь мне пятерых сыновей, похожих на тебя — солнечно-рыжих и смелых.

— А если родятся дочери?

Годрик засмеялся с таким чувством превосходства, что Эмер ощутила жгучее желание вцепиться ему кулаком в переносицу.

— Хорошо, пять сыновей и одна дочка, — сказал он.

— Благодарю, разрешил, — язвительно сказала Эмер.

— Просто тебя и твоей копии достанет, чтобы сойти с ума.

Она поздно поняла, что он дразнит ее, но не смогла обидеться, слишком ей было сейчас хорошо и спокойно. Постепенно разговор сошел на нет, и оба уснули. Эмер спала крепко и без сновидений. Ей показалось, она только смежила глаза, а Годрик уже тормозил, заставляя проснуться. Солнце уже показало сверкающий край над горизонтом, и птицы за окном заливались во всю. Отчаянно зевая, Эмер встала и завернулась в плед, потому что единственное ее платье — то самое, голубого цвета, в котором она предстала на королевском суде, пропало без следа.

Годрик озаботился завтраком и притащил хлеба, масла и меда, и горячего взвара, пахнувшего яблоками и земляникой.

— Чего ради ты меня поднял в такую рань? — ворчала Эмер, приканчивая второй ломоть хлеба, щедро намазанный маслом и политый медом. — Остальные еще спят, как сурки.

— Все уже давно на ногах, — ответил Годрик, наскоро зажевывая горбушку. — Дали тебе выспаться, а то выехали бы раньше.

— Какие заботливые...

Наливая в кружку еще взвара, Эмер недовольно посматривала на мужа. Вот она — помятая после ночи любви, уставшая, с перепутавшимися кудрями, а он свеж и бодр, и одет снова с иголочки — в черный квестот, расшитый серебряной нитью.

Она постаралась растянуть завтрак подольше, но все равно пришел момент, когда в комнату вошли лорд Саби и епископ Ларгель. Они были в таких же квестотах, что и Годрик, и также были полны силы и бодрости, готовясь вершить государственные дела.

— Под видом кого я пойду в замок? — спросила Эмер. — Обрядите меня послушником? Или мальчишкой на разнос? И как мне добиться разговора с королем?

Мужчины таинственно переглянулись, и эти взгляды Эмер вовсе не понравились, а когда лорд Саби шагнул к ней, вытянув руки ладонями вперед, Эмер чуть не выскочила из кресла, в котором уютно устроилась, завернувшись в плед до подбородка.

— Что это вы задумали?!

— Просто закройте глаза и ни о чем не думайте, — посоветовал лорд Саби.

— Для вас это не составит труда, — сказал епископ лживым добрым голосом.

Годрик кашлянул, и епископ насмешки прекратил.

Лорд Саби положил ладони на лицо Эмер, и от его рук заструилось тепло, совсем как когда-то от рук Айфы, когда она убрала синяк под глазом Эмер.

— Извольте посмотреть, — произнес лорд Саби, и Годрик поднес Эмер зеркало, а Эмер послушно открыла глаза.

Прямо на нее из зеркальной поверхности смотрела Ее Величество королева Элеонора. Сходство было — один в один, только несколько темных прядей, посеребренных сединой, непокорно вились вокруг.

— Небеса святые! — не удержалась от возгласа Эмер, и обнаружила, что теперь даже голос ее звучал, как королевский. — Да вы колдун, милорд!

— Обыкновенная иллюзия, — хихикнул он. — Будь я настоящим колдуном, наш уважаемый епископ уже подал бы петицию в королевский суд.

— Странная шутка, — сказал Ларгель Азо сдержанно. — Не похоже на вас.

— Юношеский задор заразителен, — ответил лорд Саби весело. — А вы пройдитеесь, миледи. Посмотрим на вас со стороны. Только старайтесь не делать резких движений, иначе иллюзия разлезется по швам, и прежний облик вернется.

Эмер встала и обнаружила, что оказалась гораздо ниже ростом. Если раньше она смотрела на Годрика почти вровень, то теперь едва достигала макушкой его плеча.

Потом Саби возложил руки на лицо Годрика, которому пришлось встать перед тайным лордом на колени, и перед изумленной Эмер предстал двойник епископа Ларгеля.

— Вот это ты зря, Годрик, — сказала она недовольно. — Не боишься, что после этого превращения меня будет тошнить всякий раз, как ты потащишь меня в альков?

— Это ненадолго, — пообещал он. — А тебе понадобится подходящее платье. Взгляни, я сам выбирал.

Епископ отодвинул ширму, закрывавшую угол, и солнце заиграло на золотом шитье любимого платья Ее Величества. Пурпурного платья. Оно лежало в кресле — из богатой парчи, с фестонами на талии и оборками по подолу. Очень красивое платье. И очень... страшное.

Кровь отхлынула от щек Эмер, когда она увидела этот роскошный наряд.

Айфа призывала тайные силы, чтобы прозреть будущее, и тогда Эмер наивно полагала, что зная, что ожидает впереди, можно избежать опасности.

Оказалось — нет.

От судьбы не убежишь.

— Отличная ловушка получится, верно? — спросил Годрик, явно ожидая одобрения. — Совсем как король-олень!

— Да, ты все отлично придумал, — сказала Эмер, еле двигая губами.

— Назначите встречу Его Величеству в Тронном зале, — продолжал наставлять ее лорд Саби. — Там есть потаенный ход, лорд Бритмар не знает о нем, потому что это я приказал его проложить. Там встанет епископ Ларгель со своими верными, мы перекроем главный вход, а Фламбар войдет вслед за вами.

— Поймаем его, как крысу в мышеловку, — поддакнул Годрик. — Даже если они вздумают пробиваться с боем, до своих не доберутся.

— А как же мы с королем? — спросила Эмер, не в силах оторвать взгляд от рокового платья. Даже насыщенный пурпурный цвет казался ей отвратительным, а золотого шитья — хищным.

— Я смогу вас защитить, — пообещал Годрик. — Ничего не бойся, я буду рядом.

— Хочется надеяться... — пробормотала Эмер.

— Вам ничего не угрожает, — заверил и лорд Саби. — Отнеситесь к этому, как к маленькому розыгрышу.

— С большими последствиями, — подхватил Годрик.

В отличие от мужчин, Эмер не разделяла их боевого настроения.

— Можно мне с тобой пошептаться? — спросила она мужа, избегая смотреть на роковое платье.

— Это не совсем вежливо... — начал он, оглядываясь на лорда Саби, но тот замахал рукой, давая позволение.

Годрик и Эмер отошли к окну и зашептались.

— Что-то важное? — спросил Годрик с таким выражением, что Эмер поняла, как нелепо будет звучать сейчас рассказ о пророчестве Айфы.

— Скажи, что ты чувствуешь? — спросила она.

— Что чувствую к тебе? — переспросил он ласково и недоуменно.

Она кивнула и загадала, что если сейчас Годрик признается в любви, то тут же

расскажет ему о пророчестве скорой смерти.

— Ты моя жена. Мы связаны до самой смерти. Мы пройдем эту жизнь рука об руку, будем трудиться во славу Эстландии и родим кучу сыновей, которые совершат множество славных дел.

Эмер подавила вздох. Совсем не то она хотела услышать. Но Годрик смотрел на нее такими сияющими глазами, готовый побивать всех демонов, желающих зла Эстландии. И она поняла, что не имеет права ему отказать, а что там произойдет, в этом тронном зале — уже не имеет значения. Потому что идти рука об руку, будучи связанными брачными узами, и быть любимой — это не одно и то же.

— Почему ты просто не скажешь, что любишь меня? — спросила она напрямик. — Не надо этих высокопарных слов про служение и детей. Просто — скажи — что любишь.

— Зачем тебе? — ответил Годрик плохо скрывая нетерпение. — Вы, женщины, странные существа. Важны не слова, а дела.

— И слова тоже! Каждой женщине хочется, чтобы муж признавался ей в любви хотя бы раз в день!

— Каждый день признаваться в любви? — Годрик засмеялся. — Какие странные желанья. Кто же повторяет об одном и том же каждый день? Давай не будем болтать про эти глупости? Надо набраться перед решающей битвой сил. Будь маленьким, стойким воином. Сейчас не время болтать глупости, надо думать о будущем Эстландии.

Он снова поцеловал ее. И этим будто показал, что бессмысленный, по его мнению, разговор окончен.

— Хорошо, милорд, — сказала Эмер, чувствуя пустоту в душе и почти безразличие. — Оставим глупости. Будем думать о важном. Пусть меч и сковородка служат короне. Ради будущего Эстландии. А теперь выйдите. Мне надо переодеться.

Прежде, чем уйти, Годрик поцеловал ее прямо в губы, и лорд Саби шутливо пригрозил ей наказанием, ибо это «очень похоже на оскорбление чести Ее Величества». Когда за мужчинами закрылась дверь, Эмер медленно приблизилась к платью и встала против него, разглядывая, как врага.

— Ты мне совсем не нравишься, — сказала она платью, будто оно было живым существом и могло слышать. — Всегда ненавидела пурпур. Это мерзко, что придется умирать в пурпуре. Я бы предпочла зеленый, как холмы Вудшира.

Разумеется, платье ей не ответило, но Эмер не нуждалась в собеседнике.

— Ты — простая тряпка, — продолжала она, сбрасывая плед и оставаясь в одной рубашке. — Сгниешь, расплзешься на нити — и тебе не страшно. А мне страшно. Теперь страшно. Когда собирались рубить голову, я не боялась, потому что знала, что проиграла, и что Годрик навсегда для меня потерян. Когда нет счастья в жизни — на что сама жизнь? А теперь он рядом, — она приподняла пурпурный подол и нырнула внутрь королевского наряда, — и я боюсь. Потому что слишком много оставляю в этом мире. Я еще не насладились им так, как хотела. Сейчас я жалею, что согласилась смотреть в это проклятое зеркало! Насколько проще было бы жить, не зная, что тебе предстоит умереть. Да еще в таком мерзком платье!

С платьем она провозилась довольно долго. В корсаж были вшиты деревянные реечки, чтобы королевская спина всегда была прямой, но Эмер они только мешали — она не могла расправить плечи так, как привыкла.

— Хотя, это к лучшему, — сказала она платью, завязывая ленты на воротах. — Мы

столько пережили, а он так и не признался, что любит меня. Я была откровенна до доньшка, а он... Значит, не любит. И зачем тогда?

Она повернулась к зеркалу, и остановилась, как вкопанная. Потому что возле зеркала открылась потаенная дверца, и возле нее стоял Годрик в образе Ларгеля.

— Зачем ты здесь?! Что слышал? — накинулась на него Эмер, пытаюсь сообразить, давно ли он здесь стоит и с какого момента был свидетелем ее беседы с платьем.

— Слышал достаточно, чтобы оценить вашу преданность, графиня Поэль, — ответил он.

— Ваше Преосвященство! — Эмер поняла, что обозналась, приняв за мужа настоящего епископа.

— Вы ожидали своего мужа? — спросил епископ. — Он там, за дверью, с лордом Саби. А я решил проверить потаенный ход и не жалею. Столько интересного, порой, узнаешь. Значит, все дело в предсказании? И вы готовитесь умереть смиренно, как божья овечка, только потому, что Фламбар — этот молодой осел — никак не догадается наврать вам ласковых слов, да побольше? Какая глупая самоотверженность.

— Не ваше дело, — ответила Эмер мрачно. — Чем читать нотации, лучше бы за собой смотрели. Разве это достойно священнослужителя и мужчины — лазать по норам, как крыса, вынюхивать и следить за чужими женами?

— Я не вынюхивал, — сказал Ларгель почти дружелюбно. — И то, как вы решили распорядиться своей жизнью — меня не касается. Скажу только, что я не верю в предсказания. Ни на мизинец не верю. Но я вам не нянька, чтобы учить. Пришел благословить вас, только и всего.

И прежде, чем она успела возразить, положил руку ей на макушку и сказал, глядя ей в глаза:

— Да защитят вас небеса, и согреет душу яркое пламя, — а потом легко коснулся указательным пальцем груди Эмер, между ключицами, нечаянно затронув золотую восточную монету на шнурке, спрятанную под рубашкой. — Всё, благословение вы получили. Теперь можете идти и умирать спокойно.

— Вы очень добры, епископ, — сказала Эмер, когда за ним закрылась дверь потаенного хода.

Глава 34 (последняя)

В это утро Ее Величество вопреки обыкновению не пожелала идти в церковь к утренней службе, а заявила, что желает поговорить с мужем.

— Передайте Его Величеству, что я буду ждать в тронном зале, — голос королевы едва заметно дрогнул, и леди Бертрис поняла, что супругам предстоит не очень приятная беседа.

Были отправлены посланцы к слугам короля, те довели просьбу Ее Величества до слуха Его Величества, и тем же самым способом, через весьма продолжительное время, согласие на беседу достигло королевы.

— Мы с мужем будем разговаривать о кое-чем важном, — сказала королева, обращаясь ко всем придворным дамам, сопровождавшим ее, и ни к кому одновременно. — Это важно. Это очень-очень важно.

Придворные дамы переглянулись, крайне заинтригованные, но покамест следовало попридержать язычки.

Королева задумчиво шла по коридору, и подол ее пурпурного платья шуршал по каменным плитам, навевая воспоминания об осени и мелком дожде, крадущемся по опавшим листьям, а благородные дамы следовали за ней, умирая от нетерпенья узнать — о чем же таком важном пойдет речь.

Входя в тронный зал, Ее Величество на мгновение промедлила, словно боялась ступить на великолепную черно-белую напольную мозаику. Но потом поставила башмачок на голову пучеглазому осьминогу и прошествовала к трону, но не села, а осталась стоять.

Король не заставил себя долго ждать, и явился в сопровождении камердинера и целой армии слуг, которые тащили притирания, нюхательные соли, жаровню с углями и теплый сидр на травах.

— Зачем вы позвали нас? — король сел на трон, избегая смотреть на жену.

— Выйдите все, — сказала королева. — Я хочу поговорить с мужем.

Придворные не посмели послушаться, и даже свита короля попыталась к выходу, потому что такое явное нарушение придворных правил, когда королева сказала о себе «я», а не «мы» и назвала Его Величество просто мужем — означало, что Ее Величество весьма раздражена, и прекословить ей неразумно, а то и опасно. Стоило лишь вспомнить историю злосчастной графини Поэль.

Королю об этом тоже было известно, и он устало вздохнул, чувствуя головокружение и слабость, и мечтая только о чае с лимонной вербеной и благословенном сне, который единственный приносил спасение от постоянной боли.

Когда последний придворный покинул зал, король спросил, с преувеличенным вниманием рассматривая хитросплетенье осьминогов, кальмаров и рыб на черно-белом мозаичном полу:

— Что случилось?

— Как вы себя чувствуете, Ваше Величество? — спросила королева необыкновенно сердечным тоном и в то же время серьезно.

Король удивленно взглянул на супругу. Он вдруг понял, что не помнит, когда встречался с ней наедине и вот так близко, как сейчас. Почти лицом к лицу. И теперь он рассматривал жену, как будто встретил после многолетней разлуки. Он нашел, что она похудела, и щеки

чуть запали, как бывает с людьми, которых гложут тайные тревоги. Серебра на висках прибавилось, а прядь надо лбом стала совершенно белой.

— Вы подняли меня в такую рань, чтобы расспросить о здоровье? — спросил он. — Это шутка? Или издевка?

— Почему вам кажется странным, если жена спрашивает о здоровье мужа? — участливо произнесла королева, чем повергла короля в еще большее изумление.

— Раньше вы не проявляли ко мне такого внимания.

— Раньше я боялась.

— Боялись? Чего же?

— Что вы хотите меня убить.

— Убить?! Что за безумные мысли!

— Безумные, — согласилась королева. — Но их мне внушили вы.

— Я?!

— Своим поведением... своим отношением.

Королева взяла со стола серебряный бокал и задумчиво постучала ногтем по краю, вслушиваясь в мелодичный звон.

— Вы заговариваетесь, Ваше Величество, сказал король решительно. — Я не сделал ничего, что могло бы привести вас к столь чудовищным выводам.

— Вы перестали трапезничать со мной.

На бледном лице короля проступил лихорадочный румянец — красные пятна на щеках, будто мазнули кармином.

— Вы видите, что я болен... Лекари советуют...

— Вы боитесь, что я отравлю вас, — сказала королева без обиняков.

— Что за безумие... — король закашлялся, прижимая ладонь ко рту.

— Выпейте, это смягчит боль в груди, — предложила ему бокал с вином королева.

— Благодарю, мне уже лучше, — король отвел ее руку, даже не взглянув на питье.

— Вы боитесь, — повторила Ее Величество. — Но ваш страх так же ложен, как и мой.

Король метнул в ее сторону испытующий взгляд из-под бровей.

— Мы оба виноваты, что так получилось, — продолжала королева, все еще протягивая бокал. — Мы поверили клеветникам, отделились друг от друга. А всего-то и требовалось сказать: «Я люблю тебя, я всегда буду рядом, что бы ни случилось». Неужели это так сложно?

— Вы как-то странно заговорили. Совсем не по-королевски.

— Прежде, чем королева, я — женщина. Ваша жена. Мать вашего ребенка. Мне жаль, что вы забыли об этом.

— Но и вы не говорили мне о любви, — в голосе короля не было ни капли дружелюбия или сердечности. — Признаться, я серьезно сомневаюсь в искренности ваших чувств.

— А ваши чувства ко мне искренны? — спросила королева. — Изменились ли они со времени свадьбы?

— Нет.

Королева подождала, не скажет ли он чего-нибудь еще, но король молчал.

— Вы ведь любите меня, Ваше Величество? — спросила она совсем по-детски.

— Да, — ответил он. Было видно, что признание далось ему с трудом.

— Тогда выпейте, — королева снова протянула ему бокал. — Даже если там яд, то не лучше ли умереть из-за того, кого любите? Не лучше ли разом разрубить узел, а не тянуть его

по ниточке? К чему вам умирать медленно, чтобы сердце точили не только болезнь, но и сомнения, которые сжирают душу, как трупные черви мертвеца? Вы ведь не мертвец, Ваше Величество. Пейте! Узнайте правду! — королева почти выкрикнула последние слова.

Король выхватил бокал и несколькими глотками опустошил его до половины.

Прошла секунда, другая, прошла минута, а супруги молчали и лишь смотрели друг на друга.

Первой опомнилась королева.

— Вы живы, не так ли? — спросила она, забирая бокал и допивая остальное.

Щеки ее разругались, и глаза заблестели.

— Забористое вино, — сказала она, постукав себя ладонью по груди. — Пробрало до печенок... О! Простите, Ваше Величество!

— Что это было — только что? — спросил король.

— Какая разница? — ответила королева, примеряясь усесться на трон.

Потом она передумала и села на верхнюю ступеньку, у ног короля, чем привела его в замешательство окончательно. Бокал она поставила рядом, еще раз стукнув ногтем по краю. — Самое главное — вы живы. И если подумаете здраво, то поймете, что королева могла бы отравить вас в любой момент. Вы доверчивы, как ребенок. И благородны, конечно. Поэтому и поверили злобным наветам.

Она вдруг икнула и застеснялась, прикрывшись рукавом.

— Сегодня вы совсем другая, — только и выговорил король.

— Сегодня момент истины, — призналась королева. — Сегодня все тайны должны быть раскрыты, а злодей должен получить по заслугам.

— Злодей?

— Он самый. Тот, который смог поссорить нас, пользуясь вашей доверчивостью и моим недоверием. И у него это преотлично получилось, признайте же! — королева толкнула мужа плечом в колено. — Он страшно хитрый, но не особенно умный. Нет-нет, совсем не умный. Хотя коварства ему не занимать... Коварства в нем хватит на десять старых теток. Даже нет. На двадцать.

— Кто же он, этот ваш таинственный злодей? — спросил король, хмурясь. — Почему вы не называете имя? Вы не знаете, кто он?

— Знаю. Но не произношу умышленно.

— Почему же? Что за непонятные тайны?

— На это есть свои причины. Проявите немного терпения, Ваше Величество.

Где-то коротко пропел охотничий рог. Королева встрепенулась и нервно пригладила волосы.

— Сейчас он войдет в эту дверь, — сказала она, вскакивая. — Сейчас...

— Никто не осмелится потревожить нас, пока мы беседуем, — возразил король.

Но опровергая его слова, двери тронного зала распахнулись.

В сопровождении десяти гвардейцев, Тилвина и епископа Ларгеля, в зал вошел лорд Бритмар. Он был одет в простой черный квестот, расшитый серебряной нитью, как и сопровождавшие его, но на плечи была наброшена пурпурная мантия, отороченная хвостами горносталя.

На мгновение король потерял дар речи, а потом произнес:

— Зачем ты здесь, Бритмар?

Его голос отозвался эхом под сводами зала, но эхо вышло слабым и затихло на втором

«...мар».

— Происходит смена власти, Адельгерд! — веско и громко сказал герцог, и эхо пятикратно повторило его «...герд».

— Смена власти? О чем ты толкуешь! Епископ? — король обратился к Ларгелю Азо, но тот стоял неподвижно, сложив на груди руки.

— Для чего спрашиваете, Ваше Величество? — сказала королева насмешливо. — Разве не понятно, что ваш младший брат решил презреть законы и земные и небесные, и потрясти Эстландию страшным и кровавым преступлением. Вот он — тот, что имя вы хотели знать. Смотрите, уже вырядился в королевскую мантию. Не высоковат ли окажется для вас трон, Ваше Высочество?

— Решили поязвить напоследок, невестка? — милостиво спросил Бритмар, становясь перед тронем, широко расставив ноги и уперев кулаки в бедра. — Оставьте. Это вам не идет. Лучше потрудитесь спуститься и дать дорогу истинному королю.

— Так ты пришел, чтобы занять мое место? — король не мог поверить в то, что видели его глаза и слышали уши.

— Пришел, чтобы занять свое место, — поправил его Бритмар. — Все кончено, Ваши Величества. Снимите короны. Я разрешаю вам отречься от престола. Пусть это будет вашим последним королевским решением.

— Негодяй и мятежник! — воскликнул король и закашлялся, согнувшись пополам.

— Береги силы, — посоветовал герцог.

— Нас отправят в изгнание? — спросила Её Величество.

Лорд Бритмар посмотрел на нее, сочувственно качая головой:

— Никакого изгнания, милая невестка. Только смерть. Не имею ничего против вас, но по себе знаю, как опасно оставлять зверя за спиной. Пусть и посаженного в яму. А теперь, братец, спустись и передай мне корону. Я не требую поклона — можешь просто отдать.

— Не делайте этого, — сказала королева. — Нельзя отдавать без боя то, что положено вам по праву.

— Корону! — возвысил голос лорд Бритмар, и гвардейцы дружно, как один, вынули мечи, направив их на королевскую чету.

Поколебавшись, король снял золотой венец и бросил его к ногам брата. Тот проворно нагнулся, хватая вождеденный символ власти.

— Уберите его, — приказал герцог, указывая на короля.

Гвардейцы стащили бывшего правителя вниз и в сторону, открывая новому правителю дорогу к трону. Лорд Бритмар торжественно взошел по ступеням, сел на трон, расправив мантию, и медленно надел себе на голову корону, глядя поверх голов присутствующих, будто уже видел себя на церемонии коронации

— Шут в короне, — насмешливо заметила Ее Величество.

— Король Эстландии, Бритмар Первый! — объявил герцог. — Шутов я только что лишил власти.

— По древнему закону короли должны быть без телесной скверны. Как там учение восточного философа? — спросила королева, глядя брезгливо. — Форма всегда отражает содержание? Теперь я вижу, что философ был прав. Какой же вы король? Ваша душа также уродлива, как ваше тело. Не удивительно, что не нашлось ни одной женщины...

— Одна была! — перебил ее герцог-калека, бледнея от злобы.

— Польстилась на ваши титулы!

— Нет! Ей нравился я. И я хотел сделать ее королевой. А вы забрали ее у меня.

Королева смешалась, хотя и постаралась не подать виду.

— Забрала? — небрежно переспросила она. — Да вы бредите, милорд.

— Эмер из Роренброка, — сказал герцог. — Она была достойна встать рядом со мной, и она желала этого. Вместо этого вы ее убили. Но я отомщу за ее смерть.

— Ты лжешь! — вспыхнула королева.

— Вы ее убили, и я отомщу, — повторил лорд Бритмар.

— Позвольте, я сделаю это, — сказал Тилвин холодно, выступая вперед. — Королева задолжала и мне за эту смерть.

— Молчи! — одернул его лорд Бритмар. — Твои слова ничего не стоят, как и клятвы. Хвалился скалами, а оказался легковесен, как ветер. Будь я там, не позволил бы ей умереть.

Тилвин отступил с поклоном, а лорд Бритмар вынул из ножен длинный кинжал. Лезвие было трехгранным и тонким, как игла.

— Вы умрете здесь, — сказал он, спускаясь от трона. Мантия скользила следом за ним, словно по ступеням стекал огромный сгусток запекшейся крови. — И умрете вы от моей руки. Это будет справедливо.

Королева усмехнулась и с потрясающим самообладанием подбоченилась, отставив ногу.

— Говорите, я приговорила ее? Да девица сама пожелала умереть, лишь бы не достаться ему, — она кивнула в сторону Тилвина.

— Пустая болтовня, — Бритмар шагнул вперед, неловко качнувшись на кривых коротких ногах, как вдруг король стремительно встал перед королевой, заслонив ее.

— Тебе придется сначала убить меня, братец, — сказал он грозно. — А это не такое легкое дело, как воевать с женщиной.

— Ваше Величество! — ахнула королева, вцепившись ему в локоть.

Лорд Бритмар пренебрежительно скривил губы:

— Большой брат все еще воображает себя старшим и знающим истину? Теперь ты не могучий воитель Адельгерд, теперь ты — больной старик, которому осталось жить не больше года.

— Как точно ты определил время — не больше года! А откуда знаешь, мерзавец? — королева отбросила придворную куртуазность. — Не ты ли сам травмишь брата, и обвиняешь в этом невестку?

— Да вы умнеете, дорогая Элеонора, — с издевкой заметил лорд Бритмар. — Не прошло и полгода, как прозрели.

— Всегда знал, что ты не виновата, — сказал король, сжимая руку жены. Он заметно пошатывался, но Её Величество с неженской силой подставила супругу плечо.

— Хватит нежностей, — прервал их лорд Бритмар, отводя руку для удара.

Королева вдруг метко и сильно ударила его в скулу. Герцог едва удержался на ногах, а кинжал покатился по полу, подпрыгивая на мозаичных плитах. В тот же миг из-за трона появилась согбенная фигура лорда Саби, а за ним — еще десяток гвардейцев, все с мечами наголо. Гвардейцы из сопровождения епископа ловко обезоружили пятерых своих товарищей и взяли в кольцо их и Тилвина, перекрыв дорогу к выходу из тронного зала.

Но больше, чем это неожиданное появление, герцога Бритмара поразило совсем иное.

Лицо королевы вдруг поблекло и начало неуловимо меняться. И сама королева вдруг оказалась выше ростом, а пурпурное платье словно съежилось по мановению волшебного посоха — рукава и подол стали до смешного короткими. Черные пряди надо лбом

посветлели и порыжели.

— Кто это? — произнес лорд Бритмар, и голос его дрогнул.

— Графиня Поэль, — сказала бывшая королева. — Разве она слишком изменилась? Ваша любовь, которую вы так горько оплакивали?

— Что происходит? — запоздалым эхом произнес король. — Где моя жена?

— Мы здесь, — раздалось из-за трона, и в низкую дверь, искусно спрятанную в каменной стене, вслед за Саби и гвардейцами вошла Ее Величество.

— Вы рано появились, — сказала лже-королева, с облегчением стаскивая с головы корону. — Заберите вашу побрякушку, она давит лоб немилосердно.

— Но это... это... ловушка! — прохрипел герцог. — Вы загнали меня в ловушку!

— Ты сам загнал себя в неё, предатель, — сказал епископ. — Взять его!

Гвардейцы, прибывшие с епископом, встали кольцом вокруг герцога, один из них обыскал его одежду, проверяя, нет ли спрятанного оружия.

Сам епископ обезоружил Тилвина Тюдду прежде, чем тот пришел в себя от неожиданного воскрешения.

— Зачем вы это затеяли? — спросил тем временем король, обнимая королеву за талию. — Что за игры с переодеванием и магией?

— Простите, у нас не было выбора, — призналась Ее Величество. — Вы были так предвзяты к нам. Поверили бы, начни мы рассказ, что ваш младший брат против нас умышляет?

— Сейчас мне кажется, что я поверил бы любому вашему слову, Нора, — сказал король, и его супруга покраснела, как девчонка.

— Все кончено, милорды и леди, — проворковал лорд Саби, пробираясь между гвардейцами. — Осталось лишь одно, совсем маленькое дельце... — он схватил Тилвина за шею, заглянул в глаза, и тот вскрикнул, отшатываясь. — Вот и все, больше никакого дара, сэр Тюдда. Слишком много зла вы с ним натворили. Мне искренне жаль. Такие таланты — и ради чего все погублено?..

Один из рыцарей хотел снять корону с головы герцога, но тот посмотрел на него так властно, что гвардеец отступил.

— Значит, и вы предали меня, сэр святоша? — спросил лорд Бритмар Ларгеля Азо.

— Я называю это верностью, а не предательством, — ответил епископ.

— Какие странные слова для Вашего Преосвященства... — герцог прищурился и хмыкнул. — Клянусь всеми демонами преисподней, вы не Азо. Вы — Фламбар! Решили на пару с рыжей графиней бросить вызов мятежникам? Я вас недооценил. А что вы сделали с настоящим епископом?

— Он остался у главных ворот, — сказал Годрик в образе епископа, пока его люди связывали Тилвина и гвардейцев-мятежников. — На случай, если ваши сторонники осмелятся выступить против короны. Или вы вздумаете бежать.

— Бежать? — усмехнулся лорд Бритмар. — На кривых ногах быстро не побегаешь. Выходит, он все-таки предатель, этот Азо. И выходит, что я проиграл. Жаль. Обидно проиграть, когда победа была столь близко...

— Смирись, — сказала Эмер презрительно. — Изгнание — не самая страшная кара за ваши преступления. А вот для него, — она указала пальцем на Тилвина, — лучше смерти ничего не придумаешь.

— Мы согласны, — поддержала королева.

— Думаю, судьбу сэра Тюдды следует решить милорду Фламбару, — тихо сказал лорд Саби, но все его услышали. — Он и его семейство больше всего пострадали от преступлений, что совершил сэр Тюдда. Так будет справедливо.

— Справедливо, — тут же согласился король. — Решайте, Фламбар!

Эмер выразительно посмотрела на Годрика, но тот глядел не на нее, а на брата.

— Прошу сохранить ему жизнь, — сказал он, и Эмер возмущенно пристукнула кулаком о ладонь.

— В своем ли ты уме?! — воскликнула она. — Казнить его! Только казнить!

— Не слишком ли вы мягкосердечны? — промурлыкал лорд Саби.

Тилвин хмыкнул и лягнул гвардейца, который хотел поставить его на колени.

— Он мой брат, — сказал Годрик медленно. — И он еще может покаяться. И обрести спасение.

— Безнадежный дурак, — проворчала Эмер.

— А я вижу в этом истинное благородство, — согласилась с племянником королева, хотя мгновение назад говорила совсем иное.

— А я — ненавижу твое благородство, — сказал Тилвин, глядя на Годрика с ненавистью. — И обязательно отомщу.

Его увели, а он грязно бранился.

— Не человек, а одна лишь ложь, — сказала Эмер в сердцах.

Герцог Бритмар, который так и не снял короны, тут же произнес:

— Но и вы лгали мне. А я поверил, что дорог.

— Настолько поверили, что решили опозорить моего мужа? А потом пальцем не пошевелили, когда сумасшедший кузен пытался убить его? Странно выражаете нежные чувства, милорд, — Эмер подошла к брату короля почти вплотную, и гвардейцы почтительно расступились перед ней. — Если я и испытывала к вам приязнь, как к увечному человеку, то теперь не испытываю ничего, кроме ненависти. Вы никогда не получили бы меня, будь хоть трижды королем.

— Верно, теперь я в этом окончательно убедился, — Бритмар оглядел присутствующих, и взгляд его остановился на Годрике. — Значит вы, лорд Медведь, станете обладателем этого сокровища?

— Эмер — не вещь, — возразил Годрик. — И только ей решать, кого одарить своей любовью. По-моему, она выбрала меня. А ты лучше отойди от него, — последние слова предназначались Эмер. — Мало ли...

— Это конец, братец, — сказал король.

— Уже почти конец, — герцог странно улыбнулся. — Как удивительно, графиня Поэль... Я был убит горем, узнав о вашей смерти. А когда узнал, что вы живы — не очень-то и обрадовался... — вдруг совершил молниеносный выпад, и Эмер вскрикнула, пошатнувшись.

— Вот теперь — конец, — сказал Бритмар, бросая кинжал с коротким и широким лезвием, который он до поры прятал за зарукавьем.

Прежде чем сталь звякнула, падая на пол, Годрик преодолел расстояние, разделявшее его и герцога, одним прыжком. От удара в основание челюсти лорд Бритмар пролетел несколько ярдов, упал на спину и замер без движения. Годрик бросился к Эмер, которая оседала на пол, прижимая ладонь к груди. На пурпурной ткани кровь не была видна, но пальцы сразу окрасились красным. Несколько капель упало в разинутую пасть огромного

мозаичного лосося.

Схватив жену в объятия, Годрик опустился на колени, устраивая Эмер поудобнее.

— Карлик паршивый, — пожаловалась Эмер, — маленький, а ударил сильно... Болит теперь...

— Сейчас приведут лекаря, он поможет, — говорил Годрик, мало что замечая, кроме окровавленной руки и бледности, что разливалась по лицу Эмер. — Лекарь! — он беспокойно оглянулся. — Где лекарь?!

Все словно очнулись от зачарованного сна. Кто-то выбежал из зала, кто-то принес воды и корзину. Кто-то склонился над герцогом и в ужасе сообщил, что лорд Бритмар мертв.

Король долго смотрел на бездыханного герцога, а потом сказал:

— Что ж, по крайней мере, он умер, как и мечтал — в королевской короне. Хоть он и оказался настоящим подлецом, он — мой брат, мне жаль его.

Королева погладила мужа по плечу.

Но большинство были заняты графиней Поэль. Они толпились вокруг, так что Эмер взмолилась, теребя Годрика за ворот квестота:

— Скажи пусть разойдутся... Дышать нечем...

— Отойдите все! — крикнул Годрик, и присутствующие послушно отступили.

— Сейчас придет лекарь, — повторял Годрик, как заклинание, — он поможет.

— Нет, не поможет... — голос Эмер звучал все тише и тише. — Пророчество сбылось...

Пурпурное платье, тронный зал... и я умираю.

— Ты не умрешь, — возразил он.

— Зеркало Айфы не ошиблось...

— Какое зеркало? Ты бредишь.

— Но это к лучшему, — Эмер дышала короткими вздохами, каждый раз морщась от боли. — Зачем жена, которую не любишь? Мне лучше уйти.

— Глупая женщина, — прошептал Годрик, — я не разрешал тебе оставлять меня.

— Увы, небеса уже зовут... Я знала, что так будет... И согласилась с этим... Будь счастлив без меня, — она нашла в себе силы улыбнуться мужу. — Найди ту, которую полюбишь, и которой не побоишься в этом признаться.

Голова ее бессильно поникла, глаза закрылись, рука, запачканная кровью, соскользнула на пол.

Королева всхлипнула и приникла к мужу, а король крепко обнял жену. Лицо у него было печальным.

— Где лекарь?! — крикнул Годрик, дико оглядываясь, а потом снова склонился над Эмер, призывая вернуться: — Не оставляй меня, слышишь?

Но Эмер повисла на его руках, как тряпичная кукла. Годрик встряхнул ее сильно и безжалостно, а потом еще раз и еще, выкрикивая ее имя.

Королева подошла к племяннику и коснулась его плеча:

— Не тревожь девушку, она умерла...

— Нет, она не может умереть, — свирепо ответил Годрик. — Только не Эмер!

— Ах, как печально, — сказала королева и залилась слезами, жалуясь мужу: — Сердце разрывается... Как печально все для них закончилось. А она так нам нравилась, эта рыжая девушка... Она была так предана нам... Настоящая героиня. Мы прикажем, чтобы ее похоронили в королевской усыпальнице. Все-таки, она была женой нашего племянника...

Годрик не заметил слез венценосной тетушки и не слышал ее речей. Для него весь мир

сосредоточился на женщине, которая всегда принадлежала ему, и вдруг решила его покинуть.

— Эмер, Эмер, — звал он, оглаживая рыжие кудри и побелевшие щеки, — вернись ко мне, не уходи. Никакой другой, только ты... Я никогда больше не стану тебя обижать, ни словом, ни делом, и буду каждый день признаваться в любви, как ты хотела... хочешь... Потому что и правда люблю тебя всей душой, до помрачения рассудка... Слышишь? Люблю!

Придворные дамы, запоздало вбежавшие в зал, зарыдали, наблюдая эту душераздирающую сцену.

— Теперь только попробуй отказаться от своих слов! — сказала вдруг Эмер, открывая глаза.

— Живая?! — взвизгнула королева.

— Что со мной сделается? — проворчала Эмер. — Помоги подняться, Годрик. Пол холодный, я продрогла до костей.

— Как?.. — только и смог произнести он.

Эмер сунула руку за ворот платья и вытащила золотую восточную монету на кожаном шнурке. Кинжал вошел в самую середину, и крепкий сплав неизвестного металла с золотом выдержал удар. Монета чуть погнулась, но не пропустило клинок дальше, чем на полпальца. Рана оказалась неглубокой, хотя кровь шла обильно.

Годрик коснулся монеты кончиками пальцев и отдернул руку, словно обжегся.

— Откуда это у тебя?

— Плата за моего раздавленного таракана в Нижнем Городе. Не припоминаешь этого негодника?..

Королева вздрогнула, когда ее племянник расхохотался и смеялся до слез, утирая глаза.

— Видимо, потрясение оказалось для него слишком сильным... — начала объяснять Её Величество мужу.

— Раздавленный таракан! Я должен был догадаться! — отсмеявшись, Годрик поймал жену за подбородок и крепко поцеловал прямо в губы.

Но она вырвалась и ткнула его в живот. Несильно, но дыхание у Годрика пресеклось, а в глазах на мгновение потемнело.

— Теперь не скажешь, что я не умею притворяться, — сказала строго Эмер и передразнила мужа: — Я буду каждый день признаваться в любви! Попробуй только забыть об этом.

— Яркое пламя! — сказал Годрик полушутливо, прикладывая ладонь к сердцу и возводя взгляд к небесам. — И за что мне такое наказание?

— Я — наказание?! — возмутилась Эмер и полезла с кулаками. — Да у меня терпение, как у голубки! Хотя сто раз уже достало расквасить тебе нос! Ты почему прекратил звать лекаря? А вдруг на кинжале яд?!

— Разве есть такой яд, который одолеет Эмер из Роренброка? — смеясь спросил Годрик, подхватывая жену на руки.

— Есть такая зараза, — со вздохом ответила она, обнимая его за шею и укладывая голову ему на плечо, — под именем милорд Годрик Фламбар, Даремский.

— С этой девчонкой не соскучишься, — сказала королева, увлекая мужа к выходу. — Пойдемте, дорогой, они разберутся и без нас.

А лорд Саби бесшумно затворил потайную дверь и удалился, никем не замеченный.

Судьба многих героев этой истории стала знаменательной. Летописцы прозвали брата короля, милорда Бритмара — Бритмаром Коварным, и объявили его «гнуснейшим жителем Эстландии, когда-либо появлявшемся на свет». После удара Годрика он выжил, был осужден королевским судом и отправлен в вечное изгнание на далекий остров в Северном море, где жил в каменном доме, под усиленной охраной верных королеве гвардейцев.

На другой остров, не менее дальний, но без каменного дома, а с монастырем, был сослан Тилвин Тюдда, лишенный рыцарского звания за предательство. Спустя три года он исчез в одну из грозовых ночей, которые так часто случаются в Северном море. О его смерти много говорили. Кто-то считал, что предателя порывом ветра сдуло с монастырской стены, он разбился о скалы, а волны слизнули его, утащив в глубину. И что теперь душе его нет покоя, потому что он не удостоился честного погребения, а вынужден скитаться по дну морскому, служа пищей рыбам и прочим водяным гадам. Кто-то был уверен, что Тюдда воспользовался темнотой и штормом, чтобы сбежать из заточения, и теперь скрывается где-то на юге, вынашивая планы мести.

Острюд Фламбар долго не могла утешиться, и оплакивала свою несостоявшуюся любовь горькими слезами. Впрочем, не одна она оплакивала судьбу Тюдды. Многие девицы считали, что он был осужден несправедливо, и винили во всем графиню Поэль. Винили тайно, не смея сказать открыто дурные слова о любимице королевы и простого народа.

Что касается Эмер, ее не терзали угрызения совести за позор и наказание Тилвина. Жизненным девизом графини Поэль были «Верность и честь», и предательство — каким бы ни были его причины — по ее убеждению прощения не заслуживало.

Второй свадебный пир графини Поэль вошел в историю Эстландии, как Пир Стэ Бардов. Говорили, что на нем присутствовали ровно сто поэтов и музыкантов. Разумеется, их было не сто, и даже не пятьдесят, но тридцать бардов точно пели баллады в честь жениха, невесты и счастливого воссоединения королевской четы.

Королева и король тоже присутствовали на празднике и преподнесли новобрачным роскошный подарок — позолоченную колыбель. Для будущего наследника рода Фламбаров. Судачили, что невеста была уже в тягости, хотя буйный нрав Эмер из Роренброка предполагаемая беременность ничуть не изменила.

На свадебное торжество она заявила в котте, скроенной на манер мужской, с эмблемой на груди в виде скрещенных меча и сковородки на изумрудном фоне. К удивлению гостей, перед началом брачного обряда Его Величество прилюдно даровал графине Поэль рыцарский титул, она преклонила колени и получила удар мечом плашмя по плечу, как и положено заправскому воину.

Впрочем, это была не единственная удивительная история, которую рассказывали об Эмер из Роренброка.

Самым удивительным оказалось то, что у четы Фламбаров и вправду родилось шесть детей, как загадывал когда-то Годрик в доме тайного лорда. Все шестеро — рыжие и кудрявые, в мать. И все шестеро — девочки.

Порой это весьма удручало отца семейства. Но он не оставлял надежды обзавестись

наследником и — во славу Эстландии — усердно трудился в алькове, чему Эмер была несказанно рада, хотя и предпочитала ворчать, что некоторым следовало проявлять больше прыти, пока она была молода и резва.

Достопочтенная леди Фледа оказалась бабушкой не только внучек, но и внуков, потому что Остриуд все же вышла замуж и родила супругу двух сыновей. Если образ Тилвина Тюдды и продолжал жить в ее мыслях, то она ничем этого не выказывала и была предана мужу — молодому и очень бравому рыцарю.

Лорд Ишем стал самым богатым лордом Эстландии, благодаря умело организованной торговле с заморскими странами, и два его наследника готовились пойти по стопам отца, корпя над фолиантами и заучивая наизусть слова древнего, давно мертвого языка, на котором были написаны почти все умные книги об искусстве торговли и политике. Леди Сесилия дважды в год навещала Эмер, привозя в Дарем сыновей. Сюда же приезжали сыновья леди Остриуд. И девочки Фламбар с удовольствием помыкали и теми, и другими, устраивая каверзы и шалости ежечасно. Иногда доведенные до отчаянья будущие рыцари бессовестно жаловались родителям на притеснения и обиды, и леди Остриуд клялась никогда больше не возвращаться в Дарем, где все переняли вилланские замашки хозяйки, а леди Сесилия, напротив, строго отчитывал жалобщиков, считая, что тем, кто готовит себя к постоянным схваткам в торговле и политике, необходимо с юности учиться разгадывать интриги противников, а не бежать с воплями о помощи при первой же трудности.

Их Величества примирились, и взаимная любовь и доверие озарили, наконец, короны Эстландии. Жаль лишь, что яд сделал свое дело. Здоровье короля было подорвано, и он медленно угасал. Лучшие лекари тщетно пытались распознать и нейтрализовать яд, но не справились с этой восточной загадкой, а брат короля намертво молчал о составе отравы. Их Величества проявили завидную стойкость перед лицом обрушившегося на них несчастья. Король поспешил составить завещание, в котором назначал королеву регентшей при малолетнем сыне, и сказал, что тихо умирать рядом с заботливой женой и подрастающим наследником — это не самая страшная смерть, а, скорее, милость яркого пламени.

Отдельных слов заслуживает мастер Брюн, бесстрашный помощник главного повара из Дарема. Со временем он сменил своего предшественника, и стал самым важным поваром во всем королевстве. Поучиться кулинарному мастерству к нему приезжали со всех графств и областей, и он охотно делился своим умением, а также рассказывал занимательные истории о том, как один обезвредил целый гарнизон предателей, орудуя лишь сковородкой. Эту самую сковородку он показывал всякому, кто его слушал, она висела на видном месте в его комнате. Но если кто-то спрашивал, что за скалка висит рядом со сковородой, мастер Брюн краснел, кашлял в кулак и сразу же вспоминал, что в кухне его ждут тысячи неотложных дел.

Лорд Саби по-прежнему служит короне, и методы его служения не изменились. Он плодит своих шпионов и вычисляет чужих, плетет интриги и их отражает, и несмотря на преклонный возраст по-прежнему проявляет недюжинную ясность ума. Только одно огорчает его — что епископ Ларгель, отказался становиться его преемником и удалился на запад Эстландии, где стал настоятелем крохотного прихода в Вудшире. Там не было упырей и колдуний, и три года епископ спокойно руководил паствой. В один прекрасный день он выехал в столицу вместе с учеником и исчез. Кто знает, куда завели его беспокойные жизненные тропы? Может, он отправился на край света исполнять очередную миссию по спасению мира от нечисти, а может, повстречал упыря или колдуна, превосходивших его по силе, и был бесславно убит.

Но Эмер из Роренброка, графиня Поэль, супруга милорда Фламбара, которую почему-то чрезвычайно занимала судьба епископа, всякий раз, когда кто-либо упоминал имя Ларгеля Азо, начинала напевать под нос старинную вудширскую песню:

«Если в Вудшире нет могильной плиты с моим именем,
То смерть еще не настигла меня».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От автора

Милые читательницы!

Похождения Эмер из Роренброка подошли к концу. Я долго придумывал этот роман, еще дольше его писал и безмерно благодарен вам за терпение (которое вы проявили ко мне, ленивому), за участие и помощь.

Огромная благодарность всем читательницам и паре читателей, забредших на огонек. Спасибо за поддержку, за колкости, за равнодушие, за позитив и прекрасное настроение!

Благодарю лично **Галину Узунову**, которая подсказала мне идею сквородки-меча, и **Ангелину Аллен**, которая оказалась вылитой Эмер (по духу), и у которой я позаимствовал множество прекрасных и забавных изречений, вложив их в уста главной героини. Благодарю **Танюшу Андрееву** за моральную поддержку и доброе участие, и великолепную **Маргариту Яковенко**, без чьих советов «Сквородка» не была бы закончена. Еще отдельная благодарность **Галине Бугаёвой** за титанический труд по вычитке романа, и **Наталье Сапунковой** за подсказки по историческим несоответствиям (да-да, я принципиальный в плане почти исторического соответствия:-D), и **Татьяне Бегоуловой (Дулеповой)**, которая была со мной с самого-самого начала романа и не оставляла до самого-самого конца. И **Людмиле Лебедевой**, которую я знаю в образе рыжей белочки, и которая намеренно или нечаянно всегда разгадывала мои сюжетные хитрости.

Надеюсь, «Война меча и сквородки» не станет моим единственным интересным для прочтения произведением, и те, кому по душе эстландский цикл и тайны семейства Роренброк, заинтересуются романом «Колдунья и палач» (где будет рассказана история старшей сестры — Айфы Демелза и Ларгеля Азо, то ли злодея, то ли святого), а те, кому нравится восточная экзотика и дерзкая, смелая героиня, с удовольствием почитают роман «Змей, красавица и танец» — о небесной танцовщице Анджали, которая не захотела становиться игрушкой в руках мужчин и решила бросить вызов судьбе.

Сразу предупрежу, что оба эти романа будут подписными, бесплатно я выложу, примерно, три четверти текста, чтобы читательницы могли определить — желают ли прочесть историю до конца. Данное решение принял вынуждено, потому что такова политика сайта — мне необходимы книги на платной подписке, чтобы попасть в рекламу.

Продолжение по подписным романам будет выкладываться раз в неделю, после того, как будут выложены по 150000 знаков текста, я определюсь, какую книгу допишу первой — ориентироваться стану на большую активность читателей (лайки, комментарии, количество библиотек и прочая). По окончании подписочных романов, они будут объявлены, как платные.

Еще раз благодарю за внимание и поддержку!

До новых встреч и интересных бесед!

